

**КОЛЬЦО
ОБРАТНОГО
ВРЕМЕНИ**

Сборник фантастики

ЛЕНИЗДАТ 1977

Составление и вступительная статья *Е. П. Брандиса* и *В. И. Дмитриевского*.

Сборник «Кольцо обратного времени» объединяет произведения в основном ленинградских авторов. В нем наравне с известными писателями — И. Варшавским, В. Шефнером, О. Ларионовой, А. Шалимовым — представлены молодые фантасты, делающие первые шаги в этом популярном жанре.

Открывает сборник роман С. Снегова «Кольцо обратного времени» — завершающая часть трилогии «Люди как боги».

Что такое научная фантастика и каково ее место в общем потоке советской литературы?

На эти вопросы пытались отвечать в своих книгах и теоретических статьях многие писатели и критики, проявляющие интерес к этому виду литературы. Авторы данной статьи также искали ответа на этот вопрос и находили его в собственном твердом убеждении, что научно-фантастическое произведение — будь то роман, повесть или рассказ, — написанное на достойном качественном уровне, неизбежно подчиняется основным законам, управляющим процессом создания полноценного прозаического сочинения. И таким образом, оказывается не одиноким узеньким ручейком, не вне, а внутри полноводного потока современной художественной прозы.

Именно такая точка зрения нашла полное подтверждение в выступлении главного редактора журнала «Вопросы литературы» В. М. Озерова на Всесоюзном совещании по приключенческой и научно-фантастической литературе, состоявшемся в Москве в январе 1975 года. Он заявил: «Она (т. е. научно-фантастическая литература — Е. Б., В. Д.) есть часть всей нашей литературы, играющей огромную роль в воспитании советского народа, в идеологической борьбе, которую мы ведем. И как часть советской литературы приключенческая и научно-фантастическая литература должна отвечать идейно-художественным требованиям, предъявляемым ко всей нашей литературе, требованиям партийности и высокой художественности».

При отборе материалов для очередного сборника, выпускаемого Лениздатом, мы стремились исходить именно из этого определения, ибо оно полностью соответствует и нашему представлению о месте и роли советской научной фантастики.

Настоящий сборник озаглавлен «Кольцо обратного времени» по одноименному роману Сергея Снегова. Это завершающая кни-

га трилогии «Люди как боги», две части которой публиковались в сборниках Лениздата¹.

Напомним, что автор этого эпического произведения смело назвал трилогию точно так же, как великий английский писатель Герберт Уэллс один из своих фантастических романов. В самом заглавии, избранном советским автором, содержится некая полемика с утопическими представлениями Уэллса. Если люди, попавшие через «четвертое измерение» на планету Утопия, не смогли найти общего языка с ее счастливыми и прекрасными, но равнодушными обитателями, то герои Снегова — земляне шестого столетия Коммунистической эры, постепенно проникая в глубь Галактики, вступают в равноправные дружеские отношения с высокоразвитыми инопланетными цивилизациями.

Колоссальные достижения науки и техники — освоение планет Солнечной системы, создание искусственных планет, выдвинутых в глубины космоса, звездолетов, устремляющихся со сверхсветовой скоростью в отдаленные области Млечного Пути, повседнежное использование прогнозирующих, планирующих, а также охраняющих от опрометчивых действий машин — всё это дается без всякого нажима на инженерные решения и технические подробности, как нечто само собой разумеющееся, как фон, неотъемлемый от условий существования человека будущего.

Важнее всего для Снегова — сам человек, его взаимоотношения с другими людьми, и всего человечества — с разумными существами иных звездных миров. Несмотря на мощнейший, почти непредставимый в наше время научно-технический потенциал Земли, люди сталкиваются с еще более продвинутыми в техническом отношении цивилизациями (разрушители, галакты, рамиры).

Противопоставив исходную идею романа привычным представлениям западных фантастов о враждебности землянам всего сущего в космосе, Снегов так формулирует непреложный этический закон, определяющий мысли, чувства, поведение наших далеких потомков: «Человек всему разумному и доброму во Вселенной — друг».

И это помогает после вынужденных войн с разрушителями (книга вторая — «Вторжение в Персей») превратить их в союзников.

И это помогает вывести «богоподобных» галактов из застывшего идеала «эгоистического счастья», стремления превратить «великолепное мгновение» в «великолепную вечность», побудить

¹ Книга первая «Люди как боги» (сб. «Эллинский секрет», 1966); книга вторая «Вторжение в Персей» (одноименный сборник, изданный в 1968 г.).

их склониться к другим идеалам — бесконечных исканий, созидания, творчества.

В «Кольце обратного времени» человечество, разрушители, которых люди называют теперь демиургами, и галакты образуют союз единомышленников и предпринимают попытку совместными усилиями проникнуть в ядро Галактики, чтобы обнаружить там сверхмогущественную цивилизацию таинственных рамиров и вступить с ними в контакт.

В этой книге читатели вновь встретятся с мудрым адмиралом Эли и его женой Мэри; с велеречивым знатоком древней истории и летописцем событий, связанных с вторжением в Персей, Павлом Ромеро; создателем причудливых живых существ знаменитым биоником Лусином; командирами звездолетов — Ольгой Круз, Камагиным и другими. На кораблях экспедиции к центру ядра вместе с ними находятся также знакомые читателям Орлан и Гиг из бывшей Империи разрушителей; изрядно постаревший, но не утративший своего воинственного пыла четырехкрылый ангел Труб, невозмутимый галакт Граций и даже принявший облик дракона всесильный Мозг Третьей планеты Персея, верный друг и соратник землян.

По мере приближения к центру ядра экспедиция обнаруживает все нарастающее противодействие неведомой могущественной силы и готова даже выступить на защиту гибнущей по воле этой цивилизации планеты Арании. Сталкиваясь с совершенно непонятными явлениями, противоречащими естественным законам природы — мгновенным уничтожением органической материи на черно-красной планете, запылением всех трех светил аранийской системы, выбросом из ядра целых звездных скоплений, — руководство экспедиции долго не может понять: чего же хотят рамиры? Эли и его спутники, убежденные, что высокий разум не может быть бессмысленно жестоким, продолжают надеяться на контакт, несмотря на то что та же непонятная сила выводит из строя мыслящие универсальные машины и аннигиляционные устройства звездолета, уничтожает в эскадре не только грузовые корабли, но и один из кораблей с экипажем, а затем, в самом центре ядра, заключает оставшиеся звездолеты в «кольцо обратного времени», в котором прошлое и будущее в постоянном повторении образуют замкнутую петлю.

Но когда Эли удастся понять, что всё происходящее направлено на спасение Галактики от энтропии, а сама экспедиция в этих космических катаклизмах — всего лишь несущаяся в пространстве пылинки, он обращается к неведомой мыслящей «космосфере» с призывом признать право биологического разума на свое особое предназначение во Вселенной. «Мой крохотный мозг, — говорит Эли, — способен образовать 10^{60} сочетаний — мно-

го больше, чем имеется материальных частиц и волн во всемирном космосе. И каждое сочетание — картина: явления, события, частицы, волны, сигналы. Всё, что способно образоваться во Вселенной, найдет отражение во мне, станет образным дубликатом реального объекта вне меня — станет малой частицей моего маленького «я». Я — зеркало мира, задумайтесь над этим».

И далее: «Мы, жизнь, пока крохотная сила во Вселенной, ничтожное поле среди тысяч иных полей. Но и единственно растущая сила, растущая, а не сохраняющаяся. Мы возникли на периферии Галактики и движемся к ее центру. Мы бурно расширяемся, быстро умножаемся. У нас иной масштаб времени, ваша секунда равноценна нашим тысячелетиям. Мы, жизнь, взрыв в косной материи! Вселенная заражена жизнью, Вселенная меняет свой облик! Говорю вам, мы будущее мира».

Трилогия «Люди как боги» заканчивается на высокой оптимистической ноте. Рамиры признают могущество человеческого разума и выпускают корабль из звездно-временного плена. В будущем — перспектива взаимопонимания всех без исключения форм мыслящей материи во Вселенной.

Некоторым критикам роман-эпопея Сергея Снегова представляется всего лишь советским вариантом «космической оперы». Не все воспринимают его иронический подтекст, как раз и направленный против шаблонных приемов этого жанра. Не все воспринимают и философскую глубину замысла, о которой можно судить даже по приведенным отрывкам. Однако роман привлекает читателя не только динамическим действием и неиссякаемой выдумкой, но прежде всего убедительно обрисованными индивидуальными характерами героев, ищущих, страдающих, любящих, не удовлетворенных достигнутым людей, которые не имеют ничего общего с «холодными ангелами» утопий.

В сборнике публикуются три повести: «Инспектор отдела полезных ископаемых» Ильи Варшавского, «Выход из одиночества» Галины Панизовской, «Честь имею представить — Анна Каренина» Дмитрия Романовского.

Повесть Варшавского — последнее из его завершенных крупных произведений. По существу, это блистательная пародия на литературные трафареты зарубежного детектива. Нечто подобное мы уже встречали в беззлобных остроумных рассказах Варшавского, пародирующих привычные приемы и повествовательную манеру Конан-Дойля и Жоржа Сименона. В юмористическом послесловии автор сообщает, что в данном случае ему хотелось «совместить все тенденции развития зарубежного детектива и фантастической повести». Надеемся, читатели с нами согласятся, что Илье Варшавскому удалось это в полной мере: его пародия на зарубежный детектив одновременно и увлекательная фан-

тастическая повесть с хитроумно закрученным парадоксальным сюжетом.

Галина Панизовская, по специальности инженер-радиоэлектроник, дебютировала в научной фантастике рассказами «Ошибки» («Молодой Ленинград», 1970) и «Моя Галатея» («Аврора», 1971, № 11). Эпиграфом к повести «Выход из одиночества» могли бы стать слова из романа Хемингуэя «Иметь и не иметь», произнесенные умирающим Гарри Морганом: «— Человек один не может. Нельзя теперь, чтобы человек один... Всё равно человек один не может ни черта...— Потребовалось немало времени, чтобы он выговорил это, и потребовалась вся его жизнь, чтобы он понял это».

Вся жизнь потребовалась гениальному ученому Норману ди Эвору, чтобы постигнуть ту же простую истину. Действие происходит в какой-то придуманной стране, похожей на некоторые государства Западной Европы или Латинской Америки, где власть узурпирована военной хунтой (в повести — кондой). Действуя через Жилия, назначенного ассистентом знаменитого профессора, конда стремится овладеть найденным в Королевском институте способом массового гипноза. Разумеется, власть имущие не гнушаются никакими средствами. Обложенный, как медведь в берлоге, задыхающийся в атмосфере клеветы, подкупов, лести, полицейского вмешательства, ди Эвор, пользуясь своей гипнотической силой, создает для себя воображаемый идеальный город, в котором проводит часть времени. И только одному Жилию благодаря врожденным телепатическим свойствам удастся проникать туда вслед за профессором. Однако иллюзорный мир Запесчанья оказывается роковой ошибкой его создателя, не сумевшего преодолеть даже в воображении тот самый ненавистный ему порядок вещей, от которого он пытался бежать. Действительность сильнее фантазии. И лишь ценою собственных заблуждений Норман приходит к непреложному выводу, что окружающий мир можно пересоздать не внутри себя и не для одного себя, а для всех людей путем революционных преобразований. И отсюда единственно возможное решение — Норман ди Эвор покидает Королевский институт и становится участником движения Сопротивления. Он обращается к своему ассистенту: «Теперь выбрасываю лозунг, присоединяйтесь, Жиль: „Если открытие опасно доверять правительству, меняй правительство!“»

Несмотря на то что Галина Панизовская вместе со своим героем моделирует романтический мир, чем-то напоминающий вымышленные города Александра Грина, центральные образы двух ученых — самого профессора и его ассистента — выписаны очень четко. Если Норман ди Эвор — тип первооткрывателя-разведчика, щедро отдающего новаторские идеи, тип жизнелюбца, не жела-

ющего замыкаться в четырех стенах лаборатории, пренебрегающего своей карьерой и громкой славой, то Жиль — всего лишь способный ученый, умеющий разрабатывать и систематизировать чужие идеи, человек, по-своему честный, но недостаточно решительный и мужественный, чтобы отказаться от завоеванного положения и встать вместе с ди Эвором на путь борьбы.

Мы с удовольствием представляем читателям и архитектора Дмитрия Романовского, отважившегося избрать героиней своей повести... Анну Каренину. В литературном дебюте молодого фантаста эксперимент с перенесением образа не существовавшей в действительности женщины в сознание нашей современницы — не просто художественный прием, позволяющий построить необыкновенный сюжет. Созданная воображением гениального писателя, Анна Каренина воспринимается читающими поколениями как сильный, цельный характер любящей и страдающей женщины, живущей в свое время и в своем социальном окружении, не менее реально, чем любой деятель прошлого, чья биография зафиксирована документами. Такова непреодолимая сила воздействия творений подлинного искусства! И вот когда Анна Купцова сознает себя Анной Карениной, попавшей в совершенно неведомый мир с непонятными для нее отношениями, она не только постепенно адаптируется в чуждых и непривычных условиях, но и судит поступки Анны Купцовой совестью Анны Карениной. Высокое нравственное начало, заложенное в душу героини Толстого, оказывается тем моральным критерием, который позволяет Купцовой — Карениной судить себя самым судом собственной совести. Анна Каренина очищает Анну Купцову, делает ее лучше, чем была она в своем прежнем облике.

Подлинное искусство воссоздает подлинную жизнь. Настоящий писатель вкладывает в героев свой ум и сердце, и герои становятся «настоящими людьми», переживающими своего создателя. Нравственная идея рассказа Ольги Ларионовой «Вернись за своим Стором» перекликается с повестью Дмитрия Романовского, хотя действие обращено к далекому будущему. Герой произведения Настоящего Писателя, одного из немногих, заслуживших это почетное звание, материализуется как «сценический биоробот», чье отличие от живого человека состоит только в том, что он «живет краткой, наперед заданной, но бурной и завидной жизнью». «Антропид без обратной связи», созданный по образу и подобию автора, он в свою очередь становится творцом и создает «своего Стора», не подозревая, что он, выдающийся физик и Настоящий Писатель Астор, — творение маститого физика и писателя Кастора.

Вымысел и воображение неотделимы от жизни, становятся

реальностью писательского бытия и не меньшей реальностью для тех, в чьем сознании живут воплощенные образы. Но стоит художнику покривить душой, ослабить чувство ответственности, как созданный им герой не сможет материализоваться и останется лишь героем книжным. Так Ольга Ларионова «материализует» метафору: искусство — продолжение жизни. Герои настоящих писателей не просто походят на людей. Они и есть настоящие люди.

Поэт Вадим Шефнер, чутко улавливая веяния времени, нередко в своей философской лирике обращается к фантастическим темам. В одной из статей нам уже приходилось упоминать его замечательное стихотворение «Фантастика», где так глубоко в афористической форме выражена непреложная связь фантастической литературы с действительностью:

Глядитесь в свое отраженье,
В неведомых дней водоем,
Фантастика — лишь продолженье
Того, что мы явью зовем.

На сердце планеты — тревога,
Прносятся войны, трубя,—
И сложные функции бога
Фантасты берут на себя.

Из глины сегодняшней лепят
Адама грядущих денниц,
И мира безгрешного лепет
Доносится с веших страниц.

И в своих прозаических произведениях Вадим Шефнер остается верен фантастике, хотя ее никак не назовешь научной. Это фантастика сказочная, в которой чудесное и несбыточное вырастает из самой действительности и вторгается в повседневный быт.

История горе-ученого в рассказе «Курфюрст Курляндии» сама по себе, конечно, абсурдна. Однако не более абсурдна, чем некоторые реальные эксперименты, начиная со злополучной истории создания вечного двигателя... Вадим Шефнер пишет сказки для взрослых. «Курфюрст Курляндии» — одна из тех сказок, которые читаются с улыбкой и наводят на серьезные размышления.

Александр Шалимов в рассказе «Эстафета поколений» отталкивается от рекламных сообщений американских газет о замораживании умерших людей в надежде на успехи медицины будущего, которая якобы сможет их оживить и вылечить. Писатель с присущим ему юмором показывает последствия этих опытов, доводя до гротеска результаты подобного оживления. Замысел вы-

ражен в самом заглавии. Воскрешенный из небытия гангстер с психологией убийцы и насильника — единственный из всех, кого удалось вернуть к полнокровной активной жизни, — вот подарок из XX века, доставшийся Академии холода...

Нет надобности вдаваться в разбор коротких рассказов, выполненных на достойном профессиональном уровне молодыми фантастами Ленинграда, уже известными читателям по другим публикациям в сборниках, альманахах и периодической прессе.

«Пограничник» Андрея Балабуха продолжает серию его романтических историй о первопроходцах дальнего космоса.

«Сердце плато» Феликса Суркиса — реалистический по манере написания рассказ о подвиге космонавта Логинава при исследовании планеты Ода.

Сатирическим рассказом, направленным против распространенных на Западе так называемых «черных антиутопий», представлен Александр Хлебников («Третья мировая война»).

Александр Щербаков, поэт-переводчик, автор серьезной социально-фантастической повести «Змий» (сборник «Незримый мост»), на этот раз выступил с юмористическим рассказом «Сервис», написанным с присущей Щербакову элегантностью.

С чувством большого удовлетворения нам хочется отметить приход в научную фантастику двух новых авторов — известного прозаика Бориса Никольского, предоставившего для сборника рассказ «Наездник», и ленинградского поэта Леонида Агеева, дебютирующего в прозе рассказом-шуткой «Анюта».

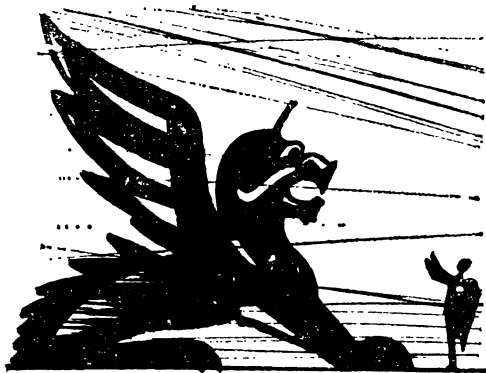
Таким образом, возобновляя нашу давнюю традицию, мы демонстрируем и в этом сборнике жанровое и тематическое многообразие современной научной фантастики и знакомим читателей с новыми писательскими именами.

*Евг. Брандис
Вл. Дмитриевский*

Сергей Снегов

ЛЮДИ КАК БОГИ

Роман

ТРЕТЬЯ
КНИГА

КОЛЬЦО
ОБРАТНОГО
ВРЕМЕНИ

Часть первая

Мученики звездной дисгармонии

Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя.
Не потому, чтоб я ее любил,
А потому, что я томлюсь с другим■

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа.
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

И н. Анненский ■

Вот ваш Лондон, леди. Узнаете?
Я его дарю вам. Это он
В каждом звуке, в каждом повороте,
В ускользающем водовороте
Сна, так непохожего на сон.

Вс. Рождественский

1

В тот день хлынул громкий дождь, это я хорошо помню. В управлении Земной Оси что-то разладилось: праздник Большой Летней Грозы планировался через неделю. А косые прутья дождя звучно секли окна, по

бульвару мчались пенистые потоки. Я бегом поднялся на веранду восьмидесятого этажа и с наслаждением подставил лицо незапрограммированному ливню. Я, конечно, мигом промок до нитки. И когда Мэри позвала меня, не откликнулся: я знал, что она сердится. Я и раньше не надевал плаща, выбегая на дождь, всегда это вызывало у нее недовольство. Она продолжала звать:

— Эли! Эли! Опускайся! Тебя вызывает Ромеро.

Когда Мэри упомянула Ромеро, я возвратился. Посреди комнаты стоял Павел. Это было, естественно, изображение, а не он, но стереопередачи теперь достигли такого совершенства, что во мне, во всяком случае, порождают впечатление телесного присутствия, мне всегда хочется пожать руку образу собеседника.

— Дорогой адмирал, плохие новости! — сказал Ромеро.

Я уже двадцать лет не адмирал, но иначе он меня по-прежнему не называет.

— Мы наконец разобрались в обстоятельствах гибели экспедиции наших друзей Аллана Круза и Леонида Мравы. Должен с сокрушением вас информировать, что первоначальная гипотеза случайной аварии опровергнута. Не оправдалось и предположение, что Аллан и Леонид допустили просчеты или совершали опрометчивые действия. Все их распоряжения посмертно подтверждены Большой Академической Машиной: действия наших бедных друзей были наилучшими в тех ужасных условиях, в какие они попали.

— Вы хотите сказать, Павел... — начал я, но он не дал мне договорить. Он был так взволнован, что пренебрег своей неизменной вежливостью.

— Да, именно это, адмирал! Против них велись военные действия, а они и не догадывались! Они докладывали о стихийно сложившейся трагической обстановке, а мы расшифровали целенаправленные удары. Они твердили о диковинках природы, а реально было противодействие коварного врага, неумолимо возводившего барьеры на их пути. Не было чудес природы, дорогой адмирал, была война! Наша первая экспедиция в ядро Галактики погибла на поле звездных сражений, а не в игре стихий, — такова печальная правда о походе Аллана Круза и Леонида Мравы.

Ромеро всегда изъяснялся велеречиво. С тех пор как его избрали в Большой Совет и назначили глав-

ным историографом Межзвездного Союза, эта забавная черта характера еще усилилась. Возможно, в древности только так и разговаривали, но меня иногда раздражает его манера, стиль этот слишком высок для повседневных дел. В данном случае он соответствовал обстановке. О гибели первой экспедиции в ядро Галактики по-иному нельзя было говорить. Я спросил:

— Когда похороны погибших?

— Через неделю. Адмирал, вы первый, кому я сообщил о новостях, связанных с экспедицией Аллана, и вы, несомненно, догадываетесь, почему мы раньше всего обратились к вам!

— Несомненно другое: понятия не имею, зачем я понадобился вам!

— Большой Совет хочет посоветоваться с вами.— Ромеро говорил с такой значительностью, словно доверял тайну, не менее важную, чем разгадка гибели экспедиции.— Мы просим вас поразмыслить о том, что я сообщил.

— Буду размышлять,— сказал я, и образ Ромеро растаял.

Накинув плащ, я возвратился в сад восьмидесятого этажа.

Вскоре ко мне присоединилась Мэри. Я обнял ее, мы прижались друг к другу. Ясное утро превратилось в сумрачный вечер, не было видно ни туч, ни деревьев бульвара, ни даже растений шестидесятого этажа. В мире сейчас был один дождь, сияющий, громогласный, певучий, столь восторженно упоенный собой, столь стремительный, что я пожалел об отсутствии у меня крыльев: надо было в воздухе побороться с потоками этой ликующей воды, полеты в авиетках всё же не дают полноты ощущения.

— Я знаю, о чем ты думаешь,— сказала Мэри.

— Да, Мэри,— ответил я.— Ровно тридцать лет назад в такой же праздник Летней Грозы я мчался среди потоков воды и ты упрекнула меня, что фанфарону в воздухе. Мы постарели, Мэри. Сейчас бы я не сумел удержаться в сплетении электрических разрядов.

Меня временами пугает, насколько Мэри лучше разбирается в моих ощущениях, чем я сам. Она печально улыбнулась.

— Ты думал не об этом. Ты жалеешь, что тебя не было в том уголке Вселенной, где погибли наши

друзья. Тебе кажется, что, будь ты с ними, экспедиция вернулась бы без таких потерь.

...Я диктую этот текст в коконе иновременного существования. Что это означает, я объясню потом. Передо мной в прозрачной капсуле, недвижно подвешенный в силовом поле, отвратительный и навек нетленный, покоится труп предателя, сввергнувшего нас в безысходную бездну. На стереозэкранах разворачивается пейзаж непредставимого, недопустимого мира, ад катастрофического звездоворота. Я твердо знаю об этом чудовищном мире, что он не мой, не людской, враждебный не только всему живому, но и всему разумному. И я уже не верю, что мое участие может гарантировать от потерь. Я несу ответственность за нашу экспедицию, и я сознательно веду ее по пути, в конце которого, вероятней всего, гибель. Такова правда. Если эти записи каким-то чудом дойдут до Земли, пусть люди знают: я полностью вижу грозную правду, полностью сознаю свою вину за нее. Мне нет оправданий. Это не отчаяние, это понимание.

А в тот день на прекрасной зеленой Земле, недостижимо, непостижимо далекой Земле, под громкую музыку летнего ливня я с грустью ответил жене:

— Многого мне хочется, Мэри! Желания усиливают инерцию существования — сперва тащат вперед, затем тормозят увядание. В молодости и старости желается больше, чем может. Говорю тебе, я слишком стар для моих желаний. Нам остается одно, моя подружка: тихо увядать. Тихо увядать, Мэри!

2

На космодроме, где приземлился звездолет из Персея, я не был, на траурное заседание Большого Совета не пошел. Стереозэкраны в моей комнате не включались. Мэри потом рассказывала, как величественно печальна была церемония передачи на Землю останков погибших астронавтов. Она плакала, когда возвратилась с космодрома. Я молча выслушал ее и ушел к себе.

Если бы я так держался в первые годы нашего знакомства, она с обидой назвала бы меня бесчувственным. Сейчас она понимала меня. Болезней давно нет на Земле, само слово «врач» выпало из употребления. Но только болезнью могу назвать состояние, в какое

вверг меня отчет об экспедиции Аллана и Леонида. «Это нелегко пережить», — сказал Ромеро, вручая мне катушку с записями всех событий, начиная со старта с Третьей планеты в Персее и кончая возвращением кораблей на базу с мертвыми экипажами. Это было больше чем «нелегко пережить». Этим надо было тяжело переболеть.

Вероятно, я не пошел бы и на обряд захоронения тел, если бы не узнал, что на Землю прилетела Ольга. Она не простила бы мне отсутствия на похоронах ее мужа. И надо было повидать старых друзей — Орлана и Гига, Осиму и Грация, Камагина и Труба: они были вместе с Ольгой на ее «Орионе», чтобы принять участие в торжественном внесении останков в Пантеон. Я всё же долго колебался, прежде чем решился выйти из дома. Меня пугала траурная церемония. Ромеро предупредил, что от меня ожидают речи, а что я мог сказать, кроме того, что погибшие — отважные космопроходцы и что я их очень любил?

В Траурном зале Пантеона собрались родные и друзья погибших. Ольга заплакала, припав головой к моему плечу, я с нежностью гладил ее седые волосы. Она дольше всех нас не поддавалась разрушающему действию возраста, но горе сломило ее. Я с натугой пробормотал, чтобы что-то сказать:

— Оля, ты взяла бы какой-нибудь другой цвет волос, это же так просто.

Она по-прежнему всё воспринимала серьезно. Она улыбнулась так грустно, что я еле удержался от слез.

— Леониду я нравилась какая есть, а больше мне не для кого прихорашиваться.

Вместе с Ольгой на похороны пришла Ирина, ее дочь. Я не видел Ирину лет пятнадцать, помнил ее взбалмошной, некрасивой девчонкой — с внешностью и характером Леонида. Я раньше часто удивлялся, как мало позаимствовала Ирина у своей матери ее рассудительности, ее спокойствия, ее умения глубоко вникать в любые загадки, ее железной решительности под внешним покровом одинаковой для всех доброй вежливости. А в Пантеоне я увидел женщину — стройную, смуглую, порывистую, с быстрой речью, быстрыми движениями и такими огромными черными, с почти синим белком глазами, что от них трудно было отвести взгляд. Ирина показалась мне еще больше похожей на Леонида, чем прежде, и сходством не

только внешним. Сегодня, когда трудно что-либо исправить, я вижу, как грубо ошибся в характере Ирины. В длинной цепочке причин, породивших нынешние бедствия, и эта моя ошибка сыграла роль.

Дружески обняв Ирину, я сказал:

— Я очень любил твоего отца, девочка.

Она отстранилась и сверкнула глазами. Затрепанное выражение «сверкнуть глазами» — в данном случае единственно точное, я просто не могу выразиться по-иному. Она сверкнула глазами и ответила с вызовом, которого я не понял:

— Я тоже любила своего отца. И я уже не девочка, Эли.

Мне надо было вдуматься в значение ее слов, вчувствоваться в их тон, многое пошло бы тогда по-другому. Но к нам приблизились Лусин и Труб, было не до взбалмошных женщин. Лусин со слезами на глазах пожал мне руку, старый ангел мощно сжал меня черными крыльями. Рецепты бессмертия, усердно внедряемые у нас галактами, так же мало помогают моим друзьям, как и мне. Лусин держится молодцом, в его суховатом теле слишком много жил и костей и слишком мало мяса, — такие долго не дряхлеют. А Труб выглядит стариком. Никогда не думал, что может быть такая красивая старость, такое, я бы сказал, мощное одряхление. Я с нежностью выговариваю эти противоречащие одно другому слова «мощное» и «одряхление», я с болью вижу погибшего Труба, как если бы он снова стоял передо мной, каким появился на траурной церемонии, — огромный, чернокрылый, с густой, совершенно седой шевелюрой, с густыми, совершенно седыми бакенбардами...

— Горе! — с тоской выговорил Лусин. — Такое горе, Эли!

— Кругом были враги! — прорычал Труб. — Аллан и Леонид научно исследовали загадочные явления, а надо было сражаться! Ты бы воевал, Эли, я уверен! Жаль, меня не было! Я бы кое-что преподал им из опыта сражений на Третьей планете!

К нам подошли Орлан и Граций. Когда они оба появляются на планетах, где имеются люди, они ходят только вместе. В этом есть какая-то трогательная наивность — галакт и разрушитель демонстрируют, что жестокая вражда, миллионы лет назад разделившая их народы, нынче сменилась горячей дружбой.

Я по-старому назвал Орлана разрушителем, хотя теперь им присвоено название «демиурги», и они очень гордятся новым названием, означающим что-то вроде механика или строителя,— в общем, творца, а не разрушителя. Словечко «демиург», конечно, точно выражает роль бывших разрушителей в нашем Звездном Союзе, но не думаю, чтобы выставляемая напоказ дружба легко давалась Орлану и Грацию, особенно галакту. Астропсихологи утверждают, что как людям не привить любви к дурным запахам и дурным поступкам, так и галактов не приучить быть терпимыми к искусственным органам и тканям, а демиурги только сменили наименование, но отнюдь не структуру тела, где полно искусственных органов и тканей.

— Привет тебе, Эли, мой старый друг и руководитель! — торжественно произнес галакт, по-человечески протягивая руку: мои маленькие пальцы исчезли в его гигантской ладони, как в ящике.

Я пробормотал подходящий для встречи ответ. По выпренности выражений галакты способны даже Ромеро дать десять очков форы. Орлан ограничился тем, что приветственно просиял синеватым лицом, высоко приподнял голову и с резким стуком вхлопнул ее в плечи. Мы все вместе вошли в зал.

В Пантеоне, как известно, давно не хоронят, но когда делается исключение, то в центре зала вначале помещают для всеобщего обозрения открытый гроб с телом. В экспедиции Аллана и Леонида принимало участие сто четырнадцать человек, восемь демиургов, три галакта и два ангела. Катастрофа, настигшая оба звездолета, превратила в одно неразделимое месиво существа и механизмы. В траурный зал внесли урну с общим прахом, горсточку мертвой материи,— бывший духовный и служебный союз членов экипажа превратился теперь в вещественное единение составлявших их атомов. Я с горечью думал в ту минуту, что мы все на разных звездах братья по творящей нас материи, но только в смерти ощущаем наше внутреннее единство.

Урну внесли Ромеро и Олег: один как представитель Большого Совета, другой — от астронавтов. Меня тоже просили нести урну, но обряды, где надо показываться перед всеми, не для меня. И я заранее отказался что-либо говорить. Ромеро держал краткую речь, а затем зазвучала музыка. Я должен остановиться на

музыке. В странном конгломерате причин, определивших наши сегодняшние метания в диком звездовороте ядра, она тоже сыграла роль. Играли симфонию «Памяти друга» Збышека Поляновского. Я сотни раз говорил, что люблю лишь индивидуальную музыку, лишь озвученную гармонию моего собственного настроения. Вероятно, мне просто трудно настраиваться на чужие чувства, в общих для всех мелодиях я ощущаю приказ, предписание испытывать то, а не иное, запрет быть самим собой.

Для «Памяти друга» Збышека я делаю единственное исключение. Она всегда по душе. Она всегда не ко мне, а во мне. Она моя, всегда моя, а в тот день звучала так горестно, так проникновенно, что сам я стал этой скорбной и мужественной музыкой, я звуками ее сливался с друзьями, с миром, я оставался собой и был всеми людьми, всем миром сразу. Вероятно, Збышек Поляновский сознательно старался породить такое настроение. Могу сказать одно: если он имел подобную цель, она ему удалась.

Ромеро и Олег подошли ко мне, когда я еще был в смятении, порожденном симфонией. Ромеро сказал:

— Должен информировать вас, дорогой адмирал, что Большой Совет постановил снарядить вторую экспедицию в ядро Галактики и назначил командующим эскадрой звездолетов капитана-звздопроходца Олега Шерстюка, нашего общего друга.

Олег, не дав мне вставить слова, быстро добавил:

— Я согласился взять командование лишь при том условии, Эли, чтобы в экспедиции приняли участие вы!

Мне надо было ответить таким же категорическим отказом, каким я не раз отвечал на прежние предложения командовать звездными походами или принимать в них участие. После освобождения Персея, после гибели Астры на Третьей планете Мэри и я охладели к дальним странствиям. Мы возвратились на зеленую прародительницу Землю, чтобы никогда уже не покидать ее. Так мы постановили для себя двадцать лет назад и с той поры ни разу не отступали от своего решения.

Но неожиданно для себя самого я сказал:

— Я согласен. Приходите ко мне вечером. Посоветуемся.

Мэри пожелала идти домой пешком. День был хмурый, по небу бежали темные тучи. На Кольцевом бульваре ветер кружил листья. Я с наслаждением дышал холодным воздухом, больше всех погод люблю вот такую — сухую, резкую, энергичную, наполненную шумом ветра, сиянием пожелтевших деревьев; осень — лучшая для меня пора. Мэри тихо сказала:

— Как она хороша, наша милая старушка Земля! Увидим ли мы ее еще или навек затеряемся в звездных просторах?

— Ты можешь остаться на Земле, — осторожно заметил я.

Она с иронией посмотрела на меня:

— Я-то, конечно, могу. Но сумеешь ли ты без меня?

— Нет, Мэри, без тебя не сумею, — честно признался я. — Быть без тебя — все равно что быть без себя. Или быть вне себя. Такая моя судьба: один — я только половинка целого. Ощущение не из лучших.

— Мог бы сегодня обойтись и без неостроумных шуток, Эли! — Она нахмурила брови.

Некоторое время мы шли молча. Я с опаской поглядывал на нее. Столько лет мы вместе, но я до сих пор побаиваюсь смен ее настроений. Сердитое выражение ее лица превратилось в отрешенно-мечтательное. Она спросила:

— Угадаешь, о чем я думаю?

— Нет, конечно.

— Я вспоминаю стихи одного древнего поэта.

— Никогда не замечал в тебе любви к поэзии.

— Ты во мне замечаешь только то, что тебе помогает или мешает, всё остальное тебе не видно.

— Потусторонностей, или нездешностей, или каких-либо сверхъестественностей я в тебе не открывал, это правда. Так какие стихи ты вспоминала?

Она показала на мятущиеся кроны и продекламировала:

Кружатся нежные листья
И не хотят коснуться праха...
О неужели это ты,
Всё то же наше чувство страха?

Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало?
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее «я»!

Я согласился, что многое в стихах соответствует моменту. Оставив несуществующего творца с его непонятными велениями, остальное можно принять: и страх гибели присущ всему живому, и точно нет ни начала, ни конца желаниям того конгломерата молекул и полей, который у каждого называется одинаково — «я». Лишь насчет тоски можно поспорить. Тоска требует свободного времени, это чувство нерабочее, для отпуска и отдыха, а что интересного в томительном отдыхе?

— Удивительно ты всё умеешь упрощать,— возразила она с досадой.

И опять мы шли молча, а потом я поинтересовался, какое у нее составилось мнение о причинах катастрофы экспедиции Аллана.

— Прямо противоположное тому, на котором настаивает Павел,— ответила она презрительно.— Удивительный вы народ, мужчины. Вы ищете злой умысел в каждой загадке. Воинственность так сидит в вас, что вы готовы с легкостью допустить, что сама природа непрерывно ведет с нами военные действия и ни о чем так не мечтает, как поставить нас на колени. Приписать природе наши собственные недостатки — легкий путь. Но вряд ли правильный!

— В том, что мы воинственны, виноваты женщины, вы сами рождаете нас такими,— отшутился я.— Ты, однако, аргументам Ромеро не противопоставила убедительных опровержений.

Она отрезала с обычной резкостью:

— Я нашла в отчете лишь непонятные факты и поверхностные догадки о их причинах. Мне нечего опровергать.

Ее слова произвели на меня большее впечатление, чем я в тот день согласился бы признать.

Вечером наша гостиная была полна. Ольге, Ромеро, Олегу, Орлану, Лусину достались кресла, Труб и Граций с трудом разместились на диванах: ангелу мешали крылья, а трехметровый Граций боялся приподниматься, чтобы не удариться головой в потолок. Ромеро в церемонном древнем стиле доложил о впечатлении, произведенном в Большом Совете отчетом о гибели

первой экспедиции в ядро Галактики. Вторая экспедиция планируется для обнаружения неведомых противников и выяснения возможностей мирного общения с ними. Это не военный поход, а миссия мира. Все ресурсы Звездного Союза предоставлены для оснащения новой экспедиции.

— Теперь ставьте свои вопросы и высказывайте свои сомнения, адмирал,— закончил сообщение Павел.

Сомнение у меня было одно: рамиров, на поиски которых снарядили первую экспедицию, обнаружить не сумели. Планеты-хищницы, гнавшиеся за звездолетами, названы Алланом живыми существами, но что они реально живые, а не диковинка мертвой природы, не доказано. Район «пыльных солнц», на окраинах которого погибла экспедиция, по мнению Аллана,— обиталище разумной цивилизации, но ни с одним из ее представителей встретиться не удалось,— стало быть, существование ее остается гипотезой. Попытки прорваться в район ядра встретили противодействие, но что из того? Противодействия могли иметь физические причины, нам пока неизвестные, ведь никто не будет утверждать, что мы всё уже изучили во Вселенной.

Мне хотел ответить Ромеро, но я обратился к Олегу:

— Ты командующий второй эскадрой. Как ты относишься к моим сомнениям?

Он ответил сдержанно:

— Они могут быть разрешены только одним путем: лететь снова к ядру и выяснить, что мешает в него проникнуть.

Я залюбовался Олегом. Он и похож и не похож на своего отца. От матери ему досталась белая кожа, такая гладкая и нежная, что она кажется прозрачной. Он вспыхнул, отвечая, румянец, как пламя, побежал со щек на лоб, к ушам, к шее. Есть что-то девическое в его облике, в красоте его головы, в длинных золотых кудрях, падающих на плечи,— впрочем, не столь завитых, какие некогда носил Андре,— в узких плечах, узкой талии, тонких длинных пальцах. Внешность часто обманчива, а у этого человека, назначенного командующим второй эскадрой, особенно. Среди капитанов дальнего звездоплавания он числится в самых бесстрашных и удачливых. Ольга рекомендовала его в адмиралы давно запланированной экспедиции в Гиа-

ды, и, если бы не катастрофа с Алланом, Олег уже мчался бы в скопление этих рушащихся в какую-то бездну звезд. Большой Совет отменил поход в Гиады ради новой экспедиции к ядру.

— Твой ответ меня удовлетворяет,— сказал я.— Теперь расскажите, что нового в подготовке к экспедиции?

Ромеро объяснил, что подготовка экспедиции ведется на известной нам всем Третьей планете в Персее, руководят ею Андре и демиург Эллон. На звездолетах кроме аннигиляторов Танева устанавливаются и биологические орудия галактов, а также механизмы, меняющие размеры звездолетов и всех тел, находящихся в них. Но главное новшество — механизмы, быстро меняющие метрику пространства вокруг звездолета. Каждый корабль теперь подобен маленькой Третьей планете, создающей в своем окружении любые искривления. Если бы эскадра Аллана была оснащена механизмами гравитационной улитки, она избежала бы многих бед. Конструкции генераторов метрики разрабатывает группа Эллона.

— Эллон, Эллон... Ты его знаешь, Орлан?

— Эллона предложил я,— с гордостью объявил Орлан.— В Персее нет другого демиурга, который бы равнялся Эллону в даровании конструктора.

Я заметил, что Граций невесело покачал головой.

— Остается последнее,— продолжал я.— В качестве кого предлагает Большой Совет мне участвовать в экспедиции? Говоря древними терминами, какова будет моя должность?

— Вы будете душой и совестью экспедиции, Эли,— сказал Олег.

— Плохо организована та экспедиция, где душа и совесть ее отделены от остальных членов экспедиции.

Я говорил серьезно, но моя отповедь вызвала смех. Ромеро примирительно сказал:

— Раз уж вы применили термины, определяющие так называемую должность, то назовем вашу функцию научным руководством,— было некогда и такое понятие, дорогой адмирал.

— Сами вы намерены участвовать в походе, Павел?

— Думаю, Большой Совет разрешит мне отбыть с Земли.

После совещания я подсел к Грацию:

— Когда Орлан расхваливал Эллона, ты вздохнул, Граций. Ты не согласен с оценкой Орлана?

Галакт засиял доброжелательнейшей улыбкой. Они так любят улыбаться, что по любому поводу дарят вас радостным выражением лица.

— Нет, Эли, мой друг демиург Орлан совершенно точно охарактеризовал Эллона как инженерного гения. Но видишь ли, Эли... — Он запнулся, хотя и удержал на лице улыбку. — Ты ведь знаешь наше отношение к искусственным органам. В организме у Эллона степень искусственности много, много выше, чем у остальных демиургов; боюсь, что и мозг его содержит искусственные элементы, хотя Орлан и отрицает это...

Я тоже улыбнулся, но по-человечески — иронически. Нелюбовь галактов к искусственным органам всегда казалась мне забавным чудачеством. Я пропустил объяснение Грация мимо ушей. Все люди совершают ошибки, я ошибался, вероятно, даже больше других. И многие мои ошибки, такие невинные на поверхностный взгляд, были роковыми в точном значении слова!

4

Как страшно изменился Андре! Ольга предупреждала, что я его не узнаю, — я только посмеивался. Не могло быть такой ситуации, чтобы я не узнал самого близкого друга. И я, конечно, сразу узнал Андре, когда «Орион» повис над причальной площадкой Третьей планеты и Андре ворвался в распахнутые ворота корабля. Но я был потрясен. Я оставил Андре измученным, еще не оправившимся от безумия, но живым, даже энергичным человеком средних лет. Сейчас меня обнял старик — суетливый, нервный, беловолосый, морщинистый, преждевременно одряхлевший...

— Да, да, Эли! — со смешком сказал Андре, он сразу уловил произведенное им впечатление. — В непосредственном соседстве с бессмертными галактами мы почему-то особенно быстро стареем. Виной, вероятно, чертова гравитация на этой планетке, закручивания и раскручивания пространства тоже не способствуют биологической гармонии. Помнишь Бродягу? Тот мощный мозг, который ты почему-то захотел воплотить в огромное тело игривого дракона?

— Надеюсь, он жив?

— Жив, жив! Но за драконицами давно не гоняется. Впрочем, мыслительные способности у него в порядке.

Мы высадились на планету. Я не описываю рейс «Ориона» в Персей, для последующих событий впечатления этого перелета значения не имеют. Укажу лишь, что Олег задержался на Земле набирать экипажи для кораблей и намеревался прибыть в Персей следующим рейсом. Не буду описывать и все встречи на Третьей планете, они интересны лишь для меня с Мэри. Я остановлюсь только на одном событии из тех, что не оказали влияния на последующие. Я говорю о впечатлении от нынешнего пейзажа Третьей планеты.

Мы летели с Мэри в обычной авиетке, такой же как и на Земле. В нашу память навечно врезался страшный облик грозной космической крепости разрушителей — голая свинцовая поверхность с золотыми валунами. Теперь не было ни свинца, ни золота — всюду, куда хватал глаз, синели леса, поблескивали озерки и реки.

— Я хочу здесь опуститься. — Мэри показала на стоявший отдельно холмик, вершина его была пока свободна от напивавших снизу кустов.

Мы вышли из авиетки и впервые почувствовали, что находимся на прежней планете. Гравитационные экраны авиетки предохраняли от страшного ее притяжения, в районе Станции оно вообще не превосходило земное, а здесь нас буквально прижало к грунту. Я не мог выпрямиться, в голове у меня зашумело, я сделал шаг, другой и пошатнулся. Меня поддержала Мэри, она легче справилась с перегрузкой.

— Сейчас я не сумел бы совершить тот поход от места высадки к Станции, — сказал я, силясь усмехнуться.

— Ты узнаешь это место, Эли? — спросила она.

— Нет.

— У подножия этого холма умер наш сын...

Прошрое прояснилось в моей памяти. Я с опаской поглядел на Мэри. Она улыбнулась. Меня поразила ее улыбка — столько в ней было спокойной радости. Я осторожно сказал:

— Да, это самое место. Но не лучше ли нам уйти отсюда?

Она обвела рукой окрестности:

— Я так часто видела в мечтах этот золотой холм и мертвую пустыню вокруг него! И всегда вспоминала, как страстно желал Астр, чтобы металлические ландшафты забурлили жизнью. Помнишь, как он назвал себя жизнетворцем? На никелевой планете это было легко, там невысокая гравитация. Но и здесь удалось привить металлу жизнь. Я хотела узнать, как чувствуют себя наши новые растения, специально выведенные для местностей с повышенным тяготением.

— Это те растения, созданием которых вы занимались в Институте астроботаники?

— Которыми я одна занималась, Эли! Это мое творение специально для Третьей планеты. Это мой памятник нашему сыну! Астр мог бы быть доволен, его желание осуществилось. Теперь возвратимся на Станцию.

Два другие события, которые я упомяну, непосредственно связаны с экспедицией.

Среди встречавших не было Бродяги. Лусин, чуть ступив на грунт, побежал к дракону. В какой-то степени Лусин — создатель этого диковинного существа и гордится им больше, чем другими своими творениями. Бродяга хворал, лекарства уже не помогали. Лусин с горестью сообщил, что Бродяга излишне человечен, хотя и вмещен в нечеловеческую форму, не только бессмертия, но и солидного долголетия ему, как и людям, привить не удастся.

— Хочет видеть. Очень. Тебя, — высказался в своей обычной отрывистой манере Лусин, и на следующее утро мы направились к дракону.

Внешне Бродяга почти не изменился. Летающие драконы не худеют и не толстеют, не выцветают, не седеют, не рыхлеют. Бродяга был таким же, каким я видел его при расставании, — оранжево-сизый, с мощными лапами, с огромными крыльями. Но он уже не летал. Завидев нас, он выполз из своей норы и с усилием заскользил навстречу. Волноподобные складки с прежней быстротой перемещались по спине и бокам, массивное туловище извивалось с прежним изяществом, длинный, бронированный прочной чешуей хвост приветственно взметнулся трубой, крылья с грохотом рассекали воздух. Но все эти такие знакомые движения были обманчивы, они не могли уже поднять Бродягу над грунтом — дракон из летающего превратился в ползающего. И огня от него исходило поменьше:

пламя, прежнего багрового цвета, было пониже, а сизый дым — пожиже. Я не иронизирую, я говорю это с грустью.

— Привет пришедшему! — услышал я так давно не слышанный хрипловатый, шепелявый голос. — Рад видеть тебя, адмирал! Садись мне на спину, Эли.

Я присел на лапу и шутливо ударил ногой по бронированному боку:

— Ты еще крепок, Бродяга! Хотя, наверно, молодых драконов не обгонишь.

— Отлетался, отбегался, отволочился — все определения моего сегодняшнего бытия начинаются на «от», — безжалостно установил он и вывернул ко мне чудовищную шею, выпуклые зеленовато-желтые глаза глядели умно и печально. — Не жалуюсь, Эли. Я пожил всласть. Все радости, какие могло доставить существование в живом теле, я испробовал. Чем сильнее радости, тем они короче. Мне скоро умирать. Будь уверен, я не потеряю спокойствия, когда придет час прощаться с жизнью.

Продолжать разговор в таком унылом ключе я не хотел. Я весело запрыгал на твердой лапе дракона.

— На Земле разработаны новые методы стимулирования организма. Мы испробуем их на тебе, и ты еще покатаешь меня над планеткой. Только не бросай на грунт, как ты однажды проделал.

Он иронически усмехнулся. Он всё-таки единственный из драконов, кому удалось придать осмысленность гримасам морды, — остальные просто разевают пасти, выпыхивая дым, и не поймешь, то ли зевают, то ли собираются проглотить тебя. Я возвратился к себе расстроенный. Я чувствовал себя виноватым перед драконом. В прежнем своем воплощении, в образе правящего Мозга-мечтателя, он мог бы десятикратно пережить нас всех. Я наделил его телом, но радости телесного бытия кратковременны и завершаются неотвратимой смертью. Хоть и поздно, но я с пристрастием допрашивал себя, правильно ли я поступил.

А вторым важным событием была встреча с Эллоном.

Мы пошли в мастерскую Эллона вшестером — Мэри, Ольга, Ирина, Орлан, Андре и я. В прошлом я не раз опускался в недра планеты, в сгущение ее чудовищных механизмов, но так глубоко еще не добирался. Андре говорил, что надо падать в лифте всего

триста километров, но показалось, будто мы рушились вниз километров с тысячу, если не больше. Если бы грешникам — учитывая, что в аду нет скоростных лифтов, — приходилось бы ползком пробираться в такие глубины, то одно сошествие в ад являлось бы наказанием вряд ли меньшим, чем последующее кипение в серных котлах.

В огромном солнечно светлом зале нас встретил Эллон.

Я должен описать его. Он стоит передо мной. Я подхожу к нему. Я всматриваюсь в него. Я стараюсь понять, чем порождено то впечатление, какое он неизменно производил. Я придирчиво допрашиваю себя, не изменится ли впечатление от пристального разглядывания, от долгого изучения. Ничто не изменяется. Всё правильно. Ошибок нет. Если и встретилось мне в жизни существо, в полном смысле слова необыкновенное, то имя этому существу — Эллон!

Он прежде всего такой же, как все разрушители — как все демиурги, поправляю я себя, чтобы не обидеть никого из них, — и уже это одно необыкновенно на наш человеческий взгляд. Он не подошел к нам, только повернул голову на высокой, по-змеиному крутящейся шее. Орлан в знак приветствия поднимает и хлопывает в шею голову, Эллон не удостоил нас приветствием. Он просто не знает, что такое приветствования, он не обучен таким поступкам. Он ограничился тем, что молча рассматривал нас. Нет, не рассматривал — пронзал, ослеплял, уничтожал фосфорически пылающими глазами, такие выпренные сравнения в данном случае уместней.

А Орлан оробел. Я видел Орлана в сражениях, в дипломатических переговорах, на важных совещаниях — неизменно спокойным, объективным, решительным и бесстрашным. Я был уверен, что хорошо его знаю. Мне показалось, что я вовсе его не знаю. Он не поднял, а вжал голову в плечи, он говорил — для нас — на отличном человеческом языке, но голос звучал робко, почти заискивающе.

— Эллон, люди пришли познакомиться с твоими свершениями, — сказал Орлан этим странным для него голосом. — Надеюсь, тебя не обременит наше посещение?

— Смотрите и восхищайтесь! — на таком же отличном человеческом языке ответил Эллон и широким

жестом длинной, гибкой, бескостной руки обвел помещение. Рот его широко осклабился, синеватое лицо покраснело, вероятно, от удовольствия.

Но смотреть было нечего. Кругом были механизмы, и около них сновали демиурги. Вся планета представляет собой скопление механизмов, по виду не определить было, чем эти, в зале, отличались от тех, что образовывали тысячекилометровые толщи планетных недр. Орлан уловил наше недовольство и возразил:

— Будет лучше, если ты дашь пояснения, Эллон.

Эллон порхающим шагом шествовал вдоль стен зала и касался рукой механизмов, объясняя их назначение и своеобразие конструкций. Он двигался вперед, а голова была повернута назад, на нас; все демиурги могут свободно выкручивать голову, но так далеко, на полных сто восемьдесят градусов, выворачивать ее был способен лишь Эллон. И я, не вслушиваясь в объяснения, смотрел только на него, на его лицо, старался разобраться не в смысле речи, а в звуке голоса, мне это почему-то казалось важнее, чем вникать в детали механизмов, всё равно я мало бы что в них понял — я плохой инженер.

И чем настойчивей я всматривался в Эллона, тем прочнее утверждалось во мне впечатление необыкновенности.

Он смеялся. Он широко раскрывал рот в беззвучном хохоте. Объяснение было серьезное, высококвалифицированное, в этом сомнений нет у меня и сейчас, а гримаса — издевательская. Огромный жабий рот пересекал всё лицо от уха до уха, рот был раза в два больше, чем у других демиургов: пугающе подвижная, извивающаяся, кривящаяся впадина перехлестывала лицо, а над темной, живой, меняющейся, я бы даже сказал — струящейся от уха к уху, безгубой впадиной грозно светили огромные, сине-фиолетовые, пронзительно-неподвижные глаза. Я не робкого десятка и не слабохарактерный, но и меня почти гипнотизировало сочетание дьявольски меняющихся саркастических гримас и зловещих глаз.

Закончив обход зала, Эллон сказал (лишь одни эти слова я запомнил из всего объяснения):

— Ни люди, ни демиурги, ни тем более галакты еще никогда не имели столь совершенно вооруженных кораблей. Если бы хоть один из нынешних звездолетов

был у нас, когда человеческие эскадры вторглись в Персей, события развернулись бы по-иному.

Я сухо поинтересовался:

— Тебя огорчает, Эллон, что события не пошли по-иному?

Он с полминуты молчаливо хохотал, прежде чем ответил:

— Не огорчает и не восхищает. Я устанавливаю факт — не больше.

Ольга стала о чем-то расспрашивать Эллона, ее перебывала Ирина, в ней причудливо сочетается порывистая эмоциональность отца с инженерной дотошностью матери. Я отвел Андре в сторону:

— Созданные демиургами механизмы великолепны, я в этом уверен. Но кто командует ими? Не совершаем ли мы просчета?..

Он нетерпеливо прервал меня. Вероятно, только это одно сохранилось в нем от старого Андре без изменения: он по-прежнему ловит мысль на полуслове и всё так же не церемонится с собеседниками.

— Можешь не волноваться! Эллон конструирует механизмы, командуя ими я. Их пусковые поля замыкаются на мое индивидуальное мозговое излучение. А когда эскадра выйдет в поход, я передам управление ими Олегу и капитанам кораблей.

Мы поднялись на поверхность. В лифте Ирина торжественно объявила:

— Какой он удивительный, демиург Эллон! Нисколько не похож на других! — Она понизила голос, чтобы Орлан не услышал. — Они все кажутся мне уродами — Эллон один красавец! И какое совершенство инженерных конструкций. Эли, вы разрешите мне на корабле работать в группе Эллона?

— Где захочешь, — ответил я. Если говорить о моем личном впечатлении, то как раз Эллон показался мне куда безобразней всех других демиургов.

В гостинице Мэри сказала мне:

— Я не имею права вмешиваться в распоряжения научного руководителя экспедиции, но обсуждать действия мужа могу. Я недовольна тобой, Эли.

— Я плохо одет, Мэри? Или совершил очередную бестактность? Или обидел кого-нибудь?

— Меня пугает Эллон, — сказала она со вздохом. — Он настолько страшен, что даже красив в своем уродстве, тут я могу согласиться с Ириной. Но каж-

дый день встречать его на корабле!.. И как Ирина смотрела на него! Если бы она так смотрела на мужчину, я сказала бы, что Ирина без памяти влюбилась.

— Пусть влюбляется,— великодушно разрешил я.— Сам я, если помнишь, некогда тоже влюбился в Фиолу — нечеловеческое существо. Чувства эти безвредны уже по одному тому, что бесперспективны. Не взять Эллона с собой мы не сможем: он ведь объявлен инженерным гением. Боюсь, в тебе говорит человеческий шовинизм, а в нашу эпоху звездного братства надо безжалостно истреблять все виды шовинизма. Надеюсь, я убедил тебя такой железной формулой?

— Ты убедил меня тем, что безнадежно пожал плечами,— сказала она, грустно улыбаясь.— Не обращай внимания на мои настроения. Они порождаются не от умных рассуждений, как у тебя или у Ольги, а от дурацких темных предчувствий...

Я часто потом вспоминал этот разговор с Мэри в гостинице на грозной Третьей планете Персея!

5

Нет, я не создаю для потомков отчета о нашей экспедиции! Я уже говорил, что не уверен, попадут ли мои записи на Землю. Я пытаюсь разобраться в смысле событий. Я допрашиваю себя, правильно ли я поступал. Я всё снова и снова подхожу к мертвому телу предателя, недвижно повисшего в силовом поле, ему уже никогда не изменить однажды принятой позы, и всё снова и снова говорю себе: «Эли, тут что-то не так, ты должен во всем этом разобраться, ты должен разобраться, Эли!» Но я не могу разобраться, я слишком рассудочен. Это парадоксально, что поделаешь, одна из новых истин, столь непросто и столь не сразу нами воспринятых, звучит именно так: чем логичней рассуждение, тем оно дальше от истины. Мир, в котором мы странствуем сегодня, подчинен законам физики, но нашей логики не признает. Мы слишком поздно поняли этот мир. И не уверен, что мы понимаем его с нужной глубиной.

Я не буду описывать подготовку и отправку экспедиции. На Земле о нашем старте знают всё: как мы ограничили эскадру пятнадцатью звездолетами (одиннадцать, лишённые команд, гигантские летящие склады, управлялись автоматами, четыре — «Козерог»,

«Овен», «Змееносец» и «Телец» — имели экипажи и командиров: Осиму, Ольгу, Камагина и Петри); и как я разрешил принять Бродягу на борт флагманского корабля «Козерог», хотя Олег колебался, стоит ли брать в дальний рейс дряхлеющего дракона; и как на «Козероге» мы разместили инженерную лабораторию Эллона; и как эскадра устремилась в созвездие Стрельца, в сгущение темных облаков, прикрывающих от нашего взгляда ядро Галактики; и как три года мы мчались к Галактическому ядру, тысячекратно обгоняя свет и поддерживая через Третью планету Персея — на ней по-прежнему правил Андре — связь с Землей на волнах пространства; и как на четвертом году сверхсветовая связь оборвалась и мы для Персея и Земли как бы выпали в небытие.

С этого момента я и начну рассказ о наших приключениях в Галактическом ядре.

Генераторы волн пространства отказали все вдруг и полностью: мы больше не принимали депеш с Третьей планеты, не отправляли своих сообщений. Механизмы были в порядке, изменилось пространство. Космос был тот же, мы с прежней энергией поглощали его жерлами аннигиляторов, превращали по-прежнему в облачка газа и пыли, всё вокруг было то же, и всё стало непостижимо иным: импульсы генераторов не пробивались наружу, не принимали сигналов извне. Мы внезапно как бы онемели и потеряли слух.

Но зрения мы не потеряли. Приборы издали зафиксировали появление планеты-хищницы, точно такой, какая напала на эскадру Аллана. Разница была лишь в том, что Аллан к моменту ее нападения поддерживал связь с базой в Персее, а мы такой возможности лишились. И мы с сомнением относились к удивительной депеше Аллана, что их преследует не мертвый космический шатун и даже не гигантский корабль, столь же превосходящий размерами наши звездолеты, как гора превосходит мышь, а загадочное космическое существо, отнюдь не скрывающее намерения настичь и заглотнуть всю эскадру. Представление о диковинном звездолете всё-таки больше соответствовало всему, что мы знали о мире.

Но был ли это звездолет или космическое существо, нас всех пронизало беспокойство, когда анализаторы обнаружили в отдалении загадочную планету и бесстрастно доложили, что она устремилась за нами.

Мы шли тогда по краю темных облаков, прикрывающих ядро. Слово «край» относительно — на миллиарды километров вокруг простиралась газовая туманность, холодная, полупрозрачная, безмерно унылая, звезды тускло просвечивали сквозь багровую полутьму. Мэри сказала мне со вздохом: «Крепко же закурили в этом уголке Вселенной!» Хищная планета возникла оранжевым пятнышком в багровом тумане и стала быстро увеличиваться. Мы шли в сверхсветовой области — она мчалась в эйнштейновом пространстве. За нами тянулся шлейф превращенной в пыль пустоты — за планетой пространство было чисто. Мы уничтожали простор — планета неслась в нем со сверхсветовой скоростью, с такой чудовищной скоростью, что нагоняла нас. Законы физики летели в пропасть — так нам всем показалось. Лишь сейчас мы начинаем понимать, насколько скудны наши собственные знания о законах природы.

Итак, планета догоняла нас. Она была огромна, как Земля, она была больше Земли. Тысячи наших звездолетов могли разместиться на ее поверхности, десятки тысяч провалиться в ее недра. Траектория ее полета прихотливо менялась, выдавая одну бесспорную цель — догнать эскадру. Как и Аллан, мы могли бы говорить о свободной воле, подчинявшей себе полет хищницы. Но мы по-прежнему считали, что нас настигает не существо, а корабль, разумные же существа притаились в его недрах, у пультов неведомых нам грозных механизмов. На наши призывы они не откликались. Не надо было обладать сверхтонким интеллектом, чтобы расшифровать наши сигналы, это была задача для школьника, а не для космического инженера. Но планета молчала — молчала и нагоняла нас, непостижимо нагоняла, со сверхсветовой скоростью в обычном световом пространстве.

Олег вызвал на межкорабельную связь команды звездолетов.

— Аллан спасся от хищной планеты тем, что пустил в поспешную аннигиляцию активное вещество, — сказал Олег. — Преследователь не сумел преодолеть преграду новосотворенной пустоты. Но, потеряв три четверти запасов, эскадра Аллана впоследствии не справилась с другими трудностями. Должны ли мы повторить защиту Аллана?

Все единодушно высказались против. Мы были во-

оружены сильней эскадры Аллана. Мы могли подпустить к себе странного преследователя и ближе, чем рискнул Аллан. И надо было твердо установить, нападение ли это или какая-то новая форма контакта. Решение мог дать только эксперимент.

Если когда-нибудь наши стереофильмы попадут на Землю, люди поймут, что нас возмутило. Мы отделили от эскадры один из грузовых звездолетов, предварительно освобожденный от всех грузов. Планета набросилась на звездолет, как лисица на куропатку. На пленках запечатлено всё, что мы увидели,— взрыв, пламя, густое облачко сперва сияющей, потом быстро темнеющей пыли. И планета, проворно, каким-то челноком снующая из края в край облачка, жадно, всей поверхностью поглощающая пыль. Прах уничтоженного корабля оседал и конденсировался на планете, он не оставался на поверхности, а всасывался внутрь. Пространство высветлялось, гигантский пылесос мощно трудился, расправляясь с останками звездолета.

— Отвратительный жадный рот, несущийся в пустоте! — с негодованием воскликнула Мэри.

Мы сидели в обсервационном зале, наблюдая за зрелищем гибели подброшенного хищнику корабля.

— Скорее, ассенизатор космоса, дорогая Мэри,— отозвался Ромеро и добавил со вздохом: — Плохо лишь то, что этот космический дворник почему-то склонен рассматривать нас в качестве ненужного мусора.

Справедливость замечания Ромеро мы оценили лишь впоследствии, когда стало ясно, что планета не просто мчалась в газовой туманности, куда вторглась наша эскадра, но попутно поглощала и окружающий газ, расправляясь таким образом с самой туманностью. В те часы нам было не до функций космического ассенизатора. Меня и Ромеро вызвал Олег. В командирскую рубку пригласили и Орлана с Грацием. Олег попросил и Эллона, но тот отговорился занятостью в лаборатории. Демиурги, в отличие от галактов, недолгоблывают советы, они для заседаний слишком деловой народ.

Олега интересовало одно: бежать или отразить нападение?

— Бежать, бежать! — поспешно сказал Граций.

Я всегда замечал, что, если есть хоть малейшая возможность избежать боя, бессмертные галакты ис-

пользуют ее. Они куда больше дорожат своим бессмертием, чем мы своим бранным существованием. В данном случае, впрочем, мы все согласились с Грацием.

Зато способ бегства вызвал споры. Я не считал, что нужно так уж категорически отказываться от использования активного вещества. У нас его много больше, чем у Аллана, а способ этот весьма действен, как доказал тот же Аллан, удравший именно так от хищницы. Со мной, однако, не согласились. И сейчас, зная многое, чего мы не знали тогда, я могу лишь порадоваться, что остался в меньшинстве. Граций предложил воспользоваться приемом вмещения больших предметов в малые объемы, который так распространен на планетах галактов. Орлан запротестовал. Сокращение масштабов — операция медленная, люди плохо переносят иномасштабность, демиургам же, с их повышенной искусственностью, изменять размеры тел просто опасно. Да и нет гарантии, что хищница не погонится и за опадающим в объеме кораблем. С пылью и газом она расправляется идеально. Не облегчим ли мы ей задачу поскорей проглотить нас?

— Только гравитационная улитка, — убежденно заявил Орлан. — Мы оснастили звездолеты механизмами, меняющими околокорабельную метрику. Мы отлично нырнем в крутую неевклидовость, оставив космического разбойника по ту сторону искривленного пространства. Твое мнение, Эллон? — спросил он, не дожидаясь решения.

Засветившийся на экране Эллон подтвердил, что нет ничего проще гравитационной улитки. Он добавил, что незачем удирать всей эскадре, лучше запустить в гравитационный туннель хищника.

— Планета полетит наружу, как шар под гору! И если сохранит свои поглощала невредимыми, то ей дьявольски повезет! — заверил он и распахнул рот в таком приступе молчаливого хохота, что не одному мне показалось, будто вот-вот его нижняя челюсть отвалится. В отличие от галакта, Эллона радовала перспектива схваток с противником, воинственность была так же присуща ему, как инженерная одаренность.

Я опустился в лабораторию Эллона. У командных приборов прохаживался, подпрыгивая, как все демиурги, Эллон; у пульта, оснащенного клавишами, как древние рояли, дежурила Ирина, поворачивая голову

вслед за демиургом. У противоположной стены распластался Бродяга, захватывая чуть не три четверти площади. Завидев меня, он дружески выбросил из ноздрей два фонтана дыма и приветственно перебросил на вубьях короны несколько молний. Они теперь были далеко не так многоветвисты и красочны, как в годы его драконьей молодости. Я молча кивнул головой и стал за спиной Ирины.

— Включай первое искривление,— приказал Эллон, и Ирина забарабанила пальцами по пусковым клавишам.

К этому времени все четырнадцать звездолетов сконцентрировались в такой близости от «Козерога», что теснота показалась мне опасной. Я ничего не могу с собой поделывать: сближение кораблей на дистанцию визуальной видимости всегда пугает меня. Но без концентрации флота его не обнести неевклидовым забором — это я знал и без пояснений. Первое искривление, включенное Ириной, как раз создавало такой защитный забор. А затем Эллон предложил полюбоваться, как глупая планета или существа, обитающие в планете, расшибают лоб об стену. Не знаю, есть ли у планеты лоб, но налетела она на искривление неистово и с такой же неистовостью отлетела. Это повторилось несколько раз — удар и отлет, снова удар и снова отлет. Змеящийся рот Эллона сводила судорога восторга, грозные глаза сверкали. Он весь был охвачен иступлением битвы, он не мог отвернуть фосфоресцирующего лица от пейзажа, развернувшегося на экране,— тусклых звезд в дымке туманности и пронзительно сияющей, пронзительно несущейся на нас, всё снова отбрасываемой назад планеты. Но я предпочел бы, чтобы Эллон испытывал судьбу не так долго и не так дерзко.

— Включай выводной туннель! — велел Эллон, и Ирина снова забарабанила по клавишам.

Теперь мы могли убедиться в мощности генераторов метрики. Планету неумолимо вышвыривало в какую-то бездну — не пассивным скольжением по инерции в искривленном пространстве, с каким мы когда-то так остервенело боролись при первом нашем появлении в Персее, а мощным толчком наружу. Я обратился к Эллону, он не ответил, он сгивался в беззвучном ликующем хохоте. Я повернулся к дракону:

— Здесь не простое изменение метрики! Ты знаешь об этом, Бродяга?

Дракон извивался почище Эллона, восторженно бил хвостом, сыпал тусклыми молниями.

— Конечно, Эли! Проблема пинка в зад — так это можно назвать на человеческом языке. Еще когда я был Главным Мозгом, мне опротивело пассивное искривление пространства. Мне всегда хотелось наддать дополнительного импульса выбрасываемым звездолетам. Эллон осуществил мою давнюю мечту. Действительно, правда?

Я согласился: да, очень действительно. Дракон выпихнул на меня густой столб багровой гари, я отшатнулся. В закрытом помещении можно было радоваться и не так дымно. Я отошел к Ирине.

— Эли, Эли! — сказала она голосом, какого я у нее никогда не слышал. — Какой он человек! Какой он удивительный человек!

Я мог бы возразить, что удивительность Эллона как раз в том, что он не человек, но промолчал. Уходя, я посмотрел на них троих. С того дня прошло много времени, я только не знаю сколько, — может быть, один год, может быть, миллионы лет, любое время могло промчаться в нашем мире мимо нашей сегодняшней инновременности. Но эту картину я вижу с такой отчетливостью, словно впервые рассматриваю ее. На полу, захватив собой добрую треть помещения, извивался и ликующе дымил дракон, у экранов приплясывал и исходил молчаливым хохотом согнувшийся, фосфоресцирующий синим лицом Эллон, а Ирина, прижав руку к сердцу, побледнев, восторженно, молчаливо глядела на него, только молчаливо, упоенно глядела...

6

Вот так и совершилось наше вторжение в темные облака, прикрывающие ядро. Сперва отказали генераторы волн пространства, и мы лишились связи с базой на Третьей планете, а затем на нас напала хищная планета, и Эллон спровадил ее в тартарары. Она исчезла бесследно из нашего района космоса, ее вообще не стало в нашем мире — так показывали анализаторы. Сейчас мне кажется, что она просто выпала из нашего времени, что она в иных веках, иных тысячелетиях,

может быть, и миллионолетиях — прошлых или будущих, это уже не так важно, важно лишь то, что мы уже не одновременны в этом мире. Я сказал — «просто выпала из нашего времени». У меня пухнет голова от такой простоты. Она непостижима. Она губительна. Убийственная простота — вот самое точное определение для нашего нового понимания тех событий.

А на экранах день за днём разворачивалась одна и та же мрачная картина — туман и дым, и в дыму привидениями — редкие звезды. Звездного окружения не существовало, дальние светила не пробивались сквозь мрак, лишь те, к которым мы приближались, смутно проступали в тумане и так же смутно погасали, когда отдалялись от них. И всё это были странные звезды — подмигивающие, пытящие, как бы вздыхающие вспышками тусклого сияния. Так преображал их дым туманности — нечеткие огоньки в исполическом пыльном погребке космоса!

Неделю за неделей, месяц за месяцем мы мчались в пыльном мраке, не меняя курса, на ядро и огибая встречающиеся звезды. И лишь когда у одного светила — мы назвали его Красным — анализаторы обнаружили одинокую планету с условиями, благоприятными для жизни, эскадра отклонилась от курса и вынырнула в эйнштейново пространство. До сих пор звезды, что нам встречались, все были беспланетны. Промчаться мимо первой обнаруженной планеты мы не могли.

Звезда только издали казалась красной. По мере того как мы приближались к ней, она голубела. Вблизи это было хорошее светило, молодое, энергичное, животворящее, вращаться вокруг такого солнца было завидной участью для планеты. И наши анализаторы показали, что жизнь на планете есть. Но ни на один из сигналов планета не откликнулась. Звездолеты яркими лунами повисли над планетой, их нельзя было не видеть даже подслеповатому глазу, но и подслеповатого глаза там, видимо, не имелось.

Олег приказал главной поисковой группе высаживаться на планету. На каждом звездолете имеются свои поисковые группы, главную возглавляю я. В поисковики определены Труб и Гиг — летающие разведчики и воины, Ромеро — историк и знаток иноземных цивилизаций, Мэри — астроботаник, Лусин —

астрозоолог, Ирина с ее приборами, а также Орлан и Граций. Я сделал одно отклонение от штатных назначений. Я включил в нашу группу Бродягу. Олег удивился: ведь неповоротливый старый дракон снизит мобильность поиска! Да и скафандра на такую махину не подобрать! Я, однако, не думал, что Бродяга нам помешает, а что до скафандра, то драконы, как и демиурги, отлично дышат разреженным воздухом, куда лучше нас переносят жару и холод, недаром молодой Лусин на драконах взбирался на огнедышащие вулканы. И Бродяге надо было порезвиться на свободе. Звездолеты огромны для людей, демиургов и галактов, но конструкторы галактических кораблей и не помышляли, что когда-нибудь в корабельные списки будет внесено и такое существо, как гигантский летающий ящер. Бродяге на корабле и не наползаться еволю.

Олег вежливо слушал, вежливо улыбался, потряхивал золотыми кудрями. Этот человек, столь похожий на красивую девушку, непроницаем. Команды он отдаст дельные, им без спору подчиняются и спокойный Петри, и резкий Осима, и вспыльчивый Камагин, и рассудительная Ольга, тем более — все остальные. Но, кроме команд я мало что от него слышу. Слушает он внимательно, но реплики подает больше улыбками, а когда приходится отвечать, то отвечает решениями, а не соображениями. Так было и в тот раз.

— Тебе виднее, Эли,— сказал он.

Мы высадились на планете.

Она не удивила нас, когда мы рассматривали ее издали. В галактических странствиях мы видали миры и необычней. Стандартный космический шарик: размер — с Марс, атмосфера — сходная с земной, горы, моря, облака, вероятно, и зелень, и животные, может быть, и разумные существа. Каждый из поисковиков брал переносный дешифратор сигналов, а Ирина нагрузилась еще и специальными приборами. Трубу и Гигу тоже предложили дешифраторы, но бравые друзья недолгоблывали приборы, а из механизмов признавали лишь разрядники и гранаты.

Планета казалась обычной лишь издали, лишь в целом. Удивительный мир разбегался под нами вширь, когда планетолет опускался на вершину холма, торчащего посреди равнины. Такого мира мы еще не знали.

Он был выражен лишь двумя цветами — черным и красным. На красной земле текли красные реки, раскидывались некрупные красные озера, с красных скал низвергались красные водопады. А на фоне нагойливой вакханалии красного чернели леса и поля — черные деревья, черные кусты, черные травы. И над черными лесами летали черные птицы, в зарослях черного кустарника мелькали черные звери, в красной воде плыли черные рыбы. И облака над нами были черными с огненно-красными краями, они то сгущались — и всё красное в них пропадало в черном, то редели — и черное становилось красным.

— Преддверие ада таких же цветов: ты не находишь, Эли? — пробормотал Труб и озадаченно распушил когтями бакенбарды.

— Что могут ангелы знать об аде? — возразил я.

— Узнаем, — пообещал он и взмыл наверх.

— Мне кажется, всё неживое здесь красного цвета, а живое предпочитает черный, — заметила Мэри.

Граций величественно мотнул головой, он пришел к такому же мнению. Мнение это было тут же опровергнуто Трубом. Ангел погнался за птицей, схожей с нашим гусем, только раза в три крупнее. Черный гусь не сумел отделаться от быстро настигавшего ангела. Тогда птица сложила крылья и стала падать. Она падала, на глазах превращаясь из черной в пламенно-красную. На красную землю низвергся красный ком. Труб приземлился рядом и позвал нас. Птицы не было. На земле лежал небольшой валун, мертвый, холодный и такой же красный, как и всё вокруг.

— Это она, она! Она превратилась в камень! Она притворяется камнем! — твердил Труб и раздраженно толкал красную глыбу то ногой, то крылом, но никак не мог сдвинуть ее: валунок лежал на этом месте тысячелетия, так он врос в грунт.

Мэри с отвращением сказала:

— Здесь даже звуки черные!

Здесь и вправду всё звучало глухо и невыразительно. Я бы добавил, что и запахи были черные: и красная земля, и красная вода, и черные растения пахли одинаково — ничто не имело своего аромата, здесь не было своеобразных запахов, как не было и своеобразных звуков, здесь всё и звучало и пахло как-то смутно — ничто не признавало звонкости или резкости. Я ударил ногой о красный камень, который Труб счи-

тал преображенной птицей, Ромеро деловито постучал своей металлической тростью о металлический дешифратор: мы не слышали ни металла, ни камня, не было простукивания, не было удара — один плотный ком ваты как бы столкнулся с другим.

Трубу захотелось полетать над лесом, там он углядел новых птиц и резво помчался за ними, но и птиц больше не было и сам лес стал исчезать, когда Труб подлетел к нему. Лес опадал, прикипал к земле, превращался в землю, менял черный цвет на красный. И больше не было леса, была одна красная, голая, безжизненная земля.

— Гиг,— сказал я предводителю невидимок. — Разведка твоему другу не удастся. Не можешь ли ты помочь ангелу?

— Сейчас надену мундир, начальник! — воскликнул бравый Гиг и понесся вслед за ангелом. Исчезал он уже на лету.

Труб в недоумении парил над исчезнувшим лесом, ангела мы видели хорошо, а Гиг, естественно, зрению был недоступен, но извилистая линия внезапного опадания леса, превращение черного цвета в красный отчетливо отмечали невидимый полет Гига.

— Экранирование невидимок здесь не действует,— сказал удивленный Орлан.— А мы были уверены, что их невидимость совершенна!

Ирина подтвердила, что оптическая невидимость Гига недостаточна. Неизвестно, следит ли за нами кто-то, обладающий разумом, но если следит, то Гиг виден ему столь же ясно, как и не признающий экранов Труб.

— Нас терпят на расстоянии до двухсот метров,— объяснила она.— От двухсот до ста метров всё поспешно омертвляется. Чем быстрее мы приближаемся, тем быстрее омертвление. Граница в сто метров непреодолима. Внутри этого круга лишь красная окаменевшая земля.

Объяснение Ирины ничего не объясняло, оно само было загадкой. В эту минуту Гиг кинулся на реку. Картина убегающего мира привела воинственного скелета в ярость. Он усмотрел мирно текущую в красных берегах красную речку и набросился на нее. Река рванулась в сторону, в считанные секунды изменила русло и ошалело понеслась по камням. По пути ей повстречался обрыв, и река низверглась с него стреми-

тельным водопадом. Это было живое существо, быстро, ловкое, безмерно напуганное,— такое впечатление содалось у всех. А когда невидимка всё-таки настигла, река мгновенно иссякла. Было прежнее русло, были следы метания живой воды по земле, но реки не было. Она не ушла, не просочилась в недра, даже не пропала, как привидение. Она окаменела.

Гиг сбросил экран и опустил ся около нас.

— Начальник, я возмущен! — воскликнул он, сконфуженно затрепав костями.— Я еще не встречал таких трусов, как здешние деревья. И что за фокусы проделывают здешние реки? Ты мог бы мне объяснить, Орлан, почему шальная речка удрала от меня?

Орлан мог столько же объяснить, сколько я, а я ничего не понимал. Труб по-прежнему кружил над омертвелым лесом, Гиг присоединился к нему, на этот раз без экранирования. Возмущение невидимки скоро превратилось в восхищение. Ему стало нравиться, что всё, к чему он приближается, каменеет. Летящий скелет всё расширял круги полета, пока не скрылся за горизонтом. Ангел последовал за невидимкой. Я пошел к Бродяге.

Дракон пытался совершить небольшой круг в воздухе, но, тяжело поднявшись метров на десять, снова опустился на пригорочек. Здесь он обессиленно распластался, выдыхая густой дым, устало посверкивал тусклыми молниями. Меньше всего его можно было назвать огнедышащим громовержцем, к породе которых он генетически принадлежал. Я начал сожалеть, что разрешил ему принять участие в нашей рискованной экспедиции. Настроение это переменилось, когда я взглянул в выпуклые, оранжево-зеленые, насмешливые глаза дракона. У Бродяги был чертовски умный взгляд.

— Забавная планетка. Тебе не кажется, что здесь много загадок, Бродяга?

— Только одна,— ответил он.

— Одна? Я назову сразу три: живые реки и деревья, боязнь нас, их мгновенное превращение в камни. Я уже не говорю о том, что камнями становятся даже птицы!

— Только одна,— повторил он.— У меня ощущение, будто я встретился с самим собой — с прежним собой... Я угадываю присутствие мыслящего мозга, но не могу установить с ним связи....

На распластанном крыле дракона сидел Лусин. Я обратился к нему:

— А ты что скажешь о планете?

— Странная,— ответил он, подумав. И, еще подумав, добавил убежденно: — Очень странная!

7

Времени на размышление не было: Труб нуждался в указаниях, Гиг ждал приказов, все требовали разъяснений. Я сердито сказал Ирине:

— Немного стоят приборы, не способные установить такой простой факт, что живое, а что мертвое на этой дурацкой планете.

Она вызывающе прищурилась. Она вообще не взглядывала, а метала взгляды. Когда ее упрекали, она не оправдывалась, только раздражалась. Ольга не сумела воспитать свою дочь в послушании.

— Ошибаются не мои приборы, ошибочно ваше представление о том, что просто, а что сложно на этой планете.— Я молча разглядывал ее вспыхнувшее гневом лицо. Она сбавила тон: — Разрешите мне слетать на «Козерог», я возьму у Эллона другую модель скафандра, обеспечивающего лучшее экранирование.

— Для невидимок или для нас?

— Для каждого, кто захочет стать невидимым.

— Нет,— резко ответил я.— Я сам возвращусь на «Козерог». Мне надо посоветоваться с начальником экспедиции. Вы пока останетесь здесь.

Павел с опаской взглянул на меня и покачал головой. Я удивился:

— Вы недовольны?

— Может быть, лучше нам всем возвратиться, дорогой адмирал? Откровенно говоря, я не хотел бы проводить ночь на этой планете.

— Не понимаю, что вас беспокоит.

Он выразительно пожал плечами:

— В каждом из нас сидит ветхий Адам, любезный адмирал. Мы способны зажигать звезды, скручивать и расправлять пространство, чего, если верить древним, даже их боги не умели. Но чуть мы остаемся один на один с природой, в нас возрождаются старинные страхи, мы тогда не больше чем крохотная частица мира, не властелин, а игрушка его стихий.

Меня не убедили соображения о «ветхом Адаме». Планета была диковинна, но разве другим звездолетцам не встречались небесные тела и постранный? И если я согласился на общее возвращение на звездолет (а это, как доказали последующие события, было самым разумным), то не из сочувствия к ночным страхам Ромеро и тем более не потому, что предвидел будущее, — просто мне показалось излишним вникать в странности хоть и любопытного, но маленького мирка, найденного нами в звездных пространствах. У нас были задачи и поважней. Именно так я и доложил Олегу по возвращении на звездолет.

Олег выслушал меня, не сводя с лица обычной бесстрастно-учливой улыбки. Он мог бы и не расспрашивать: всё, что мы делали и о чем говорили на планете, транслировалось на звездолеты. И вряд ли следовало вооружаться такой отстраняющей улыбкой. Я намеренно говорю — отстраняющей. Улыбка подобна руке — ударяет, если зла, дружески пожимает, если добра, тянет к себе, если радостна. У Олега она заставляет сидеть на своем месте, улыбка подчеркивает дистанцию. На «Овне», «Тельце» и «Змееносце», которыми командуют Ольга, Петри и Камагин, отношения между капитанами и экипажем сердечней. Я постановил про себя высказать это Олегу при удобном случае. Случай представился немедленно. Я посоветовал созвать совещание капитанов звездолетов и решить сообща, продолжать ли исследование первой обнаруженной нами планеты.

— Но ведь ты считаешь, что делать этого не нужно, Эли, — возразил он.

— Мало ли что я считаю! Я могу и ошибаться. Мнение Эллона по данному вопросу может оказаться поважней моего. Инструментальная разведка в ведении его группы. Вдруг он предложит что-нибудь поинтересней скафандров, обеспечивающих невидимость?

— Не нужно больших совещаний, — сказал Олег холодно. — Мы удалимся из этого района.

Тогда я заговорил откровенно:

— Олег, почему ты держишься так отчужденно? Поверь, это не только на меня производит неприятное впечатление.

Он помедлил с ответом.

— Я не должен держаться по-иному, Эли.

— Не должен?

Он рассеянно глядел в угол. Лицо его покинула маскирующая вежливая улыбка. Он был прежний простой и ясный парень, каким я знал его на Земле.

— Эли, я не люблю Эллона,— сказал он.

— Никто не любит Эллона,— сказал я.

— Ты ошибаешься, Эли.

— За исключением Ирины,— поправился я.

— Для меня это достаточно важное исключение,— сумрачно признался Олег.— Мы были очень дружны, пока она не стала работать с Эллоном. Он выдающийся ум, но она уж очень им покорена. И Эллон, особенно в ее присутствии, непрерывно подчеркивает, что я выше по должности, но не по значению.

— У людей столкновения на этой почве невозможны.

— Эллон воспитан в обществе разрушителей, где были сильны ощущения ранга. За одно поколение психологию не переменить, Эли.

— Мы говорим о твоём отношении ко всем, а не к Эллону,— напомнил я.

— Я не могу выделить Эллона среди других. Ты знаешь заповедь звездопроходца, Эли: ко всем товарищам относиться одинаково по-товарищески. Но я не способен обращаться с ним, как с Ромеро, как с Орланом и Грацием. Для меня один выход: ни к кому не показывать особой приязни. Возможно, я неправ, но навязываться Эллону в друзья не буду.

Читать Олегу проповедь о звездной дружбе я не хотел и перевел разговор на другую тему:

— Твой отец когда-то задумывался над проблемами звездной гармонии. Он даже написал симфонию под названием «Гармония звездных сфер». Если не вру, она трактовала о круговороте миров, о людях и о небожителях — как раз наши сегодняшние проблемы. Но там была не одна музыка, но и другие ингредиенты — давление, жара, холод, перегрузки, невестность...

Олег хорошо знал биографию своего отца.

— Симфония провалилась при первом исполнении на Земле, небожители на Оре тоже не пришли в восторг. Она, вероятно, была преждевременна. Боюсь, что и мы преждевременны, Эли: пока звездная гармония осваивается с трудом. И, вероятно, мы еще встретимся с ингредиентами гармонии, поразительней жары и холода.

Наш разговор прервал сигнал тревоги. Мы поспешили с Олегом в командирский зал. Анализаторы извещали, что со звездой Красной творятся странные явления. Впечатление такое, будто она подверглась нападению. Все четыре корабельные МУМ, как мы установили впоследствии, независимо одна от другой, из всей бездны понятий, хранящихся в их памяти, дружно выбрали именно этот чудовищный термин — «нападение».

Изумленные, мы не отрывали глаз от звездных экранов. Издалека, из того самого района, куда был положен наш курс, неся мощный поток излучения — гигантский луч, нацеленный точно на Красную. Струя несущейся энергии была такой высокой интенсивности, что нам, со стороны, она казалась бледноватым силуэтом, слабо светящейся лентой, слегка затенившей звезды. И если бы нам отчетливо не было видно, что происходит со звездой, мы могли бы не понять, какая мощь заключена в поразившем ее луче.

Олег повернул ко мне побледневшее лицо:

— Какое счастье, Эли, что мы приблизились к планете! Если бы мы оказались сейчас по ту сторону Красной, вся эскадра превратилась бы в плазменное облачко!

— Что ты собираешься предпринять, Олег? — спросил я. — Бежать отсюда поскорей?

— Приблизиться к Красной, Эли. Мы должны разобратся, что происходит. Будем идти со всей осторожностью, конечно.

Он отдал распоряжение, и эскадра, оставаясь в эйнштейновом пространстве, направилась к уничтожаемой кем-то или чем-то звезде. Я сидел в кресле и хмуро глядел на экраны. Донесения анализаторов были очень тревожны. Я думал о гибели первой экспедиции в ядро Галактики. Воспоминания о той эскадре томили не одного меня в эти минуты.

В последних записях бортового журнала Аллана говорилось о том, что на их звездолеты обрушился поток губительных частиц и что Аллан с Леонидом пытались вывести корабли за пределы потока. Вырвавшись на чистый простор, они уже надеялись, что избежали непонятной опасности, как вдруг корабли снова настигли такие же потоки, как будто бы неведомые — во всяком случае, невидимые — генераторы губитель-

ного луча меняли прицел, следя за метаниями эскадры. Так продолжалось несколько раз, пока не оборвались записи и корабли с мертвыми экипажами, успешными перед гибелью задать автоматам обратный курс на Персей, не унеслись назад из ядра, так и не подпустившего их к себе. Именно целенаправленность ударов, не объяснимая ничем иным перемена направления узких потоков и заставили предположить потом на Земле, что против первой экспедиции велись военные действия, хотя они об этом и не подозревали.

Сейчас была аналогичная картина, с той лишь разницей, что луч обратили не против нас и что мощность его безмерно превосходила то, что обрушилось на корабли Аллана и Леонида. Обстреливали звезду, а не звездолеты — энергии требовалось побольше. Картина была реальная и немыслима в своей реальности — без конца исторгающийся поток энергии, строго параллельный луч — чудовищный лазер непрерывного действия.

— Война! — невольно сказал я вслух. — Какое нужно иметь безмерное могущество, чтобы так обстреливать звезды!

— Еще нужно установить, что это чье-то сознательное действие, а не стихийное явление природы, — возразил Олег. Он все не мог согласиться, что мы повстречались с космической стрельбой. — Это было бы слишком ужасно! Война против вторгнувшихся кораблей противника — всё-таки понятна. Возмутительно, отвратительно, преступно — да, но в конце концов не противоречит законам поведения живых существ. Но зачем воевать против мертвой звезды? Почему? Для чего?

— Я не могу ответить ни на один твой вопрос, Олег, — сказал я невесело. — Но уверен, что, если мы сегодня не будем соблюдать поистине исполинскую осторожность, мы угодим в беду горше той, что постигла эскадру Аллана, — даже трупы наши не вышвырнет на родину. Осторожность, кстати, не равнозначна трусости, я не зову возвращаться назад, — добавил я.

Олег старательно держал эскадру в отдалении от страшного луча. Экипажи дежурили на боевых постах. Мы были готовы немедленно включить все средства защиты, если бы луч повернули в нашу сто-

рону,— аннигиляторы пространства, генераторы метрики, гравитационные улитки. Я не сомневался уже и тогда, что вся эта казавшаяся нам столь могущественной защита не больше чем хлопущка против атомного снаряда. У меня не ослабевало ощущение, что мы резвимся на краю бездны. Мы не погибли лишь потому, что нас игнорировали. Удару подвергалась звезда, а не эскадра.

Чудовищный луч врезался в нее, как гарпун в тело кита, как шпага в грудь дуэлянта. Звезда набухла, разлеталась, исторгалась. До появления луча мы три недели кружили вокруг нее, она в те дни выбрызгивала огромные протуберанцы, ошетикивалась протуберанцами, как копьями,— пыльные струи разносились во все стороны. Сейчас она вся целиком превратилась в огромный протуберанец, она неслась на нас, тускнея, в дыме и пепле, пропадала в бешено разлетающемся собственном прахе.

Луч оборвался так же внезапно, как и возник. Звезда продолжала бушевать, но это была уже иная звезда. Добрая треть ее вещества, исторгнутая наружу, продолжала разлетаться, сгущая и без того плотную туманность. Ни с одной планеты звезду уже не было видно в оптике. Багровая пыль затягивала потускневшие светила дальних звездных районов. Пылевое облако мчалось, как после взрыва, оно продолжало расширяться.

А с планетой, на которой мы всего несколько часов назад побывали, было покончено. Собственно, планета сохранилась, но лишь как небесное тело. Диковинные формы жизни, открытые на ней, были уничтожены. Это с точностью показали бесстрастные анализаторы. Вся поверхность планеты, повернутая к Красной, была покрыта стекловидной оплавленной массой. Возможно, на другой стороне и можно было поискать остатков жизни, но там бушевали пожары. Для нас не было сомнений, что и мы все бы погибли, если бы остались в эту страшную ночь на планете.

Природа луча, столь неожиданно появившегося и так внезапно оборвавшегося, так и осталась непрясненной. В нем имелись тривиальные фотоны, нейтроны, протоны, ротоны, нейтрино, даже мало изученные ергоны, а также, вероятно, и еще не известные материальные микроконструкции. Но непонятным было взаимодействие этих всех частиц в луче, не говоря уж

о причинах появления или о назначении его. Нельзя было и вообразить никакого естественного процесса, создающего такой чудовищный гиперлазер. Но если то был и вправду обстрел, а не стихийно протекающий процесс, то для чего обстреливали звезду? Кто ее обстреливал?

Олег собрал совет командиров кораблей. Прибыли Ольга, Камагин и Петри.

Совещание транслировалось на все корабли. Олег обратился к ним с вопросом: что командиры думают по поводу событий, разыгравшихся на Красной?

— Космическая катастрофа с огромным расходом энергии, — сказала Ольга. — Я сделала некоторые подсчеты. Поток, исторгнувшийся из ядра, перенес энергию, достаточную для создания десяти новых планет. Маловероятно, чтобы где-то можно было изготовить искусственное орудие такой мощности. Я склоняюсь к тому, что мы встретились с новым космическим процессом.

— Если это космический процесс, то он опасен, — высказался осторожный Петри. — Пронесся бы такой луч через нашу эскадру, и воспоминания бы о нас не осталось! Меня смущает прицельность потока. Он шел издали и угодил точно в звезду. Такая точность для естественного процесса маловероятна.

— Космическая война! — воскликнул Камагин. — Друзья мои, разве вы не видите, что совершается сражение и объектом нападения является несчастная Красная? Вы спросите, почему кто-то нападает на мертвое светило? А разве люди не штурмовали мертвый камень вражеских фортов и крепостей, не разрушали города и посевы, леса и воды, чтобы лишить противника убежищ и источников питания? Мы не знаем целей войны, не знаем, кто ее ведет, не знаем, какую пользу кому-то приносит уничтожение Красной, но что это война — сомнений быть не может. И результаты ее мы видим слишком ясно — деградация главного светила, гибель удивительных, уникальных форм жизни!

— Если война, то надо определить, на чьей мы стороне, — объявил Осима. — Кто сеет зло, кто страдает от зла? А затем ударить на носителя космического зла, встать на защиту страдающих! — Он добавил с такой же решительностью: — Что до меня, то мне больно за странные существа, населявшие планету.

Удар направлен против них, а они были бессильны ответить контрударом. Жизнь их странна, но это жизнь, и она вызывает о защите.

На совете капитанов всегда присутствуют Орлан и Граций. Олег попросил высказаться и их. Им не хватало данных для решения. Сам Олег тоже не высказал определенного мнения. Мы не вправе ошибиться, ошибка непоправима. Если мы встретились с актом войны, не будем торопиться вмешаться в нее. Надо предварительно разведать силы и цели противника. А если в космосе разыгрались неведомые стихии, то тем более следует остерегаться их, чтобы ненароком не попасть в какое-нибудь чудовищное горнило.

— Нас интересует твое мнение, Эли,— закончил Олег.— Ты научный руководитель экспедиции, твое слово решающее.

— Мое слово ничего не решает, ибо я согласен со всеми,— объявил я.— Все мнения обоснованны, никакое категорически предпочесть не могу. Ближе всех мне анализ Камагина и желания Осимы. Но я бы не рискнул действовать по их программе. Я поддерживаю командующего. Изучение продолжается, категорические решения откладываются.

— Тогда продолжаем движение к ядру,— подвел итоги Олег.— Не ввязываемся в местные схватки, только присматриваемся.

После совета Камагин упрекнул меня:

— Эли, раньше вы были решительней! И раньше вы не соглашались поспешно со всеми, а имели всегда свои решения — и такие смелые, что голова кружилась. Вы постарели, адмирал!

Я с нежностью смотрел на Эдуарда. Он не постарел. Он ровно вшестеро старше любого из нас — и моложе всех. Маленький, быстрый, широкоплечий, с красивым лицом, с темной шевелюрой, темными живыми глазами, он сохранил ту смелую душу, что некогда повела его в космос на примитивных досветовых звездолетах, дала возможность пройти испытания трехсотлетней космической одиссеи. Он был всё так же, по-юному отважен, всё так же неизменно рвался в сгущение событий. Его имя, высеченное золотыми буквами в Пантеоне, начинается длинный список великих галактических капитанов, в отличие от него давно, давно умерших. Среди нас, участников второй экспе-

днии к ядру, он самый выдающийся. Я ласково положил руку на его плечо:

— Дорогой Эдуард, я и вправду всего боюсь. Я не могу забыть, что мы вышли на поиски рамиров, таинственного народа, о котором известно только то, что он могущественней нас. Что, если события, свидетелями которых мы стали, являются формой их деятельности в районах, прилегающих к ядру?

Камагин слушал меня с недоверием:

— Разумная цивилизация занимается истреблением звезд, обрекая на гибель все формы жизни в окрестностях этих звезд? Разум ополчился на разум? Не перехватили ли вы, Эли?

— Не знаю. Вдруг рамиры не одни,— вы можете отрицать такую возможность? Не враждуют ли между собой несколько могущественных цивилизаций, обитающих в околоядерном пространстве? Вы говорили об уничтожении посевов и отравлении рек в древних человеческих войнах. Не является ли нападение на звезды каким-то эквивалентом прежних нападений на посевы, реки и форты? Действие по могуществу действующего...

— Хорошо, будем действовать по нашему собственному могуществу — всего пока побаиваться,— сказал, прощаясь, Камагин и дружески мне улыбнулся, чтобы я не счел его возражение за обиду.

Ольга задержалась у Ирины, потом прошла к Мэри.

— Ты доволен моей дочерью, Эли? — спросила она.

— Надо спрашивать, довольна ли она мной,— отшутился я.— Она не очень-то меня жалует, но ссор у нас нет. Ты бы лучше спросила Олега.

— Я спрашивала. Нареканий на Ирину у Олега нет. Но сказал он это очень сухо. Меня тревожит, что между Олегом и Ириной пробежала черная кошка.

— Не черная кошка, а Эллон,— вмешалась Мэри.— А этот демиург страшнее любых кошек.

— Ирина увлечена работой в лаборатории,— уклончиво сказал я.— Вероятно, она не может уделять Олегу столько внимания, сколько раньше.

Олег приказал запустить аннигиляторы Танева. Мы вынеслись в сверхсветовое пространство. Красная с ее гибнущей планетой осталась позади,

Часть вторая

Гибнущие миры

Оплетавшие — останутся.
Дальше — высь.
В час последнего беспамятства
Не очнись.
У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения —
Не прозрей.
Я глаза твои. Совинное
Око крыш.
Будут звать тебя по имени —
Не расслышь.
Я душа твоя: Урания —
В боги — дверь.
В час последнего сияния —
Не проверь!

М. Цветаева

Бог на красные кнопки жмет.
Пламя райские кущи жнет.
Бог на пульте включил реле —
Больше рая нет на Земле.

В. Шефнер

1

Олег вызвал меня в командирский зал.

Корабль вел Осима, Олег разговаривал с Эллоном. Что-то важное должно было произойти, чтобы Олег захотел вызвать Эллона к себе и чтобы тот захотел покинуть лабораторию.

На звездных экранах смутно, сквозь бесконечный сумрак бесконечных туманностей, очерчивалось ядро, до него оставалось не более трех тысяч светолет. Сбоку мерцало пятнышко шарового звездного скопления. Пейзаж не показался мне удивительным: я видел его на экране всю последнюю неделю.

— Впереди по курсу — яма в пространстве, — сказал Олег. — Прямая на ядро — длинней обхода по кривой. И прямая — непостоянна. Чем мы ближе к ядру, тем оно дальше. Ядро отдаляться не может, следовательно, мы падаем в какой-то провал в метрике.

О провалах в пространстве я слышал и раньше, теорию их излагали в курсе астронавигации. Что пространство евклидово лишь в абстракции, известно

каждому. Но никто из галактических путешественников еще не встречался с подобными «провалами в провалах», как их называли. Было предположение, что в один из них угодило созвездие Гиад, оно непонятно как удалялось от всего окружающего. Олег должен был возглавить экспедицию в Гиады для проверки этой гипотезы, но, как я уже упоминал, ту экспедицию отменили в связи с нашим походом к ядру.

— Значит ли это, что, сохранив курс, мы не доберемся к ядру? — спросил я.

— Свет от ядра через яму проходит, — ответил Олег. — Но пройдем ли мы в сверхсветовой области? Что, если там не найдется физического пространства, которое смогло бы аннигилировать в генераторах Танава? Мы тогда будем падать и падать в бездонной бездне!

— Сколько помню теорию Нгоро, — сказал я, — провал в метрике может объясняться и замедлением времени в этих местах.

Мне ответил демиург:

— Это было бы еще хуже, адмирал. Замедление времени — та же яма, только из нее еще трудней выбраться, чем из пространственной. Я решительно против спуска в провал!

— Курс в обход пролегает через шаровое скопление, иной дороги нет, — задумчиво сказал Олег.

Я показал на звездные экраны. Космос нигде не заколочен досками. Почему не идти левее шарового скопления, выше, ниже его? Разве что-нибудь там тоже грозит?

— В том-то и дело, что грозит. Космос нигде не заколочен досками, ты прав, Эли. Но МУМ указывает, что окрестности ядра изобилуют такими же ямами метрики, как и та, что разверзлась впереди. Мы прокладываем курс по всей совокупности звезд, а не по одной, произвольно выбранной. И вот все звезды, что были справа и слева по курсу, вдруг стали очень быстро отдаляться. Разбегание достигает тысячи световых лет в неделю. Звезды не корабли, они не могут вырваться из оптического пространства. И красного смещения света нет, значит, нет и реального разбегания. Вывод один — свет в этих районах попадает в провалы метрики, где инерциальные линии колоссально удлиняются.

— А те звезды, что мы оставляем за собой?

— Там всё нормально, Эли. Мы ведь не оставляем на собой провалов в метрике! Нет, надежный путь только через шаровое скопление! Другого пути я просто не нахожу.

— Мне можно уйти? — спросил демиург. — Я свое мнение высказал.

Он удалился, а мы с Олегом молча всматривались в звездную полусферу впереди. Шаровое скопление появилось на экранах недели две назад, за это время мы в сверхсветовой области сблизилась с ним почти на сто светолет. Оно было еще далеко, но МУМ знала о нем немало: шарообразный звездный рой, десятка два светолет в поперечнике, около пяти миллионов звезд поздних классов, мчится от ядра, перпендикулярно к плоскости Галактики, скорость — 50 километров в секунду. Скорость невелика, но если помножить ее на давность существования звезд? За двести миллионов лет — срок по космическим масштабам небольшой — оно вообще покинет Галактику! Оно не просто двигалось в пространстве — оно убегало!

И еще одно отметили корабельные МУМ. Убийственный луч, поразивший Красную, шел, всего вероятней, из этого скопления. На трассе луча не было других светил, которые смогли бы его прогенерировать. Все иные источники, кроме какой-то из звезд скопления, отпадали, если не вычерчивать траекторию кривыми линиями. И вот, оказывается, скопление было также единственным доступными воротами к ядру.

— Пробка, затыкающая горлышко бутылки, — с досадой сказал Олег. — Или акулий рот, усеянный светящимися звездными зубами и готовый проглотить непрошеного пришельца.

— Другого выхода у нас нет?

— Другого выхода нет, — подтвердил он безразлично.

Эскадра повернула на шаровое звездное скопление.

Я много раз описывал звездное небо в рассеянных скоплениях Плеяд и Персея. Я хотел бы, не боясь повторений, снова в подробностях рассказать о новом звездном пейзаже. И если не делаю этого, то лишь потому, что картина, развернувшаяся на экранах, относится к тем, о каких говорят: «Прекрасно невыразимо». Шаровые скопления — теперь я это хорошо знаю — несравнимы с рассеянными. Вообразите себе небосвод, на котором две сотни земных лун, тысяча

Венер, сто тысяч Сириусов да еще отчетливо светятся остальные пять миллионов звезд, ибо ни одна не дальше десяти световых лет,— и вы поймете, что описать красоту этого звездного мирка невозможно.

Но на одной детали я остановиться обязан. Я сказал «деталь», но в ней, возможно, существо того явления, что названо звездным шаровым скоплением. Внутренний простор здесь совершенно прозрачен, настолько прозрачен, что пустые районы космоса кажутся пылевыми облаками в сравнении с ним. Нам, вырвавшимся из бездны тумана, особенно была радостна даль, лишенная пыли и газа. Если когда-нибудь «Козерог» вернется на базу, люди и наши звездные друзья смогут полюбоваться стереофильмами, запечатлевшими величественную красоту, поразительную чистоту этого убегающего из Галактики звездного мира. Даже тем, кто не желал и слышать о каких-то музыках звездных сфер, невольно приходили на ум именно такие сравнения: звездная гармония, симфония светил — настолько равнозначно пленительной музыке было это пленительное царство света и чистоты.

У многих звезд были планеты, мы тщательно фиксировали каждую. На планетах имелись идеальные условия для белковой жизни: умеренно жаркие солнца — я уже говорил, что звезды здесь в основном поздних классов, желто-оранжевые, красноватые,— прозрачность космоса, атмосферы, похожие на земные, вода, суша. Но ни на одной не было и следа разумных цивилизаций, не было даже простейших проявлений жизни. Миры прекрасные и безжизненные — такими они проходили мимо нас. Мэри хотела посетить какую-нибудь из планет, чтобы заразить ее жизнью, но было не до прививок жизни великолепным планетам: никто не забывал, что мы идем звездными воротами в иной мир. Парадные ворота превосходны, но что ждет за ними?

— Рай, до того как его заселили,— сказала Мэри, наблюдавшая в умножитель одну из планет.

— Рай на экспорт,— мрачно пошутил я, намекая на то, что звездное скопление выдирается из недр Галактики со скоростью двух десятитысячных скорости света.

— Если ты приписываешь бегство скопления действию каких-то разумных сил, то не слишком ли большим могуществом наделяешь их?

— Я ставлю вопросы, не программируя заранее ответы,— парировал я.

Про себя я, конечно, ответы программировал. Я перенапрягал свой мозг трудными вопросами. Все известные шаровые скопления равномерно, на всех осях, очень удалены от ядра, это тоже отдалается от него,— почему ядро Галактики как бы испаряется шаровыми скоплениями? Что заставляет их бежать на периферию, в то время как с отдельными звездами ничего похожего не наблюдается? Какие силы так старательно перетасовывают светила, чтобы в шаровых скоплениях оказались звезды одних поздних классов, наиболее удобные для белковой жизни? Почему так часто, в сотни раз чаще, чем у обычных звезд, встречаются у них планеты?

— Все шаровые скопления летят только наружу, перпендикулярно к плоскости, где в Галактике размещена основная масса звезд,— твердил я себе.— Они стремятся как бы на простор. Почему? Тысячи почему! Где же треклятые рамиры, они, вероятно, дали бы объяснение загадкам!

Эллон имел специальное задание — обнаружить на планетах шарового скопления механизм, ударивший по Красной. Признаков суперлазера он не нашел. Не было самого существенного — могущественной цивилизации, которой стали бы под силу такие орудия. День за днем, на малой тяге аннигиляторов, мы мчались через блистательный мир, запывая его дали сгоревшим в горниле кораблей пространством,— и не улавливали даже слабого сигнала, протестующего против порчи межзвездной среды. Великолепный мир, бесполезный мир, говорили мы между собой. В нем не было жизни, красота его была ни для кого. Он сиял про себя, для себя, в себе. Мы не могли простить ему такой расточительности. Бесполезный мир! — снова говорили мы с грустью.

2

Мы пронеслись сквозь звездные ворота ядра и снова попали в затуманенное пространство. Ядро дымит, как плохой костер, его повсюду заволокли газовые облака. Гигантские массы газообразного водорода мчатся во все стороны от ядра, как гонимые ветром, то разрежаются, то снова сгущаются. Ольга передала очеред-

ной расчет — материя, сконцентрированная в местных звездах, по массе меньше распыленной в межзвездном пространстве. Расчет показался ей удивительным, она призналась, что изумлена и обрадована необычностью явления. Я не удивился и не обрадовался. Я не люблю пыли ни на Земле, ни в космосе. Мэри с сердцем сказала:

— Почему тебя назначили научным руководителем экспедиции? В тебе нет настоящей любви к науке! Тебя никогда не восхищает новый факт сам по себе.

— Зато я люблю ученых и могу вытерпеть их открытия, а это не так уж мало, — ответил я. — В остальном ты права: меня восхищают только хорошие факты, а не просто новые.

Немного правее курса появилась коротко-периодическая цефеида. Это была типичная пыхтящая звезда, быстро меняющая объем, меняющая светимость. Я бы не стал тратить внимания на нее, хотя в ней обнаружили странности, не присущие нормальным цефеидам. В Олеге жилка ученого развита сильнее, чем у меня. По просьбе Эллона он направил эскадру к переменной звезде.

— Мы видели в рейсе множество цефеид, — сказал я Эллону. — Почему тебя заинтересовала именно эта?

— Она приближается к коллапсу, — ответил демиург. — Опадение звезды в точку может произойти со дня на день. Будет непростительно, если мы пропустим такое событие.

А Бродяга признался, что всегда мечтал приблизиться к коллапсирующей звезде. Несколько раз он издалека наблюдал за коллапсом звезд вне Персея, и это всегда было так грандиозно, что сжимались мозговые сосуды. Когда ему надоедала жизнь могучего звездного тюремщика, он воображал, что переносится на коллапсар и погибает с ним, наблюдая изнутри гигантскую катастрофу. Это было великолепно — не собственная гибель, конечно, а пейзаж гибели звезды.

— Бродяга, ты неисправимый романтик, — сказал я, впрочем, это не было руганью.

Ольга прислала новый расчет. Находиться поблизости коллапсара было не безопасней, чем попасть под луч, поразивший Красную. Только интенсивная работа аннигиляторов вещества могла гарантировать от катастрофы, если звезда перед коллапсом превратится в сверхновую, то есть выбросит наружу примерно с чет-

перть своей массы. Олег приказал заблаговременно подготовить аннигиляторы, приказ был обычный для этой операции: «К бою», хотя воевать со звездой бессмысленно; название наших технических операций отражает старые человеческие дела.

Но звезда не превратилась в сверхновую. Она уже когда-то была сверхновой, взрыв произошел за много веков до того, как мы появились здесь. Теперь от светила оставался лишь рудимент прежнего звездного гиганта, плотная, лихорадочно менявшая свой блеск и объем звездочка — правда, по массе раза в три больше нашего Солнца. И этот рудимент сколлапсировал на наших глазах. Мы увидели во всех подробностях антивзрыв, о котором столько слышали, но которого еще ни один человек не наблюдал вблизи.

Эскадра кружила вокруг звезды компактной группой — на время превратилась в ее спутника. Звезда была как звезда, ничто по виду не предвещало неотвратимо приближающейся катастрофы. Вдруг звезда стала проваливаться. Это было «вдруг» в точном значении слова, мгновение отделяло спокойное состояние от взрыва. Звезда взорвалась, но не наружу, а в себя. Она опадала, неслась в свою глубину, к своему центру. Олег приказал приблизиться, мы теперь летели на звезду, она — от нас. В момент антивзрыва диаметр звезды составлял миллиона три километров, он опал до миллиона, до ста тысяч, до тысячи... Звезда стала меньше Земли, но чудовищные силы по-прежнему стискивали, сдавливали, стягивали, уминали ее. Она была уже меньше земной Луны, но всё продолжала опадать, всё неслась к своему центру — небольшой, всё уменьшающийся шарик, такой безмерно плотный, что один кубический его сантиметр весил уже миллиарды, если не триллионы тонн. И тут звезда стала закатываться, она была уже не больше трех-четырех километров в диаметре, крохотная точка по космическим масштабам, — точка еще сверкала, но свет краснел, темнел, звезда пропадала в невидимости, в абсолютной невидимости — для волн, для частиц, для силовых полей. Больше не было шарика с чудовищно уплотненной массой, была черная дырка в пустоте — крохотная точка, зловещая дырка, втягивавшая в себя всё, что неосторожно приближалось к ней.

Олег велел эскадре затормозиться. Дальнейшее движение было опасно. Попади мы в притягивающее

поле «черной дырки», нас не спасли бы ни аннигиляторы вещества, ни генераторы метрики, ни гравитационные улитки.

— Ужас! — воскликнула побледневшая Мэри. Мы сидели с ней в обсервационном зале. — И такие невидимые страшилища подстерегают наши корабли, как черные пауки в кустарнике подстерегают путника. Оступился, шаг в сторону — и конец!

Коллапсары и вправду напоминают пауков космоса. К счастью, МУМ фиксирует все попутные поля. Если бы Олег не приказал остановиться, автоматы сами бы включили тормозные двигатели, когда притягивающие поля коллапсара подошли бы к опасной величине.

Пока мы разговаривали с Мэри, справа появилось космическое тело, по предположению — звездолет. Это показалось нам всем невероятным. Всего мы могли ожидать в этом неизведанном уголке Вселенной, никакое удивительное явление природы не сочли бы невероятным, но о встрече со звездолетом, искусственным сооружением разумных существ, и помыслить не могли! В страшном волнении мы кинулись к обзорным экранам. Анализаторы бесстрастно твердили одно: к нам приближается звездолет.

Я ушел в командирский зал. Это точно был корабль, а не космический шатун. И он удалялся от коллапсара! Он был на таком расстоянии от сконцентрировавшейся в комок звезды, что его не могло не затянуть в ее страшные объятия. Он должен был падать на нее с такой же быстротой, с какой она сама опадала в себя. А он улепетывал! Он мчался нам навстречу. В мире не существовало двигателей, способных развить тягу, столь превосходящую притягивающую силу коллапсара!

— Не антиколлапсар ли это — тело такой же массы, но с отрицательным тяготением? — предположил Олег.

— Тогда бы оно разорвало само себя на фотоны, — пробормотал Осима, не отрывавшийся от умножителя. — Любое тело лишь потому тело, что его частицы сдавлены в одно целое силами тяготения.

Олег возразил, что при коллапсе возникают удивительные процессы, среди них могло быть и рождение антимасс, связанных антигравитационными силами: внутри тела они проявляются как тяготение, а вне его, среди тел обычной массы, — как отталкивание. Он

близко подошел к истине, но истина всё же оказалась иной.

— Вероятно, Ольга уже проделала все расчеты, связанные с незнакомцем,— заметил я.— На «Овне» МУМ всегда работает с трехкратной нагрузкой. Запросим Ольгу.

Ольга поспешно совершила нужные расчеты. По ее вычислениям получалось, что летящего чужого корабля нет. Он был, мы его видели, он неистово мчался прямо на нас, но его не было!

— Чепуха! — сказал я с досадой.— Олег, я по горло сыт призраками и привидениями. Снова какой-то фантом, только космический, а не планетарный.

— Фантомы — тоже физические образования, реально существующие объекты, только не те, какими они кажутся,— заметил Олег.— А этого просто нет, хотя он есть, так надо понимать сообщение Ольги.

Наша МУМ подтвердила донесение Ольги. Все поисковые поля, направленные на незнакомца, показывали, что ничего нет в том месте, где он был. К нам несся подлинный призрак, куда призрачней тех, что мы творили генераторами фантомов. Я опустил ся к Эллону.

У него уже были Орлан и Граций, во всю длину пола разлегся дракон. Эллон разглагольствовал, но замолчал, когда я вошел.

— Эллон,— сказал я,— мы видим в оптике чужое тело, поисковые поля не обнаруживают его. Можешь ты разъяснить этот парадокс на языке доступных мне понятий?

— На языке доступных нам понятий — нет,— ответил Эллон. Он даже не захохотал, как обычно делал, предвкушая эффект своих объяснений. Эффект был сам по себе так значителен, что не нужно было подчеркивать его дьявольским хохотом.

— А на языке необычных понятий, Эллон?

— Звездолет, который мы видим, не существует в нашем времени.

Я переглянулся с Орланом и Грацием, потом посмотрел на дракона. Они понимали не больше моего. В стороне сидела Ирина,— раскрасневшееся лицо, блестящие глаза и то, что она кивала головой на каждое слово Эллона, свидетельствовали, что она убеждена, будто ей всё ясно.

— Не существует в нашем времени? В каком же, черт подери, времени он мчится на нас?

— Для нас он мчится из нашего будущего в наше настоящее.

— А не из прошлого в настоящее? — Объяснение Эллона было из тех, которые сгущают, а не рассеивают тьму.

— Из прошлого в настоящее мчимся мы. Верней, непрерывно отодвигаем наше настоящее в прошедшее. Время реактивно связано с нами — подталкивает нас вперед, в будущее, само улетает назад, в прошлое. Движение незнакомца — выстрел из будущего в настоящее. Его время не реактивно отскакивает от него, а мчится в том же направлении, как пороховые заряды в дулах орудий мчатся вместе со снарядом.

— Выстрел из будущего в настоящее? — Я подумал. — Но мы же видим чужой звездолет, Эллон, и видим его в нашем настоящем, видим уже два часа, и за это время то настоящее, которое было два часа назад, стало прошлым. Иначе говоря, звездолет существует в настоящем и прошлом, а не в будущем.

Мне показалось, что я поймал Эллона на противоречиях. Но демиург хорошо продумал свою концепцию:

— Мы видим в настоящем его тень, падающую из будущего. Образ корабля не больше чем тень, предвещающая появление реального объекта. Тень сокращается, то есть звездолет приближается из будущего в настоящее. Когда тень совпадет с объектом, он появится телесно.

— Он не пронесется из настоящего в прошлое?

— Думаю, что у него не хватит энергии, чтобы проскочить ноль времени, называемый «настоящим», или «сейчас», или «данное мгновение».

— Ты слышишь, Олег? — спросил я по стереофоноу. — Если гипотеза Эллона верна, то столкновение эскадры с чужим кораблем не грозит опасностью, ибо мы встретимся в точке, где сами находимся сейчас, а он будет лишь в нашем будущем, а сейчас в ней только его тень. Нам так же не страшна встреча с ним, как Чингисхану не страшна встреча с нашими звездолетами. Ты что-нибудь понял?

Олег ответил, что постарается избежать близкого контакта с чужим кораблем, безразлично, в каком тот времени обретається.

Гипотеза Эллона начинала мне нравиться. Всё де-

ло было в том, что звездолет мчался от коллапсара. При коллапсе меняется ход времени — и будущее, и прошедшее стягивается в точку. Говорят, у умирающего перед глазами проходит вся прошлая жизнь. У гибнущей звезды в какие-то считанные секунды выстраивается не только всё прошлое, но и всё будущее. Как это наглядно представить себе, я не знаю, но таковы выводы теории. Время так же концентрируется в плотный клубок, как чудовищно плотной становится масса.

И если в момент исполинского сгущения времени — стягивания сзади, из прошлого, и спереди, из будущего, — под таким временным прессом окажется чей-нибудь звездолет, и по каким-то причинам уцелеет, то чудовищное давление сгущенного времени вполне может выбросить его в будущее. Он будет в пространстве «здесь», а временно́ в далеком «там». И если он уцелеет в адском антивзрыве и если сумеет оторваться от схлопывающейся звезды, то, оказавшись на свободе, должен будет стремительно возвращаться в свое время, как камень, брошенный в высоту, рушится на землю. И тогда его приближение к нам будет означать не реальный бег в пространстве, а бег во времени: он последовательно появляется в тех точках пространства, в которых был, когда вылетал в будущее. Естественно, что, видя его тень, мы не нащупываем его самого нашими полями: его еще попросту нет.

Аргументация Эллона была достаточно сумасбродной, чтобы обосновать логичность сумасбродного явления.

А затем произошла встреча — и произошла точно по Эллону.

Олег постарался, чтобы шальной звездолет не угодил ни в один из кораблей. Эскадра выстроилась в кольцо, в центр кольца неся звездолет. Не долетев до нас, он стал тормозить, остановился. Теперь мы шли на него, он неподвижно висел в космосе: очевидно, пришел в ту точку, где началась инверсия времени, — и это было как раз наше «сейчас».

Окружив незнакомца кольцом, звездолеты висели над ним, ожидая, когда он телесно появится. Мы по-прежнему видели его расплывчатым силуэтом и по-прежнему поисковые поля не могли оконтурить его. Время на нем, похоже, замедлилось, он уже не падал в наше время так стремительно, оно тоже тормозило свой бег.

И вдруг чужой корабль вырвался в пространство физически. Все поля — эргонные, ротонные, протонные, силовые — сразу оконтурили его.

На экранах вспыхнула реальная картина — телесный предмет, а не его диковинная тень.

Звездолет напоминал улитку из тройного кольца спиралей: ни у нас, ни у галактов и демиургов не было ничего, отдаленно похожего на такую конструкцию. Корабль был совершенно прозрачен, как будто стенок у него не было и весь он состоял из мерцающего газа, сжатого какими-то силами в трехэтажную спираль. Лишь на острие возвышался темный нарост размером с наш корабельный зал — вероятно, командный пункт: МУМ сообщила, что в нем виднеются непрозрачные тела.

Впервые я увидел Эллона удивленным.

— Эли,— обратился он, забыв сказать традиционное «адмирал»,— Эли, вы знаете, что это за форма? Она воспроизводит гравитационную улитку, при помощи которой я отшвырнул хищную планету!

Дракон был удивлен не меньше демиурга.

— Так красочно описанная тобой «проблема пинка в зад» получила, кажется, не только силовое, но и предметное оформление,— съязвил я.— Конструкция, которая сама себе наддает!

На сигналы звездолет не откликался, ничто не свидетельствовало, что мы замечены. Граций высказал предположение, что корабль — живое существо и что оно, сохранив телесную форму, погибло при антивзрыве коллапсара. После того как мы познакомились с планетами-существами, мысль Грация никого не поразила.

Олег велел вести планетолет к чужому кораблю.

Планетолет облетел улитку, ощупал ее полями, искал, но не нашел входов. Осима решил отделить кабину от корпуса. Вскоре мы увидели гибель звездолета. Кабина, охваченная нашими полями, сохранилась, а корпус из светящегося газа мигом распался, чуть срезали кабину,— бесформенное облачко поплыло к нашей эскадре, оно больше не мерцало.

Планетолет возвратился на причальную площадку «Козерога».

— Полюбуйтесь, каких зверей я притащил! — сказал Осима, выпрыгивая из планетолета.— Чужого корабля сохранить не удалось, чужие астронавты достав-

лены. Но они все мертвы! Они уже миллионы лет мертвы, если верить Эллону, что мы повстречали не звездолет, а времялет.

Внутри кабины лежало шесть тел. Несомненно, когда-то они были живыми, сейчас ничто не свидетельствовало о жизни. Прозрачные стенки кабины напоминали силовые экраны, натянутые на каркас, тоже, впрочем, прозрачный.

— Кабину лучше не открывать, а размывать, — сказала Ирина. — Размыв сделаем нашими защитными механизмами, запущенными на обратный ход, чтобы они всасывали, а не генерировали поля.

Силовые насосы быстро рассосали стенки кабины. Мертвые тела выпали на площадку.

Не было похоже, чтобы катастрофа, погубившая чужих астронавтов, сильно их деформировала. Но это были очень странные существа!

Они чем-то походили на нас, на всех — людей, демиургов, галактов, ангелов, даже драконов, — и были очень иными: все с головами, с лицами, с волосами на голове, но волосы — каждый толщиной в палец — напоминали змей; с глазами, но трехглазые; со ртом — круглым отверстием, оно могло и открываться, и плотно смыкаться; сейчас безгубые рты у всех были полуоткрыты.

Небольшая голова покоилась на мощном черном теле паука, опиравшемся на двенадцать ног, восьми-членных, толщиной в человеческую руку.

— Живое! — взволнованно закричал Лусин, бросившись к одному из распростертых на площадке созданий. — Дергается!

Граций поспешно схватил Лусина за плечо, чтобы он близко не подошел к паукообразным. Из мощных рук галакта Лусин выбраться не мог, но всё настойчивей указывал на ближнее к нам тело и всё взволнованней твердил, что незнакомец жив.

Вскоре и я увидел, что одна из ног дернулась, зашатались и волосы на голове. Незнакомец сделал слабую попытку приподняться и снова упал. Два его нижних глаза с усилием открылись, обвели нас мутным взглядом и смежились. Движение, очевидно, стоило ему столько сил, что он опять впал в бесчувственность.

— Пятеро мертвы, но этого можно привести в чувство, — сказал Олег. — Куда бы поместить его для выздоровления?

Эллон попросил себе ожившего космонавта. У него в лаборатории тесновато, но для такого любопытного создания местечко найдется. И если понадобится экспериментировать для оживления паукообразного звездного странника, всё равно ведь придется доставлять его в лабораторию, не так ли?

— Берите его, Эллон,— разрешил Олег.

Ромеро обратился сразу к Олегу и ко мне:

— Высокочтимые друзья, не будете ли вы возражать, если я присвою нашим новым двенадцатиногом знакомым название аранов?

Мы поинтересовались, почему Ромеро придумал такое название. Он объяснил, что словечко «аран» как-то связано в древних человеческих языках с обликом паука. Оспаривать, что незнакомцы похожи на земных пауков, мы не могли.

— Еще они похожи на альтаирцев,— заметил я.— Только те симпатичней.

— Те дружелюбней и сердечней и, несомненно, значительно менее развиты, чем араны.

Потом я часто припоминал, с какой точностью с первого взгляда Ромеро определил характер аранов.

3

Аран стоял на двенадцати ногах, запрокинув небольшую голову. Издали казалось, что он остановился сам и вот-вот пойдет опять или даже побежит, уверенно перебрасывая ногами. Поза эта была придана ему извне, сам он валился на бок, чуть ослабевало поддерживающее поле. Он обретался всё в том же беспмятстве, в каком мы внесли его в лабораторию. Граций пошучивал: в «иновременности», ему, как и мне, нравилась гипотеза Эллона о бегстве корабля аранов при помощи инверсии времени.

День, когда аран раскрыл три глаза, запомнился всем.

С момента встречи со звездолетом прошло больше месяца. Мы оставили далеко за собой «черную дырку» коллапсара. Я зашел в лабораторию и разговаривал с Эллоном. Нас прервал удивленный возглас Ирины:

— Он парит! Эллон! Эли! Он парит.

Аран и вправду парил. И не только парил, но и двигался на нас. Эллон отпрянул назад, я тоже. Меня испугал третий глаз, я впервые увидел его раскрытым.

Верхний глаз не вглядывался, а высвечивал. Он был пронзительно, беспощадно зорок. Во взгляде двух нижних глаз тоже не было уже прежней замутненности, но это были глаза как глаза, умные, немного грустные, без особой проницательности. Позднее мы узнали, что верхний глаз аранов способен ослеплять. Он, конечно, не лазер, но что-то от лазерного действия в нем есть.

Эллон поспешно усилил защитное поле, арана отбросило, ударило о пол. Эллон потом оправдывался, что ему показалось, будто чудище собирается напасть. Думаю, что Эллон действовал правильно. Последствия инверсии времени не прошли, мозг арана был еще далек от полной ясности. В обычном своем состоянии араны для людей и демиургов безопасны, если их немного.

Эллон ослабил поле, и аран, подтянув расплзающиеся ноги, снова медленно взмыл. Он явно стремился подобраться к нам.

— Настраивай дешифратор, — попросил я Ирину. — Возможно, нам удастся найти общий язык.

Одновременно я пригласил в лабораторию всех поисковиков. Появились Мэри, Лусин, Ромеро, Орлан, Граций, приполз дракон. Места ему не хватило, он остановился, не вытянув хвоста из коридора, но аран приподнялся выше, и дракон удобно вытянул шею как раз под ним.

Ирина запустила дешифратор на все диапазоны, но контакта не было. Если аран и генерировал какие-либо сигналы, то они до нас не доходили. Ирина сказала почти с отчаянием:

— Он, несомненно, мыслящее существо, но наши приемники не способны понять его.

— Зато, мне кажется, он понимает нас и без специальных приемников, — задумчиво сказал Орлан.

Его, как и меня, смутил умный взгляд нижних глаз и пронзительность верхнего.

Мне надоела возня с дешифратором, я поднялся. Мэри тоже поднялась. Я кивнул ей, она подошла со мной вплотную к пауку-космонавту. Не знаю, почему мне понадобилось так пристально вглядываться в него. Вероятно, подействовало замечание Орлана. Меня возмутила мысль, что нас понимают, может быть, даже хладнокровно изучают, а мы, подопытные кролики, покорно ждем — не соблаговолит ли наблюдатель

обратиться к нам с ясной речью. Не уверен, что мне удалось выразить свое настроение точно, но раздражение свое хорошо помню.

И почти с недоброжелательством я переводил взгляд с мощных восьмисуставных ног на круглое, покрытое черными волосками брюшко, с брюшка на голову — на ней торчмя стояли не то волосы, не то руки, не то змеи, — с головы на трехглазое, круглоротое, безбровое лицо. Взгляд нижних глаз, темных, круглых, грустных, я стерпел: они по-прежнему только смотрели, в них не было вызова, но верхний глаз зло сверкнул, — я должен был с ним побороться; я бешено уставился в надменно пронзительный, недоброжелательный глаз, собрал всю волю, чтоб отразить поток вражды, льющейся из него, чтоб смять, разорвать, растопить неприязнь, прожекторно ударившую в меня.

Мэри с испугом схватила меня за руку:

— Эли, что с тобой? Ты так побагровел!

— Оставь! — сказал я сквозь зубы. — Я хочу показать этому звездному проходимцу, что он встретился с высшей силой, а не с тупыми животными!

Теперь я могу только удивляться, откуда у меня нашлись такие слова, такое страстное негодование. Паукообразный странник в конце концов не оскорблял нас, а неконтролируемые ощущения чести никому не делали, тем более мне, руководителю экспедиции. И, вероятно, в следующее мгновение я нашел бы силы остановить себя: я мельком увидел удивленное лицо Орлана, укоризненный взгляд Грация, до меня донесся горестный вздох Лусина — всё это воздействовало бы на меня, если бы сам звездный странник не притупил мою неожиданную ярость. Верхний глаз вдруг погаснул, он уже не отличался от двух нижних, глаза были как глаза, глядящие, старающиеся понять, они могли вызывать удивление, интерес, даже сочувствие, только не бешенство. Мне стало стыдно своей вспышки. Я сказал, стараясь ни на кого не смотреть:

— Я пойду. Контакт с незнакомцем, несомненно, будет. Но не уверен, что он произойдет в следующую минуту.

Контакт произошел в следующую минуту. Не успел я сделать и трех шагов к двери, как раздался голос пришельца. Аран говорил на хорошем человеческом языке.

Нет, он не говорил в нашем смысле. Не возникало

того сотрясения воздуха, какое называется звуком. Да он и не мог бы говорить, у него просто нет нашего аппарата речи. Но голос его звучал у каждого в мозгу — и у каждого звучал по-разному, сообразно природе самого слушателя. Аран доносил свою речь непосредственно в клетки мозга, минуя уши. Он вел разговор колебаниями мозгового вещества, в хаосе волн, мятущихся в наших мыслительных клетках, безошибочно выбирал те, что вызывали ощущение речи: так нажатие на глазной нерв порождает ощущение вспышки света. Когда мы вернемся — если вернемся! — специалисты разберутся в этой речи без слов, в музыке без звуков. В конце концов тот же принцип лежит в работе и наших дешифраторов, но дешифратор не может так свободно установить контакт с разномыслящими существами, как делал аран.

— Я понимаю вас,— сказал он каждому на его языке.— Вы будете понимать меня. Я беглец из Гибнущих миров. Нас было шестеро. Мы хотели совершить поворот нашего времени, выйти в дальнее время и удержаться в нем. Нам не удалось удержаться, мы выпали из дальнего времени в свое. Мои товарищи погибли при первом повороте. Они не вынесли будущего. Они могли жить лишь в настоящем. Я уцелел, но потерял сознание при падении в свое время из дальнего. Вы спасли меня. Задавайте вопросы.

Великую бы я совершил погрешность против истины, если бы не упомянул об изумлении, с каким мы слушали паукообразного астронавта. Я хочу разобраться в причинах изумления, они важны. Нам встречались существа и подиковинней по внешности. И в прямой речи, мыслью в мысль, без содействия дешифраторов, особой странности не было,— разве не так когда-то внедрял в мой мозг свои сообщения Орлан? Не было поводов удивляться! А мы растерянно переглядывались, ни один не мог скрыть изумления. Взвешивая все происшедшие потом события, я нахожу лишь одну причину: слишком уж скор и прост оказался контакт со странником. Совершенство понимания нашего языка, нашего способа мыслить, нашей логики, наших чувств — вот что было непостижимо, и мы, сами того не сознавая отчетливо, поразились, даже немного испугались того, как легко удалось постороннему проникнуть в наши мысли и заговорить внутри нас своим голосом на нашем языке. Здесь была не

только неожиданность, но и опасность, мы ощутили ее сразу. И мы уже не так вслушивались в содержание передачи незнакомца, сколько в то, как она идет. Какой-то древний остряк пошутил: «Самым интересным у говорящей лошади является не смысл ее речи, а тот факт, что она вообще разговаривает». Аналогия с говорящей лошастью была. Я похвастался перед всеми, что незнакомец повстречался с высшей силой. Обращением к нам он скромно показывал, что мы повстречались с высшим разумом.

Первым овладел собой Ромеро.

— Если не возражаете, я поведу беседу с уважаемым скитальцем по времени, — сказал мне Ромеро и обратился к арану: — Итак, дорогой звездный гость, вы беглец из Гибнущих миров. Разрешите поинтересоваться — что это за Гибнущие миры?

В мозгу каждого прозвучал ответ:

— Вы скоро увидите их. Вы идете курсом на Гибнущие миры.

— Вы принадлежите к жителям Гибнущих миров?

— Они населены такими, как я и мои погибшие друзья.

— Я еще возвращусь к вопросу о природе мест вашего обитания, если не возражаете. Сейчас меня интересует другой вопрос. Вы бежите из родных звездных гнездовий, если позволено так назвать ваши... гм... Гибнущие миры. Но почему для бегства вы выбрали коллапсар? Такое ужасное событие, как коллапс, само по себе губительнее всякого иного явления во всем звездном мире.

— Наши миры поразила болезнь времени. У нас рыхлое время, оно часто разрывается. Я читаю в ваших мозгах название страшной болезни, когда-то свирепствовавшей в ваших мирах. У нас рак времени.

— Рак времени! — воскликнули мы почти разом.

— Да, рак! Такое название дает самое точное представление о болезни времени, текущего в Гибнущих мирах. Мы захотели вырваться из больного времени в любое другое, прошлое или будущее, лишь бы здоровое. Смена времени при коллапсе звезды возможна, там время трансформируется. У нас была защита от усиления гравитации. Мы попали в инверсию времени, как хотели. Но будущее не удержало нас в себе.

— Печальный просчет, дорогой... Скажите, как вас называть?

— Называйте Оа́ном, имя подходит для вашего языка.

— Итак, вы шестеро надумали бежать из своего общества и своего времени?

— Из времени, а не из общества. Мы — посланцы отвергателей конца.

— Я правильно понял — отвергателей конца?

— Да, отвергатели конца — наши братья, отправившие нас на разведку выходов в здоровое время. Наши враги — ускорители конца, их воодушевляет восторг гибели.

— Отвергатели конца, ускорители конца... Если я правильно толкую, между этими двумя группами раздоры?

— Война! — прозвучал ответ. — Отвергатели воюют с ускорителями, чтобы те не ускоряли, а ускорители нападают на отвергателей, чтобы те не отвергали. Ускорителей поддерживает Отец-Аккумулятор.

— Отец-Аккумулятор? У нас название «аккумулятор» не соответствует живому существу!

— Я нашел его в ваших мозгах. Оно хорошо выражает природу властелина, животворца и мучителя, осуществляющего грозную волю Жестоких богов.

Ромеро повернулся ко мне. Он выглядел совершенно обалдевшим. То, что его ошеломило, какие-то мелкие раздоры отвергателей и ускорителей, какой-то свирепый Отец-Аккумулятор, было неизмеримо менее важно удивительной формы вопроса: мы усердно дознавались у Оана о нем и о его обществе при помощи хитроумных вопросов, а он спокойно читал в наших мозгах, как в книге. Мы допрашивали его, он видел нас насквозь и отнюдь не собирался скрывать, что всё в нас ему раскрыто! И хоть его ссылки на находки в наших мозгах удачных понятий и терминов не звучали угрозой, самый факт таких поисков и находок был грозен. Я с раздражением обратил на это внимание Ромеро:

— Павел, вы его выпрашиваете, но он, кажется, так хорошо разбирается в нас, что мог бы развеять наши недоумения и без вопросов. Мне думается, он узнает, что нас интересует, еще до того, как мы сами осознаем, чем надо заинтересоваться.

Я говорил это, не отрывая глаз от незнакомца. Он спокойно покачивался перед нами на двенадцати ногах. Я должен остановиться на этом: покачивание

Оана тоже принадлежит к разряду удивительностей. Он парил между полом и потолком — я уже упоминал об этом. И он покачивался, паря! Не взлетал вверх и не опускался, как птица, а раскачивался на гибких ногах! Он опирался ими о воздух, как о грунт, подошвы покоились неподвижно, а ноги плавно изгибались в сочленениях, туловище то опускалось, то поднималось. И змееволосы на голове шевелились, то разбрасывались в стороны, то собирались в пучок, то удлиннялись, то сокращались, они были очень живыми, эти жуткие волосы, похожие на десятки хищных рук, ими, не сомневаюсь, можно было хватать и кусать, душить и гладить, вероятно, и присасываться, и оплетать. Ромеро потом говорил, что подобные волосы носили вымершие древние горгоны. Думаю, он преувеличивает. Я хорошо знаю земные музеи, но горгон там не экспонируют, во всяком случае, мне они не попадались.

Оан, безусловно, понимал, чего я от него хочу, но я не подумал выполнить мое желание. Ромеро ничего не оставалось, как продолжать расспросы:

— Итак, отвергатели и ускорители конца, животворец и мучитель Отец-Аккумулятор, Жестокие боги... Я не уверен, что человеческие понятия о богах соответствуют реальным существам вашего мира. Наши боги — создания фантазии, они не открыты в реальном мире. Вне наших грез их нет и не было. Вы меня понимаете, уважаемый Оан?

— Да. Понятие «боги», найденное в вашем мозгу, вполне соответствует властителям Трех Пыльных Солнц. Нужно только добавить определение «жестокые» (словечко «определение» отчетливо прозвучало в моем мозгу), ибо властители Трех Пыльных Солнц безжалостны. Ускорители покорны велениям Жестокых богов, отвергатели восстали против них.

— Вы видели кого-нибудь из Жестокых богов? Из вашего описания я делаю вывод, что их много.

— Их много. Они принимают любой облик. Они среди нас и везде. Любой может стать маской прокравшегося Жестокого бога. Они всё о нас знают, но не позволяют что-либо знать о них. Ваши слова «дьявольская хитрость» точно выражают их отношение к нам. Они — боги-губители. Они — боги-дьяволы. Мы были когда-то великим народом, теперь мы жалкий народ. Так они захотели.

Ромеро опять повернулся ко мне:

— Вы что-нибудь понимаете, Эли?

— Не больше, чем вы, Павел. Ясно одно: существует могущественная цивилизация, не очень церемонящаяся с интересами аранов. Возможно, это рамиры, которых мы ищем. В таком случае, первые сведения рисуют их не в очень благородном свете.

Ромеро исчерпал свои вопросы, беседа стала вольной, в нее вмешались даже Орлан и Граций. Раньше у Орлана я не замечал особенного любопытства, а величественным галактам любопытство вообще не свойственно: им всегда так хорошо с собой, что на интерес к постороннему уже не хватает душевных способностей. Паукообразный астронавт заставил галакта изменить своим обычаям. Лишь Бродяга, Эллон да я не задавали Оану вопросов. Дракон прислушивался, хитро прищуриваясь, а Эллон, по-моему, даже обиделся. До сих пор везде, где он появлялся, центром внимания неизменно становился он сам, а тут, захваченные пришельцем, на него и не глядели. Вероятно, раздосадованный, он и ушел бы, если бы мы не находились в лаборатории, где он проводит всё свое время и куда опрометчиво выпросил Оана. Что до меня, то я не обращался к Оану, потому что все вопросы, какие я мог поставить, задавали раньше меня и лучше меня другие.

Из ответов Оана я запомнил вот что.

Араны заселяли вторую планету из девяти, вращающихся вокруг Трех Пыльных Солнц — по-видимому, Тройной звезды. На остальных восьми планетах жизнь не развилась. Сохранились предания о временах, когда Три Солнца были ясными, а сами араны — могущественным народом. Им удалось преодолеть планетное притяжение и вырваться в межзвездный простор. Искусство создания галактических кораблей давно утрачено, лишь один корабль сохранился в пещерах Отца-Аккумулятора — его и похитили отвергатели, когда надумали испытать возможность бегства в будущее в сгущении времени коллапсара.

Многие тысячелетия никто и не слышал о Жестоких богах. Но они появились и взбаламутили Ясные Солнца, душная пыль затянула планету. Электрические бури высасывают энергию из тел аранов, после каждой бури остаются тысячи трупов.

Араны пытались бороться, создали корабли, поглощающие космическую пыль. Электрические сердца космолетов наполнили межзвездное пространство засасывающими полями, пыль оседала на кораблях, они, разбухая, превращались в маленькие планеты. Две такие искусственные планеты приблизились к Трем Солнцам и погнали пыль обратно на светила. Всё, что Три Солнца выбрасывали наружу, возвращалось к ним. До этого момента могущественных пришельцев араны не интересовали. Они переменились сразу. Корабли-чистильщики были взорваны в мастерских и в космосе. Космолеты, ставшие планетами, вышвырнули за пределы системы Трех Солнц, и сейчас они слоняются где-то, поглощая встречную пыль и расправляясь с мелкими космическими телами, ибо сконструированы так, что лишь при притоке постороннего вещества сохраняют жизнедеятельность.

— С одним космическим хищником встретились и мы,— сказал Ромеро.— Он напал на нас, но мы его отбросили.

— Лучше бы вы его уничтожили,— сказал Оан.— Такой корабль полезен как космический дворник, но принесет много вреда как космический разбойник.

С уничтожения кораблей-чистильщиков начались главные беды. Вслед за ними уничтожались и обычные звездолеты. Перед дальними рейсами они проходили подзарядку у Трех Солнц, накапливая запасы энергии. Теперь взрывался любой корабль, устремившийся к Трем Солнцам. Стало опасно выходить в межзвездный простор. Несколько кораблей ушло к другим солнцам, сообщения от них вскоре перестали поступать — очевидно, они погибли.

Так стала закатываться цивилизация аранов. Воцарилась беспощадная власть, противоборствовать ей было непосильно. Оставалась одна надежда — неведомые боги внезапно появились, могут так же внезапно исчезнуть. Нужно притаиться и выжидать часа освобождения.

Араны притаились, но вместо радостного освобождения пришло горькое прозрение. Тогда и стали называть пришельцев Жестокими богами. Они терзали не только аранов, но и саму природу. Они замахнулись на самое время! Им не понравилось спокойное, однолинейное время Трех Солнц, они стали его выгибать и вспучивать. У планеты аранов имеется спутник —

единственное место, куда Жестокие боги разрешают выбираться, не наказывая. Но день, проведенный на спутнике, старит как неделя на планете. А у тех, кто забирался дальше спутника, время разрывалось в теле. Сердце арана жило в одном времени, ноги в другом. Одни части тела долго не старели, другие дряхлели быстро. В аране сохранялась молодость и нарастала старость. Он был в прошлом и в будущем. Он мыслил разными мыслями, и желал разными желаниями, и отвечал на вопросы: «Да— нет! Да — нет!» Он переставал двигаться — одни ноги стремили вперед, а другие тянули назад. В душе — разнонаправленные позывы: аран погибал от противоборствующих страстей души. Страх заразиться раком времени заставил отказаться от межпланетных перелетов, даже не наказываемых богами.

Сознание конца породило последнюю попытку восстать против Жестоких богов. Жестокие подавили аранов. Корабли гибли на стапелях — нарушалась синхронизация двигателей, каждый работал в своем времени. Разновременность поражала и рабочих, они путали приказы и операции, не было случая, чтобы команды одинаково воспринимались и выполнялись одновременно. «Жестокие боги среди нас! Жестокие боги в нас!» — кричали рабочие, разбегаясь. На слабеющее, редееющее общество аранов обрушились электрические бури. Раньше араны свободно поглощали электроэнергию, она их пища, их язык, их способ мыслить — пищи стало слишком много, она породила электрические ураганы: стала свирепствовать грозная Мать — Накопительница молний.

Тогда и возникло движение ускорителей конца. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца! — таков их надрывный символ веры. Публичные праздничные самосожжения — вот картина общественной жизни. Энергетические ресурсы Отца-Аккумулятора, единственного источника существования, используют для самоистребления. Животворитель превратился в терзателя.

— Мы, отрицатели, малочисленны, — закончил Оан. — Но мы верим, что можно отвратить гибель. Выкраив сохранившийся звездолет, я и мои друзья решили проверить, возможно ли бегство в наше прошлое через поворот в будущее. Мы хотели замкнуть кольцо времени, но будущее не удержало нас, мы не поверну-

ли плавно в прошлое. Я не знаю, кто вы, пришельцы. Но вы спасли меня, вы добры, я читаю это в клетках вашего мозга. Помогите бедствующим! Оградите нас, вызволите нас!

На этом он замолчал. Впоследствии мы узнали, что в нем истощился запас электрической энергии. Нужно было время, чтобы клетки внутреннего аккумулятора накопили новый запас. Тогда нам показалось, что он попросту устал от наших расспросов и своих разъяснений. Впрочем, всё существенное стало известно.

Ромеро сказал, что звездному страннику надо отдохнуть. Лаборатория опустела. Я хотел поговорить с Эллоном и пригласил его к себе. Эллон так не любит покидать лабораторию, что согласился без охоты.

Наша с Мэри квартирka состоит из двух комнат — спальни и гостиной. В гостиной — мы с Мэри называем ее моей комнатой — всю торцевую стену занимает звездный экран, он, конечно, меньше смонтированных в командирском и обсервационном залах, но я выговорил себе привилегию квартирнoгo экрана, чтобы была возможность размышлять над звездами в одиночестве. Эллон неуклюже уселся в кресло. Демиурги не любят сидеть. Им вольно лишь там, где можно широко попрыгать из угла в угол, в моей маленькой комнате не расшагаешься.

— Эллон, — сказал я, — мне не нравится, что Оан свободно читает наши мысли и без всякого усилия усвоил все наши языки. Ведь он с тобой разговаривал не на нашем, человеческом?

— Нет, конечно. Он отлично владеет языком демиургов. В частности, диалект средних планет Семьдесят девятой звезды Персея, на котором я разговаривал в детстве, ему прекрасно знаком, мне было приятно услышать эту малораспространенную речь. С Орланом, адмирал, я разговариваю на государственном языке демиургов, Орлан просто не понял бы меня, если бы я обратился к нему на своем родном диалекте.

— Орлан не понял бы языка, бытующего в его народе, а звездный чужак, ни разу никого из нас не видевший, мгновенно, без всяких усилий, не обучаясь, заговорил на незнакомых ему языках, и по крайней мере на пяти-шести одновременно.

— Тебя это удивляет, адмирал?

— Меня это пугает, Эллон. Я не понимаю, откуда берется такая мощь интеллекта.

— Предположи, что мы встретились с высшим разумом, Эли. В том смысле, что разум этот по развитию много выше нашего.

Я недоверчиво усмехнулся:

— Высший разум — и деградирующее существование? Пронзительный интеллект — и примитивные суеверия? Или на твоём языке средних планет Семьдесят девятой звезды Персея пришелец не говорил о Жестоких богах, о злобредном Отце-Аккумуляторе, о какой-то злобной Матери—Накопительнице молний?

— Противоречие есть,— согласился Эллон.— Противоречие неравнозначно невероятности и не свидетельствует о немыслимости. Чего ты хочешь от меня, адмирал?

— Нельзя ли снабдить нас всех экранами, которые воспрепятствовали бы Оану читать наши мысли? У нас, на Земле, попытка проникнуть в чужие мысли считается предосудительной. Даже наши дешифраторы снабжены ограничителями, не позволяющими проникать в мысли без согласия самого мыслящего. Лишь во время поиска ограничители снимаются.

Эллон крутанул свою голову на гибкой шее на добрых сто восемьдесят градусов. У демиургов такое вращение соответствует нашему легкому отрицательному жесту.

— Не думаю, чтобы такой экран удался, адмирал. И не уверен, что лабораторию нужно отвлекать на подобные пустяковые разработки. У нас не завершены работы по обеспечению безопасности кораблей от неожиданного фотонного и ротонного нападения, надо усовершенствовать и защитные гравитационные улитки... Могу порекомендовать одно: контролируйте свои мысли, адмирал Эли. Того, чего вы не пропустите в свой мозг, и звездный паук-скиталец не обнаружит в мозгу. Это же так просто, адмирал!

Это было совсем не так просто, как оно представлялось Эллоу. Люди далеко не столь властны над своими эмоциями и мыслями, как демиурги. Нами порой командуют неконтролируемые чувства, мысли возникают произвольно — явление, очень редкое у демиургов или галактов. Я не стал спорить. Все демиурги упрямы, Эллон в этом отношении двойной демиург. Он просто не мог бы сделать, чего не захотел бы делать. Я встал.

— Минутку, адмирал,— сказал Эллон.— Ты мне

задавал вопросы, теперь я задам тебе. Звездный паук попросил помощи. Мы предоставим арану помощь?

— Разве у тебя имеются сомнения, Эллон?

— Сомнений нет, а непонимание есть. Я не уверен, что нужно оказывать помощь всякому, кто ее просит. Я бы посмотрел, заслуживает ли помощи просящий о ней.

— Боюсь, экипажи звездолетов с тобой не согласятся,— холодно ответил я.— Я говорю в первую очередь о людях, но и не только о них. Мы считаем своим долгом помогать просящим о помощи. Тебя удивляет такая позиция людей, Эллон?

— Удивляет. Вы очень гибки, когда дело идет об овладении силами природы. Вы очень разносторонни как инженеры и конструкторы. Но вы каменеете, чуть коснетесь чего-либо, связанного с нравственностью. Ваша мораль прямолинейна, жестка, не признает отклонений и уступок. Вы усложняете сами свое общение с другими цивилизациями.

— Мы гордимся тем, что не ищем легких путей, Эллон! В вопросах нравственности мы прямолинейны и негибки, ты прав, но это наше достоинство, а не недостаток. Мы гордимся своей негибкостью в вопросах добра и зла, уважаемый мой Эллон.

Демииург ушел. Меня вызвал Олег и сообщил, что сведения, полученные от Оана, надо обсудить с экипажами всех звездолетов. На стереособрании эскадры я так изложил свое понимание событий:

— В богов мы с вами не верим. Сверхъестественных сил не существует. Даже нарушения законов природы происходят в соответствии с более общими законами той же природы. Название «Жестокие боги» лишь символ, означающий, что в мирке Трех Солнц поселились существа, весьма могущественные, но лишенные доброго сердца. Мощь их велика, но не превосходит мощи природы, а природа пока за нас. Араны взывают о защите. Без нашей помощи их вырождение превратится в полную гибель. Мое мнение — идти на подмогу. И если придется столкнуться с неведомой злой цивилизацией — столкнемся, ничего не поделаешь. Думаю, успех будет на нашей стороне, ибо на нашей стороне справедливость!

Сегодня, когда никто не знает, удастся ли нам спастись, слова мои могут показаться легкомысленными.

В накликанной нами войне мы терпим пока одни поражения. Мы и помыслить не могли, на какую мощь так дерзновенно замахиваемся. Но и сейчас, зная всё, что произошло потом, я не отрекусь от своих слов, и никто из оставшихся в живых не отречется от согласия со мной. Мы единодушно утвердили поход к Трем Пыльным Солнцам — и не раскаиваемся! Нас просили о помощи, мы не могли не оказать ее. Если мое послание достигнет человечества, пусть знают о нас: мы не раскаиваемся! Просто мы во вспыхнувшей войне оказались недостаточно вооруженными. Руки наши слабы, но души чисты. Пространство имеет три направления, мораль — одно. Наш путь — добро, благородство, мы не можем повернуть назад, не можем свернуть в сторону. Я говорю это, уверенный, что завтра — гибель. Примите как мое завещание: лучше гибель, чем примирение с подлостью!

4

Ромеро назвал планету, к которой мы шли, Аранией. Мы не препятствовали нашему историографу изобретать любые названия. Меня больше интересовало, в чем араны конкретно нуждаются. Познакомиться бы с ними поближе, может быть, войти в их общество! Как быть? Явиться в качестве прямых друзей или проникнуть тайными соглядатаями?

— Высадиться доброжелательными пришельцами вы не можете, — разъяснил Оан. — Араны расколоты. Друзья отвергателей — враги ускорителей. Вам нужно замаскироваться. Примите телесный образ арана. Жестокие боги посещают нас в нашем облике. Для них любой облик — пустяк. Воспользуйтесь их примером.

Я, однако, не был уверен, что наши возможности идут так далеко. Переделка облика — ситуация из фантастического романа, это не для нас. Эллон предложил разработать новую форму скафандра, не переконструируя тела. Для демиургов, напрактиковавшихся на создании невидимости и переносе на любое расстояние материализованных фантомов, не составит трудностей придать звездопроходцу паукообразность. Один дракон не подойдет, он слишком крупен.

— Если кому не нравится стать пауком, пусть станет невидимкой, — посоветовал Эллон. — Последние конструкции экранов обеспечивают приличную неви-

димось даже для человека, без большого вреда для него. Правда, в невидимость людям можно входить лишь на короткое время.

Никого из людей не устраивало ходить невидимкой по незнакомой и, возможно, опасной планете, постоянно думая, не кончается ли короткое время экранирования. Да и понятия большого и малого вреда у нас с Эллоном различны. Что демиургу здорово, то человеку нередко смерть.

Эскадра звездолетов вошла в Гибнущие миры.

Ну и местечко было, эти Гибнущие миры! Мы попали из туманности в туманность. Разница была лишь в том, что прежняя густая туманность казалась ясной далью сравнительно с этой. И если та туманность была всё-таки свободным космосом, только затянутым газом и пылью, то в эту напихали тысячи звезд: компактное звездное скопление, потонувшее в полумгле. Вокруг открывался томительный пейзаж (нет, не открывался, смутно проступал, темно вырисовывался): вечные багровые сумерки, звезды в пыли, космос — пыль, чудовищно искаженные силуэты светил.

Звезды были одна от другой так близко, что в нормальном просторе на небе сияли бы четыреста солнц и нигде не было бы чередования дня и ночи. Но солнц не было, их сияние еле-еле проникало сквозь глухую мглу.

Мы шли к крупной звезде, то разгоравшейся, то погасавшей. Вблизи оказалось, что три светила вращались вокруг общего центра, периодически затмевая одно другое. Это и были Три Пыльных Солнца. Олег приказал эскадре сомкнуться и затормозить. Теперь мы стали групповым спутником планеты, откуда бежал Оан. Из осторожности мы остановились достаточно далеко от Арании. Не знаю, как Жестокие боги, а несчастные араны не могли бы нас на таком расстоянии найти даже в сильные приборы.

Поисковой группе велели готовиться к вылазке.

Перед высадкой я зашел к Бродяге. Он разместился в просторном помещении — не для него просторном, для него любое помещение, кроме обсервационного зала, тесновато, — специально запроектированной конюшни для пегасов. Пегасов, несмотря на настояния Лусина, мы в поход не взяли, а помещение с момента, когда его занял дракон, стали в шутку называть уже не конюшней, а дракошней. В свободные минуты я за-

ходил сюда, чтобы поболтать с Бродягой. Если времени у меня было много, он выползал в парк и т.м., на берегу внутреннего озера, мы разговаривали вволю, в парке Бродяге было вольготно, да и я себя чувствовал в парке лучше.

У Бродяги сидели Лусин с Мизаром. Мизар, красавица овчарка, овчар — как любовно называл его Лусин (Ромеро доказывал Лусину, что овчар не собака, а человек, пасущий овец, а Лусин возражал, что любой древний овчар-человек значительно уступал Мизару в остроте интеллекта), был единственным животным, какое мы взяли с собой. Словечко «животное» — условно: Мизар был псом выдающимся, овчаром с высшим собачьим образованием. Четыре правила арифметики и несложные алгебраические преобразования, начатки геометрии и физики известны многим собакам, но Мизар справлялся и с уравнениями второй степени, а его познаниям в физике и химии мог бы позавидовать иной средневековый профессор. Лусин утверждал, что у Мизара дар к точным наукам. Уже в рейсе Лусин занялся с Мизаром интегральным исчислением. Не уверен, что овчар проявил особое влечение к этой науке, зато Лусин был увлечен. Лусин клялся, что простые интегралы Мизар щелкает как орешки и что если так пойдет и дальше, то он выхлопочет для Мизара ученую награду, не остановится и перед тем, чтобы добиться создания собачьих учебных степеней.

Я сел на лапу дракона и погладил великолепного пса. Овчар был рослый — с меня, когда становился на задние лапы, темношерстный, гладкий, блестящий, с могучей пастью, умными глазами и такими мощными лапами, что ударом любой мог свалить человека. Демиурги-попрыгунчики с опаской обходили Мизара, он недолголюбивал бывших разрушителей и ни с одним не заводил дружбы. Я как-то спросил Лусина, что получилось бы, если бы Мизара натравили на наших прежних врагов. Лусин ответил, что с головоглазами Мизар бы не справился: те прочно бронированы и наносят жестокие гравитационные удары, летающие невидимки тоже были ему не по зубам, а такое субтильное существо, как Орлан или Эллон, овчар разорвал бы в минуту.

На шее Мизара висел изящный оранжевый пояс — его индивидуальный дешифратор, так совер-

шенно подогнанный Лусином, что в нашем мозгу речь пса звучала совсем по-человечески. Мизар, впрочем, хорошо понимал людей и без дешифратора. Человеческие способности в этом смысле уступают собачьим: мы без приборов не понимаем речи животных.

— Бродяга, тебе придется остаться на корабле,— сказал я.— В паукообразные ты не годишься. И Мизара не возьмем.

— И напрасно, адмирал Эли,— проворчал пес. У всех собак, между прочим, хорошее понимание служебных человеческих рангов, а Мизар превосходил своих собратьев и в этом: иначе как адмиралом он меня и не называет.— Я не уверен, что механизмы сумеют так надежно вас защитить, как смогу я.

— Постараемся не попадать в опасность, Мизар. Лусин, ты говорил с Трубом и Гигом?

— Скафандры,— сказал со вздохом Лусин.— Не нравятся. Оскорблены. Оба.

— А твой скафандр, Лусин?

— Отличный. Вторая кожа.

— С ангелом и невидимкой поговорю я. А если мои уговоры не подействуют, пусть и они остаются.

Сбор поисковиков был назначен на причальной площадке. Там же каждый выбирал скафандр по себе. Мой скафандр был так впору, будто я влез не в экранную одежду, а в новое тело. Голова вертелась свободно, волосы то вздымались змеями, то опадали в зависимости от настроения, по желанию превращались в хватательное орудие — я с удовольствием почувствовал себя сорокоруким, — ноги тоже слушались любого приказа. Я припустил было по причальной площадке, чтобы размять их, и чуть не врезался в стенку — таким быстрым вышел бег. У других поисковиков скафандры были не хуже. Как Лусин предупреждал, Труб и Гиг категорически отказались от скафандров. Оба явились на площадку, но не притрунулись к камуфлирующей одежде. Мои уговоры не подействовали.

— Ангелы презирают пауков! — надменно изрек Труб и скрестил на груди поредевшие крылья.— Боевой ангел никогда не уподобится презренному насекомому.

Еще меньше был способен изменить мундиру бравый невидимка. В общем, я понимал их отвращение к маскировке.

Мы приземлились на вершине холма. На подлете Арания казалась сплошным океаном, темным, сверкающим, как ртуть,— царство жидкости, как потом выяснилось, лишь немногим уступающей ртути по плотности: образцы ее мы везем с собой. По поверхности океана скользили мерцающие тела. Оан посоветовал держаться подальше от океана: и сам он хищник и все его обитатели хищники. Океан непрерывно наступает на сушу, обрушивает и растворяет ее. Если бы он не устилал свое дно осадками, недоступными даже для его агрессии, Арания давно была бы растворена. Во время электрических бурь океан обильно выбрасывает свои осадки на еще не растворенную сушу и тем укрепляет ее. Морские хищники тоже из породы создателей — обволакивают и высасывают жертву.

— Ваши скафандры из веществ, незнакомых на Арании, вам, я почти уверен, не грозит нападение морских хищников,— осторожно утешил нас Оан, после того как основательно напугал.

Мы выбрали для высадки ночную сторону. Неподалеку находился главный город планеты. Оан вышел наружу первый и позвал нас.

Кругом была тьма, очень непохожая на наше простое отсутствие света. В стороне сумрачно поблескивал притаившийся океан. Земля тускло светилась, каждый камешек мерцал. Небольшой лесок фиолетово фосфоресцировал — от него тянуло холодком, деревья здесь не так освежают, как охлаждают воздух, подогреваемый внутренним теплом планеты. Повсюду вспыхивали голубоватые искорки, а когда мы переставляли ноги, между ними и землей сухо потрескивали оранжевые разряды. Всё здесь напоено электричеством: земля, воздух, растения, плотная жидкость океана. Всё здесь сумрачно светится: фосфоресцирует, люминесцирует, мерцает, переливается, тускло, едва-едва, чуть-чуть сияет — неизвестно для чего, неизвестно почему. И мы тоже засветились, едва вышли. Ромеро потом шутил, что сияние определялось не конструкцией скафандра, а служебным рангом его хозяина: я светил повелительно-сине, Лусин — умирительно-желто, Орлан и Граций — благожелательно-оранжево, Ирина и Мэри — испуганно-фиолетово, Ромеро — осторожно-зеленовато, а сам Оан — угрожающе-багрово.

Одно небо здесь никак не светило. В небе была настоящая тьма. И даже редкие звезды, из самых

близких, пробиваясь сквозь пыльную завесу красноватыми, на пределе сияния, ореоликами, не нарушали, а лишь подчеркивали глухую его черноту.

Оан начал осторожное движение с холмика в чашу мерцающих деревьев, мы переползали за ним. Надо было складывать ноги под себя и красться, ступая одними верхними суставами. Без такого пластунства по-паучьи мы не сумели бы медленно передвигаться, любой перебор выпрямленными ногами резво уносил вперед.

В леске Оан остановился. Я полз вторым.

— Эли,— просигналил он в моем мозгу,— я чую разряды Иао, отвергателя, он сегодня на дежурстве обережения. Оберегатели предупреждают, когда к нашим пещерам подкрадывается шайка ускорителей. Я скажу Иао, что вы отвергатели с другой стороны планеты, там мы тоже ведем пропаганду. Вы будете новым отрядом наших сторонников.

Встреча с Иао произошла минуты через три.

Впереди мелькнула лиловая тень, мелькнула и скрылась. Я условился с Оаном еще на «Козероге», что он будет транслировать нам свои разговоры с аранами. В моем мозгу раздался резкий, захлебывающийся голос — Оан искусно воспроизвел даже интонации собрата:

— Остановись, крадущийся! Назови себя. Назови меня.

— Я Оан, а ты Иао,— услышали мы ответ Оана.

— Я Иао, ты прав, Оан. Я рад, что ты не погиб. Высветись, чтобы я мог тебя увидеть. Да, ты Оан. Утешительно видеть тебя живым, великий Оан, близкий друг великого Оора. Где твои товарищи, Оан? Куда ты дел своих великих братьев по бегству в иновремя, Оан?

— Они все погибли, Иао. Я доложу об этом Оору и обществу. Теперь пропусти меня.

— Ты не один? Что бы это значило, Оан?

— Со мной завербованные в отвергатели друзья с другой стороны планеты. Я привел их, чтобы они удостоились проповеди Оора. Они жаждут схватиться с ускорителями.

— Они удостоятся проповеди, Оан. Мы дадим им возможность схватиться с мерзкими ускорителями. Оан, мы дадим им такую возможность! Пусть они высветятся. Бравый народ, Оан, ты хорошо сделал, что

привел их. Завтра они смогут выказать делом свое рвение!

— Что-нибудь важное случилось?

— Ускорители снова хватали всех, кто попадался в часы Темных Солнц. Самосожжение назначено на завтра, на закате Трех Пыльных Солнц. Мы будем отбивать несчастных. Иди, Оан. Радуюсь за тебя и друзей. Вы услышите вдохновенную проповедь Оора, величайшего из великих. Иди смелей. За моей спиной ускорители вам не попадутся.

Оан убыстрил движение, но не слишком. Мы немного приподняли туловище, но не разогнули полностью ног. Мы по-прежнему двигались во тьме, озаренной лишь фосфоресцированием деревьев, люминесцированием почвы да призрачным сиянием наших тел. Ромеро в восторге прошептал, что мы похожи на древних земных заговорщиков, крадущихся на тайное сборище. Сомневаюсь, чтобы ему понравилась тогдашняя жизнь, очутись он реально среди наших предков, но всё напоминающее старину порождает в нем ликование. Я могу понять такое чувство, но разделить не способен.

Вскоре мы проникли в обширную пещеру, озаренную сиянием стен. На полу копошились араны. Их было так много, они так плотно прилегали друг к другу, что создавалось впечатление, будто в пещере одно громадное, мерцающее, шевелящееся тело. И мы втиснулись в это тело, стали частью его, шевелились вместе со всеми, как одно целое — разом наклонялись то вправо, то влево, разом то приподнимались, выпрямляя полусогнутые ноги, то снова приседали. Никто не обратил на нас внимания, никого мы не заинтересовали, мы были такие же как все — пульсировали общим для всех движением.

— Оор! — произнес Оан очень ясно. Никто не обернулся, слова Оана донеслись только до нас.

В центре пещеры один из паукообразных упал на спину и вытянул вверх ноги. А на двенадцатиногий пьедестал взобрался другой аран, упер свои выпрямленные ноги в живые колонны, задержался и замерцал торопливо меняющимися цветами. Он накалялся и погасал, раздувался и опадал. Он держал речь — слова ее, переводимые Оаном, отчетливо зазвучали в нашем мозгу. Это был Оор, Верховный отвергатель конца.

— Ужасно, Эли, они осуждают гибель, потому что восславляют прозябание. Против восторга конца они обращают ликование от тягот! — в недоумении прошептал Лусин, конечно мысленно, обычной речью он не произнес бы такой складной фразы и за месяц.

— Паукообразный космический Экклезиаст, этот благородный Верховный отвергатель конца, — поддержал его Ромеро. Павел не мог не щегольнуть непонятным словечком «Экклезиаст» из любимого архива древностей.

Вначале Оор призывал к спасению тех, кто должен завтра погибнуть, и с ненавистью нападал на ускорителей. Ускорители не просто недовольные — они мятежники. Они ненавистники — себя, и жизни, и всего мира. Они истинные отвергатели, ибо отшатываются от всей Вселенной, не от одной их планеты. В них — зерно уничтожения, вырастающее в ядовитый плод реальной гибели.

Потом Верховный отвергатель конца пропел выспренный гимн существованию на планете. Я не силен в философии, но согласен с Лусином, что мироощущение отвергателей исчерпывается восторгом прозябания и упоением всяческой мерзостью. Существование во имя существования — такова, в общем, нехитрая эта философия.

— Ах, радуйтесь пыли, упивайтесь мраком! — вещал со своего двенадцатиногого подергивающегося амвона Верховный отвергатель конца. — Ибо восхитительна удушающая пыль! Ибо вдохновенна глухая тьма! Не ищи благ, вечные блага отупляют обоняние, и вкус, и зрение. Стремись к недостаткам, вечные недостатки безмерно обостряют сладость любого блага! Тьма, окружающая тебя, порождает наслаждение искоркой света. Ты создан для существования. Существовай, существуй. И пусть густеет мрак и плотнеет пыль! Вдохновенна, великолепна, божественна тягота! Прекрасна, прекрасна борьба за существование, так существуй во имя борьбы за существование. Чем уже возможности, чем губительней окружающее, тем сладостней час, минута, секунда, вырванные для бытия! Чем меньше поводов наслаждаться, тем острее наслаждение по всякому поводу. Ах, уйти во мрак, ликуя, что способен ощущать мрак! Ах, задыхаться от пыли, мучительно жаждать чистого воздуха — и наслаждаться, что способен так страстно жаждать! Бе-

жать, бежать от мстительных молний яростной Матери-накопительницы, бежать от хищных тварей океана и ликовать, что способен бежать, что не станешь, не станешь, не станешь фокусом электрического разряда, добычей хищника! И, почуяв зловоние, ликуй, что отличаешь дурной аромат от хорошего. Окунись в зловоние, окунись, в отвратительности его откроешь способность радоваться доброму запаху, без зловония нет сладости благовония. О, как прекрасны тяготы и страхи, муки и лишения! Они неизбывности существования, они самоусилители утверждения! Славьте тяготы! Наслаждайтесь мукой! Осуществляйте высочайшее в себе — способность всеполно унизиться. Так низко припасть к земле, чтобы Жестокие боги не видели, не ощущали, не знали тебя! Гордись своим бытием, оно — наперекор всему. Самое высшее в жизни — жить! Самое святое в существовании — существовать. Так существуй! Живи, живи! В борьбе со всем, против всего. Существовать, существовать! О Мать — Накопительница молний, рази! Мы устоим! Мы устоим!

— Какая страшная философия, Эли! — снова прошептал Лусин.

— Он говорит не то, что ты рассказывал об отвергателях конца, — обратился я мыслью к Оану.

Он ответил мне из мозга в мозг:

— Верховный отвергатель убеждает своих сторонников не жаждасть конца. Это только одна из наших задач. Другая — найти разумный выход из нынешней безысходности. Заметь, что Оор нигде не утверждает, что ликование прозябанием должно длиться вечно. Но для нынешнего поколения оно неизбежно. Освобождение может прийти только для наших потомков. Многие из аранов понимают это, но не всем доступны высшие тайны.

Объяснение было не из ясных, но я не стал требовать уточнений. В пещере разыгралась новая сцена. Длинная речь Оора шла под рев и клетот, судорожные дерганья всех тел, судорожные всплески сияния, ошалелое размахивание змееобразными руковолосами. А после речи, закончившейся всё тем же истерическим воплем «Существовать! Существовать!», Оор провозгласил:

— Сейчас, о братья низкие из нижайших, приступим к обращению в праведники пленного ускорителя, жалкого и преступного самосожженца!

В пещере снова заметалось лихорадочное сияние, тысячи голосов проклекотали, провизжали, провыли:

— Вознести на позорную высоту! Унизить возвышением! Наказать! Наказать!

Над толпой шаром взлетел один из аранов. От страха он сложил все ноги и плотно прижал руковолося к голове. Его вытолкнули из толпы в углу и стали проворно перебрасывать на середину, не давая скрыться между телами и опуститься на пол. Около Оора опрокинулся на спину второй аран, образовав еще один двенадцатиногий постамент. Пленника вознесли рядом с Оором. Пленник судорожно пульсировал сиянием и объемом — тело то погасало, то разгоралось, то раздувалось, то опадало. При волнении все араны не удерживаются от резких телодвижений и световой смятенной пульсации.

Оор начал торжественный допрос пленного ускорителя:

— Уúl, вы замыслили?

— Да, великий Оор, замыслили.

— Самосожжение?

— Да, великий Оор, самосожжение.

— Публичное?

— Да, великий Оор, публичное.

— Завтра, во время Темных Солнц?

— Завтра, во время Пыльных Солнц.

— Темных или Пыльных? Говори правду, презренный Уул.

— Пыльных Солнц, великий Оор, Пыльных! Я не осмелился бы лгать тебе.

— Ты способен, жалкий ускоритель конца, скрыть точное время, чтобы мы не явились на ваше отвратительное празднество.

— Я счастлив открыть вам точное время, чтобы и вы приняли участие в нашем восхитительном празднестве.

— Скольких несчастных вы завтра подвергнете ужасной каре?

— Сто три счастливца сподобятся завтра великолепного венца.

— Сто три охваченных ужасом уничтожения? Ты не врешь, презреннейший из презренных?

— Сто три исполненных восторга смерти, сто три ликующих от предвкушения конца! Я не лгу, величайший из великих!

— Но ты, низжайший, не собирався сам быть среди ликующих обреченных? Ты отказываешь себе в наслаждении гибелью? Не потому ли, отвратительнейший Уул, что до тебя дошло сознание мнимости наслаждения небытием?

— Нет, достойнейший Оор, я всех полнее сознаю радость самоистребления. Но мне пока отказывают в восторге небытия. Я еще не сподобился награды. Я должен доставить на костер еще тридцать удостоенных блаженства самоубийства, прежде чем буду награжден разрешением на собственную смерть. Я по званию хвататель второго ранга, о мудрый Оор, любимейший сын Отца-Аккумулятора и Матери-Накопительницы.

— Мы поймали тебя, когда ты разбойнически опутывал своими хищными волосами бедного Яала, чтобы утащить его в темницу казнимых!

— Вы схватили меня, когда я дружески обнимал ласковыми волосами хилого Яала, чтобы отвести его перед лицо мудрейших, которые разъяснили бы ему, сколько он потерял, оставаясь в несчастных живых, когда мог сотни, тысячи раз великолепно самоуничтожиться. Какая мука — такое жалкое существование перед благолепием смерти, жарко искрил я ему в глаза. Выбирай, искрил я, между тусклым существованием и яркой смертью. И он уже склонился душой к радостной гибели, когда вы исторгли его из моих нежных рук для продолжения унылого существования.

— О негоднейший из негодяев, ты отрицаешь блаженство тусклости, восторг самопотерь, радость самосохранения? Подумай, в какую ересь впадаешь, безрассудный Уул!

— Я возношусь в истинное понимание, святейший из заблуждающихся!..

— Твои речи отвергают твоё лжепонимание.

— Вы не дали мне проискрить речь. Вы допрашиваете меня.

— Мы не боимся твоих речей. Искри. Искерпывай своё ублюдочное электрическое поле, коварный дар нашего недоброго Отца-Аккумулятора. Отвратительная яркость твоих откровений сама раскроет таящуюся в них глубину заблуждений. Искри, сверкай, пылай! Истина в сумраке, а не в свете!

Пленник вдохновенно засиял яркой речью. Оан быстро переводил ее каждому из поисковиков, нам оставалось лишь любоваться неистовыми прыжками Уула на его живом пьедестале и иступленным сиянием его тела. Пленник каждому утверждению Оора противопоставлял свое, но странно противопоставлял, мне всё больше казалось, что говорят они, в сущности, одно и то же, им только воображается, будто они разнодумающие. Два конца одной палки, сказал я себе.

Истина в свете, а не в тьме, надрывался вспышками света пленник на постаменте. Истина сверкает, а не тает. Жестокие боги сгущают сумрак. Жестокие боги утягчают бытие. Слава Жестоким богам! Слава их беспощадному разуму! Слава творимому ими страданию! Какой великий порыв в деяниях Жестоких богов! Они испытывают, а не карают. Они вызывают к нам: способны ли вы на смелое решение? Их священная цель — не в понуждении нас к унылому бытию, а в отвержении его. Не смиряться, а восставать. Осуществлять себя не в существовании, а в отрицании существования. Отрицай холод и темноту, вечную пыль и вечный голод, хищную воду и неласковую землю, темные звезды и сумрачные солнца! И высшее из отрицаний — отрицание себя, восстание на собственную жизнь! Ах, вот она, вот она, истиннейшая из необходимостей, всецелостное избавление от всяких пут — самоуничтожение! Вот она, высшая свобода, — освобождение себя от себя! О благороднейшая из самостоятельности — самоубийство! Только тот достигает совершенной завершенности, кто совершает завершение жизни смертью! Свобода, свобода, свобода — в свободе от существования! Славьте свободную смерть! Славьте свободную смерть! Да исполнится воля Жестоких богов, неотразимо влекущих нас к гибели! Презренные жизnehвататели и жизневыскребатели, тусклые жизнеползуны, зову, зову, зову вас к огненному самоосвобождению! Во имя смерти! Во имя смерти!

Его истошный призыв потонул в общем вопле. На головах стоявших рядом взметнулись волосы, сотней злых рук они впились в тело и ноги Уула, стали рвать его. Бешенство руковолосых остановил трижды повторенный возглас Верховного отвергателя:

— Во имя жизни! Во имя жизни! Во имя жизни! Оставить презренного смертепоклонника!

Когда общее волнение немного стихло, Оор изрек суровый вердикт:

— Ты жаждешь смерти — ты получишь жизнь. Отвести Уула в подземную темницу, куда не доходит сияние Пыльных Солнц и не проникают заряды Отца-Аккумулятора, и не слышен громовый голос Матери — Накопительницы молний. Пусть он станет низайшим из низких, ничтожнейшим из ничтожных, голоднейшим из голодных, тупейшим из тупых. И когда он возрадуется своему заключению, и придет в ликование от мук существования, и объявит себя отвергателем конца, только тогда вывести его наружу.

Пленника увели. Оор соскочил с пьедестала. Толпа повалила к выходу. Я сказал Оану:

— Возвратимся к планетолету.

Он спросил, не хотим ли мы предстать перед очи Верховного отвергателя конца и объяснить, кто мы и как поможем его сторонникам. Знакомиться с Оором я не захотел, стать его помощником — тем более.

5

По дороге, когда мы толкались в узком туннеле с торопящимися наружу паукообразными, Лусин мысленно прошептал мне:

— Какие несчастные, Эли! И обе секты несчастны одинаково. Я плакал, когда слушал Оора и Уула. Что за страдания надо испытать, чтобы дойти до таких ужасных взглядов, до таких отчаянных поступков.

— Они все безумные! — сказал Ромеро. — Тяжкое существование породило изуверство. Обе секты, как справедливо назвал их наш друг Лусин, самые настоящие изуверы, и, по чести сказать, я бы затруднился установить, кто из них лучше, а кто хуже.

— Два конца одной палки, — повторил я свою мысль. — Им, конечно, надо помочь, но всему народу, а не сектам. Отвергатели ничем не лучше ускорителей. Я не обидел тебя, Оан?

— Мы жаждем помощи, — ответил он. — Если вы способны помочь всем аранам, помогите.

В планетолете мы связались с эскадрой. Ирина непрерывно передавала на корабли всё, что мы видели и что переводил Оан. Команды звездолетов считали,

что помощь аранам нужно дать, но без борьбы на стороне одной из сект.

— Обращаю внимание, Эли, что у нас мало данных об Отце-Аккумуляторе и Матери-Накопительнице, а, судя по всему, они играют важную роль,— сказал Олег.— Наше мнение — вызвать завтрашние жертвы. Самосожжения не допускать.

— Это приказ, Олег? — спросил я.

— Это совет.

Я задумался — и надолго. Было очевидное противоречие между нашими общими решениями и поступками. Только что мы постановили не вмешиваться в распри отвергателей и ускорителей и взяли на себя лишь одну миссию — облегчить условия существования на планете. Но как помешать самосожжению, не вступая в борьбу с ускорителями и тем не поддерживая готовящих нападение отвергателей? Не вступаем ли мы на сомнительный путь, приводящий прямехонько в объятия одной из сект? Освобождение самосожженцев превратит ускорителей в наших врагов,— нужно ли идти на это?

— Эли, что с тобой? — мысленно воскликнул Лусин.— Неужели ты не хочешь спасти несчастных?

— Обращаю ваше внимание, дорогой друг, на то, свободные ли они самоубийцы или насильственно казнимые, они — жертвы,— заметил Ромеро.— И это главное!

Я обратился к Оану:

— Твои сторонники собираются завтра спасти обреченных. Удается ли им задуманная акция?

— Нет,— ответил Оан.— Мы неоднократно делали подобные нападения. Они ни разу не удавались. Мы просто не можем бездействовать, когда наших братьев казнят. Завтрашнее нападение — акт отчаяния.

После такого разъяснения колебаться было нельзя. Но я всё не мог принудить себя к решению. Мэри с удивлением сказала:

— Я как-то раньше не замечала в тебе трусости, Эли.

— И нерешительности,— добавил Ромеро.— Борьба всегда была вашей стихией, Эли. Вы расцветали в опасностях, дорогой адмирал.

— Будем действовать по обстановке,— сказал я.— Быть равнодушными к чужому несчастью мы себе не разрешим.

До меня донесся голос слушавшего наши разговоры Камагина. Маленький космонавт поддерживал только крутые решения:

— Наши звездолеты всегда готовы прийти к вам на помощь. Если командующий позволит, я подведу своего «Змееносца» на дистанцию максимального сближения с планетой.

Олег разрешил Камагину вывести «Змееносца» из общего строя эскадры.

— Радуйся,— сказал я Лусину.— Всё будет по-твоему.

— Я буду радоваться завтра, когда собственными руками сведу осужденных с эшафота! — сказал Лусин.

Если бы он знал, что ждет его завтра!

Все ушли отдыхать в каюты и сняли экранирующие скафандры. Оан тускло фосфоресцировал на пригорке, ему на родной планете было лучше, чем на борту планетолета. Я вышел к океану и любовался его рояльным блеском. Океан накатывался на берег, подгрызая его,— где рядом, где в отдалении тяжко ухали подъеденные скалы. Мне хотелось ступить на океан, пройти по нему: анализаторы установили, что плотность жидкости приближается к плотности ртути, даже железо не смогло бы потонуть в таком океане, не то что я в моем легком скафандре. Но и Оан и приборы предупреждали, что жидкая среда агрессивна, я побоялся рисковать перед завтрашним испытанием, тем более что вдоль берега перебежали мерцающие силуэты морских зверей. Я лишь бросил в темную жидкость два куса стали. Первый кусок достиг поверхности и вспыхнул, растворяясь, вверх вырвался столб пламени, на пламя метнулись морские хищники и миглом заглотали его. А второй кусок какой-то мерцающий хищник захватил еще в воздухе. Сталь ярко загорелась, погружаясь в его тело, она раскалилась, расплавилась, растеклась и растворилась — и через минуту опять ничего не было, кроме темного океана и фосфоресцирующего хищника, жаждущего новой подачки, и других хищников, ошалело заскакавших во круг в надежде урвать такой же кус.

Ночь Темных Солнц переходила в день Пыльных Солнц.

Я никогда не видел зрелища безотрадней, чем рассвет на планете Арании. Черная мгла преобразовыва-

лась в мглу желтую. Из черного океана выкатились три оранжевых шара и торопливо поползли наверх. И ночью дышать было трудно, а с зарей пыль, наполнившая воздух, стала такой удушливой, что и воздушным фильтрам скафандра пришлось нелегко. Океан уползал от суши, оставляя за собой кромку изуродованного берега и вал выброшенных осадков. Морские звери погружались на глубину,— это всё были твари ночного бдения.

Ночью Арания казалась таинственней, ей можно было примысливать всякое, в том числе и красоту. В пыльном свете дня она предстала уродливой. Ко мне подскочил Граций.

— Неустроенная планета, не правда ли, Эли? — изрек он. — Если бы ее можно было перенести в Персей, даже галактам понадобились бы тысячелетия, чтобы создать на ней элементарные удобства.

— Элементарные удобства галактов превосходили бы, Граций, самые смелые мечты аранов о рае.

Вслед за Грацием из планетолета вышел Орлан, за ним — Ромеро и Лусин. Мэри и Ирину пришлось вызывать, они прихорашивались в скафандрах, стараясь уложить змееволосы — или, верней, руковолосы — в каком-то особом порядке.

— Мэри, — сказал я. — Женского в тебе больше, чем нормально человеческого. К чему эти ухищрения, милая? Первая же встреча с ускорителями заставит ваши волосы стать дыбом, а уличная толкотня, которой наверняка не избежать, превратит изящную прическу в частокол царапающих и хватающих рук.

Мне было особенно смешно, что они пытаются уложить волосы при помощи волос же — иных орудий захвата больше не было. Мэри весело возразила:

— Тебе не приходило в голову, что женственность и есть самое нормально человеческое среди всего человеческого?

Автоматы задраили входы и окружили корабль защитным силовым забором. Мы компактной группкой побежали через лесок к городу.

Собственно, города не было. Реально имелась цепочка холмов с лазами в пещеры — в них-то и обитали араны. Там, на глубине, были оборудованы и мастерские, и помещения для ночных сборищ. А между холмами вились дороги, убитые до того, что стали тверже и глаже древних земных асфальтовых шоссе.

Из лазов выползали бесчисленные паукообразные и проворно неслись, подпрыгивая на бегу, на обширную котловину между четырьмя высокими городскими холмами — столичное лобное место Арании. Мы присоединились к общему потоку.

По мере приближения к лобной площади усиливались толчея и возбуждение. Всё больше становилось дико взлетающих тел, восторженно размахивающих руковолос, всё ярче сверкали искры, срывавшиеся с наэлектризованных голов, всё громче были гомон, вопли, писк и треск разрядов. На поисковиков никто не обращал внимания. Было не до нас. Да и скафандры в совершенстве камуфлировали нас под обычный облик, никому не бросающийся в глаза.

На площади была возведена плаха, до удивительности похожая на старинные человеческие электропечи.

— Сейчас появится партия осуществляющих конец,— просигналил Оан, когда мы заняли местечко недалеко от плахи.— Их приведут под охраной оберегателей конца, таких же ускорителей, но плотней заряженных электричеством. Ускорители захватили все лазы к Отцу-Аккумулятору, вооружение их оберегателей мощней оружия оберегателей наших. Поэтому нам и не удастся побеждать в схватках. Кто пользуется расположением Отца-Аккумулятора, тот властвует.

Обреченные осуществители конца долго не появлялись. Наше внимание привлек аран, поднявшийся над всеми. Как и Оору на ночном сборище, пьедесталом ему служили араны, но на этот раз не один, а четверо: трое поддерживали частоколом мощных руковолос опрокинутого вверх брюхом четвертого, а уже на вытянутых ногах четвертого возбужденно приплясывал заинтересовавший нас аран.

— Убь, Верховный ускоритель конца, великий осуществитель,— с отвращением произнес Оан.— Если бы вы уничтожили это чучело, которому поклоняются все ускорители, борьба с ними стала бы легче.

Уох, удобно устроившись на двухэтажном пьедестале, проискрил в толпу:

— Славьте Жестоких богов! Осуществляем конец!

В ответ грянул миллионоискровый вопль:

— Осуществляем! Осуществляем! Слава Жестоким богам!

Из верхнего лаза холма, что находился за спиной Верховного ускорителя, показалась партия осуществляющих. Они спускались по четыре в ряд, с боков возбужденно подпрыгивали оберегатели, рассеивая в пыльном воздухе тучи искр, голова каждого конвоира походила на пылающий костер — столько вырывалось наружу разрядов. Ликование охватило толпу, она вся тряслась, как одно исполинское, из тысяч тушек, тело.

— Осуществляем! Осуществляем! — надрывались все.

Когда колонна обреченных уже опустилась до уровня поляны, из лазов соседнего холма внезапно вырвался снап искр и отряд отвергателей ринулся на конвой. Фанатичное ликование мигом превратилось в ярость сражения. Оберегатели свирепо отбивались от напавших, толпа кинулась на подмогу своим. В колонне осуществляющих тоже не было единства. Удирали на волю лишь немногие, а большинство отбивалось от тех, кто их освобождал. Один из обреченных, вырываясь из гибких руковолос отвергателей, жалобно искрил:

— Хочу конца! Осуществления! Осуществления!

Силы, как и предсказывал Оан, оказались слишком неравны. Если кому из обреченных и удалось спастись, то зато колонну осуществителей с лихвой пополнили сами спасатели, попавшие в плен. Мимо нашей группы промчался беглец из колонны, за ним гнались конвоиры, но он юркнул под какие-то взлетающие тела, и преследователи схватили другого. Тот отчаянно заискрил:

— Пустите! Я не назначен к осуществлению! Я не готов! — Никто и не подумал вслушаться в его отговорки.

Оан что-то сказал мне, но я был взволнован зрелищем всеобщей потасовки и не расслышал. Когда я опомнился и смог принимать решения, было поздно, разбитые отвергатели бежали. С тех пор прошло много времени, но нерасторопность моя напоминает о себе незатихающей болью в душе.

Верховный ускоритель конца опять ошалело запрыгал на своем живом двухэтажном пьедестале и завел пронзительно-унылый вой:

— Осуществляем конец! Осуществляем конец!

Ему ответил прежний ликующий рев:

— Осуществляем! Осуществляем!

— Ускоряем конец! Ускоряем конец! — надсаживался Уох.

— Ускоряем! Ускоряем! — надрывалась толпа.

— Ублажим Отца! Умилосердствуем Мать!

— Ублажим! Умилосердствуем!

— Да не гневается Мать!

— Да не гневается!

Уох взметнул вверх свои волосы и сплел их над головой, как бы сомкнув в рукопожатии. Оберегатели схватили одного из обреченных и швырнули его в печь.

Как мы теперь знаем, осуществитель замкнул своим телом два электрода, находившиеся под напряжением. А в тот момент мы услышали взрыв, над плахой взметнулось пламя разряда, по площади пронесся тяжкий грохот. Предсмертный стон жертвы потонул в громе взрыва и исступленном реве толпы. На нас посыпался горячий прах, тонкий, как мука, прах испепеленного существа!

— Он был живой, Эли! Он же был живой! — простонал Лусин.

Уох вторично сплел руковолосы над головой — вторая жертва полетела в горнило печи. И тут нервы Лусина не выдержали:

— Эли, ты делаешь нас пособниками злодеяния! Если ты не вмешаешься, я пойду один! Я пойду один, я взбунтуюсь, Эли!

Я размышлял ровно столько, чтобы не дать палачам расправиться с третьей жертвой. Надо было взорвать ко всем чертям печь, но Оан предварил мой приказ испуганным возгласом:

— Не уничтожайте плаху! Все араны тогда погибнут!

— Разметать охрану! — крикнул я, не спрашивая, почему нельзя трогать печь, и кинулся к Верховному ускорителю конца.

Лусин так яростно рванулся вперед, что опередил меня прыжков на десять. Он ударил по живому пьедесталу, и Уох полетел вниз. Лусин встретил его такой затрешиной, что Великий осуществитель с пронзительным писком снова взмыл. На Лусина кинулась добрая дюжина охранников. Сотни молний вонзились в него, нам всем почудилось, что он пылает.

— Поле! Поле! — крикнули мы с Ромеро, и Лусин, ошарашенный свирепостью нападения, услышал наш крик и вызвал поле.

Всё остальное совершилось почти мгновенно. Я сижу в своей комнате, на моем экране медленно, очень медленно разворачивается зафиксированная стереокамерами картина. Я в сотый раз всматриваюсь в нее, изучаю все детали — каждая линия, каждый блик пронзают неусмиримой болью. Наши инженеры, нам на горе, хорошо знали свое дело. Лусину ничто не грозило, теперь это ясно. Скафандр был слишком прочен для руковолос охраны Уоха, и вызванное защитное поле явилось бы непреодолимым щитом. Я понимаю Лусина. Я понимаю себя, всех нас понимаю. Мы нападали, а не защищались. Мы не знали физической мощи палачей, мы видели лишь их фанатизм и свирепость. Лусин сконцентрировал поле, как если бы он снова сражался с головоглазами или невидимками, или на него напал ошалевший драчливый ангел. Какую-то долю секунды я или Ромеро, бежавшие вслед, могли бы помешать ему так сгустить в себе силовые линии. Мы этого не сделали. И мы увидели, как словно взрывом бросило от Лусина всех напавших на него. Только один каким-то чудом удержался, вероятно, его гибкие руковолосы так сцепились со скафандром, что их можно было лишь вырвать из головы, а не оторвать от Лусина.

Лусин и в эту страшную минуту остался Лусином. Он не остановился, хладнокровно осматриваясь, не стал неторопливо ослаблять поле. Вокруг него рушились, смертно искря, ломая ноги, разбрасывая по сторонам вырванные руковолосы, дико перепуганные оберегатели, — он думал о них, а не о себе. Он не ослабил, а разом выключил поле, он отрубил его, чтобы оно не растерзало противников. И разом же, на какие-то доли секунды, он сам стал игрушкой в хаосе бушующих вокруг стихий, пушинкой среди неконтролируемых случайностей!

Всё совершилось в эти доли секунды!

Вцепившийся в Лусина охранник, почуяв, что поле пропало, снова отчаянно дернул свои запутавшиеся в скафандре руковолосы, но не выдернул, а повалился вниз, увлекая с собой Лусина. Оба стояли на краю плахи и низринулись в ее зев, в самый фокус печи, на который зловеще нацеливались жерла электродов. Снова ударила молния, снова взметнулось пламя, но тут же погасло, сбитое вернувшимся охранным полем. И я, и Ромеро, и бежавшие за нами демиург с галак-

том бросили свои поля в помощь Лусину, но было уже поздно. Лусина уже не было. То, от чего предостерегал Оан, свершилось. Дьявольский электрический эшафот, мерзкая печь, ненасытно поглощавшая обреченных, разлеталась в куски. Среди ее осколков лежал пробитый чудовищным разрядом, полусожженный скафандр, а внутри него — мертвое тело, изуродованное тело Лусина!

— Планета погибла! — с ужасом закричал Оан.

У меня подогнулись ноги. Меня поддержал Граций. Мэри вскрикнула: ей показалось, что я погиб, как и Лусин. Но я пришел в себя. Я застонал от горя и ярости. Я готов был уничтожить всех до единого аранов, метавшихся на площади. До сих пор не понимаю, где я нашел силу не дать гневу вырваться наружу таким страшным поступком.

— Жестокие боги! Сниззошли Жестокие боги! — вопили улепетывающие пауки.

Я сбросил скафандр. Я больше не мог обретаться в образе паукообразного. Во мне острой болью отдавался отчаянный вопль звона и света: «Сниззошли Жестокие боги!» Мэри и Ирина тоже швырнули на землю отвратительную одежду. Они возились с Лусином, им помогали Ромеро и Граций, а я опустился на землю, обессиленный, у меня тряслись руки, тряслись ноги. Я хотел было сказать, чтобы Лусину вызвали санитарное поле, но голоса не было, я лишь шевелил губами, не произнося ни слова.

Ко мне подобрался Орлан, он, как и Граций, не скинул камуфлирующей одежды.

— Ужасное несчастье, Эли, я глубоко сочувствую. Но может совершиться несчастье еще большее. Прошу тебя, прислушайся к Оану!

Только тогда я сообразил, что Оан говорит что-то, а я не слышу.

— Чего ты хочешь? — спросил я. — Чего еще тебе надо?

— Мать — Накопительница молний рассвирепела, — донесся как бы издалека в мое сознание голос Оана. — Уходите, уходите, теперь все здесь погибнут, и вы вместе с нами, если не уйдете!

Все волосы на его голове встали дыбом, изогнулись, десятками гибких рук указывая на восток, откуда шла ночь. Три Пыльных Солнца клонились к закату, вчера в это время глухая тьма бежала с той сторо-

ны горизонта — от темных звезд, от проклятых звезд этого проклятого мирка. Сейчас с востока надвигалась заря, а не ночь. Летели огненные облака, клочки мятущегося пламени, белокалильным жаром несло с востока. Всем в себе, без приборов, я ощутил сгущение электрических зарядов, я весь как бы превратился в живой конденсатор, заряженный донельзя. Надвигалась электрическая буря такой силы, какой еще мне не приходилось испытывать.

— Всем в свои охранные поля! — Я вызвал Камагина. Было большой удачей, что «Змееносец», отделившийся от эскадры, находился поблизости от планеты. — Вы видели, Эдуард? — спросил я. — Вы всё видели?

— Какой ужас, Эли! — слышался горестный возглас Камагина. — Мы всё видели, адмирал. К сожалению, мы не могли помочь. Что надо делать?

— Эдуард, над планетой скоро забушует электрический ураган. Подозреваю, что несчастных электрических пауков будет рвать на части свирепая Мать — Накопительница молний, так они называют свою владычицу. Даже пещеры их не спасут. Ярость ее как-то связана с разрушением электрической плахи. Всыпьте ей, Эдуард! Всыпьте покрепче! Покажите всем злым матерям и отцам, всем Жестоким богам и чертям, что есть еще такая сила в мире, как человеческое могущество!

— Ручаюсь, что яростной матери не поздоровится! — заверил Камагин. — Сегодня она займется не истреблением своих сыновей, а пополнением наших запасов активного вещества. Пусть неистовствует с полезной отдачей!

Буря разразилась минуты через три после разговора с Камагиным. Наши земные грозы — тучи и жидкий ливень из туч и молнии, пробегающие в облаках. Гроза на Арании — ливень молний, секущих землю, гейзеры молний, вылетающие из земли вверх, частоколы молний на холмах, джунгли молний в долинах. Никакого дождя, раскатов грома и влажной прохлады здесь не было и в помине. Один огонь и непрерывный гул, до того тяжкий, что разрывало не только уши, но и душу. Если бы мы не защитились охранными полями, всех испепелило бы в первое же мгновение. Ромеро заботливо оградил своим охранным полем и Оана, но

тот не знал его крепости и весь трясся, с минуты на минуту ожидая гибели.

А затем всё волшебным образом переменялось. Камагину понадобилось четыре минуты для настройки резервуаров на прием грозы. Он опоздал ровно настолько, чтобы дать нам почувствовать бешенство распоясавшейся огненной матери, но не позволить ей нанести серьезного вреда планете. Мощные всасывающие насосы звездолета работали с четкостью, как на базе, у атомных реакторов, где они заправлялись активным веществом. Молнии, только что осыпавшие землю, унеслись вверх, гроза била в небо, а не в планету. А на земле стало тихо, так удивительно, так недоуменно тихо, как будто вся планета растерянно прислушивалась к тому, что происходило на ней. Над нами теснились огненные облака, из них по-прежнему исторгалось пламя, но все пламя уносилось к звездам — миллиарды молний сливались в одну исполинскую реку огня, огненная река мчалась к жерлам насосов корабля, пропадала в них.

Не прошло и двадцати минут, как облака стали редеть, распадались на клочья, таяли, погасали, из них уже не вырывались молнии. Камагин остановил насосы. И остатки облаков несли электрические заряды, Эдуард гнал в резервуары всё, что появилось в воздухе, всё шло на пополнение запасов активного вещества.

— Теперь я немного пообдери планету, — сказал Камагин, когда покончил с облаками. — Она вся так насыщена электричеством, что не грех попользоваться от ее избыточного богатства. И бедным аранам станет легче: их возбудимость и фанатизм, я думаю, в какой-то степени продукт перегрузки тел электричеством.

Я попросил Камагина не переусердствовать: молнии, бьющие из земли, производят разрушений не меньше, чем молнии, бьющие в землю. Эдуард произвел очищение планеты от избыточного электричества с такой осторожностью, что иначе, как изящной, я эту операцию и назвать не могу. Без молний из земли не обошлось, но их было так мало, что можно и не говорить о них. Планета отдавала накопленные заряды плавно, без грохота и огня, и отдала, как выяснилось потом, так много электричества, что запасы звездолета пополнились основательно.

— Доволен ли ты, Оан? — хмуро спросил я, когда Камагин остановил всасывающие снаряды корабля. Аран восторженно твердил:

— Вы расправились со страшной Матерью! Ах, как же вы расправились со страшной Матерью! Как вы расправились со страшной Матерью!

6

Лусина внесли в консерватор — усыпальницу, где тела погибших сохраняются нетленными. Я сейчас сижу в консерваторе, здесь теперь не один Лусин, наш бедный друг только начал длинный ряд захоронений, завершать этот ряд, возможно, будем мы — немногие, оставшиеся в живых. Лусин в прозрачном саркофаге похож на себя живого, облик удалось восстановить. Но смотрю я не на Лусина, а на того, кто покойтся напротив. И я разговариваю вслух с тем, другим, мне нечего сказать погибшему другу, но многое надо высказать мертвому врагу.

Я возвращаюсь к событиям на Арании.

Когда мы вошли в звездолет, Труб, расталкивая людей, кинулся к мертвому. Старый ангел встопорчил седые бакенбарды, в отчаянии бил себя выцветающими крыльями.

— Я мог пойти с вами! Я защитил бы своего друга, я спас бы его! Никогда не прощу себе, что не пошел!

Гиг опечаленно гремел костями и сказал мне с упреком:

— Адмирал, люди без невидимок неполноценны. Уверяю тебя, если бы вы не заставляли напряживать эти дурацкие скафандры, мы с Трубом оградили бы Лусина от врагов верней, чем ваши силовые поля.

Я думал с горестью: от чего они запоздало хотели оградить Лусина? От реального живого врага или от цепочки ужасно совпавших бездушных случайностей? Они не смогли бы ответить на этот простой вопрос. Я тоже не знал ответа. Ответ нужно было найти.

На похоронах Лусина не было одного Бродяги. Дракон тяжелей всех перенес потерю друга. Он заболел. Мы боялись, что он уже не сможет даже ползать. Он выздоровел, кое-как ползал, но способность летать утратил окончательно.

В наше отсутствие на эскадре прошло срочное сове-

щение. Гиг и Эллон настаивали на мести за Лусина. Но кому мстить? Аранам? Чем они виноваты? Вмешательство в распри отвергателей и ускорителей тоже было отклонено. МУМ высчитала, что корень зла — в чудовищной запыленности местного космического пространства. Планетную систему Тройной звезды надо освободить от пыли, — это будет лучшей помощью аранам. Немного изменится орбита Арании, но отдаление от Трех Пыльных Солнц компенсируется тем, что они потеряют в названии словечко «пыльные». Нужно лишь предварительно разведать, что скрывают наименования Отец-Аккумулятор и Мать — Накопительница молний. Без разгадки этой тайны трудно что-либо планировать.

Мы стали готовиться к вторичному полету на планету. Оан вдруг стал возражать против посещения Отца-Аккумулятора. Я попросил Оана объяснить, что он имеет против новой экспедиции. Вместо объяснения он внедрил мне в мозг ощущение страха. Но так как это всё-таки был его страх, а не мой — а безотчетным настроениям я поддаюсь не всегда, — то я продолжал дознаваться причин боязни.

— Покой Отца священ, — сообщил Оан.

— Стало быть, ваш Отец-Аккумулятор — самодур, наказывающий всякого, кто его потревожит?

— Он плохо чувствует себя, когда посягают на его покой.

— Разлаживается? Перестает функционировать? Кто же охраняет его покой? Ваши Жестокие боги?

— Жестокие боги не вмешиваются в дела Отца и Матери. Отца охраняет гвардия оберегателей, каждый отбирается самим Уухом.

— С оберегателями мы справимся, даже с отобранными самим Уухом. И Отца не обидим, если он не заслуживает обиды. Теперь скажи, что такое Мать — Накопительница молний?

— Страшная Мать охраняет покой Отца. — И это было всё, что мы сумели узнать от Оана.

Уверен, что и другие араны об Отце и Матери знают не больше. Тем настоятельней нужно было идти на новую разведку.

Опустились мы на старом месте, в полдень. На дорогах встречались араны, на нас по обыкновению не обращавшие внимания. Выглядели они здоровыми, электрическая буря никого не потрепала. Оан сооб-

шил, что и отвергатели и ускорители недоумевают: еще не было столь сильного урагана — и такого неведомого! На главной площади копошилась бригада паукообразных, восстанавливающих плаху. Мы не стали им мешать. Дело было не в плахе.

Оан взобрался на вершину холма и остановился перед одним лазом, ничем не отличающимся по виду от соседних:

— Здесь. Первым я не пойду.

— Иди в середине, — разрешил я.

Оберегатели встретились уже через несколько метров. Это были рослые пауки, бесстрашные и готовые на самопожертвование. Но они улепетывали через минуту с такой быстротой, что ни один из нас не сумел бы догнать. Дело было не только в том, что они не могли противостоять удару силовых полей. Они просто не знали, что такое поле. Невидимая сила, мощно бросающая их на стены и под потолок, так потрясла их, что никто и не подумал переть на рожон. Они ударили вглубь с теми же знакомыми воплями:

— Жестокие боги! Снизостили Жестокие боги!

Внутренняя охрана, очевидно, не поверила паническому сообщению передового отряда. В пещере, через которую пролегал путь, нас повстречало целое воинство. Оберегатели ринулись, подбадривая себя бесовскими искрами и воинственным писком. В первой стычке мы ограничились силовыми оплеухами, здесь пришлось концентрировать поля. И когда бой закончился, на полу лежало несколько безрассудных, которым не повезло. Из пещеры вело четыре хода. Из заднего вышли мы, в два боковых опрометью умчались сраженные охранники. В четвертый ход никто не юркнул. Я показал на него одной из своих многочисленных рук:

— Сюда, Оан?

— Сюда. Больше нам никто не встретится до самых покоев Отца. В этот лаз запрещено заходить.

Запретная для аранов дорога тянулась долго, мы пересекли еще пять-шесть пустых пещер и наконец выбрались в самую большую. Даже засветив прожектора, мы не увидели ни потолка, ни противоположных стен. Всё помещение занимало озеро — вязкая жидкость, прикрытая коркой. Поверхность бурлила, вспучивалась, кое-где корка разрывалась, наружу вырывалось пламя. Над озером клубился зеленоватый самосветя-

щийся пар, призрачно его озаряя. Временами из жидкости вырывались молнии, погасая в невидимом полке, откуда как бы в ответ низвергались такие же молнии.

— Отец-Аккумулятор убивает всех, кто подходит близко,— со страхом прошептал Оан.

— Своеобразный механизм для выработки электроэнергии,— оценил озеро Ромеро.

— И большой мощности,— добавил Орлан, с любопытством осматриваясь.— Соединение мощных генераторов со сверхмощными конденсаторами. Очень интересная машина.

Граций с сомнением покачал частоколом рук:

— Это не механизм, а живое существо. Оно напоминает наши биологические орудия, но там простое скопление бактерий. Уверен, что Отец-Аккумулятор — мыслящее создание.

Я приказал усилить охранные поля. Ирина взяла пробу озера на анализ. У меня вдруг возникло ощущение, что за нами наблюдают. Оан считал, что Отец-Аккумулятор следит за каждым нашим движением, разбирает каждое наше слово, понимает каждую нашу мысль. Возможно, Оан преувеличивал, но и мне вообразилось, будто озеро безглазое, безногое, безрукое, но живое и что перед нами оно затаилось, что оно охвачено страхом, а не яростью, как думал Оан. Озеро как бы безмолвно упрашивало не делать ему зла.

— Отец не уничтожает вас! — удивленно воскликнул Оан.

— Попробовал бы! — пробормотал я.— Постарайся связаться с Отцом,— посоветовал я Ирине, а Оана спросил: — Каков возраст этого зверя?

О возрасте озера Оан ничего не знал, кроме того что оно уже было, когда еще не появились араны. Отец сотворил жизнь, когда ему надоело быть одному — сперва создал Мать, а потом оба они населили планету растениями и аранами. Океан с его хищниками тоже одно из творений Отца.

— Океан, наверно, является отходом производства электроэнергии,— перефразировал Оана Ромеро.— Ибо, сколько я понимаю, Отец — живая электростанция, питающая электрических жителей планеты.

— Итак, будем решать: уничтожаем ли мы Отца, ибо деятельность его причиняет страдания аранам,— сказал я.— В этом случае надо подарить жителям ав-

томатическую электростанцию, чтобы не прерывалось снабжение их организмов электричеством. Или сохраняем его, но как тогда разряжать пересыщенного электричеством Отца без привлечения к этому делу буйной Матери?

— Уничтожение равносильно убийству,— поспешно сказал галакт.

— Что до сумасбродной Матери,— сказал Роме-ро,— то функция ее, очевидно, сводится к ликвидации излишков электричества. Но эту несложную техническую задачу она решает весьма свирепо. Кто-нибудь видел Мать — Накопительницу молний, Оан?

— Ее нельзя видеть. Она существует лишь в порождаемых ею бурях.

— Иначе говоря, она есть разряд избытков электричества,— сказал я.— Ладно, Оан, больше на планете никто не услышит о грозной Матери. Мы постановляем ее упразднить. Восстановленная плаха примет службу отмененной матери.

Мы пошли назад. Я помахал рукой озеру. Мне казалось, что оно стало выше и засветилось по-иному. Я не мог отделаться от чувства, что Отец-Аккумулятор благодарит за доброе к нему отношение. Доказать справедливость этого не могу. Ирине не удалось связаться с озером. Отец-Аккумулятор не откликался ни на волны, ни на частицы, ни на силовые поля.

На поверхности я вызвал с «Козерога» механиков. Переоборудование плахи заняло немного времени. Напуганные араны не вылезали из пещер и не мешали монтажу внутри плахи специального устройства для разрядов. Теперь избыток электричества автоматически разряжался, когда потенциал достигал предельного значения. Можно только удивляться, как точно фанатики нашли физическую причину «недовольства Отца» и какие изуверские приемы изыскивали, чтобы ввести в норму деятельность электрического сердца планеты. Публичной казнью своих братьев они предотвращали беду. Они, конечно, замечали, что после «осуществления» электрических бурь не бывает. Сви-репая Мать после таких акций долго «не гневалась». Но какой зверский способ решения простой технической задачи!

— Адмирал, я придумал, как сохранить наш разрядник от посягательств со стороны паукообразных! — порадовал меня Эллон, руководивший монта-

жом.— При каждом разряде будет вздыматься огненный столб. Двенадцатиногие бестии побоятся и подходить близко!

— Они станут поклоняться разряднику, как божеству! — возразил я печально.— Эллон, мы закладываем основу новой религии. И пройдет не один век, пока какой-нибудь гениальный аран поймет, что перед ним не жертвенник божества, не оракул, вещающий высшую волю, а простой механизм для простой операции. А ведь предки аранов строили звездолеты!

На цоколе разрядника, ставшего памятником Лусину, была выбита надпись: «Лусин, человек, астронавт из дальних созвездий. Погиб при спасении местных жителей, безвинно осужденных на казнь». Под надписью была выбита таблица космических шифров. Возможно, будущие поколения аранов сумеют прочесть надпись.

Я попросил Эллона окружить разрядник еще и силовым заборчиком. Теперь каждый аран, пытающийся пробраться к бывшей плахе, встретит на своем пути стену, не только непреодолимую, но и способную поддать каждому, кто покусится на нее.

На закате Трех Пыльных Солнц глухой удар, от которого содрогнулись холмы, возвестил, что освобождение от накопленного электричества будет отныне совершаться без фанатических казней и без истребительных бурь. Столб огня взлетел выше холмов, окружавших площадь, только что не развернулся вверх огненным грибом.

Ко мне подошел Оан:

— Вы отбываете, Эли? Вы мои спасители. Вы наши благодетели. Мне будет плохо без вас.

Я молча смотрел на него. В нем была загадка. Весь народ аранов являлся загадкой. Я всё не мог отделаться от мысли, что предки этих невежественных, суеверных, фанатичных существ строили космические корабли. И нельзя было утешить себя поверхностной сентенцией, что вот, мол, как складывается судьба — был высокий уровень, стал низким, совершенствование сменилось деградацией. Не было деградации в обычном понимании: Оан своим существованием опровергал ее. Он был такой, как все араны, — и во многом превосходил любого из нас! Разве не увидели мы его в горниле коллапсирующей звезды, куда и близко не осмеливались сунуться наши корабли? Разве не читал

он наши мысли со свободой, казавшейся непостижимой? Разве существовал для него барьер нашего разноязычия, такой непреодолимый для нас самих, когда мы лишены дешифраторов? И еще много, много других «разве», возносивших его над нами!

Оан пригнул свои ноги, руковолосы улеглись на голове, как причесанные, нижние глаза смотрели преданно и благодарно, верхний, пронзительный, потускнел, в нем не было прежнего пугающего жара, он как бы закатывался в какую-то свою, особую, тайную глубину...

— Оан,— сказал я.— Ты умеешь водить звездолеты. Ты знаешь об искривлении времени больше, чем мы. А твои братья араны фанатики, а не мыслители. Откуда такие знания? Почему ты не похож на собратьев?

Он ответил с подкупающей искренностью:

— О нет, нас много, сохраняющих древние познания среди современного невежества. Если вы задержались бы на планете, вы бы познакомились с нами.

Задержаться мы не могли.

— Возьмите меня с собой,— попросил он.— Я много знаю о парадоксах времени. Наши предки изучили завихрения и завороты времени в звездных скоплениях. Мы не умели ими воспользоваться, но свято хранили эти знания. Вам они пригодятся.

— А твои друзья, Оан? Смогут ли они остаться без тебя?

— Это просьба также и моих друзей. Они советовали мне присоединиться к вам.

Я раздумывал недолго:

— Садись в планетолет, Оан. Ты будешь со мной на «Козероге».

7

Всё поначалу казалось легким. Мы умели уничтожать планеты, когда возникала такая необходимость. Подарить аранам кусочек чистого неба было проще. Любой из звездолетов мог сыграть роль космического дворника. Мы могли и всю эскадру бросить на расчистку пыли в звездном скоплении Гибнущих миров. Камагин настаивал именно на этом, маленькие задачи его не удовлетворяли. Он не встретил поддержки. Мы стремились к результатам поскромней. Было решено рас-

чистить пространство вокруг Тройной звезды и уходить дальше. Мы не собирались собственными глазами увидеть чистые дали в дневном небе Арании. «Запустим один из грузовых звездолетов на автоматическую чистку и поднимем на эскадре паруса», — выразился Олег. Если обратный путь будет пролегать через это же скопление, мы снова присоединим оставленный галактический грузовик к эскадре.

Я и сейчас считаю, что план был хорош. И если он не удался, то не по нашей вине.

Космический дворник назывался «Таран». Одно внушительное название звездолета внушало уверенность, что он со своей задачей справится. Камагин с Эллоном проверили все устройства корабля — автоматы работали безукоризненно. МУМ на «Таране» была мощная, точная, почти мгновенного действия: на ней проиграли все теоретически возможные варианты неполадок и препятствий, автоматический мозг отлично справился с ними. Я подчеркиваю: возможные варианты. К сожалению, никому не пришло в голову проверить варианты теоретически невозможные, а именно такой и выпал. Никто из нас не хватал так далеко, чтобы выискивать логические несуразности. Невозможностей безмерно больше, чем реально осуществимого. Абсурд обширней разумного. Реально ходят ногами по земле. А среди невозможных способов — хождение на голове, на руках, на плечах, по воде, по воздуху, в вакууме и еще черт знает какие. Пересчет невозможностей бессмысленней гадания на кофейной гуще. Заниматься таким вздором мы не могли. Все мы крепки задним умом.

Не надо думать, будто мы были так безрассудны, что не допускали и мысли о неожиданностях. Слишком уж много необычайного нам удалось увидеть в Гибнущих мирах, чтобы надеяться на абсолютную гладкость операции. Мы считались с наличием неведомых, но мощных сил. Они пока нас не тревожили, но нельзя было ручаться, что и дальше будет так. Наша ошибка была лишь в уверенности, что всякое противодействие будет опираться на законы природы, то есть лежать в рамках логики. Спротивление, встреченное нами, и вправду опиралось на законы природы, но было вне нашей логики. Мы считали себя разумом природы. Но природа шире того, что охватывал наш разум. Он обслуживал наши маленькие потребности,

устанавливал наши возможности, но не сумел бы обслужить все потребности природы, предугадать все ее возможности.

Я сделал это отступление, чтобы стало яснее, что произошло, когда «Таран», кружась по сужающейся спирали, приблизился к Трем Пыльным Солнцам.

Всё совершалось по программе. Не только ошибки — и малейшей неточности не было! «Таран» превратился в спутника Тройной звезды, самую близкую и самую крохотную ее планетку. А затем корабельная МУМ запустила аннигиляторы вещества. Это не был, конечно, острый луч, поражающий противника, аннигиляторы работали «в производственном варианте», как назвал его Ромеро. «Таран» описывал эллипсы вокруг Трех Пыльных Солнц, а за ним ширился шлейф новосотворенного пространства, до того чистого, что в нем и красноватое сияние солнц превращалось в серебристо-голубое, каким оно в реальности и было. «Таран» замыкал петлю за петлей вокруг пылающего в три ока центра, постепенно отдаляясь от него, а между ним и солнцами высветлялись дали. Несколько десятков земных лет такого кружения звездолета — и ликующие араны увидят, если и не ночные яркие звезды — те останутся по прежнему смутно-красными, — то сияющие дневные светила, животворящие, а не истребляющие. Хоть один уголок в скоплении Гибнущих миров сподобится названия «возрожденный мир»!

Я спустился к дракону. На его лапе сидел Ромеро, у ног Ромеро лежал Мизар. Умный пес еще не пришел в себя после гибели Лусина. Он сторонился нас. Вероятно, он считал, что мы могли бы не допустить гибели его друга и учителя. Даже ворчанием, даже смутной мыслью, на границе возможностей дешифратора, он не разрешил себе попрекнуть нас. Но ходил он теперь только к дракону, тот на Аранию не выползал и не мог быть обвинен в причастности к катастрофе.

— Всё идет хорошо, Бродяга, — сказал я.

— Слишком хорошо, чтобы было хорошо, — отозвался дракон.

— Мне это непонятно — нехорошо, потому что очень хорошо. А тебе, Мизар? — Я погладил пса. — Правда, твой учитель так и не закончил с тобой курса интегрального исчисления, но зато он всегда утверждал, что у тебя логическая хватка сильнее, чем хватка зубами, и что ты к тому же одарен талантом подлин-

ного реалиста. Мы, люди, пугаемся фантомов, а ты презрительно игнорируешь их, они только похожи на живых, но у них нет теплоты и запаха живого тела, не так ли? Опровергни дракона, Мизар! Бродяга впал в скептицизм.

— Я теперь ни о чем не думаю, кроме Лусина. Я не могу больше рассуждать по-вашему,— прорычал печально Мизар.

Ромеро сказал:

— Дорогой адмирал, вы напрасно нападаете на нашего уважаемого друга Бродягу. В его аргументации есть нечто, заслуживающее внимания. Наш проницательный друг ставит себя на место Жестоких богов, которых, возможно, вовсе и нет, и прикидывает, как бы он действовал на их месте, хотя они, повторяю, возможно, и не действуют вовсе. И получается, что бездействие в данном конкретном случае — самое сильное их действие! Он ни в коем случае не напал бы сразу на звездолет-чистильщик, а раньше присмотрелся к нему, выяснил его цели и физические возможности.

Я возразил:

— Вы рассуждаете, будто Жестокие боги — реальность. А это еще надо доказать. Вера аранов мало о чем свидетельствует. Они верили и в существование Матери — Накопительницы молний, а мы поставили автоматический разрядник, и злое Мать перестала существовать. Она была даже не призраком, а фикцией. Люди, хотя тебе это неизвестно, Бродяга, верили, что землю населяют могущественные высшие существа — Зевс, Иегова, Вотан, Один, Ормузд, Христос, Аллаха, Вицлипуцли, Ваал, Вишну, Кришну. Они их видели, беседовали с ними, получали от них строгие наставления и ценные указания, сообразовывали с их велениями свою жизнь, а их не было. Они были менее реальны, чем наши фантомы, в тех всё же есть какой-то вещественный элемент. Боги же — слова, мечта, фантазия! И замечу тебе, Бродяга, далеко не самая фантастичная из человеческих фантазий.

Так завязался очередной разговор о Жестоких правителях Гибнущих миров. На всех звездолетах шли аналогичные беседы.

Мы с Ромеро пошли в обсервационный зал. «Таран» наблюдался отлично. Очень изящен был его стремительный полет среди желтой пыли, окутывавшей

Тройную звезду, — чистый простор, создаваемый звездолетом, походил на туннель, только движущийся, непрерывно расширяющийся. Ромеро первый заметил неполадки с «Тараном», МУМ о них объявила секундой позже. Звездолет вдруг заметался, он был похож теперь не на галактический корабль, а на ящерицу, у которой оторвали голову — тело уже мертво, но еще судорожно бьется, оно еще кажется полным энергии. А затем звездолет замер. Аннигиляторы перестали вычерпывать пыль, расширяющиеся круги превратились в мертвый кеплеровский эллипс. Больше не было могучего космического корабля, вольно меняющего структуру пространства. Был пленник пространства, астероид, безжизненный космический кусок материи — крохотная планетка, если судить по масштабам космоса.

Олег вызвал меня к себе. На «Таране» остановились не только аннигиляторы, но и приборы связи. Он не откликался на позывные. Но мыслящий центр корабля продолжал работать, МУМ «Тарана» генерировала слабые сигналы, такие сумбурные, что расшифровать их было нельзя.

— Надо высылать буксир, — хмуро сказал Олег. — Но как проникнуть внутрь «Тарана»? Внешних повреждений не видно, придется вырезать дыры в корпусе, если не сумеем раскрыть ворота.

Ближе всех к «Тарану» находился «Овен». Олег вел Петри привести потерявший ход корабль. Вскоре оба звездолета подошли к «Козерогу». «Таран», превратившийся из корабля в кусок космического вещества, вел себя как простое космическое вещество — покорно двигался в клещах буксирных полей, послушно отвечал на их импульсы. Если бы он был поменьше, мы усадили бы его на причальной площадке. Вместо этого к звездолету прикрепили ремонтную камеру и прорезали в корпусе лаз. Петри сам доставил на «Козерог» демонтированную МУМ, по виду целую — ни один контакт не поврежден, нигде ни царапины, и сердце машины — крупный нептунинан сверкал прежним глубоким зеленоватым блеском: великолепный кристалл, один из лучших, какие мне приходилось видеть.

— МУМ работает, — сказал Петри. — Она только несет околесицу, порет чепуху, городит чушь... не знаю, какие еще подобрать выражения для ее работы!

МУМ установили на испытательном стенде. Эллон с Ириной проверяли отказавший машинный мозг. Я стоял неподалеку, чтобы не мешать им. Я уже говорил, что Эллона нелегко удивить, а когда он удивляется, то старается этого не показывать. На этот раз он и не старался скрыть удивления.

— Адмирал, я поражен,— сказал он.— Защитные поля, предохраняющие МУМ от внешних импульсов, не пробиты, не деформированы, даже не задеты. Она разладилась сама. Внутри схемы возникли неполадки, внутри, адмирал, я исключаю внешние силы. Но и внутри повреждений нет. С такой диковинкой я еще не встречался. Буду проверять отдельно каждую часть схемы.

— Да, проверяйте,— сказал я и пошел к дракону.

Бродяга коротал время с Мизаром. Дракон изнывал от желания узнать новости.

— Бродяга,— сказал я,— ты лучше нас знаешь природу пространства. Послушай внимательно. На «Таране» вышла из строя МУМ. На нее не действовали никакие внешние силы, никаких сил не возникало внутри. Иначе говоря, в пространстве, через которое вместе с кораблем мчалась МУМ, не произошло ничего. Ты меня понимаешь, Бродяга? Не могло ли воздействовать на корабельный мозг само пространство? Не могло ли всегда пассивное пространство, носитель полей, волн и частиц, вдруг стать активным?

— Я не могу ответить на твой вопрос,— признался дракон.— Я имел дело только с пассивным пространством, которое подчинялось моей воле. Я его скручивал и выпрямлял, сгущал и разрежал. Оно способно порождать собственные волны, которые вы называете волнами пространства, его можно превратить в вещественную материю, вещественную материю можно преобразовать в пространство. Всё это так. И всё-таки пространство пассивно. Оно не может воздействовать на тела иначе, как посредством возникающих в нем сил.

— И я так думаю. И это важно для дальнейшего. Теперь посоветуемся с Оаном. Двенадцатиногий мыслитель глубже нашего проник в тайны местного мира, пусть он поделится с нами.

Оан явился вместе с Орланом и Грацием. И демиургу, и галакту тоже захотелось посоветоваться с арапом.

Я не успел задать своих вопросов: к дракону пришли Эллон и Олег. Эллон показал диаграмму испытаний МУМ.

— Адмирал, ручаюсь, что тебе еще не приходилось встречаться с чем-нибудь похожим! МУМ на «Таране» путает порядок действий. Она разладилась не физически, а логически. Она переставляет причины и следствия. Следствие у нее идет раньше причины. Убедись сам.

С тяжелым чувством я рассматривал диаграмму. Я не был наладчиком этих сложнейших механизмов, схема самого простого их участка была для меня сущей тайной. Но и моих знаний хватало, чтобы понять, что следствие не может возникнуть до причины. Дождь не прольется до того, как соберутся тучи. Ребенок не родится раньше, чем встретятся будущие отец и мать. Шишка на лбу не вскочит до удара. А здесь была именно такая картина. Здесь дождь шел без туч, ребенок появлялся без матери и отца, шишка вскакивала на лбу до удара. Эллон посылал извне импульс в МУМ, она отвечала замыканием цепей — так это происходило реально. А МУМ регистрировала другую картину — раньше замыкала цепи, потом принимала импульс извне. Можно было лишь удивляться, что свихнувшаяся МУМ не взорвала корабль. В трюмах галактического грузовика хранилось достаточно активного вещества, при неправильной команде всё оно могло превратиться в подожженную взрывчатку.

Я спросил Оана:

— Ты что-нибудь понимаешь? Можешь разъяснить эту чертовщину?

— Никакой чертовщины, — быстро ответил он каждому мыслю. — Ваша машина заболела. У нее рак времени.

— Заболела? Рак времени?

— Да, заболела. Время разорвалось внутри машины. Одни ее ячейки в прошлом, другие в настоящем, а третьи вынеслись в будущее. Она не сумеет выполнить никакой программы. Рак времени — самая тяжелая болезнь нашего мира.

— Не может ли эта болезнь поразить и нас? — спросил Орлан. Он так вжал голову в плечи, что одни глаза выступали наружу.

— Поразит и вас, если того пожелают Жестокие боги! — уверенно предсказал Оан. — Вот почему я пы-

тался найти выход в иное, не здешнее время. Вы могущественны, вам может повезти больше, чем мне. А если вы не хотите спастись в иновремени, лучше вам уходить отсюда. Жестокие боги долго не замечали вас. Но сейчас они взглянули на вас. У них недоброе око.

Он говорил о том, что Жестокие боги наконец воззрились на нас недобрым оком, а я — в который раз — рассматривал его самого. Мне вдруг почудилось, что вижу его впервые. Я, вероятно, до сих пор недостаточно вдумывался в его облик. Оан тихо покачивался на двенадцати мощных, быстрых, легких ногах, каждая содержала восемь сочленений... А на бронированном жесткой кожей тельце возвышалась небольшая голова со странными волосами — не то волосами, не то змеями, не то руками; он мог не только хватать, но и рвать, и присасываться ими. Два нижних глаза глядели на нас, просто глядели, принимали в себя, обыкновенные глаза, темные, с поволокой, такие же, как у меня, у Труба, у дракона, даже у Орлана с Грацием. А третий глаз, над ними, не глядел, а пронзал глубоким сиянием, он излучал, а не принимал чужие лучи, этим глазом Оан и внедрял в наши головы свои мысли, — и я невольно сжался, так его мысли были грозны! У Оана было недоброе око...

8

Если бы от меня потребовали выразить одной фразой желание, овладевшее нами, я сказал бы только: «Клочок чистого неба!» Неведомые противники запретили расчищать межпланетный простор, мы были готовы пойти против любого противника. Неожиданное сопротивление породило порыв. Это у каждого в крови. Наши предки были борцы-богоборцы, освободители, ревнители своей чести и достоинства, — мы не хотели быть трусливей предков.

Олег приказал капитанам прибыть на «Козерог» и пришел ко мне посоветоваться.

— Эли, одним из самых замечательных событий твоего первого похода в Персей было уничтожение Золотой планеты, с такой решительностью и мастерством совершенное Ольгой Трондайк. Я намерен предложить примерно то самое, что вы проделали тогда.

Я попросил разъяснений, он дал их. Ольга, взорвав Золотую планету, создала огромный объем ново-

сотворенного пространства и вывела сквозь него попавший в западню звездолет. В созданном за это пространство не было пыли, в него не протянулись хищные силовые поля разрушителей, его сразу не могла затянуть паутина неевклидовости. Разрушителям пришлось немало потрудиться, пока они ввели этот свободный простор в насильственную структуру своего звездного мирка. В скоплении Гибнувших миров господствуют существа, по-видимому превосходящие разрушителей по мощи. Они для чего-то заставляют звезды медленно исходить пылью. Открытое противодействие своим намерениям они пресекают. Но не обмануть ли их? Не поставить ли их перед свершившимся фактом? Не вызвать ли взрывное новообразование пространства? В существующем просторе бороться с рамирами — будем пока так называть их — нам непосильно. Но для овладения новым пространством им понадобится какое-то время — столетия или тысячелетия по земному счету. Всё это время на Арании будут видеть ясные дневные дали, араны получают хоть на несколько поколений обещанный клочок чистого неба.

— Главная проблема в твоём плане — скрыть его от рамиров, — сказал я. Олег согласился, что надо придумать надежный метод маскировки.

План понравился всем капитанам кораблей. Аннигилировать планету сумел «Пожиратель пространства», а наши современные звездолеты мощней. И подобрать космическое тело для аннигиляции было еще проще: вокруг Трех Пыльных Солнц вращался с десятков безжизненных планет. Лишь проблема маскировки вызвала споры. Рамиры, если это они Жестокие боги, могут легко воспрепятствовать уничтожению планеты в момент, когда на нее устремится звездолет с включенными боевыми аннигиляторами. Прямой удар, какой нанесла Ольга по Золотой планете, в Гибнущих мирах вряд ли удастся.

— Давайте сделаем операцию двухстадийной, — предложила Ольга. — Если Жестокие боги и воспротивятся уничтожению целой планеты, то вряд ли их возмутит аннигиляция одного звездолета, свободного пространства от такой аннигиляции добавится немного. Но это будет то пространство, которое на время выпадет из их власти. И его как маскировочный туннель сможет использовать звездолет, наносящий главный удар.

Камагин попросил назначить его «Змееносец» для маскировочной аннигиляции. Но ему поручили охрану звездолета, наносящего главный удар: там требовалась не осторожность, а решительность и быстрота — решительностью и быстротой Камагин превосходил всех.

— Ваш «Телец» произведет маскировочную аннигиляцию, — сказал Олег невозмутимому Петри. — Никто лучше вас не справится с такой операцией. А основной удар я попрошу нанести «Овна». Ольга единственная среди нас имеет опыт аннигиляции планет.

Ольга сказала:

— Я согласна выполнить приказ командующего эскадрой, но поставлю одно условие. — Она повернулась ко мне. — Эли, в момент нападения на Золотую планету ты сидел в командирском кресле рядом со мной. Твое присутствие придавало мне решительности. Я хотела бы, чтобы ты на время операции переселился на «Овен».

— Ты намерена снова довести меня до полусмерти, чтобы мой ужасный вид вдохновил тебя? — Мы все с удовольствием посмеялись.

После совета капитанов Ольга зашла к нам. Мэри уже знала, что я временно покидаю «Козерог». Возможно, ей это не понравилось, но она не выказала недовольства.

— Надеюсь, ты не будешь ревновать, если я на несколько дней заберу твоего мужа к себе? — спросила Ольга так серьезно и с таким волнением, что Мэри расхохоталась.

— Я ревную своего мужа только к нему, Ольга. Ибо единственный человек, который забирает у меня бесцеремонно моего Эли, это Эли... Но тут ты ни навредить, ни помочь мне не сможешь.

Мэри крепко обняла меня, когда я покидал «Козерог».

Подходящую планетку нашли скоро. Единственная трудность заключалась в том, что орбита ее располагалась как раз за орбитой Арании, а мы хотели провести аннигиляцию между Аранией и Тройным Солнцем. Зато Граций установил, что жизни на ней никогда не было, и гарантировал, что и в будущем возникновение какой-либо формы жизни исключено, — с таким планетным ублюдком можно было не церемониться!

Враждебные внешние силы, по-видимому, были равнодушны к перетасовке планетных орбит. Три грузовых звездолета влекли за собой планету по программе, продублированной в каждой их МУМ. Планетка плавно сошла со своей орбиты и по крутому витку спирали заскользила во внутреннее пространство между Аранией и Тремя Пыльными Солнцами.

Я сидел в кресле рядом с Ольгой. Ольга готовилась ко второму этапу операции, я всматривался, вслушивался, вдумывался в космос. Всё вокруг оставалось безмятежно спокойным, это и радовало, и беспокоило. «Змееносец», «Телец» и «Козерог» держались в стороне, их огни виднелись лишь в умножителе, корабли с экипажами должны были оставаться в стороне, чтобы не попасть в фокус внезапного противодействия, если оно разразится во время смены орбиты. Сменой орбиты руководил Эллон, он сидел сейчас в командирском зале рядом с Олегом. Однажды он уже помог нам вышибить планету-разбойника в какие-то неведомые тартарары, сейчас по точно такой же гравитационной улитке очень плавно, очень уверенно выводил вторую планету на новую орбиту, где ее ждала гибель. В улитку ввинчивались — собственно, они и создавали ее — три автоматических корабля, крохотных сравнительно со своей добычей, за ними мчалась их огромная жертва.

— Орбита взрыва достигнута, Эли,— сказала Ольга.— Петри выдвигается на дистанцию прямой аннигиляции. Скоро настанет и наш черед — рваться в свободный туннель.

Наш черед не настал. Настал черед враждебных сил. Ужас того, что произошло на наших глазах, будет жить в моей памяти, пока не умру.

Планета находилась теперь на внутренней орбите, точно между Тремя Солнцами и Аранией. Она вышла из гравитационной улитки и свободно неслась по новой орбите. Впереди мчались компактной группкой три автоматических звездолета, позади такой же группой двигались остальные галактические грузовики, а один, обреченный на аннигиляцию, неся рядом с планетой. «Овен» занял дистанцию вторжения на линии, соединявшей Аранию и Три Солнца. «Телец» появился со стороны. Он должен был нанести мгновенный боевой удар по обреченному звездолету и, так же мгновенно выключив аннигиляторы, отлететь назад в вих-

ре новосотворенного пространства, а в самый центр бури, по прямой на планету, экранированные от внешних воздействий, ворвемся мы на «Овне». Таков был план. И, видя в умножителе летящего «Тельца», я видел одновременно — мысленно, конечно, — самого Петри. Спокойный капитан «Тельца» наклонился в кресле, он всматривался в вырастающий на экране обреченный звездолет, он поднял руку, еще секунда — и он опустит ее с возгласом: «Удар!» Но удар нанес не он.

Это был всё тот же луч, тот же проклятый луч, терзавший Красную звезду! На этот раз он был поменьше и не разлегся на всё видимое пространство губительной светящейся трубой, а вынесся из дымной дали и мгновенно иссяк. И ударил он не в планету, не в буксирные звездолеты впереди, не в сопровождающие звездолеты позади, даже не в назначенный для раскрытия космических ворот корабль рядом с планетой, а точно в «Тельца»!

Взрыв, неистово несущийся огненный шар, облачко накаленной добела пыли — вот что мы увидели на месте, где только что мчался грозный корабль, оборудованный совершенными машинами, имевший среди членов экипажа и людей, и демиургов. Не было больше корабля, не было больше людей, не было демиургов — даже трупов не осталось! Была одна пыль, сияющая, разлетающаяся, погасающая пыль.

И еще мы увидели, как передние и задние звездолеты, спутав строго рассчитанные траектории, несутся один на другого, смешиваются в общей пылающей куче, — взрыв за взрывом отмечал гибель кораблей. Флот погибал на наших глазах, мы ничем не могли помочь грузовым кораблям, мы сами должны были погибнуть, как и они, как погибли перед тем наши друзья на «Тельце». Я вдавился всем лицом в умножитель. В пылающее месиво кораблей устремился «Козерог»: на нем потеряли управление. Я до крови укусил свою руку, зарывал от бешенства и отчаяния. Я не мог видеть, не хотел видеть гибели «Козерога», какая-то сила отшвыривала меня от умножителя. Я боролся с собой, я должен был всё видеть, чтобы понять, что происходит. И чтобы страшно отомстить виновникам катастрофы, если сам останусь жив!

Каким-то чудом «Козерог» вдруг отвернул от коста пылающих кораблей и унесся в пыльную мглу.

А «Змееносец» успел сделать поворот еще раньше и огибал эпицентр катастрофы по плавной кривой.

Обессиленный, я откинулся в кресле. И только тут сообразил, что меня отчаянно дергает Ольга.

— Эли! Эли, очнись! — взывала она. — У нас отказала МУМ, я не могу передать ни одного приказа двигателям! Нас несет на грузовые корабли!

Не знаю, как быстро дошел до моего сознания испуганный призыв Ольги. Вероятно, меня пробудило искаженное ужасом ее лицо, я до того и не подозревал, что она способна испытывать ужас, что обстоятельства могут совпасть так, что неизменное ее рассудительное спокойствие начисто выметет. И я понимал в тот первый момент возвратившегося сознания, что нельзя давать разрастись в ней слепому ужасу, — что бы ни случилось с кораблем, командир обязан сохранить ясность мысли, иначе совсем уж будет плохо!

— Без паники! — крикнул я. — Переходим на ручное управление!

Но переходить было не на что — ручное управление, как и все автоматические системы, не работало. Сотнями глаз я впивался в панель ручного управления, стоявшую рядом с моим командирским креслом, сотнями пальцев хватал ее кнопки и рычажки — ничто не действовало! И вдруг я вспомнил, что есть одна цепь, которую нельзя ни выключить, ни заблокировать и которая единственная не подчиняется мысленному приказу, а только механическому повороту ключа, — цепь системы зарядов, взрывающих корабль. Это была моя цепь, я в школе рассчитывал ее, я знал когда-то каждый ее контакт, каждое сопряжение проводов. Она предназначалась лишь для того, чтобы в чрезвычайных условиях уничтожить корабль изнутри, это была цепь отчаяния, а не надежды. Только она сейчас могла спасти нас.

— Ключ! — взревел я, хватая Ольгу за руку. — Ключ от взрывных камер!

Она отшатнулась от меня. Бледная от страха, она стала совсем белой. Она пыталась успокоить меня.

— Может быть, мы не погибнем! — лепетала она. — Эли, Эли, я еще надеюсь...

Я был готов задушить ее. Надежды не было. Нас несло в центр звездолетной свалки.

— Дура! Я не собираюсь устраивать самоубийство! Немедленно ключ, Ольга!

Трясущимися руками она расстегнула кофточку. Ключ висел на груди. Негнущиеся пальцы не могли отвязать цепочку. Я сам рванул ее — ключ оказался у меня в руках. Я бросился к дальней панели, там было одно отверстие, запечатанное, никто не имел права срывать печать, я сорвал, вдвинул ключ, осторожно повернул его. «Спокойно, слышишь, Эли, спокойно! — мысленно крикнул я на себя. — Одна треть поворота, первый контакт, ошибка непоправима!»

Тяжкий взрыв потряс звездолет. Правая задняя часть, та самая, где смонтированы наши грозные боевые аннигиляторы, перестала существовать. Перестала существовать могущественная звездная крепость, способная уничтожать планеты и рассеивать неприятельские флоты. Но звездолет остался, он был жив, хотя и лишился вооружения, от страшного удара его повернуло влево, он уклонился от губительного костра кораблей, унеся в сторону, — и сделалось это, возможно, в ту последнюю секунду, которая еще имелась у нас для спасения.

— Ох! — вскрикнула Ольга, падая в кресло.

Несколько минут мы молчали. В командирский зал не доносились шумы корабля, а во всех его помещениях и коридорах в эту минуту сновали люди и звездные друзья — растерянные, полностью вытерпевшие и ужас неминуемой гибели, и радость неожиданного спасения; не знаю уж, что сильнее ударило по нервам — ожидание ли смерти или избавление от нее. Ольга слабым голосом произнесла:

— Эли, какая катастрофа! Я ничего не могу понять! Какая сила могла заблокировать наши МУМ, они ведь так защищены от посторонних воздействий! Почему ты молчишь, Эли? Мне страшно, не молчи, я же ничего не понимаю!..

Я сказал, стараясь сохранить спокойствие:

— Я молчал оттого, что всё понимаю. Рамиры объявили нам войну. Они уничтожили эскадру Аллана и твоего мужа, Ольга. Теперь настал наш черед.

Она смотрела на меня округленными, полубезумными глазами.

— Я привыкла верить тебе, Эли, я всегда верила в каждое твое слово... Но ведь не могли же они знать, что именно Петри начинает операцию, не я, не Камагин, не Осима, а Петри! Это знали только мы на кораблях. А рамиры ударили по одному Петри!

— Нам тоже досталось, не забывай, что наши МУМ заблокированы,— мрачно возразил я.— А что до того как они могли узнать наши планы, то вопрос решается просто. На наши корабли проник их лазутчик!

— Ты сказал — лазутчик, Эли?

— Тебе не нравится это слово? Тогда шпион, сыглатай, разведчик, филёр, стукач, предатель, тайный агент — выбирай любое! И находится он на флагманском корабле. Он на «Козероге», Ольга!

Часть третья

Разорванная связь времен

Порвалась дней связующая нить.
Как мне обрывки их соединить!

В. Шекспир

Зевс. Асклепий и Геракл, перестаньте спорить
друг с другом, как люди! Это неприлично
и недопустимо на пиру богов.

Геракл. Зевс, неужели ты позволишь этому колдуну
возлежать выше меня?

Асклепий. Клянусь Зевсом, так и должно быть:
я это заслужил больше тебя.

Лукиан

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Как непохожи на объятья
Прикосновенья этих рук!

А. Ахматова

1

О восстановлении не приходилось и думать: в корпусе корабля зияла исполинская рана. Конструкторы сделали всё, чтобы возможный противник не только не завладел аннигиляторами, но и не сумел догадаться, какие машины находились в правой корме звездолета. После осмотра разрушений Ольга призналась:

— Мне и в голову не пришло, что можно так выправить траекторию корабля. Я растерялась. Уничтожение аннигиляторов — такой недопустимый вариант защиты... Я носила ключ как брелок или медальон. Как ты мог вспомнить о ключе, Эли?

— Вероятно, потому, что я в последние дни думаю только о недопустимом,— сказал я.— Мысли мои поглощены одними невероятностями. К тому же, когда мы сдали «Волопас» Орлану неповрежденным, я часто в плену вспоминал, что был еще такой выход, как уничтожение аннигиляторов.

— К счастью, вам тогда удалось ограничиться перепутыванием схемы МУМ.

— Что сегодня за нас, кажется, сделали враги,— с горечью сказал я.

К этому времени стало ясно, что и МУМ быстро не восстановить. Внешне она казалась такой же неповрежденной, какой недавно виделась МУМ «Тарана». Но если та как-то действовала, путая причины со следствиями, то эта не принимала и не выдавала сигналов. Она просто не работала. Была непостижимая сложность в сочетании слов: «Просто не работала!»

Зато ручное управление удалось наладить. «Овен» опять мог двигаться, но примитивным движением, без сверхбыстрых расчетов ситуации. Он потерял свою мгновенную ориентировку в космосе. Он был быстр, сообразителен и точен лишь в меру быстроты, сообразительности и точности дежурных штурманов. Для галактических рейсов такой корабль уже не годился.

Ожившая связь донесла депешу Олега:

«Сообщите, что с вами? «Овен»! Сообщите, что с вами? Сообщите, что с вами?..»

Следующим извещением было приглашение мне и Ольге прибыть на флагманский звездолет и информация о потерях. Погибло три четверти эскадры — «Телец» и двенадцать галактических грузовиков из четырнадцати. На «Козероге» и «Змееносце» тоже были разлажены МУМ, и механики не давали гарантии быстрого восстановления. Мы с Ольгой сели в планетолет.

На «Козероге» мне на грудь кинулась Мэри. Она оплакивала меня, будто я погиб. Я вытер ее слезы и посоветовал взглянуть: я живой, еще крепкий и долго собираюсь остаться таким!

— Я потеряла сознание от ужаса, когда увидела, куда несет «Овна»!— Она всматривалась в меня, словно всё не верила, что я возвратился.— Вы были так близко от эпицентра взрыва!

Лишь теперь до меня дошло, что испытывали на «Змееносце» и «Козероге». Я страшился за них,

но еще больше оснований они имели страшиться за нас.

Ромеро горестно сказал тем цитирующим голосом, какой всегда появляется, когда он прибегает к примерам из истории:

— Принесли «Тельца» на закляние, дорогой адмирал. Как ни скорбно, но нужно признаться, что враги могущественней нас.

— Могущественней ли — не знаю, но хитрей — да, Павел.

А подавленному Олегу я сказал:

— Прошлого не вернуть, будем думать о будущем. Я тебе задам один вопрос — постарайся ответить точно. Разладка вашей МУМ происходила двукратно, — так? МУМ отказала, потом какие-то секунды снова работала и опять отказала — уже окончательно. Я правильно рисую картину?

— Всё происходило именно так, — сказал он, удивленный. — Какой ты делаешь отсюда вывод?

— Очень важный, — заверил я и потребовал узкого совещания — капитаны звездолетов, я, Ромеро, Граций, Орлан, Бродяга.

Потом я прошел в консерватор. В прозрачном саркофаге, навеки невозвратимый и навеки нетленный, лежал Лусин, такой обычный, такой как бы задремавший, что нельзя было только стоять и молча смотреть на него. И я сказал ему:

— Лусин, ты знаешь, я никогда не мстил. Даже за сына, погибшего на Третьей планете, не захотел мстить. Он изнемог в прямой борьбе с прямым врагом, мы попросту оказались в тот момент слабей врагов. Нет, я не мстил за Астра, ты это знаешь, Лусин! Ты добр, ты нежен душой, Лусин, ты не позволил бы мне мстить. Но за тебя я отомщу! Ты пал жертвой коварства, а не в честном бою, я должен отомстить за тебя, Лусин! И за Петри, и за всех товарищей на «Тельце»! И за Аллана и Леонида! И за аранов — некогда могучий народ, сегодня жалкий, забывший науку, впавший в суеверие! Не спорь, Лусин! Не возмущайся моей жестокостью. Враги не оставили нам другого выхода, кроме как быть жестокими. Мне тяжело, мне бесконечно тяжело, Лусин! Но пойми — нет другого выхода!

Так я говорил с ним, так ему одному открывал свою душу, даже Мэри не смог бы сказать того, в чем признавался и о чем предупреждал его. И я ушел из

консерватора, если не успокоенный, то просветленный: очистил себя от сомнений, знал, что отныне не дам себя разжалобить. Наш путь будет труден, возможно, долг, — я пройду его до конца! Никто не знает своего будущего. Путь и вправду вышел долг, но нет ему конца!

Совещание созовем в помещении, экранированном от всех служб и комнат корабля, — такое требование я поставил Олегу. Он не нашел лучшего места, чем обиталище дракона, в других экранированных помещениях Бродяга бы не поместился. Все уже были на месте, когда я пришел. Камагин и Осима сообщили, что происходило на «Змееносце» и «Козероге», Ольга добавила рассказ об «Овне». Неведомое поле на всех кораблях отключило МУМ от исполнительных механизмов — на «Змееносце» и «Овне» разом, на «Козероге» — дважды: кратковременное повторное включение продолжалось несколько секунд, но было достаточно, чтобы изменить курс и отворотить гибель. Ручное управление на «Овне» и «Козероге» удалось быстро восстановить, на «Змееносце» оно вообще не блокировалось. Все корабли до ремонта МУМ были не пригодны для продолжения рейса к ядру, да и к возвращению на базу тоже. «Овен» пострадал так сильно, что мог быть использован лишь как галактический грузовик. Таким образом, от огромной эскадры остались лишь два мало дееспособных звездолета и три грузовых корабля.

Олег обратился ко мне:

— Совещание созвано по твоему желанию, Эли. Ты обещал сделать важное сообщение. Мы слушаем, Эли.

Я начал с того, что задал дракону вопрос:

— Бродяга, может ли биологический мозг, могучий мозг, скажем твой, вмешаться в работу МУМ, и не так, как мы вмешиваемся, отдавая команды, а как бы дублируя работу всех ее цепей?

Дракон смотрел на меня без обычной иронии. Вопрос был слишком серьезен, чтобы расцвечивать его шуточками.

— Ты слишком многого требуешь от обыкновенного биологического мозга, Эли. МУМ производит вычисления со скоростью триллионов комбинаций в секунду, биологический мозг на это не способен. Биологический мозг не математичен, не аналитичен, он не так

раскрывает анатомию ситуаций, как охватывает ее пейзажно... Именно так я работал на Третьей планете.

— Ты сказал, Бродяга: обыкновенный биологический мозг — и тут же доказал необыкновенность обыкновенного мозга. Но оставим это. Хорошо, пусть не биологический мозг. Если уж создан такой мыслящий механизм, как МУМ, то могут появиться и конструкции, превосходящие ее. И если такая конструкция, такой мыслящий сверхмощный механизм имеется на нашей эскадре и, работая в унисон с нашими МУМ, пожелал грубо затормозить их, то это объяснит природу аварии, не так ли?

Бродяга промолчал. Олег с недоверием заметил:

— Нужно предварительно доказать, что могущественный враждебный мозг реально находится на одном из кораблей.

— Он находится на «Козероге».

— Его имя! — крикнул Эллон.

Он не любил поднимать вверх голову, но сейчас она взлетела выше, чем это проделывал Орлан. Глубокие глаза демиурга пылали, огромный рот хищно выжевился. Ручаюсь, Эллон решил, что я намекаю на него. Я холодно сказал:

— Успокойся, Эллон. Если бы я имел в виду тебя, ты не был бы приглашен на совещание. Тайного лазутчика врагов зовут Оан.

Я дал время вдуматься в мое утверждение. Все говорили разом. Олег потребовал доказательств. Я попросил, чтобы мне поставили вопросы, на которые я должен ответить. Камагин сказал, что, работая в унисон с МУМ, искажая каждый ее импульс встречными импульсами, надо быть таким же быстродействующим, как МУМ, а для живого существа, как только что объяснено, это неосуществимо; нужно, стало быть, доказать, что Оан — не существо, а конструкция в облике существа. Осима добавил, что МУМ потребляет немало специфической энергии специализированных полей, — где Оан мог получить тайно такую энергию? Ольга тоже высказала сомнение: лазутчик, вмешавшись в работу трех МУМ, должен передавать свои команды на другие звездолеты при помощи каких-то полей, но в пространстве они не зафиксированы. Не мог же он производить физическое действие без физических полей! Орлан заметил, что лазутчик должен постигать замыслы астронавтов, не присутствуя при

их разговорах, должен стать соглядатаем их мыслей; даже для демиургов это недостижимо, а в Империи разрушителей техника подглядывания и подслушивания стояла на высоте,— вряд ли кто усомнится в том!

— И у нас кругом такие экраны! — поделился своими соображениями Граций. — Не могу представить себе, как, например, отсюда могла бы произойти утечка информации. А другие помещения только поменьше, но экранированы не хуже.

— Короче, он должен содержать в себе что-то сверхъестественное, — подвел итог Олег.

Я ответил сразу всем:

— Что называть сверхъестественным? Любому предку наша способность аннигилировать пространство и двигаться со сверхсветовой скоростью показалась бы сверхъестественной, а мы — рядовые, смертные люди. Я настаиваю на одном: мы встретились с удивительными явлениями, объяснение их не может быть неудивительным!

И я напомнил, как попал к нам Оан. Он хотел вынырнуть в иные миры в каком-то обратном времени. Если объяснение правильно, то оно удивительно, ибо противоречит тому, что мы пока знаем о течении времени во Вселенной. Все спутники Оана погибли, он один уцелел. Не вторая ли удивительность? Он не только выкрал звездолет, конструкция которого и нам неясна, но и сумел технически овладеть им и вырваться в космос, отыскал коллапсирующую звезду, ринулся в ее недра, вырвался из ее смертельных объятий, — не слишком ли длинна цепочка удивительностей? И все эти действия, превосходящие умение и знание людей, демиургов и галактов, совершены представителем полудикарского народа! Не самая ли это большая из удивительностей? Кто он среди своих? Свой или чужой? Он обронил, что Жестокие боги живут среди аранов в облике аранов. Вот он кто, этот наукообразный мыслитель и инженер, — лазутчик рамиров в стане аранов! Разведчик — такова его сущность, лишь камуфлированная внешней благопристойностью.

— А познакомившись с нами, Оан сменил профессию соглядатая среди аранов на профессию соглядатая среди нас, — продолжал я. — Он, конечно, не мог трансформироваться в человека, демиурга, галакта, ангела или дракона. Нас мало, мы сразу бы разобла-

чили обманщика. Но в прежнем облике арана разгадывать наши планы, выводить из строя наши машины — это он мог. А теперь я докажу, что Оан не только грязный шпион и опасный диверсант, но и гнусный террорист. Он виновник смерти Лусина, он, а вовсе не какие-то случайности. Обернитесь к экрану.

На экране появилась картина гибели Лусина. Я много раз разглядывал в одиночестве эту горестную ленту. Меня постоянно мучило ощущение, что я чего-то не ухватываю, чего-то важного не разгадываю. И, только возвратившись на «Козерог» после катастрофы со звездолетами, я понял, где нужно искать решение загадки.

— Я взял многоканальный хронометр, друзья. Одни каналы настроены на наши индивидуальные поля, другие ведут поиск полей неизвестных. Смотрите на экран! Вот Лусин и вцепившийся в него оберегатель. Проверьте концентрацию ваших полей на Лусине — не правда ли, высокая синхронность? А вот Лусин сбрасывает поле, разящее бросившихся на него ускорителей, и сам рушится в печь от рывка вцепившегося арана. Вот снова Лусин вызывает охранное поле. Проверьте время, друзья! Лусин вызывает спасительное поле за одну десятую секунды до того, как замыкаются контакты печи. Одной десятой секунды с лихвой достаточно для спасения! Но поле не появилось, смотрите, смотрите — оно есть и его нет! Оно заблокировано чужим полем, неожиданным полем — наши приборы не засекли его, но оно есть, оно затормозило наши поля: время вызова поля и время начала его действия разделены одной десятой секунды — невероятно длительный интервал! А рядом, взгляните и на это, стоит Оан, ровно одну десятую секунды, именно эту одну десятую стоит неподвижно, а потом сделал движение в сторону — и с точностью до микросекунды движение его совпадает с исчезновением тормозного поля. Кто, как не он, прогенерировал тормозное поле, погубившее Лусина? Через кого, как не через него, вырвался на одну десятую секунды невидимый тормоз?

Я с вызовом оглядел собравшихся. Граций покачал головой:

— Эли, твои соображения впечатляющи, но прямые доказательства в них отсутствуют. Даже наши великолепные анализаторы не обнаружили противополя

Оана, а только оно могло бы послужить прямым доказательством. Вспомни, что ни один аран не способен порождать силовые поля.

— Присмотритесь тогда к другому кадру! Ударило наше концентрированное в Лусине поле — аранов точно камни из пращи расшвыривает по площади. Лишь один стоит неподвижно, как чугунная статуя на легком ветерке. И этот единственный — опять Оан! Сделайте элементарнейший расчет: сколько должен весить Оан, чтобы вот так, не качнувшись, устоять в силовом потоке?

Ольга быстро сказала:

— Не меньше ста пятидесяти тонн!

— Ста пятидесяти тонн, друзья! А Оан не весит и ста килограммов! Неужели и это не убедительно? Неужели и тут остается место сомнениям?

И опять мне ответили молчанием. Ромеро осторожно сказал:

— Адмирал, вы показываете нам причину гибели Лусина. Но то, что убило, не всегда убийца. Во всяком случае, в преступном смысле. Я бы предложил поговорить с самим Оаном.

— Дружески беседовать с убийцей Лусина, Павел? Приятельски расспрашивать его? — Я не скрыл возмущения.

— Зачем дружески? Зачем расспросы? В старину для подобных бесед существовал деловой термин — «допрос». Допросы бывали с пристрастием и без пристрастия. Хорошо бы Оану устроить допрос с пристрастием. И провести его должны вы в роли следователя или прокурора, а мы будем присутствовать в качестве тех фигур, которые в древнем суде назывались судьями, народными заседателями, адвокатами, а также свидетелями и зрителями.

— Странные порядки существовали в вашей древней истории, — промолвил Граций. — Расспросы и допросы, с пристрастием и без, судьи, заседатели, прокуроры, адвокаты, свидетели, зрители... Вы, наверно, очень увлекались судейскими зрелищами. Вероятно, они относились к театру, которым ваши предки, кажется, тоже увлекались?

— Вот уж к театру судьи и прокуроры не имели отношения, — заверил его Ромеро. — Это, впрочем, не относится к зрителям. Зрители в театрах всегда бывали, особенно когда актеры играли в пьесах преступни-

ков и прокуроров. Это всегда было захватывающе интересно.

Ромеро, наверно, еще разглагольствовал бы о древних обычаях, но Олег вернул нас к теме. Против допроса Оана я возражать не мог. Было решено провести допрос завтра. Нетерпеливый Камагин хотел было немедленно вызвать арана, но на это не согласился я: надо было подготовиться к допросу не только психологически, но и технически.

— Поговорим теперь о луче, поразившем «Тельца», — предложил Олег.

О луче говорить было нечего, о луче мы ничего не знали. Я повторил то, что уже объяснял Ольге: рамиры начали войну, луч — их истребительное оружие, таким же лучом они уничтожили эскадру Аллана. Ольга заметила, что если это так, то неведомые противники искусно варьируют силу оружия: экипажи первой эскадры погибли, а звездолеты возвратились на базу, ни один из автоматов не сбился с заданного курса. С «Тельцом» расправились беспощадней — он был начисто испепелен. Удар по Красной был еще беспощадней: там практически погибало космическое светило, а не крохотный, по галактическим меркам, корабль.

Надо смотреть правде в глаза: защиты против такого оружия мы не имеем.

— Постараюсь что-нибудь выведать о луче на завтрашнем допросе, — пообещал я. — Если бы узнать, как его генерируют и откуда генерируют, можно было бы подумать и о средствах защиты.

— Задержись, адмирал, — сказал мне Эллон, когда все стали расходиться. Я по обыкновению присел на лапу дракона. Эллон заговорил, жутко искривившись: — Ты меня убедил: Оан — посланец рамиров. Но не легкомысленно ли устраивать открытый допрос? Если Оан тот, за кого мы его принимаем, он на допрос ответит расправой с нами.

— Почему ты не сказал этого на совещании, Эллон?

Он еще презрительней покривился:

— Я не поклонник больших совещаний, которые так обожают люди. И у меня есть личная причина говорить наедине. Я скажу ее потом. Поразмысли, адмирал. Допрос может накликать новое нападение. У меня нет страха смерти, который так силен у вас

и галактов. Мы, демиурги, в этом смысле совершеннее. Но мне жаль Ирину... И тебя жаль, адмирал.

Лазутчик рамиров, конечно, мог на разоблачение его тайной роли ответить ударом: скинуть маску, как назвал бы Ромеро такой переход от шпионажа к сражению. Но неужели и дальше терпеть на борту предателя? Я похлопал дракона по лапе:

— Бродяга, ты один промолчал на совете. Скажи что-нибудь.

— Эллон прав,— прошепелявил дракон, скосив на меня выпуклый оранжево-зеленый глаз.— Допрос опасен. Ты хочешь припереть Оана к стенке, а его нужно обходить стороной. Благоразумней отказаться от допроса, Эли.

— Всего благоразумней было бы вообще не соваться в звездное скопление Гибнущих миров! Движущие силы людей далеко не всегда опираются на одно благоразумие. Оставим эту тему. Оана надо разоблачить!

— Тогда поговорим о другом. Поле Оана в сто пятьдесят тонн — пустяк для моих генераторов, даже с тысячью тонн я справлюсь. Но нужно помещение, куда было бы удобно сфокусировать охранные генераторы. И надежное экранирование, чтобы Оан не связался со своими. Проводи допрос в консерваторе,— очень по-деловому сказал Эллон.— Только там я смогу обеспечить безопасность.

— Хорошо, пусть консерватор. Бродяга не сумеет присутствовать на допросе, но мы покажем ему стереофильм.

— Еще один вопрос, адмирал. Как ты собираешься допрашивать Оана, если он заранее знает все твои еще не поставленные вопросы? Или ты забыл о его способности свободно проникать в наши мысли?

— Постараюсь контролировать свои мысли. О чем я в данный момент не буду думать, того Оан не узнает.

— Правильно, адмирал. Мы с Ириной провели исследование мыслительных способностей Оана. Без его ведома, конечно. И мы узнали, что Оан читает только возникающие в его присутствии мысли. Знания, просто хранящиеся в нашем мозгу, ему недоступны.

— Почему это так, вы тоже раскрыли?

— Наверно, как и все электрические пауки, Оан обладает изощренной способностью воспринимать микропотенциалы мозга. Он электрически ощущает наши

мысли — вот и вся разгадка. И завтра я устрою ему неожиданность. Я наполню консерватор микроразрядами, которые затушуют электрическую картину мозга. А ты, адмирал, не напирай на отдельные мысли, чтобы не усиливать своих потенциалов.

— Спасибо, что предупредил. Теперь скажи, Эллон, какая у тебя личная причина беседовать не при всех?

— Ты не догадываешься, адмирал?

Его сумрачные глаза горели. Самолюбие, столь непомерное, что перекрывало силу всех остальных чувств, звучало в каждом слове.

— Мне показалось, ты нервничал, пока я не назвал Оана. Уж не опасался ли ты, что предателем я объявлю тебя?

— Да, да! — закричал он, подпрыгивая на тонких ногах. — Именно этого я опасался. И знаешь, о чем я думал?

— Откуда мне знать твои мысли?

— А надо бы, адмирал! Оан читает наши мысли — и ему проще, чем нам. Я думал о том, что, если ты обвинишь меня, я не сумею оправдаться. Обвинение будет сильнее оправданий, ибо целенаправленно, ибо подбирает только нужные факты, а остальные игнорирует, ибо выстраивает подобранные факты в прочную связь причин и следствий... Меня охватил страх, адмирал!

— Не думал, что тебе знакомо такое чувство, Эллон.

— Оно мне незнакомо, когда думаю о врагах. Но вас — боюсь! Боюсь не силы вашей, а ваших заблуждений. Убедительности ошибок, доказательности просчетов, заразительности непонимания!.. Мы — разные. Между нами — отчуждение. Быть может, лишь через тысячу лет его преодолеют... Я испугался, Эли, признаюсь.

Я положил руку на его плечо. Он не был человеком и любил подчеркивать свою нечеловечность. Он фрондировал своей особостью. Если бы на звездолете имелись дети, он с наслаждением пугал бы их. Но он был иной, чем старался казаться. Я ласково сказал:

— Ты недооцениваешь человеческую проницательность, Эллон.

— Не потеряй свою человеческую проницательность при завтрашнем допросе, — предостерег он.

Вотер мы провели с Мэри вдвоем. Мне хотелось сосредоточиться. Мэри не мешает моей мысли течь в избранном направлении, она так вписывается в ее течение, будто мы не две, а одна голова. Свое упрямство, насмешки и упреки Мэри приберегает для других случаев, там она отводит душу. В серьезных делах она серьезна. Нелепо было бы говорить, что я люблю ее только за это. Она — моя половина: выражение затрепанно, но я ощущаю его смысл с такой остротой, словно оно первоосознано мною: открытие, а не штамп.

— Как ты полагаешь, Оан не фантом? — спросила она, когда я как раз об этом подумал.

Я возразил себе и ей:

— Это было бы уж слишком!

— Почему слишком? Наши предки научились передавать на экран оптические образы, мы способны переносить свое изображение на дальнее расстояние и вести разговор с изображением, как с самим человеком. Демиурги наделяют своих фантомов изрядной долей вещественности. Не продвинулись ли рамиры еще дальше по пути уменьшения призрачности? Не нашли ли они способ дублировать полностью телесный облик? Мне кажется, это проблема технического уровня, а не принципа.

Всем нам являлись подобные мысли, Мэри только отчетливей их высказала. К тому же и Оан проговорился, что Жестокые боги в облике аранов частенько появляются на планете. Мы влезали в скафандр, изображавший арана, а у них избранный образ становится собственным телом. Разница на словах была проста, но начинала кружиться голова, когда я вдумывался, какой технический скачок должен разделять обе цивилизации, чтобы стала возможной такая разница.

Мысли эти так захватили меня, что я утром пришел к Ольге посоветоваться. Ольга поселилась у Ирины, хотя на корабле были свободные помещения и Олег предложил ей любое. Ирина собиралась в лабораторию, Ольга что-то вычисляла.

— Если ты не можешь жить без расчетов, то сделай и для меня один расчетик, — сказал я. — Определи, пожалуйста, степень вещественности привидений.

— Привидений, Эли? Каких привидений?

— Всевозможных. Начни с какой-нибудь бабушки английского лорда, погибшей насильственной смертью, и закончи Оаном.

— Разве Оан — призрак?

— Вот это я и хочу от тебя услышать.

Ольга спокойно уселась за новое вычисление. Уверен, что, если бы ее спросили, какой из дюжины дьяволов всех дьявольней, а какой из десятка богов всех божественней, она и тут, не спрашивая, существуют ли реально дьяволы и боги, принялась бы спокойно решать простую математическую задачу. МУМ с ее бездной сведений не могла быть использована, и Ольга послала запрос в корабельную библиотеку, где хранились академические ленты на все случаи жизни. Я с любопытством смотрел, как в окошке вычислительной машинки, по клавишам которой выстукивала Ольга свои вопросы, выстраивались колонки восьмизначных цифр. Ни одна мне ничего не говорила.

— Предварительный ответ готов. Возможные погрешности не превышают четырех с половиной процентов, — сказала Ольга. — Что касается призраков умерших лордов и их жен, слоняющихся по комнатам старых замков, то у них довольно высокая вещественность — от восемнадцати до двадцати двух процентов. Статуя командора, погубившая Дон-Жуана, обладала тридцатью семью процентами вещественности. Тень отца Гамлета — двадцатью девятью. Знаменитое Кентервильское привидение побilo рекорд — тридцать девять. Наоборот, образы героев древнего кинематографа никогда не поднимались выше четырех процентов...

— Постой, постой, что за чепуха! — прервал я. — Ни Каменного гостя, ни лордов-призраков реально не существовало, а ты им приписываешь такой высокий процент вещественности. Физически же изображенные на экране люди у тебя призрачней самих призраков. Как понять такую несуразицу?

— Несуразицы нет, — сказала Ольга. — Вещественность призрака — понятие не только физическое, но и психологическое. И привидения средневековых замков, и Каменный гость с Тенью отца Гамлета были столь психологически достоверны, что это одно перекрывало всю их, так сказать, нефизичность. Разве не известны случаи, когда обжигались до волдырей, прикасаясь к куску холодного железа, если верили, что железо раскалено? А о героях кино наперед знали

что они не более чем оптические изображения. Их призрачность объявлялась заранее.

— Хорошо. Продолжай, Ольга. Что ты скажешь о призрачности Оана?

— Раньше я скажу о фантомах разрушителей. Призрак Орлана, возникший у вас на «Волопасе», обладал по крайней мере пятьюдесятью процентами вещественности. Вообще же пятьдесят процентов телесности было верхней границей призрачных достижений разрушителей, они творили наполовину реальные привидения. Наоборот, у привидений, созданных Андре в битве на Третьей планете, телесность была ниже. Андре не сумел повторить успеха разрушителей, его создания еле-еле дотягивали до двадцати процентов вещественности. Иные привидения в средневековых замках...

— Ольга, меня не интересуют двадцатидвухпроцентные миледи, несущиеся с распущенными волосами по темным коридорам! Я тебя спрашиваю об Оане.

— Я как раз подошла к Оану. Я не уверена, что Оан фантом. Но если он и призрак, то вещественности не ниже восьмидесятивосьмипроцентной. Почти на грани полноценного существа.

Вычисление Ольги подтверждало мои опасения. Настроение от этого у меня не улучшилось.

— Пойдем,— сказал я.— Нас уже, наверно, ждут.

Оан прискакал в консерватор, юркий, хлопотливый, доброжелательный,— он только таким и бегал на корабле. Он приветливо замахал нам всеми руковолосами. А я не мог отделаться от ощущения, что Оан — нездешен, что у него не лицо, а личина, что он не реальное существо, а призрак, лишь максимально оснащенный вещественностью. Я мысленно одернул себя. Удивительность Оана — родовой признак аранов, под которых он маскируется. Тайна его не во внешнем облике, она глубже, она грозней; надо проникнуть в эту зловещую глубину, а не скользить по красочной поверхности! Я сказал:

— Оан, наша эскадра на две трети уничтожена, погибли наши товарищи. Знаешь ли ты что-нибудь о проклятом луче, так внезапно ударившем по «Тельцу»? Откуда он? Какова его природа?

Ставя эти вопросы, я с удовлетворением заметил удивление, почти замешательство Оана. Вероятно, его поразило, что сегодня он не проникает в наши мысли

так свободно, как раньше. Ответы Оана также не звучали в нашем мозгу с прежней звонкой отчетливостью. Устроенная Эллоном электрическая сумятица в какой-то степени мешала и нам самим.

Естественно, он ничего не знал о луче. В их звездном скоплении подобные явления не наблюдались — во всяком случае, с той поры, как араны отказались от космических полетов. В преданиях тоже не сохранилось сведений о смертоносных лучах.

— Но если тебе не известна природа луча, то, может быть, ты знаешь, кто его генерировал и почему он ударил в звездолет?

На это Оан имел стандартный ответ:

— Вы разгневали Жестоких богов. Боги сурово покарали вас.

— Покарали? А за что, собственно? Чем мы прогневили ваших мстительных богов?

— Не мстительных — суровых, Эли.

Поправка Оана прозвучала у каждого в мозгу именно так. Я попросил всех, кто присутствовал в консерваторе, включить наручные дешифраторы на запись всего, что Оан донесет до них в качестве ответа. Мы потом сверяли записи. Содержание ответов Оана было у всех одно, а форма выражения разная, но на этот вопрос он ответил всем одинаково.

— Хорошо, суровых, а не мстительных. Хрен редьки не слаще. Не смотри так удивленно, Оан, это наша человеческая поговорка. Разъясни теперь другое недоразумение. Наши мыслящие машины блокированы неизвестными силами. На звездолете «Таран» была нарушена логическая схема операций...

— Схема временной связи, — прервал он. — Я уже говорил вам: у машины рак времени.

— Да, это ты говорил. Сказать — не значит объяснить. Поговорим о больном времени, Оан. Вот уж чего мы не понимаем! Почему появилось больное время в вашем созвездии Гибнущих миров?

— Результат деятельности Жестоких богов.

— Очень уж они деятельны, если могут менять течение времени. Мы до этого не дошли. Впрочем, мы не боги. Но в чем выражается их деятельность, ты не можешь сказать?

— Не знаю.

— Еще бы! Откуда арану знать о деятельности богов, к тому же таких суровых! Они ведь с вами не

советуются, Оан? Возвратимся к вопросу о времени. Больное время, рыхлое время, разорванное время — это ведь иносказание для времени, как-то измененного, — не правда ли? Зачем тебе с товарищами понадобилось предпринимать бесконечно опасную попытку прикинуть к поверхности опадающей взрывом звезды, чтобы влиться в поток ее измененного времени, если здесь, в вашем гибнущем созвездии, имеется сколько угодно примеров любого изменения времени? Ты ведь и раньше говорил, Оан, что рак времени — язва здешних мест!

— Ты путаешь больное время с трансформированным. У нас время разорванное, рыхлое, им трудно воспользоваться. А у коллапсара время сжатое, там время — пружина, а не лохмотья. Если бы удалось овладеть тем временем, можно было бы выводить в будущее, в прошлое, в боковые «сейчас» любые планеты и целые созвездия, погибающие в ослабевшем времени.

В этот миг я понял, что поймал его. Я перевел взгляд на Эллона, тот чуть-чуть приподнял руку — он был готов. Оан тоже понял, что раскрыт. Два нижних глаза остались прежними — добренькие, приветливо сияющие, почти подобострастные. Но пронзительным верхним он донес до нас свое состояние. Воистину это было недоброе око!..

— Раньше ты говорил, что ты и твои товарищи — беглецы, — спокойно констатировал я. — Но оказывается, вы — экспериментаторы. Вы не столько собирались бежать, сколько в принципе овладеть тем изгибом временного потока, через который можно бежать. Я правильно оцениваю ваши действия, Оан?

Он попытался спасти потерянное лицо:

— Правильно. Проходы в будущее лежат не по естественному течению времени, а в обход его. Мы проверяли, можно ли выскользнуть и в прошлое. По прямому ходу времени прошлое недостижимо, потому что невозвратимо. Граница будущего сдавлена очень низким потолком — реальным настоящим. Граница прошлого упирается в непреодолимый пол — все то же реальное настоящее. Выходы из настоящего лежат только в обводах времени, а не в прямом его течении, адесь мы всегда пребываем в «сейчас». Вот эти обводы из настоящего в будущее и прошедшее мы и искали. Осуществляются они лишь в коллапсарах. В них

лучшие печи природы для разогрева и искривления времени.

— И после всего, о чем ты нам рассказал, Оан,— медленно произнес я,— ты будешь по-прежнему утверждать, что ты и твои погибшие товарищи — араны?

Он не ответил. С ним совершалась разительная перемена. Он уходил. Он еще оставался и уже исчезал. Он был и переставал быть. Он делался прозрачным, превращался из тела в тень. Он проваливался в какое-то свое чертово инобытие, оставляя нам в наличности лишь силуэт.

— Эллон! Эллон! — отчаянно закричал я.

Эллон не хотел испытывать на нас крепость защитных полей, но надо было действовать быстро,— нас всех поразбросало, когда заработали аппараты Эллона. Я вскочил и кинулся к пропадающему Оану. Мы столкнулись с Ромеро, я снова упал. Ромеро выронил трость, чертыхнулся. Осима с Олегом барахтались на полу, Грация и Орлана отнесло в угол. Но Оан остался. Он был схвачен намертво в то мгновение, когда уже на три четверти исчез.

Теперь он висел над нами, распылив двенадцать ног, разметав черные руковолосы. Два нижних глаза, широко открытые, больше не видели нас, верхний потерял пронзительность, он казался обычным глазом, только полуослепшим. Между волосами в момент исчезновения проскочила искра, она остановилась на полуразряде, не доискрив свой короткий век. Бегство из нашего времени не удалось, Оан был остановлен в последней сиюсекундности своего здешнего бытия — зафиксирован прочно и навечно.

— Прекрасно, Эллон! — Я быстро подошел к оцепенелому врагу, но тут же ударился о невидимое препятствие и отскочил.

— Боюсь, ты забыл, адмирал, как некогда восседал в клетке, похожей на эту и, кажется, не очень там веселился,— сказал Эллон.

Не могу сказать, чтобы напоминание и сопровождающий шутку шумный хохот показались мне приятными. В любую другую минуту я дал бы понять Эллону, что он демиург, а не разрушитель и должен держаться тактичней. Но сейчас я готов был простить Эллону прегрешения и покрупней. Я провел рукой по силовой сетке.

— Я был в своей прозрачной темнице живой, Эл-

лон. Я ходил, говорил, слышал, спал, видел пророческие сны — и смеялся в них над вами... Живой ли Оан? Достаточно ли прочна силовая стена, если он вдруг очнется?

— Он не должен очнуться, Эли. Наша удача, что ускользал он постепенно, а не сразу. Он выбросил из сиюминутности лишь свою жизненную энергию, а косный телесный костяк не успел увести. Я зафиксировал Оана в последний момент существования. Теперь миг превратился в вечность. И если Оан каким-то чудом оживет, прозрачные эти стены ему не разорвать.

Я вспомнил расчет Ольги. Она, конечно, не ошиблась. Оптические изображения и вправду обладали такой малой вещественностью, что мы стирали их с экранов мгновенно — один поворот выключателя, и готово! Чтобы истребить фантомов на Третьей планете, Андре понадобилось вызвать в них колебательные движения энергии. Если этот наш пленник фантом, то он стал жертвой своего совершенства. Но фантом ли он?

Олег помог Осиме подняться, энергичный капитан успел ближе всех подскочить к Оану, и ему крепче досталось.

— Что будем делать с этим чучелом, Эли? — спросил Олег.

Я показал на стену, противоположную той, где выходил саркофаг Лусина:

— Поставим предателя сюда. Пусть убийца с раскаянием глядит на свою жертву.

Олег вздохнул:

— Допрос не дал всего, на что надеялись. Мы так и не дознались, чем разгневали рамиров, что нам грозит в дальнейшем и как восстановить повреждения? И самое главное — ничего не узнали о боевом луче рамиров.

— Зато мы узнали, что и рамиры не так беспредельно могущественны, как мы опасались. Их лазутчик признал, что они экспериментировали со временем в антивзрыве коллапсара, отыскивая приемы его использования. Рамиры тоже что-то ищут, — значит, не всё у них есть, не всем они овладели. Разве это не утешительно?

Ромеро иронически усмехнулся:

— Вы так радуетесь, Эли, будто и впрямь поверили, что они совершенные боги, и сейчас испытываете облегчение, обнаружив, что заблуждались.

Я и вправду радовался, только не оттого, что верил в божественность рамиров. Черта с два мне было в их божественности! Но в безмерность их могущества я начинал верить, как уже поверил в их жестокость. Допрос Оана свидетельствовал, что не всё им доступно и не всё в их власти,— иначе зачем ему понадобилось бы так трусливо удирать? Они в техническом развитии ушли вперед нас на порядок, от силы на два,— это еще не такое превосходство, чтобы отступать перед ними! Я сказал:

— Одного результата мы, во всяком случае, добились, друзья. Среди нас был соглядатай врагов, мы его обезвредили. Если борьба с рамирами не утихнет, они лишатся важного преимущества!

3

На несколько дней главным занятием на корабле стало паломничество в консерватор. Мэри приходила туда со мной, прилетел Труб, примчался Гиг, даже Бродяга, преодолевая хворь, так и не покинувшую его со смерти Лусина, приполз и просунул голову в помещение. Гиг погрозил силуэту предателя костлявой рукой, Труб в ярости бросался на тесницу — так мы ее называли, ибо смешно называть темницей прозрачную клетку,— пытаюсь прорвать ее когтями, но отлетал, как незадолго перед этим я. Ангел заплакал от возмущения и бессилия, слезы капали на седые бакенбарды, смачивали крылья. Гиг от сочувствия Трубу бешено затрещал костями, Бродяга задумчиво сказал мне:

— Ты уверен, что он мертв, Эли? Он изменился, но в этом странном мире, где так обычны телесные трансформации...

— Он безжизнен. Если отсутствие жизни есть смерть, то Оан — мертвец.

— Отсутствие жизни, конечно, смерть,— согласился дракон.

Когда перемещение тесницы Оана на отведенное ей место было закончено, Эллон с удовлетворением сказал:

— Адмирал, я пленил время. Я выключил его. Паук, которого ты, на наше горе, привел на корабль, теперь вне времени. Мы постареем, умрем, тысячи раз возродимся в потомках, а он вечно будет пребывать тем же. А теперь я займусь делом поважней. Время

неподвижное, навечно законсервированное, мне удалось создать. Попробую поработать над динамизацией времени! Такой проблемой еще не занимался ни один демиург! И люди не занимались,— добавил он почти вежливо.

— Как тебя понять? — спросил я.

Он широко осклабился. Мы все были угнетены катастрофой — Эллон радовался. Для него смысл существования заключался в инженерных разработках. Он нашел новую тему для исследования, предвкушал важное открытие,— как же не радоваться?

— Постараюсь создать микроколлапсар и посмотреть, как он трансформирует время.— Он уловил тревогу на моем лице и успокоительно добавил: — Не волнуйся, всё пока пойдет на атомном уровне. Это не то макровремя, в котором мы живем с тобой. А когда генератор микровремени заработает, мы покажем невеждам рамирам, что далеко им до нас. Они выискивали космические коллапсары, а я сотворю его в лаборатории.

Закончил он по обыкновению хохотом.

Я часто прихожу в консерватор, здесь мне всего свободней размышлять. Помню, как впервые остался один на один с врагом, расчлененным на силовом каркасе. Я не мог бы объяснить, почему мне надо было усесться напротив Оана и разговаривать с ним вслух, и твердить ему о своей горечи, о своей ненависти к нему, и о том, что нас можно уничтожить, но нельзя заставить отступить, мы всё равно пойдем вперед!

— Итак, ты погиб, Оан,— говорил я.— Ты наконец погиб, предатель! В древней книге сказано: все мы творим волю пославшего нас. Ты творил волю своих жестоких господ, возможно, ты один из них, только напавший чужую личину, всего от тебя можно ждать, любого облика, любого злого поступка! Нет, ничего от тебя не дожидаться теперь, ты вне времени, ты вне жизни, даже вне облика, ты — захваченный в миг исчезновения силуэт, материализованная память о наказанном предателе — вот ты кто!

У меня перехватывало дыхание от горечи, я отдыхал, молчал, снова говорил:

— Творим волю пославшего нас... Мы тоже творим волю пославших нас. Мы — люди и звездные друзья людей. И нас послали издалика в ваши Гибнущие миры, чтобы узнать, как живут здесь разумные существ-

ва, помочь им, если нуждаются в помощи, сделать их своими друзьями, поучиться у них, если будет чему. Тебе этого не понять. Ты не знаешь, что такое любовь живого к живому. Ты — ненависть и пренебрежение. Но ненависть заслуживает только ненависти. Ненависть не породит любви, как собака не порождает рыб, как рыбе не породить орла. Так виси, ненавистный, вечно виси!

Так я говорил с мертвецом, облегчая душу, а успокоившись немного, направился в командирский зал. Олег с Осимой и Ольгой, оставив звездолет на попечение автоматов, разрабатывали план спасения сохранившихся кораблей.

Олег сказал мне:

— Эли, «Овен» не годится даже в грузовики. Ольга считает, что нужно разместить экипаж «Овна» поровну на «Змееносце» и «Козероге», снять все важные механизмы, перегрузить запасы, а сам звездолет аннигилировать.

— И вызвать новый удар, направленный уже против «Змееносца» и «Козерога», — хмуро возразил я. — Или ты забыл, что жестокие господа Гибнущих миров не выносят аннигиляции материальных тел?

— Тогда взорвем его. Взрывы они выносят. Наши погибшие корабли убедительно о том свидетельствуют. Теперь самое настоятельное, Эли. Надо восстановить МУМ. Займись этим с Эллоном.

— Эллон собирается менять течение времени в микропроцессах, чтобы разобраться в явлении, которое Оан называл раком времени.

Осима внезапно рассердился. Энергичный капитан изнывал от безделья. Он знал свое дело отлично — смело вел корабли в неизведанные просторы, отважно бросался в бой, когда-то без жалоб переносил муки плена. Он был из тех, кто охотно взваливает на себя тяготы соседа, но никого не отягчает своими. В беде и в часы торжества я видел его неизменно собранным и упругим, как сжатая пружина, — о лучшем капитане для своего корабля я не мог и мечтать. И раньше он не грубил мне, даже когда, усталый и растерянный, сам я не церемонился. Сейчас он грубил. Если бы он знал древние ругательства, как знал их — из любви к забавным словосочетаниям — Ромеро, он ругался бы той руганью, которую Павел почему-то называл площадной, хотя сам я никак не могу взять в толк, поче-

му ругань должна зависеть от места, где ругаются, а не от одного настроения ругателя.

— Адмирал, не довольно ли глупостей? Большое время, рыхлое время, дырчатое, пузырчатое!.. Абракадабра, если не прямая мистика! Вы научный руководитель экспедиции! Вы должны представить план, как выйти из затруднений, а мы будем его осуществлять. Не узнаю вас, адмирал! Раньше вы быстрее создавали проекты действий и энергичней проводили их в жизнь!

Я невольно опустил голову, чтобы не видеть гневного взгляда Осимы. Все мы переменялись, не один я, но могло ли это служить оправданием? Олег молчал, но молчанием давал понять, что тоже мной недоволен.

— Вы правы, друзья, самая настоятельная задача — восстановить управление кораблями. Пока вы будете заниматься эвакуацией «Овна», я постараюсь что-нибудь сделать с мыслящими машинами.

Из командирского зала я прошел к дракону. Бродяга устало покоился на полу. На его спине Труб и Гиг увлеченно сражались в дурачка. Этой игре их обучил Лусин, он пытался и мне привить любовь к картежным баталиям, но я так и не постиг игры, хотя Лусин уверял, что правила ее просты. Ангел и невидимка состязались на толчки, проигравший получал затрещину. Я как-то видел финал одной игры. Гиг, продув партию, получил такой удар крылом, что взмыл под потолок и рухнул наземь, едва не порастеряв кости. Затрещины, отпускаемые Гигом, были послабей, зато он выигрывал чаще. Невидимкам не может не везти в игре, с гордостью объяснял мне Гиг, ибо игра — сражение, а разве есть лучшие воины, чем невидимки?

— Эли, садись с нами! — предложил Труб, важно расчесывая когтями пышные бакенбарды. — Втроем тоже можно играть.

— Не хочу быть дураком — даже в игре.

— Если не любишь дурачка, сразимся в покер! Тебя увлечет эта игра! — воскликнул Гиг. — Там тоже есть операция надевания на себя невидимости, как мы делаем перед боем. Называется — блеф! Чудная штука — блейфовать. Отличный военный маневр.

Но и от покера я отказался.

— Друзья, мне нужно поговорить с Бродягой наедине, — сказал я.

Труб безропотно взмахнул крыльями и полетел к выходу. Он так свыкся с нами и так любит нас, что с ним можно не разводить манерностей. Невидимки гораздо обидчивей. Гиг был недоволен. Я дружески толкнул его кулаком в плечо. Он повеселел и удалился без обиды.

— Бродяга, как ты чувствуешь себя? — спросил я.

Он скосил на меня насмешливый глаз. С каждым днем ему труднее двигать гибкой когда-то шеей. И он уже не извергал пламени, только жиденький дымок струился из пасти. За небольшое время от старта в Персее дракон успел пройти все стадии одряхления — из летающего превратился в ползающего, из ползающего в лежащего. Скоро он станет бездыханным, с болью подумал я.

— Как чувствую себя? — просипел он, ему откалывал теперь и прежний громкий, с шепелявостью, голос. — Мог бы и хуже. Слишком большое тело. Тело придавливает меня, Эли.

— Не создать ли тебе невесомость? Ты сможешь свободно реять в воздухе. Странно, что мы с тобой об этом не подумали...

— И хорошо, что не подумали. Молодости ты мне не вернешь?

— Вернуть молодость не в наших силах.

— А зачем мне невесомость без молодости? Разве парящий старик лучше лежащего? Я не из тех, кого утешают обманы. Действия — вот чего мне не хватает. Даже не действия — простого движения. Всю жизнь я тосковал по движению.

— Даже когда стал драконом?

— Нет, это была пора, когда я насыщался, упивался, переполнялся движением. Тогда мое тело было мне радостно. Моя телесная жизнь была коротка, но такая, что не отдам за год драконьего существования тысячелетия прежней жизни. Спасибо, Эли, что подарил мне эту радость.

— Ты говоришь, будто прощаешься. До конца далеко.

— До моего конца уже близко. Я бы лишь хотел перед смертью увидеть ваше вызволение из беды.

— Ты можешь не только увидеть, но и помочь вызволению.

— Не понимаю, Эли.

— Слушай, Бродяга. Тебе показывали на экране

допрос Оана? Шпион признался, что рамиры экспериментируют со временем. Значит, есть что-то, чего и они не умеют! Они не всемогущи и не всезнающи. Просто космическая цивилизация, на несколько миллионов лет обогнавшая нас в развитии, отнюдь не боги! Эллону явились интересные мысли о трансформации времени, рамиры до них не додумались. Эллон обручал их невеждами.

— Эллон хвастун!

— Да, Эллон не прочь прихвастнуть. Важно другое — с рамирами можно побороться. Мы сунулись в борьбу неподготовленными, нас наказали. Но мы не отступили, да нам и некуда отступать: наши корабли недвижимы...

— Воля твоя, Эли...

— Помоги нам! Вспомни, как тебе подчинялись звезды и планеты. Подчини себе звездолеты! Оживи наши корабли!

— Оживить корабли?.. Мне, недвижимому? Эли, ты обратился не по адресу!

— Я обратился по адресу! Да, ты одряхлел. Но телом, а не разумом! Твой могучий ум ясен, как и на Третьей планете. Заменя наши МУМ, Мозг! Сконцентрируй на себе приводы от анализаторов и исполнительных механизмов.

— Ты забыл о моем громоздком теле!..

— Мы избавим тебя от него! Мы возвратим тебя в прежнее состояние. Я знаю, ты ненавидел ту свою жизнь. Но раньше она была жизнью несвободного тюремщика. А я предлагаю функцию освободителя, спасителя друзей, которые так любят тебя и так нуждаются в твоей помощи.

— Лусин мог бы это сделать. Лусин мертв, Эли.

— Это сделает Эллон. Демииурги когда-то отделили твой юный мозг от тела галакта, они сумеют и сейчас совершить такую операцию.

— Эллон убьет меня.

— Операцию сделают под контролем Орлана. Орлану ты веришь?

— Орлану верю. Я хочу, чтобы и ты присутствовал на операции.— До меня донесся слабый вздох. Даже дымка больше не выбрасывала пасть дракона.— Тогда торопись! Жизнь вытекает из меня, Эли...

Я пошел к Орлану.

У Орлана восседал на диване величественной статуей Граций. Они удивленно уставились на меня. Было хорошо, что я застал их вместе: не придется дважды повторять одно и то же.

— Операция освобождения мозга от тела вполне возможна,— сказал Орлан.— За тысячелетия мы так отработали технику вывода мозга в самостоятельное существование...

Граций покачал головой:

— Опять живой Мозг приспособят для дела, которое так хорошо выполняли ваши механизмы, Эли!..

— Механизмы вышли из строя. Не понимаю тебя, Граций. Ты должен гордиться, что разум естественного происхождения докажет, что он выше мертвого механизма!

— Идемте к Эллону,— сказал Орлан.

Эллон налаживал гравитационный конденсатор: на его обкладках Эллон собирался получить поле, эквивалентное в микромасштабе гравитационному полю коллапсара. По существу, это был всё тот же генератор метрики, создающий гравитационную улитку, разница была в конструкции, а не в принципе. Я сказал, что надо отвлечься для срочной операции.

— Вздор! — ответил Эллон.— Никаких драконов не надо. Я скоро восстановлю вашу МУМ.

— Что значит — скоро, Эллон?

— Скоро — значит, скоро. На нас никто больше не нападает. Можно и не торопиться.

— Мы не можем не торопиться. Здоровье дракона ухудшилось. Мы потеряем его мозг, если не освободим его от прикованности к одряхлевшему телу.

— Потеря небольшая, адмирал.

— Я настаиваю на операции.

— Не буду! — Эллон сверкнул сумрачными глазами и повернулся к гравитационному конденсатору.

Его остановил властный окрик Орлана:

— Эллон, я тебя не отпускал!

Эллон замер. Туловище готовилось взлететь в прыжке от нас, а голова медленно выворачивалась к нам. Эллон хмуро произнес:

— Разве я должен спрашивать у тебя разрешения уйти, Орлан?

Орлан презрительно игнорировал вопрос.

— Тебя обучали операциям такого рода, неправда ли? Насколько я знаю, ты в школе готовился к экзамену на разрушителя Четвертой Имперской категории? Или я ошибаюсь, Эллон?

— Мало ли к чему мы готовились до Освобождения! Сейчас я главный инженер эскадры звездолетов. Я не обязан выполнять неприятные мне просьбы.

— Просьбы — да. Но это приказ, Эллон!

Эллон впился неистовыми глазами в синевато-фосфоресцирующее, замкнутое лицо Орлана. Я уже говорил, что не понимал взаимоотношения двух демиургов. Орлан робел перед Эллоном, временами казалось, что Орлан перед ним заискивает. Теперь я видел, что тут раскрывалась обратная сторона его дружбы с людьми. Мы отменили все ранги, только личные способности служили мерой достоинства. Орлан стремился показать, что всей душой поддерживает новые порядки, но перехлестывал: у него ведь не было всосанного с молоком матери чувства равенства. Он становился, став демиургом, разрушителем наизнанку — добровольно унижал себя, как бы расплачиваясь за прежнее возвышение. А сейчас у обоих вдруг упали усвоенные с трудом новые приемы обхождения. Перед высокомерным разрушителем Первой Имперской категории непроизвольно сгибался жалкий четырехкатегорийный служака. Эллон, растерянный, негодующий, еще попытался противиться:

— Не понимаю тебя, Орлан...

— Когда будет операция, Эллон?

Эллон с грохотом вхлопнул голову в плечи. На иной протест он уже не осмеливался.

— Буду готовить питательные растворы. Операцию начнем сегодня.

Он склонил гибкую фигуру в покорном поклоне. В полном молчании прозвучал железный голос Орлана:

— Контролировать операцию буду я, Эллон!

Орлан унесся неслышными шагами, и пока он еще был в помещении, Эллон не распрямлял спины. Граций шагал шире меня, но и ему понадобилось больше минуты, чтобы догнать демиурга. Зато когда я приблизился к ним, Орлан был прежним, не тем, давним, какого я только что видел, а новым, каким вращался среди нас, — любезным, приветливым, с добрым голо-

сом, с добрым взглядом. Я не удержался от замечания:

— Могу вообразить, Орлан, какого ты нагонял страха, когда числился в любимых вельможах Великого разрушителя.

Он ответил с бесстрастной вежливостью:

— Это было давно, так что я не всегда верю, было ли вообще.

— Бродяга боится операции и особенно боится, что ее будет делать Эллон,— сказал я.

На какой-то миг я снова увидел не друга своего демиурга Орлана, а высокомерного вельможу Империи разрушителей.

— Напрасно боится. Демиургам с детства прививают привычку к послушанию и аккуратности. Эллон — выдающийся ум, но в смысле аккуратности не отличается от других демиургов.

Я возвратился к Бродяге. С драконом беседовал Ромеро. Беседа шла в одни уши — Ромеро разглагольствовал, Бродяга, бессильно распластав крылья и лапы, слушал. Меня снова пронзила боль — так жалко принимал к полу дракон, еще недавно паривший выше пегасов, ангелов и всех своих собратьев. Дракон успел сообщить Ромеро, что я надумал снова освободить его мозг от тела, и опечалился, что возвращение даже толики бывшего могущества равносильно повторному пленению. Ромеро красноречиво опровергал его опасения:

— Что такое пленение, высокоумный крылатый друг? Все мы пленники крохотного корабельного пространства,— от этого печального факта не уйти. И разве вы, любезный Бродяга, не более стеснены в вашей сегодняшней тесной дракошне, чем в прежнем хрустальном шаре на злополучной Третьей планете? Ибо даже наш скудный корабельный простор вам недоступен. Нет, не горькое пленение вас ожидает, а великолепное высвобождение. Вы ужесточите свою геометрическую нынешнюю несвободу еще на десяток метров, не более. Но зато вам станут подвластны любые движения — механическое, сверхсветовое — в любом направлении! А вам так не хватает движения, мой бедный друг. На Третьей планете вы мечтали о теле и движении. Вы вдосталь насладились самым огромным телом, какое когда-либо создавала наша земная природа. Но скудный запас движений, отмеренный вашему блистательному, но чересчур громозд-

кому телу, исчерпан, не будем закрывать на это глаза. И вот сейчас вы обретете величественную свободу — не просто командовать исполнительными механизмами звездолета, а вобрать их в себя как свои органы, самому стать звездолетом, мыслящим кораблем, могущественным кораблем, легко пожирающим пространство! Прекрасна, прекрасна уготованная вам доля управляющего корабельного мозга!

Ромеро потом спрашивал, произвела ли на меня впечатление его речь. Я ответил, что в ней было много чисто драконьих аргументов, а на меня драконады не действуют. Он с язвительной вежливостью возразил, что под драконадами я, вероятно, подразумеваю эскапады, но хоть слова эти созвучны, ни того, ни другого в его речи не было. Как бы, впрочем, ни называть его речь, на дракона она подействовала. Он почти радостно посмотрел на меня.

— Сегодня, Бродяга,— сказал я.— Сегодня ты совершишь очередное превращение. Ты, единственный среди нас, меняешь свои облики, как женщина прически. Ты был великим Главным Мозгом, потом превратился в лихого летуна и волокиту. Сегодня ты приобретаешь новую ипостась, так это, кажется, называется на любимом древнем языке нашего друга Ромеро,— станешь вдумчивым исследователем, энергичным звездолетчиком, властным командиром корабля.

— Благодарю, Эли,— прошелестел он и закрыл глаза.

Как и обещал, я присутствовал при операции. Описывать ее не буду, операция была как операция. В ней не было ничего, что могло бы поразить. Зато я был потрясен, когда впервые вошел в помещение, отведенное Мозгу. Оно напоминало галактическую рубку разрушителей на Третьей планете — теряющийся в темноте купол, две звездные сферы, стены кольцом... А посередине рубки, между полом и потолком, тихо реял полупрозрачный шар — в нем находился наш друг Бродяга, навеки переставший быть бродягой.

Не вид комнаты и не вид шара потряс меня: я был к этому подготовлен. Но голоса, который зазвучал в моих ушах, я не ожидал. Я собирался услышать прежний шепелявый, сипловатый, насмешливый, ироничный присвист дракона, я уже успел позабыть, что Бродяга, до того как стал бродягой, разговаривал по-ино-

му. И вот этот давно забытый, мелодичный, печальный голос обратился ко мне:

— Начнем, Эли?

Не знаю, как я справился с дрожью. Я пробормотал самое нелепое, что могло прийти в голову:

— Ты тут? Тебе хорошо, Бродяга?

Голос улыбался — чуть грустно и чуть насмешливо:

— Нигде не жмет. Эллон был бы мастером по поставке мозгов на станции метрики, если бы вы не разрушили Империю разрушителей. Спешу тебя информировать, что со многими исполнительными механизмами я установил контакт. Скоро я оживлю корабль, Эли! Пусть Эллон налаживает выводы на «Зменосец» — попробую привести в движение и его.

— Бродяга,— с волнением твердил я,— Бродяга... Могу я так тебя называть?

— Называй как хочешь, только не Главным Мозгом. Не хочу напоминаний о Третьей планете.

— Ты будешь для нас Голосом,— сказал я торжественно.— Вот так мы и будем называть тебя — Голос!

Я доложил Олегу, что можно разрабатывать карту дальнейшего рейса к ядру. От Олега я завернул к Грацию. Галакт был один. Я сел на диван, привалился к спинке. Я был основательно измотан.

— Тебе нужна помощь, Эли? — участливо поинтересовался галакт.— Могу предложить неплохое...

Я прервал его:

— Граций, ты знакомился с тем, как наш бывший Бродяга, ныне принявший имя Голос, входит в свою новую роль? Двигаться со сверхсветовой скоростью мы скоро сможем. И наши боевые аннигиляторы оживут, а без них мы — пушинка в бесновании стихий. Граций, помоги Голосу... Стань ему помощником.

Галакт с удивлением смотрел на меня:

— Что скрывается за твоим предложением, адмирал Эли?

Я закрыл глаза, минуту молчал. В голове не было ни одной ясной мысли.

— Не знаю, Граций. Какие-то смутные ощущения... У людей они имеют значение, а как объяснить их вам, когда я не могу выразить их словами? Вы с Голосом одной породы... Просто это моя просьба, Граций...

Галакт ответил с величавой сердечностью:
— Я буду помогать Голосу, Эли.

5

Никто по-прежнему не знал, какие силы блокировали наши мыслящие машины, но силы эти, постепенно слабея, переставали быть непреодолимым заслоном. Раньше других вернулась в строй МУМ «Овна», доставленная с эвакуированного звездолета. Ольга обняла Эллона, потом меня, когда узнала об этом. Она к своей МУМ относится с не меньшей нежностью, чем к Ирине, — к той и другой у нее материнские чувства: в конструкциях машин последнего выпуска осуществлены многие ее усовершенствования. Меня же удивляло, что машины не просто отремонтированы по формуле «не работала — заработала», а как бы пробуждены из долгого сна — еще не было прежней быстроты решений, сохранялась какая-то вялость. Эллон заверил, что все прежние достоинства машин возродятся, когда блокирующие силы совершенно исчезнут, а дело к тому идет. Я возразил:

— Эллон, ты описываешь МУМ так, словно они наглотались наркотиков, а сейчас выбираются из беспамятства.

— Что такое наркотик? — спросил он. — Что-то специфически человеческое, да? Но что машины выбираются из беспамятства — точно. И когда полностью очнутся, вы сможете дать отставку вашему парящему в шаре любимцу.

— Тебе так ненавистен Голос, Эллон?

Вместо ответа он повернулся ко мне спиной. Человеческим правилам вежливости демиургов в школах не обучают, а Эллон к тому же не забыл о том, что когда-то был подающим надежды разрушителем.

Разговор с Эллоном заставил меня призадуматься. В день, когда МУМ полностью войдут в строй, Голос будет не нужен — этого я отрицать не мог. Но неполадки с мыслящими машинами порождали недоверие к ним. Они слишком легко и слишком неожиданно разлаживались. На Земле никто бы не поверил, что такие надежные механизмы, как МУМ, способны все разом и без видимых физических причин отказать. Способы экранирования МУМ разрабатывались не одно десятилетие и не одним десятком первоклассных

инженеров. В принципе экранирование должно было сохраняться в любых условиях. В Гибнущих мирах оно не защищало от ударов извне. Гарантию, что и впредь экранирование не сдаст, не сумел бы дать и сам Эллон.

Все эти соображения я высказал Олегу. Он пожал плечами:

— Никто не принуждает нас удалять в отставку Голос, когда заработают МУМ. Почему бы им не дублировать друг друга?

— Именно это я и хотел предложить. Но вряд ли Эллон будет доволен.

Олег негромко сказал:

— Разве я давал обещание исходить из своих решений из того, доволен или недоволен Эллон? Пока команду эскадрой я, а не он.

— Каков твой план? — спросил я. — Продолжаем рейс к ядру или в связи с потерей трех четвертей флота возвращаемся?

Он ответил не сразу.

— Всё во мне протестует против бесславного возвращения, Эли! Рейсовое задание далеко от выполнения. Но и лезть на рожон не хочется...

— Мы и в созвездии Гибнущих миров не выполнили своих намерений, — напомнил я. — Ключок ясного неба, обещанного аранам, — где он?

С той минуты, как звездолеты восстановили способность движения, я думал больше всего об этом. Сразу после катастрофы панический страх порождал лишь одно чувство — бежать, бежать подальше от проклятого места. Страх прошел, даже жажда мести за гибель друзей ослабла. И снова вставал всё тот же вопрос — помочь ли аранам? Как вывести бедствующий народ из дремучего леса несчастий? Это не было обязанностью, в рейсовом задании нет пунктов об оказании помощи встречающимся народам. Мы явились сюда разведчиками, а не цивилизаторами. Со спокойной совестью мы могли и отвернуться от Арании. Не было у меня спокойной совести. Я терзал себя сомнениями. Во время посещения оперативной рубки я признался в них Голосу.

— Ты хочешь рискнуть оставшимися кораблями, Эли?

— Ни в коем случае, Голос. Я пытаюсь отыскать иной метод очищения пространства. «Таран», по-

просту уничтожавший пыль, выведен из строя, попытка добавить взрывом чистого пространства кончилась катастрофой. Впечатление, что рамиры — если то они — вначале только остановили нас, а когда мы продолжили свои усилия, рассердились и наказали.

— Но не уничтожили полностью. Либо не могли уничтожить, либо не захотели. Ответ на этот вопрос даст ключ ко всем загадкам.

— Буду думать над этим. И ты думай, Голос!

Ночью, когда Мэри спала, я молчаливо шагал из угла в угол. Если рамиры не смогли нас уничтожить, всё просто — силенок не хватило. Что значит — силенок не хватило? Они выпустили один истребляющий луч, сумели бы грянуть и двумя, и тремя. И только пыль сверкнула бы от всей эскадры! Не захотели! Выполнили какую-то свою задачу, уничтожив «Тельца», — и пренебрежительно отвернулись от нас. Какую задачу? Не дали аннигилировать планету! Знали из донесений Оана, что мы задумали, и воспрепятствовали нам. Чем же им мешало аннигилирование планеты? Должна же быть какая-то цель в их действиях! Жестокие боги! Что скрывается за их жестокостью против аранов?

Как-то ночью ко мне вошла испуганная Мэри и сказала с облегчением:

— Ты здесь? А я проснулась и подумала, что случилась новая беда, раз тебя нет.

— Мэри, — сказал я, — ответь мне: почему Жестокие боги жестоки? Разве жестокость соединима с могуществом? Психологи учат нас, что жестокость — одно из проявлений слабости и трусости!

— Ты вносишь очень уж наше, человеческое в межзвездные отношения, — возразила она, улыбаясь. — Как ты поносил Оана — лазутчик, диверсант, предатель!.. Не чрезмерно ли земно для ядра Галактики?

— Речь не об обычаях, а о логике. Не может же быть у рамиров иная логика, чем у нас!

— А почему у нас с тобой они разные? Ты говоришь, когда чего-либо не понимаешь во мне: «Это всё твоя женская логика!» И морщишься, как будто отведал кислого.

Я засмеялся. Мэри умела неожиданно поворачивать любой спор.

— Ты подбросила мне кость, которую я буду долго грызть. Хорошо, Мэри! Постараюсь не вылезать из скромного места, отведенного человеку во Вселенной. И принимаю, что существует множество логик, в том числе и твоя женская. Я назову их координатной системой мышления. Заранее принимаю, что наша координатная система мышления не похожа на другие. И вот что я сделаю, Мэри. Я произведу преобразование одной координатной системы в другую, перейду от одного типа мышления к другому. И посмотрю, какие законы останутся неизменными — поищу инвариантов. Инварианты логики и инварианты этики, Мэри! Самые общие законы логики, самые общие законы этики, обязательные для всех форм мышления. Общезвездная логика, общезвездная мораль! И если и тогда я не пойму, чего хотят и почему с нами борются рамиры, то грош мне цена. Таковы будут следствия твоих насмешек.

— Очень рада, что мои насмешки катализируют твой беспокойный ум, Эли.

Мэри ушла досыпать, а я продолжал метаться по комнате, размышляя за себя и за рамиров, выстраивая и отвергая десятки вариантов. На одном я остановился: он требовал немедленной проверки. Я пришел к Голосу. По рубке прохаживался Граций. Я залюбовался его походкой. Галакты не ходят, а шествуют. Я не сумел бы так двигаться, даже если бы захотел. В младших классах мне говорили с негодованием: «Не шило ли у тебя сзади, Эли?» С той поры я остепенился, но по-прежнему хожу, бегаю, ношусь, передвигаюсь, только не шествую. Богоподобности, как называет Ромеро повадку Грация, у меня никогда не будет.

— Друзья,— сказал я.— Командующий эскадрой приказал готовиться к продолжению экспедиции в ядро. Поврежденный звездолет мы взять с собой не можем. Обычная аннигиляция его способна вызвать новый взрыв ярости у неведомых врагов. Олег хочет просто взорвать его. У меня явилась другая мысль. Не подвергнуть ли «Овен» тлеющей аннигиляции? В окрестностях Земли этот метод применяется часто, когда побаиваются мгновенным уничтожением нарушить равновесие небесных тел.

Голос всё понял еще до того, как я кончил.

— И ты надеешься, что против медленной анниги-

ляции рамиры не восстанут? Хочешь поэкспериментировать с самими Жестокими богами?

— Хочу поставить им осмысленный вопрос и получить осмысленный ответ. Иного метода разговора с ними, кроме экспериментов, у нас нет. Ты сможешь произвести такую аннигиляцию, Голос, на достаточном отдалении от «Овна»?

— Расстояние мне не помеха.

Олег приказал «Қозерогу» и «Змееносцу» удалиться от обреченного «Овна» на границу оптической видимости, два оставшиеся грузовика были отведены еще дальше. Олег внешне оставался спокойным, но я знал, что он нервничает. Если бы противники снова генерировали луч, поразивший «Тельца», отдалившиеся звездолеты остались бы в целости и погиб бы один «Овен», и без того назначенный на уничтожение. Но не захотят ли они в раздражении от новой акции сразу покончить с нами? «Слишком человеческое», — твердил я себе, отводя назойливые мысли о раздражении, о гневе рамиров, но никак не мог отрешиться от беспокойства. Чтобы не смущать Олега своим волнением, я отправился к Голосу. В командирском зале распоряжался Осима. Осима имел сегодня свое любимое конкретное задание — кружить в отдалении от «Овна» и панически удирать от малейшей опасности — и деловито держал корабль на заданном курсе и в тревожной готовности к паническому бегству.

В рубке ходили по дорожке вдоль кольцевой стены Граций, Орлан и Ромеро. Голос порадовал нас, что эксперимент идет хорошо. «Овен» медленно вытлевает, превращаясь в пустое пространство. Противодействия большого нет.

— Как тебя понимать, Голос? Большое противодействие — это новый удар по эскадре. Мы и сами видим, что еще не уничтожены.

— Я ощущаю стеснение, Эли. Мои команды исполнены механизмам замедленны. Разница в микросекундах, но я ее чувствую.

Ромеро с опаской заметил, что, возможно, появились таинственные силы, которые недавно блокировали МУМ. Пассивно ждать опасности я просто не мог. Мы ставили слишком важный эксперимент.

— Голос, — сказал я. — Замедли аннигиляцию, потом усиль, но постепенно. И проверь, как меняются тормозные силы.

Тормозные силы пропадали, когда аннигиляция затухала, нарастали, когда она усиливалась. В какой-то момент Голос пожаловался, что, если еще убыстрить процесс, механизмы перестанут подчиняться.

— Ты опасаясь взрыва? Или того, что будешь заблокирован?

— Я не МУМ, меня не заблокировать! Но исполнительные механизмы откажут в исполнении.— Он по-человечески пошутил: — Не провернуть рычага.

Я возвратился в командирский зал. На больших звездных экранах «Овен» еще горел — сияющая, крохотная горошина. Она была видна так ясно, как еще ничего мы не видели в скоплении Гибнущих миров: нас и погибающего «Овна» разделял уже не пылевой туман, а чистое пространство — в него постепенно превращался бывший наш звездолет.

В соседнем свободном кресле Ольга тихо оплакивала корабль. Не думаю, чтобы когда-нибудь в прошлой жизни она плакала. У всех у нас разошлись нервы в эти дни. Я положил руку на ее голову и сказал:

— Ольга, радуйся! Гибель твоего звездолета открывает путь к спасению целой звездной цивилизации.

Она не умела обижаться на меня, но сейчас обиделась:

— Если это шутка, Эли, то вряд ли ко времени.

— Это правда. Мы всё-таки аннигилируем планету, из-за которой погибло две трети нашей эскадры!

Олег и Осима уже знали о моем плане, Ольге я рассказал его. Уничтожение звездолета с высветлением клочка пространства не встретило сопротивления. Не потому ли, что противники не допускают лишь быстрой аннигиляции, а против медленного процесса не возражают? Действия «Тарана» пресекли, с «Тельцом» жестоко расправились. А «Овен» истлел свободным простором — помех не было, кары тоже. Лишь когда Голос убыстрял процесс, он ощущал нарастающее сопротивление. Рамирам поставлен четкий вопрос, они дали четкий ответ: никаких взрывов пространства. Чем-то им мешают быстро протекающие процессы.

— Вероятно, потому, что они резко нарушают равновесие в скоплении,— заметила Ольга.— Я могу сделать соответствующие подсчеты.

Злополучная планета мчалась на той же орбите, средней между Аранией и Тремя Солнцами, куда мы

се насильственно выволокли. Было несомненно, что противникам безразлично было местоположение планет, лишь бы они не взрывались. Взорвать планету легче, чем выпарить: удар боевых аннигиляторов, разлетающееся новое пространство — и звездолет может удаляться восвояси. Тлеющая аннигиляция требовала не только длительного времени, но и плохо шла без непрерывного катализирования извне. Планету нельзя было «поджечь» и оставить: тление вскоре затухло бы. Олег сказал со вздохом:

— Придется пожертвовать грузовым звездолетом.

— Двумя звездолетами! — откликнулся Осима. — Полностью освободиться от буксирных судов! Как капитан боевого корабля, могу только приветствовать такое решение. Грузовики плохо управляемы в сверхсветовой области. И пока лишь запросто гибнут!

Я пошел в парк. В парке лил дождь. Время по земному счету здесь повернуло на позднюю осень. Во всех остальных помещениях нет погод: нет сезонных изменений, нет колебаний температур, давления воздуха, влажности — беспогодная обстановка, всего больше стимулирующая жизнедеятельность. Но для моей жизнедеятельности нужно порой попадать под дождь и снег, сгибаться под жестоким ветром и наслаждаться влажными запахами весны. В парке для таких, как я, устроена земная смена погод и сезонов. Не помню, чтобы когда-нибудь в парке прогуливались демиурги и галакты. Я как-то затащил сюда Орлана. Бесилась пурга, Орлан ежился-ежился и спросил с удивлением: «И людям нравится это безобразие?» О Грации говорить не приходится. Он отказывается от выходов в парк с такой поспешностью, что на миг теряет свою богоподобность. Я иногда думаю, что в природе галактов, ненавидящих всякую искусственность, совмещено противоречие. Они старательно оберегают свое бессмертие, но создают тепличные условия, чтобы оно не нарушилось. И в самом их бессмертии разве нет чего-то, отдающего искусственностью — высокой, великолепной, поражающей, но всё же искусственностью? Среди всех живых существ они одни внедрили у себя бессмертие. Им удалось...

Одна из аллей парка вела в консерватор. Я подошел к саркофагу Лусина, с нежностью смотрел на мертвого друга. Лусин, говорил я ему мысленно, ты не простил бы нам, если бы мы просто бежали отсюда, ты

сказал бы, если бы смог заговорить: «Мы ведь отправились в дальний поход не для того, чтоб бежать, мы должны помочь несчастным, молящим о помощи. Иначе какие мы люди, иначе зачем было уходить в такую даль, зачем было мне погибать?» Правильно, Лусин, правильно; заметь, я не спорю и уже не говорю о мести, даже слово «месть» тебе ненавистно, не буду, не буду, хотя я не из тех, кто улыбается, когда ему наступают на ногу. Ах, Лусин, почему ты не можешь встать! Тебя порадовала бы картина, которая вскоре развернется на звездных экранах: огромная планета тает, а вокруг расширяется чистый простор, прозрачный простор, не клочок, нет, Лусин,— купол сияющего неба!

А затем я сел в кресло напротив Оана, говорил с ним, но по-иному, чем с Лусином. Убийца и шпион, говорил я Оану, понимаю: у тебя было задание, ты его выполнил, твои хозяева могут поблагодарить тебя за сведения. Но ведь ты свободно передавал свои мысли в наш мозг, ты ведь мог хотя бы намекнуть, что взрывная аннигиляция планеты не годится, а вот тлеющая подойдет. Почему ты молчал? Разве тебе хотелось уничтожения звездолетов, гибели наших друзей? Кто ты — фантом, копирующий реальное существо? Призрак с внушительной степенью вещественности, свидетельствующей о высоком техническом уровне цивилизации? Ты скоро ушел, Оан, ты не дал наговориться с тобой! А жаль, ты мог бы передать пославшим тебя, что люди и звездные их друзья уходят из проклятого скопления Гибнущих миров, что мы не лезем больше на рожон, что никаких взрывов не произойдет. Но мы не можем не помочь страдающим, не можем, и всё тут, такова наша природа, придется вам с этим примириться. Ах, ты рано, рано погиб, презренный, сколько бы я высказал тебе, если бы ты мог меня услышать! Я часто возмущался, негодовал, приходил в ярость, но ненависть, подлинную, опаляющую, испытываю впервые — к тебе! Ненавижу, ненавижу!

Так я говорил, волнуясь, не помню уже — мысленно или вслух. А Оан висел передо мной, раскинув двенадцать ног, выпятив брюхо, задрав трехглазое лицо, два нижних глаза были закрыты, верхнее, еще недавно недобро пронзительное око было тускло, как затянута бельмом, а на голове топорщились волосы, странные волосы, толщиной в палец, не то змеи, не то ру-

ки... И в их толще запуталась маленькая багрово-красная, не проискрившая до конца искорка...

Мэри в этот вечер сказала:

— О плане тлеющей аннигиляции эскадра оповещена. Я хочу с тобой посоветоваться, мне ведь тоже придется высказывать свое мнение. Где ты был, Эли?

— Гулял в парке.

— И, конечно, сидел в консерваторе?

— Почему — конечно?

— Я временами побаиваюсь тебя, Эли. В тебе что-то дикарское. У тебя культ мертвецов.

— Культ мертвецов? Вот уж чего за собой не знал.

— Разве ты забыл, что на Земле, в Пантеоне, просиживал часами? И меня тянул с собой. А в зале великих предков забывал обо мне и так смотрел на статуи, словно молился на них.

Я от души рассмеялся:

— Не знал, что это выглядело как молитва, а то постарался бы держаться по-иному. Ты права, почтение к предкам во мне развито. Иван, не помнящий родства, — это не по мне. Я всегда увлекался историей.

Она иронически усмехнулась:

— Увлекался историей! Ромеро считает тебя невеждой в истории, и я с ним согласна. Даже я знаю больше о наших предках. Нет, ты, если хочешь знать, весь обращен в будущее. Телесно ты рядом, а мыслью где-то в предстоящих походах, боях, переговорах, в еще не открытых местах, на еще не построенных кораблях. Временами так тебя не хватает, Эли! Я ведь всегда здесь и сейчас, а ты — там и потом. А затем, как бы спохватившись, что так нельзя, — бежишь в захоронение, как бы для раскаяния или на исповедь.

— Чего ты, собственно, хочешь от меня, Мэри?

Она ответила очень кротко:

— Хочу знать, что тебя так влечет к мертвецам?

Я постарался, чтобы ответ звучал весело:

— Ты сама все объяснила: иду из-за раскаяния и на исповедь. Только исповедники мои всегда молчат. Вероятно, не принимают раскаяния.

0

Эскадра покинула звездное скопление Гибнущих миров. Некоторое время мы еще любовались красочным ирелищем планеты, вытлевающей пространством.

Я намеренно употребляю слово «красочное», а не «эффектное». Эффектности не было — ни ослепительного пламени, ни разлетающихся протуберанцев, ни вихря газа. Планета тускло засветилась, и только. Но когда мы обходили ее, прежде чем удалиться, то увидели окруживший ее ореол. Это было облачко новосотворенного пространства — медленно расширяющийся клочок чистого неба. Что могли, мы сделали.

Планета скоро пропала за кормой звездолета, даже в умножители ее не найти. Но я продолжал ее видеть памятью — тускло светящуюся, в расширяющемся ореоле, нежном ореоле космической чистоты...

И опять повторились знакомые пейзажи. Мы вырвались из пыльного скопления, кругом простиралось чистое пространство, густо и беспорядочно напиханное звездами. А впереди, впервые не экранированный туманностями, раскидывался гигантский звездный пожар — грозное ядро Галактики...

Свободное время раньше я проводил перед звездными экранами. Сейчас было что наблюдать, но я обращался к экрану урывками: меня всё больше захватывала лаборатория Эллона, где конструировался конденсатор времени.

Внешне это был шар из сверхпрочного пластика, нечто вроде автоклава средних размеров. Но нацеленные на него электрические разрядники с питанием от аннигиляторов, вихревые трубы от гравитационных механизмов сразу давали понять, что сооружение не автоклав. Если, конечно, не проводить той аналогии, что в автоклавах проваривается и прессуется что-то вещественное, а здесь проваривалось и прессовалось само время.

— Работа закончена, адмирал! — воскликнул однажды Эллон. — В центре вот этого шарика крохотный клочок материи, объемом не больше водородного атома. Но вес этого крохотного куска больше ста тысяч тонн!

Я возразил Эллону, сказав, что теория отрицает возможность такого сгущения массы, если масса не превосходит довольно большой величины, что-то три или четыре наших солнца.

— Согласись, что запрятать в этот шарик массу в три солнечных...

Он сверкнул неистовыми глазами.

— Что мне человеческие теории, адмирал! Пусть

их изучают рамиры, они не продвинулись дальше вас в понимании коллапса. Поэтому и стараются овладеть энергией коллапсаров для трансформации своего времени. А мы трансформируем время в лаборатории, на вот этом крохотном коллапсане.— Он подчеркнуто воспользовался новым термином.— И когда я включу его, частицы, которые вспрыснем туда, мы вышвырнем в далекое прошлое или еще более далекое будущее.

— А сами не отправимся вслед за частицами?

Он с презрением посмотрел на меня:

— Ты, кажется, путаешь меня с Жестокими богами? Я не такой недоучка, как они. Экспериментаторы! Сунулись в горнило сгущающегося времени, как пробка, вылетели в будущее, не удержались на его высоте и камнем покатались обратно! Для чего я, по-твоему, подключил к коллапсану выходы гравитационной улитки? Частица с трансформированным временем вылетит в дальние районы, но обнаружится там, лишь когда наступит заданное время — в прошлом или будущем. Вылет в будущее проще, и я его опробую раньше.

Когда я выходил из лаборатории, он задал вопрос:

— Адмирал, ты доволен работой МУМ?

— Нареканий на них пока нет.

— Тогда зачем они подчиняются парящему Мозгу? Для чего я старался их восстановить? Мыслящие машины — человеческое изобретение, мыслящий мозг, отделенный от тела, — наш, демиургов, способ управления. Тебе не кажется странным, адмирал, что я, демиург, упрашиваю тебя, человека, восстановить человеческое управление эскадрой?

Мне это не казалось странным. Я знал, что рано или поздно Эллон опять потребует отставки Голоса. Недоброжелательность к дракону была у Эллона с первых дней их знакомства, теперь она превратилась в прямую ненависть. Демиург, уверен, рассматривал трансформацию Бродяги в Голос как возвышение над собой, проделанное к тому же его руками — непомерное самолюбие Эллона страдало. Сколько мог осторожно, я разъяснил, что Голос не командует МУМ, а дублирует их и что хорошо бы иметь не одного дублера, а еще многих, для чего, например, в этой роли стажирруется Граций, и что такой новый метод управления кораблем установлен не мной, а приказом

командующего... Эллон нетерпеливым жестом оборвал меня.

— Против Грация не возражаю, пусть стажирует-ся. Всего бессмертия вашего галакта не хватит, чтоб осилить функции МУМ. Но плавающий Мозг — лишен.

— Могу предложить одно: вынеси спор о Голосе на обсуждение команд. Если твои антипатии признают обоснованными...

— Симпатии и антипатии на обсуждение не выношу. Но если МУМ разладятся, ремонтируйте их сами или удовольствуйтесь чарующим вас Голосом. Слуг поставлять ему больше не буду!

Вечером к нам с Мэри пришла Ирина.

— Мне надо поговорить с Эли,— сказала она.

Мэри встала, Ирина задержала ее:

— Оставайся. В твоём присутствии мне легче высказать свои просьбы адмиралу. Эли, вы, наверно, догадываетесь, о чем речь?

— О чем — не знаю, о ком — догадываюсь. Что-нибудь связанное с Эллоном?

Ирина нервно сжимала и разжимала руки. Я залюбавался ею. Стройная, быстрая, нетерпеливая, она так напоминала отца, что, если бы одевалась в мужскую одежду, я принял бы ее за молодого Леонида. Я знал, что мне достанется от нее, и спокойно готовился отразить упреки.

— Да, с Эллоном! Почему вы так презираете его, адмирал?

Этого обвинения я не ожидал.

— Не слишком ли, Ирина? Мы все — и я, и Олег, и капитаны звездолетов с таким уважением...

— Об Олеге разговор особый! А ваше уважение к Эллону — слова, равнодушные оценки — да, необыкновенен, да, пожалуй, гениален, да, в некотором роде выдающаяся фигура... А он не пожалуй, а просто гениален, не в некотором роде, а во всех родах выдающийся! Сравните его с другими. Кто может сделать то, что может он?

Разговор становился серьезным, и я ответил серьезно:

— Зато он не сделает многого того, что умеют другие. Невыдающихся на кораблях нет. В поход отбирали только незаурядных. Или, по-твоему, Камагин середнячок? Или твоя мать?

— Я говорю об Эллоне, а не с моей матери или Камагине. Он заслуживает душевного, а не равнодушного уважения.

— Чего ты хочешь?

— Почему вы предпочитаете ему дракона? — выпалила она. — Отвратительный пресмыкающийся вознесен выше всех! Дракон еле-еле заменял МУМ, когда они не работали, а сейчас, когда они правильно функционируют, путает их команды. Он в сочетании с МУМ хуже, чем МУМ одна.

— Один раз машины уже выходили из строя, Ирина...

— Ну и что? Один раз вышли из строя, еще десять раз разладятся, еще десять раз будут восстановлены! Ваша привязанность к дракону оскорбительна! Можете вы это понять или нет?

— Я не могу понять другого, Ирина. Почему Эллон так ненавидит бывшего Бродягу?

— Не знаю! Спросите лучше, почему я не терплю дракона!

— Хорошо — почему ты не любишь Голос?

— Не люблю, и всё! Вот вам точный ответ. Он мне был отвратителен еще на Третьей планете. Бр-р-р! Грошадная туша, дурно пахнет!..

— Он изменился с тех пор, Ирина.

— Да, одряхлел, амуры не строит да и не с кем. Но запах свой принес и на звездолет. Я пробегала мимо этой дракошнии, закрыв нос, а вы проводили там часы.

— Понятия не имел, что он так тебе неприятен.

— Олегу он тоже неприятен, но Олег уступил, как и всегда во всем уступает вам. А вам плевать на чужие чувства, вы считаетесь только со своими.

Я покачал головой:

— Сильное обвинение, Ирина!

— Справедливое! Лусин кроме пса Мизара хотел взять и двух кошек. Но кто-то сказал, что вы не терпите кошек. Специально проверяли, так ли это. И выяснили — да, недолюбливаете. Лусин и заикнуться уже не посмел о кошках! А вы поинтересовались у кого-нибудь, нравится ли ему общество огнедышащего динозавра?

— Дракона нет, Ирина, — сказал я. — Есть мыслящий Голос, координирующий работу двух МУМ. Если

координация идет плохо, мы освободим Голос от его нынешней функции и оставим в резерве.

Ирина поднялась. Я задержал ее:

— Ты сказала, что об Олеге разговор особый. Как это понять?

У нее в глазах показались слезы. Она несколько секунд молчала.

— Олег не тот, каким я его раньше знала. Вы первое лицо на эскадре, Эли. Вы подчинили себе всех. Он с этим примирился. Я гордилась им, теперь мне обидно за него. Я ему сказала: мой отец тоже летал с Эли, но не позволял так собой командовать, как позволяешь ты. Олег считает, что я все придумываю.

— Придумываешь ты много, это верно,— сказал я.

После ее ухода я некоторое время молча шагал по комнате. Мэри повеселевшими глазами следила за мной. Я сердито сказал:

— Ты радуешься тому, что на кораблях возникли свары? Что нашу дружбу с Олегом так превратно толкуют?

Она смеялась так заразительно, что и я захохотал.

— Меня радует, что ты услышал о себе несколько неприятных, но правдивых слов,— сказала она.— Я и сама много раз собиралась сказать тебе то же самое, но жалела тебя: ты так принимаешь близко к сердцу каждый пустяк... Между прочим, кошек я сама посоветовала не брать.

— И напрасно! Я бы перенес кошек на корабле. Примирился бы...

— Вот этого и опасались, что ты заставишь себя переносить и примиряться.

— Ладно о кошках, не терплю их! — с досадой сказал я.— Скажи лучше, что делать?

— Самое важное — что в совместной работе МУМ и Голоса появились рассогласования. Если это правда, то это серьезно.

— Пойду проверять,— сказал я.

В оперативной рубке по кольцу вдоль стен шествовал Граций. Он с обычной неспешной серьезностью выполнял свои новые обязанности. Практически они сводились пока к беседам с Голосом обо всем на свете и о многом прочем.

— Голос,— сказал я,— как работа с мыслящими машинами?

— Обе МУМ слишком медлительны,— пожаловался он.

— Ты хочешь сказать, что рассчитываешь варианты быстрее?

— Я не такой глупец, Эли, чтобы утверждать это. Рассчитывать быстрее МУМ невозможно. Но я уже говорил тебе, что не перебираю варианты. Я сразу нахожу ответ.

— Да, ты говорил. Но как это возможно?

— Варианты появляются во мне все сразу. Мое дело — взять верный, а отброшенные даже не проникают в сознание. Я их оцениваю в целом, а не перебором причин и следствий. МУМ еще не вычислила всех вариантов, когда я подсказываю решение. Это немного путает ее работу, но ни разу не направило нас по неверному пути.

Я обратился к Грацию:

— И ты мыслишь готовыми оценками, а не сравнением вариантов?

— Стараюсь, Эли,— ответил он величаво.

Всё это было не то и не так, как представлялось Эллону и Ирине. Я пошел в командирский зал. Чтобы не отвлекать Осиму, я попросил Олега выйти. Он повел меня к себе. Олег занимал квартиру из двух маленьких комнат, каждая походила на старинные корабельные каюты. Я еще не бывал у Олега дома, все встречи происходили в служебных помещениях. Посреди комнаты стоял круглый столик, вокруг него кресла, на стенах висели портреты знаменитых звезд допроходцев, среди них и мой. Я загляделся на портрет Андре. Отец Олега был сфотографирован, когда носил малиновые волосы: пышная, как бы пылающая шевелюра обрамляла бледное, тонкое лицо, глаза Андре смеялись. Он был всё-таки очень похож в молодости на Олега, только теперь мода на завитые локоны прошла.

— Сфотографировано на Оре? — спросил я.

— Перед пленением, Эли. В день высадки на Сигме, где отца захватили невидимки. Вера доставила эту фотографию маме, когда вы с Ольгой и Леонидом продолжали рейс к Персею. Что ты мне хотел сказать, Эли?

Я рассказал о требованиях Эллона, о просьбах Ирины. Олег слушал бесстрастно и только раз улыб-

нул, когда я упомянул, что, по ее мнению, подавил собой всех.

— Тебя, кажется, это задело, Эли?

— Неприятно, когда бросают в лицо такие обвинения.

— Не расстраивайся. Я не из тех, кого можно принудить против воли. Если я соглашаюсь с тобой, то лишь потому, что ты прав. Я и настаивал на твоём участии в походе, чтобы прислушиваться к твоим советам. Это содружество, а не потеря самостоятельности. Очень жаль, что Ирина этого не понимает.

— И многого другого не понимает,— добавил я.

Олег ровно кивнул головой. Я сказал, что отступить назад неразумно. Голос создает новую систему управления кораблем, и она эффективней той, что реализована в МУМ.

— Всё дело в том, Олег,— сказал я,— что конструкторы использовали в мыслящих машинах лишь одну особенность человеческого мышления: способность рассуждать, способность выводить следствия из причин, то есть строить логическую цепь. Каждое разветвление логической цепи даёт один вариант оценки ситуации. МУМ умножает и сравнивает варианты — вот её задача. Но мышление человека не исчерпывается этим. И в трудных ситуациях несовпадение машинного и человеческого мышления грозит крупными неприятностями.

Я привел такой пример. Каждый знает, что такое мать. А машине, чтобы уяснить всё богатство понятия «мать», нужны сотни тысяч признаков и фактов: одно перечисление их займет месяцы, но без него оценка машины будет уступать человеческому пониманию матери. Мы увидели пейзаж города и восклицаем: «Как красиво!» Но машине, чтобы точно восстановить наше восприятие, нужно перечислить все здания, все улицы, все деревья, все облака над улицами, а в каждом здании описать его архитектурную красоту и историческое значение, и начать с кирпичей, с красок стен, с перекрытий, с фундамента и еще черт знает с чего, и тогда красота, которую мы постигаем мгновенно, будет достигнута в качестве нескорого результата бесчисленного числа сопоставлений и совпадений — венцом безмерной цепочки причин и следствий.

— Ты машиноборец, Эли! — сказал Олег, улыбаясь. — Не берусь судить, прав ли ты. Но ты сказал

о возможных крупных неприятностях. Неприятности в рейсе командующего близко касаются. Что ты имел в виду?

— Только то, что любая цепь в любую минуту может порваться в любом из своих бесчисленных звеньев — и весь длиннейший расчет станет абсурдом. Вспомни аварию на «Таране». В какой-то момент были перепутаны несколько следствий и причин. И вся логическая цепь полетела в пропасть! МУМ стала выдавать неверные решения. Еще хорошо, что, упершись в тупик, она выключила сама себя. Среди абсурдных команд могла попасться и такая, как взорвать себя или направить аннигиляторы на другие звездолеты.

— Наши МУМ снабжены хорошей системой самоконтроля, Эли.

— Я говорю о ситуациях, когда и самоконтроль может отказаться.

— Ты уверен, что с Голосом подобные неприятности невозможны?

— Если он внезапно не сойдет с ума. Он мыслит целостными образами. Он и рассуждает, и высчитывает, но это у него лишь подсобный прием. Естественно, он имеет преимущество перед машинами.

— Я согласен с тобой, — ровным голосом сказал Олег. — Считаю, что ты опять подмял меня под себя и навязал свою волю. Трудные ситуации наверняка будут.

— Кто из нас скажет Эллону и Ирине, что их просьба вторично отклоняется?

Олег какое-то мгновение колебался.

— Скажи лучше ты. Мне трудно разговаривать с Ириной. Она без памяти от своего руководителя.

— Но это смешно! Наши звездные друзья — друзья, не больше. Есть в конце концов препятствия телесной структуры! Любовь — чувство лишь для особей одного рода. Оно куда уже товарищества. Ирина путает два несходных чувства.

Олег рассеянно глядел мимо меня.

— Я слышал, что ты влюблялся в некую Фиолу, змею с Веги. Разве змеи одной с нами природы?

— Юношеское увлечение, я давно позабыл о нем. Всё нас с Фиолой разделяло, а соединяло очень немногое. Я это скоро понял.

— Ирина тоже это поймет, но не уверен, что скоро.

Мы вступили в ядро.

Как спокойно звучат слова «вступили в ядро»! Как будто была межа, отделяющая ядро от околоядерного пространства, и ту межу пересекли. Не было межи, не было даже особенного сгущения звезд — в ускользящем наружу шаровом скоплении их напессовано гуще. Но мы вступили в ядро, сразу поняв, что уже в ядре. Звезды вдруг стали шальными. Я продиктовал «вдруг» и «шальные» и задумался. Астрофизик упрекает меня в приписывании мертвым телам человеческих свойств. Ничего не могу поделать, самое точное описание поведения светил будет это: ошалели! То, что светила светили, было уже не самым характерным.

Они неистовствовали, это было важнее.

Этого не передать словами тому, кто не побывал в ядре. Нужно самому окунуться в хаос бешено налетающих, дико отлетающих звезд, чтобы содроганием души, не одними глазами постигнуть, что вступил в ядро: вокруг забушевал взрыв, и сам ты среди летящих сияющих осколков не больше чем темная пылинка!

Мы знали звездные скопления — и рассеянные, как Плеяды и два скопления Хи и Аш в Персее, и шаровые, вроде того, через которые пролетали. Там звезды были как звезды — висели в своих координатных узлах, их взаимные расстояния почти не менялись.

А если и менялись, то много надо было времени, чтобы изменение стало заметным. Гармония звездных сфер там звучала мелодией всемирного тяготения, там был порядок.

А здесь господствовал хаос. Разве может быть гармония во взрыве? И когда одна звезда пронеслась мимо либо настигала соседку, из каждой выносились дымные протуберанцы, и у меня возникало ощущение, что одна вырывает у другой из головы клочок волос.

— Эли, я не способна рассчитать траекторию ни одного из светил, — почти с испугом сказала Ольга, когда мы вчетвером сидели в командирском зале. — Законы Ньютона здесь перекрыты какими-то силами, вызывающими беспорядок. Ядро кипит. И я не могу понять, что вызывает кипение звезд. Какая гигантская

мощь нужна, чтобы так нарушить звездное равновесие!

Олег задумчиво разглядывал звездоворот на экранах:

— Не кажется ли вам, друзья, что мы наблюдаем взаимное падение звезд в одну кучу? С последующим превращением их всех в разлетающуюся туманность!

— Это станет гибелью нашей Галактики,— ответила Ольга.— В ней около двухсот миллиардов звезд, половина сосредоточена в ядре. Если сто миллиардов светил взорвутся, от других ста миллиардов, в том числе и от нашего Солнца и от Персея демиургов и галактов, ничего не останется, кроме пыли.

— Зато разумные наблюдатели на других галактиках обрадуются, что зафиксировали появление еще одного квазара,— утешил их я.

— Я начинаю думать, что мы поступили опрометчиво, ворвавшись в эту кипящую звездную кашу,— сказала Ольга.— Олег, мне кажется, сверхсветовые скорости здесь опасны.

Теперь я перехожу к событию, показавшему, что беспокойство Ольги было оправданно. Мы опять вчетвером сидели в командирском зале. Осима вел корабль, Ольга производила расчеты, мы с Олегом тихо разговаривали.

Внезапно Ольга с удивлением сказала:

— У меня получается, что нас несет к гибели. Наверно, я где-то ошиблась!

Я сказал великодушно:

— Ты почти никогда не ошибаешься, Ольга, но в данном случае наврала. Ничем не вызванная гибель двух звездолетов всё-таки менее вероятна, чем арифметическая погрешность при расчетах. Переставь где-нибудь минус на плюс.

— Я проверю еще раз,— сказала она.

В этот момент раздались сигналы Большой тревоги: заревели сирены, заквакали пусковые реле боевых аннигиляторов, замигали аварийные лампы. На табло застегилась зловещая надпись: «Генераторы пространства — первая готовность!» Я схватился за переговорную трубку, но меня опередил Олег.

— Голос, что случилось? — крикнул он.

Мы услышали ответ, что кучку беспорядочно мятущихся звезд, среди которых пробирались корабли, вдруг, словно судорога, охватило единое движение.

Они все летят в свой геометрический центр, а в нем в данный момент находимся мы. Звезды неистово рушатся одна на другую и при взрыве неминуемо захватят нас. Единственный выход — в канале новоотворенного пространства вынестись из звездной кучки.

— Мы делаем расчеты,— информировал Голос.

— Сомневаюсь, чтобы расчеты дали положительный ответ,— спокойно оценила положение Сльга.— Запасов всей эскадры не хватит на прокладку туннеля наружу.

Я вызвал лабораторию. На малом экране высветился Эллон.

— Эллон,— сказал я.— Мы попали в опасную педреягу. Возможно, только гравитационная улитка может спасти звездолеты. Свяжись с Голосом.

Он ответил с мрачной веселостью:

— Улитка вышибла в ад целую планету, выбросить два звездолета проще. Пусть только ваш парящий любимец признается, что не способен прокладывать курс меж звезд, и я выправлю его ошибку.

Через минуту Голос сообщил, что аннигиляция активного вещества избавления от звездного взрыва не даст и единственная надежда — выскальзывание по гравитационной улитке.

На звездных экранах зажглось около сотни светил размером с Венеру. Они увеличивались, зловеще накаливались. Я вспомнил, что в юности, в Плеядах, вот так же со стесненным сердцем следил, как со всех направлений звездной сферы на нас рушились недобрые огни. Но те огни, маленькие, пронзительно-зеленые — космические крейсера разрушителей,— были пылинками в сравнении с гигантами, охватывавшими нас отовсюду. Сто солнц падало на нас! Они вскоре и стали размером с Солнце — ослепительно-белые, голубоватые, радужные, мутно-багровые, темно-вишневые... Обе звездные полусферы превратились в иступленно пылающие костры. Было ясно, что еще до того, как звезды начнут сталкиваться и взрываться, оба корабля от одного жара превратятся в облачко пара. Я вызвал Голос.

— Рано, Эли,— ответил он.— Мы с Эллоном поджидаем удобного момента.

Все источники корабельной энергии были переключены на генератор метрики. «Змееносец» шел в кильватере «Козерога». Камагин прислал мне шутливое

приободрение: «Адмирал, в мое время говорили: на миру и смерть красна. У нас она будет светла!» Шутка показалась мне мрачной.

А затем мы увидели, как два солнца вырвались из общей массы и помчались навстречу одно другому и на линии их движения оказались звездолеты. Даже того утешения, что перед смертью удастся полюбоваться вселенским пожаром, не было. Оба светила взорвутся раньше, чем остальные подоспеют в общее месиво, а до их взрыва испаримся и мы, если не выскользнем по искривлению пространства.

— Включение! — услышал я тройную команду, в ней смешались мелодичный даже в такую минуту Голос, выкрик Эллона, приказ Олега.

Страшная боль свела судорогой мое тело. Мельком, каким-то боковым взглядом, я увидел, как бьются в своих креслах Осима и Ольга, как Олег схватился рукой за горло, будто разрывая удушающие петли. А картина на экране была так фантастически непредвиденна, что я на какое-то мгновение забыл о боли.

Легящие солнца столкнулись. Но взрыва не было! Одно проходило сквозь другое. Они мчались друг в друге, не смешиваясь, не растворяясь, не разжигаясь от страшного удара. Они даже не изменили шарообразной формы. Одно было ошетинено протуберанцами, протуберанцы показались мне огненными змеями на голове какого-то космического арана. Другое летело в короне, в светлом венце, в призрачно-нежном гало. И вот ни один протуберанец не изменил своей формы, когда солнце проносилось сквозь солнце, они так же прихотливо извивались, исторгались, вспыхивали, тускнели. И гало второго солнца лишь немного потускнело от яркости первого светила, но не исчезло, не стерлось, оно было такое же нежное, такое же призрачно-светлое. Я понял, что схожу с ума, что боль, пронизавшая клетки тела, помutila сознание. Я даже не обрадовался тому, что мы не погибаем. Я не видел путей к спасению, оно было невозможно. Мы не падали в гравитационном провале, не крутились в гравитационной спирали, в этом случае все светила сразу бы пропали, а они были — и одно сталкивалось с другим, одно проходило сквозь другое: они походили на две тени, перекрестившиеся на мгновение. «Звездные фантомы! Звездные фантомы!» — крикнул я, потрясенный этой мыслью.

Солнце прошло сквозь солнце, и теперь они разбежались. Столкновение совершилось — и его не было. Взрыв, неизбежный, неотвратимый, не произошел. Мы были в царстве фантомов. Не было другой реальности, кроме судорог и боли в каждой клетке и жилке!

Я кинулся к Олегу. Он с трудом просипел:

— К Эллону! Об Ольге и Осиме я позабочусь.

Я выскочил в коридор и упал. Ноги меня не слушались. Я не мог заставить их двигаться последовательно. Они начинали движение одновременно, я заносил вперед левую, тут же поднималась и правая. Так я несколько раз падал, прежде чем сообразил, что шатать уже не могу, а способен только перепархивать, как демиурги. Я запрыгал к лаборатории обеими ногами, но еще не дошел до нее, как восстановилась нормальная походка.

Лаборатория выглядела как после землетрясения. Движущиеся механизмы сорвались со своих мест, только стенды покоились, где их поставили. Эллон распластался около генератора метрики и судорожно дергал руками и ногами. Около на коленях стояла Ирина, с плачем звала его, тормошила и целовала. Она повернула ко мне залитое слезами лицо и простонала:

— Помогите! Он умрет! Я этого не переживу!

Общими усилиями мы подняли Эллона и усадили в кресло. Ирина опять опустилась на колени:

— Ты жив! Ты жив! Я люблю тебя! Ты мой единственный!

Я хотел оттянуть ее от Эллона, но она не далась. Эллон с усилием поднял веки. У него были мутные глаза.

— Ирина,— простонал он,— Ирина, я жив?

Она еще страстней целовала его.

— Да, да, да! Ты жив, и я люблю тебя! Обними меня, Эллон!

Он приподнялся. Он с трудом стоял на ногах.

— Обними! — требовала Ирина, прижимаясь к нему.— Обними, Эллон!

На этот раз он посмотрел на нее осмысленным взглядом.

— Обними? — повторил он с недоумением.— Тебя обнять? Зачем?

Закрыв лицо ладонями, она зарыдала. Я взял ее под руку.

— Ирина, пойдй к себе. Эллон не может тебя понять.

Она вырвалась:

— Что вам надо от меня? Вы злой человек! Вы сами никого не понимаете!

— Не до тебя, Ирина! Прекрати истерику! Эллон, что произошло? Ты включил генератор метрики?

Он говорил еще с трудом:

— Адмирал, я не успел ничего сделать. Меня вдруг стало крутить и бросило на пол. Я вижу, что мы спасены.— Он с прежним недоумением посмотрел на Ирину.— Что с тобой? Ты что-нибудь повредила? Проводить тебя к медицинской машине, Ирина?

Она сумела взять себя в руки, даже улыбнулась, только голос ее был нетверд.

— У меня всё в порядке, Эллон. Я буду прибирать лабораторию.

Она отошла. Эллон повторил, что упал в момент, когда собирался запустить оба корабля в улитку. Я вспомнил, что ничего не знаю о Мэри, и послал вызов. Мэри чувствовала себя неважно, но постепенно отходила. Приступ боли застал ее, когда она собиралась в свою лабораторию, она сумела дотащиться до кровати.

— Не тревожься обо мне, Эли. Занимайся делами.

Теперь надо было спешить в оперативную рубку. В ней всё было без изменений. Я в изнеможении прислонился к стене. Меня поддержал Граций. Галакт был бледен, но на ногах тверд. Я пробормотал через силу:

— Голос, Граций, какие это были чудовищные фантомы!

До меня как бы издалека донесся Голос:

— Эли, то не были фантомы. Солнце неслось на солнце не в мираже, а в действительности.

— И они столкнулись? И не произошло взрыва? И солнце прошло сквозь солнце? Мы, видимо, все сошли с ума! Граций, ты что-нибудь понимаешь? Мы попали в мир, где отменены законы физики! Даже всемирное тяготение упразднено!

Граций выглядел не менее растерянным, чем я. Голос продолжал:

— Во мне внезапно разорвалась цепь времени. Я был в прошлом и будущем одновременно, но не было настоящего. Меня выбросили из моего «сейчас».

Это была ужасная мука, Эли. Время во мне как бы кровоточило. И из прошлого я не мог воздействовать на будущее, ибо не было «сейчас», через которое шли все воздействия.

У меня раскалывалась голова от неспособности что-либо понять. В ту минуту я был способен только на простые действия — кого-то спасать, кого-то поднимать, с кем-нибудь драться, на кого-то кричать...

— Голос, я спрашиваю тебя о столкнувшихся солнцах, а не о твоём самочувствии!

— Не было столкновения, Эли! Между летящими светилами разорвалась связующая их нить времени. В этот разрыв угодили и мы, и наше время разорвалось тоже... Солнце налетело на солнце не в их «сейчас». Вероятно, одно пребывало в прошлом, а другое вынеслось в будущее. Они лишь пронеслись через место столкновения, но в разных временах — вот почему не было взрыва.

Хоть и с усилием, но я начал понимать.

— Ты говоришь чудовищные вещи, Голос. Я способен допустить, что Юлий Цезарь и Атилла ходили по одной земле, ставили ногу на одни камни, но не могли столкнуться, потому что их разделяли прошедшие между ними века. Но чтобы само время разорвалось!..

— Это единственно правильное объяснение.

— Докажи его правильность, Голос!

— МУМ на кораблях ведут обработку всего, что зафиксировали анализаторы.

Я возвратился в командирский зал. Олег и Осима чувствовали себя слабо, но двигались без усилий. Осима снова вел «Козерог». Олег уже знал о вычислениях, какими занимались МУМ.

С подавленным чувством смотрели мы вскоре на вычисленный машинами итог. Даже в горячечном бреду нельзя было заранее вообразить себе то, что казалось таким простым и по-своему даже логичным на ленте расчетов. Звезды реально неслись одна на другую, но в миг, когда взаимное их тяготение достигло какого-то граничного предела, у них нарушилось течение времени. Время и вправду разорвалось, перестало быть синхронным. Разрыв составлял микромикросекунды для микрочастиц, секунды для нас, тысячелетия для солнц. Эти вневременные секунды едва не прикончили нас, — еще надо будет разбираться, поче-

му мы уцелели. И почему время нормально одинаково для любых частиц и космических масс, а величина разрыва его так зависит от массы, мне тоже неясно. Но для микрочастиц было достаточно и микромикро-секунд, чтобы не столкнуться в одновременности. А для светил сдвиг во времени в тысячелетия гарантировал свободный проход через то место, где они, не будь такого сдвига, столкнулись бы и взорвались. Всё стало ясно. Это была непостижимая ясность.

Вечером к нам с Мэри заглянул Ромеро. Он чувствовал себя не лучше других. Он сказал, что только на Мизаре не сказался разрыв времени, пес бодр. Гиг тоже почти не сдал, а Труб заболел. Ромеро назвал происшествие драмой в древнем стиле. Писатели старых эпох охотно живописали ужасы, возникавшие от расстройства течения времени. Он называл много имен, среди них я запомнил Гамлета и Агасфера, Мельмота и какого-то Янки у короля Артура. Исторические изыскания Ромеро меня мало тронули. Разрыв психологического времени — а только о нем шла речь у древних — приводил к страданиям души. Мы же столкнулись с физической аварией времени — и от нее трещали наши кости и поскрипывал сверхпрочный корпус корабля. Этой существенной разницы Ромеро недооценивал.

— Почему ты такой хмурый? — спросила Мэри, когда Ромеро, легко постукивая тростью по полу, удалился к себе. — Ведь всё окончилось благополучно.

— Благополучно окончилось только начало, — ответил я. — А каково будет продолжение? Я со страхом жду завтрашнего дня.

Завтрашний день прошел благополучно. И еще несколько дней минули без происшествий, если не считать происшествием зрелище беспорядочно снующих светил. А затем на корабле опять зазвучала Большая тревога, и каждый поспешил на свое боевое место. На экранах обрисовалась знакомая картина: звездный рой вокруг и все звезды посыпались на нас. Осима испуганно закричал, что это тот же звездный рой, где мы уже побывали. Олег потребовал от Голоса справки. Голос передал, что звездное окружение — то самое, что было.

— Мы мчимся в наше прошлое! — Олег, побледнев, впился глазами в горошинки, быстро выраставшие в солнца.

— Мы мчимся в наше будущее,— поправила Ольга.— Всё, что предстоит нам еще, и есть будущее. Но это предстоящее будущее уже было в прошлом.

Я переводил взгляд с нее на Олега, с Олега на Осиму. Я ощущал с физической четкостью, как во мне ум заходит за разум. Полет в будущее, которое является прошлым, мог означать только то, что мы угодили в такое искривление времени, где нет ни начала, ни конца и где каждое мгновение является одновременно и прошлым и будущим. До сих пор похожие ситуации служили лишь темой для фантастических романов, но никто и не подозревал, что завихрение времени может обнаружиться в реальной природе.

— Мы в кольце времени, Олег,— сказал я.— И, судя по тому, что прошлое настало очень быстро, диаметр кольца невелик. Мы будем теперь безостановочно кружиться в замкнутом круге, гоняясь за собой, как пес за собственным хвостом. Твои намерения, Олег?

Олег побледнел еще больше, но не потерял решительности:

— Постараемся не попадать в то будущее, которое является нашим прошлым. Эллон, готовить включение генераторов метрики! Голос, дать на включение команду до повторного разрыва времени!

Теперь оставалось только ждать. Снова обжигающе засверкали на экранах сто разрастающихся солнц. Снова два бешеных светила вырвались из роя и иступленно понеслись одно на другое. Я весь сжался, готовясь к новому удару по нервам и тканям, которого на этот раз, может быть, и не перенес бы. Но летящие одно на другое солнца стали тускнеть и закатываться. И больше не было компактного звездного роя, была прежняя звездная сумятица и толкотня — может быть, лишь немного погуще и посумбурней.

Мы вырвались из опасного промежутка между сшибающимися светилами в обычную звездную сутолоку ядра.

— Разрыв времени, оказывается, был не просто разрывом,— с облегчением сказала Ольга.— Он еще означал и выброс в прошлое. Ведь только из прошлого мы могли мчаться в будущее, которое уже было.

Я переадресовал ее соображение Голосу. Тот первый открыл разрыв времени. Они могли поспорить вдосталь и выдать что-либо важное. Правда, Ольга мыслила рассуждениями, а Голос готовыми результа-

тами, но согласовать истину они могли при любом способе поиска ее. Меня больше беспокоило то, что скольжение по гравитационной улитке не выбросило нас за пределы ядра, а подтолкнуло вглубь. Этот факт мне показался тревожным.

8

Трубу стало совсем плохо, мы с Мэри посетили его.

Старый ангел лежал на мягкой софе, свесив на пол огромные крылья. Лицо Труба, постаревшее, морщинистое, было серым, как его сивые бакенбарды. По привычке он расчесывал их кривыми когтями, но так медленно, так слабо, что Мэри не удержалась от слез. Ангелу прописали все виды лечения и все роды лекарств, от радиационных душей до слабительного и банок, но было ясно, что дни его сочтены.

Он знал, что смерть приближается, и не страшился ее.

— Эли, разрыв времени не по мне, — шептал он горестно. — Ангелы не могут существовать одновременно в разных временах. Ты ведь знаешь, адмирал, у нас дьявольски крепкий организм, мы способны вынести любую физическую нагрузку. Но разновременность нам противопоказана. Мы принципиальные одновременники. Всё остальное для нас — катастрофа. Лусин тоже бы не вынес такого извращения времени, я в этом уверен.

Мэри утешала Труба, я не мог. Женщины, не раз замечено, готовы восстать против очевиднейшей очевидности, если она противна их чувству. Я молча слушал, как она убеждала ангела, что тот еще поправится, что курс лечения не закончен, а когда закончится, Труб не встанет, а взлетит с постели. Возможно, она и сама верила своим уверениям. Труб не верил, но смотрел на нее с благодарностью. Вошел Ромеро и шепотом спросил, о чем я думаю. Я думал о том, что разрыв времени почти не отразился на мертвых предметах, а на всех живых, кроме Мизара, отозвался тяжкими потрясениями.

Ромеро погладил Мизара, прилегшего у его ног. Умная собака не сводила глаз с Труба. Она слышала, что я сказал о ней, но не откликнулась. Хотя благодаря стараниям Лусина она отлично разбирала человеческую речь, если мы не ударялись в отвлеченности,

сама она по своей собачьей деликатности не вмешивалась в разговоры.

— Вы указали на важный факт, Эли,— проговорил Ромеро.— Вероятно, сдвиг времени по фазе или разрыв его, как считает Голос, был в нашем корабельном мирке таким крохотным, что предметы и реагировать на него не успели. За период в одну-две секунды ничего ведь практически не меняется в мире вещей. Но для живой клетки, особенно нервной, несуществование в течение секунды уже подобно крохотной смерти. В дальнейшем нам придется считаться с этим фактом.

— Хуже всех пришлось Трубу.— Я, как и Ромеро, говорил почти шепотом.— Удар по нервным клеткам привел к тяжелой болезни — так я рисую себе его состояние. Страдания души породили муки тела.

— Труб, кажется, чувствует себя лучше,— радостно сказал Ромеро.— Смотрите, Эли, он задвигался!

Но то было не оживление, а агония. Тело Труба свела судорога. Он приподнялся, тяжело забил крыльями. Он обратил ко мне лицо, отчаянно пытался что-то сказать, но вместо речи из горла вырвался смутный клекот. Я опустился на колени у его ложа, прижался головой к его огромной волосатой груди, несколько минут слышал, как неровно, гулкими ударами, билось сердце, и как удары слабели, и как на каком-то ударе, не довершив его, лишь едва-едва стукнув, оно вдруг замолкло. А тело старика и после того, как выключилось сердце, еще минуту дергалось и шевелилось и, медленно окаменевая, вытянулось на ложе. Крылья снова бессильно упали на пол. Труба больше не было.

— Всё, Мэри! — сказал я, поднимаясь.— Всё, всё! Еще один друг ушел. Чья теперь очередь?

Мэри плакала. Ромеро молча стоял у ложа, слезы текли по его щекам. Я с грустной нежностью вдруг ощутил, что неизменная его трость теперь нужна ему не только для подражания древним, а чтобы не пошатываться. Гиг стал рядом с Ромеро и торжественно и скорбно загремел костями. Вечно будет звучать в моих ушах похоронный грохот его костей.

Еще один прозрачный саркофаг добавился в консерваторе.

Эту ночь я не спал и последующие ночи не спал. Я мог бы и не останавливаться на таком пустяке, как бессонница. Ромеро говорит, что в старину бессонница

была распространеннейшей болезнью и люди глотали разные лекарства, чтобы преодолеть ее. Но мало ли какие болезни не бывали в древности! Болезни — одно из тех наследий предков, которое мы не перетаскивали в свой век. Мне всегда казалось чудовищным, что люди не могут уснуть, когда надо спать, тем более когда еще и хочется спать! Я останавливаюсь на поразившей меня бессоннице не для того, чтобы живописать свои страдания. Я перенес смерть Веры и Астры, гибель Аллана, Леонида, Лусина — это всё были не меньшие потери, чем уход в небытие Труба. Я не спал оттого, что не мог справиться с мыслями. В часы дежурств и встреч слишком многое мешало сосредоточиться. Работать с МУМ, как Ольга, забывая при этом обо всем и обо всех, я не умею, к тому же они для меня лишь орган для справок и советов, а не сердечный напарник. Для размышлений мне нужно одиночество.

И я вставал, когда Мэри засыпала, и шел в свою комнату, и смотрел на маленький звездный экран — на нем был всё тот же жуткий пейзаж осатанело летящих одно на другое светил, дикая звездная буря, какой-то давным-давно грохнувший на всю Вселенную и с той поры непрерывно продолжающийся звездный взрыв. И я думал о том, что бы мог означать такой звездный хаос, такое чудовищное отсутствие даже намека на порядок, не говоря уже о величественной гармонии звездных сфер? Ольга бросила фразу: «Ядро кипит» — фраза не выходила у меня из головы. Что заставляет ядро кипеть и расшвыриваться звездами, как брызгами? Какой нужен страшный перегрев, чтобы заставить гигантские светила метаться, как молекулы в автоклаве? Не меняет ли перегрев ядра свойства пространства? Вот уж о чем мы мало еще знаем — о пространстве! Оно не пустоеместилище материальных предметов, ибо превращается в вещество и вещество становится пространством. Но что еще мы постигли в нем, кроме такой простейшей истины? Пространство — самая тайная из тайн природы, самая загадочная из ее загадок! А время? Не перегрето ли здесь и время? Мы привыкли к спокойному, ровному, одномерному времени нашей спокойной, уравновешенной звездной периферии, — что мы знаем о том, каким еще оно может быть? Тот, кто видит океан в штиль, может ли представить себе, каким океан становится в бурю? «Здесь время рыхлое, оно разрывается, здесь время

больное, рак времени!» — разве не твердил о том предатель Оан? Пустая ли то угроза или предупреждение? И разве не оправдалась его угроза, если то была угроза? Время разрывается, прошлое не смыкается с будущим через настоящее — каждая клетка нашего тела о том вопила! Бедный Труб — жертва разрыва времени! А если бы оно не разорвалось? Все бы мы тогда стали жертвой катастрофы, и звездолеты, и сами звезды. Какой исполинский взрыв потряс бы ядро, взорвись внутри него эта сотня светил! В ядре миллиарды их, но разве тонна атомной взрывчатки не сворачивает миллиардотонные горы?

— Пстой! — сказал я себе. — Пстой, Эли! Это же очевидно, об этом свидетельствуют наши МУМ — разрыв времени предотвратил взрыв доброй сотни светил! Не есть ли «болезнь времени» — особая форма устойчивости ядра? Когда атом летит на атом, молекула на молекулу, их предохраняет от непрерывно возникающих столкновений электрическое отталкивание, их отшвыривает электрическая несовместимость. Благодаря этому мы и существуем — предметы, организмы, произведения искусства: крохотные ядра наших атомов не могут столкнуться лоб в лоб. А здесь, в этом большом ядре? Здесь нет электрических сил, способных отшвыривать звезды одну от другой. Зато есть ньютоновское притяжение, толкающее их друг на друга в суматошливой, дикой беготне. Ах, Ньютон, Ньютон, древний мудрец, ты же запроектировал неизбежную гибель для всей Вселенной! И гибель не совершается лишь потому, что действует новый, нам еще не известный закон, более могущественный, чем твое всемирное тяготение, чем электрическое притяжение и отталкивание, чем даже искривление метрики демиургов — искривление и разрывы времени! Вот она, гарантия устойчивости ядра! Подвижность твоего времени, ядро, весь мир спасает! Нет, это не болезнь, это мощный физический процесс, мы о нем просто ничего еще не знали, теперь знаем: дисгармония времени обеспечивает устойчивость ядра! Несовместимость одновременности, взаимоотталкивание времени! Но Труб прав — это не для нас, это решительно не для нас!

Так я размышлял, то логично, то путано, то холодно выстраивал цепь причин и следствий, то страстно восставал против них. И во мне зрело убеждение, что надо поскорей убираться из ядра, пока мы не погибли.

Да, правильно, большинство звезд Галактики сосредоточено в ядре. Но жизнь здесь невозможна. Жизнь — явление периферийное. Мы теперь можем это утверждать! «Нет!» — говорит нам ядро, ответ убедителен. Что же, и «нет» тоже ценный результат экспедиции, не ждали ведь мы, чтобы нас всюду встречало одно «да, да, да». Запрет соваться в адское пекло не менее важное открытие, чем приглашение царствовать в новооткрытом раю. Мы узнали границы существования жизни. Пора убираться из звездного ада! Пора убираться!

Именно такими словами я и внес на очередном совете капитанов предложение закончить экспедицию в ядро.

Мы начали готовить возвращение в родные звездные края.

9

В одном мы все были согласны: ядро Галактики — гигантская адская печь, пекло вещества, пространства и времени. Почти без возражений приняли и мою гипотезу — разрыв времени гарантирует устойчивость ядра, гармония ядра во взаимоотталкивании одновременностей! Один Ромеро заколебался.

— О, я понимаю, дорогой адмирал, что иначе вы и не могли бы объяснить парадоксы ядра, — сказал он. — Если будет предложено два решения любой загадки, одно тривиальное, другое диковинное, вы обязательно выберете второе. Такова ваша натура. У вас вызывает удивление, только если нет ничего удивительного.

— Не понимаю ваших возражений, Павел, — сказал я раздраженно. Разговор происходил после того как Ромеро, вместе с другими, проголосовал за мое предложение. Мне казалось, что он попросту брюзжит.

Он игнорировал мое замечание:

— Ваша гипотеза, что убийственный закон тяготения Ньютона ведет мир к гибели...

— Не убийственный, а порождающий неустойчивость в больших скоплениях масс.

— Да, да, неустойчивость! Всё это остроумно, не буду отрицать, мой проницательный друг. Разрыв одновременности, даже сдвиг времени по фазе, безусловно, гарантирует устойчивость ядра, если такой разрыв

будет возникать в нужном месте и в нужный момент. Две руки не сомкнутся в рукопожатии, если одна протянута раньше, другая позже. Но видите ли, мудрый Эли, вряд ли уместно решать одну загадку путем выдумывания другой, куда более темной.

— По-вашему, я выдумываю разрыв времени? Не скажете ли тогда, Павел, какая причина швырнула вас недавно на пол и заставила потерять сознание?

— Разрыва времени я не отрицаю. И что валялся на полу — правда. Факты — упрямая вещь, так говорили предки. Но вы ведь создаете новую теорию, а не только описываете факты. Если я правильно понял, вы устанавливаете новый и самый грандиозный закон Вселенной: устойчивость основной массы вещества в Галактике гарантируется неустойчивостью времени. Сохранение звездного мира определено несохранением времени. По-вашему, однолинейное течение времени есть своего рода вырождение его в звездных перифериях, в спокойных районах. И мы, пользующиеся спокойным временем, заранее зачислены в какие-то звездные провинциалы.

— Вас это оскорбляет, Павел? В так любимой вами старине считали Землю центром Вселенной, а человека — венцом творения. Вы тоже придерживаетесь такого представления о мире?

— Осмелюсь заметить, адмирал: вы считаете меня большим глупцом, чем я есть. Но не могу не признаться: мне как-то обидно, что сама жизнь порождена тем, что время в районах жизнетворения выродилось в однолинейность, что жизнь, таким образом, есть в некотором роде вырождение материи. Если не человека, то жизнь как таковую я всегда считал венцом развития материи. Такое разочарование...

— Церковные деятели, разочарованные тем, что Земля — не центр Вселенной, сожгли Джордано Бруно, проповедовавшего эти неприятные истины. Как вы собираетесь со мной расправиться, Павел?

— Вы завершаете спор такими многотонными аргументами, что их тяжесть придавливает, великолепный Эли. Нет, я не буду вас сжигать на костре.

Ромеро приветственно приподнял трость и удалился, обиженный. А я всё больше укреплялся в мысли, что закон всемирного тяготения равнозначен предсказанию гибели Вселенной. Мы рассматривали его как гаранта звездной гармонии лишь потому, что узнали

его в далеких районах Галактики, в «вырожденных» районах, как обругал нашу звездную родину Ромеро. Здесь, в кипящем аду ядра, он был зловещим стимулом к всеобщему взрыву. Что может сделать тяготение, мы видели на примере коллапсаров, превращающихся из мощных светил в «черные дырки». Я ничего не мог поделать — я не просто критиковал закон всемирного тяготения, я опасался его, начинал его ненавидеть! Смешно ненавидеть слепые законы природы. Но тяготение в моих глазах становилось ликом смерти любой материи, не одной высокоорганизованной жизни. И лишь то, что противоречило этому страшному закону, гарантировало существование мира, — электрические и магнитные несовместимости в атомном мире, большие расстояния между звездами в космосе, а здесь, в ядре, и открытая нами несовместимость одновременности. Тяготение — вырождение материи, ее проклятие, твердил я себе. Всеобщая борьба против тяготения — вот единственное, что сохраняет Вселенную!

Голос и Эллон без спора поддерживали меня. Не так уж много было случаев, когда самолюбивый демиург и широкомыслящий Мозг сходились в едином понимании. Особенно важна была поддержка Эллона — на него легла разработка способа выскальзывания из ядра, куда нас затягивало всё дальше.

— Адмирал, я не знаю, почему моя улитка срывается в одну сторону, — признался он однажды. — По расчету, звездолеты должно вынести наружу, а их поворачивает обратно.

Я сидел в лаборатории. В стороне, повернувшись спиной, молча работала Ирина. Она не простила мне, что я видел ее слезы и отчаяние. Эллону она простила непонимание ее чувств, а мне не хотела прощать, что я невольно стал их свидетелем. Она отворачивалась, когда я появлялся в лаборатории, холодно отвечала. Я говорил с Эллоном о важнейших вещах, всё наше существование зависело от того, найдем ли мы правильное решение загадок, а меня жгло желание оставить поиски, подойти к ней, грубо рвануть за плечо, грубо крикнуть: «Дура, я-то при чем?»

— Итак, выхода ты не видишь, Эллон? — спросил я.

— Здесь странное пространство, адмирал. Я его не понимаю. — Он помолчал, преодолевая неприязнь, и

добавил: — Посоветуйся с Мозгом, он когда-то разбирался в свойствах пространства.

Я оценил усилие, какое понадобилось Эллиону для такого признания. Голосу, придя к нему, я сказал:

— Бродяга, ты согласился, что нам надо бежать отсюда. Вывод звездолетов наружу при помощи генераторов метрики не получается. Может быть, вырваться из ядра на сверхсветовых скоростях, аннигилируя пространство? Твое мнение?

— Отрицательное! — прозвучал ответ. — Неевклидовы искривления, которыми я закрывал путь звездолетам в Персее, в сотни раз слабее тех, что встречаются здесь. И еще одно, Эли: там пространство пассивно, оно легко укладывается в заданную метрику. Здесь его рвут бури, в нем возникают вихри метрики, и избави нас судьба от того, чтобы угодить в такой вихрь!

— А наш испытанный метод аннигиляции планет?

— Погиб «Телец» и две трети эскадры, когда применили этот метод.

— Там были рамиры. Им почему-то не захотелось, чтобы мы нарушали равновесие среди Гибнущих миров. А здесь присутствия рамиров не обнаружено. Сомневаюсь, чтобы разумная цивилизация могла существовать в этом звездном аду.

— Можно попробовать и планетку, Эли,— сказал Голос.

Но планет в ядре не было. Среди миллионов промчавшихся на экранах звезд не попалось ни одной домовито устроенной. Здесь даже не было правильных созвездий, простых двойных и тройных светил: звезды мчались дикими шатунами. Это не значит, что в беспорядочном их беге отсутствовали сгущения. Сгущений попадалось много. Но после того как мы еле выбрались, потеряв Труба, из одного такого сгущения, нам не хотелось соваться еще в одну дьявольскую печь, где плавилось время. Вместе с тем только в таких скоплениях можно было надеяться подобрать планетку.

Одно сгущение звезд показалось приемлемым — гигантский, почти сферический звездоворот. В нем дико кружились светила, рассеивая пыль, как грибные споры, и истекая газообразным водородом. Голос предупредил, что внутри звездоворота бушует то, что можно бы назвать «метриковоротом» — чудовищные завихрения пространства.

По расчету МУМ, звездный вихрь был неустойчив. Он должен после возникновения распылить себя в исполинском взрыве примерно через тысячу лет. И в то же время не было сомнения, что звездоворот существует уже миллионы лет. Здесь снова был тот же парадокс, и даже Ромеро стал склоняться к мысли, что одновременность существования звездоворота наблюдается лишь извне, а внутри звездного вихря одновременности нет. В частном времени каждого светила, может быть, и самого звездного роя нет.

Осима сказал Олегу:

— Адмирал, не отвернуть ли назад? Я бы не хотел, чтобы одна моя нога очутилась в прошлом, другая в будущем, а сердце билось лишь тысячу лет назад или тысячу лет впоследствии, — не знаю, что хуже! Я не вмещу в себе такой бездны разных времен.

Олег приказал отходить от опасного скопления. К счастью, это удалось легко. На «Козерог» прибыл для очередного совещания капитанов Камагин. Олег доложил, что простых выходов наружу не существует.

— А непростых? — спросил Камагин.

Непростых выходов тоже не существовало. В ядре планет не нашли, а аннигиляция звезд не по зубам.

— Значит, погибать? — снова спросил Камагин.

Вопрос был неуместен. Олег для того и собрал капитанов, чтобы искать избавление от катастрофы. Камагин с волнением заговорил:

— Я хочу сегодня исправить ошибку, которую совершил больше двадцати лет назад. Тогда адмирал Эли приказал уничтожить два звездолета, чтобы третий вырвался на свободу. Я протестовал. Теперь я предлагаю повторить ту операцию в Персее. Для уничтожения можно взять мой «Змееносец».

— Сколько помню, та попытка в Персее закончилась неудачей? — заметила Ольга.

Камагин возразил, что в Персее мы воевали, враги отчаянно противодействовали нам во всем. Здесь врагов нет. Мы сами попали сюда как разведчики, и вывод наш непреложен: живым существам в ядре не следует соваться, как не следует купаться в кипящей смоле.

— Я согласен с Эли, что жизнь и разум — явления в Галактике периферийные. И делаю отсюда вывод: разумного противодействия не будет, а со слепой стихией мы справимся.

— Твое мнение, Эли? — спросил Олег.

Я не мог поддержать Камагина, не мог опровергнуть его. Мне стыдно называть свое чувство, но не могу в нем не признаться: мной овладела нерешительность.

— У меня нет определенного мнения, — сказал я.

Уже после совещания, принявшего проект Камагина, я поделился сомнениями с Эллоном и Голосом. Эллон считал, что прорыв не удастся, звездолет слишком мал для создания свободного туннеля наружу. И не известно, будет ли туннель свободен, — с таким странным пространством, как здесь, аннигиляцией вещества не совладать.

— Не торопись, Эли. Скоро я пушу коллапсан на полную мощность, и тогда мы выскользнем наружу в новой гравитационно-временной улитке. Атомное время я уже меняю свободно. Посмотри сам.

На лабораторном экране, подключенном к коллапсану, я увидел, как нейтрон налетал на нейтрон, протон на протон, ергон пронизывал ергон, ротон сшибали все остальные частицы. По законам физики, столкновения должны были порождать аннигиляции или по крайней мере трансформации частиц. Ничего похожего не происходило. Столкновения совершались в нашем суммарном времени, а не в частном времени самих частиц. Оно менялось в момент столкновения, не было реального столкновения, не могло быть взрывов и аннигиляций.

— Отличный механизм, не правда ли? Убедился, Эли, что мне удалось в атомных реакциях воссоздать те чудовищные реакции, которые кипят в звездном котле ядра?

— У тебя атомы, Эллон, а здесь — звезды! — возразил я. — Мы не атомы, мы, к сожалению, не атомы — даже по сравнению со звездами!

— От атомов я вскоре перейду к макротелам, — пообещал он. — Говорю тебе, адмирал, не торопись! Нас ведь никто не собирается немедленно уничтожить.

Обещание связать гравитационную улитку с коллапсаном я слышал от Эллона и раньше. И хотя ему удалось овладеть атомным временем, от атомов до тел макромира, что бы он ни твердил, дистанция была огромная. Я посоветовался с Голосом. Голос считал проект Камагина единственной возможностью выскользнуть наружу. Надо лишь подобрать участок пас-

сивного пространства. Подыскивать участок будет он. Он ощущает пространство и без расчетов МУМ. Пространство — это он сам, такое у него ощущение. У него мутится в мыслях, когда оно свирепо закручено, он мыслит стремительно, яркими всплесками решений, когда оно быстро меняет свою структуру. И как ему отрадно, когда напряжение ослабевает!

— Мы будем ждать твоего сигнала, Голос! — сказал я.

И вот началась последняя эвакуация звездолета в нашей экспедиции к ядру. Я сказал последняя, потому что «Змееносец» был последним кораблем, который еще можно было эвакуировать. Эвакуацией командовал Камагин — энергично, даже весело: он верил, что жертвой своего корабля спасет всех. Меня же мучило нетерпение. Неудачи преследовали нас за неудачами. Флот практически погиб, уцелевшие астронавты сконцентрированы на последнем корабле — пленники непредставимо дикого мира, где миллиарды светил балансируют на лезвии бритвы, а по обе стороны от лезвия — бездна всеобщего уничтожения! И еще я вспоминал Великого разрушителя, властительного кретина, возомнившего себя мыслителем. Вот уж где бы ему царствовать, с печалью размышлял я, тут уж была бы ему воля к тотальному разрушению, совладай он только с дисгармонией времени!

Чтобы выразить вслух эти чувства, не пугая друзей, я спустился в консерватор.

— Убийца! — говорил я соглядатаю рамиров. — Все несчастья начались со знакомства с тобой. Ты предавал деградирующих аранов, ты попытался предать и нас. Лусин заплатил жизнью за твое лживое прислуживание нам, Петри и его экипаж — вот следующая цена твоих доносов. Я не знаю, зачем твоим господам понадобилось поддерживать убийственные условия на Арании, зачем вы определили себе эту грязную профессию — быть Жестокими богами? Но зато я знаю теперь, что никакие вы не боги, никакая не высшая сила, тем более и не высокая, какой полагалось бы быть мало-мальски приличному божеству, если бы оно реально существовало. Вы только жестокие, но не высокие, вы только могучие, но не всемогущие, только сильные, но не всеильные. «Эти недоучки рамиры!» — презрительно сказал Эллон. Правильно, недоучки! Как ты пугался трансформации времени в ядре,

Оан! Больное, рыхлое, рак, сторониться от заражения! А оно не больное, оно лишь меняющееся, стремительно меняющееся, удивительно упругое, превращающее при сближении одновременность взрывом в разновременность. И этот взрыв времени предохраняет ядро, куда вы и сунуться страшитесь, от другого взрыва — взрыва вещества. Знали ли вы это? Могли ли постичь? Откуда? Ведь вы — недоучки! Свирепые, но не проницательные!

Я замолчал, отдыхая. Я многое дал бы, чтобы оживить лжеарана и, ожившему, бросить в зловеющий верхний глаз страстные обвинения. Он недвижно висел передо мной. И все три глаза были мертвы — нижние, обыкновенные, умевшие только всматриваться, и верхний, грозный, проникавший в чужую мысль... Оан не мог слышать, не мог ответить. Он был мертв. Он успел уйти от наказания. Уход из жизни ему удался. Но не из мира! Вечно будет труп предателя висеть в прозрачной теснице демиургов!

Отдохнув, я продолжал:

— Нет, в одном я не прав — вы не могли не знать об ужасной роли мирового тяготения в том кипящем котле из звезд, который мы называем ядром, и о спасительной роли так легко рвущегося здесь времени. Вы сами хотели овладеть искусством поворота времени. Разве не для этого ты нырнул в бездну коллапсара? Глупец! Ты не нашел ничего лучшего, как ринуться в ад, чтобы овладеть адскими силами, — так это тебе, вероятно, самому воображалось. Вот он, тот коллапсар, который тебе не давался, — он на нашем стенде! Всё, что ты искал в антивзрыве звезды, мы находим в лаборатории. Мы еще не властны над макровременем тел и светил, но атомное время нам уже подвластно. Мы его разрываем, изгибаем, замедляем, убыстряем — как нам угодно! Мы уходим из ядра, изменник. Но мы еще вернемся, — и тогда, Жестокие, вряд ли вам удастся доказать, что ваша сила равна вашей жестокости!

10

А затем произошло то, что, как я сейчас понимаю, неизбежно должно было произойти.

Голос отлично чувствовал пространство; МУМ безошибочно рассчитывали скопления масс и указыва-

ли, как избежать больших звездных препятствий, как увильнуть от оголтело несущихся звездных шатунов; Осима артистически лавировал между скоплениями и звездами-одиночками; ему помогали Ольга и Камагин: ни один не уступал Осиме ни в опыте, ни в осторожной смелости. Всё было подготовлено, всё предусмотрено.

Всё, кроме одного. Мы были не единственной разумной силой в ядре. И мы не были хозяевами даже в том крохотном пространстве, какое вознамерились прорвать. Мы ошиблись в самом важном — мы опрометчиво убедили себя, что придется преодолевать лишь слепую стихию природы. А против нас действовал враждебный разум! Мы вступили в борьбу, надеясь, что таинственных наших врагов и в помине нет. А они были и нашей силе противопоставили свою. Сила сломила силу.

Голос предупредил, что приближаемся к пассивному участку пространства. Кругом неслись в том же бешеном танце те же бешеные светила; сам я никогда бы не выбрал этот район для прорыва. МУМ тоже не показала изменений в космосе. Но МУМ с ее анализаторами — мы хорошо уже знали это — не улавливала того, что так легко выуживал из ее данных Голос. Олег приказал выводить «Змееносец» в конус аннигилирующего удара.

В командирском зале в это время сидели все три капитана и Олег. Для меня там стояло особое кресло, но я не пошел туда. В обсервационном зале сейчас было полно: команды всех трех звездолетов, свободные от вахт, сгрудились у больших экранов. Мэри, Ромеро и я разместились против малого экрана в моей комнате. И мы отчетливо разглядели, как совершилась новая катастрофа.

«Змееносец» летел впереди «Козерога». Сам Камагин с «Козерога» выводил свой звездолет под удар аннигиляторов флагманского корабля. По судовой трансляции разнеслась — приказы капитана транслировались во все помещения — быстрая команда Камагина:

— Отключаю блокировку аннигиляторов вещества. Цель в конусе ноль-ноль три. Начинаю отсчет: десять, девять, восемь, семь...

И в этот момент из мутной мглы, кипящей дикими звездами, вынесся знакомый луч, точно такой же, какой поразил «Тельца». Он миновал «Козерога», уда-

рил в «Змееносца». На экране повторилась уже виденная картина уничтожения корабля. Всеобщее ошеломление прервал истошный вопль Камагина:

— МУМ блокирована! Голос, Голос, есть ли связь с исполнительными механизмами? Голос, ответь!

Голос не отвечал. Мэри охнула и схватилась за сердце. Ромеро, мертвенно побледнев, лепетал:

— Это рамиры, адмирал! Они в ядре! Они захватили нас в плен!

Подавленный, я не мог оторваться от экрана. МУМ не работала, аннигиляторы блокированы, а какая-то сила вывернула звездолет назад и сама положила на прежний курс — в ядро, в кипение его диких звезд. Я мрачно сказал:

— Рамиры всё знают о нас. Они могли бы легко погубить и «Козерог», как погубили «Змееносца». Но они хотят поиграть с нами, как кот с мышью!

Часть четвертая

Погоня за собственной тенью

Для бога всё прекрасно, хорошо и справедливо; люди же считают одно справедливым, другое несправедливым.

Гераклит из Эфеса

Кассандра. Меня кружит пророчества безумный вихрь
И мучит боль предчувствий. О, беда! Беда!

Предводитель О, чужестранка, ты слынешь провидицей.
хора. Но прошлого предсказывать не нужно.

Эсхил

В родстве со всем, что есть, уверясь
И зная с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслышанную простоту.

Б. Пастернак

1

Уже в первые минуты после новой катастрофы меня ошеломила горестная догадка об истинной причине несчастья. Но она еще не завладела мной целиком: надо было спасать корабль, а потом доискиваться тай-

ных причин беды. Я кинулся в командирский зал. Капитаны и Олег остались живы, только были уже не командирами корабля, а, как и все мы, пассажирами неуправляемой галактической скорлупки. В лаборатории и Эллон, и Ирина были растерянные, но невредимы. Невредимой была и аппаратура. Лаборатория могла продолжать свои изыскания, если бы восстановилось снабжение энергией. Эллон гневно упрекнул нас с Олегом:

— Не захотели меня послушать! Торопились, а ведь ничто не грозило, пока мы не попытались безрассудно бежать.

— Идем с нами, Эллон! — приказал Олег, и мы втроем поспешили к Голосу.

Голос звучал слабо, но внятно. Он испытал болезненный толчок, когда отключилась связь с МУМ. Враги нанесли удар по управлению боевыми механизмами, всё остальное — производное.

— Это рамиры. Они в ядре. Они не хотят выпускать нас. Мы — их пленники.

Он мог говорить о пленении с большей определенностью, чем каждый из нас. Уж он-то знал, что такое превращать космические корабли в пленников! Граций тоже пострадал. Когда рамиры заблокировали МУМ, Граций потерял сознание и рухнул на пол. От его величавой богоподобности мало что осталось. Бессмертный, он после катастрофы держался на ногах гораздо хуже, чем все мы, смертные. Галакты поразительно плохо выносят жизненные передрыжки: они позабыли в своих райских городах о лишениях.

— Надо осмотреть МУМ, — сказал Олег.

МУМ, внешне совершенно невредимая, не работала. Граций, сопровождавший нас, взирал на нее с печалью, он ничем не мог помочь и от этого, вероятно, огорчился не меньше, чем от поломки МУМ. Мы отключили мыслящую машину от исполнительных механизмов и анализаторов и перенесли в лабораторию. В лаборатории, как нам сгоряча показалось, она снова заработала, но то была обманчивая работа — цепи пропускали сигналы, но не было того целого, что и называлось Малой Универсальной Машиной.

— Мне кажется, ваша машина без сознания, — заметил Граций. — Она в нервном потрясении. Что можно ожидать от механизма, лишённого естественных тканей?

Эллон зло покосился на галакта. Я увел разговор от опасной темы искусственного и естественного. Если МУМ только в обмороке, то есть надежда вывести ее из него. Олег велел доставить в лабораторию две резервные МУМ — снятую с «Овна» и привезенную Камагиным со «Змееносца». Они были не в лучшем состоянии, чем машина «Козерога». Их всех поразило нервное потрясение. А машина с «Тарана» по-прежнему путала причины со следствиями.

— Граций,— сказал я галакту,— теперь на Голос и на тебя ложится тяжелейшая обязанность. Анализаторы и исполнительные механизмы опять, как в Гибнущих мирах, будут подключены непосредственно к вам. Тогда Голос справился, но тогда мы не были в ядре. Если вы не справитесь сейчас, нам всем крышка.

— Надеюсь, мы справимся,— промолвил он.— Но объясни, адмирал, что значит странный термин «крышка»? Мне кажется, он символизирует что-то очень плохое.

Я заверил галакта, что он точно истолковал выражение «нам всем крышка».

МУМ «Козерога» стала показывать признаки жизни. Она словно бы приходила в себя после обморока. Подавленные, мы молча слушали ее ответы на сигналы. МУМ сошла с ума. Она вообразила себя девушкой, ускользнувшей из дому. Она не слушала вопросов, не принимала заданий и на все электрические импульсы, подаваемые на ее вход, отвечала горестными стихами.

Ах, любила меня мама, уважала,
За то, что я скромная дочь.
А дочка с милым убежала
В одну непроглядную ночь,—

— лепетала МУМ рыдающим нежным голоском.

Потом она стала называть себя Марусей и выдавала такими же стихами, что Маруся отравилась и что ее повезли в больницу, а в больнице не спасли. Бред был не только нелеп, но и удивителен. В памяти машины конструкторы не заложили ни представлений о нехороших дочерях, убегающих от порядочных матерей, ни имени Маруся, ни больниц и уж, конечно, не обучали МУМ стихотворству. Всё это она придумала сама, когда лишилась рассудка.

Безумие поразило и другие машины. МУМ «Змееносца» спрашивали: «кто?», она отвечала на «куда»,

ей говорили: «дается восьмиградусный конус на восток, расстояние до двух светолет — высчитать число звезд третьей абсолютной величины», она принималась решать химические уравнения; от нее требовали оценки доброкачественности излучения, подаваемого на ее вход, она взамен ответа, не грозит ли это излучение организму человека, выдавала решение интеграла Лебега или объявляла планетные законы Кеплера. А машина «Овна», как и МУМ «Тарана», потеряла способность связывать причину со следствием. Я ей задал нехитрую контрольную задачу: «Все люди смертны. Я человек. Следовательно, я?..» Она ответила немедленно тремя выводами на выбор: «Ты толстый в шестом измерении. Ты — гвоздь второго порядка, продифференцированный по логарифму грубости. Цветы запоздалые, цветы обветшалые в двухмерном интегральном укусе». А на вопрос Олега, чему равняется сто сорок три в кубе, она ответила с той же быстротой и тоже тремя разными ответами: «Иди к черту. Двадцать восемь тонн запятая шестнадцать метров с ночной обильной росой. У быка рога, у планеты сорок четыре сантиметра в квадрате восьмой величины на чистой воде». Почему-то МУМ «Овна» любой вопрос воспринимала троично, не говоря уже о том, что порола чушь.

У меня создалось убеждение, что с МУМ «Овна» и «Змееносца» можно повозиться, а машина «Козерога» безнадежна. У первых двух, сказал я, безумие не выходит за сферу их специальности. Они потеряли рассудок, но не личность, если можно говорить о личности машины. Они всё-таки остаются мыслящими агрегатами, только дурно мыслящими, неправильно, путано. А МУМ «Козерога» перестала быть машиной, она воображает себя девчонкой, к тому же несчастной и порочной. И она ударилась в стихоплетство! Сочинять стихи — можно ли вообразить большее безумие!

— Не думаю, чтобы Ромеро согласился с тобой, что сочинение стихов — высшая форма безумия, — заметил Олег.

— Я говорю о машинах, а не о людях. Люди часто увлекаются странными и бесполезными занятиями. У них свое понятие о безумии. Многим оно представлялось, особенно в старину, чем-то возвышенным. Разве не говорили: «Я без ума счастлив!» или: «Она

безумно хороша собой!» Один древний физик утверждал, что в науке справедливы только безумные идеи. К сожалению, человеческое сознание не всегда подчиняется логике. Но машины всегда логичны, полезны, разумны — этим они и отличаются от своих создателей.

Олега мое разъяснение устроило.

— Элло́н, ты займешься восстановлением мыслящих машин,— сказал он.— Но это не должно отвлекать лабораторию от других работ. Как эксперименты с коллапсаном?

— Атомное время меняем свободно.

— Этого недостаточно. Ирина, иди к нам,— позвал Олег.

Я не раз замечал, что, когда появлялись посторонние, Ирина отходила в сторону. Она без спешки приблизилась. Олег сказал с волнением, которое так редко показывал другим:

— Друзья мои, Ирина и Элло́н. Боюсь, что мы не выведем звездолет из ядра, если не найдем физического процесса, позволяющего ускользнуть от враждебного наблюдения рамиров. Дайте мне возможность потерять хотя бы на время нашу одновременность с противниками. Возможно, в «раньше» их не было, или в «потом» не будет, а в «сейчас» они есть и сильнее нас... Вы меня поняли, друзья?

Ирина только кивнула. Элло́н сказал:

— Я готов переходить к экспериментам с макро-временем. Мне нужны мертвый предмет и живое существо. Мертвых предметов много, а где я возьму живой организм?

— Возьми Мизара, Элло́н,— посоветовал я.— И раньше собаки использовались для экспериментов. Правда, Мизар — мыслящее животное, и вам надо будет разъяснять ему суть эксперимента и получить его согласие...

— Говори с Мизаром ты,— отрезал Элло́н.— Животных демиурги не считают равноценными себе, как любите делать вы, люди.

— Ирина, возьми переговоры с Мизаром на себя! Ты прав, Элло́н, человек и к животному относится по-человечески.

Сомневаюсь, чтобы Элло́н понял мою отповедь. Ирина обещала поговорить с Мизаром. Я снова подошел к МУМ с «Козерога»:

— Знаешь ли ты меня? Помнишь ли? Слышишь ли?

Она в ответ пропела дребезжащим дискантом, совершенно не похожим на ее прежний уверенный баритон:

Стал Ваня лазить
В папину кассу.
Стал безобразить,
Красть денег массу!
Дин-дин-дон, дин-дин-дон,
Так звенят кандалы.
Так порой из-за баб
Погибают ослы!

Зрелище великолепной, еще недавно такой разумной машины, вдруг вообразившей себя живым существом и начисто спятившей на взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, было так грустно, что я еле удержался от слез.

2

Вечером ко мне пришел Ромеро.

Он сел в кресло, зажал трость между ногами, уставился рассеянными глазами на экран. Там был всё тот же пейзаж мирового ада — световорот осатанело несущихся светил. Я вдруг с жалостью ощутил то, на что раньше как-то не обращал внимания: Ромеро сдавал — он и сейчас не допускал и сединок в голове, усах и бородке, но морщины было не скрыть. И лицо, холеное, всё такое же красивое, выглядело усталым. Я чувствовал, что в нем что-то надломилось и что он нуждается в утешении. Я сказал почти шутливо:

— Интересное приключение, не правда ли, Павел?

Он долго глядел на меня большими, темными глазами, и я вдруг вспомнил, как Мэри как-то сказала: «Павел такой стройный, такой изящный, такой воспитанный, у него самые красивые глаза, какие мне приходилось видеть у мужчин, и он ухаживал за мной, Эли, а ты и не подумал ухаживать. А меня угораздило без памяти влюбиться в тебя, беспутный! Такая несправедливость!»

— Адмирал, у вас любовь к чудовищным парадоксам, — сказал он. — Трагедию назвать интересным приключением!

— Если вы вспоминаете Петри и товарищей...

— Я говорю о нас с вами, проникательный Эли! Какая непоправимая глупость! Как бабочка на огонь, влететь в кипящее ядро!.. Мотыльки в адской печи! Слабые мотыльки в жестоких руках врагов!..

— Дались вам мотыльки, Павел!

— Да, дались,— сказал он горько.— С того момента как рамиры уничтожили «Змееносец», я твержу про себя, что мы мотыльки, летящие на костер. И знаете, что я вам скажу? Это же самое словечко мне преподнесла МУМ нашего корабля.

— Вы были в лаборатории?

— Я только что оттуда. Я спросил, что она думает о разрывах времени в этом странном мире, называемом ядром Галактики. И она ответила... Как вы думаете, высокоумный друг, что она ответила?

— Вероятно, что-нибудь пропела безумными стихами.

— Да, стихами. Стихи были такие:

Как мотылек, всю жизнь порхал без дела.
Менял цветы на новые цветы.
Но если кто душой моей владела,
Так это ты! Так только ты!

— Пошловатый куплетик. Интересно разве то, что МУМ воображает себя уже не глупенькой девчонкой, а развязным фатом.

— Нет, мой глубокий друг, интересно другое. В моем мозгу звучало слово «мотылек», и МУМ использовала именно его. Вам это ничего не говорит, Эли?

— Решительно ничего.

— Напрасно, адмирал. Впрочем, вы никогда не интересовались древними нравами — такова уж ваша натура. Но знаете ли вы, Эли, что моя дипломная работа в университете носила название «Сентиментальная поэзия городского мещанства конца девятнадцатого века старой эры»? И что в той дипломной работе приводились все стишки, которыми оперирует наша спятившая с ума МУМ?

— Вот это интересно.

— Рад, что вы подходите к сути. Удар рамиров привел к раздвоению личности нашей бедной свихнувшейся машины.

— Раздвоению времени, Павел.

— Да, вы правы, к раздвоению времени. Она одновременно в двух эпохах. Физически она здесь, перед нами. А всеми ассоциациями, всем пониманием — в прошлом. Мы все связаны с ней своими излучениями, я тоже, как вы знаете, закодирован в ней. Она, очевидно, и раньше воспринимала мои мозговые импульсы, мои знания, мои представления о прошлом, но в своей практической работе не могла ничего использовать из этого запаса. А сейчас, выброшенная назад, оперирует лишь теми знаниями, которые относятся к прошлому. Вы спрашивали, знает ли она вас, подсовывали ей уравнения Нгоро, но в прошлом, которое стало ее настоящим, не было вас, не существовало Нгоро. Безумие МУМ в том, что физически она «здесь» и «сейчас», а интеллектуально «там» и «раньше».

— У других МУМ другие формы безумия, Павел.

— Каждый сходит с ума по-своему, дорогой адмирал. Это относится не только к людям, но и к машинам.

Я сказал:

— Ваша мысль открывает любопытную возможность восстановления МУМ.

Он возразил с горечью:

— Я предвижу другую возможность: все мы вскопе сойдем с ума.

И он вспомнил Оана с его больным временем. Перспектива, которой грозил предатель, осуществилась: мы в больном времени. Великим заблуждением было, что, носясь среди миров, где дисгармония времени — закон, мы надеялись, что нас самих обойдет эта кара. В диком хаосе ядра нестабильность времени, возможно, и гарантирует устойчивость физического существования светил, но для нашего гармонического организма она губительна. Крохотное выпадение момента, называемого «сейчас», уже чуть не погубило нас. Мы заболели, еще пока не зная о том. Распад связи временного потока совершается теперь и в нас.

— Но МУМ уже сошли с ума, а мы пока не безумны. Если только не считать безумной вашу теорию, что время в нас уже поражено...

— Мы организм, а МУМ — механизм, — ответил он, игнорируя насмешку. — Организм, вероятно, имеет

внутренний стабилизатор времени. Не сомневаюсь, что природа, порождая жизнь, позаботилась и о защите жизни от таких катаклизмов, как нарушение одновременности. Она-то ведь лучше знает свои выверты, чем мы их. А мы и понятия не имели, что МУМ надо снабжать стабилизаторами времени. Мыслящие машины слабей нашего мозга — по крайней мере в этом отношении. Но не переоценивайте и нашу крепость! Нарушения синхронности времени накапливаются в клетках. Когда они превзойдут предел прочности биологического стабилизатора, будет покончено и с нашим разумом.

— Постараемся до той поры выскользнуть из мест, где время не стабильно. Павел, давайте проверим на практике вашу гипотезу. Займитесь вместе с Эллоном и Ириной восстановлением наших МУМ.

Он с изумлением смотрел на меня:

— Боюсь, вы насмехаетесь надо мной, Эли. Я — и ремонт приборов? Осмелюсь напомнить, я историк, а не инженер.

— Вот именно — историк! Это как раз и нужно. Если МУМ интеллектуально в прошлом, то лишь историк может вывести ее из прошлого в настоящее. Представьте себе, что вам дали в обучение человека, заснувшего шестьсот лет назад. Вы посадите его за парту и заставите заучить события, которые протекли с момента усыпления до момента пробуждения — и он окажется в своем новом времени. Прodelайте что-нибудь подобное с нашей застихотворившей МУМ. Вас, как любителя поэзии, не шокирует такое выражение?

— Вы никогда не отличались правильностью речи, Эли, я с этим примирился. Однако, напомню, что «застихотворившая» МУМ одна, а у других сумасшествие иного сорта. Они тоже потребуют лечения уроками истории?

— Их будут лечить уроками логики. Причина предшествует следствию — в наши машины заложена такая схема. Разрыв времени нарушил логику расчетов. Думаю, мы найдем способ бороться с логическим безумием, если вы справитесь с безумием историческим.

Мне казалось, что я уже убедил его, но он вдруг, снова впад в отчаяние, поднял вверх трость и воскликнул с пафосом:

— Зачем все эти ремонты, лечения, восстановления?.. Мы попали в ад, из которого нет выхода. Где мы? В ядре Галактики? Сделайте простой расчет — нет никакого ядра! Ибо что-то единое может существовать только в едином времени, а его-то и нет! Мы нигде, ибо в одном месте одновременно, в разных местах одновременно! Я уже схожу с ума, в моем мозгу не укладывается одновременность одновременности и одновременность одновременности! Мне надо знать — «когда» мы в этом трижды проклятом «где»! Можете ли вы понять меня? Муки Гамлета, ощутившего в душе разрыв связи времен, ничтожны сравнительно с моими, ибо время рвется во мне и в душе, и в теле, а кругом меня нет единого времени, и я даже не знаю, сидите ли вы сейчас против меня или вы в непостижимом будущем, а на меня падает ваша тень оттуда и я беседую с тенью, а сам не в звездолете, а где-то на Палатине, только что мирно поговорил с блистательным Юлием Цезарем, подрался с коварным Клодием и дал пощечину интригану Катилине и завтра ухожу с Цезарем в поход на Галлию, а дорогу мне вдруг пересек ваш силуэт из звездолета, ваш силуэт, Эли, ваш силуэт из ужасного далёка, из какого-то ядра Галактики, о котором я, древний друг древнего Цезаря, и понятия не имею!..

Мне нестерпимо захотелось ударить его. В безумие он еще не впал, но истерика начиналась. Он схватился руками за голову; сдавалось, что вот-вот он будет рвать на себе волосы, вопить, остервенело вращать глазами. Я подошел к нему, сжав кулаки. Он посмотрел на меня и медленно снял руки с головы.

— Вы хотите бить меня, адмирал? Бейте, я не буду защищаться. Раньше людей били. Иногда это помогало.

Только эти слова, сопровождаемые слабой улыбкой, и спасли его от затрешины. Я снова уселся и положил руки на колени, чтобы унять их злую дрожь. Я теперь понимал, что испытывали капитаны на кораблях, где команда выказывала непослушание. Истерика в обстановке всё снова повторяющихся катастроф вряд ли была лучше бунта на паруснике в океане.

— Павел, взываю к вашему разуму, к вашему светлому разуму, Павел! Вы обиделись, что я назвал трагедию интереснейшим приключением? Но разве

приключение немыслимо без счастливого конца? И разве сегодня мы — в некотором роде, только в некотором роде, — не счастливейшие из людей?

— Счастливейшие из людей? — переспросил он устало. — Эли, я уже говорил вам — устал я от ваших парадоксов...

Но я напомнил, что Олег с детства мечтал о путешествиях в ядро Галактики, самое таинственное и недоступное место Вселенной, и что он первый из галактических капитанов привел сюда звездолеты, и что он войдет в мировую историю как первооткрыватель ядра, — может ли он быть несчастным, даже если закончит свой век на десяток лет раньше? И что Ромеро, знаток древностей, специалист по сравнительной истории обществ, получил возможность узнать такие формы жизни, такие разумные цивилизации, о каких до него и не подозревали, — что же, и эти открытия зачислить в разряд несчастий? И что Ольга, Осима и Камагин всегда видели главный смысл своей жизни в том, чтобы вести могущественные корабли по неизведанным звездным трассам, — так разве не добились они цели жизни, даже если придется расстаться с самой жизнью? И Голос, наш Главный Мозг, наш бывший Бродяга, он, что ли, несчастлив, он, издевавший всё, чего мог пожелать: и могущество мысли, и отраду буйного тела, и власть над простором Вселенной? А галакт и демиурги? Разве каждый не осуществляет лучшее в себе, не претворяет в дело всё, на что способен в мечте своей, в желании своем, в воле своей? Нет, подыщите другие определения! Несчастье, унылость, отчаяние, раскаяние, разочарование — не подходят! Даже если и выпадет нам трагический конец, доля наша завидна!

Он приподнялся, оперся на трость.

— Мой старый друг Эли! Я не хочу с вами спорить. Я не могу с вами спорить. Адмирал, я пойду выполнять ваше приказание о возврате МУМ из прошлого в настоящее.

Я прикрыл дверь, чтобы даже Мэри не могла в эту минуту войти: ей тоже нельзя было видеть, что происходит со мной. А когда стук трости Ромеро перестал быть слышен в коридоре, я опустился на диван и схватил себя за голову, как только что Ромеро, и застонал от отчаяния, от безысходности, от ужаса того конца, который предвидел. Истерика, предотвращенная у Ро-

меро, била и била меня самого, ибо у меня имелось куда больше причин впадать в нее. И я не мог просить ничьей помощи — еще не пришло время раскрывать тайну, надо было раньше подготовить спасение корабля.

3

Эллона оскорбило, когда я к трансформатору времени попросил пристроить еще и стабилизатор, наподобие того, что создан природой в наших телах: я так уверовал в эту гипотезу Ромеро, что оперировал ею как фактом. Эллон зло сверкнул глазами и ощерился:

— Адмирал, не лезь в дела, которых не понимаешь! Трансформатор, стабилизатор! А что мы делаем, по-твоему? Один хаос превращаем в другой хаос? Я создаю универсальную машину времени, заруби это себе на носу, адмирал!

При этом он возбужденно прыгал передо мной и яростно размахивал руками. Я знал, что Эллон плохо воспитан, если оценивать воспитание человеческими мерками, и что он, изучая человеческий язык, с особой охотой запоминал ругательные словечки. Но он толковал их слишком буквально. Выкрикивая, чтобы я зарубил его отповедь на носу, он так свирепо поглядел на мой нос, что у меня возникло опасение, не хочет ли он и вправду рубануть по нему. Я отнес его возбуждение к влиянию катастрофы со «Змееносцем» и к тому, что даже не знающие отдыха демиурги переутомились: сомневаюсь, чтобы после катастрофы Эллон отдыхал хотя бы час. Что начинается предсказанное Ромеро безумие — мне и в голову прийти не могло.

Впервые я ощутил неладное, когда Мизара подвели к трансформатору времени. Это был огромный прозрачный шар, покоящийся на постаменте. Вокруг громоздились излучатели и отражатели, постамент соединялся полой трубой с коллапсаном, были еще сооружения и механизмы над шаром и рядом, но их назначение мне осталось непонятным, и описывать их не буду.

Укажу лишь, что до эксперимента с Мизаром Эллон испытал несколько предметов, попеременно отправляя их в будущее и прошлое. Из прошлого и буду-

щего вещи возвращались целехоньки. Если бы и опыт с Мизаром удался, это означало бы, что найден реальный путь бегства из ядра, так как при встречах со светилами мы двигались бы не в их, а в своем времени и любое физическое столкновение исключалось. Разумеется, наши планы предполагали рискованное допущение, что рамиры не воспротивятся бегству. Но на что нам оставалось еще рассчитывать?

На испытания пришли Олег и Ромеро, Граций и Орлан, Мэри и Ольга. Эллон сам открыл входное отверстие в трансформаторе времени. Ирина привела Мизара. Пес глухо повизгивал, беспокойно поворачивался к каждому, ткнулся носом в мои колени, лизнул руки Мэри, вдруг вскинул лапы на плечи Ромеро — тот от неожиданности уронил трость. Ирина гладила Мизару спину, что-то ласково шептала ему. Мне не понравилось выражение лица Ирины. Я подошел ближе.

— Милый, милый! — говорила Ирина псу. — В прошлое, в далекое прошлое! И мы побежали бы по лесу! И я бы лаяла, как ты!

— В лес! В лес! — возбужденно рычал пес и нервно лизал руки Ирине. — Мы будем лаять вместе! Мы будем вместе охотиться, Ирина! Скорей, Ирина, скорей!

Шепот Ирины слышал я один, но ответы пса дешифратор доносил до всех. Все почему-то решили, что Ирина обманными ласковыми словечками подготавливает Мизара к опасному путешествию в прошлое. Но я хорошо знал, что пес, прошедший выучку у Лусина, сдал человеческую историю на собачью пятерку — по шкале для псов с высоким интеллектом — и в иллюзиях не нуждался. Мы так и улавливались с Ириной: подготовка Мизара будет состоять в объяснении важности его роли, а не в прельщении радостями путешествия в прошлое.

— Ирина! — сказал я тихо. — Ирина, обернись!

Она медленно поднялась с колен. У нее были странные глаза. Она сказала:

— Адмирал, вы позволите мне уйти с Мизаром? Я люблю его.

Я сжал ее руку так сильно, что она охнула. Боль она еще способна была чувствовать.

— Ирина, ты не любишь Мизара! Ты любишь Эллона, Ирина.

Она с таким напряжением вслушивалась, что несколько мгновений стояла с раскрытым ртом. Никогда прежде она не разрешила бы себе такой глупой мины: Ирина была из женщин, которые прихорашиваются, даже когда берутся за грязную физическую работу.

— Элдона? — переспросила она нежным протяжным голоском. — Как я могу любить Эллона, если вы запретили? Я так послушна, адмирал, я так послушна!

— Глупости! Ты своенравна, а не послушна! — сердито шептал я. — А сейчас ты нездорова. Тебе невесть что вообразилось. Ты пойдешь отдыхать, Ирина.

— Вы думаете, адмирал, я не люблю Мизара? — спросила она с сомнением.

— Ты его любишь, конечно. Я его тоже люблю, и мама твоя его любит, и Мэри... Этого недостаточно для совместного путешествия в прошлое.

— Я недостаточно люблю тебя, Мизар, — сказала она покорно. — Мне вообразилось, будто я тебя больше всех люблю. Я такая послушная, Мизар! — Она вдруг с тоской заломила руки. — Ах, адмирал, разрешите мне кого-нибудь полюбить!

Я подозвал Ольгу. С ней подошли Олег и Мэри. У Ирины изменилось лицо, когда она увидела Олега. Она простонала, отстраняясь руками:

— Не ты, не ты! Ты променял меня на экспедицию, где погибнешь.

— Ирина, приди в себя! — сказал он, очень бледный. — Вспомни наш разговор на базе! Ты ведь сама попросилась в экспедицию. Мы вместе на корабле, Ирина! Ты не осталась в Персее.

Она заплакала, спрятав лицо на груди матери. Я сказал:

— Ольга, отведи ее к себе. И не отходи от нее. Боюсь, у нее тяжелейшее расстройство.

Пока мы шептались, стоя кучкой около Мизара, Эллон ждал у открытого люка. Но когда Ольга, обняв дочь, стала вместе с Мэри уводить ее, Эллон раздраженно крикнул:

— Люди, не хватит ли шушукаться? Трансформатор времени перегревается на холостом ходу! Или вы хотите, чтобы мы все взрывом вылетели в будущее? Кто поведет Мизара?

— Я поведу Мизара,— ответил я и, как Ирина, опустился рядом с ним на колени и ласково провел рукой по густой шерсти.— Мизар, друг мой,— сказал я.— Дело не в том, чтобы побегать и полаять в лесу. Предстоит неслыханный эксперимент, и если он удастся, мы все спасены. Готов ли ты помочь нашему спасению?

— Веди меня, Эли,— мужественно прорычал он и лизнул мне руку.

Я подвел его к люку. Эллон хотел грубо схватить пса за загривок и швырнуть в отверстие, но я не дал. Мизар посмотрел на нас грустными глазами, громко пролаял: «Прощайте!» — и сам прыгнул в лаз. Эллон захлопнул люк и отошел к коллапсану. Трансформатор времени заработал.

И вскоре мы увидели, как пес исчезает. Он не растворялся, не уменьшался, не превращался в пятнышко, потом в точку, как почему-то мы ожидали. Он пропадал так же, как пропадал Оан, когда пытался бежать. Мизар становился из тела силуэтом. В трансформаторе было жарко, пес высунул язык, уставился на нас нестерпимо блестящими глазами. И когда тело его стало бледнеть, дольше всех сопротивлялись уходу в будущее глаза и язык. Настала минута, когда тела уже не было, а глаза еще оставались и сверкали на нас, и язык мотался, самостоятельно живя. А потом и глаза потускнели, а язык еще двигался — один бледнеющий, стирающийся, пропадающий, живой и в самый последний момент исчезновения язык!

Пса больше не было. Прозрачный трансформатор времени опустел.

— Мизар в будущем! — воскликнул Эллон, отходя от коллапсана.— В самом близком будущем, в какой-то тысяче лет по вашему счету. Пусть он там потушится в жару расплавленного времени! — Эллон захотел: я содрогнулся от жестокости смеха.

— Сколько времени он пробудет в будущем, Эллон?

— Всего лишь час, адмирал, всего лишь час! А потом я выключу коллапсан, и твой пес вывалится в наше время, как, помнишь, Оан вывалился из далекого будущего, куда старался улизнуть.

Было очень неприятно глядеть на ликование демиурга. Даже радость экспериментатора, совершившего важное открытие, не должна была гасить тревоги за

бедного пса. И еще меня покорило, что Эллон остался безучастным к болезни Ирины. Олег ушел. Меня взял под руку Ромеро:

— Не хотите ли посмотреть, как идет возвращение в сознание МУМ «Козерога»?

Разлаженная машина стояла в дальнем от трансформатора времени углу. Я спросил, что машина думает о путешествиях во времени и есть ли надежда, что Мизар благополучно вернется из будущего. МУМ пропела всё тем же мелодичным голосом:

Это было давно. Я не помню, когда это было.
Пронеслись, как виденья, и канули в вечность года.
Утомленное сердце о прошлом давно позабыло.
Это было давно. Я не помню, когда это было.
Может быть — никогда!

— Ответ не осмысленный, но и не совсем бессмысленный,— заметил я.— И стихи несколько лучше той чуши, которую она несла.

— Стихи, между прочим, называются «Памяти Шопена». Не знаю, известен ли он вам, Эли. А что машина вспомнила о памяти, может означать только то, что к ней возвращается сознание. Первое и важнейшее свойство сознания — память! Ах, великолепный Эли, великолепный Эли, знаете ли вы, какую власть имеет память над мыслящим разумом? Память — единственная гарантия бессмертия, катализатор, превращающий любой миг в вечность, консервирующий трепетное мгновение навсегда неизбывным и нетленным!

Выспренности Ромеро не занимать, но так он еще не разговаривал со мной.

— Что за ода воспоминанию, Павел!

— Сегодня ночью ко мне пришла ваша сестра, Эли. Не делайте испуганных глаз, друг мой, я пока не спятил. Я знаю, что Вера давно умерла и перед отъездом с Земли посетил ее прах в Пантеоне. Она была со мной в моем воспоминании, только в моем воспоминании! Сама моя жизнь вдруг стала воспоминанием о моей жизни,— и это было так прекрасно, шурин! Мы ведь с Верой поссорились, вы это хорошо знаете, вы всё знаете, адмирал, нет, вы еще не были адмиралом, вы были юношей... И я догнал Веру на Плутоне, и вошел к ней в гостиницу, ту, где мы уже были с ней, в том же номере, Эли... И упал перед ней на колени, и целовал ее ноги, и она упала на колени тоже, и

плакала, и целовала меня, и так бесконечно радовалась, что я вернулся, что она может простить меня... Эли, друг мой, шурин мой, я так благодарен вам за приказ помчаться за вашей сестрой, вы меня возродили к жизни. Мы стояли друг перед другом на коленях, это было, наверно, смешно, если смотреть со стороны, но мы так радовались и так плакали, и так целовали друг друга, и это было сегодня ночью, счастливой сегодняшней ночью, Эли!

Он пошатнулся. Переход от сознания к бреду был так внезапен, что я не сумел прервать Ромеро и только успел схватить, когда он валился на бок. Он вздрогнул и очнулся. У него были мутные от счастья глаза, печальные от горького счастья глаза!

— Что со мной? О чем я говорил? — спросил он.

— Мы с вами говорили о возвращении МУМ в сознание, Павел. А сейчас давайте послушаем, о чем так горячо толкуют Эллон с Орланом и Грацием.

Разговор Эллона с Грацием и Орланом заслуживал того, чтобы принять в нем участие. Эллон доказывал, что создание выхода в будущее для механизмов — пустяк. Для ухода в будущее нужно лишь убыстрить время, не меняя его направления. Естественное время бежит от прошлого к будущему, коллапсан подгонит его — и всё! Трудней путешествие в прошлое. Для него нужно менять течение времени на обратное. Коллапсан и эту трансформацию проделает. Но как к ней отнесутся объекты, у которых время переменит знак? Мертвые предметы не чувствуют перемены, они одинаковы и в прошлом и в будущем. А организмы погибнут, если не повернуть время особым образом.

— Естественные ткани живых существ, которые так приятны галактам, не выдержат перескока через нуль времени. — Эллон злорадно осклабился. — А органы искусственные запросто вынесут поворот на обратное течение.

Галакт величественно возвышался над Эллоном.

— Ты сказал — поворот времени особым образом, Эллон? Как понимать это? И почему переход через нуль для естественных тканей так опасен?

— Потому что нуль времени — остановка всех процессов. Для камня, для металла здесь горя нет, для живого это смерть.

Я возразил, что мы на какой-то момент, при столкновении двух солнц, уже прошли через остановку

времени, через потерю нашего «сейчас». Эллон не согласился. Остановка была коротка. Мы обмерли, но не умерли, ибо тут же восстановился естественный ток времени от прошлого к будущему. А поворот времени равносителен взрыву.

— Мне пришлось бы поворачивать в обратное существование твой труп, адмирал!

Эллон нашел для живых организмов лишь один способ выхода в прошлое. Надо в трансформаторе выбросить живое существо в будущее, по прямому току времени, а если оно там не удержится и покатится назад, то, не задерживая его в нормальном времени, дать падать дальше, уже в прошлое. Это будет падение по инерции, а не под действием внешних сил. Движение по инерции времени — всегда движение к точке реального существования, такова сама природа времени. И если падающее из будущего в настоящее существо по инерции само очутится в прошлом, то движение в прошлое, быстро замедляющееся, станет нормальным движением, прямым движением: переход через нуль времени совершится без потрясений. Тогда и надать обратному ходу времени ускорения при помощи коллапсана — и выбрасывай подопытный объект в любое прошлое: все прошедшие миллионoлетия станут доступны для нового заселения!

Пора было возвращать Мизара в наше время. Эллон повернул рукоять обратного времени на панели коллапсана. В трансформаторе что-то замутилось, замелькала тень и стала превращаться в собачий высунутый, жадно глотающий прохладу язык, а чуть выше зажглись два огонька, сперва тусклые, потом всё более светящиеся, быстро превращающиеся в блестящие собачьи глаза. В трансформаторе времени обрисовывался Мизар, живой, восторженно рвущийся к нам.

— Я с вами! Я с вами! — доносили приборы его ликующий лай.

Люк распахнулся, и Мизар пулей вылетел наружу. Он кинулся на грудь Ромеро, и Ромеро упал. Та же участь постигла и меня, а за мной пошатнулся Граций от удара массивной собачьей головы. Галакт устоял на ногах, я радостно обнял Мизара за шею.

— Уймись, бешеный! Расскажи, что видел в своем невероятном путешествии?

Мизар ничего не видел, кругом был туман, он пребывал в тумане несчетную бездну лет, а потом появи-

лись звезды, они мчались вокруг и недобро вспыхивали, а он далял на них. В общем, всё было как на звездных экранах. Холода он не испытывал, проголодаться не успел, но жара была такая, что Мизар подышал от жажды.

— Сейчас тебе дадут пить,— сказал Эллон.

Пока Мизар лакал воду, Эллон подготовил трансформатор к новому путешествию во времени. Я спросил демиурга, нельзя ли отложить полет в прошлое на завтра, чтобы Мизар отдохнул. Эллон сказал, что не только сиюминутное, но и прошлое время не ждет. Я снова обнял Мизара и спросил, всё ли ему говорила Ирина о программе эксперимента. Пес улыбнулся. Все мы знаем, что собаки отлично улыбаются не одним хвостом, но и глазами, и пастью, но у Мизара была особая прелесть сдержанной улыбки. Он именно улыбался, даже в минуты наивысшей радости не позволяя себе вульгарно захохотать. Таковы, впрочем, многие собаки. Деликатность — в собачьей крови.

— Всё, Эли. Сначала я отправлюсь в будущее, а потом через будущее в прошлое, а в прошлом будет Земля и лес. Где Ирина?

— Она нездорова. Успех твоего эксперимента будет лекарством, которое ей всего нужней.

— Я всё сделаю, что потребуется.

И в третий раз мы увидели, как превращается в туманный силуэт большое красивое тело Мизара и как в пустоте еще минуту светятся два глаза и красный язык вымахивает прохладу уже невидимому телу. В лаборатории опять появился ушедший было Олег. Ирина лежала без сознания, у ее кровати дежурила Ольга. Олег опасался за ее жизнь. Люди и демиурги снабдили эскадру отличнейшими лекарствами, в том числе и от помрачения психики, но ни одно не подействовало. Медицинский автомат три раза выдавал разные диагнозы и назначал разное лечение — в его памяти нет знаний о болезни Ирины, настолько она необыкновенна.

Раздался резкий голос Эллона:

— Внимание! Возвращение из будущего! Пролет по инерции в прошлое!

Мизар вылетел из будущего без торможения в настоящем. Внешне это выглядело так, что в трансформаторе обрисовывались в той же очередности тяжело пульсирующий язык, два глаза, туловище, ноги. Ка-

кую-то секунду я ожидал, что возвративший свой телесный облик пес радостно залает и потребует выхода наружу. Но туловище, так и не дорисовавшись до телесности, опять посветлело почти до полной прозрачности и пропало. Мизар, не задержавшись в настоящем, с разгона вылетел в прошлое. Эллон, согнувшись над коллапсаном, следил за огоньками, вспыхивавшими на панели.

— Подопытный пес Мизар унесся в прошлое,— сказал он, подойдя к Олегу.— Нуль времени Мизар прошел живой и невредимый. Я добавил немного обратного времени к инерции вылета из будущего.

— Сколько ждать возвращения Мизара, Эллон?

— Около часа, командующий.

Я сказал Олегу:

— Если ты останешься здесь, я проведу Голос. Он, вероятно, соскучился в одиночестве.

В рубке я стал ходить вдоль стены, как любил делать Граций. Анализаторы передавали Голосу картину эксперимента полней, чем это мог сделать я. Он только спросил о моем отношении к полетам в иное время. Меня наполняли смутные ощущения — надежда, смешанная с боязнью, и еще что-то, что можно было бы назвать инстинктивной неприязнью к такого рода опытам над живым существом.

— Положение, вероятно, грозней, чем все мы представляем себе,— сказал Голос.

— Ты, как и Ромеро, опасаясь, что нам грозит безумие?

— Безумие уже началось.

— Кроме Ирины, ни у кого не помутилось сознание. Если не говорить о машинах, конечно. Те сразу спятили.

— Машинный интеллект не защищен стабилизатором времени, как организмы. Они и должны были пострадать раньше.

— Ты и с этой гипотезой Ромеро согласился?

— Ромеро точно назвал причину.

— Неужели и ты, и я лишимся рассудка, Голос? Ты в первой аварии потерял ощущение «сейчас». Но сейчас мы все в «сейчас». Этого-то не будешь оспаривать?

Именно это он оспаривал. Он сказал, что у нас уже утрачена сиюминутность, вернее, не сиюминутность, а

сиюмгновенность. Время на корабле пульсирует между ближайшим прошлым и ближайшим будущим. Оно не течет плавно от прошлого к будущему, а вибрирует. Его сводит судорога. Голос ощущал дрожь времени в каждой клетке мозга. Вибрация между прошлым и будущим заставляет вибрировать и мысль: приказы, которые он отдает исполнительным механизмам, дрожат. Грубые исполнительные механизмы, к счастью, не разбираются в таких тонкостях, как дрожание мысли, вибрация приказа. Вероятно, в древней человеческой истории слуга тоже не обращал большого внимания на то, дрожащим или твердым голосом отдает приказ господин, — ему важнее было содержание приказа. Долго так продолжаться не может. Наступит мгновение, когда вибрирующий приказ перестанет быть приказом. Тогда всё замрет на корабле.

— Граций дублирует тебя, но ни о чем похожем не говорит, — сказал я в недоумении.

— Скоро и он почувствует. Скоро вы все почувствуете, Эли. Время всё сильнее лихорадит. Вибрация увеличивается. Промежуток между прошлым и будущим, внутри которого пульсирует время, постепенно раздвигается. И каждая вибрация оставляет след — накапливается прошлое, концентрируется будущее. Когда несовместимость прошлого с будущим станет слишком большой, время опять разорвется. Вряд ли мы отделаемся так легко, как в прошлый раз. Тогда мы вырвались из разорванного времени, между двумя солнцами, а что с нами будет, когда время разорвется на самом корабле?

— Грозно, даже очень! Голос, есть ли шанс на спасение?

— Только один — срочная стабилизация времени на корабле. Стабилизатор времени сейчас важнее, чем трансформатор.

Меня вызвали в лабораторию. На полу лежал бездыханный Мизар. Глаза его были дико распахнуты, пасть оскалена, шерсть вздыблена. Все в молчании смотрели на мертвого пса. Молчание разорвал грозный голос Орлана:

— Эллон, ты обещал, что Мизар благополучно перейдет через ноль времени. Ты солгал.

Эллон так втянул голову, что над плечами виднелись только глаза, потускневшие и жалкие.

— Орлан, я не лгал. Мизар благополучно проско-

чил нуль времени. Мы все видели... Он исчезал в прошлом живой. Все видели...

— А вернулся мертвым. У тебя есть объяснение, Эллон?

Эллон сказал еле слышно:

— Я буду искать объяснения, но пока его нет.

Эллон с помощниками перенесли Мизара на стол для исследования, а я рассказал друзьям об опасении Голоса.

— Тебе лучше опять пойти в рубку,— посоветовал я Грацию.— Боюсь, у Голоса сдают нервы.

— Я поговорю о вибрации времени с Эллоном,— промолвил Орлан.

Эллон подошел такой подавленный, что мне стало его жаль.

— Голос предупреждает, что время на корабле вибрирует между прошлым и будущим и амплитуда увеличивается. Когда заработает стабилизатор корабельного времени, Эллон? — спросил Орлан.

— Немедленно займусь стабилизатором, Орлан. Оставлю все работы с трансформатором и переключу стабилизатор с микровремени на время корабельное,— поспешно сказал Эллон.

Орлан холодно сказал:

— Ты меня не понял, Эллон. Я спрашиваю не о том, когда ты займешься стабилизатором. Ты меня не интересуешь. Когда заработает сам стабилизатор, Эллон?

— Стабилизатор заработает завтра,— покорно сказал Эллон.

Я бросил последний взгляд на мертвого пса и увел Олега из лаборатории. В коридоре я сказал ему:

— Олег, если мы с тобой сдадим, последствия будут ужасны. Что бы ни случилось с другими, мы не должны поддаваться вибрации времени. И если всё-таки произойдет разрыв между прошлым и будущим, держись за будущее, оставайся в будущем, Олег, ни в коем случае не выпадай в прошлое!

Он грустно улыбнулся:

— Ты прав — нам с тобой надо держаться.

Я заглянул ему в лицо. У него были усталые глаза — красные, воспаленные, опухшие. Я вздохнул. Только в двух людях на корабле я был в какой-то степени уверен — в себе и в нем. И это было ужасно! Но почему ужасно, я не мог ему сказать.

Я пришел к себе поздно. Мэри уже спала. Я осторожно разделся и лег. Меня разбудило рыдание Мэри. Она сидела на диване и плакала, уронив голову на руки. Я схватил ее, повернул к себе ее лицо.

— Что с тобой, Мэри? Что с тобой? — говорил я, целуя ее мокрые щеки.

Она отстранилась от меня.

— Ты меня не любишь! — прорыдала она.

— Мэри! Что ты говоришь? Я не люблю тебя? Я? — После мутного сна я ничего не мог сообразить и снова хватал ее и целовал.

Она опять вырвалась, гневно стукнула ногой по полу.

— Не прикасайся! Не любишь! И если хочешь знать, я тоже тебя не люблю!

Лишь сейчас я начал понимать, что происходит. Я отошел от Мэри, сел в кресло и спокойно заговорил:

— Итак, я тебя не люблю? И ты меня не любишь? Интересное признание! Но почему ты решила, что я тебя не люблю?

— Ты спрашивал обо мне Справочную! — лепетала она сквозь слезы. — Ты испугался, что нас разделяет такое несоответствие, а я ведь тоже испугалась, но думала о тебе и всё искала, всё искала встречи! Я хотела тебя видеть с того вечера в Каире, а ты уехал на Ору, даже не пожелал взглянуть на меня, я ведь собиралась извиниться, что была груба на концерте и в ту бурю в Столице, мне так надо было извиниться! Я думала о тебе постоянно, я не выключала стереозкранов, чтобы случайно не пропустить передачи с Оры, я могла там среди других увидеть и тебя. А ты влюбился в какую-то змею и не захотел возвращаться на Землю, ты умчался в Персей, тебе было безразлично, что я плакала все ночи, когда узнала, что твоя сестра возвратилась без тебя. Павел рассказывал, как страстно ты глядел на свою змею-красавицу, как ты бегал к ней на ночные свидания, он всё о тебе рассказывал, а я отвечала, что всё равно люблю, хотя уже ненавидела тебя! И сейчас ненавижу! Можешь не приезжать, и доброго слова от меня не услышишь! Я буду глядеть холодно и презрительно, вот так, холодно и презрительно! Что ты молчишь?

Я заговорил очень ласково:

— Павел не всё рассказывал тебе обо мне, Мэри.

— Всё, всё! — прервала она запальчиво.

Я повторил с нежной настойчивостью:

— Не всё, Мэри, поверь мне. Павел просто не знал всего обо мне. Он не мог сказать и того, что с первой встречи, с первого слова, с первого взгляда в Каире я влюбился в тебя сразу и навсегда. И того не мог он сказать, что ты то грубила мне, то хотела извиниться, а я просто любил тебя, только любил, всем в себе любил! Да, я увлекся Фиолой, но любил тебя, одну тебя, всю тебя, всегда тебя! Ты ругала меня в Столице, а я думал: каким она чудесным голосом разговаривает со мной! Ты хмурила брови, а я восхищался: никогда не видел бровей красивее! Ты сверкала на меня глазами, а я растроганно говорил себе, что прекрасней глаз нет ни у кого, даже равных нет! Ты, сердитая, уходила, а я любовался твоей фигурой, твоей походкой, тем, как ты размахиваешь руками, и так был счастлив, что могу любоваться тобой, что мне дана эта радостная доля — смотреть на тебя, уходящую, сердитую, любимую, зло размахивающую руками, так красиво размахивающую руками, левой чуть-чуть, правой немного больше... Так это было, так, — и Павел сказать об этом не мог, это только я знал о себе, только я, Мэри!

Она опять прервала меня:

— Ты сказал — это было! Ты сам признаешься, что этого нет!

Я продолжал всё с той же нежной настойчивостью:

— Да, Мэри, ты права — было. И не только это было. Было и наше путешествие в Персей. Ведь было, правда, ты вспоминаешь? Ах, какое это было путешествие, Мэри, какое удивительное свадебное путешествие! Мы не разлучались ни на минуту, минута, проведенная не вдвоем, была для нас потерянной, вспомни, Мэри, вспомни! И я снова любил тебя, и гордился тобой, и любовался тобой, и радовался, что ты со мной, что ты моя, что ты — я сам, что лучшее во мне, самое благородное, самое нежное, самое дорогое — ты! Вспомни, Мэри, прошу тебя, вспомни, — ведь так это было!

Она простонала, етискивая руки:

— Ах, это ужасное слово «было»! Ты такой безжалостный, Эли, всё у тебя — только было, только было!..

— Да, Мэри, ты опять права, ты всегда права, ужасное, ужасное слово «было»! И всё-таки сколько в нем хорошего! Ведь среди того хорошего, что было, был и сын наш, единственный сын наш, Астр, вспомни о нем, ведь он тоже был, Мэри, ведь у нас был с тобой сын, и его звали Астр!

Она повторила очень тихо:

— Его звали Астр...

— Вот видишь, Мэри, ты его вспомнила, это так хорошо, что ты его вспомнила, спасибо тебе за это, моя единственная, моя бесконечно дорогая! Ты его вспомнила, я так тебе благодарен за это! Он умер, Мэри, он ужасно умер, его замучила проклятая тяжесть Третьей планеты, он умирал у тебя на руках, ты рыдала, ты хотела передать в него хоть частицу своей жизни, если уж нельзя было передать всю, а он не принял твоей жизни, он умирал у тебя на руках, он умер у тебя на руках, Мэри! Мэри, Мэри, вспомни об Астре, о нашем сыне, умершем у тебя на руках!

Она зарыдала:

— Перестань, тырываешь мне сердце, Эли!

Я опустил перед ней на колени, прижался лицом к ее горячим рукам, страстно шептал:

— Нет, Мэри, не перестану! И если нет другого исхода, разорву твое сердце, но не позволю забыть об Астре! Вспомни сына, бедного нашего сына, вспомни наше горе, наше отчаяние! Вспомни, что он на Земле, в Пантеоне, что он — одна из святынь человечества, что над его могилой надпись: «Первому человеку, отдавшему свою жизнь за звездных друзей человечества», что мы часто ходили туда и молча стояли перед саркофагом Астра. У нас есть что вспоминать, Мэри, есть чему радоваться, есть чем гордиться!..

Безумие еще боролось в ней с разумом, но разум побеждал. Она сказала горько:

— Да, Эли, есть что вспомнить, есть чем гордиться. Но всё в прошлом, всё в прошлом!

Я встал. Я знал уже, что спасу ее.

— Многое, многое в прошлом, но не всё! Разве мы в прошлом? Мы здесь, Мэри! И наша любовь с нами! Было, было — и есть!

Теперь и она подошла ко мне, схватила меня за плечи:

— Ты сказал — есть, Эли? Ты сказал — есть? Я верно слышала?

— Ты верно слышала, Мэри. Есть! Мы есть — и наша любовь с нами! — Только сейчас я разрешил себе волноваться, мой голос стал дрожать. — Люблю тебя постаревшую, похудевшую, ты была единственной и осталась единственной! Люблю твои засеребренные волосы, твои пожелтевшие руки, твои поредевшие, когда-то такие черные брови, твои удивительные глаза! Люблю твой голос, твой разговор, твоё молчание! Люблю твою походку, твою повадку, люблю, когда ты сидишь, когда ты стоишь, всегда, всюду, всю, Мэри! Люблю за то, что любил раньше, что люблю сейчас, что буду любить потом, что вся наша жизнь — любовь друг к другу! Взгляни мне в глаза, ты увидишь в них только любовь, только любовь! Люблю, люблю — за себя, за тебя, люблю за нашу любовь! Мэри! Мэри!

У меня прервался голос, я больше не мог говорить. И вдруг так сильно стали дрожать ноги, что я сел, чтобы не упасть. Она закрыла лицо руками. У меня ныло сердце. Я ещё не был уверен, что возвратил её. Она опустила руки, с недоумением посмотрела на меня, медленно проговорила:

— Эли, со мной было что-то нехорошее?

Я поспешно сказал:

— Всё прошло, Мэри. Не будем об этом говорить.

— У тебя дрожит голос, — сказала она, всматриваясь в меня. — У тебя трясутся руки! И ты плачешь, Эли! У тебя по щекам текут слезы! Ты же никогда не плакал, Эли. Даже когда умер наш сын, ты не плакал. Неужели было так плохо со мной?

— Всё прошло, — повторил я. Не знаю, где я нашёл силы, чтобы не разрыдаться. — А на меня не обращай внимания. У меня разошлись нервы. Ты ведь знаешь, в какое мы попали тяжелое положение на корабле. А теперь прости, я должен идти в лабораторию. Если ты почувствуешь себя плохо, немедленно вызови меня.

Она улыбнулась. Она снова видела меня насквозь. Я мог больше не тревожиться за неё.

— Иди, Эли. Я скоро тоже выйду. Загляни к Ирине.

Я весело помахал ей рукой, выходя. А за дверью прислонился к стене и в изнеможении закрыл глаза. У меня было ощущение, будто я тонул, и меня вытаскивали, и я никак не могу надышаться.

Ирина лежала с закрытыми глазами в своей комнате. Она так и не пришла в себя после обморока в лаборатории. У постели сидела Ольга. Я опустился на диван. Ольга с сочувствием посмотрела на меня:

— Ты плохо выглядишь, Эли.

— Все мы плохо выглядим, Ольга. Как состояние Ирины?

— Электронный медик объявил, что опасности для жизни нет никакой. Но в сознание она не возвращается. Это тревожит меня.

— При нынешних передрягах со временем, может быть, и хорошо, что она без памяти. Лучше уж выключенное сознание, чем разорванное.

Она не сводила с меня внимательного взгляда. Это вдруг начало раздражать меня.

— Что-нибудь еще случилось, Эли, после гибели Мизара?

— Почему ты так думаешь, Ольга?

— Я вижу по тебе.

— Мэри заболела,— сказал я.— Из ее сознания выпало ощущение настоящего. Она вся была в прошлом. Она воображала себя, какой была в дни нашего знакомства. И ей почему-то стало казаться, что я ее не люблю. Я помучился, пока вытащил ее из провала в прошлое!

— А Ирину мучит желание влюбиться,— задумчиво сказала Ольга.— И она отворачивается от тех, кто ее любит. Меня еще выносит — видишь, я сижу рядом, а она не шевелится. Это значит, что мое присутствие ей приятно.

— Что она может чувствовать в своем беспамятстве?

— Не скажи, Эли. Приходил Олег и сел рядом, и она стала беспокойно ворочаться. А когда он взял ее за руку, вырвала ее.

— Не приходя в сознание?

— Не приходя в сознание. Очень странные формы принимает нарушение тока времени. Жалею, что я не психолог. Я бы рассчитала связь микропульсаций времени с макроразрывами психики.

— Приходится и мне жалеть об этом. Вооруженные такими расчетами, мы избегли бы многих опасностей. Пока же будем утешаться тем, что мы с тобой не подвержены безумию. Ты ведь не собираешься проваливаться мыслью в прошлое?

Она тихо засмеялась.

— А что бы изменилось, Эли? Мое прошлое неразлично от настоящего. Что в прошлом, что в настоящем — судьба одна.

Мне надо было промолчать, а я неосторожно спросил:

— Как понимать — судьба одна?

— Я любила тебя, Эли, — сказала она спокойно. — Я любила тебя девочкой, любила взрослой. Я была женой Леонида, но любила тебя. С этим уже ничего не поделаешь, Эли, но я хочу, чтобы ты знал: у меня не было других чувств, кроме этой любви! Иногда я думаю: я была рождена только для любви к тебе и поэтому ничего другого не знала в жизни.

Захваченный врасплох, я дал ей выговориться. Она нежно смотрела на меня, маленькая, спокойная, пошедшая, но такая же розовощекая, такая же уравновешенная и добрая, какой я всегда ее знал. И вдруг я понял, что она не признается в чувстве, томящем ее сейчас, а просто оглядывается на жизнь, только оглядывается! И понимание это было так удивительно, что я преодолел смущение и воскликнул:

— Чепуха, Ольга! У тебя так много было событий в жизни, таких успехов и славы, что маленькое неудачное чувство ко мне терялось среди них! Вспомни, кто ты! Знаменитый астронавигатор, первая женщина — галактический капитан, великий ученый, великий воин космоса!

Она покачала головой.

— Да, ты прав, Эли, многое было в моей жизни. Но была и любовь к тебе. Верная любовь, Эли, долгая, как вся моя жизнь. И когда я умирала, я разговаривала с тобой и ты гладил мою руку, а я говорила, как я любила тебя, как я только одного тебя любила!

— Посмотри на меня, Ольга! — потребовал я.

Она с улыбкой взглянула на меня, положила руку на мою руку. Она была здесь, в настоящем, я ощущал тепло ее ладони. Но смотрела она на меня из будущего. Каждый на корабле сходил с ума по-своему...

Ирина зашевелилась на кровати. Ольга сказала:

— Она хочет подняться. Выйди, пожалуйста, Эли.

Я шел по бесконечным корабельным коридорам и гневно сжимал кулаки. Враг, с которым я боролся, был сильнее меня уже одним тем, что я не мог предугадать, откуда он нанесет удар. Недалеко от коман-

дирского зала на меня налетел Осима. Он что-то возбужденно шептал себе, судорожно размахивал руками. Я знал, что Осима ловок в бою, отличен в спорте, опасно фехтует. Но что он способен бессмысленно размахивать руками — не ожидал. Я схватил его за плечо:

— Осима, почему вы оставили свой пост?

— Пустите, адмирал. Я сдал дежурство Камагину. Я очень спешу, уберите руку.

Но я не выпустил его:

— Я хочу знать, куда вы спешите, капитан Осима?

Он перестал вырываться. Я был всё-таки сильнее. Он оглянулся и сказал, доверительно понизив голос:

— Я догоняю О'Хару-сан. Девушку по имени Весна.

— О'Хару-сан? — Я опешил. — Осима, но ведь у нас нет девушек по имени О'Хару-сан, или Весна!

Он с недоверием слушал меня:

— Адмирал, я должен верить вам, но не могу поверить. Нет О'Хару-сан? Но ведь я думаю только о ней! Я хочу встретиться с О'Хару-сан!

— Тем не менее ее нет на корабле. Она существует лишь в вашей мечте, Осима! Вы бредите наяву, мой друг. Возвращайтесь в командирский зал.

Мои слова не доходили до него. Его вела извращенная логика. Он сказал с педантичным упрямством:

— Как же ее нет, если я о ней думаю? Она всегда со мной, как же ее нет?

— Нет и не было О'Хару-сан! — яростно крикнул я. — Никогда не было девушки Весны!

— Тогда пойду искать ее, адмирал! — объявил он с воодушевлением. — Если ее не было, ее нужно найти. Она должна быть, девушка Весна! Я не возвращусь без той, которой не было!

Он попытался обойти меня, но я рванул его к себе. Осима сделал неуловимое движение, и я рухнул на пол. Я был на голову выше его, в полтора раза тяжелее, но он швырнул меня наземь, как куклу. На мгновение я потерял сознание.

— Адмирал! Адмирал! — донесся до меня испуганный выкрик Осимы. — Я сделал вам плохо? Простите меня, адмирал! Я сам не знаю, что со мной!

Я с трудом поднялся. Осима заботливо поддерживал меня. С него мигом слетело безумие.

— Всё в порядке, капитан Осима,— сказал я.— Идемте в командирский зал.

В кресле командира корабля сидел Камагин, Олег беспокойно ходил по залу. Я с опаской поглядел на маленького космонавта. Эдуард работал четко и быстро. И хотя МУМ не было и все приказы исполнительным механизмам он мог отдавать лишь через Голос и лишь через него получали информацию анализаторов, он держал себя, как будто и не нарушилось управление кораблем. На экране по-прежнему кипело ядро, стреляя звездами, но в диком хаосе наступающих одно другое светил Камагин вел звездолет с уверенностью моряка, ведущего судно в шторм. И я подумал, что если Камагин впадет в безумие прошлого, то это будет самый неопасный для нас род сумасшествия, так как и в своем далеком прошлом он был отважным галактическим капитаном, возможно, самым умелым среди нас, ибо вел корабли в эпоху, когда МУМ и в проекте не было,— я чуть было не употребил старинное выражение «в помине не было». И если бы даже погиб Голос, то и тогда то, что для нас предстало бы ужасной катастрофой, для него явилось бы лишь возвращением к хорошо освоенному искусству ручного кораблевождения.

Я с облегчением подумал, что только о таком роде безумия смог бы сказать, что оно допустимо.

Осима сел рядом с Камагиным. Я вполголоса сказал Олегу:

— Ты заметил, в каком состоянии Осима?

— Осима плох,— ответил Олег.— Поэтому я и решил ему уйти.

— А я возвратил его обратно. Боюсь, что потаканье безумию лишь усиливает его. Я немного повымел вздор из головы Осимы, но не знаю надолго ли.

— Во всяком случае, без подстраховки ему уже нельзя поручать командование звездолетом,— сказал Олег, и я согласился с ним.

Я побыл в командирском зале несколько минут. Когда я уходил, Осима разрыдался. Мы с Олегом подошли к нему. Осима вслух горевал, перемежая слова всхлипами:

— Не было девушки Весны — О'Хару-сан! Не было обвитой гирляндами лиан с цветами сакуры в темных волосах О'Хару-сан! О, весна души моей, благоуханная О'Хару-сан, не было тебя! И я это должен

пережить, огненноглазая О'Хару-сан, что нет тебя и никогда не будет!

— Я бы всё-таки направил его в госпиталь, Эли,— сказал Олег.

— А кто будет там ухаживать за ним? Такие же потерявшие разум? И потом, мне кажется, ему уже лучше. Раньше он бежал искать О'Хару-сан, а сейчас прощается с ней. Это всё-таки лучше.

И, как бы подтверждая мои слова, Осима достал платок, вытер залитое слезами лицо, высморкался, одернул мундир и сказал Олегу почти нормальным голосом:

— Адмирал, у капитана Осимы немного кружится голова. Я сдал дежурство капитану Камагину. Я пока подремлю в кресле, адмирал.

Он закрыл глаза и немедленно заснул. Во сне лицо Осимы медленно обретало обычные резкие, энергичные черты. Мы с Олегом тихо отошли. Олег остался в командирском зале, а я направился в лабораторию.

В лаборатории собирали стабилизатор времени. Резкий голос Эллона один разносился по всему помещению, демиурги и люди бегом исполняли его команды. В дальней стороне ходил от стены к стене Орлан. Вокруг него, я это сразу заметил, установился клочок свободного пространства: никто не осмеливался нарушать невидимую межу, отделявшую Орлана от остальных. Еще несколько дней назад такая картина показалась бы немыслимой: Орлан до того старался не выделяться на корабле, что как-то пропадал в любой группе, где было больше трех. Чтобы не мешать Эллону, я обошел стабилизатор и приблизился к Орлану.

— Привет, друг Орлан! — Я постарался, чтобы приветствие прозвучало сердечно, а не выпендренно. — Есть ли успех со стабилизатором времени?

Орлан надменно взглянул на меня:

— Станный вопрос, адмирал Эли! Разве ты не слышал, что демиург Эллон обещал пустить стабилизатор корабельного времени сегодня?

Я пробормотал в замешательстве:

— Да, я слышал, Орлан. Эллон обещал тебе...

— Или думаешь, что Эллон осмелится обмануть меня? У демиургов обманы невозможны. Успокойся. День только начался, адмирал Эли.

Он тоже впал в безумие. Все на корабле впадали в безумие. Неуловимая для приборов вибрация време-

ни между прошлым и будущим раскалывала психику. В сознании накапливалось возвращенное к жизни прошлое, сгущалось еще не обретенное будущее. В раздвоенной душе перевешивало прошлое: оно было лучше известно, оно казалось ближе. Только Ольга ушла в будущее, остальные рухнули в прошлое.

И, молча глядя на высокомерно попархивающего взад и вперед Орлана, я вдруг с отчетливостью увидел, каким он был, когда еще не стал нашим другом, и как держались с ним его подчиненные, его лакеи, его рабы. Жестокое подчинение, неумолимое подчинение, даже мысль обслушании, даже тайное желание свободы — тягчайшее преступление! Да, конечно, Орлан не виноват, что сознание его всё больше вязнет в возвратившемся прошлом, думал я, это его несчастье, а не вина! И в сегодняшнем отчаянном положении его безжалостная настойчивость, его суровая властность способствуют, а не препятствуют вызволению из беды. В чрезвычайных обстоятельствах годятся лишь чрезвычайные меры. Но если мы спасемся, а он останется прежним? Как мы сможем примириться с таким вот властителем и вельможей? У меня было ощущение, что я теряю друга, милого друга, одного из самых близких друзей...

Я пробормотал вслух:

— Так недолго с ума сойти от одного вида безумия.

Орлан услышал мое бормотание и остановился передо мной:

— Ты что-то сказал? Повтори!

— Я уже не помню, что говорил, Орлан,— ответил я и ушел к себе.

Мэри спала и блаженно улыбалась во сне. Я полюбавался ее разбурявшимся лицом, взял диктофон и спустился в консерватор. Здесь прибавился новый мертвец — Мизар, живым унесшийся в будущее и живым возвратившийся оттуда, но не переживший возврата в прошлое. Я придвинул кресло к саркофагу Оана. Где он был? В прошлом или в будущем? В какой момент схватили его силовые цепи Эллона? Сможет ли он возвратиться, если мы раскроем его тесницу, как возвратился из будущего Мизар?

— В одном ты оказался прав, предатель,— сказал я Оану.— Ты предупреждал нас о раке времени, сове-

товал страшиться его — и рак времени поразил нас. Ты только не добавил, что твои господа или твои жестокие братья поразят нас этой болезнью. Радуйся, Оан,— мы больны! Наши души кровоточат, скоро тела наши, истерзанные раздвоением психики, бессильно свалятся на пол, на кровати, окаменеют в креслах. Радуйтесь, жестокие, вы победили. Но зачем вам нужна такая победа? Ответь мне, предатель, зачем вы воюете против нас? Зачем уничтожили нашу эскадру? И почему оставили один звездолет? И, оставив, поразили расползанием времени между прошлым и будущим? Вам мало победы? Вам нужно еще и насладиться нашими муками? Суеверные араны провозгласили вас богами! Какие вы боги? Вы — изуверы, вы — палачи! Я бы плюнул тебе в глаза, Оан, если бы мой плевок мог угодить в тех, кто скрывается за тобой! Ах, скучающие, как жаждете вы зрелища наших мук! А если не будет желаемого зрелища, ненавистные? А если мы всё-таки вырвемся из больного времени? Будете преследовать? Ударите в последний звездолет губительным лучом? Еще раз спрашиваю — почему вы воюете с нами? Зачем не выпускаете из своего сияющего ада? Чем мы прогневали вас?

Я помолчал, отдыхая, потом снова заговорил:

— Безумие охватывает всех на звездолете. Уже одно то, что, живой, я прихожу к тебе, мертвецу, и разговариваю с тобой, не свидетельствует о ясности моего ума. У каждого своя форма безумия. Мое безумие — ты. Я не могу отделаться от тебя, меня тянет к тебе. Но не радуйся! Я перехитрю тебя. Я тоже упал в прошлое, но не потону в нем, выкарабкаюсь из бурных волн прошлого. Не надейся на раздвоение моей души, раздвоения не будет. Видишь этот приборчик? Я выведу прошлое из своего сознания на ленту диктофона. Мою жену чуть не погубил отяжелевший груз ушедших лет, но меня не погубит, нет! Я буду перед тобой спокойно, последовательно, час за часом, отделяться от болезни, которой ты заразил меня.

Я повернулся к Оану спиной, взял в правую руку диктофон. Медленно, ровным голосом я начал диктовать:

— В тот день хлынул громкий дождь, это я хорошо помню...

Я заснул, устав от многочасовой диктовки. Меня разбудил дважды повторенный вызов: «Адмирала Эли — в лабораторию! Адмирала Эли — в лабораторию!» Я бросил в кресло диктофон и выскочил наружу.

В лаборатории Эллон стоял у стабилизатора, угодливо склонившись перед Орланом. В стороне я увидел Олега, Грация и Ромеро. Орлан сделал знак, чтобы я подошел ближе. Он холодно посмотрел на меня, как на мальчишку, которого хотел поучить. На Эллона он вообще не обращал внимания.

— День идет к концу, и наш стабилизатор времени начинает работу! — высокомерно произнес он. И, лишь чуть-чуть повернув голову, пренебрежительно кинул назад Эллону: — У тебя всё готово, Эллон?

— Абсолютно всё, Орлан, — поспешно сказал Эллон и еще ниже согнулся в раболепном поклоне.

— Тогда включай аппарат!

Мы услышали резкий удар в аппарате, и это было всё. Несколько напряженных до предела секунд мы ожидали каких-то звуков, световых вспышек, толчков, тепловых волн, но стабилизатор работал без внешних эффектов. Я обвел глазами собравшихся. До меня вдруг с горькой ясностью дошло, до чего все переменялись. Печать изнеможения и страданий легла на все лица, согнула плечи. Даже богоподобный Граций, меньше всех затронутый хворью, даже Граций, на добрую голову возвышавшийся надо всеми, уже не казался прежней величавой статуей. И надменно выпятивший грудь Орлан, взиравший на нас снизу вверх, но высокомерно и свысока, Орлан, тускло фосфоресцирующий синеватым лицом, не мог по-былому легко взметнуть вверх голову, — возвратившееся призрачное величие не расковывало, а пригнетало его самого. И Олег, подавленный и мрачный, не походил на прежнего загадочно бесстрастного херувима — он был теперь просто средних лет мужчиной, нашим командующим, вдруг позабывшим, как надо командовать и чего от нас требовать. И Ромеро — переводил я дальше взгляд — не играл своей тростью, а опирался на нее, она вдруг, в какие-то считанные дни, стала не для манер, а для реальной помощи, а ведь он, как и почти все мы, уходил в прошлое, а там он был молодым, вибрация времени выбрасывала его в молодость, — по-

чему же так старила чудом возвратившаяся молодость? И Мэри, бедная моя Мэри, думал я, закрывая глаза, вообразила себя девчонкой,— почему же тогда так горестна ей показалась ее юная любовь? Нет, думал я, покачивая головой в такт мыслям, я это продумаю до конца, это чрезвычайно важно, даже лучшие твои годы, возвращенные насильно, в тягость, даже вернувшаяся молодость старит, ибо молодость, ибо молодость...

Мои размышления прервал ликующий возглас Орлана:

— Эли, Эли, время целое!

Я вздрогнул и открыл глаза. Орлан шел ко мне, по-человечески протягивая руки. Я схватил его костлявую ладонь, жадно всматривался в его лицо. Он был прежним, возвращенным, возрожденным,— тот Орлан, которого я любил, умный, добрый, мягкий, с приветливой улыбкой, с ласковой, почти нежной улыбкой! Я в восторге обнял его, хлопнул пятерней по плечу — он охнул и согнулся, но не перестал улыбаться. Это было так великолепно, так страстно ожидалось и показалось таким неожиданным, что предстало бы чудом, если бы у стены не возвышался огромный стабилизатор времени и у него не замер в прежней угодливой позе Эллон. Ромеро кинулся обнимать меня, я обнял Олега, дотянулся до шеи Грация — тот снисходительно нагнулся, чтобы я мог заключить его в объятия,— и несколько минут в лаборатории стояла шумная толкотня и звучал радостный хохот.

— Эли, ты забыл поблагодарить нашего замечательного Эллона! — с упреком сказал Орлан. — Теперь ты видишь, что я был прав, настаивая на приглашении Эллона в экспедицию? Эллон — инженерный гений, даже среди демиургов другого такого не было!

Мы вдвоем подошли к Эллону. Он был виновник торжества, оно его всех ближе касалось, оно его всех меньше коснулось. Он хмуρο поглядел на меня.

— Эллон! — сказал я, волнуясь. — Ты совершил подвиг. С болезнью времени на корабле покончено! Мы избавились от самой страшной болезни мира! И всё благодаря твоему мастерству, Эллон!

— Я творил волю пославшего меня! — сказал он как отрубил. — Благодарю Орлана, адмирал Эли.

Возрожденному Орлану не нужны были мои благодарности.

— Нет, нет, прими нашу признательность, Эллон! — сказал он так настойчиво и так торопливо, словно боялся, что произойдет новое несчастье, если Эллон не ответит добром на наше восхищение. — И ты ошибаешься, Эллон: я не приказывал тебе, я только просил.

Эллон молча склонил голову. Сумрачные его глаза зло пылали, недобрая улыбка змеилась синусоидой. Он не возродился. Орлан возвратился в прежнее бытие, Эллон остался расколотым. Он уже не мог возродиться. Рак времени слишком развалил его психику на две части, трещина стала незаполнима. Всё это полностью понял я лишь впоследствии, а в тот момент, с восхищением глядя на Эллона, я вообразил себе, что просто инерция его души больше, чем у меня, чем у Орлана, чем у всех нас, и нужно ему несколько дольше здорового цельного времени, чтобы он возродил в себе цельность. Многие пошло бы по-иному, окажись я проницательней!

Ромеро не терпелось проверить, как стабилизация времени отразилась на спятивших МУМ. У МУМ «Тарана» и «Змееносца» не все схемы работали и ни одна интеллектуально не поднималась выше того, что дважды два равняется четырем. Безумия у этих двух машин больше не было, но слабоумие угадывалось с первого же ответа. Зато прекратилась троичность ответов МУМ с «Овна». На вопрос, как себя чувствует и готова ли к работе, она отрапортовала с лихой бодростью: «Их было двенадцать, но каждый в квадрате, а первый и шестой еще и проинтегрированы по де, скользящему в пределах от нежного кружева до жесткого шоколада!»

— В общем, это нормально, — сказал я Ромеро. — У машин нарушена связь причин и следствий. Сами по себе они не способны выйти из интеллектуальной темноты. Но если наладить каждую цепь в отдельности, то они вернуться к здоровым расчетам. Интересней МУМ с «Козерога», которую вы обучали потерянному ею отрезку истории.

— Вы правы, дорогой адмирал, — согласился Ромеро. Вместе со стабилизацией времени в душе он восстановил и прежнюю манеру разговора. — У трех машин потеряна логика рассуждений, а та, если можно так выразиться, утратила свою личность, вообразив себя вовсе не тем, чем была реально. Если она вернула

прежнее представление о себе, то ремонта ей не понадобится.

Я обратился к МУМ «Козерога»:

— Как ты себя чувствуешь и что с тобой было?

Она снова отозвалась стихами:

Я разбойничал в логовах Даля,
Эти звуки как землю скребя,
Чтобы трудные песни рыдали
О тебе, над тобой, для тебя.

— Неплохие стихи, МУМ! Ты начинаешь обретать вкус в поэзии.

— Не неплохие, а отличные! — поправил меня Ромеро. — Я бы даже сказал — великолепные. И обратите внимание, Эли, они дают ответ на ту часть вопроса, где вы поинтересовались, что с ней было. Правда, на первую часть вопроса, связанную с ее самочувствием...

МУМ прервала его. Теперь она говорила хорошо нам известным четким, неторопливым баритоном:

— Схемы в порядке. Всё проверено. Слушаю задание.

Ромеро расплакался. Я столько в эти дни навидался слез, сам недавно не удержался от них, что мог бы не удивляться зрелищу плачущего человека. Но Ромеро единственный среди нас придавал такое значение манерам, что немыслимо было вообразить его в слезах. Я ждал, пока он успокоится. Он воскликнул с негодованием:

— Адмирал, у вас такой мрачный вид, будто вы не радуетесь выздоровлению от лихорадки времени. Или вас что-то томит?

— Меня многое томит. В частности, я не знаю, как чувствует себя Голос, — отговорился я и поскорей отошел. Ромеро смотрел слишком уж пронизательным взглядом!

— Голос, друг мой, время стабилизировано, — сказал я, появившись в рубке. Граций уже шествовал там вдоль стены. — Чувствуешь ли ты, что мы снова в здоровом времени?

Он ответил печально:

— Я чувствую, что время стабилизировано. Но не чувствую в себе единства. Боюсь, что во мне стабилизирован разрыв между прошлым и будущим.

Все дни разорванного времени Голос был как бы надтреснут, в нем слышалось глуховатое дребезжание.

А сейчас, мелодичный, полнозвучный, он так и лился в душу. Я не мог поверить, что такое гармоничное звучание прикрывает разрывы.

— Чепуха, Голос! В здоровом времени будущего нет. Следы прошлого остаются, но будущее еще только будет. Я слышу тебя, я вижу тебя,— ты в настоящем, в стабилизированном настоящем!

— Слишком много следов прошлого, Эли,— возразил он с той же грустью.

Я обратился к Грацию:

— В тебе, надеюсь, не стабилизирован разрыв между прошлым и будущим?

Он остановился, подумал и не спеша ответил:

— Во мне и не было разрыва. А если и был, то не сумел проявиться. Ты ведь знаешь, Эли, наше будущее повторяет наше прошлое. Мы, бессмертные, всегда в наилучшем из времен.

В этом он прав. Галакты настолько совершенны, что будущее не способно улучшить их прошлое. Но это не относилось к Голосу. Генетически он принадлежал к галактам, но в жизни его страдания сменялись радостью и радость становилась страданием. У него одновременное существование в разных временах означало совмещение несовместимых форм жизни. Это не могло не породить раздвоения психики. Я не сказал Голосу о своей тревоге, зато признался в ней Ромеро, когда тот посетил меня.

— Не преувеличиваете ли вы, Эли? Между прочим, все МУМ вступают в строй. И остаточных повреждений интеллекта не обнаруживают.

Он так был наполнен радостью от восстановления цельного времени, что пришлось вылить немного холодной воды на его энтузиазм.

— Чего вы хотите от машин, Павел? Их обучили рассуждать, то есть делать выводы из посылок, и только. Достаточно для рассудка, но маловато для разума. В природе не дано расчлененных логических цепочек, природа существует сразу и вся, во всей целостности своих связей. Природа разумна, а не рассудочна. Это важно, это чрезвычайно важно, Павел!

— Зачем вы мне говорите это, Эли? Неужели я?..

— Подождите, Павел. Наше сознание разумно, рассудок лишь часть его. Рассудок в любом из нас восстановился, согласен. Но разум может остаться рас-

колотым,— что тогда? Не появятся ли две личности в одной душе? Совместятся ли они или вступят в борьбу?

— Одна наверняка поборет другую!

— Хорошо, если победит хорошая.

— Вы мрачно смотрите на действительность, Эли.

— Хочу уяснить недостатки, чтобы не дать им разрастись в неудачи. И по величине недостатков заранее сужу, будет ли успех.

— В старину существовала забавная скороговорка: не то хорошо, что хорошо, а то хорошо, что нехорошо, да хорошо! Чем-то она напоминает ваш образ мышления.

Напоминание Ромеро свидетельствовало лишь о непонимании. Я прибег к простому математическому расчету. Ромеро математиком был неважным, и цифровые выкладки вызывали у него уважение. Он не только понимал математику, сколько верил в нее. Мысли он мог оспаривать любые, но цифра представлялась ему непогрешимой.

— Возьмем нас с вами, Павел. В нормальном своем бытии мы составляем одну пару: Эли — Павел. Характеры наши могут быть скверные и хорошие, но сочетание их имеет лишь одно значение.

— Мы можем бороться или мириться.

— Все равно — взаимоотношение однозначно. Пусть в нас произошло раздвоение личности. Я теперь одновременно Эли Старый и Эли Новый, а вы Павел Старый и Павел Новый. Взаимоотношения наши теперь образуют шесть пар: Эли Старый — Эли Новый, Павел Старый — Павел Новый, Эли Старый — Павел Старый, Эли Старый — Павел Новый, Эли Новый — Павел Старый, Эли Новый — Павел Новый. Иначе говоря, начинается борьба между двумя личностями в нас самих, ибо такое раздвоение не может не быть драматичным, если только ты не галакт, у которого и старое, и новое одинаково прекрасны. И четыре разных взаимоотношения между нами вместо прежнего одного. Вдумайтесь в это, Павел. В четыре раза увеличивается возможность конфликтов, несогласований, несовпадений, несовместимостей!..

— И в четыре раза увеличивается возможность совпадений, симпатий, дружбы!.. Почему вы видите только скверное, Эли? Вы очень изменились. Я вас временами не узнаю.

— Старею, Павел. Все мы стареем понемножку... когда-нибудь и как-нибудь.

Он не принял шутки. Он медленно проговорил, не сводя с меня пристального взгляда:

— Вы храните тайну, Эли... Поделитесь, вам станет легче.

Я встал. Разговор заходил опасно далеко.

— Да, я храню одну горькую тайну. Еще не пришло время обнародовать ее.

— Мне кажется, Эли, я знаю вашу тайну,— сказал он, удаляясь.

Я усмехнулся. Он не мог знать моей тайны.

6

Голосу и Эллону не повезло. Из четырех образованных ими пар возобладала самая скверная: «Голос Старый — Эллон Старый». Это не могло не привести к трагедии.

Нет, я не хочу сказать, что в каждом из них окаменело двоедушие или двуличие. Такое толкование было бы примитивным. Оба раздвоились, но не на двуличие, не на двоедушие, а на двоесущее. Ибо в двуличии присутствуют одно лицо и одна личина, а в их двоесущии обе личности были одновременны и равноправны. И Эллон и Голос сохраняли свое единство, но то было чудовищное единство двух разных времен в одном «сейчас». Всё стало ясно, когда мы уже не могли ничему помешать.

Я сидел в командирском зале, когда нас с Олегом внезапно вызвали к себе Голос и Эллон. «Козерог» обходил в это время опасное сгущение звезд. МУМ работала с прежней четкостью, Осимес с Камагиным, подстраховывающими друг друга, оставалось лишь превращать ее рекомендации в команды. Я сказал Олегу:

— Иди к Эллону, а я в рубку.

Голос встретил меня взволнованным выкриком:

— Эли, Эли, Эллон замышляет недоброе. Предотврати!

Я быстро сказал:

— Что замышляет Эллон? Мне надо знать точно.

Голос простонал:

— Не знаю. Очень плохое. Спешу, Эли!

Я опрометью кинулся в лабораторию. В лаборатории снова появилась Ирина. Я впервые увидел ее по-

сле выздоровления. Она очень похудела, молчаливо стояла у коллапсана. Я улыбнулся ей, она ответила сухим кивком. Эллон что-то запальчиво втолковывал Олегу. Я подошел к ним. Эллон, зло посверкивая глазами, сказал мне:

— Послушай и ты, что я говорил командующему. Больше терпеть плавающий Мозг я не намерен. Убери-те его в какое-нибудь драконье или жабье тело. Ползающим я его приму, но не витающим.

— Что сказал командующий? — спокойно поинтересовался я.

— Что драконов на корабле больше нет и что плавающий Мозг останется в своем высоком шаре. Надеюсь, адмирал, ты объяснишь командующему, что его решение неправильно и нуждается в отмене?

— Мне не дано права отменять решения командующего, Эллон. Кроме того, я согласен с командующим.

Если бы взгляд убивал, я был бы мгновенно испепелен, — так поглядел Эллон. Долгую минуту он молчал. Молчали и мы с Олегом.

— Ваше мнение окончательное? — спросил Эллон.

— Наше мнение окончательное, — ответили мы в один голос.

Он высоко подбросил голову на тонкой шее и с таким зловещим стуком прихлопнул ее о плечи, что я вздрогнул. Ко всему у демиургов я привык — и к порхающей походке, и к флуоресцированию синеватого лица, и к дикому хохоту, нередко нападающему на таких, как Эллон, — но к этой как бы вылетающей из плеч голове, к грохоту ее обратного падения, вероятно, уже никогда не привыкну. Это слишком уж нечеловеческое.

— Раз оба адмирала сошлись на одном, настаивать бесполезно, — сказал Эллон почти безразлично, и нас с Олегом обмануло его коварное спокойствие.

— Ты звал нас только затем, чтобы высказать претензии к Голосу? — спросил Олег.

Он страшно осклабился.

— Нет, адмирал, не только за этим. Как ты знаешь, по приказу Орлана я прекратил доделку трансформатора времени, чтобы сконструировать стабилизатор. Теперь я трансформатор закончил. Полюбуйтесь.

Он подвел нас к панели и показал ручки прямого времени — в будущее, ручки обратного времени — в

прошлое, ручки, возвращающие путешественника в настоящее и отключающие коллапсан от трансформатора. Потом мы вернулись к шару. В трансформаторе стояло кресло и около него панель с такими же ручками.

— В прежней конструкции выбросом в другое время распоряжался оператор у коллапсана, — сказал Эллон. — Вы видели, как это происходило с Мизаром. Отныне сам путешественник командует своей судьбой.

Он сделал шаг к открытому люку. Я невольно схватил его.

Он поглядел на меня со злой иронией:

— Ты боишься, что я хочу умчаться в другое время? И думаешь, что твоя рука помешает мне? Но согласись, адмирал, я мог бы выбрать для бегства часы, когда тебя тут нет и никто не смог бы мне помешать.

Я отпустил его руку.

Эллон спокойно вошел внутрь, захлопнул люк, сел в кресло.

— Вы слышите меня? — донесся его голос. — Слушайте внимательно. Плавающему Мозгу не место на корабле! Он хорош в прошлом, но не в настоящем и не в будущем. Это я могу вам сообщить со всей определенностью, потому что меня готовили в надсмотрщики Четвертой имперской категории, и я отлично знаю, как обращаться с такими тварями. Довожу до вашего сведения, что Мозг сфокусирован в трансформатор и что я сейчас вышвырну его на Третью планету, задолго до того как вы завоевали ее.

Олег бросился к трансформатору. Я метнулся к коллапсану, но мне преградила дорогу Ирина. Не знаю, на что она надеялась, может быть, на свою неприкосновенность женщины. Я отшвырнул ее. Она, лежа на полу, иступленно вцепилась в мою ногу. До нас доносился торжествующий хохот Эллона.

— Слишком поздно, адмирал. Мозг уже в Персее. А сейчас и я погонюсь за ним! Приходи вчера, адмирал, ни сегодня, ни завтра нас уже не будет. Приходи вчера! — Он стал быстро исчезать.

Олег оставил шар и бросился мне на помощь. Он держал вырывающуюся Ирину, а я схватился за ручки коллапсана. В трансформаторе вновь появился Эллон: он вышвырнул себя в недалекое будущее и тут же вывалился обратно, чтобы пройти нуль времени по инерции. Ирина отчаянно закричала:

— Не трогайте ручек возврата! Они уже в прошлом. Они не перенесут второй переброс через ноль времени!

Я рванул ручку возврата. Что бы ни случилось теперь с Голосом, я не мог оставлять его в проклятом прошлом. Ирина, обмякнув в руках Олега, громко зарыдала. В трансформаторном шаре вторично обрисовался Эллон. Он был один. И он был мертв. Он полулежал в кресле, дико распахнув огромный рот, руки его судорожно вцепились в подлокотники, глаза были закрыты. Ирина потеряла сознание. Олег крикнул, чтобы я вызвал помощь, и понес Ирину к креслу. Я вместо помощи вызвал Голос. Эллон мог ошибиться: он мог и не выбросить Голос в прошлое — ведь не было Голоса в возврате! На мой отчаянный призыв откликнулся лишь испуганный Граций:

— Адмирал, Голос внезапно исчез!

Я схватил Ирину за руку, рванул к себе. Она раскрыла глаза, я крикнул:

— Говори, что можно сделать? Немедленно говори!

Она прошептала:

— Ничего нельзя. Убили Эллона...

Она опять стала терять сознание, но я рванул ее еще яростней:

— Преступница! Скажи одно: как спасти Голос?

Она приподнялась. Никогда не забуду взгляда, каким она посмотрела на меня! Олег сказал:

— Не мучь ее, Эли. Может быть, она и преступница, но сейчас нуждается в помощи.

Я орал и на нее и на него:

— Не будет ей помощи! Пусть скажет, что теперь делать!

Она заговорила более внятным голосом:

— Я сказала — ничего... К сожалению, Голос погиб. Он весь — естественный... В Эллоне так много искусственного, но и он не вынес второго поворота. Вы слишком поторопились с возвратом. И я не помещала! Я такая же убийца, как вы!

Она беззвучно зарыдала. В молчании мы стояли около нее. Я чувствовал, как меня оставляют силы. Олег сказал:

— Ирина, твой поступок вынесут на суд экипажа. Но объясни нам, зачем ты это сделала?

Она говорила сквозь слезы:

— Он упросил меня. Я не могла больше видеть его. У меня разрывалась душа... Он сказал: мы не подходим друг другу, я из прошлого, ты из будущего. Когда-нибудь женщина будет счастлива с демиургом, но это не скоро, а пока люби своего Олега, он — по тебе, а я — нет. Так он говорил мне сегодня, перед тем как вызвал вас.

— Ты не отвечаешь, Ирина...

— Он сказал, что хочет исчезнуть в прошлом, но возьмет с собой дракона. Он задумал это сделать в вашем присутствии... И я обещала помочь. Он сказал: «От тебя зависит моя жизнь, Ирина». — «Можешь быть спокоен», — сказала я. И вот результат — убийца! Никогда себе не прощу! Никогда вам не прощу!

Она зарыдала громче. Я сказал после короткого молчания:

— Финал ясен. Эллон хотел ошеломить нас красочным спектаклем. Мы потеряли одного беззащитного друга и одного гениального инженера. Давай вытащим Эллона из шара, Олег, чтобы он занял свое место в консерваторе.

— Ирина, иди к себе, — сказал Олег.

— Я пойду к себе, — сказала она покорно.

Олег стоял и следил, пока она не скрылась в коридоре. Я старался высвободить Эллона из кресла, но он как бы прикипел к сиденью. Олег стал помогать мне, вдвоем мы извлекли демиурга из шара и понесли к свободной от механизмов стене. Олег вдруг охнул и выронил Эллона. Из коридора выбежала Ирина и молнией промелькнула мимо нас. Я не успел и шага сделать, как Ирина вскочила в трансформатор и захлопнула люк. Олег закричал:

— Остановись, молю тебя, остановись!

Она крикнула из трансформатора:

— Прощайте! Не кляните меня! — и рванула ручку.

Она пропадала на глазах — фигура быстро стала силуэтом, силуэт быстро таял. Она дала слишком сильное ускорение! Мы оба бросились к коллапсану. Олег схватился за ручку возврата, но я не дал ее вырвать:

— Проверь раньше, где она! Если в прошлом, остерегись!

Он быстро проверил сигнальные огни над ручками.

— Она в будущем, Эли!

— Тогда возвращай, но осторожно. Из будущего есть возврат.

Но она не возвратилась. Она слишком быстро умчалась в будущее. Минут десять мы стояли у трансформатора, ожидая, не обрисуется ли силуэт Ирины. Коллапсан, исчерпав энергию возвращения, выключился.

— Всё, Эли! — устало сказал Олег. — Ирины больше не будет. Может быть, наши далекие потомки где-нибудь встретятся с ней. Пойдем известим экипаж о новой трагедии.

— Извещать нужно не только о гибели трех членов экипажа...

— Что ты имеешь в виду, Эли? Разве еще случилось несчастье?

— Да, Олег. Я хочу потребовать наказания для нового предателя на корабле!

— Нового предателя! Я не ошибся?

— Ты не ошибся. Среди нас появился еще один лазутчик рамиров. Я его обнаружил.

7

Я заперся у себя. Олегу я сказал, что буду готовить доклад общекорабельному совещанию и выйду, когда все соберутся. Ко мне постучался Ромеро, я не отошел. Мэри просила впустить ее, но я крикнул, что занят, должен сосредоточиться, должен от всего отключиться, — она притихла, я даже и шагов ее больше не слышал в соседней комнате. Лишь раз я заколебался. За дверью громко заплакала Ольга. Ольгу я не мог не впустить, ее дочь погибла на моих глазах. Я отворил дверь и встал на пороге.

— Ольга, можешь считать меня черствым человеком, но не могу сейчас с тобой говорить об Ирине. Ты скоро сама поймешь почему. Пойди к Олегу, он всё тебе расскажет. Мое сердце обливается кровью, Ольга, это не фраза!

Она посмотрела на меня отчаянным взглядом и, ничего не сказав, отошла. Маленькая, поседевшая, сгорбившаяся, она пошатывалась, как больная. Мне было бесконечно жаль ее. Она пережила и мужа, и дочь, — и оба погибли страшно. Такой горькой участи нельзя было не сочувствовать всем сердцем. Но сейчас было нечто более горькое, чем даже ее горе.

Никакого доклада я не готовил. Я лежал на диване, то терзая себя жестокими мыслями, то устало отдыхая от них. Я удивлялся, почему мы нигде не обнаружили рамиров в телесном облике, хотя рамиры, несомненно, существуют; и всё снова и снова спрашивал себя, чем мы их так прогневали, что они уничтожают наш корабль за кораблем; и еще больше удивлялся, почему они и последний звездолет не превращают в клубочек пыли, раз уж они воюют с нами и раз полное истребление любого противника им под силу, — тут была тайна, ее обязательно требовалось разгадать, а я всё не мог постичь ее; и о погибшем Лусине я думал, и о покинувшей нас так безжалостно Ирине, и о несчастном Голосе, вероятно распыленном по молекуле в разных столетиях прошлого, и о жестоком и гениальном Эллоне, и о милом умнице Мизаре, но больше всего о новом шпионе рамиров: и ненавидел его, и в душевном неистовстве сулил ему страшные кары, и грозил дать такой предметный урок всем возможным лазутчикам наших врагов, чтобы никому больше не было повадно!

В дверь условленным трехкратным стуком просигналил Олег. Я впустил его. Он хмуро взглянул на меня.

— Все свободные от неотложных вахт собрались в обсервационном зале. Как ты себя чувствуешь, Эли?

— Почему ты спрашиваешь о моем самочувствии?

— Ты очень бледен.

— Зато решителен. Пойдем, Олег.

— Постой,— сказал он.— Я хочу знать, кого ты подозреваешь в шпионаже.

— Ты узнаешь вместе со всеми. Пойдем.

Он опять задержал меня:

— Эли, я командующий эскадрой. Мое право — знать больше всех и раньше всех.

С минуту я размышлял. Олег ставил меня в безвыходное положение. Я улыбнулся. Думаю, улыбка получилась вымученной.

— А если я подозреваю тебя, Олег?

— Меня? — переспросил он с удивлением.— Ты в своем уме, Эли?

— Откуда же мне быть в своем уме, если все мы в той или иной степени впадали в безумие? Какое-то остаточное сумасшествие должно же сохраниться... — Я посмотрел ему прямо в глаза.— Олег, если ты при-

казываешь, я должен покориться. Прошу тебя: не приказывай! Дай мне вести себя, как я задумал!

— Пойдем, — коротко сказал он и вышел первым.

В наблюдательном зале были погашены звездные экраны. Впереди, на возвышении, поставили столик, за него уселись Олег и я. Я обвел взглядом зал. Здесь были все мои друзья: люди и демиурги. Позади величавой статуей возвышался Граций, рядом с ним поместился маленький Орлан, в первом ряду сидели Мэри и Ольга, а между ними Ромеро. Мэри с такой тревогой посмотрела на меня, что я поспешно отвернулся. Зал шумел. Олег постучал по столу, водворяя тишину.

— Вы уже знаете о трагедии, разразившейся в лаборатории и оперативной рубке, — сказал Олег. — Но сейчас мы собрались не для того, чтобы почтить память погибших товарищей. Научный руководитель экспедиции считает, что на корабле обнаружен шпион рамироз. Он представит на общее обсуждение свои доказательства.

Я встал.

— Прежде чем представлять доказательства того, что на звездолет проник лазутчик врагов, прошу вотировать наказание шпиону. Мое предложение — смертная казнь!

— Смерть? — донеслось до меня возмущенное восклицание Ромеро.

Его голос заглушили протестующие выкрики из зала. Не только люди, но и демиурги негодовали. Граций замахал руками. Я спокойно ждал, пока установится тишина.

— Да, смертная казнь! — повторил я. — Не плесение, не консервация, а именно казнь. На Земле уже пятьсот лет не совершаются казни. Казнь — пережиток древних времен, рудимент дикарской эпохи. Но я настаиваю на ней, ибо шпионаж — тоже пережиток варварства. Наказание за бесчестный поступок должно содержать в себе бесчестье.

Ромеро поднял трость, показывая, что просит слова.

— Назовите преступника, адмирал! Опишите преступление. И тогда мы решим, заслуживает ли он смертной казни.

Я знал, что придется идти против всех. Я холодно сказал:

— Казнь должна быть вотирована до того, как я назову имя преступника.

— Но почему, адмирал? Можете вы это объяснить?

— Мы все здесь — друзья. И когда я назову шпиона, вы не сможете сразу отделаться от многолетней привычки считать его другом. Это скажется на вашем приговоре. Я хочу, чтобы каре было подвергнуто само преступление.

— Но смертной казни вы требуете для члена экипажа, который, по вашим словам, очень нам близок, а не для преступления, как такового.

— Если бы я мог осудить преступление, презрительно игнорируя самого преступника, я бы пощадил его. К сожалению, преступление неотделимо от преступника.

— Воля ваша, адмирал, до того, как назовут имя, я не проголосую за наказание.

— В таком случае, я вообще не назову его. И он останется невредимым. И будет продолжать свое черное дело. И, выдавая наши планы рамирам, сделает невозможным вызволение звездолета.

Ромеро сел. Заговорил Олег:

— Научный руководитель экспедиции ставит проблему, которую я бы назвал проблемой кодекса. В старину у людей существовал уголовный кодекс, карающий за преступление вне зависимости от личности преступника. Эли предлагает восстановить обычай заранее определять наказание за еще не совершенные преступления, чтобы предотвратить их. По-моему, это правильно.

— Но, по словам Эли, преступление уже совершенно и преступник имеется,— подал реплику Ромеро.— Зачем же тогда устанавливать ценник преступлений, прикрываемый благозвучным словом «кодекс»? Давайте судить преступника вместе с преступлением.

Олег отверл его возражение:

— Доказательства преступления еще не представлены, имя еще не названо. Мы имеем право вести себя так, будто рассматриваем лишь возможность злодейства. Я за кодекс, или, по-вашему, ценник, преступлений.

Упрямое лицо Ромеро показывало, что он будет противиться. Я знал, как сразить его. И не постеснялся громко сказать:

— Вы держите себя так, Ромеро, будто опасаетесь, что подозрение в шпионаже падет на вас!

Он хотел что-то запальчиво крикнуть, но сдержался. Ответ его был не лишен достоинства:

— Если бы я опасался за себя, я проголосовал бы за казнь.

— Может быть, вы страшитесь, что неназванный преступник будет вам дороже себя, Ромеро?

Он ответил угрюмо:

— Могу допустить это. Неожиданности у нас — каждый день...

— Это не ответ, Ромеро.

Он переборол себя:

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Голосую за смертную казнь преступнику... если преступление докажут!

— Будем голосовать, — сказал Олег. — Кто — за?

Лес рук поднялся над головами. Олег обратился ко мне:

— Называй преступника, Эли, и представляй доказательства.

Я знал, что первая же моя фраза породит шум и протесты. Через самое трудное я уже прошел — когда метался в запертой комнате, когда в последний раз стоял перед трупом Оана, когда в отчаянии, ночью, затыкал ладонью рот, чтобы не разбудить Мэри стонem, которого не мог подавить.

Я постарался, чтобы мои слова прозвучали спокойно:

— Шпион наших врагов — я.

8

Ответом было ошеломленное молчание.

И единственным звуком, разорвавшим молчание, стал горестный возглас Грация:

— Бедный Эли! И он тоже!.. — И снова установилось молчание.

Я всматривался в зал и с недоумением открывал на всех лицах одно и то же выражение горя и сочувствия. Лишь Мэри, смертно побледневшая, прижавшая обе руки к груди, не поверила, что я болен, она-то знала, что безумие меня не коснулось.

Ко мне подскочил Осима:

— Адмирал, не тревожьтесь, всё будет в порядке! Я провожу вас в постель.— Он потянул меня из зала.

Я отвел его руку. Олег обратился к залу, скованному, как спазмой, всё тем же испуганным молчанием:

— Не отложим ли заседание, друзья? Мне кажется, электронный медик...

Ромеро прервал Олега ударом трости о пол.

— Протестую! — сказал он, вскакивая.— Вы ищите легкого решения, но легких решений не существует. Адмирал Эли здоровее любого из нас. Он имеет основание говорить то, что он говорит. И мы должны его выслушать.

— Вы единственный, кто не поражен, Ромеро,— заметил я.

Он ответил с вызовом:

— Да, Эли. Я ждал именно такого признания.

— Стало быть, продолжаем? — спросил Олег у зала.

Раздалось несколько голосов: «Продолжаем! Продолжаем!» Большинство пребывало в прежнем молчании. Осима, недоуменно поглядев на мрачного Ромеро, возвратился на место. Олег сказал:

— Говори, Эли.

Я напомнил о признании Оана, что Жестокие боги проникают в среду аранов в облике паукообразных, чтобы иметь информацию о их жизни. Но кто такие араны? Деградирующая цивилизация, суеверная, бессильная. На что они способны? Чем опасны? Не следует ли отсюда, что, встретясь с несравненно более мощной цивилизацией, рамиры утратят свою настороженность, постараются заслать в нее значительно больше шпионов, чем к безобидным аранам? Нового здесь пока нет: мы знаем, что лазутчик рамиров проник в нашу среду, что его звали Оаном, что Оан раскрыл наши планы своим хозяевам и те сумели сорвать их.

Но вот и новое. Мы были уверены, что, покончив с Оаном, покончили со шпионажем рамиров. Гибель «Овна» рассеивает эти иллюзии. Как могли рамиры узнать, что мы готовились сделать с «Овном»? Внешняя картина наших действий не выдавала намерений. Но они безошибочно установили нашу цель. Они знали наш план не извне, а изнутри. Как? От другого шпиона, оставшегося на корабле после гибели Оана!

Нападение рамиров на «Овен» доказывает, что на «Козероге» их агент.

И это естественно. Не будем считать врагов глупцами. Они не глупее нас. Они не могли не знать, что один соглядатай — слишком тонкая ниточка от них к нам. Если ниточка эта порвется, иссякнет поток важной информации. Агент должен быть продублирован. На кого же пал их выбор? Поищем за них лучший маневр. Эффективным агентом будет тот, кто в курсе всех планов, к кому стекается вся корабельная информация, в чьем мозгу рождаются осуществляемые потом планы. Таких членов экипажа два — командующий эскадрой и научный руководитель.

В этом месте Ромеро прервал меня:

— Договаривайте до конца, Эли. Такой человек один — вы. Вы знаете все намерения командующего, а он не имеет возможности вникать во все научные исследования на корабле.

— Принимаю вашу поправку, Ромеро. Я! Итак, умный враг постарается завербовать меня. Напомню, что так уж складывается моя судьба, что и в прежних экспедициях я оказывался в фокусе внимания противников. Разве ты, Орлан, не выбрал меня в качестве своего доверенного, когда замыслил переход на нашу сторону? Разве не сделал меня восприимчивым своим решений Главный Мозг на Третей планете? Я неоднократно служил одновременно передающей антенной и приемником для тех, с кем сталкивала нас судьба. Рамиры постарались завоевать меня. Им это удалось. Я завоеван. Поверьте, мне горько говорить об этом. Но правде надо смотреть в глаза, если не хочешь терпеть поражение за поражением.

Что сегодня Оан? — спросил я дальше. — Труп предателя, заплатившего жизнью за предательство? Такой ответ очевиден. Но он наивен. Рамиры могли бы и спасти своего агента, если бы очень постарались. Они не очень старались. И вот Оан висит в консерваторе. Не просто висит — продолжает службу. Он нынче — датчик связи с рамирами. Как осуществляется связь, не знаю, но он передает дальше сведения, поставляемые его агентом. Агентом являюсь я. Мой мозг схвачен и мобилизован, мои мысли прочитываются, мои желания расшифровываются, мои намерения угадываются.

В этом месте я сделал остановку. Мэри не сводила

с меня отчаянных глаз, мне трудно было обращаться в ее сторону. И на Ромеро трудно было смотреть: он был очень уж хмур. И Осима смущал меня: капитан не верил ни единому слову, это было ясно написано на его лице. Я смотрел на Грация и Орлана: галакт страдал за меня, Орлан понимал меня, мне становилось легче и от сострадания и от понимания. Я перешел к тому, как узнал о своей неприглядной роли. Нет, было непросто разобраться в дьявольском хитросплетении пут, каким ухватили меня. Всё началось с того, что я сам удивился, почему так тянет в консерватор, для чего в одиночестве и тишине разговариваю с мертвецами. Я не склонен к монологам, тут было что-то противное моей натуре, что-то навязанное. А когда погиб «Овен», стало ясно, что кто-то явился для рамиров поставщиком секретной информации. Простой перебор членов экипажа исключал всех, кроме меня. Консерватор — самое экранированное помещение звездолета. Оану проще наладить связь с тем, кто посещает консерватор, чем с тем, кто находится за его стенами. Так и выяснилось, что поставщиком информации для рамиров являюсь я!

— Я высказал всё, что знаю о себе, и облегчил душу, — закончил я. — Я должен был предвидеть последствия своего общения с мертвецом, загадочность которого очевидна. Я поступал опрометчиво, — и это одно в наших тяжелейших условиях является преступлением. Но я требую казни для себя не только в качестве кары за проступок, а и для гарантии общего спасения. Рамиры прочно настроились на мой мозг. Хочу я или не хочу, они будут через меня получать информацию о наших планах. В момент, когда мы предпримем новую попытку вырваться из ядра, это опасно.

Я сел. Молчание общей растерянности терзало меня — не потому, что мне нужна была защита, нет, но и уходить из жизни в безмолвии зала я просто не мог. Олег спросил, согласны ли со мной, возражают ли, — все молчали. Ромеро что-то тихо говорил Мэри, — она кивала головой.

— Итак, кто хочет слова? — снова спросил Олег.

Внезапно взорвался Осима. Самооговоры адмирала — чепуха! У адмирала расстроены нервы, он долго крепился, но сдал, пусть жена поухаживает за адмиралом, больше ничего не нужно.

И опять поднялся Ромеро:

— Я уже сказал, что здоровье Эли — великолепно. И он познакомил нас со слишком важными данными, чтобы мы могли просто от них отмахнуться. Я настаиваю на обсуждении.

— В таком случае начинайте его, — предложил Олег.

— Хорошо, начну я, если нет других желающих. В том, что сказал адмирал, есть нечто, с чем я могу согласиться, и нечто, против чего я буду протестовать. Я соглашаюсь, что Оан — не просто мертвец, а хитро специализированный датчик связи рамиров. И я поддерживаю мнение адмирала, что на корабле имеются поставщики информации для них и что одним из них является сам адмирал.

— Иначе говоря, вы полностью поддерживаете формулу обвинения? — уточнил Олег.

— И не думаю!

— Но столько точек соприкосновения с тем, что было доложено научным руководителем!..

— Точек расхождения будет больше. Назову главнейшие. Труп Оана — датчик связи, но вряд ли единственный. Рамиры не могли не учитывать, что мы можем уничтожить Оана — скажем, сжечь его и вымести прах. Пока Оан находился на корабле, он, вероятно, насадил и иные подслушивающие, подсматривающие, угадывающие мысли устройства, — вряд ли мы найдем их все. Теперь второе. Сомневаюсь, чтобы адмирал был единственным источником информации для рамиров. Соображения те же — он может умереть, сойти с ума. Адмирал считает, что продублировал собою Оана. Но кто даст гарантию, что любой из нас не дублирует в этом смысле самого адмирала? Он, конечно, самый ценный поставщик информации, но много на себя берет, воображая, что единственный.

— Вы еще мрачнее смотрите на положение вещей, чем научный руководитель, — заметил Олег.

— Вы скоро увидите, что это не так. Адмирал никакой не шпион! Хотя бы уже потому, что стал им не добровольно, а шпион, замечу вам, — профессия, а не несчастная случайность. Любой из нас, возможно, такой же шпион, как Эли. Всех за это казнить? Таким образом, преступление не доказано и кара, за которую мы проголосовали, бессмысленна. Не за что наказы-

вать нашего друга Эли! Не могу не сказать и того, что кроме нелепости наказания есть и еще важнейшая причина, почему мы должны с негодованием отвести предложение адмирала. Могу я остановиться на этом?

— Конечно, Ромеро!

Зал молчал, когда говорил я, зашумел, когда Ромеро излагал свои контраргументы, и снова погрузился в напряженное молчание, чуть Ромеро заговорил о «важнейшей причине». Я хочу сделать пояснение. До сих пор я диктовал, сейчас даю запись. Я мог бы и не приводить похвалы в свой адрес, но делаю это потому, что из речи Ромеро последовали важные практические выводы.

Ромеро говорил, обращаясь ко мне:

— Адмирал, я знаю вас с детства — и не перестаю удивляться вам. Вы обычны и необычны одновременно. Тайна ваша в том, что всегда вы соответствуете обстоятельствам. В средней обстановке вы средний из средних, не то чтобы приятель, даже проницательнейшая из академических машин не выделит вас из массы подобных вам. Разве не произошло именно это, когда набирали экспедицию на Ору? Но стоит запахнуть грозой, как вы меняетесь. Вы как бы пробуждаетесь от ординарности, выпрыгиваете из обычности. Вы, мне иногда кажется, просто рождены для великих потрясений. Мы порой теряемся в трудных обстоятельствах, чаще энергично боремся с ними, мужественно преодолеваем, мы всё в себе напрягаем, чтобы встать вровень с ними, а вы им свой, вы всегда на уровне высочайших необычайностей, вы как бы созданы для них, а они для вас. В бурях вы — буря. Среди неожиданностей — неожиданность. В мире загадок — проницательнейший разгадчик. Чем грозней противник, тем грозней и вы, вы всегда соответствуете своему противнику. Друзья мои, друзья, вспомните, как недавно, истерзанные разрывом связи времен, мы постепенно впадали в безумие, теряли волю к сопротивлению. И единственный, кто не поддался губительному раку времени, кто яростно восстал против ослабления, был он, наш научный руководитель, наш адмирал, наш друг Эли. Как же вы посмели потребовать, адмирал, чтобы мы сами, собственным решением, собственными руками погасили ваш мозг — величайшее из наших богатств, оборвали вашу волю — надежнейшую из гарантий нашего вызволения из беды? Эли, друг мой,

как могла явиться в вашу светлую голову такая кощунственная мысль?

Он, конечно, был оратором в старинном стиле — из тех, что витийствуют под аплодисменты и восторженные выкрики слушателей. Он добился своего — ему аплодировали и кричали. На меня уже никто не обращал внимания, все лица были обращены к Ромеро. Он стоял, опираясь одной рукой на трость, другой чертил в воздухе линии, усиливающие действие слов. Я, вероятно, и сам был бы покорен и красочной позой, и горячей речью, если бы дело шло не обо мне. Я постарался низвести Ромеро с горных высот психологии на унылую равнину практических забот:

— Не знаю, Павел, отдаете ли вы себе отчет, что, отказываясь от борьбы с невольными агентами врага, вы предаете нас всех в их могущественные и безжалостные руки?

— Нет, адмирал! Тысячу раз — нет!

— Вы отрицаете, что рамиры — могущественны и безжалостны?

— Что могущественные, соглашаюсь. Нелепо отрицать очевидность. Но что безжалостные — отрицаю!

Я с недоумением смотрел на Олега. Олег держался так спокойно, будто заранее знал всё, что скажет Ромеро, и заранее с ним соглашался. Я с негодованием воскликнул:

— И вы говорите всё это, после того как мы видели, как они издеваются над аранами? Разве не звучит в ваших ушах надрывный вопль: «Жестокые боги!»? И разве трупы Лусина и Труба, уничтоженный «Телец», разгромленная эскадра не свидетельствуют, что они жестокие и что они нам враги?

— Нет, дорогой адмирал, нимало не свидетельствуют!

— Кто-то из нас двоих и вправду сошел с ума! И надеюсь, что это не я. Кто же они такие, если не жестокие и не враги?

— Адмирал! Они равнодушны к нам.

9

Я бы погрешил против истины, если бы не признался, что был потрясен. Есть слова радостные и неприятные, пустые и малозначащие, легковесные и такие, что тяжесть их ощущаешь как гирю. Большинство наших

слов — информирующие. А есть слова-озаренья, слова-молнии, пронзительно высветляющие тьму, слова-ключи, размыкающие тайные двери к захороненной истине. Таким озаряющим, таким ключевым и прозвучало мне словечко «равнодушны». Для меня Ромеро мог дальше и не говорить. Я уверовал сразу и окончательно.

А Ромеро всё говорил, распаляясь от собственного красноречия. Я даже не подозревал, что могут так почти не дыша, с такой благодарностью слушать, как слушали его. Всё переворачивалось, всё становилось с головы на ноги: в грозный мир, окружавший нас, в нелепый и дикий мир возвращалась естественность.

Гибель «Овна» навела и Ромеро на мысль, что у рамиров и после смерти Оана имеется свой информатор на «Козероге». Но потом он усомнился, нужны ли им агенты среди нас. Враги ли они? И он вспомнил предания разрушителей и галактов, что могущественные рамиры переселились в центр Галактики, чтобы перестраивать ядро. Вот оно, это ужасное ядро, за стенами корабля! Невообразимый хаос, непрерывно длящийся вечный взрыв — такова грозная картина ядра. Что здесь перестраивать? Здесь может быть лишь одна надежда — не допустить до всеобщего падения звезд друг на друга, до вселенского коллапса, грозящего гибелью всей Галактике. Всемирное тяготение, такое чудесное свойство материи в местах, где ее мало, становится проклятием, когда материя сгущена, как в ядре. Самые надежные лекарства превращаются в яды, если их брать в больших количествах.

— Я вообразил себе, что мы на много порядков могущественней, чем сейчас. И пришел к выводу, что поставил бы себе тогда такую посильную задачу — подалеже убирать от ядра всё, что возможно вывести на периферию Галактики, создать дисгармонию, направленную как-то против процессов, ведущих к взрыву. Не о том ли сигнализирует выброс из ядра шарового скопления с миллионами звезд? Не имеет ли к тому же отношения и распыление светил в Гибнущих мирах, а возможно и еще тысячах скоплений, через которые не пролегал наш путь и которые остались нам не известны? И если при этом гибнут какие-то формы жизни — не останутся ли к этому равнодушны могущественные чистильщики? Вас это возмущает? Меня тоже! Но вообразите такую ситуацию. Заражен гние-

нием большой участок леса, болезнь распространяется на весь лес. Мы вышли бороться с гнилью, валим дерево за деревом. Станем ли мы считаться с тем, что попутно уничтожим и какую-то часть лесных муравьев? Мы равнодушны к ним, мы не желаем их гибели. Пусть они бегут, лишь бы не мешали, мы не будем их преследовать. Но если, разъяренные, что их жилища разворочены, они кинутся на нас, не передадим ли мы их? Нет ли здесь аналогии с тем, что мы наблюдали в Гибнущих мирах?

— Мы, очевидно, тоже относимся к галактическим муравьям? — спокойно поинтересовался Олег.

— В какой-то степени — да. Рамиры могли бы давно уничтожить и нас, и аранов, если бы мы были их реальными врагами. Мы значим для рамиров столько же, сколько муравьи для человека. А что они стараются заранее знать о наших намерениях, то ведь и мы постарались бы иметь информацию о движении муравьев в расчищаемом лесу — ну хотя бы для того, чтобы не губить их понапрасну. Говорю вам: рамирам плевать на нас! И лишь когда мы каким-то образом — разрывом ли пространства, нарушением ли гравитационного равновесия — затрудняем их деятельность, они щелчком сердито отбрасывают нас, а нам представляется, будто вспыхнула война и на нас движутся армии безжалостных врагов! — Ромеро, говоривший до этого в зал, повернулся ко мне: — Убедил ли я вас, друг мой?

— На три четверти, Павел.

— А почему не полностью?

— Очень уж неприглядную роль отводите нам. Галактические муравьи! Если это и правда, то горькая.

— Когда-то люди сочли очень горькой и ту правду, что Земля вращается вокруг Солнца, а не Солнце вокруг Земли. И многие восприняли как оскорбление, что существуют и другие разумные цивилизации, кроме человечества. Величайшей ошибкой было считать себя единственными или всех превосходящими. Вспомните, Эли: по мере того как росли могущество и разум человечества, всё больше рассеивалось ощущение исключительности человека во Вселенной. Будем и дальше продолжать этот процесс самопознания!

— Почему вы обращаетесь ко мне? Говорите для всего экипажа!

— Спор идет о том, какую роль для рамиров игра-

оте именно вы, а не другие. А я в самой постановке вопроса вижу всё то же ваше высокомерие. Не нужно новой трагедии ошибок. Мы вообразили себе рамиров слишком людеподобными, верней — существоподобными. А это не доказано, друзья мои!

Ромеро дальше сказал, что еще в двадцатом веке старой эры один физик разделил все живые существа на три класса: цивилизации первого порядка, которые приспособляются к обстановке; цивилизации второго порядка, которые приспособляют обстановку к себе; и цивилизации третьего порядка, меняющие самих себя, если не могут или не хотят изменить внешней обстановки. Все животные — первого порядка, это существа примитивные. Люди и их звездные друзья — на класс выше: им под силу делать свое окружение удобным для себя. Но люди не становятся жароупорными, чтобы спуститься в жерло вулкана, хладоустойчивыми, чтобы нагишом прогуляться в космосе. Рамиры, возможно, еще на класс выше. У них нет постоянного облика, они могут создавать себе любой. Аран был не маской рамира среди аранов, а обыкновенным рамиром, напаялившим араноподобие. Сверхъестественного здесь нет, только высокое развитие цивилизации.

— Когда-нибудь и наши потомки, друзья, будут свободно менять свой облик. И телесное несходство демииурга и человека, ангела и невидимки, галакта и арана не будет непреодолимым препятствием даже для их взаимной любви. Я верю в это!

— Вот мы и завершили обсуждение, — сказал Олег. — Самообвинения научного руководителя опровергнуты. Но полного удовлетворения у меня нет. Важнейшие практические вопросы темны. И самый первостепенный — как вывести последний корабль из ядра?

И Олег напомнил, что до сих пор мы искали прямых путей выхода, путей, эффективных самих по себе. Само по себе здесь ничто не эффективно. Здесь годится лишь то, что не противодействует рамирам. А что им не противодействует? Какой наш план не вызовет очередного «щелчка по носу»?

— Наш план, между прочим, противоречит вашей теории о равнодушии к нам рамиров, — заметил Олег Павлу. — Я не опровергаю ее, но обязан указать, что она не объясняет насильственную задержку звездолета. А без объяснения этого вырваться на волю затруд-

нительно. Все мы будем думать об этом, а тебя, Эли, попрошу особо.— Он с грустной насмешкой улыбнулся.— Если и вправду ты их связной, то объяснил бы им, как важен для нас ответ. Они могли бы и подсказать тебе по-дружески решение загадки!

Олег закрыл совещание, и я подошел к Мэри. Она смотрела на меня, как на вернувшегося из могилы. И сама выглядела не лучше, чем воскресшие. Я провел рукой по ее волосам, она улыбнулась бледной улыбкой. Глаза ее были полны слез.

— Не надо,— сказал я.— Павел блистательно доказал, что я не изменник. Эту ночь мы будем с тобой спать спокойно. Благодарю Павла.

Ромеро церемонно поднял трость:

— Что вы искренне верите в собственную измену, непостижимый Эли, мы все видели. Сомневаюсь, чтобы ваша жена была так наивна.

— Ах, я уже не знаю, во что верила, а во что нет,— возразила она устало.— Я привыкла к тому, что Эли способен на всё... Вы правильно говорили, Павел: действия Эли временами так противоречат всему, чего ждешь... Я думала о том, смогу ли заставить себя быть живой, если с виновностью Эли согласятся.

Я попросил Ольгу задержаться в обсервационном зале. Когда мы остались одни, я сказал:

— Теперь ты понимаешь, что я не мог пустить тебя перед совещанием? Спрашивай, Ольга.

— Расскажи, как это случилось,— попросила она.— У Ирины был какой-то важный разговор с Эллоном перед испытанием. Она пришла на обед страшно взволнованная. Я отнесла ее возбуждение за счет слабости после болезни, она так легко раздражалась, так часто плакала...

— Разве Олег не говорил тебе, о чем просил Ирину Эллон?

Олег рассказал Ольге всё, что знал, она хотела знать больше. Но я мог только повторить его рассказ. Ольга заплакала, когда я упомянул, что Ирина попрощалась с нами и попросила не проклинать ее. Я с нежностью глядел на маленькую голову Ольги, на ее седые выющиеся волосы. Судьба многим одарила эту женщину: и громкой славой, какой не доставалось ни одной другой женщине, и горем, которого бы хватило, чтобы разорвать любое сердце.

— Как ты думаешь, она погибла? И где она может быть?

На это я не мог ответить. Выброшенные в прошлое оттуда не возвращались живыми. Это мы видели на примере Мизара и Эллона. Но из будущего возвращение совершалось. Пусть Ольга вспомнит Оана, выскользнувшего из будущего прямо на наш звездолет, того же Мизара, того же Эллона — он ведь живым промелькнул мимо нас, низвергаясь из будущего в прошлое. Ирина не вернулась, но это не значит, что она мертва. О физике прошлого мы что-то знали, но что мы знаем о будущем?

— Олег говорит то же, что и ты. Но я боюсь, что он просто хочет утешить меня.

— Олегу важнее утешить себя. Он любит Ирину. И потом, что значит — утешить? Ты не только капитан галактических кораблей, но и знаменитый астрофизик. Мы должны спрашивать у тебя, что произошло с Ириной, а не ты у нас.

— У меня просьба к тебе и Олегу. После гибели «Овна» я могу только дублировать Осиму. Но у него такой прекрасный дублер, как Эдуард. Я бы хотела заняться механизмами времени. Я считаю своим долгом закончить работы, которые начала моя дочь. Любое расстройство стабилизатора может опять оборвать работу МУМ и ввергнуть нас в новое безумие.

Я догадывался, что она мечтает еще и о том, чего не сказала: найти безопасные выходы в будущее и дознаться, что совершилось с Ириной.

— В моей поддержке не сомневайся. Думаю, и Олег не воспротивится.

10

Исчезнувший Голос заменил Граций. Мы немного поспорили, не нужно ли возвратиться к прежней схеме звездолетовождения: анализаторы — МУМ — командир корабля. Схема ни разу не отказывала в спокойных космических областях. И Осиме, и Камагину такая практика казалась удобней. Мы с Олегом не согласились с ними. МУМ — механический рассудок, она беспомощна вне причинной связи. Грозный опыт показал, что нарушение течения времени выводит из строя рассудок. Причинная связь — эквивалент нормальной связи времен, а нормального-то времени как раз и нет

в ядре! Над рассудком должен стоять разум, мыслящий целостно. И поручать работу синтезирующего разума капитану рискованно, у капитана хватает забот по практическому кораблевождению.

— Граций отлично справится с прежней функцией Голоса,— объяснил капитанам Олег.— У них одинаковая структура мозга, ведь и Голос по происхождению из галактов.

Так Граций стал полновластным хозяином оперативной рубки. Он не вознесся на высоту, как его предшественник в стеклянном шаре. Но и не захотел дальше неумоимо шагать вдоль кольцевых стен. Он затребовал кресло и установил его против входа в рубку. Кресло разыскали самое огромное, из корабельного «запаса на все случаи», в обычных приспособлениях для сидения массивный галакт не разместился бы. Водрузили кресло на специально изготовленный постамент.

И теперь Граций представлял входящему такой величественной фигурой, что охватывал трепет. Ромеро сказал, что раньше Граций был богоподобен, а сейчас — богоравен. И мне Граций напоминал Зевса, восседающего на троне,— кажется, была такая древняя статуя. Величавое богоравенство не мешало Грацию работать с быстротой человека и исполнительностью демиурга. Мозг у галактов был подвижней тела. Если не требовалось размахивать руками или бежать, Граций мог дать фору любому. В спринте на беговой дорожке он, невзирая на высоконоготь, не взял бы и жалкой премии, но состязаться с ним в быстроте мышления не стоило.

Еще до того как Граций утвердился в рубке, меня посетил Орлан. Демиург не любил ходить по гостям. Мы обычно встречались с Орланом в служебных помещениях. Лишь у Грация Орлан бывал часто — вероятно, из желания подчеркнуть, что между демиургом и галактом не существует ненависти, некогда разделившей их народы.

— Эли, правда ли, что работами по трансформации времени будет руководить капитан Ольга Трондайт? — спросил он так официально, как я не слышал от него со времени, когда он выступал от имени Великого разрушителя.

— Ты против, Орлан?

Он взметнул вверх голову на гибкой шее, но из

ужасения ко мне опустил ее в плечи без большого шума.

— Работы по трансформации времени вели демиурги. Мне бы самому хотелось заменить Эллона.

Не могу передать, как я удивился. Орлан был для меня в разные годы нашего знакомства разным: звездным адмиралом, пленившим мой корабль, могущественным вельможей Империи разрушителей, жестоким врагом вначале, добрым другом потом, соратником по бедствиям, одним из создателей Звездного Содружества и, быть может, самым близким мне существом среди разумных нелюдей. Но инженером я себе представить его не мог. Он никогда не выказывал ни интереса к математическим расчетам, ни влечения к конструированию механизмов.

Но Орлан объяснил, что в молодости готовился в промышленные руководители: получил инженерное образование, стажировался на звездолетостроительных заводах. И не удостоился назначения в министры звездолетостроения лишь потому, что Великий разрушитель поручил ему дела большой галактической политики.

— В том, что я бросил инженерную деятельность, виноваты Ольга Трондайк и ты, Эли. После пролета «Пожирателя пространства» через неевклидовы теснины Персея и взрыва Второй планеты Великий призвал в свое окружение всех, кто по знатности мог служить верной опорой трону.

— А сейчас ты хотел бы вернуться к инженерным делам, Орлан?

— Эли, я сейчас на корабле единственный, кто не имеет индивидуальных заданий. После ухода Грация в рубку и особенно после гибели великого Эллона мне грустно слоняться по кораблю.

— Ты не возражаешь работать с Ольгой, как Эллон работал с ее дочерью?

— Если она не возражает, Эли.

— Она не будет возражать.

Организационные дела отняли несколько дней, и я в это время не ходил в консерватор. А затем меня снова потянуло на корабельное кладбище. Но спускался туда я по-новому. Мне трудно описать мое состояние. Старые чувства были развеяны, новые только нарождались. В каком-то смутном смятении я не знал, чего хочу, чего жду.

В консерваторе добавился новый саркофаг. Я постоял около Эллона. Демиург обладал могучим мозгом, но вибрации времени не снес.

Даже гений не способен вынести душевный разрыв между прошлым и будущим без прочной опоры в настоящем.

Я медленно шел от Эллона к Мизару, от Мизара к Трубу, от Труба к Лусину. Я не спешил к Оану, перед араном я должен был задержаться надолго: мне хотелось снова поговорить с ним.

— Оан, я не знаю теперь, кто ты — посланец врагов или безучастных к нам, или даже непонятных друзей, — сказал я, когда подошел к саркофагу лазутчика. — А ведь это важно знать, согласишься, если ты способен понимать меня. О, ты понимаешь, в этом-то я уверен! Ты — датчик связи между нами и рамирами, вот и все твои секреты. Сложное устройство, сложное, подслушивающее, подглядывающее, мыслечитающее, а к тому же еще и выполненное в форме живого существа, правда наполовину превратившегося в силуэт, но это уже ни от тебя, ни от твоих хозяев не зависело: и муравьи способны укусить дровосека! Скажи же мне, Оан, чего вы хотите от нас? Почему держите пленниками в стреляющем звездами, как дробинками, костре ядра?

Я с таким волнением обращался к нему, словно и впрямь ожидал ответа. Оан, естественно, молчал. А я всё настойчивей требовал:

— Если ты и вправду датчик связи, то двойного действия — от нас к рамирам, но и от рамиров к нам. Наши намерения ты передал, сообщи теперь их желания. Ты многое нам уже сообщил, не отрекайся: и что вы имеете лазутчиков среди аранов и ты один из них, и что время здесь больное, ты предостерегал, что оно опасно, — разве не такую мысль ты внедрял в наши головы? И что вы ищете способа овладеть ходом времени, переноситься в грядущее и возвращаться обратно, именно ради такого успеха и погибло пятеро твоих друзей — вероятно, тоже рамиры в образе аранов. Ты не из тех шпионов-полупроводников, что поставляют информацию лишь от врага к хозяину. Ты механизм двойного действия — вот кто ты. Так не молчи! Даже если вы равнодушные, даже если вы безучастны к нам, то ведь и такие кричат: «Уйдите с дороги!», когда им мешают. Скажи, молчаливый, какую дорогу мы

нам загородили? Куда свернуть, чтобы не путаться у вас под ногами?

И опять он молчал, как и неизбежно должен был молчать. А я, впадая в бешенство, повысил голос. Я кричал, грозил Оану кулаком. Моих беснований никто не видел, здесь-то уж я мог распоясаться!

— Молчи, молчи, но думай обо мне! Думай о моих вопросах! Передавай мои вопросы равнодушным братьям. Мы не муравьи, что бы там ни говорил Ромеро о вашем величии и нашем ничтожестве. Мы не муравьи, предупреждаю тебя! Мы вырвемся из этого ада, в котором вы заперли нас! Не по искривлениям метрики, не по гравитационным лазам, без аннигиляции вещества или пространства, здесь все выходы заказаны, — это мы уже постигли. Мы вырвемся через то время, которого ты страшишься как больного и которое единственное спасает мир от уничтожения. Не рыхлое, а гибкое, не разорванное, а струящееся, не мертвое, а живое — вот каким оно будет в наших руках! Мы вырвемся, говорю тебе! Через время прямое, ведущее в будущее, через время обратное, свергающее в прошлое, через время кривое, через время перпендикулярное!..

Меня ошеломила собственный выкрик! Свершилось! Слово было сказано. Тьму загадок озарило сияние истины. Пока это было еще слово, а не поступок, но слово уже стало мыслью. И без рассуждений, каким-то нерасчлененным, но бесконечно убедительным пониманием я знал уже, что нашел самое важное, единственно важное! Это было решение, которого мы все искали. И оно пока было только словом, невероятным, озаряющим, поистине ключевым словом — «перпендикулярное».

Вспоминая сейчас ту минуту, я снова волнуюсь. Меня опять наполняет пронзительный восторг открытия. Я, повторяю, не рассуждал, я просто знал, я только знал — да, загадок больше нет, да, найдена единственная возможность спасения. И если бы меня в тот момент спросили, могу ли я хоть чем-нибудь обосновать свою уверенность, я ответил бы растерянным молчанием — нет, ликующим, а не растерянным молчанием! Время обоснований еще не наступило. Ведь я только знал! Я увидел в своей руке ключ к запертой двери. Я еще не открывал заветной двери внезапно очутившимся в руке ключом. Я только знал, что дверь будет открыта!

Я опрометью кинулся наружу. Мне надо было видеть Олега. В коридоре я вспомнил, что МУМ работает, можно послать мысленный вызов. Олега в командирском зале не было, он был у себя. Я потребовал немедленного соединения, услышал удивленный голос Олега:

— Я срочно нужен, Эли? Прийти к тебе или в лабораторию?

— Лучше всего у тебя, Олег.

— Хорошо, иди ко мне...

Он встал, показал на кресло. Лицо его вдруг стало краснеть: мое волнение мгновенно передалось и ему. Я сел, он продолжал стоять. На столе покоился рейсограф — ящичек, похожий на МУМ, но поменьше, он, как и МУМ, хранил в себе нептуниан, бесценный, зеленоватый кристалл, неизменное сердце всех схем в мыслящих механизмах. Только в рейсографе нептуниан использовался не для расчетов, как в МУМ, а для воспроизводства пройденного пути. Это была память о рейсе — то, что раньше называлось бортовым журналом. У меня тоже имелся рейсограф, я хранил его в своем сейфе, но ни разу не прибегал к нему, чтобы воссоздать картину промелькнувших звездных пейзажей. Я бросил взгляд на рейсограф и отвернулся. Олег сказал с надеждой:

— Эли, у тебя такой вид!..

— Выход на волю не там, где мы ищем, — сказал я. — Надо испытать время перпендикулярное, а не прямое и не обратное.

И с ним произошло то же чудо, что и со мной. Он мгновенно понял, мгновенно уверовал! Слово «перпендикулярное» не прозвучало, а просветило: это было озарение, а не разъяснение. Олег смотрел на меня с восторгом, я мог насладиться эффектом. Но сказал он то, что и должен был сказать командующий эскадрой:

— Да, конечно, это было бы решение. Но существует ли перпендикулярное время? Можем ли мы овладеть им?

— Давай оценим все аргументы за и против.

— Говори ты, я буду возражать, если найду возражения.

Только сейчас подошло время рассуждений. И с той же уверенностью в истине, которая охватила меня, когда с языка сорвалась формула «перпендикулярное время», я знал, что найду неопровержимые доказа-

тельства и опровергну сомнения. Озарение должно превратиться в знание — из провидения стать теорией!

И я начал с того, что до сих пор мы знали лишь одномерное время, одномерное и однонаправленное: оно шло от прошлого через настоящее к будущему. Время вытягивалось в линию, показывало лишь в одну сторону. Только так идут наши маленькие процессы в нашем маленьком мирке. Мы уверовали, что по-иному и быть не может. И когда в ядре повстречались со временем гибким и нелинейным, не поняли его сути, сочли, что время здесь разрывается, что оно непрочное, в страхе заговорили о разорванной связи времен.

— Иначе говоря, ты утверждаешь, что разрыва времени нет?

— Да, я это утверждаю. Разрыв времени — лишь наше представление о куда более сложном процессе его изгиба. Реальное время двумерно, его можно изобразить векторами на плоскости, а мы изучаем лишь его проекции на одну ось и воображаем, что ничего, кроме проекции, и не существует. И если время ушло в сторону, перпендикулярно к оси, на ней появится остановка, пустой интервал, мы в ужасе видим разрыв. Нет, время не разрывается, оно непрерывно, но направлено не только вперед, не только назад, но и вбок. И напому тебе,— добавил я, сам пораженный воспоминанием,— что Оан когда-то нам тоже говорил об изгибах времени, мы только не придали значения его словам.

— Это потому, что представить себе изгибы времени довольно трудно,— заметил Олег.

— А можно представить себе искривление пустого пространства? Неевклидову метрику пустоты? Уверю тебя, это еще трудней. Оан наталкивал нас на открытие, но мы были тогда далеки от нового понимания времени. А между тем всё вокруг должно было бы подвести нас к нему. Вот тебе поразительный факт. Во Вселенной не существует одновременности. Одновременность мира — абстракция. Такая же абстракция, как геометрическое тело, лишенное физических свойств. Мы сами выдумали эту абстракцию, и она безмерно нас путает, не разъясняет, а затемняет мир. Реально любое тело в мире разновременно. Любой процесс, протекающий, как нам кажется, мгновенно, есть лишь статическая равнодействующая бесконечно раз-

ных, бесконечно далеких одна от другой эпох, лишь схлестнувшихся в данный миг в данной точке данного тела.

— Парадоксально, Эли. Утверждение нужно обосновать.

Обоснование меня не затруднило. Каждый объект существует в своем индивидуальном времени, это так. Но ведь изолированных объектов нет, всё кругом взаимодействует со своим окружением: атом с атомом, звезда со звездой, галактика с галактиками. Связь эта реальна, но одновременна ли? Ни в коем случае! Мы видим ближнюю звезду, какой она была десять лет назад, дальнюю — тысячи лет назад, периферию Галактики — сотню тысяч лет назад, а другие галактики видятся нам сегодня, какими были миллионы и миллиарды лет назад. Вот он, наш сиюминутный пейзаж: одномгновенная картина мира — бесчисленные мазки из разных эпох, лишь совмещенных в нашей воображаемой сиюмгновенности, — Вселенная в любой точке, для любого взгляда, в любое мгновение безмерно разновременна. Реальной одновременности не существует, ее можно лишь вообразить, а не физически обнаружить.

И это не оптическое видение, не мираж. Нет, одновременная разновременность — реальный физический процесс, самый грандиозный физический процесс, тот, что определяет всю структуру мироздания — взаимодействие всех материальных объектов Вселенной. Ибо космос наполнен гравитационными волнами, частицами, фотонами, газом, пылью... И всё это облучает, окутывает, притягивает, отталкивает. И одно приходит из вчераше, другое из миллиарда ушедших лет, а суммарное действие их в любом месте — сиюмгновенно. И каждый объект на воздействие этих разновременных сил отвечает своим воздействием, но и оно достигает его соседей неодновременно — близких скоро, дальних через миллиардолетия. Таким образом, действующее время любого места Вселенной — равновесие всех прошедших эпох, вся безмерная громада миллиардолетий, сведенная в одно мгновение.

Олег снова прервал меня:

— Между прочим, отсюда следует, что настоящее никогда не теряется в бездне прошлого. Допустим, я излучаю в пространство свое изображение, свои поля — в общем всё, что я как космическое тело собой

представляю. И сколько бы ни прошло лет, в каком-то отдаленном уголке Вселенной всегда найдется это мое мчащееся излучение, и оно будет физически воздействовать на встречающиеся объекты. Мое прошлое будет реально существовать в моем далеком будущем!

— Ты меня опровергаешь или выискиваешь подтверждения?

— Перейдем к практическим вопросам,— предложил он.— Концепция твоя интересна, но я хотел бы определить программу действий.

— Не знаю, сколь практична программа, это можно установить лишь в лаборатории.

План мой сводился к следующему. Пребывание в ядре, в однолинейном токе времени, рано или поздно кончится нашей гибелью. Выход вперед, через будущее, или назад, через прошлое, не удался. Главная опасность — переход через нуль времени. Мертвая материя выдерживает такие переходы легко, но для организма они смертельны. Стало быть, нужно выйти из однолинейности в двухмерность времени. Преодолеть узы своего времени и шагнуть во время соседнее, в иное время, в иновремя, как можно его назвать. Не просто оторваться от своего времени, а искривить его, отклониться в сторону — и держать искривление постоянным. И получится, что в каждый момент мы движемся вперед, в сторону будущего, а в сумме всё больше и больше отклоняемся от него. А в какой-то точке, продолжая двигаться всё вперед, мы расстаемся со своим будущим, хотя и не пересекаем нуля времени, и начинаем двигаться к своему прошлому, которое теперь и является нашим будущим.

— Ты описываешь движение по окружности, Эли.

— Совершенно верно. В этом и есть моя мысль — вырваться из одномерного, прямолинейного времени во время двумерное, кольцевое. Форма кольца нужна для того, чтобы суметь возвратиться в свое прошлое, не переходя опасного нуля времени.

— Кольцо обратного времени! — задумчиво проговорил Олег.— Звучит хорошо.

— Если тебе нравится название, так и назовем операцию: возвращение по кольцу обратного времени. Не хочешь ли пойти в лабораторию и набросать с Орланом и Ольгой план экспериментов?

Олег взял рейсограф и понес его в сейф. Я спросил:

— Почему тебя вдруг заинтересовал пройденный путь?

Он молча возвратил рейсограф на стол, так же молча нажал кнопку. На экране, встроенном в рейсограф, вспыхнула тысячекратно виденная уже картина — дикая сумятица звезд, взрыв, некогда прогремевший в ядре и непрерывно с той поры совершающийся. На больших звездных экранах можно было наблюдать такие же безрадостные пейзажи, но живые, быстро меняющиеся, а здесь рейсограф показывал картину, схваченную в один из моментов полета. Я с удивлением посмотрел на Олега.

— Тебе ничего не говорит это изображение, Эли?

— Нет, конечно.

— Это то место, где пропала Ирина.

— Понимаю, Олег... Печальное воспоминание...

— Нет, — сказал он. — Не только воспоминание.

Он помолчал. Я больше не спрашивал. Здесь началась область, куда нельзя было лезть без спросу. Олег странно улыбнулся.

— Эли, если мы выберемся из этого ада и вернемся на Землю, примешь ли ты участие еще в какой-либо галактической экспедиции?

— Вряд ли. Не по возрасту.

— А я пойду в новый поход. Я ведь моложе тебя, Эли. И у меня нет другой цели в жизни, как бороздить космос.

— И ты вернешься в ядро?

— Мы в него проникли первые, но разве можем объявить себя последними? Новая экспедиция будет лучше подготовлена. И если я приму в ней участие, звездные пейзажи, сохраненные рейсографом, понадобятся.

— Ты намерен искать Ирину? — спросил я прямо.

Он аккуратно поставил рейсограф в сейф и неторопливо подключил его к МУМ. Он говорил очень ровным голосом:

— Во всяком случае, мне хотелось бы знать, что с ней.

Только сейчас мы сумели в полной мере оценить инженерную гениальность Эллона. Коллапсан давал возможность не только сгустить и разредить время, пере-

менить знак его течения, но и искривить его. Время стало изогнутым, оно характеризовалось не одной скоростью и направлением течения, но и углом к нашему естественному времени. Этот угол отклонения от нашего времени Ольга назвала «фазовым углом вылета в иновремя». Она быстро нагромодила сложнейшие формулы «угла иновремени». В них, возможно, могла бы разобраться МУМ, но мои способности понимания они превосходили. Зато Ольга порадовала нас, что Орлан понимает ее с полуслова и что некоторые из сумасбродно сложных формул принадлежат ему. Этому я не удивился. У демиургов врожденные способности к небесной механике. Мы сильнее их в ощущении добра и зла, наша человеческая особенность — отстаивание справедливой морали при всех преобразованиях одной социальной системы в другую: правда везде правда, угнетение везде угнетение, свобода везде свобода. Но в конструировании гравитационных машин нам далеко до демиургов.

Вначале фазовое иновремя было создано лишь для атомных процессов. В стабилизаторе уже сглаживались вибрации макровремени, в трансформаторе менялся знак и скорость одномерного макровремени, этого Эллон сумел перед гибелью добиться. Но о фазовом двумерном времени он и сам не подозревал. Многое пошло бы быстрее и лучше, если бы он не поддался безумию!

— Возможно, завтра, Эли,— сказала мне Ольга однажды за завтраком.

Это означало, что завтра инженеры опробуют генераторы фазового иновремени, действующие уже не в атомном масштабе, а в макровремени всего корабля.

— Наверно, завтра,— сказал Орлан за обедом.

— Итак, завтра,— объявил нам всем Олег за ужином.

Утром я поспешил в командирский зал. Там были уже все капитаны и Орлан. Управление генераторами фазового времени принял Граций: для него, бессмертного, переброс из одного времени в другое всё же значил меньше, чем для любого из нас,— мы учитывали и это обстоятельство. Звездолет вел Камагин, тоже привычный к путешествиям по времени, он поддерживал мысленный контакт с Грацием. А нам, всем остальным, отвели роль зрителей. Я предвкушал красочные перемены при переходе из своего времени в

чужое. Меня только беспокоило, как отнесутся рамиры. Всё могло быть!

— ...Три, два, один, нуль! — скомандовал Камагин, и время чуть-чуть искривилось.

Ничто не изменилось. Те же летящие звезды на экранах, ни одна не затряслась, не потускнела. Сдвиг фазы времени был, правда, ничтожный, но всё же мы шли уже в чужом времени, к чужому будущему. А картина снаружи была такая, будто и это чужое будущее принималось в ядре как свое — словно всебудущность являлась здесь нормальным физическим процессом.

— Работают ли генераторы обратного времени? — громко усомнился Осима.

— Молчат что-то наши равнодушные боги. Не уследили за нами, что ли? — пробормотал Камагин.

— Если они заговорят, мы их не услышим, — возразил серьезно Орлан. — Их луч уничтожит нас раньше, чем мы сообразим, что уничтожены.

Спорить с этим было трудно.

Через некоторое время МУМ сообщила, что рисунок звездного хаоса меняется, а Граций заметил и зрительно перемены в пейзаже. Ни мы в командирском зале, ни зрители в обсервационном изменений не видели. Орлан удалился к генераторам фазового времени, а мы с Ольгой пошли ко мне. Мэри тоже не находила перемен на экране — звезды как звезды, такое же их множество, шальных, беспорядочно летящих.

— Что мы в иновремени, гарантирую, — сказала Ольга. — И хотя сдвиг по фазе незначителен, угол вылета из нашего времени накапливается. Я ожидаю вскоре значительных изменений пейзажа.

— Я погашу экраны, — предложила Мэри. — Мы не отрываемся от них, а изменения накапливаются постепенно, и мы привыкаем к новому пейзажу, еще не разобрав, что он новый.

— Молчат рамиры, — повторил я слова Камагина, когда Мэри занавесила комнатный экран.

— Рамирам надоело издеваться над нами, — убежденно объявила Ольга. — Если они равнодушные, то должны же они когда-нибудь оставить нас в покое.

Я тоже надеялся, что рамиры перестанут заниматься нами и что вылет в иновремя не вызовет у них нового раздражения. Либо рамиры не заметили нашего бегства, либо мы перестали интересовать их,

либо — и такая мысль явилась мне — наш уход по фазовому искривлению времени их устраивает. Обо всем этом надо было размышлять, — был тот случай, когда правильный ответ сразу не дается.

— Отдохни, — сказала Мэри, и я прилег на диван.

Она разбудила меня через час. Ольги не было.

— Посмотри на экран, — сказала Мэри взволнованно.

Я вскрикнул от неожиданности. Мы были в другом мире. Нет, это было всё то же ядро Галактики, тот же неистовый звездный взрыв, тот же светonosный, светозарный ад! Но ядро было иное — то же и иное! Это трудно передать словами, это надо увидеть самому. День за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем мы с тоской наблюдали на звездных экранах одну постоянно воспроизводящуюся картину. А в течение одного нашего крохотного корабельного дня она переменилась. Да, это было ядро, но ядро в другом времени, не в прошлом, не в будущем, а в ином!

— Мэри, рамиры нас выпускают! — воскликнул я в восторге. — Нападения не будет!

С того дня прошло немало времени. Может быть, часов, может быть, столетий, а если мне скажут, что миллионолетий, я не удивлюсь. Время, в каком мы движемся, чужое. Приборы его измеряют, МУМ запоминает, рейсограф фиксирует на своих картинках, а я его не понимаю — оно не мое. И хотя Граций им распоряжается, а Осима и Камагин, попеременно сменяя друг друга в командирском кресле, командуют им с такой же легкостью, как запасами активного вещества в трюмах, то увеличивая, то уменьшая искривление, — всё равно я его не понимаю. Оно не мое. Оно чужое. Оно так и называется — иновремя! Ядро и вправду вмещает в себя все возможные будущие, оно реально всебудущное — иное в каждом возможном будущем. Но я не всебудущный. Это не по мне, как говорил Труб. Всебудущность пахнет всесущностью, в крайнем случае, вездесущностью. Нет, до таких высот мне не добраться! И нашим потомкам, я уверен, тоже. Я могу понять всю природу, но стать всей природой мне не по силам.

Я сделал это отступление, сидя в консерваторе и диктуя историю нашего выхода из ядра, для того что-

бы передать, с каким нетерпением все мы ждем поворота из иновремени в наше. Мы уже прошли первый поворот на время, перпендикулярное нашему, прошли и второй поворот в иновремени на обратное, но параллельное нашему, подходим к третьему повороту на второй перпендикуляр — и начнем сближаться с нашим временем. И все повороты проделаны без перехода через опасный нуль. А преодолев последний, мы устремимся за нашим прошлым — оно будет впереди, оно будет в нашем будущем! И когда мы состыкуемся со своим временем, мы покинем иновремя, — кольцо обратного времени замкнется!

Я жду возвращения в свое время, но размышляю о другом. Рамиры нас выпустили — это очевидно. И это странно. Я хочу разобраться, почему нас выпустили. Нам, возможно — а если не нам, то нашим потомкам, — еще придется встречаться с этим сумрачным народом. Я не верю, что они равнодушные. Вчера я пригласил Ромеро к себе и высказал, что меня томит.

— Павел, — сказал я, — мне не нравится ваша теория насчет дровосеков и муравьев.

— Хорошо, пусть не муравьи, — согласился он. — Мы — бабочки, залетевшие на ночной костер дровосеков. Такое сравнение вас устраивает, мой мудрый друг?

— И бабочки меня не устраивают.

— Кем же вы хотите видеть нас, Эли?

— Мы — кролики, Павел.

— Кролики? Я правильно вас понял?

— Да, кролики. Подопытные кролики — так это когда-то называлось. Те бедные животные, над которыми наши предки ставили медицинские эксперименты.

— Вы считаете, что мы — подопытный объект для рамиров? Что они экспериментируют с нами?

— Во всяком случае, стараются использовать нас для своих экспериментов.

Он сказал задумчиво:

— Мысль интересная, Эли, но ее нужно доказать.

Я начал с того, что рамиры сразу уничтожили первую эскадру, высланную к ядру. Чем-то корабли Аллана и Леонида помешали рамирам и были за то наказаны смертоносным лучом, — правда, он был послабей,

чем луч, поразивший «Тельца», погибли только экипажи, а не корабли. Жалких муравьев смели с дороги, раздавили гусеницами бульдозеров — можно и так использовать сравнение Ромеро. Но со второй экспедицией в ядро рамиры повели себя по-иному. Они не церемонились и с нами, когда «Телец» стал нарушать создаваемую ими структуру в скоплении Гибнущих миров, но отнюдь не подумали расправляться со «Змееносцем» и «Козерогом». Они нами заинтересовались. Они стали присматриваться к нам. Они посадили нам Оана — лазутчика, шпиона, наблюдателя, датчика связи, — название его функции ясно и без оскорбительных названий. Вероятно, интерес их вызвало то, что нам удалось спасти Оана и что нас захватила проблема трансформации времени. Мы для них повысились в ранге.

— От муравьев до кроликов, — вы это имеете в виду?

— Павел, я когда-то говорил вам, что стараюсь преобразовать координатную систему моего мышления в систему мышления рамиров. Я хочу взглянуть на мир глазами наших противников, если они только смотрят глазами, как мы, а это под сомнением. Вообразите, что мы, человечество, старше на миллион лет и всю эту тысячу тысячелетий непрерывно совершенствовались...

— Просто невообразимое могущество и сила!..

— Да, Павел. Нам и сейчас под силу перестройка, создание и уничтожение планет. А что будет через миллион лет интенсивного развития? Не захотим ли мы навести порядок не только в отдельных звездных системах, даже не в звездных скоплениях, а в самой Галактике? А Галактика больна. Главная масса ее звезд — в ядре, и ядро неустойчиво. Оно на грани взрыва. Разве нам не знакомы квазары — звездopodobные галактики, испытывавшие катастрофу, в которой были уничтожены все формы жизни и разума, если они там существовали? Мы, столь могущественные через миллион лет, не примирились бы с балансированием на краю гибели. Мы постарались бы предотвратить опасное течение процесса — разредить скопление звезд в ядре, подобрать созревшие для разумной жизни звездные системы и отправить их подальше от опасности, изменить саму звездную структуру в окрестностях ядра.

— Напомню, дорогой Эли, что именно об этом я и говорил на совещании, где вы предъявили себе гневное самообвинение.

— Правильно, вы говорили. И вот представьте себе, что мы, могущественные, установили, что только овладение ходом времени дает полную гарантию от катастрофы. И что естественные метаморфозы времени сами собой осуществляются в звездных процессах ядра. А нам овладение временем не дается. Не дается, и всё! В недрах коллапсирующих звезд пытаемся его ухватить— вторая всё-таки по масштабу катастрофа после возможного взрыва всех звезд в ядре! Нет, и здесь не выходит. И вдруг в наши звездные владения вторгаются какие-то пришельцы со стороны, какие-то муравьи, и пытаются установить свои законы и нагло помешать нашей работе по оздоровлению ядра. Да смести их с дороги, и всё тут!

— Осмелюсь заметить, дорогой адмирал, что пока ничего нового...

— Подождите, Павел! А лазутчик докладывает, что у муравьев странная цивилизация, машинная, на нашу непохожая, и что в их механизмах время — пока еще на атомном уровне, микровремя — свободно сгущается и разрежается, меняет знак, может даже менять фазовую скорость. Ого, это интересно, сказали бы мы, могущественные через миллионы лет, но сами пасующие перед трудностями овладения временем. Пусть, пусть они повозятся, решили бы мы, всемогущие, но лишенные человеческого сердца, простой человеческой жалости к попавшим в беду муравьям...

— Очень важное замечание, Эли!

— Да, Павел. Равнодушные — так вы их назвали! Остальное ясно. Мы экспериментировали со временем в коллапсане, а они экспериментировали с нами. Мы захотели удрать из ядра, они не дали. И, чтобы заставить ускорить исследования, спокойно и безжалостно ввергли нас в вибрацию времени. По принципу: не выживут, черт с ними, что жалеть неудачников! А выживут — успех! Посмотрим, посмотрим, как эти созданыцы выпутываются из трудностей, может, кое-что и позаимствуем из их хитростей. Ах, всё-таки выпутались? Сумели создать фазовое искривление времени? Хотят по кольцу обратного времени ускользнуть из ядра? Надо, надо приглядеться и к этому, пусть ускользают, их опыт пригодится, когда понадо-

бится выводить из ядра новые партии звезд. Итак, пришельцы скользят по иновремени, свободные от всех катаклизмов ядра, ибо их время — иное по сравнению со временем любой летящей на них звезды, ибо они и в ядре и вне его, — очень, очень интересно! Кое-что из их находок надо принять на вооружение!.. Вот как мне представляются наши взаимоотношения с рамирами, Павел.

— Такое представление гарантирует нам избавление, Эли. Мы можем счесть его вполне удовлетворительным.

Я встал. Волнение так душило меня, что я должен был выплеснуть его движением. Я нервно ходил по комнате, а Ромеро удивленно глядел на меня. Он точно оценил ситуацию, но не мог понять моего отношения к ней.

— Нет, Павел! Тысячу раз — нет! Положение содалось возмутительное, ничего удовлетворительного нет. Никогда я не примирюсь ни с тем, что нам отводят жалкую роль муравьев, истребляемых из-за равнодушия к ним, ни с благожелательным интересом к нам, как к подопытным кроликам, которых будут хладнокровно ввергать в тяжелейшие условия и великодушно следить, удастся ли нам удачно справиться с заданным испытанием!

— Чего же вы требуете от рамиров, адмирал?

— Равноправия! И на меньшее не соглашусь!

Он скептически покачал головой:

— Боюсь, что у нас не спрашивают согласия. Удастся ли вам донести до рамиров свою решительность?

— Буду искать путей.

Он помолчал и сказал, улыбаясь:

— У каждого свои поводы волноваться, Эли. У вас крупные, у меня — маленькие. Знаете, что меня забит?

— Думаю, не такая уж маленькая забота.

— Совершеннейший пустяк, Эли. Мы приближаемся к нашему прошлому. МУМ составляет прогноз выхода в него. Чего прогноз? Прошлого! Вдуматься — ведь это чудовищно!

— Не понимаю вас!

— Прошлое — в будущем, Эли! Его надо предсказывать, а не вспоминать. Знаете, один древний писатель, очень серьезный человек, обычно не позволяя-

ший себе шутить, как-то зло поиздевался над знаменитой пророчицей, объявив, что она предсказывает прошлое, а предсказывать прошлое — занятие никчемное. А нам нужно именно предсказывать прошлое, и это не пустое занятие, а трудная задача и для МУМ, и для наших собственных мозгов! И еще не известно — удастся ли нам верно предсказать собственное прошлое!

Я всё-таки не понял, почему Ромеро так волнует предсказание прошлого. Проблема была вполне по силам МУМ и руководившему ею Грацию.

12

Мы уже вне ядра. Мы вырвались из светозарного ада!

Кругом нормальный космос — звезду от звезды отделяют десятки светолет, а если и встречаются звездные скопления, то и там между светилами расстояние в светомесяцах, если не в светогодах. И ни одна звезда не летит остервенело на соседку, они уже не кажутся несущимися осколками взрыва, они мирно покоятся в прочных координатных узлах, установленных взаимным их притяжением. Всемирное тяготение — проклятие ядра — здесь выступает снова как рачительный и мудрый хозяин, наводящий порядок в космосе, как вдохновенный дирижер, руководящий величественной звездной симфонией. Наконец-то вместо грохота безостановочного взрыва мы услышали тонкую мелодию звездных сфер. Прекрасный мир!

Но мир этот еще не наш. Мы пока еще в ином времени. Мы приближаемся к нашему миру, уже угадываем в нашем ближайшем будущем наше оставленное прошлое, но пока не достигли его. Прошлое еще в будущем.

Я пришел к Олегу.

Он сидел перед рейсографом. На экране прибора пейзаж окружающего нас мира непрерывно сравнивался со снимками окрестностей ядра, сделанными на подлете к нему. Полного совпадения не было, но различие с каждым днем уменьшалось. Мы подходили к своему миру в свое время. Граций недавно величественно возвестил, что фазовый угол, отделявший нас от своего времени, упал ниже десяти градусов. Это после того как он дважды составлял девяносто градусов, и один раз сто восемьдесят!

Я сказал, кивнув на рейсограф:

— Гонимся, как пес за собственным хвостом.

Олег улыбнулся:

— Я бы выразился не так грубо: догоняем собственную тень. Время идет к полудню, тень сокращается. Скоро, скоро тень головы ляжет у ног! Орлан и Ольга уменьшают гравитацию в коллапсане, нам уже не нужно столь сильно искривлять время. Мы не ворвемся, а вплывем в свое оставленное время.

— В какой пространственной точке нашего времени? Ромеро волнует точный прогноз прошлого...

— По расчету Ольги, около выхода из Гибнущих миров.

— Отличное местечко. Лишь бы не угодить опять в ядро!

Мы еще поговорили с Олегом, и я ушел. Я не находил себе места. Мэри каждое утро являлась в свою лабораторию астроботаники, где выводила новые породы растений для безжизненных планет. Ромеро записывал подробности похода. Я убивал время на разгуливание по звездолету. И даже то, что убиваю не свое, а иновремя, не утешало.

Я спустился в консерватор. Кресло стояло напротив саркофага Оана. Я опустил в кресло и заговорил:

— Знаешь, Оан, я всё больше задумываюсь — кто вы, рамиры? Что вы не существоподобны, несомненно. И жизнь ли вы или мертвая материя, до того самоорганизовавшаяся, что стала разумной, — мне тоже не ясно. Вы, думаю, безжизненный разум, материя, создавшая самопознание без участия белка. Что-нибудь вроде наших МУМ, но космического, а не лабораторного масштаба. О нет, я не хочу вас обижать, тем более что уверен: такое свойственное лишь живым организмам чувство, как обида, вам незнакомо. О чем я говорил, Оан? Ну что же, мыслящая планета, мыслящие скопления планет, может быть, даже мозг, внешне принявший облик звезды, — кто вас знает? Я не наивный дурачок, думающий, что мыслить способны лишь клетки моего мозга, нет, я понимаю, что искусство мышления можно развить и не прибегая к крохотному недолговечному мозгу, упрятанному за непрочной черепной коробкой. Может быть, даже проще мыслить всей планетой. И эффективней! К тому же, можно творить из своего материала, как мы лепим статуи из глины, любые живые предметы — вот вроде тебя,

Оан,— и, сохраняя с ними связь, мыслить в них и через посредство их. Все рамиры или весь рамир мыслит в тебе! К интересному выводу я прихожу,— не правда ли? Мыслить не за себя одного, как я, а за всех себя! Я не ошибаюсь? Кстати, не мог бы ты разъяснить мне: разрушители и галакты верят, что когда-то вы населяли Персей и рабочей специальностью вашей было творение планет. Не являлось ли то планетотворение просто размножением вашим? А уйдя к ядру, вы оставили нам на заселение ваши тела, из которых изъяли свой разум? Ваш разум в планетной или даже звездной форме переместился в фокус опасности, которую вы безошибочно учуяли, а оставленными телами вашими воспользовались демиурги и галакты, а теперь и мы, люди. Если это так, то мы в некотором роде родственники, во всяком случае мы ваши наследники. Но так ли это?

Я помолчал, почти надеясь, что он ответит. Оан безучастно молчал, пребывая в той же вечной не подвижности. Я продолжал:

— Итак, развитие планеторазумного типа или еще диковинней. С нашей точки зрения, с нашей! Преобразуя свою координатную систему мышления в вашу, я сразу нахожу один инвариант: диковинность. Вы кажетесь нам диковинными, мы — диковинными вам. Но уже такая наша особенность, как машинотворчество, не инвариантно. Уверен, что машин вы не создаете. Иначе зачем вам было доставать древний звездолет аранов, рудимент их вырождающейся цивилизации? И зачем вы с интересом следили за созданием наших генераторов фазового времени? А ведь следили — и с интересом! В этом мы опережаем вас, могущественные. Задачи, которые вы не решаете, решаем мы. Очень мало из того, на что способны вы, нам по силам. Но кое в чем мы способны пойти и дальше. Сделайте отсюда вывод, великие. А какой мы для себя сделаем вывод, я вам сейчас объявлю!

Я опять помолчал и опять заговорил:

— Итак, мы очень разные. Вы — мыслящая мертвая материя, мы — мыслящие организмы. По облику мы не сравнимы! Огромное скопление материи, собрание планет и звезд, мыслящих единым разумом,— в каждой части мыслит всё целое, даже в таком, как ты, Оан! И крохотные тельца, мыслящие только за себя, соединенные невидимыми прочнейшими узами в

коллектив, но всё-таки — индивидуумы. Вы надменно пренебрегли нами. Вы остро чувствуете страдания мертвой материи. Что вам наши особые муки и особые запросы! Камень, валяющийся на дороге, и мы, шагающие по дороге, вам равноценны, вы не окажете нам предпочтения. Вы, если и страдалцы, то лишь за весь мир, за звезды и деревья, планеты и людей, скопления светил и скопления грибов и трав — одинаково. Вы равнодушные — так вас определил мой друг. Он всё-таки ошибся: вы не равнодушны к судьбам мира. По нашим особым интересам, запросам живых существ, требования индивидуализированного разума, вам безразличны. Вы равнодушны к живой жизни — вот ваше отношение к нам. Напрасно, могущественные! Тут вы совершаете великую ошибку! Я постараюсь вам показать ее.

Я снова сделал передышку. Меня переполняла страсть. Я не хотел, чтобы мой голос начал дрожать.

— Да, я крохотный организм, муравей по сравнению с вами, меньше чем муравей! Но вся Вселенная — во мне! Вот чего вы не понимаете! Мой крохотный мозг способен образовать 10^{60} сочетаний — много больше, чем имеется материальных частиц и волн во всемирном космосе. И каждое сочетание — картина: явления, события, частицы, волны, сигналы. Всё, что способно образоваться во Вселенной, найдет отражение во мне, станет образным дубликатом реального объекта вне меня — станет малой частицей моего маленького «я». Я — зеркало мира, задумайтесь над этим. Да, вещественно я ничтожная часть Вселенной, но духовно, но мыслью равен ей всей, ибо столь же бесконечен, столь же неисчерпаем, как и она. Вы судите меня по массе моего вещества, по создаваемому мной ничтожному притяжению к другим вещественным телам — и презрительно отворачиваетесь. Не прогадайте, близорукие. Судите меня по силе связей, вещественных и духовных, которыми я связан со всем миром. И тогда с удивлением убедитесь, что я, маленький, равновелик Вселенной. И что в каждом из нас — вся Вселенная, ибо каждый — понимание Вселенной, ее собственное самопонимание! Ибо я — жизнь, и каждый из нас — жизни! А жизнь из всех удивительностей природы — самая огромная удивительность. Нет, не в мертвой материи природа воссоздает себя,

она лишь дальше и шире разбрасывает себя в мертвом веществе, только отдельные скопления ее вроде вас достигают разума. Но в любом живом индивидууме Вселенная воссоздает всю себя: мы — образ ее целостности, мы — самопознание ее во всей ее широте, во всей ее глубине! Придется, придется вам с этим считаться!

Я сделал новую передышку и опять заговорил:

— Подумайте и вот над чем еще. Вы, сколько понимаю, — устойчивость мира, его сохранение, его защита от катастрофы в горниле разыгравшихся стихий. Вы — инерция мира, вечное равновесие его законов. А мы — развитие мира, прорыв его инерции. Мы, жизнь, будущее мира! Мы, жизнь, революционное начало в косной природе. Мы, жизнь, пока крохотная сила во Вселенной, ничтожное поле среди тысяч иных полей. Но и единственно растущая сила, растущая, а не просто сохраняющаяся. Мы возникли на периферии Галактики и движемся к ее центру. Мы бурно расширяемся, быстро умножаемся. У нас иной масштаб времени, ваша секунда равноценна нашим тысячелетиям. Мы, жизнь, взрыв в косной материи! Вселенная заражена жизнью, Вселенная меняет свой облик! Говорю вам, мы — будущее мира. Хотите или не хотите, вам придется с этим считаться! Поле жизни неотвратимо подчиняет себе все остальные поля мертвой природы, покоряет все ее стихии. Не пора ли нам объединиться — древнему разуму устойчивости с молодой мощью жизненного порыва! Даже если я и мои товарищи погибнем, не добредя до нашего времени, жизнь не погибнет с нашим исчезновением. Мы лишь атомы живого поля Вселенной, не больше. Вы добиваетесь гармонии, стабилизируете ее, но жизнь — высочайшая из гармоний природы, а скоро станет и величайшей ее стихией, стихией гармонии против слепых стихий. Если и не станет нас, обитателей маленького звездолета, вы не избавитесь от нас. К вам возвратятся наши потомки, вооруженные лучше, знающие больше. Жизнь быстро распространяется на Вселенную, живой разум покоряет вещество, разрывает инерцию однообразного, всегда равного самому себе существования, в конце которого — катастрофа в ядре. Но мы взамен всеобщности однообразия вносим в природу новый животворящий принцип — нарастание своеобразий, всеобщность неодинаковостей. Ибо нас, звездных братьев,

объединяет одно общее — что мы своеобразны, что мы разумны, что мы добры друг к другу. Так станем и мы с вами добры друг к другу!

Я подошел к Оану, долго всматривался в него.

— Теперь исчезай, Оан,— сказал я.— Твоя миссия закончена. Я уверен, ты можешь присутствовать, можешь не быть. Так исчезни! Я человек — уже могущественный и еще не совершенный. Я молодость мира, его порыв в неизвестное, а не инертная мудрость вечного самосохранения. Я не научился всё понимать мгновенно и полностью, хотя и стараюсь. Мне нужно рассуждать, мне нужны знаки и сигналы. Исчезни! Это будет мне знаком, что я понял.

В консерваторе зазвучал призыв ко мне:

— Адмирала Эли — в командирский зал! Адмирала Эли — в командирский зал!

Я вышел из консерватора.

13

В командирском зале собрались все друзья — Олег, Осима, Камагин, Ольга, Орлан. Олег показал на звездные экраны:

— Эли, ты знаешь, где мы?

Картина была так знакома, что я в восторге закричал:

— Мы в Гибнущих мирах!

— На окраине скопления,— подтвердил Олег.— На выходе из Гибнущих миров в открытый космос. Старый и новый пейзаж в рейсографе сошлись с абсолютной точностью. Мы возвратились точно в то место, какое в свое время покинули.

Я вопросительно посмотрел на Ольгу:

— В свое время покинули... А в какое время возвратились?

— Тоже в свое,— ответила она.— То, какое течет в нашем мире с нулевой фазовой скоростью. Мы снова существуем в одномерном и однонаправленном времени — том, какое струится всегда от прошлого к будущему.

— Ты меня не поняла, Ольга. Свое время... Но какое? Прошое или будущее? Мы пришли раньше себя, покинувших это скопление, или позже себя?

— Мы возвратились позже на один земной год. Наши блуждания в ядре, наше бегство по кольцу об-

ратного времени заняли всего год по хронометрам корабля.

Беседу прервало сообщение Грация. Галакт докладывал, что анализаторы обнаружили два оставленных нами грузовых звездолета. Они пока далеко, но нет сомнения, что оба корабля невредимы и что очистка пространства продолжается.

— Мы постарели на год, а Гибнущие миры помолодели на столетие,— сказал Олег.— В систему Трех Пыльных Солнц возвращается утраченная прозрачность и яркость.

В командирский зал ворвался возбужденный Роме-ро. Он был так бледен и расстроен, что мы, прервав разговоры, обернулись разом к нему.

— Олег! Эли! — Он говорил с трудом, настолько был потрясен.— Я заглянул в консерватор, чтобы проверить, как наши мертвецы вынесли переход по кольцу фазового времени. И вот я увидел... Там чудо, друзья!

Я прервал его:

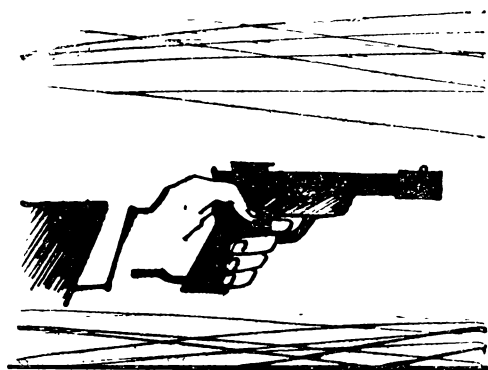
— Чудес нет. Вы хотите сказать, что Оан исчез?

— Да, именно это! Саркофаг не поврежден, запирающие поля сохранились, но даже и следа Оана нет! Если это не чудо, Эли...

Я взял его за руку и усадил в свободное кресло.

— Успокойтесь, Павел. Ни один из законов природы не нарушен. Просто нам подан знак, что мы замкнули еще одно кольцо, но не времени, а взаимопонимания: от знакомства — через неприязнь, взаимную борьбу, взаимную заинтересованность — к дружбе-любви!

Илья Варшавский

**ИНСПЕКТОР
ОТДЕЛА
ПОЛЕЗНЫХ
ИСКОПАЕМЫХ**

Повесть

Часть первая

1

Джек Клинч прибыл в Космополис инкогнито. Поэтому его раздражало, что все, начиная со стюардесс и кончая дежурной в отеле, глядели на него с нескрываемым любопытством. Впрочем, это было в порядке вещей. Его двухметровый рост, рыжая шевелюра и пушистые рыжие усы всегда вызывали повышенный интерес, особенно у женщин. Нельзя сказать, чтобы сам Клинч был равнодушен к прекрасному полу, однако сейчас он предпочел бы на время быть обладателем менее броской внешности. Но не сбривать же из-за этого усы, взращенные с такой заботливостью!

Номер в отеле был заказан на имя Юджина Коннели, инженера из Лондона, поэтому Клинч, кроме маленького чемодана, захватил еще и объемистый портфель из буйеоловой кожи, снабженный множеством застёжек.

Портфель был пуст, так же как и сафьяновый бумажник, хранящийся во внутреннем кармане темно-серого пиджака, сшитого одним из лучших портных Англии. На оплату костюма ушла большая часть полученного аванса. Не то чтобы Клинч был так уж беден, но последний год в делах ощущался застой, а жить он привык широко, ни в чем себе не отказывая.

— Пожалуйста, мистер Коннели! — Дежурная протянула ему ключ от номера. — Куда послать за вашим багажом?

— Не беспокойтесь. Я всего на несколько дней.

Клинч проследовал за боем, подхватившим чемодан и портфель.

Он придирчиво осмотрел апартаменты люкс, состоящие из спальни, кабинета и гостиной. Профессия частного детектива сводила Клинча с самыми различными людьми, но он терпеть не мог скаредных клиентов. Что ж, на этот раз, кажется, всё в порядке.

— Вам ничего не нужно, сэр?

— Нет, можете идти.

Клинч вынул из кармана брюк несколько монет.

— Благодарю вас, сэр! Бар на втором этаже, ресторан — на первом. Если захотите обед в номер, позвоните в этот звонок.

— Хорошо.

— Помочь вам разложить вещи?

— Не нужно, я сам.

Клинч подождал, пока за боем закрылась дверь, достал из чемодана белье и начал наполнять ванну.

Через час, отдохнувший и свежевыбритый, он спустился в бар.

Там еще было мало народа. В углу, за столиком, трое парней со значками пилотов КОСМОЮНЕСКО пили виски в компании трех юных дев, да у стойки дремал какой-то тип в поношенном твидовом пиджаке и мятых брюках. На носу у него красовались огромные круглые очки.

Одна из девиц изумленно уставилась на Клинча.

— Милый, — обратилась она к своему кавалеру, — в следующий раз привези мне откуда-нибудь такое диво, ладно?

— Привезу, — кивнул тот. — Обязательно привезу, еще почище, с усами до самого пола.

Клинч вспыхнул. Больше всего он не терпел насмешек над своей внешностью. Однако ввязываться в скандал сейчас ему не было никакого резона. Одарив подвыпившую компанию презрительным взглядом, он подошел к стойке:

— Двойное мартини! Только вместо маслины положите туда кусочек лакричного корня.

Бармен озадаченно взглянул на него:

— Вы совершенно правы, сэр... но...

— Ладно! Нет лакрицы, положите гвоздику.

— Сию минуту, сэр!

Дремавший у стойки очкарик приоткрыл один глаз:

— А я тебя где-то видел, парень! Не могу вспомнить — где. А ну-ка повернись!

Он положил руку на плечо Клинка. Тот, не поворачиваясь, сжал двумя пальцами его локоть, и очкарик взвыл от боли.

— Ах, ты так?! погоди, всё равно дознаюсь, кто ты такой! Ведь у меня репортерская память.

Клинка залпом осушил свой стакан и встал.

— Советую тебе, дружок, не попадаться мне на глаза, а то всякое может случиться. Я ведь не всегда такой добрый, понял?

Он бросил на прилавок монету и гордо прошествовал к двери.

Встреча с клиентом была назначена на завтра, и Клинка решил пройтись, а заодно посмотреть здание, в котором эта встреча должна состояться. Одним из основных его правил была предварительная разведка местности.

Сорокаэтажное здание КОСМОЮНЕСКО, всё из бетона и матового стекла, произвело на Клинка благоприятное впечатление. Такое учреждение не могло вызывать его по пустякам. Видимо, дело пахло солидным гонораром.

Поел он в маленьком кафе. Денег было в обрез, и приходилось экономить.

2

— Пожалуйста, мистер Клинка, доктор Роу вас ждет.— Секретарша улыбнулась и предупредительно открыла дверь, обитую коричневой кожей.

Доктор С. Роу, директор отдела полезных ископаемых КОСМОЮНЕСКО, восседал за большим письменным столом, на котором, кроме нескольких разноцветных телефонов, ничего не было. Именно таким, чопорным, сухопарым, лет пятидесяти, с холодным взглядом выцветших голубых глаз, и представлял себе Клинка этого человека. Блистательная научная карьера и привычка повелевать всегда накладывают свой отпечаток.

В глубоком кожаном кресле, удаленном от стола на такую дистанцию, чтобы чувствовалась разница в общественном положении посетителя и хозяина кабинета, сидел старший инспектор Интерпола Вилли Шнайдер. Клинчу уже приходилось с ним встречаться.

Видимо, дело было не шуточное, если приглашен Интерпол. Клинч знал, что Шнайдер пустяковыми преступлениями не занимается.

Третьей в кабинете была девушка лет двадцати пяти, хорошенькая, как куколка. Она сидела на диване, поджав под себя очаровательную ножку в ажурном чулке. Ее черные кудри падали на плечи, а в синих глазах, когда она взглянула на Клинча, было нечто такое, отчего у него сладко заныло в груди.

Клинч поклонился.

— Очень рад, мистер Клинч, что вы любезно приняли наше приглашение,— произнес Роу.— Разрешите вам представить мадмуазель Лоран. Она у нас возглавляет управление личного состава. А это — герр Шнайдер из Интерпола.

— Мы уже знакомы.

— Совершенно верно! — подтвердил Шнайдер.— Мистер Клинч оказал нам однажды большую услугу в деле о гонконгской шайке торговцев наркотиками.

— Что ж, отлично! — Роу кашлянул и задумался, видимо не зная, с чего лучше начать.— Должен вас предупредить, мистер Клинч,— продолжал он после небольшой паузы,— что дело, по которому мы к вам обращаемся, носит... э... строго доверительный характер.

Клинч не любил такие вступления.

— О деле я пока ничего не знаю,— сухо ответил он,— но гарантия тайны — одно из неперенных условий работы частного детектива.

— Превосходно! — Роу поглядел на свои руки, словно отыскивая пятнышко грязи.— Тогда прямо приступим к делу. Думаю, вы знаете, что мы, я имею в виду КОСМОЮНЕСКО, занимаемся разведкой и добычей полезных ископаемых в космосе.

— Знаю.

— В числе планет, на которых мы ведем работу, есть одна под названием Мези.

— Странное название! — усмехнулся Клинч. — Больше подходит для скаковой лошади. Кто же ее так окрестил?

Роу поморщился:

— Ничего странного нет. Мези — означает металлические залежи иридия. Надеюсь, вам известно, что это такое?

— Примерно.

— Мистер Клинч — по образованию геолог, — вмешалась девушка. — Кстати, это было одной из причин, по которой...

— Не совсем так, мадмуазель, — прервал ее Клинч. — Когда-то я действительно окончил три курса геофизического факультета. Диплома не имею, но иридий со свинцом не спутаю.

— Тем лучше. — Роу изучающе поглядел на Клинча. — Тогда вы должны знать, что мощные залежи металлического иридия — явление совершенно уникальное. В данном же случае оно является результатом жизнедеятельности бактерий, разлагающих осмистый иридий и на Земле не встречающихся.

— Понятно.

— Мези — планета во многих отношениях своеобразная, — продолжал Роу. — Девяносто восемь процентов ее поверхности занимает океан, глубина которого, даже у берегов, доходит до шести километров. Поэтому всякое подводное бурение исключается. Небольшой клочок суши — базальтовые скалы со следами тектонического разлома. Единственное место, пригодное для проходки ствола, — небольшой пятачок в глубине ущелья.

— Вы там были, сэр? — спросил Клинч.

— Я там не был, но обстановку хорошо знаю по отчетам экспедиций.

Клинч вздохнул. Ему хотелось поскорее добраться до сути. Ведь зачем-то они его пригласили, да и Интерпол...

— Так чем я могу быть вам полезен? — напрямик спросил он.

— Подождите. Сейчас вам всё станет ясным.

— Если только что-нибудь вообще может стать ясным, — иронически добавила мадмуазель Лоран.

Роу игнорировал ее замечание и продолжал тем же менторским тоном:

— В составе атмосферы планеты восемьдесят целых и три десятых процента кислорода. Он выделяется планктоном в океане. Животной жизни нет. Сила тяжести на экваторе составляет примерно три четверти земной. Словом, условия обитания и работы подходящие. Мы туда отправили рабочую группу и завезли оборудование стоимостью в сто миллионов.

— Сто миллионов фунтов?

— Нет, долларов. Вообще же вся эта затея обошлась уже около миллиарда.

— И что же?

— А то, что с момента начала работ там творятся странные вещи. При проходке главного ствола — взрыв, в результате которого ствол затоплен грунтовыми водами. Затем инженер экспедиции кончает самоубийством.

— Каким способом он это проделал?

— Застрелился.

— Оставил какую-нибудь записку?

— В том-то и дело, что нет.

— И вы предполагаете, что это было не самоубийство?

— Предполагаю! Да я почти уверен!

— Что ж, можно произвести эксгумацию трупа, и судебно-медицинские эксперты всегда определяют...

— Трупа нет. Он кремирован на месте. Прах доставлен на Землю.

Клинч непроизвольно свистнул.

— Да... из пепла много сведений не выудишь.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, Джек, — вмешался Шнайдер. — Как раз из пепла мы и выудили главную улику. — Он достал из кармана обгоревший кусочек металла. — Поглядите внимательно. Вам это что-нибудь напоминает?

Клинч протянул руку, и Шнайдер осторожно положил ему на ладонь свой трофей.

— Похоже на деформированную оболочку пули тридцать пятого калибра.

— Верно! — кивнул Шнайдер. — И какие же выводы вы из этого можете сделать?

— Ну о выводах, мне кажется, говорить рано, хотя я понимаю, что вы имеете в виду. Если человек стреляет в себя из пистолета такого калибра, то пуля проходит навылет, не правда ли?

— Конечно! И следовательно?..

— Выстрел был сделан с какого-то расстояния.

— Что и требовалось доказать! — Шнайдер удовлетворенно ухмыльнулся.

Клинч задумался. У него было такое чувство, что он зря сюда приехал. Если Интерпол уже ввязался в это дело, пусть продолжает. Роль советника при Шнайдере его совершенно не устраивала. Пожалуй, нужно сегодня же вернуться в Лондон, благо клиент оплачивает самолет в оба конца. Осень — благодарное время для частного детектива. Какое-нибудь дело да подвернется.

— Крайне сожалею, мистер Роу, — сказал он, поднимаясь со стула, — но я вряд ли смогу быть вам чем-нибудь полезен. Мне кажется, Интерпол нашел достаточный повод, чтобы начать расследование. Думаю, что герр Шнайдер прекрасно со всем справится.

— Интерпол не будет заниматься этим делом, — сказал Шнайдер.

— Почему?

— Сядьте, Джек, и я вам всё объясню. По уставу нашей организации, мы не можем действовать вне пределов Земли. Межпланетная полиция еще не создана. Так что лететь на эту планету придется вам.

Клинч изумленно взглянул на него:

— Что?! Вы хотите, чтобы я отправился на эту... как ее... Сузи?

— Мези, — поправил Роу.

— Но это же займет уйму времени!

— Около года. — Роу вынул из ящика стола блокнот и начал его листать. — Ага, вот! Двадцатого октября — старт «Гермеса». Значит, до отлета у вас есть десять дней. Затем пять месяцев пути. «Гермес» совершает облет группы планет. На Мези посадка не производится. Вас высадят на почтовой ракете. Через месяц вы на той же ракете выйдете на постоянную орбиту, где вас подберет «Гермес» и доставит на Землю.

— И всё ради того, чтобы выяснить, кто всадил пулю в инженера?

— Не только ради этого, мистер Клинч. Мы не имеем радиосвязи с экспедицией. Слишком много помех на пути. Почта, как вы сами видите, в один конец идет несколько месяцев. Мне нужно знать, что там делается. Можно ли откачать воду из шахты, и вообще,

говоря между нами, стоит ли продолжать всю эту затею. Там сейчас всего три человека, один из них химик, другой врач, а третий биолог. В этих делах они не компетентны.

— А кто же работает в шахте?

— Автоматы.

— Роботы?

— Если хотите, можете называть их так, только не думайте, что они взбунтовались и прикончили своего повелителя. Это просто механизмы с высокой степенью автоматизации.

— Значит, предполагаемый убийца — один из трех членов экспедиции?

— Очевидно.

— Так... — Клинч вынул из кармана золотой портсигар. — Вы разрешите, мадмуазель?

Лоран вопросительно взглянула на Роу.

— Курите! — ответил тот и небрежно пододвинул пепельницу.

Клинч глубоко затянулся и выдохнул большой клуб дыма. Какое-то время он с интересом наблюдал за облаком, расплывшимся в воздухе. Крохотное подобие Вселенной со своими галактиками. Может быть, в одной из этих спиралей есть тоже своя планета с дурацким названием, подобная той, куда надо лететь пять месяцев, чтобы расследовать самоубийство, похожее на преступление. Подсознательно Клинч чувствовал, что Роу чего-то недоговаривает. Вряд ли нужно нанимать одного из лучших частных детективов для такого дела. Интересно, насколько они действительно заинтересованы во всей этой истории?

Клинч погасил окурок и обратился к Роу:

— Кстати, вы прикидывали, во что это вам всё обойдется? Я имею в виду мой гонорар.

— Полагаю, что сорока пяти тысяч долларов, которые ассигнованы дирекцией, хватит.

Это была большая сумма, чем собирался запросить Клинч.

— Кроме того, — продолжал Роу, — мы учитываем, что вы не можете явиться туда в качестве... э... сыщика. Поэтому по рекомендации мадмуазель Лоран мы вас зачислим на должность инспектора отдела полезных ископаемых с окладом две тысячи долларов в месяц, со всеми надбавками, которые получает наш персонал в космосе.

Клинч поглядел на мадмуазель Лоран. Она сидела всё в той же позе. Очаровательный бесенок, который того и гляди высунет язычок за чьей-нибудь спиной. Начальница управления личного состава. Видимо, с ее мнением тут считаются. Интересно, кто ей покровительствует? Не сам ли Роу? Тогда, прямо сказать, вкус у него неплохой.

Клинч встал:

— Я подумаю, мистер Роу. Однако сначала мне нужно более подробно ознакомиться с обстоятельствами дела.

— Конечно! Мадмуазель Лоран и герр Шнайдер сообщат вам все необходимые данные. Через два дня я жду окончательного ответа.

8

— Ну-с, Джек, я вижу, что у вас столько вопросов, что вы не знаете, какой задать первым.— Шнайдер усмехнулся и отпил большой глоток пива из литровой глиняной кружки.

Клинч задумчиво вертел в пальцах свой стакан. Они сидели в маленьком погребеке. Других посетителей не было. Видимо, Шнайдер знал, где можно потолковать по душам. Возможно, что и бармен у него — свой человек. Что ж, тогда можно говорить вполне откровенно.

— Прежде всего, мне непонятно, какого черта вы ввязались в это дело, Вилли. Насколько я знаю, Интерпол — не такая организация, чтобы бросаться на первое попавшееся убийство.

— И это единственное, что вас смущает?

— Нет. Мне еще непонятно, зачем КОСМО-ЮНЕСКО выбрасывает на ветер такую кучу денег. В конце концов так ли уж важно, какой смертью помер этот самый инженер. Боятся, что родственники что-нибудь пронюхают и устроят скандал?

— У него нет родственников.

— Тогда что же?

Шнайдер вздохнул:

— Всё очень сложно, Джек. Вы что-нибудь слышали о концерне «Горгона»?

— Что-то припоминаю. Добыча полезных ископаемых в странах Латинской Америки, не так ли?

— Совершенно верно! Теперь учтите, что львиная доля добычи иридия на Земле находится в их руках. В последние годы цены на иридий невероятно подскочили, и концерн извлекает огромные прибыли. Если шахта на Мези начнет работать, то, даже несмотря на большие транспортные расходы, цены упадут, и концерн окажется на грани банкротства. Ну а выводы делайте сами.

Клинч нахмурился. Ему никогда еще не приходилось иметь дело с промышленным саботажем. Да, дело, кажется, значительно серьезнее, чем он предполагал. И всё же как-то странно получается. Ну взрыв шахты — это еще понятно, но что может дать убийство?

Казалось, Шнайдер прочитал его мысли.

— Не думайте, Джек, что это простое убийство. «Горгона» — частный капитал, КОСМОЮНЕСКО — межгосударственный. Все работы оно ведет по особым ассигнованиям ООН. Там есть свои противники космических разработок ископаемых. Если то, что творится на Мези, попадет в печать, они постараются использовать это при очередном обсуждении бюджета. Поэтому Роу так нервничает и готов на любые расходы.

— Значит, вы думаете, что на Мези работает агентура «Горгоны»?

— Почти уверен.

— И всё это на основании кусочка металла, извлеченного из пепла?

— Вы забываете про взрыв и затопление шахты.

— Нет, не забываю. Но это может быть и простым совпадением. Кстати, кто констатировал смерть?

— Врач экспедиции Долорес Сальенте.

— Испанка?

— Мексиканка. Она же и производила кремацию.

— А кто обнаружил оболочку пули?

— Похоронная служба КОСМОЮНЕСКО.

— Ах, есть и такая?

— Есть. К сожалению, она загружена больше, чем хотелось бы. Сами понимаете, работа в космосе — это не прогулка за город. Бедняжке Лоран приходится не только подбирать персонал, но и заботиться о достойных похоронах.

Клинч снова задумался. Нужно поговорить с Лоран. Необходимо иметь подробные досье всех членов

экспедиции. Видимо, там у них в управлении личного состава достаточно сведений.

В этот момент распахнулась дверь на улицу, и размышления Клинча были прерваны удивленным возгласом:

— А, вот неожиданная встреча!

Клинч поднял глаза. Перед ним, покачиваясь, стоял очкарик в твидовом пиджаке.

Очкарик попытался удержаться за столик и смахнул на пол кружку с пивом.

— Удивительно! Гроза бандитов Вильгельм Шнайдер и король сыщиков Джек Клинч! Будь я проклят, если в космосе не случилось что-то сенсационное!

Клинч встал.

— У вас есть телефон? — обратился он к бармену.

— Да, сэр. Пожалуйста!

— Вызовите врача. Сейчас придется вправлять челюсть этому типу.

— Перестаньте, Джек! — Шнайдер взял Клинча за локоть и силой вывел на улицу. — Вы не знаете, с кем связываетесь! Ведь это — Макс Дрейк, корреспондент «Космических новостей». Не дай бог, он что-нибудь узнает. Тогда Роу может распрощаться со всякой надеждой на увеличение кредитов.

— Ладно! — Клинч спрятал кулак в карман. — Придет время, я всё-таки набью ему морду!

— Когда придет время, набейте и за меня, а сейчас держитесь от него подальше. У вас еще есть ко мне вопросы?

— Пока нет. Завтра поговорю с мадмуазель Лоран и сообщу Роу свое решение.

— Он его уже знает.

— Вот как? Он что, телепат?

— Нет. Просто я ему сказал, что вы согласны.

— Интересно, откуда вы это взяли?

— Мне известно, что Джек Клинч никогда не отказывается от крупного гонорара. А вот и аванс, который вам сейчас так необходим. — Шнайдер вынул из кармана пачку банкнот. — Ведь у вас в общей сложности не больше пяти долларов. Верно?

Клинч рассмеялся:

— Вы всегда знаете больше, чем вам полагается.

— Ничего не поделаешь! — вздохнул Шнайдер. — Каждый детектив должен знать больше чем полагается.

— Так с чего мы начнем, мистер Клинч? — спросила мадмуазель Лоран.

«С поцелуя, детка,— подумал Клинч.— Тогда нам будет легче определить, чем мы кончим».

Он огляделся по сторонам. Обстановка явно не располагала к поцелуям. Белый пульт со множеством кнопок, стереоэкран, шкафы с какими-то хитроумными приспособлениями. В таком окружении мадмуазель Лоран хотя и не потеряла своей привлекательности, но казалась более недоступной, чем тогда, когда сидела, поджав ножку, на диване.

— Ну, хотя бы с личности убитого,— ответил он.

— Хорошо! — Она нажала кнопку на пульте, взяла выскочившую на лоток кассету и вставила ее в зев аппарата.— Вот он, полюбуйте!

Клинч взглянул на стереоэкран. Там красовалась типичная физиономия неврастеника. Худое, изможденное лицо, длинный, слегка свернутый на сторону нос, оттопыренные уши, левая бровь заметно выше правой, редкие волосы, зачесанные так, чтобы по возможности скрыть недостаток их на темени. Пожалуй, такой и мог бы пустить себе пулю в лоб.

Лоран нажала новую кнопку, и динамик заговорил бесстрастным голосом:

— «Эдуард Майзель, швейцарец, сорок два года. Холост. Окончил механический факультет Цюрихского политехнического института. Специальная подготовка на Высших курсах КОСМОЮНЕСКО. Эксплуатация горнодобывающих механизмов. Двухгодичная стажировка на Урании. Направлен инженером в составе экспедиционной группы на Мези. Родственников не имеет. От страхования жизни отказался».

Голос умолк.

— Это всё? — спросил Клинч.

— А что бы вам хотелось еще?

Тут снова бес шепнул на ухо Клинчу нечто совсем фривольное, но он усилием воли отогнал искушителя прочь.

— Какие-нибудь сведения, так сказать, более...— Клинч замялся под изучающим взглядом ее глаз.

— Интимные? — пришла она ему на помощь.

— Вот именно.

— Есть данные психоневрологического исследования. Хотите послушать?

— Пожалуй.

— Обычно мы их не оглашаем, но, думаю, здесь можно сделать исключение, не так ли?

— Конечно! — подтвердил Клинч.

Лоран нажала красную кнопку.

— «Эмоционально возбудим, — забубнил голос. — Сексуальный индекс — сорок три по шкале Крапца, коэффициент общительности — ноль тридцать шесть, показатели вхождения в норму после шокового возбуждения — два пятнадцать, критерий дружбы по Шмальцу и Рождественскому...»

— Постойте! — взмолился Клинч. — У меня и так уже мозги вверх тормашками. Что такое сексуальный индекс?

— Есть специальная формула. Если хотите...

— Не хочу. Скажите только, сорок три по шкале Крапца — это много или мало?

— Смотря по тому, с какими требованиями подходить, — улыбнулась Лоран.

— С самыми жесткими.

— Тогда — мало.

Не успел Клинч подумать, как бес сам задал за него вопрос:

— А какой, по-вашему, может быть индекс у меня?

— О, у вас! Судя по тому, как вы на меня всё время смотрите, не меньше ста.

Клинч проглотил слюну. Если бы не полученный аванс... Впрочем, что сейчас об этом думать. Всё же он не удержался и самодовольно произнес:

— Ирландская кровь!

— Представляю себе, — сказала Лоран. — Однако вам не кажется, что мы несколько отвлеклись от темы?

— Гм... Простите, мадам-азель! Итак, с Эдуардом Майзелем мы покончили. Кстати, почему его кремировали там, на Мези?

— Так предписывает устав. Во избежание переноса инфекции. Мы снабжаем экспедицию специальными портативными печами, и врач обязан производить эту операцию лично.

— Понятно. А дальше?

— Дальше контейнер с прахом отправляют на Землю.

— И куда он попадает?

— В похоронную службу. Там они переносят прах в новую урну. Приходится иметь дело с родственниками. Обязанность не из приятных.

— Я думаю. Но ведь в этом случае никаких родственников не было?

— Да, он одинокий. Его похоронили тут, в Космополисе.

— Кто-нибудь присутствовал на похоронах?

— Мистер Роу, Шнайдер и я.

— Не густо.

Мадмуазель Лоран нахмурилась:

— Вы понимаете, что после находки оболочки пули мы не могли... Словом, покойнику всё равно, а интересы дела...

— Короче, в газеты ничего не сообщили и надеялись всё скрыть?

— Да. Пока всё не выяснится.

— Кто же должен был это выяснить?

— Вы, мистер Клинч. Я настояла, чтобы пригласили именно вас, потому что мне казалось, что лучше вас никто не сможет во всем разобраться. Я так и сказала мистеру Роу.

Клинч привычным жестом расправил усы. Не каждый день приходится выслушивать комплименты из таких очаровательных уст. И всё же в бальзаме, излившемся в его душу, была какая-то горчинка. Девочка, видно, здорово предана этому сухарю Роу.

— Что ж, попробуем во всем разобраться...— сказал он.— Итак, Майзеля собственноручно сожгла Долорес...

— Сальенте.

— Долорес Сальенте. Давайте посмотрим, что за Долорес.

Мадмуазель Лоран соткала из света объемный портрет.

— Н-да...— задумчиво произнес Клинч.

— Хороша?

— Хороша — не то слово! Да будь я самим сатаной, я бы не мечтал ни о чем лучшем!

— Вы думаете, у сатаны тоже ирландская кровь? — насмешливо спросила Лоран.

— Несомненно! Все ирландцы — потомки сатаны.

По его совету Адам в первом варианте был рыжим. Бог испугался и сразу выгнал его из рая.

— Сатану или Адама?

— Обоих.

— Без Евы?

— Конечно. Поэтому мы всегда ищем женщину.

Лоран улыбнулась и включила динамик.

— «Долорес Сальенте, мексиканка, двадцать семь лет. Разведена. Девичья фамилия — Гарсиа. Бывший муж — Хозе Сальенте — фабрикант. Родители: мать — Анна-Мария Гарсиа, отец — Христофор Гарсиа, местожительство — Мехико. Долорес Сальенте окончила медицинский факультет Мадридского университета. Специальность — космическая медицина. Стажировка — в санитарном отделе КОСМОЮНЕСКО. Направлена врачом в составе экспедиционной группы на Мези. Страхование жизни — двести тысяч долларов».

— Я полагаю, что индекс по шкале Кранца не нужен? — спросила Лоран.

— Нет. И вам было не жалко загнать такую красотку к черту на рога?

Лоран подавила зевок.

— О таких вещах нужно думать, когда выбираешь профессию, — равнодушно сказала она. — Мы не только не делаем скидку на красоту, а скорее — наоборот.

— Не понял.

— Тут нечего понимать. Всегда стараемся включить в группу красивую женщину. Мужчины очень быстро опускаются в космосе, а присутствие женщины их подтягивает. Невольное соревнование, свойственное сильному полу.

«Которое иногда приводит к самоубийствам, смахивающим на уголовное преступление», — мысленно добавил Клинч.

— Так с кем же приходилось соревноваться покойнику? — спросил он.

Мадмуазель очень выразительно пожала плечами:

— Там один другого лучше. Посмотрите хотя бы на Милна.

Томас Милн, обладатель университетского диплома химика и розовой поросячьей рожицы (не то Наф-Наф, не то Нуф-Нуф), не производил впечатления заядлого ссрдцеда. Восемьдесят килограммов нежнейшего бекона. По виду, такого за уши не оторвешь от вкусной

еды и мягкой постели, однако на счету три космические экспедиции. Премия имени Роулинса. Жена и трое детей. Либо фанатик науки, решил Клинич, либо копит денежки на старость. Трудно было представить себе Милна, стоящим в засаде с пистолетом. Впрочем, кто его знает. Бывает всякое.

Зато Энрико Лоретти, биолог, был идеальным любовником, воплощенной мечтой семнадцатилетних девиц. Возраст Иисуса Христа, черные глаза и профиль гондольера. Так и просится гитара в руки. «Санта Лючия, санта Лючия!» К тому же незаурядная биография. Два развода по-итальянски. Первая жена утонула во время купания, вторая отравилась жареной камбалой. Скандальная история с несовершеннолетней дочерью миллионера. Причин вполне достаточно, чтобы плюнуть на университетскую карьеру и отсидеться несколько лет в космосе. Занятный тип. «Стоп! — прервал себя Клинич. — Слишком очевидная версия. Противоречит классическим традициям детективного романа. Так всё-таки кто же из трех? Ладно, не будем торопиться».

— Всё? — спросила мадмуазель Лоран.

Клинич взглянул на часы. Половина десятого. Свинья, задержал девочку до позднего вечера.

— Еще один вопрос.

— Какой? — Лоран скорчила гримаску.

— Не согласится ли мадмуазель поужинать со мной?

— Слава богу! Наконец-то догадались! И бросьте, пожалуйста, это дурацкое «мадмуазель», меня зовут Жюли.

5

Джек Клинич не зря прожил несколько лет во Франции. Сейчас он был при деньгах, и заказанный им ужин не вызвал бы замечаний самого изысканного гурмана. Устрицы по-марсельски, лангуст а ля кокот, петух в вине и седло дикой козы с трюфелями. На десерт — салат из фруктов с березовым соком и бланманже. Что же касается вин, то даже выдавший виды метрдотель дышал, как загнанная лошадь, когда наконец Клинич выбрал подходящий ассортимент.

Жюли, видно, проголодалась и с нескрываемым удовольствием уписывала всё, что подкладывал ей на

тарелку Клинч. От нескольких бокалов вина она стала очень оживленной и еще более соблазнительной.

Когда подали кофе, Клинч, как бы невзначай, положил свою ладонь на ее руку и сказал:

— А теперь, Жюли, расскажите, что же вас привело на работу в КОСМОЮНЕСКО.

Жюли сразу как-то сникла. От ее бывшего оживления не осталось и следа.

— Это очень грустная история, Джек.

— Простите,— смутился Клинч.— Право же, я не хотел... Если вам неприятно...

— Нет, отчего же. Иногда даже становится легче, если кому-нибудь расскажешь. Итак, слушайте сентиментальную повесть о несчастной девушке. Мой отец был коммерсантом, сколотившим состояние на поставках бразильского кофе. Он женился на моей матери, когда ему было сорок лет, а ей — двадцать. Я у них была единственным ребенком. У нас был очаровательный домик в пригороде Парижа, три автомобиля, и всё такое. Меня они очень баловали. Я окончила одну из лучших частных школ и поступила в Сорбонну. Отец всегда устраивал свои дела так, чтобы мы могли проводить каникулы всей семьей где-нибудь на море.

Я была на втором курсе, когда случилось несчастье. Отец с матерью вылетели на Гавайи, а я должна была присоединиться к ним через несколько дней, когда сдам последний экзамен. И вот нелепая катастрофа при посадке самолета. Отец и мать погибли. После смерти отца выяснилось, что дела его совсем запутаны. Он последнее время крупно играл на бирже, и неудачно. Я продала всё наше имущество, но его еле хватило на покрытие долгов. С университетом пришлось расстаться и подыскивать какую-нибудь работу. Друзья отца устроили меня в управление личного состава секретарем. Однако доктор Роу очень хорошо ко мне отнесся, и, как видите...

— Да... История не из веселых. Роу знал вашего отца?

— Нет, они не были знакомы.

«Так, так,— подумал Клинч.— Старая история о мягкосердечном старикане и девочке, оказавшейся в затруднительном положении. Лакомый кусочек, никому не хочется упустить».

В это время в ресторане появился вездесущий Макс Дрейк. Он насмешливо поклонился Клинчу, а Жюли помахал рукой.

— Вы уже успели познакомиться с Дрейком? — спросила она.

— Да, этот тип меня везде преследует.

— Представьте себе, меня тоже.

— В таком случае, я вас на минутку оставляю одну. — Клинч поднялся и направился к Дрейку.

— Вы мне нужны для небольшого разговора.

Дрейк усмехнулся и пошел за Клинчем в уборную.

Апперкот — страшный удар, особенно если противник едва достаёт вам до плеча. Клинч поднял бесчувственное тело и сунул его головой под кран.

— Сплюнь хорошенько кровь, сынок, — сказал он, когда Дрейк наконец открыл глаза. — Не забывай впредь, что ни мадмуазель Лоран, ни я не желаем видеть твою рожу. Понятно?

В ответ Дрейк пробормотал что-то совсем маловразумительное.

Клинч вернулся к своему столику:

— Простите, Жюли! Мне нужно было уладить с Дрейком одно дельце. Думаю, он вам надоедать больше не будет.

— Вы истинный рыцарь, Джек. В награду вам разрешается проводить меня домой.

Они шли по ночному бурлящему Космополису. Гостеприимно распахнутые двери ресторанов, кафе и просто забегаловок, спотыкающиеся синкопы джаза, огни световых реклам — всё это напомнило Клинчу родное Сохо. Ему стало грустно при мысли, что через несколько дней придется расстаться со всеми радостями жизни на щедрой Земле и отправиться в совершенно чуждый мир, где кто-то подло, из засады, всадил пулю в ничего не подозревающего человека.

Ослепительный фиолетовый свет затопил город. На мгновение поблекли огни реклам. Исполинская стартовая ракета прочертила огненный след в небе. Клинч взглянул на Жюли. Ее лицо показалось ему скорбным и озабоченным. Он крепко сжал ее руку и почувствовал слабое ответноежатие.

На перекрестке черный «олдсмобиль» вынырнул из-за угла и стал у них на пути. От резкой вспышки Клинч непроизвольно закрыл глаза. «Олдсмобиль»

рванул с места. Клинчу показалось, что за рулем сидел Дрейк. В руке у него был фотоаппарат.

Клинч тихонько выругался.

— Вы видели? — спросила Жюли.

Он кивнул.

— Дрейк что-то пронюхал, — задумчиво сказала она. — Это такой тип, который может здорово напасть.

— В следующий раз я сверну ему шею!

— Будьте осторожны! — сказала Жюли, и Клинч снова почувствовал пожатие ее руки.

Всё же настроение было испорчено. Они шли молча, думая каждый о чем-то своем.

— Вот здесь, на двадцатом этаже, я коротаю в одиночестве свой век, — неожиданно сказала Жюли. — Может быть, вы зайдете выпить чашку чая?

Сердце у Клинча провалилось куда-то вниз, а затем заработало с перебоями, как мотор, у которого засорился карбюратор.

— Почту за честь! — Его хриплый голос был вполне под стать этой напыщенной фразе.

Оставшиеся до отлета дни были предельно насыщены делами. Клинч изучал все донесения экспедиции, рылся в накладных управления снабжения, звонил по телефону в Мехико-Сити и в Рим. По его заданию Шнайдер куда-то летал с каким-то таинственным поручением. Привезенные им сведения привели Клинча в отличное настроение. Он принадлежал к тому типу людей, которые чувствуют себя счастливыми, только когда перед ними стоят головоломные задачи.

Все вечера он проводил с Жюли. Она оказалась очаровательной подружкой, веселой и нежной. Они бродили по улицам, заходили поужинать в маленькие кабачки, ездили на машине Жюли в окрестности Космополиса.

Наконец настал день, когда Клинч, снабженный удостоверением инспектора КОСМОЮНЕСКО, выписанным на имя того же мифического Юджина Коннели, должен был взойти на борт «Гермеса».

До космопорта его проводили Жюли и Шнайдер. Вилли молча пожал ему руку, а Жюли шепнула нечто такое, что явно не предназначалось для посторонних ушей.

Джек Клинч с трудом отвернул стопора почтовой капсулы. У него было такое чувство, будто он подвергся четвертованию. Капсула явно не была рассчитана на пассажиров его роста. Ломило шею, онемели руки, а ноги, казалось, навсегда останутся в согнутом положении. Он сначала выбросил в люк мешок с почтой, а затем, преодолевая боль в коленях, сам вылез из капсулы и огляделся. Пейзажик не радовал. Голые скалы бурого цвета, ни деревца, ни травинки. На горизонте — темно-красный диск какого-то светила. Порывистый, холодный ветер доносил глухой рев. Клинч вспомнил, что почти вся поверхность планеты покрыта океаном, и это никак не улучшило его настроения. Мысленно (уже в который раз!) он обругал Роу. Тому, конечно, хорошо, сидя в кабинете, рассуждать о вполне подходящих условиях работы.

Клинч еще раз ругнулся, на этот раз вслух, достал из капсулы свой рюкзак и начал спускаться в ущелье, ориентируясь по световому маяку. Скалолаз он был никудышный, к тому же мешал рюкзак за спиной и мешок с почтой в руках. Судя по описанию, где-то рядом проходила тропа, но в сумерках Клинчу так и не удалось ее разыскать. Он несколько раз оступался, больно ударился коленом и чуть не сломал шею, сорвавшись вниз с одного из уступов. В результате окончательно сбился с маршрута и вышел в ущелье в районе шахты, примерно в полутора километрах от базы.

Небольшое пространство между скалами было сплошь уставлено зачехленными механизмами. В центре располагалась бурильная установка. Атомная электростанция находилась в искусственной пещере, металлические ворота оказались запертыми. Клинч решил отложить детальное знакомство с местом работы. Он изнемогал от усталости.

Здесь, в ущелье, ветер дул, как в аэродинамической трубе. Хотя он и подгонял Клинча в спину, легче от этого не становилось. Объемистый рюкзак выполнял роль паруса, а крупные камни на дне ущелья напоминали подводные рифы, грозившие в любой момент вызвать кораблекрушение.

Когда Клинч наконец добрался до базы, вид у него был совсем неважный. Мокрые от пота усы свисали вниз жалкими сосульками, одежда заляпана грязью, правая штанина разорвана на колене. Шлем он потерял в скалах, и ветер раздувал кудри, совсем как у короля Лира, ищущего ночного пристанища.

Дверь алюминиевого домика оказалась на запоре.

«Странно! — подумал Клинч. — От кого здесь нужно заператься?»

Он постучал. Никакого эффекта. Постучал сильнее. Казалось, база покинута людьми. Окна закрыты ставнями, через которые невозможно что-либо разглядеть. Клинч забарабанил в дверь ногами. Неожиданно она распахнулась. На пороге, протирая глаза, стоял Томас Милн. Видимо, он только что поднялся с постели. Мятая пижама, стоптанные шлепанцы. К тому же лауреат премии Роулинса благоухал винным перегаром. Он изумленно глядел на Клинча, пытаясь сообразить, откуда тот взялся.

Клинч представился. Инспектор отдела полезных ископаемых Юджин Коннели, и всё такое.

Милн почесал затылок.

— Привезли приказ об эвакуации?

— Нет, должен определить, что требуется для продолжения работ.

Химик рассмеялся:

— Продолжения работ? Интересно, как они себе это представляют? Разве вы не знаете, что шахта затоплена?

— Знаю.

— И что же?

— Может, вы меня впустите? — раздраженно сказал Клинч. — Я не собираюсь обсуждать дела, стоя на этом чертовом ветру.

— Простите! — Милн посторонился и пропустил Клинча. — Есть хотите?

— Не откажусь.

Клинч проследовал за Милном по полутемному коридору.

— Жить вам придется здесь. — Милн открыл одну из дверей. — Если вы, конечно, не боитесь привидений.

— Это комната Майзеля?

— Да. Мы тут всё оставили, как было.

Клинч осмотрелся. Комната как комната, похожа на номер во второразрядном кемпинге. Кровать, стол,

кресло, убирающаяся в стену ванна. Раковина с двумя кранами. Горячая вода, видно, поступает от атомной электростанции. В общем, жить можно.

На столе, рядом с толстой тетрадью, лежал пистолет «хорн». Клинч сделал вид, что не заметил его. Великолепная улика, если проверить отпечатки пальцев.

— Кают-компания — в конце коридора, — сказал Милн. — Я буду там. А это что, почта?

— Совсем забыл, пожалуйста, возьмите! — Клинч подал ему мешок.

На то, чтобы принять ванну и привести в порядок одежду, ушло около сорока минут.

Когда Клинч появился в кают-компании, там уже все были в сборе.

— Знакомьтесь! Мистер Коннели, инспектор КОСМОЮНЕСКО, — представил его Милн. — Сеньора Сальенте — врач и Энрико Лоретти — биолог.

Прекрасная Долорес одарила Клинча ослепительной улыбкой. Лоретти оторвался на миг от газеты и небрежно кивнул.

Милн поставил на стол перед Клинчем банку само-разогревающихся консервов, пачку галет и термос.

— Вы прибыли вместо Майзеля? — спросила Долорес.

Клинч дожевал твердую галету и ответил:

— Нет, с инспекторской целью.

— Вот как? С какой же именно?

Клинч налил себе из термоса чуть тепловатый кофе.

— Мне поручено выяснить, как быстро можно начать работы в шахте.

Лоретти неожиданно расхохотался.

— Бросьте врать! — Он протянул Клинчу газету. — Никакой вы не инспектор Коннели, а полицейская ищейка Джек Клинч. Вот, полюбуйтесь!

Клинч развернул газету. Это были «Космические новости». На первой странице красовалась большая фотография его особы под заголовком:

«Детектив Джек Клинч отправляется на Мези для расследования предполагаемого убийства Эдуарда Майзеля».

Да... Видимо, у Дрейка был настоящий нюх репортера. Только подумать, что Клинч сам доставил этот

номер газеты в мешке с почтой. Такого промаха он ни разу еще не допускал в своей работе.

Лоретти встал и демонстративно вышел из кают-компаний.

Милн впился своими поросычьими глазками в Клинка:

— Так что, Пинкертон, придется выложить карты на стол?

— Придется,— усмехнулся Клинка.— Однако не забывайте, что я еще к тому же наделен инспекторскими полномочиями.

— Постараемся не забыть.

Милн поднялся и вместе с Долорес покинул кают-компанию, оставив Клинка допивать холодный кофе.

2

Из дневника Джека Клинка

21 марта.

Итак, по воле нелепой случайности я превратился из детектива в следователя. Весь разработанный план пошел насмарку. Приходится вести игру в открытую. Вся надежда на то, что убийца непроизвольно сам себя выдаст. Нужно перейти к тактике выжидания, ничего не предпринимать, ждать, пока у преступника сдадут нервы и он начнет делать один ошибочный ход за другим. Впрочем, кое-что уже есть. Пистолет «хорн». Кто-то промыл его спиртом, смыл отпечатки пальцев. При этом так спешил, что не заметил нескольких волокон ваты, прилипших к предохранителю. Всё это было проделано, пока я в одиночестве пил кофе. Когда я вернулся в комнату, запах спирта еще не выветрился.

В обойме не хватает одного патрона, в стволе — следы выстрела. Обшарил всю комнату в поисках стреляной гильзы. Безрезультатно. Либо выстрел был произведен в другом месте, либо гильзу предусмотрительно убрали. Первая версия более вероятна. Комната слишком мала, чтобы пуля 35-го калибра не прошла навывлет. Вероятно, выстрел был сделан с расстояния 20—30 метров. Ладно, не будем торопиться с выводами, а пока — спать!

22 марта.

Спал отвратительно. Всю ночь мерещились шаги в коридоре и какой-то шепот. Несколько раз вставал и подходил к двери, шаги смолкали. На всякий случай, запер дверь на ключ и сунул под подушку пистолет. У меня нет никакого желания прибыть на Землю в кремированном виде.

Утром завтракал в одиночестве. Опять консервы и кофе, который сам сварил на плитке. Обитатели базы не показывались.

Просмотрел тетрадь, лежавшую на столе. В ней — данные геофизической разведки с многочисленными пометками, сделанными другой рукой. Видимо, это почерк Майзеля. Очень характерный почерк, неразборчивый и с наклоном в левую сторону. Жаль, что я не графолог, с этим почерком стоило бы познакомиться.

Если затопление шахты — диверсия, то проделана она со знанием дела. Рядом с главным стволом — подземное озеро, миллионы кубометров воды. Галерея шахты должна была идти в другом направлении. Очевидно взрыв разрушил перемычку между стволом и озером. Если так, то откачать воду вряд ли удастся.

Листая тетрадь, сделал любопытное открытие: на полях, в нескольких местах, — женский профиль. Рисунок не очень искусный, но всё же улавливается нечто общее с профилем прекрасной Долорес. Чернила те же, что и на пометках, сделанных Майзелем. Любопытно! Сразу складывается версия: ревнивец, стреляющий по счастливому сопернику. Впрочем, чушь! Не такая была внешность у Майзеля, чтобы взять приз на подобных скачках. Тогда что же? Неразделенная любовь. Опять-таки повод для самоубийства. Но самоубийства не было, значит... Значит, гипотеза не подходит.

Около двух часов пополудни услышал, как кто-то топает по коридору. Открыл дверь и столкнулся с ученым Томасом Милном. Он был настолько пьян, что шел держась за стены.

Я спросил его, когда здесь обедают.

Он подтянул сползающие брюки и ответил:

— Когда захотят. Что касается меня, то постараюсь проделывать это в такое время, когда вас там не будет. Ясно?

Яснее выразиться трудно. Как говорится, благодаря за комплимент.

Обедал в одиночестве. На кухне, примыкающей к кают-компаний,— холодильная камера. Большой набор продуктов, но не чувствуется, чтобы ими пользовались. Сковородки и кастрюли покрыты толстым слоем пыли. Разыскал замороженное мясо и зажарил себе бифштекс, весом в два фунта. Запил пивом. После этого стало как-то веселее жить.

Вымыл посуду и направился восвояси.

В кают-компаний обнаружил Энрико Лоретти, поглощающего консервы. Увидев меня, он вздрогнул и выронил вилку.

Я спросил его, почему никто не готовит обед.

Он пожал плечами:

— Так безопасней.

— В каком отношении?

— В запаянную банку труднее подсыпать яд.

Я почувствовал, как у меня в животе перевернулся съеденный бифштекс. Впрочем, разговор принял приятное направление, и я решил его продолжить:

— Чепуха! Кто же тут может подсыпать яд?

— Не беспокойтесь, желающие найдутся.

Он бросил в мусоропровод банку и, не поднимая глаз, вышел из кают-компаний.

Я вернулся в свою комнату и сразу почувствовал, что в ней что-то изменилось. Тетрадь на столе была немного сдвинута, а в воздухе витал чуть уловимый запах духов.

Я снова просмотрел тетрадь. Один лист оказался вырванным. К сожалению, в прошлый раз я ее только перелистал, и сейчас никак не мог вспомнить, что же могло быть на этих страницах.

Пересмотрел заново все записи. Ничего интересного, если не считать рисунков на полях.

Спать лег рано, приняв соответствующие меры против непрошенных визитеров.

23 марта.

Первый допрос Долорес Сальенте. Всё получилось совершенно неожиданно. Я готовил себе завтрак, когда она пришла на кухню:

— Доброе утро, мистер Клинч!

— Доброе утро, сеньора!

— Можете называть меня Долорес.

— Благодарю вас!

Она села на табуретку. Я невольно залюбовался ею, до того она была хороша в кружевном пеньюаре. Пахло от нее уже знакомыми мне духами.

Я предложил ей кофе.

Она сидела опустив глаза, пока я жарил яичницу. Женщины обычно плохо умеют скрывать волнение. В таких случаях их выдает напряженная поза. Долорес несколько раз порывалась что-то сказать, но не решалась. Пришлось прийти ей на помощь:

— Вы хотите меня о чем-то спросить?

— Да.

— Пожалуйста!

— Почему... почему вы меня не допрашиваете?

Я рассмеялся.

— А почему вы решили, что я должен вас допросить?

Она взглянула мне в глаза, и я почувствовал, что это крепкий орешек, гораздо крепче, чем можно было предположить. Во взгляде мексиканки было нечто такое, что трудно определить. Какая-то смесь страха и твердой решимости бороться до конца. Раненая пантера, приготовившаяся к прыжку.

— Ведь вы меня, наверное, подозреваете в убийстве Майзеля, — сказала она спокойным тоном, будто речь шла о совершенно обыденных делах.

Нужно было чем-то сбить этот тон, и я спросил:

— Зачем вы вчера заходили ко мне в комнату?

Она побледнела и закусила губу.

— Случайно. Я привыкла поддерживать в ней порядок, и вчера, совершенно машинально...

— Не лгите, Долорес! Вы вырвали лист из тетради. Почему? Что там было такого, что вам обязательно понадобилось это убрать?

— Ничего. Клянусь вам, ничего особенного!

— И всё же?

— Ну... там были... стихи, и я боялась, вы неправильно поймете... Словом, всё это личное.

— Где эти стихи?

— У меня в комнате.

— Пойдемте!

Несколько секунд она колебалась.

— Ну что ж, пойдемте!

В коридоре мы столкнулись с Лоретти. Нужно было

видеть выражение его лица, когда я, вслед за Долорес, входил в ее комнату.

— Вот! — Она протянула мне сложенный вчетверо тетрадный лист.

На полях, рядом с данными гравитационных изменений, были нацарапаны стихи, которых раньше я не заметил.

Когда со светом фонаря
Смешает бледный свет
Мертворожденная заря,
В окно вползает бред.
И то, что на меня ползет,
Огромно, жадно и безлико.
Мне страшно, раздирают рот
В тиши немые спазмы крика.
Мне от него спасенья нет.
Я тяжесть чувствую слоновью...
И говорят, что этот бред
В бреду я называл любовью.

- Эти стихи посвящены вам?
- Не знаю. Возможно.
- Он был вашим любовником?
- Нет.
- Он вас любил?
- Да... кажется.
- А вы его?
- Нет.

Я вернул ей листок со стихами. Мне он был не нужен, а ей... Кто разберется в душе женщины, да еще и к тому же красивой.

- Как умер Эдуард Майзель?
- Он застрелился.
- Где?
- Около шахты.
- Кто его обнаружил?
- Милн.
- Как там очутился Милн?
- Эдуард не пришел ночевать, и Милн отправился его искать.
- Милн принес труп на базу?
- Нет, он прибежал за нами, и мы втроем...
- Куда стрелял Майзель?
- В голову.
- Рана была сквозная?
- Не знаю. Череп был сильно изуродован, и я...
- Договаривайте!

— И я... Мне было тяжело на это смотреть.

— И всё же вы его собственноручно кремировали?

— Я обязана была это сделать.

— Вам кто-нибудь помогал?

— Энрико.

Я задумался. Тут была одна тонкость, которая давала повод для размышлений. Долорес, видимо сама того не замечая, называла Майзеля и Лоретти по имени, а Милна — по фамилии. Это не случайно. Очевидно, отношения между членами экспедиции были в достаточной мере сложны.

— Как вы думаете, почему застрелился Майзель?

Я намеренно немного отпустил поводья. Сделал вид, что верю, будто это самоубийство. Однако во взгляде Долорес снова мелькнул страх.

— Не знаю. Он вообще был какой-то странный, особенно последнее время. Я его держала на транквилизаторах.

— Он всегда был таким?

— Нет, вначале это не замечалось. Потом он стал жаловаться на бессонницу, ну а после взрыва...

— Он прибегал к снотворному?

— О, да!

Еще одна загадка. Если убийца — Долорес, то проще ей было его отравить. Ведь она — врач, и сама должна была определить причину смерти. Проще просто — вкатить смертельную дозу наркотика, а в заключении поставить диагноз: паралич сердца. Нет, тут что-то не то! И всё же откуда у нее этот страх? Я вспомнил слова Лоретти о яде, который могут подсыпать в пищу. Они все тут чего-то боятся. Не зря же питаются только консервами. Остерегаются друг друга? Бывает и так, когда преступление совершено обща.

Я решил провести разведку в другом направлении.

— Что вам известно о взрыве в шахте?

— Почти ничего. Эдуард сказал, что это от скопления газов.

— В это время кто-нибудь был на рабочей площадке?

— Мы все были на базе. Взрыв произошел во время обеда.

В каждом допросе есть критическая точка, после

которой либо допрашиваемый, либо следователь теряют почву под ногами. Я чувствовал, что наступает решающий момент, и спросил напрямик:

— Взрыв в шахте мог быть результатом диверсии?

Кажется, я попал в цель. Теперь во взгляде Долорес было такое выражение, какое бывает у тонущего человека.

— Нет, нет! Это невозможно!

— Почему?

— Не знаю.

Мне показалось, будто что-то начинает проясняться, и я задал новый вопрос:

— У вас есть оружие?

— Есть... пистолет.

— Такой? — Я достал из кармана пистолет Майзеля.

— Да.

— Зачем он вам? Ведь здесь, на Мези, не от кого защищаться.

— Не знаю. Все экспедиции снабжаются оружием.

Проклятье! Я вспомнил, что в документах нет никаких данных о номерах пистолетов. Тот, что я сейчас держал в руках, мог принадлежать любому члену экспедиции.

— Как пистолет Майзеля оказался в его комнате?

— Я его подобрала около шахты.

— А почему вы, после моего появления здесь, смыли с него отпечатки пальцев?

Она удивленно подняла брови.

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Позавчера вечером пистолет был промыт спиртом.

— Клянусь вам, что я об этом не знаю!

Возможно, что на этот раз она не лгала.

— Благодарю вас, Долорес! Пожалуйста, никому не рассказывайте, о чем мы тут с вами беседовали.

— Постараюсь.

Я откланялся и пошел к себе. Итак, новая версия: Долорес взрывает шахту. Об этом становится известно Майзелю, и она в спешке приканчивает его из своего пистолета. Затем берет его пистолет, а свой оставляет на месте преступления. Однако сколько требуется натяжек, чтобы эта версия выглядела правдоподобно!

24 марта.

Снова спал очень плохо. Ночью кто-то тихо прошел по коридору, постоял у моей двери, а затем тихонько попробовал ее открыть. Я схватил пистолет и распахнул дверь, но в коридоре уже никого не было. Потом я долго не мог уснуть. Я не робкого десятка, но иногда мне тут просто становится страшно. Есть что-то зловещее во всей здешней обстановке.

Утром решил осмотреть шахту. Впрочем, утро — понятие довольно относительное. Живем мы все тут по земному времени. Фактически же ни дня, ни ночи нет. Всегда сумерки, а вечно маячащий на горизонте багровый диск скорее греет, чем светит. Я невольно вспомнил стихи Майзеля. «Мертворожденная заря», — сказано очень точно.

Это была моя первая вылазка за пределы базы. В ущелье дул ветер, и идти против него было нелегко.

С годами у меня выработалось обостренное чувство опасности. Я обычно инстинктивно поворачиваюсь раньше, чем выстрелят в спину. Это не раз спасало мне жизнь. Вот и сейчас, идя согнувшись в сплошной пелене хлеставшего по глазам дождя, я чувствовал, что за мной кто-то крадется. Несколько раз, на ходу, я просматривал пространство за собой при помощи карманного зеркальца. Однажды мне показалось, что за уступ скалы скользнула какая-то тень. Я сунул руку в карман и перевел предохранитель пистолета в боевое положение. К сожалению, это мало что меняло. Шум дождя заглушал все другие звуки, а для того, кто крался сзади, я был отличной мишенью.

Всё же до шахты я добрался без всяких приключений. Здесь, над небольшим пятачком, где располагалась бурильная установка и стояли бездействующие механизмы, скалы нависали со всех сторон, образуя своеобразное перекрытие. Ветер тут свирепствовал с особой силой.

Я заглянул в глубь ствола и увидел зеркало воды, примерно в десяти метрах от поверхности.

Я попытался представить себе всё, что тут произошло, и внезапно меня осенило. Нужно точно выяснить, где был обнаружен труп, а затем попытаться найти гильзу от патрона. В случае самоубийства она должна была находиться где-то рядом. На всякий слу-

чай, я решил осмотреть почву возле самой шахты, благо со мной был электрический фонарь.

Я был целиком поглощен поисками, и только присутствующее мне шестое чувство заставило отпрыгнуть в сторону, раньше чем на место, где я стоял, обрушился сверху обломок скалы.

Теперь отпали все сомнения. Меня хотят убить по той же причине, по которой убили Майзеля. Из охотника я превратился в дичь.

3

Из дневника Джека Клинка

25 марта.

Вчера я вернулся на базу совершенно разбитый. Повесил сушить одежду и завалился на кровать. Несмотря на усталость, спал плохо. Во сне мерещились то серый тень с пистолетом в руке, то Роу, приказывающий найти убийцу, то окровавленный Майзель, который, стоя на краю шахты, взывал к возмездью. Проснулся с твердым намерением, не откладывая, довести до конца всё, что решил вчера. Оделся и, не завтракая, постучал в дверь к Томасу Милну.

В ответ послышался хриплый голос, приглашавший войти.

Великий боже! Мне показалось, что я попал в клетку со скунсом. Неприбранная кровать с грязными простынями, стол, заставленный химической посудой, обрывки бумаги и окурки на полу. Запах давно не мытого тела и алкоголя.

Химик сидел полуодетый на кровати и уписывал консервы. В ногах у него стояла уже опорожненная бутылка виски.

— А, комиссар Мегрэ! — приветствовал он меня с насмешливой улыбкой. — Вот не ожидал! Ну что ж, давайте выпьем по этому поводу! — Он подошел к шкафу и достал новую бутылку. — Вот черт! Где-то был стакан. Впрочем, пейте из горлышка первый, я-то не брезгливый, могу после вас.

Я взял бутылку, подошел к шкафу, поставил ее на место, запер дверцу и положил ключ в карман.

Он смотрел на меня вытаращив глаза.

— Эй! Какого дьявола вы распоряжаетесь в моей комнате?!

— По праву старшего.

— Тут нет старших. У нас персимфанс, оркестр без дирижера, так что отдайте ключ и катитесь к чертовой матери!

— Я инспектор отдела полезных ископаемых.

Тут он взорвался окончательно:

— Сукин сын вы, а не инспектор! Будь вы инспектором, вы бы видели, что тут творится! Пора закрывать эту лавочку, не то...

— Что же вы замолчали? Я вас слушаю.

Он устало махнул рукой.

— Отдайте ключ.

— Не отдам. Вы мне нужны в таком состоянии, чтобы дойти до шахты.

Опять это знакомое мне выражение испуга:

— До шахты? Я туда не пойду.

— Почему?

— Мне там нечего делать.

— Вы помните место, где подобрали труп Майзеля?

— А что?

— Покажите мне.

— Не могу.

— Как это — не можете?

— Забыл.

Я подошел к нему, схватил за плечи и потрянул с такой силой, что у него лязгнули зубы.

— Одевайтесь, и пошли!

— Я не могу, — вдруг захныкал он, — я болен!

— Вы не больны, а пьяны.

— Нет, болен. У меня кашель, высокая температура и еще печень болит.

— Хорошо. Сейчас я приглашу сюда сеньору Сальенте. Она определит, больны вы или нет, и, если нужно, даст лекарство.

Внезапно он протрезвел:

— Сальенте? Ну нет! Скорее я суну голову в львиную пасть, чем возьму лекарство из рук этой гадюки!

— Почему?

— Хочу еще пожить.

Я начал терять терпение:

— Послушайте, Милн. Или вы перестанете валять дурака и говорить загадками, или я вас так трахну головой о стену, что вы забудете, как вас зовут!

— Я не говорю загадками. Просто я боюсь этой женщины.

— Вы считаете, что она могла убить Майзеля?

Он расхохотался.

— Убить Майзеля?! Ох, уморил! Долорес могла убить Майзеля! Да вы знаете, что она нянчилась с этим хлюпиком, как с малым ребенком? После взрыва в шахте он запсиховал, ну что-то вроде нервной горячки. Так она с ним ночи сидела напролет. А вы — убить! Нет, уважаемый Шерлок Холмс, тут ваш метод дал осечку.

— Вы уверены, что Майзель покончил с собой?

— А кто его знает? Может, и покончил. Я при этом не присутствовал. А вообще он был чокнутый, этот Майзель.

— Хватит! Одевайтесь!

Видно, он понял, что я от него всё равно не отвяжусь.

— Отдайте ключ, тогда пойду.

— Не отдам. Вернемся, пейте сколько влезет.

— Ну один глоточек!

— Черт с вами! Лакайте!

Я отпер шкаф и налил ему в мензурку на два пальца. Но тут у меня опустилась рука и содержимое бутылки полилось на ноги. Среди огрызков хлеба и недокуренных сигарет на столе лежала стреляная гильза.

— Перестаньте разливать виски! — крикнул Милн. — У меня его не так много осталось, чтобы поливать пол.

Я поставил бутылку.

— Скажите, Милн, откуда у вас эта гильза?

Он выпил и еще раз налил. На этот раз я ему не препятствовал.

— Откуда гильза? Подобрал около шахты.

— Когда?

— Не помню. Давно.

— Зачем?

— А чего ей там валяться?

Я взял гильзу. Судя по влажным окислам на поверхности, она долго находилась под открытым небом и попала на стол к Милну не далее чем вчера.

— Ладно, — сказал я, — поход отменяется, а теперь садьте, и поговорим по душам.

— А разве до этого мы говорили не по душам?

Он снова начал хмелеть, но я подумал, что, может, это лучше. Больше вероятности, что проболтается спяну.

— Слушайте, Милн. Есть основание считать, что Майзель был убит, и подозрение падает на вас.

Он ухмыльнулся:

— Ну нет, номер не пройдет! У меня — железное алиби. Я тогда два дня не уходил с базы.

— Но именно вы нашли труп.

— Это еще ничего не доказывает.

Милн нахмурился и засопел. Видимо, такая постановка вопроса ему была не очень приятна. Я выдержал долгую паузу и спросил:

— Вы вчера шли за мной к шахте?

— Шел.

— Зачем?

— Обожаю детективные романы. Хотел поглядеть, как работает прославленный Джек Клинч.

— И, чтобы облегчить работу, спрятали гильзу?

— Может быть.

— Где вы ее обнаружили?

— Она сама попалась мне под ноги. Около входа на пятачок. Видно, отнесло туда ветром.

Я мысленно обругал себя болваном. Эту возможность я не предусмотрел. В самом деле, ветер такой силы вполне мог откатить легкую гильзу.

— А потом из-за того же интереса к детективным сюжетам вы пытались меня убить?

— Я этого не делал. Слышал, как упал обломок скалы, но я находился тогда внизу.

— Что же, он сам так просто и свалился?

— Возможно. Такие вещи тут бывают. Полно бактерий, разлагающих горные породы. Остальное делает ветер.

— А вы не допускаете мысли, что этот обломок кто-то сбросил нарочно?

— Вполне допускаю.

— Кто же это мог сделать?

Он удивленно взглянул на меня:

— Как кто? Конечно, Энрико. Вы его еще не знаете. Угробил двух жен, и вообще ему убить человека легче, чем выкурить сигарету.

О господи! Час от часу не легче! Я вообще уже перестал что-либо понимать. Если даже допустить, что все они убили Майзеля сообща, то какой ему резон

топить Лоретти. Ведь о главной улике — оболочке пули, найденной в пепле, — им ничего не известно. Зачем же Милну так легко соглашаться с версией убийства? На суде всё равно вскрыется правда, тем более что изворачиваются они очень неумело. Однако, так или иначе, но допрос нужно было довести до конца.

— Значит, Лоретти мог и Майзеля убить?

— Конечно!

— Вы располагаете какими-нибудь данными на этот счет?

— Я же вам сказал, что это законченный негодяй.

— Ну а взрыв в шахте — тоже дело чьих-нибудь рук?

— Не думаю. Тут всё объясняется просто. Бактерии выделяют много водорода. Я предупреждал Майзеля, чтобы он был осторожнее.

— И он вас не послушал?

— Видно, не послушал, раз произошел взрыв.

В комнате было нестерпимо душно, и я весь взмок. Хотелось поскорее уйти из этого логова алкоголика, но многое в Милне мне еще оставалось неясным. Я решил повернуть допрос в новое русло:

— Скажите, Милн, почему вы так опустились? На Земле у вас — жена и трое детей. Неужели вам не стыдно было бы предстать перед ними в таком виде?

Он вздрогнул, будто я ударил его по лицу.

— Мне страшно, Клинич, — произнес он после небольшой паузы. Весь его гаерский тон куда-то улетучился. — Вы знаете, что такое страх?

— Знаю.

— Нет, не знаете, — вздохнул он. — Вам, наверное, никогда не приходилось умирать от страха. Мне кажется, что я схожу с ума. Я боюсь всего. Боюсь этой проклятой планеты, боюсь Лоретти, боюсь Долорес, боюсь...

— Меня? — подсказал я.

— Да, вас. Боюсь, что вы мне пришьете дело об убийстве, в котором я не виноват!

Я протянул ему бутылку, и он с жадностью припал к горлышку.

— Не собираюсь вам пришивать дело, Милн, но если в моих руках будет достаточно улик, тогда берегитесь!

— Спасибо за откровенность! — Он запрокинул голову и вылил себе в глотку добрых полпинты неразбавленного виски.

— И вот что еще, — сказал я, — отдайте мне ваш пистолет.

Милн безропотно вытащил из кармана брюк вороненый «хорн» и подал его мне. Пистолет был на боевом взводе со спущенным предохранителем. У меня заныло под ложечкой, когда я подумал, что всё это время ему было достаточно сунуть руку в карман, чтобы выпустить мне в живот целую обойму. Впрочем, так открыто он вряд ли бы на это решился. Такие обычно наносят удар из-за угла.

Я встал и уже в дверях как бы невзначай задал вопрос:

— Кстати, не вы ли на днях смыли спиртом следы пальцев с пистолета Майзеля?

— Я.

— Почему?

— Всё по той же причине. Там могли быть и мои следы.

26 марта.

Опять не мог уснуть. Поводов для размышлений было более чем достаточно. Что представляет собой Милн? Откуда эта смесь наглости и страха? Почему он старается выгородить Долорес и поставить под подозрение Лоретти? Отчего не спрятал гильзу, а оставил ее на столе? Трудно предположить, чтобы он не ожидал моего визита. Тогда что же? Желание поиграть в опасную игру? К тому же, мне казалось, что временами он прикидывался более пьяным, чем был на самом деле.

Если принимать поведение Милна всерьез, то напрашивается версия, при которой преступники — Милн и Долорес, а Лоретти что-то знает, но по неизвестным причинам не решается их разоблачить. Тогда становятся понятными загадочные слова Лоретти о яде, который могут подсыпать в пищу.

Кроме того, оставалось невыясненным вчерашнее падение камня. Случайность это или покушение?

Видимо, с камня и нужно начинать распутывать весь клубок.

Я оделся и, стараясь двигаться как можно тише, чтобы никого не разбудить, вышел на воздух.

Ветер стих, дождя тоже не было, и я дошел до шахты значительно быстрее, чем позавчера. На этот раз я был уверен, что за мною никто не крадется, поэтому позволил себе полностью расслабиться. После нескольких дней непрерывного напряжения, впервые я наслаждался чувством безопасности и с удовольствием вдыхал свежий воздух.

Без особого труда мне удалось найти место, где я чуть было не отправился к праотцам. Обломок скалы, весом в несколько тонн, выглядел достаточно внушительно для надгробного памятника ирландцу на чужбине. Такого не постыдился бы даже мой дед, заказавший себе при жизни самый роскошный склеп в Дублине.

Я вооружился лупой и самым тщательным образом исследовал поверхность обломка. Милн говорил правду. Весь разлом, за исключением тонкой перемычки, был изъеден, как сыр рокфор. Впрочем, оставшуюся перемычку могли с одинаковым успехом сломать и ветер, и человек.

Оставалось только бегло осмотреть почву. Следы крови давно уже должны были быть смыты дождями, а на какую-нибудь случайную находку я мало рассчитывал.

Вскоре я отправился назад, так и не обнаружив ничего интересного.

До базы оставалось не более сорока шагов, когда я услышал громкие голоса. На всякий случай, я спрятался за выступ скалы и, выждав немного, осторожно высунул голову.

У дверей базы оживленно разговаривали Милн с Лоретти. Вернее, говорил Милн, а Лоретти весело смеялся. Затем Лоретти похлопал Милна по плечу, и они, продолжая беседовать, скрылись в дверях.

Я простоял в своем укрытии еще несколько минут, а затем с беспечным видом пошел к дому.

Однако выдержки мне хватило ровно настолько, чтобы дойти до своей комнаты. Там я бросился на кровать и в отчаянии схватился за голову. Теперь я решительно ничего не понимал! У меня даже мелькнула мысль, не разыгрывают ли тут меня. Неплохой сюжетик для водевиля. Сыщик явился для расследования убийства, а изнывающие от безделья ученые подсовывают ему одну липовую версию за другой и потом веселятся за его спиной. Если так... Впрочем, нет! Весь

мой многолетний опыт детектива подсказывает, что это не то. Я вспомнил выражение испуга во взгляде Долорес. Нужно быть изумительной актрисой, чтобы играть с таким искусством. Кроме того, Майзель мертв, а у меня в кармане — оболочка пули. Тут уж не до шуток. Для убийцы дело пахнет максимальным сроком заключения, если не хуже.

Я вымыл голову под краном и решил побриться, но тут мне был преподнесен новый сюрприз. Кто-то постучал в дверь, и голосок Долорес произнес сладчайшим тоном:

— Мистер Клинч, идите завтракать!

Этого я ожидал меньше всего.

В кают-компании моему взгляду представилась истинная буколическая картина. Во главе стола восседала прекрасная Долорес. На ней было ажурное платице, на изготовление которого ушло меньше шерсти, чем можно было бы настричь с моих усов. Справа от нее сидел свежесбрившийся Милн в крахмальной рубашке с галстуком, к тому же совершенно трезвый. Слева — Лоретти, красивый, как супермен на сигарной этикетке.

Они ели яичницу с беконом. В центре стола красовалось большое блюдо с тостами.

Я пожелал им приятного аппетита. Долорес жестом указала мне место напротив себя.

— Вам кофе с молоком или черный? — спросила она.

— Благодарю вас, черный.

Лоретти пододвинул ко мне сковороду с яичницей, и мы с ним обменялись любезнейшими поклонами.

Я подумал, что, видимо, это мой последний завтрак в жизни. Неплохо придумано! Трое свидетелей внезапной смерти Джека Клинча. Виноват, Юджина Коннели, инспектора и т. д. Дальше всё по трафарету. Контейнер с прахом отправляется на Землю, прелестные пальчики мадмуазель Лоран повязывают траурный креп на урне, скромные похороны на кладбище в Космополисе.

— Почему вы не едите? — поинтересовалась Долорес.

— Спасибо, не хочется.

— Бойтесь, что отравят? — усмехнулся Милн.

— Нет, не боюсь.

— Бойтесь! — Он поддел вилкой большой кусок с моей сковороды и отправил себе в рот. — Ну что? Убедились?

— Убедился. — Я мысленно вознес молитву святому Патрику и залпом выпил кофе.

— Как вам здесь нравится? — светским тоном осведомилась Долорес.

— Ничего, очень мило. А у вас сегодня что, какой-нибудь праздник?

— У нас теперь каждый день — праздник, — сказал Милн. — Делать-то нам нечего.

— Смотря кому, — поморщился Лоретти, — мне так работы хватает.

— Вот как, вы продолжаете работу? — Для меня это было новостью.

— Делаю кое-что.

— Когда же нас всё-таки отправят на Землю? — снова задала вопрос Долорес.

— Не знаю. Это должен решить мистер Роу.

— Ну а ваше мнение?

— Я думаю, что базу нужно ликвидировать. Откачать воду из шахты вряд ли удастся, а бурить такую толщу скал невозможно.

— Правильно! — хлопнул рукой по столу Милн. — Вот это слова! Приятно слушать!

Лоретти встал со стула:

— Прошу извинить, у меня — дела.

Я тоже поднялся:

— Спасибо за кофе, Долорес! Мне нужно с вами поговорить, сеньор Лоретти.

Он удивленно поднял брови.

— Пожалуйста, но только не раньше чем через час. Я должен закончить опыт.

Я провел этот час у себя в комнате, пытаюсь разобратся, чем была вызвана удивительная метаморфоза. Чем больше предположений я строил, тем меньше что-нибудь понимал.

Так ничего и не решив, я направился к Лоретти.

Дверь комнаты Милна была открыта. Я заглянул туда. Долорес босиком, в шортах мыла пол. Милн, с видом пай-мальчика, без ботинок, поджав ноги, сидел на тщательно застеленной кровати. Окно было распахнуто, и даже видневшееся в нем небо имело какой-то непривычно голубоватый оттенок.

Поистине день чудес!

Долорес меня заметила и, откинув тыльной стороной руки прядь волос, улыбнулась:

— Не правда ли, мистер Клинч, Милн ужасная неряха?!

Я неплохо разбираюсь в женских ногах и могу сказать без преувеличения, что у Долорес они — выше всяких похвал. Увы! Детективу часто приходится приносить в жертву самое лучшее, чем может жизнь одарить мужчину. Впрочем, лирику побоку! Мне предстоял важный разговор, который мог кое-что прояснить.

Я постучал в дверь Лоретти.

Он сидел за микроскопом и кивком головы предложил мне сесть.

Я огляделся по сторонам. В комнате был идеальный порядок. В углу, над кроватью, висела фотография молодой девушки, почти ребенка. Мне невольно вспомнилась история с несовершеннолетней дочерью миллионера.

— Поглядите, мистер Клинч, металлургический завод в миниатюре.

Я подкрутил окуляры по своим глазам. В капле, на предметном столике, копошились какие-то твари.

— Бактериологическое разложение осмистого иридия, — пояснил Лоретти. — Полный переворот в технике. Огромная экономия, не нужно ни электрического тока, ни сложного оборудования. Всё идет без вмешательства человека.

— Да, занятно. Но какой сейчас в этом толк, если шахта затоплена, а другого места для добычи на планете нет? — Я намеренно задал этот вопрос. Меня интересовало, как он воспринимает всё случившееся.

— Не беда! — ответил он небрежным тоном. — Тут у меня подготовлено несколько штаммов для отправки на Землю. Не удалось тут, наладим там.

— А это не опасно?

— В каком смысле — опасно?

— Всё-таки бактерии. А вдруг они вызовут на Земле какую-нибудь эпидемию?

— Исключено!

— Почему?

Он достал из стола коробку с сигарами. Это были мои любимые «Корона-корона», и я с удовольствием закурил.

— Видите ли, мистер Клинч,— сказал он, выпустив большой клуб дыма,— здесь, на Мези, никогда не было животной жизни, поэтому и опасных для живого организма бактерий быть не может. Они просто не смогли появиться в процессе эволюции.

— А если они, попав на Землю, приспособятся вместо осмистого иридия паразитировать на живых существах?

— Не думаю. Тогда это — уже не те бактерии. Кроме того, будут приняты все необходимые меры предосторожности. Концерн «Горгона», куда я собираюсь их передать, обладает огромными возможностями.

Я чуть не проглотил от неожиданности собственный язык. Передо мной сидел человек, который совершенно открыто говорил о своих связях с «Горгоной».

— Как?! Вы собираетесь, помимо КОСМОЮНЕСКО, передать их концерну?

— Почему помимо? Они пройдут санитарно-эпидемиологический контроль КОСМОЮНЕСКО, а Роу не будет возражать. Чистый иридий нужен позарез. Здесь его добывать не удалось, нужно расширить добычу на Земле. Я даже хотел просить вас захватить два штамма с собой.

Нет! Это был либо дурак, либо величайший негодяй из всех, которых мне приходилось встречать. Ничего не скажешь, ловко! Сначала — диверсия здесь, а потом — обогащение «Горгоны» за счет КОСМОЮНЕСКО.

Всё же нужно было делать вид, что у меня не возникло никаких подозрений. Я решил переменить тему:

— Чем вы объясняете сегодняшний торжественный завтрак в полном сборе?

Он поморщился и раздавил в пепельнице сигару.

— Людям иногда надоедает валять дурака, мистер Клинч.

— И вам тоже?

— И мне тоже.

— А я уже подумывал, нет ли тут каких-нибудь бактерий, вызывающих умопомешательство.

— Таких бактерий тут быть не может, я уже объяснял почему.

Я тоже погасил сигару и встал.

— Очень благодарен вам за беседу. Если не возражаете, зайду как-нибудь еще.

— С наручниками?

— Пока без них.

Он снова занялся своим микроскопом. Я подождал, пока его мысли не переключились целиком на работу, и спросил:

— Чем вызван взрыв в шахте?

— Не знаю, — ответил он, не отрываясь от окуляров. — Это не по моей части, спросите Милна.

— Милн считает, что был взрыв газа.

— Значит, взрыв газа.

— И о смерти Майзеля вы ничего не можете мне сообщить?

— И о смерти Майзеля я вам ничего не могу сообщить, обратитесь к Долорес.

— До свиданья, сеньор Лоретти.

— Прощайте, мистер Клинч.

4

Из дневника Джексона Клинча

4 апреля.

Восемь дней ничего не записывал. Внезапно возникшая нежная дружба между обитателями базы тает, как кусок сахара в стакане чая. Некоторое время еще продолжались совместные трапезы, но уже без былого блеска. Долорес что-то готовила на скорую руку, однако созвать всех вовремя к обеду было нелегко. Уже на третий день Милн стал являться в кают-компанию под хмельком, а Лоретти часто отсутствовал, ссылаясь на срочные опыты. Видимо, ему не терпится передать «Горгоне» драгоценные бактерии.

Всё же встречи за столом давали мне единственную возможность продолжать наблюдения. Остальное время все отсиживаются по своим комнатам. Снова дует ветер, и мы живем при искусственном свете. Приходится держать ставни закрытыми. Даже специальные стекла не выдерживают напора ветра. О том, чтобы выйти на прогулку, нечего и думать.

Все эти дни я пытался заново пересмотреть всё, что мне известно о членах экспедиции. Мне кажется, что все они — одна шайка и, судя по всему, Лорет-

ти — главарь. Его связи с «Горгоной» не подлежат сомнению, Майзель им мешал, и его убили. Я даже не уверен, действительно ли взрыв в шахте предшествовал смерти Майзеля. А может быть, — наоборот. К сожалению, сейчас установить это трудно.

Мне совершенно не ясна роль Долорес. Судя по ее поведению, она — целиком во власти Лоретти и Милна. Она много знает, но очень искусно играет свою роль. Зачем им понадобилась эта инсценировка дружбы? Впрочем, тут не только инсценировка. Я ведь видел из укрытия, как беседовали по-приятельски Милн с Лоретти. Тогда, значит, инсценировкой была их взаимная неприязнь?

Они вполне могли меня отравить, но почему-то побоялись. Возможно, понимали, что две смерти вызовут подозрения. Может быть, если б не проныра Дрейк с его заметкой в «Космических новостях», я бы уже давно был на том свете. Этот подонок, сам того не подозревая, оказал мне неплохую услугу. Правда, игру приходится вести в открытую, но они-то знают, что находятся под подозрением, и вынуждены действовать очень осторожно.

О, с каким удовольствием я бы отдал их в руки правосудия! Но у меня нет никаких прямых улик. Болтовня Милна не в счет, он уже на предварительном следствии может от всего отпереться. Подобранная им гильза? Но мои показания вряд ли будут приняты во внимание, а других доказательств нет. Оболочка пули? Это, конечно, веская улика, но докажи, кто убил! Суду нужен конкретный убийца, а не трое предполагаемых. Ну что ж, значит нужно продолжать искать убийцу.

7 апреля.

Чрезвычайное происшествие! Уже несколько дней я чувствовал, как что-то назревает. Какая-то гнетущая атмосфера страха и взаимного недоверия. Все сидят в своих комнатах, снова питаются консервами. Меня просто игнорируют. При встречах отворачиваются и не отвечают на приветствия. Милн беспробудно пьянствует. Я слышу, как он натывается на стены, когда идет в уборную. Долорес ходит с заплаканными глазами. Опять по ночам кто-то подкрадывается к моей двери и пробует, заперта ли она.

И вот вчера всё разразилось.

Я задремал, и разбудил меня громкий шепот в коридоре. Разговаривали Милн с Лоретти. Слов разобрать не удавалось. Только один раз до меня донесся обрывок фразы: «...он может услышать, и тогда...» Очевидно, речь шла обо мне. Спустя некоторое время шепот перешел в перебранку. Голос Лоретти громко произнес: «Не думай, что тебе это удастся!» Последовал звук удара, топот ног, закричала Долорес, а затем прозвучал выстрел.

Я выскочил в коридор.

Милн стоял привалясь к стене. Одной рукой он держался за бок, а другой сжимал длинный охотничий нож. Напротив него — Лоретти с пистолетом. Дверь в комнату Долорес была открыта.

— Что тут происходит, черт вас подери?!

— Он меня ранил! — захныкал Милн.

В дверях показалась Долорес. На ней была шелковая пижама. Видно, ее подняли с постели.

— Какой негодяй! — произнесла она дрожащим голосом. — Боже, какой негодяй!

Я не понял, к кому это относилось.

Милн шагнул вперед.

— Эй, отнимите у него нож, а то он вас пырнет! — крикнул Лоретти.

Ударом по предплечью я заставил Милна выронить нож, а затем обратился к тем двоим:

— Сдайте оружие!

Лоретти швырнул свой «хорн» мне под ноги.

— И вы, Долорес, — тоже!

Она вызывающе взглянула на меня:

— Я не могу тут остаться безоружной. Не забывайте, что я женщина!

Глядя на нее, забыть это было трудно.

— Ладно, защищайте свою честь. Так что же всё-таки произошло?

— Он вломился ко мне в комнату. — Долорес показала пальцем на Лоретти.

— Он стрелял в меня, ранил, хотел убить! — проскулил Милн.

— Милн пытался ударить меня ножом, мы сцепились врукопашную, я не удержался на ногах и влетел в комнату Долорес, ну а потом... пришлось стрелять.

— Это правда?

Долорес презрительно улыбнулась:

— Не верьте ему. Этот негодяй способен на что угодно!

— Психопатка! — Лоретти повернулся и направился к себе в комнату.

— А вы, Милн, потрудитесь... — Я обернулся к нему и увидел, что он, закрыв глаза, сползает на пол. Рубашка на нем была пропитана кровью.

Мы с Долорес перенесли его в комнату.

Рана оказалась пустяковой. Пуля скользнула по ребру, но, пройди она немного правее, экспедиция лишилась бы еще одного специалиста.

Милн быстро очнулся и снова начал скулить. Долорес хотела сделать ему обезболивающий укол, но он, увидя шприц, пришел в совершенное иступление. Пришлось дать ему виски.

Мы подождали, пока он уснул рядом с наполовину опорожненной бутылкой, и вышли в коридор.

— Ну, Долорес, вам по-прежнему нечего мне сказать?

Она закрыла лицо руками.

— Не спрашивайте меня ни о чем, мистер Клинч, празо, я ничего не знаю!

— Всё равно вам придется дать откровенные показания, не здесь, так на Земле.

— Сжальтесь!

Первый раз в жизни женщина стояла передо мной на коленях. И какая женщина! До чего же она была хороша в позе кающейся грешницы!

— О, пожалуйста, умоляю вас, отправьте меня на Землю. Я готова на что угодно, только не переносить этот ужас!

Что я мог ей ответить? Всё равно до прибытия пассажирского лайнера они не могли покинуть базу. Отправить ее вместо себя? Я не имел на это права. У меня на руках было нераскрытое убийство, и, виновна она или нет, но до окончания следствия нельзя было дать ей возможность скрыться от правосудия. Ищи ее потом по всему свету.

Я поднял ее и отвел в комнату:

— Успокойтесь, Долорес. Обещаю вам, что как только я вернусь на Землю, за вами отправят специальный корабль. А сейчас ложитесь спать. За Милном я присмотрю сам; если понадобится, разбужу вас.

Мне не пришлось ее будить. Я лег в кровать и буд-

то провалился в преисподнюю. Терзали кошмары, чудились чьи-то крики, и я долго не мог проснуться от настойчивого стука в дверь.

— Мистер Клинч, мистер Клинч! Откройте, случилось несчастье! — Это был голос Долорес.

Я выбежал в пижаме и босиком:

— Что произошло?

— Милн мертв, он отравился.

В комнате Милна пахло горьким миндалем. Я поглядел на кирпичный цвет лица покойника и спросил:

— Цианистый калий?

— Да.

На столе мы нашли мензурку со следами яда и записку. Характерным пьяным почерком было нацарапано: «Я вынужден так поступить, потому что лучше лишиться себя жизни, чем...»

На этом записка обрывалась.

10 апреля.

Милна кремировали. Я должен привезти его прах на Землю.

Временами мне кажется, что схожу с ума. Все версии разваливаются одна за другой. Мне никак не удастся связать факты воедино. Такого позорного провала еще не было в моей практике.

С нетерпением жду дня отлета. Скоро кончится период муссонов. Старт назначен на 20 апреля — время относительного затишья. Изучаю инструкцию. Почтовая ракета полностью автоматизирована, нужно только нажать кнопку, но есть множество правил поведения в случае неполадок, их требуется знать на зубок.

Из Лоретти и Долорес больше ничего не вытянешь. Зря я ввязался в это дело. Теперь пусть им занимаются следователи на Земле, с меня хватит!

21 апреля.

Через несколько часов я должен стартовать на постоянную орбиту. Зашел попрощаться с Долорес. Бедняжка! У нее такой вид, что сердце переворачивается. Мне страшно оставлять ее здесь, но что я могу поделать?

Следующий визит — к Лоретти. После того как я ему заявил, что без разрешения Роу ни одной бакте-

рии отсюда вывезено не будет, отношения между нами более чем натянутые.

Всё же встретил он меня на этот раз без обычных колкостей. Видимо рад-радешенек, что будет избавлен от дальнейших допросов. Даже извлек из своих запасов бутылку старого бренди.

— За благополучное путешествие! Или вы при исполнении служебных обязанностей не можете пить с подследственным?

— Вы ошибаетесь, Лоретти. Я не служу в полиции и могу пить с кем вздумается. Наливайте!

Несколько минут мы просидели молча над своими стаканами.

— Так что, мистер Клинч, удалось вам найти убийцу?

Я ответил не сразу. Мое внимание было поглощено жидкостью в стакане. У меня даже дух заняло от внезапно пришедшей идеи. Поразительно, как всё вдруг стало на свои места. Наконец я поднял голову и сказал:

— Нашел, сеньор Лоретти.

— Вот как?! Кто же?

— Пока это профессиональная тайна. Скажите, где Майзель хранил взрывчатку?

— Взрывчатку? — Он удивленно пожал плечами. — Кажется, во второй кладовой. А зачем вам?

— Хочу устроить салют по поводу успешного окончания расследования!

Я посмотрел на часы. Времени оставалось совсем мало. Нужно было еще раз тщательно исследовать оболочку пули, а затем... В душе у меня всё пело. Я бы даже перекувырнулся через голову, если б не боялся уронить престиж фирмы «Джек Клинч, частный детектив».

Часть третья

1

Они снова, как год назад, собрались в кабинете Роу. Хозяин — за столом, Жюли — на диване, Шнайдер — в кресле, Клинч — на стуле.

Роу потер переносицу, оглядел всех присутствующих и обратился к Клинчу:

— Так вот, мистер Клинч, я ознакомился с вашим рапортом и дневниками. Должен сказать, что я поражен.

— Благодарю вас! — Клинч вежливо поклонился.

— Боюсь, что вы меня не вполне поняли,— продолжал бесстрастным тоном Роу.— Благодарить не за что. Я не только поражен, но и возмущен. Мне кажется, что полученные вами от нас инструкции были достаточно точными. Вам поручалось выяснить причину, вызвавшую взрыв, найти убийцу и определить возможность эксплуатации месторождения иридия. Так?

— Совершенно верно! — согласился Клинч.

— Теперь посмотрим, что вы сделали. Разберем по пунктам. Причину взрыва вы так и не установили, убийцу не нашли, а взамен этого предлагаете нам... э... сюжет для научно-фантастического романа, да к тому же извлеченный из... стакана с бренди. Вы согласны со мной?

— Абсолютно не согласен! — Усы у Клинча торчали, как две пики, лицо покрылось красными пятнами, чувствовалось, что он готов ринуться в бой.

Роу жестом предложил ему замолчать.

— К этому вопросу мы еще вернемся. Разберем до конца, как вы выполнили задание. В то время, когда здесь наши специалисты разработали способ откачки воды из шахты, вы, безо всякого на то разрешения, взрываете скалу и заваливаете всю площадку, да еще так, что выведена из строя большая часть оборудования. Как же я, по-вашему, должен расценивать эти действия?

— Мне кажется, что я всё достаточно ясно изложил в своем рапорте.

Роу развел руками.

— Может быть, вы, герр Шнайдер, что-нибудь поняли?

Шнайдер заерзал в кресле. Ему очень не хотелось сознаться, что он вообще плохо представляет, о чем идет речь.

— Честно говоря, у меня еще много недоуменных вопросов. Может быть, Джек, вы растолкуете нам всё на словах, а то из вашего рапорта не всё понятно.

— Хорошо! — Клинч закурил и положил ногу на ногу.— Начну с психологического климата на базе.

Ведь именно для этого я предоставил в ваше распоряжение свои дневники. Скажите, Вилли, вас не удивляет поведение всех без исключения членов экспедиции?

— Ведут они себя, конечно, странно.

— А какой элемент вы особо выделили бы в их поведении?

— Гм... Пожалуй, страх.

— Правильно! Именно страх. Они боятся меня, это еще как-то можно объяснить. Ведь идет расследование убийства. По милости Дрейка, я вынужден вести его открыто, и каждый из них может считать себя подозреваемым.

— Но убийца должен был бояться больше других, а тут...

— Они боятся все. Очень рад, что вы это почувствовали. Кроме того, они боятся друг друга, а это может быть только в случае?..

— Если они убили сообща.

— Верно! Или если каждый подозревает в убийстве других и имеет для этих подозрений веские основания. И то и другое предположение исключается, если Майзель действительно застрелился.

— Но ведь Майзель был убит! Есть оболочка пули.

— К оболочке мы вернемся потом. Пока же примем в основу рассуждений самоубийство. Тогда нужно искать другую причину, вызывающую страх. Эту причину, как справедливо подметил мистер Роу, я и нашел в стакане с бренди.

— Тут уже я вас не понимаю.

— Стоячие волны в жидкости. Они навели меня на след. Ведь всё время на Мези страх испытывал и я тоже. Мне постоянно чудились какие-то шаги и шепот в коридоре, преследовало чувство нависшей опасности. Временами я себя чувствовал на грани умопомешательства.

— И, очевидно, в этом состоянии вы и решили прибегнуть к спасительной гипотезе об инфразвуке? — иронически заметил Роу.

— Да, именно так. Ведь расположенный в ущелье ствол затопленной шахты представлял собой исполинскую органную трубу, настроенную на низкую частоту, недоступную человеческому слуху. В литературе описано много случаев, когда люди, подвергавшиеся воздействию мощного инфразвука, испытывали не-

объяснимый страх и даже доходили до полного психического расстройства.

— Довольно смелое заключение, мистер Клинч. А что, если вы ошиблись?

— Я проверил свои предположения. Помните необычный для обитателей базы коллективный завтрак, во время которого они все вели себя совершенно нормально?

— Ну, допустим, и что из этого следует?

— В тот день было полное безветрие. Стоило потом ветру задуть снова, как всё вернулось на круги своя.

— Мне кажутся рассуждения мистера Клинча очень логичными,— подала голос Жюли.

Роу осуждающе взглянул на нее и нахмурился:

— Мы опять уходим в область фантастики. Не благоволите ли вы, мистер Клинч, всё же ответить на основные вопросы: причина первого взрыва, обстоятельства смерти Майзеля и окончательный вывод шахты из строя, за который вы несете персональную ответственность. По каждому вопросу жду краткого и вразумительного ответа, по возможности без психологических экскурсов. Меня интересуют только факты.

— Постараюсь придерживаться фактов, хотя без психологических экскурсов моя работа была бы бессмысленной. Итак, взрыв в шахте произошел от скопления газов.

— Какие основания у вас так считать?

— У меня нет оснований считать иначе. Самоубийство Майзеля не подлежит сомнению. Из всех членов экспедиции у него была самая неустойчивая психика. Добавьте к этому потрясение, вызванное взрывом. Следующей жертвой стал Милн. Постоянное пьянство усилило эффект действия инфразвука.

— Постойте, постойте! — взмолился Шнайдер. — Вы говорите о самоубийстве Майзеля, как о чем-то вполне установленном, — ну а оболочка пули?

— Оболочка пули ни о чем не свидетельствует. Вы помните, как она была деформирована?

— Помню, но ведь она находилась в кремационной печи.

— Значит, не помните. Конец оболочки был разорван. Видимо, в ней раньше была трещина. В таких случаях, после выстрела свинец, силой инерции, вылетает вперед, а оболочка застревает в теле. Не зря Доло-

рес говорила, что череп Майзеля был сильно изуродован. Типичный эффект распиленной оболочки. Некогда англичане применяли такие пули в войне с бурами.

— А ну, покажите! — протянул руку Шнайдер.

Клинч достал из кармана замшевый кошелек.

— Куда же она могла задеваться? — пробормотал он, запустив туда пальцы. — Вот дьявол! Боюсь, Вилли, что я второпях забыл ее на Мези.

— Очень жаль! — сухо сказал Шнайдер. — Это очень важное вещественное доказательство. Впрочем, если вы утверждаете...

— Можете мне верить, Вилли.

— С пульей вы разберитесь, герр Шнайдер, сами, — сказал Роу. — А я всё-таки попрошу мистера Клинча ответить на третий вопрос: на основании каких полномочий была подорвана скала и окончательно выведена из строя шахта?

— Таких полномочий мне действительно не давали. Но если бы я этого не сделал, сейчас на Мези могло бы быть еще два трупа. Более того, я не уверен, что и следующую экспедицию не постигла бы та же участь. Такой источник инфразвука, да еще направленного действия, — вещь поистине страшная!

Роу поднялся с кресла, давая понять, что совещание окончено.

— Хорошо, мистер Клинч. Я вынужден доложить обо всем совету директоров. Надеюсь, вы понимаете, что пока вопрос о выплате вам гонорара решен быть не может. А вы, мадмуазель Лоран, задержитесь здесь. Я хочу выслушать ваши соображения об эвакуации оставшихся в живых членов экспедиции.

Клинч с Шнайдером вышли в приемную.

— Старик очень расстроен, — сказал Шнайдер. — Мне кажется, вы неплохо поработали там, но всё же хочу задать вам еще несколько вопросов.

— Думаю, это лучше сделать за кружкой пива, — усмехнулся Клинч. — У меня от этой милой беседы всё внутри пересохло!

Вечером того же дня Клинч мерил шагами свой роскошный номер в отеле «Галактика». Мягкий свет торшера, батарея бутылок для коктейлей, приглу-

шенная музыка, льющаяся из магнитофона,— все свидетельствовало о том, что Клинч кого-то поджидает.

Он несколько раз нетерпеливо поглядывал на часы.

Наконец ровно в восемь скрипнула дверь и в комнату проскользнула Жюли. Клинч выключил магнитофон и с протянутыми руками пошел ей навстречу.

— Здравствуй, дорогая! — Он увлек ее на диван, но она ловко выскользнула из его объятий.

— погоди, Джек! Сначала дело, всё остальное — потом.— Жюли вынула из сумки большой пакет.— Вот деньги. Как видишь, «Горгона» платит за услуги наличными. Можешь не беспокоиться, ни в одной бухгалтерской книге этот платеж не записан. Должна сказать, что впервые вижу, чтобы такую огромную сумму отвалили за самую бессовестную брехню.

— Брехня всегда бессовестная,— спокойно сказал Клинч, пересчитывая пачки банкнот.— Мне было поручено окончательно вывести из строя шахту, я это сделал, а всё остальное — литература, фантастический сюжет, как говорит Роу.

Жюли презрительно усмехнулась:

— Однако на совещании ты имел очень жалкий вид. Казалось, еще немного — и ты расколешься.

— Еще бы! Эта оболочка пули меня чуть не доконала. «Хорн» имеет укороченный патрон, а ты подложила в урну оболочку от пули «кольта». Представляешь, что было бы, попади она в криминалистическую лабораторию. Пришлось срочно потерять главное вещественное доказательство. Всё-таки тебе бы следовало лучше разбираться в марках пистолетов.

Жюли села к нему на колени и обняла за шею.

— Не будь таким придирой, Джек. У меня было очень мало времени. Подумай о другом: ведь если б я не придумала этот трюк с оболочкой, мы с тобой так бы и не познакомились.

— Вернее, ты бы меня не завербовала.

— Фу! Как грубо ты говоришь о таких вещах!

— Ладно,— сказал Клинч,— победителей не судят.

— Конечно! — Жюли положила голову к нему на грудь.— Теперь у нас есть деньги. Будь уверен, я найду способ заставить этого старого осла Роу выплатить тебе всё до последнего цента. С тем, что ты получил от «Горгоны», хватит на всю жизнь. Мы можем купить виллу во Флориде.

— Я предпочитаю Ниццу.

— Неужели ты не можешь мне уступить даже в такой мелочи?

— Хорошо, пусть будет Флорида.

— Умница! Можешь меня поцеловать!

— Погоди, я запру дверь.

Клинч направился к двери, но в этот момент она распахнулась. На пороге стояли Шнайдер и Роу. Позади их маячили двое полицейских в форме.

Жюли попыталась проскользнуть в спальню, но Клинч преградил ей дорогу.

— Входите, джентльмены, — сказал он. — Разрешите представить вам начальницу секретной службы «Горгоны» Минну Хорст, известную здесь под псевдонимом Жюли Лоран. Наш разговор с ней записан на магнитофоне, а вот деньги, уплаченные через нее концерном за диверсионный акт на Мези. Думаю, что этого достаточно, чтобы взять под стражу Хорст — Лоран и возбудить судебное дело против «Горгоны».

Жюли выхватила из сумочки пистолет.

Первый выстрел вдребезги разнес лампу торшера. В наступившей тьме вторая пуля просвистела рядом с головой Клинча. Он бросился на звук выстрела. Понималась борьба, еще один выстрел и падение тела. Вспыхнули фонарики в руках полицейских. Жюли лежала на полу.

Клинч включил люстру под потолком и подошел к Жюли. Она была мертва. Ее глаза, казалось, с неммым укором глядели на Клинча.

Он вытер рукой пот со лба и обратился к Шнайдеру:

— Мне очень неприятно. Так получилось. Я хотел отобрать у нее пистолет, а она... Надеюсь, вы понимаете, что это чистая случайность?

— Конечно! Мы даже не будем проводить судебно-медицинской экспертизы. Ограничимся показаниями свидетелей.

— А всё-таки жаль! — задумчиво произнес Клинч. — Какая красивая женщина, и вдобавок какая актриса!

Шнайдер сокрушенно покачал головой.

— Скажите, Джек, когда у вас впервые возникло подозрение, что Жюли Лоран — не та, за кого себя выдает?

— Когда мы ужинали в ресторане. Ни одна француженка не станет запивать устрицы красным вином.

3

Труп увезли в морг, магнитофонную пленку дважды прослушали, а Роу всё еще не мог прийти в себя.

— Боже! — сказал он. — Я совершенно запутался в этом бесконечном потоке лжи! Может быть, вы всё-таки объяснитесь, Клинч?

— Что ж, — Клинч поглядел на тающие кубики льда в стакане со «скотчем», — попытаюсь. Мне самому надоело разыгрывать фарс, но иначе мы бы не разоблачили преступницу. Итак, Жюли Лоран была секретным агентом «Горгоны». Правда, то, что ее настоящее имя Минна Хорст, я узнал только сегодня от Шнайдера. Он проделал большую работу, пока я был на Мези.

— Да, — самодовольно сказал Шнайдер, — пришлось перевернуть все досье лиц, связанных когда-либо с промышленным шпионажем.

— Минна Хорст, — продолжал Клинч, — направила Эдуарда Майзеля на Мези с диверсионным заданием. Он взорвал шахту. Это не подлежит сомнению, я нашел на рабочей площадке обрывок упаковки от детонаторов. Однако Майзель не оправдал полностью надежд своих хозяев. Постоянное воздействие инфразвука и боязнь разоблачения довели его до нервной горячки. Судя по всему, в бреду он болтал много лишнего, и Долорес начала кое о чем догадываться. Возможно, что после его выздоровления она ему прямо об этом сказала. Тут уж Майзелю не оставалось ничего другого, как пустить себе пулю в лоб.

— Значит, Долорес знала и ничего вам не рассказывала? — спросил Роу.

— Да, видимо, это так. При всем том ее нельзя в этом особо винить. Во-первых, она считала себя связанной врачебной тайной; во-вторых, Майзель уже мертв; а в-третьих, не забывайте, что он был в нее без памяти влюблен. Нет такой женщины, которая была бы к этому совсем равнодушна.

— Гм... И что же дальше?

— Дальше то, что положение на Мези остается неясным. Неизвестно, можно ли откачать воду из шахты. Не будет ли предпринята новая попытка наладить

там добычу. Поэтому Минна Хорст решает забросить туда нового диверсанта. Придумывается трюк с оболочкой пули, и меня вызывают сюда из Лондона.

— Вы с ней раньше были знакомы?

— Нет.

— Почему же она так настаивала именно на вашей кандидатуре? На что она могла рассчитывать?

Клинч слегка покраснел:

— На неотразимость своих чар. Она знала, что мы, ирландцы, очень чувствительны к женской красоте.

— И, кажется, не ошиблась в этом! — засмеялся Шнайдер. — Впрочем, извините, Джек! Продолжайте, пожалуйста!

— Что ж тут продолжать? Пожалуй, это всё.

— Как всё?! — удивился Роу. — А взрыв, который вы там устроили? Вы что, действительно только хотели заткнуть эту органную трубу?

— Конечно! Но были еще и другие соображения. Вы помните про обломок скалы, который чуть не превратил меня в отбивную котлету?

— Помню.

— Так вот, когда я исследовал поверхность разлома, то обнаружил металлический иридий. Бактерии работали и в скалах. Своим взрывом я вскрыл богатейшее месторождение, которое можно разрабатывать открытым способом. Собственно говоря, это было ясно уже из данных геофизической разведки, и, если бы Майзель честно относился к своим обязанностям, он бы наверняка обратил на это внимание. Так что, мистер Роу, отправляйте туда новую экспедицию и начинайте работу. Что же касается старых механизмов, пострадавших при обвале, то они там теперь не нужны.

Роу встал и прошелся по комнате.

— Да, мистер Клинч, думаю, что вы заслужили свой гонорар.

— С двадцатипроцентной надбавкой, — невозмутимо ответил Клинч.

— Это еще почему?

— Пятнадцать процентов за открытие месторождения, а пять, — Клинч ехидно улыбнулся, — пять процентов за фантастический сюжет, как вы изволили вы-

разиться. Ведь вам, наверное, не хотелось бы, чтобы я этот сюжет продал какому-нибудь писаке?

— Конечно нет! — с неожиданной серьезностью ответил Роу. — Тем более что всю эту историю, видно, придется сдать в архив. Сейчас ведутся переговоры между правительствами латиноамериканских стран о национализации рудников «Горгоны». Предполагается организовать межгосударственный концерн под эгидой ЮНЕСКО. Всё производство будет реконструировано на научной основе, и вот тут нам пригодятся бактерии Лоретти. Однако, мистер Клинч, эти сведения совершенно конфиденциальны, и я надеюсь на вашу скромность.

Джек Клинч встал, горделиво расправил усы и снисходительно взглянул на Роу с высоты своего роста.

— Я уже вам говорил, что гарантия тайны — одно из неперемennых условий работы частного детектива. Кроме того, черт побери, есть еще и честное слово ирландца, которое тоже чего-нибудь стоит!

Послесловие автора к 20-му изданию

Мне хотелось в этом произведении совместить все тенденции развития зарубежного детектива и фантастической повести. Поэтому я избегал всяких литературных красот, не свойственных упомянутым жанрам, а язык максимально приблизил к переводу, сделанному по подстрочнику. Однако при всем том я воздержался от описания ряда натуралистических сцен, могущих вызвать только отвращение у нашего читателя.

Как ни странно, но именно эта авторская добросовестность породила множество недоразумений.

В письмах, полученных мною от читателей, обычно варьируются два вопроса:

1. Что произошло между Жюли и Клинчем, когда он зашел к ней выпить чашку чая? Если можно, то расскажите со всеми подробностями. (Такой вопрос чаще всего задают школьницы и пенсионеры.)

2. Почему автор не открывает всей правды о Клинче? А не утаил ли он большую часть денег, полученных от «Горгоны», благо после смерти Жюли установить, кто заначил деньги, уже невозможно. Авторы та-

ких писем — люди среднего возраста, в основном работники торговой сети.

На первый вопрос я уже дал ответ вначале, и менять свое решение не намерен. Что же касается второго, то такие подозрения вполне оправданны и вызваны здоровым недоверием нашего читателя к частным детективам, этому типичному порождению капиталистического строя. Честно говоря, и у меня они никогда не вызывали ни особой симпатии, ни доверия. (За исключением Шерлока Холмса, но, как известно, исключения только подтверждают правило.)

Недавно в печати некоторых западных стран появились сенсационные сообщения о том, что автор якобы воспользовался туристской путевкой в Англию, чтобы выманить у Джека Клинка сюжет в обмен на набор матрешек и бутылку русской водки. Я считаю ниже своего достоинства вести полемику с клеветниками, хотя уверен, что за подобными инсинуациями стоят тайные агенты «Горгоны». Что же касается вопроса о том, откуда мне всё это стало известно, то тут я связан честным словом и ничего сказать не могу.

Вот и всё! Благодарю за внимание!

ВЕРНИСЬ
ЗА СВОИМ
СТОРОМ

Рассказ

Было уже больше пяти. Астор шел пустеющим институтским коридором, и, по мере того как оставались позади стеклянные двери лабораторий и мастерских, уходили привычные дневные мысли, уходило всё то, что делало его просто физиком. Оставалось пройти шагов двадцать, спуститься по традиционным ступеням вестибюля, миновать сосновую аллею и войти в свой дом, расположенный в каких-нибудь пяти минутах ходьбы от института и двадцати минутах полета до студии Союза писателей.

Когда он дойдет до своего дома, он уже окончательно перестанет быть физиком, потому что наступит вечер. По вечерам же он был не просто Астором Эламитом, а всемирно известным писателем. Он шел не спеша, хотя именно сегодня ему следовало торопиться. Но он заглядывал в каждую дверь, входил иногда в какую-нибудь комнату, осматривался, заглядывал за шкафы и приборы. Он отдыхал. Это был маленький перерыв, передышка, отдушина между теми двумя состояниями, через которые он с неумолимой периодичностью проходил каждый день. Именно так — не профессиями, а состояниями. Несколько минут, когда он позволял себе быть не тем и не другим, а просто усталым, отрешенным от всего человеком. И, как всегда,

эти минуты он тратил на то, чтобы найти Рику, — он знал, что она еще не ушла из института.

Он нашел ее на подоконнике в малой кибернетической. Она сидела, положив подбородок на колени, грустная и нахохлившаяся, и было видно, что ко всем ее маленьким девчоночьим бедам только и не хватало Астора.

Он подошел к ней и остановился. Надо было что-то сказать. А он даже не представлял себе, для чего он ее искал. Надо понимать, ему просто доставляло удовольствие ее видеть. Но вот теперь, глядя на нее, он искал в себе это самое удовольствие, радость, пусть маленькую, но обязанную возникнуть, — и, как всегда, не находил. Что общего было между ним, солидным мужем науки, и ею, белобрысой пигалицей, нерадивой практиканткой? Он частенько думал над тем, какая же нечистая сила заставляет его искать ее, мучительно подыскивать нелепые, чужие фразы, вечно не знать, с чего начать, а самое ужасное — чем и когда кончить, и всё-таки искать, и всё-таки говорить, и всё-таки смотреть на нее...

— Почему вы остались? — спросил он невыносимым голосом. — Вы же знаете, что энергоподача прекращена по всему институту.

Она посмотрела на него с высоты своего подоконника и кратко ответила:

— А я энергии не потребляю.

«Забавно, — подумал Астор, — но что я буду делать с этой сценой вечером, когда всё это будет происходить уже не в жизни, а в моей повести, когда я буду уже не я, а другой, моложе и обаятельнее, и не с этим дурацким именем — Астор, удивительно напоминающим кличку благородной охотничьей собаки, — а тот Стор, внешне напоминающий прекрасного капитана из старого бульварного романа, наделенный всем тем, чего так не хватает мне самому? С девчонкой-то я уже разделался — я превратил ее из долговязой, белобрысой Рики в златокудрую красавицу Регину, но как быть с этим диалогом? Могу ли я позволить, чтобы и в моей повести она так же хамила Стору?»

— Ступайте домой, — сказал он как можно строже. — Практикантам не позволяется задерживаться в помещениях института без присмотра сотрудников.

— А вы за мной присмотрите, — сказала она, подтягивая колени к груди и освобождая кусочек подо-

конника.— Вы сядьте рядышком и присмотрите за мной.

«Ну, голубушка,— думал он, продолжая стоять,— а вот это я уж непременно сохранию. Моя Регина обязательно скажет: «А вы присмотрите за мной...» И подвинется на подоконнике. Но вся беда в том, что я, то есть не я, а Стор, он сядет рядом, и что будет потом, господи, что будет потом... Ведь знаю, что всё банально до отвращения, аж пальцы на ногах поджигаются, и всё-таки буду писать. Литература, черт ее дери...»

— Послушайте, девочка,— сказал он, заранее чувствуя, что будет сейчас говорить совсем не то, что нужно.— Я неоднократно советовал вам переменить профессию. Не теряйте времени, порядочного физика из вас не выйдет. Не тот склад характера.

— Я и не собираюсь стать порядочным физиком.— Она нисколько не смутилась.— Я с этого только начну. А потом я стану Настоящим Писателем, как вы.

Он удивленно посмотрел на нее. Он никогда не говорил в институте о своей второй профессии — он тут же поправился: о своем втором состоянии.

— Это много труднее, чем стать просто физиком,— сказал он медленно.— Можно писать всю жизнь и не стать Настоящим Писателем.

— Вот я и буду писать всю жизнь.

— Но сначала надо научиться писать на бумаге.

Это очень мучительно — писать на бумаге. Ты сам знаешь о своем герое так много, что невольно перестанешь понимать, удалось ли тебе вложить в подтекст всё то, что никак не уместается в печатных строчках. Для тебя этот подтекст существует потому, что всё то, что ты думал, когда создавал свою повесть, или роман, или даже коротенький рассказ,— всё это всегда при тебе, и, когда ты перечитываешь написанное тобой, тысячи ассоциаций роятся у тебя в голове и волей-неволей создают то переплетение звуков, запахов, ощущений и желаний, которое делает написанное живой плотью; но всё это только для тебя. А как проверить, существует ли всё это для читателя?

И даже свое собственное, оно может звучать совсем по-разному в зависимости от того, написано ли это пером, напечатано на машинке или оттиснуто типографским способом. Вот и разберись, где у тебя вышло по-человечески, а где — просто никуда. Пишешь и пи-

пешь, мучаешься несказанно и в один прекрасный день решаешь послать всё к чертям, потому что уже очевидно, что ничегошеньки из тебя не получилось,— и вдруг, как снег на голову, решение совета Союза писателей о том, что тебе присваивают право быть Настоящим Писателем.

И ты перестаешь писать на бумаге.

— Хочу так же, как вы,— упрямо повторила Рика,— хочу быть Настоящим Писателем и создавать живых людей.

«Совсем еще девчонка,— подумал Астор,— совсем еще глупая. Все они в определенном возрасте мечтают или летать на Уран, или спускаться в магму, или быть Настоящими Писателями. Но, как правило, к шестнадцати годам это проходит. Половина из них марает бумагу в рифму и без, но дальше бумаги идут единицы. Единицы со всей планеты. У остальных проходит. Пройдет и у этой, пройдет само собой, так что не надо ничего говорить. Разубеждать девчонку в желании стать кем-нибудь — занятие неблагодарное и, главное, начисто бесполезное».

— Для того чтобы создавать живых людей, мало хотеть,— с удивлением услышал он собственный менторский тон.— Это право присваивает совет писателей, но и оно не пожизненно. Его могут дать — и могут отобрать. И потом, среди Настоящих Писателей чрезвычайно мало женщин. По всей вероятности, это происходит потому, что женщины имеют возможность создавать живых людей другим, более естественным путем, и это у них получается лучше.

Рика покраснела так стремительно, что Астор даже перепугался, но она только крепче прижала колени к груди, подождала, пока ей не показалось, что краска уже сошла,— а на самом деле она держалась еще минут десять,— и снова повторила упрямо и зло:

— Вот хочу и буду, хочу и буду. Это будут мои люди, совсем мои, я их выдумаю, заставлю дышать, двигаться, мучаться, а главное — жить по-человечески. Понимаете — я научу их жить так, как я хочу.

— Понимаю,— медленно сказал Астор.— И я об этом мечтал. Я мечтал о том, как мои герои будут жить. Я мечтал о том, как я их произведу на свет божий. Я заранее знал, как непозволительно я буду их любить. Но так же, как и вы, я забывал, что рано или поздно я должен буду их убивать.

Он сказал это и тут же пожалел, и не потому, что этого не надо было говорить Рике, а просто он хотел отдохнуть и ни о чем не думать до тех пор, пока он не дойдет до своего дома, но вот то, что подсознательно мучило его даже днем, когда он думал о своей физике, это вырывалось наружу, и теперь ему не будет покоя даже на эти несколько минут.

Наверное, всё это отразилось на его лице, потому что Рика спустила ноги с подоконника, прыгнула на пол и подошла к нему с каким-то странным выражением, почти гримасой.

— А!.. — сказал он и, махнув рукой, быстро пошел прочь, пошел из института, пошел по короткой сосновой аллее, пошел домой, где ждал его диктофон, соединенный непосредственно со студией Союза писателей, и всю дорогу он не знал, что же ему делать, потому что повесть его подошла к своему естественному концу, и этот конец должен был стать концом его Стора. Конец — это вовсе не обязательно трагическая развязка: пиф-пиф или десертная ложка яду. Конец — это даже тогда, когда «они поженились и жили долго и счастливо». Конец — это точка, когда герой, которого ты выныячил и выходил, на ноги поставил и выучил творить те чудеса, которые самому тебе не под силу, завершает отмеренный тобою отрезок своего пути; кульминация, развязка — и он больше не повинуется тебе, больше ему с тобой делать нечего. Он больше не твой.

И вот ходишь, и маешься, перед тем как поставить эту самую последнюю точку, и ищешь способ сделать своего героя если не бессмертным вообще, то хоть смертным по-человечески, и ничего не можешь придумать, и тянешь и тянешь время, пока не наступает такой день, как сегодня, когда кончать надо обязательно. Потому что Настоящий Писатель не имеет права уходить из жизни, не распорядившись судьбой своего героя. Это было жестоко, но справедливо, иначе все старались бы оставлять свои произведения незаконченными, чтобы позволить своим героям жить иллюзорной жизнью студии Союза писателей, жить в мире декораций и проецируемых объемных фигур, которые заменяют персонажей второго плана, но всё-таки жить.

Это очень тяжело — прекратить существование собственного героя, поэтому право быть Настоящим

Писателем предоставлялось только очень мужественным людям. Астор не относил себя к разряду таких людей, но, по-видимому, так считали другие; он не ошибался в себе, и вот теперь, когда его первая повесть, не написанная на бумаге, а разыгранная созданными им живыми людьми, фактически давно уже подошла к своему концу, у Астора не хватало мужества поставить точку.

Но сегодня было необходимо это сделать, потому что завтра в его лаборатории ставился эксперимент, который мог закончиться довольно печально. Астор не мог послать никого и шел сам — он один знал, насколько велик риск.

Завтра всё могло быть.

Значит, сегодня необходимо было кончить со Стором.

Астор дошел до ступеней своего дома и оглянулся. Громада института, окруженная соснами, высилась, словно снежная гора. Рика, наверное, снова взобралась на подоконник и смотрит ему вслед. Белобрысая Рика, которую один раз в день он обязательно должен был видеть. Откуда она узнала о его втором состоянии? И потом это «хочу создать живых людей...» В студии не принято говорить о своих героях, что они живые люди. Говорят: «сценические биороботы» или «материализованные образы».

Но ведь это действительно живые люди, живущие краткой, наперед заданной, но чертовски яркой и завидной жизнью. Как Стор.

Астор сел, подвинул к себе диктофон и вдруг почувствовал... Это было странное, невероятное ощущение минутного всемогущества. Да черт побери всё на свете, ты же человек неглупый, почти талантливый человек. Настоящий Писатель притом! Так ищи же выход, делай невозможное, спасай своего Стора! Еще есть время. И не тяни со всеми этими амурами, подоконниками и златыми кудрями! Главное — это Стор. Спасай его!

Он включил диктофон.

— «Выйдя из института,— начал он,— Стор Эламит знал, что никогда, ни теперь, ни потом, он уже не увидит Регину.

«Так ее, рыжую стерву,— подумал он,— ее-то я дематериализую без всякой жалости». Он быстро шел по аллее, но, когда она уперлась в дверь его дома, вдруг

помедлил и, обогнув его, очутился на посадочной площадке, где каждый вечер, начиная с пяти, его ждал маленький спортивный мобиль. Он поднял машину в воздух и через двадцать минут уже был там, где за частыми стволами сосен поднималась дымчатая стена студии Союза писателей. Она огораживала площадь в несколько сотен квадратных километров и поэтому казалась совершенно плоской, так что, глядя на нее с расстояния в несколько десятков шагов, нельзя было сказать, как она выгибается — на тебя или наоборот. Стена уходила высоко в небо, и вечные низкие облака сливались с нею, делая ее бесконечной. Здесь когда-то Стор впервые встретился с Региной, и теперь он бессознательно нашел это место, возле корявого, облепленного муравьями пня, и стал ждать, сам не зная чего, присев прямо на короткий сухой мох и изредка сбрасывая с ботинка огромных винно-красных муравьев, упрямо шедших напролом...»

Астор немного подумал: может, добавить еще что-нибудь? И выключил диктофон. Абзац принят, он поступил на студию. Теперь, пожалуй, киберассистенты уже расшифровали его и готовят реквизит: мобиль для полета, и всё такое, а павильоны прежние — копия дороги от института до дома Астора, площадка для мобилей за домом и потом — роща у самой стены. Но это уже не павильон, это натура, столь редкая в студии.

Пора.

Астор вышел из дому, вывел машину из гаража и резко взмыл вверх. Он взял направление не на главный корпус студии, а туда, к стене, как раз к тому месту, куда с другой стороны через некоторое время должен выйти его Стор.

Астор не любил летать на большой высоте. Оживленные трассы пролегли в стороне и значительно выше, поэтому он спокойно смотрел вниз сквозь прозрачное дно машины и пытался представить себе, что же происходит сейчас там, на студии.

Вчера он оставил Стора в его лаборатории. Диалог с Региной — скверный диалог. Тянул время, оно и чувствуется; абзац закончил тем, что Стор прогнал Регину на ее рабочее место.

Значит, сейчас, перед началом нового эпизода, киберассистенты вложили в память Стора всё то, что он якобы делал между разговором с Региной и выходом

из института. А может быть, уже заработали аппараты, невидимые для Стора, и началась съемка, и Стор послушно огибает свой дом, как это было продиктовано Астором, и берет мобиль, и машина поднимается, но не в поднебесье, как настоящий мобиль, а всего на несколько метров, а потом включается проекция заранее отснятых кадров, и Стору кажется, что земля удаляется, что под ним проносятся города и рощи, тянутся неестественно прямые дороги и каналы. А на самом деле макет его мобиля поднимается всего на несколько десятков метров в сторону, туда, где растут настоящие деревья возле запретной дымчатой стены, и весь этот полет будет продолжаться не более тридцати секунд, потому что нельзя же заставлять зрителя наблюдать получасовое сидение героя в машине; но когда Стор приземлится, у него останется ощущение, что полет продолжался двадцать минут — ровно столько, сколько это было продиктовано Астором.

На пульте машины вспыхнул красный предупредительный сигнал — локатор нащупал впереди стену. Астор повел свой мобиль на посадку. Деревья росли так часто, что машина с трудом протиснулась вниз сквозь густые ветви и повисла в каком-нибудь полуметре над коротким сухим мхом.

Астор Эламит вышел из мобиля.

Никогда прежде он не подходил так близко к стене. Она была рядом, шагах в трех-четырех, и последние деревья росли почти вплотную к ней.

Астор сделал еще два шага, подошел к самой стене, нечаянно оглянулся — и остановился, пораженный: последний ряд деревьев, ближайший к стене, не имел другой стороны. Если смотреть с того места, где приземлился мобиль, это были деревья как деревья, живые и объемные. Но от самой стены было видно, что это всего лишь половинки, срезанные невидимой вертикальной плоскостью, и срез этот не обнажен, а покрыт мутными лиловатыми натеками. Астор не удержался и постучал косточками пальцев по этому покрытию — раздался глухой стук, словно там, внутри половинки дерева, была пустота. Астор постоял еще немного, что-то соображая, пока не понял, что это уже деревья-макеты, вынесенные за пределы студии, вероятно затем, чтобы настоящая растительность не пробивалась сквозь стену.

Но раздумывать было некогда. Там, за стеной,

Стор уже прилетел, потому что в тех фильмах, которые снимаются на этой студии, время течет иначе, чем в жизни обыкновенных людей. Иногда течение это замедлено, и какие-нибудь полчаса из жизни героя дробятся на множество мелких и в раздробленности своей вроде бы незначительных эпизодов; но вот две силы — добрая пристальность извне и безжалостная необходимость изнутри — связывают эти осколки, и словно на огромных ладонях приближаются они к глазам зрителя — минуты выдуманной жизни, значимость которых помножена на замедленность действия.

Но чаще бывает иначе, и годы героев обращаются часами, и в этом не малость и мелочность этих лет, а всего лишь граничные условия писательской задачи: вместить целую жизнь в краткий отрезок времени от и до. И тогда время материализованных героев...

«Вот те на, — удивился Астор, — как же это у меня сорвалось? До сих пор я называл их живыми людьми. И только теперь, очутившись перед этой стеной, я механически использовал непривычный термин: «материализованный герой». Нет. Это не так. Это живые люди, необычные только в одном-единственном. Они необычны тем, что всецело подчинены автору. Хотя нет, не всецело. Уж сколько раз бывало так, что автор, создавший тот или другой образ, вдруг чувствовал, что герой вырывается из его подчинения, что слова и поступки, диктуемые ему, для него органически неприемлемы, и бывает даже так, что автор вдруг сознает, что рожденный его воображением герой заставляет его послать к чертям задуманный и отработанный сюжет, что он может поступить только единым образом, и автор принимает этот поступок и подчиняется выбору своего детища. Разумеется, если это чуткий автор. Но есть и такие, которые, несмотря ни на что, продолжают заставлять своих героев совершать противоестественные, не совместимые с их образом поступки, и это обычно бывает последним произведением таких авторов — их лишают права быть Настоящими Писателями, создающими живых людей, и закрывают им доступ на студию».

То, что собирался сейчас сделать Астор Эламит, тоже каралось лишением всех прав Настоящего Писателя, но Астор не мог ничего поделать, потому что Стор был ему дороже самого себя. Он должен был спасти его, не думая ни о расплате за свой поступок, ни о том

даже, а нужно ли это самому Стору. Он был должен. Должен...

Астор сделал несколько шагов вперед и остановился так близко от стены, что еще полшага — и его лицо погрузилось бы в ее студенистую массу. Щеки чуть покалывало, словно перед ним висело тело огромной дымчатой медузы. В эту стоячую муть он должен был войти... Снова — должен.

Но почему ни разу, до самого этого момента, он не спросил себя: а может ли он это сделать? Как будто это было нечто само собой разумеющееся. Он многое знал о студии, он знал всё — или думал, что знает всё, — о тех, кто волей Настоящих Писателей получает право жизни в стенах этой студии, и жизнь эта нередко ярче и поступки гораздо результативнее, чем в жизни обыкновенных людей. Он повторял себе это сотни раз.

Но что он знает о стене? Он искал в своей памяти. Нет ни одного уголка, где это знание могло бы затаиться. Он почувствовал бы, что когда-то знал, но забыл. Ничего. Вот только то, что за прохождение на ту сторону он заплатит правом создавать живых людей. Но и это не знание, а всего лишь догадка.

Почему он не знает, что такое стена? И главное — может ли он, смеет ли он войти в нее?

Он снова стоял, ожидая, что где-то внутри него отыщется ответ. Но ответа не появлялось, и вместо него в сознании Астора четко обозначился провал, пустота беспамятства, как после обморока, а потом он почувствовал, что внутри у него стремительно растет ощущение невозможности, запретности того, что он собирался сделать, и, не позволяя себе подчиниться этому, Астор протянул вперед руки, как ходят люди в тумане, и вошел в дымное тело стены. Какое-то мгновение он ничего не видел, но затем дым разом исчез, и Астор почувствовал себя в какой-то удивительной кристальной пустоте. Тонкая серебристая пленка под ногами — и абсолютно ничего вокруг. Почему-то он подумал, что в таких случаях люди должны испытывать ужас; но было одно лишь недоумение, и Астор быстро пошел вперед, всё еще протягивая перед собой руки, и через несколько шагов снова попал в полосу неизвестно как возникшего дыма, и снова этот дым рассеялся, а Астор понял, что он уже на той стороне.

Вот и всё, сказал он себе, и это совсем просто. Зна-

чит, человек практически может пройти сквозь стену, но это карается отлучением от любимой работы, — что ж, цена немалая. А как же биороботы? Могут ли они пройти сквозь стену? Не проще ли было бы приказать Стору выйти к нему, в мир людей?

Почему-то это раньше не пришло ему в голову. Наверное, это невозможно. Наверное. Опять эта странная неопределенность, провал в сознании. Почему он не знает о своем Сторе такую важную вещь?

Мысль о Сторе вернула его к действию. Не время рассуждать. Он на студии, на запретной территории. Сейчас ему нужны только быстрота и неуловимость. Только встретить Стора, а там видно будет, как поступить. Тогда и можно будет выяснить, может или нет биоробот пройти сквозь стену. Стену, сквозь которую он прошел, но ничего про нее толком не узнал.

Астор Эламит пошел вперед, отыскивая то место, которое он сам описывал дважды в своей повести, но пока ни корявого пня, ни Стора, обязанного сидеть на этом пне, он не находил.

Ему стало не по себе. Хотя что там — не по себе! Стало так страшно, как бывало только в детстве, когда стремительно проваливаешься в бездонную яму, и упругая невидимая масса продолжает расступаться перед тобой, и ты всё падаешь и падаешь, а легкие ледяные пузырьки, поднимаясь со дна, проходят сквозь твоё тело и уносятся наверх, куда тебе уже никогда-никогдашеньки не вернуться, потому что всё, всё, всё непоправимо и ты один виноват...

Астор понял, что это не то место.

Не появилось даже желания куда-то побежать, закричать, позвать. Бесполезно. Площадь студии не одна сотня квадратных километров. И куда бежать? Направо? Налево? И откуда у него была эта уверенность, что он выйдет точно к тому месту, где будет ждать его Стор? Откуда он знал, что пройти сквозь стену надо именно здесь?

Странно, но такая уверенность раньше была. А теперь не было ничего, ровно ничего, даже желания вернуться. Астор тяжело качнулся и, ломая кусты, пошел куда-то вбок, напролом, скользя на сухих проплешинах, усыпанных прошлогодними иголками. И, только выйдя на лысый пригорок, залитый солнцем, остановился, потому что прямо перед ним, полузакрыв глаза, словно греясь на солнце, сидел старик.

«Вот и влип,— тоскливо подумал Астор,— влез на занятую площадку, съёмка тут, остропсихологический момент, и все невидимые камеры работают на крупный план. Каких-нибудь пятнадцать минут — и отснятый кусок обработают, и киберкорректор автоматически поднимет тревогу, потому что в кадре обнаружится посторонняя фигура. И всё».

Астор посмотрел на старика. Удивится ли он, встретив незнакомца? А вдруг старик из другого времени? Может быть, действие повести, которая разыгрывается здесь, происходит лет пятьдесят тому назад? Глухой черный костюм незнакомца ни о чем не говорил.

Но старик просто, без тени удивления, даже с каким-то удовлетворением смотрел на подходившего. Смотрел уже давно, наверное с самого начала (только Астор не обратил на это внимания) из-за полуприкрытых век — так смотрят очень усталые старики.

Астор подошел еще ближе.

— Присаживайтесь,— сказал старик и чуть подвинулся на стволе поваленной сосны, хотя места было и так достаточно. Астор медленно перенес ногу через ствол и сел верхом, и рыжие, нагретые солнцем пластинки коры посыпались вниз, словно чешуя большой золотой рыбы. «Вот они какие,— думал Астор, беззастенчиво разглядывая старика,— вот они — те, которых мы создаем сомнительной силой нашего воображения. Мы видим их потом объемными, чертовски достоверными фигурами на стереоэкране. Но вот такими, из плоти и крови, мы не встречаем их никогда. Это промежуточный процесс, изъятый из акта творчества. И, наверное, так и надо, потому что, повстречавшись один раз со своим героем вот так, как я сейчас сошелся с этим стариком, автор уже не в силах будет заставлять его жить, и думать, и чувствовать, и всё прочее. Для технического персонала студии — для биоконструкторов, нейропликаторов, операторов псисвязи — они всегда остаются лишь сценическими биороботами, дистанционно управляемыми антропоидами без обратной связи. И только мы — может быть, даже не все, а немногие из нас — знаем, насколько же это люди. Живые люди. И всё-таки как мало мы понимаем, нет, нельзя даже понимать мало или много — как ни странно, ни больно для нас то, что это действительно живые люди...»

Старик продолжал смотреть прямо перед собой, не поворачиваясь к Астору, и его маленькие, очень старческие руки как-то по-особенному бессильно лежали на коленях. «Он еще старше, чем это кажется, — подумал Астор. — И вообще мне мерещутся странные вещи: например, что этого старика я где-то уже видел. Хотя почему же странные? Старика я видеть не мог — это же сценический биоробот, материализованный образ, не более. Но ведь у него может быть прототип. Определенно видел. Не в институте — там я его помнил бы более отчетливо. Значит, в Союзе писателей. Собственно говоря, а что случится, если я возьму и спрошу его, кто он такой?

Астор собирался было открыть рот, но старик медленно повернулся к нему и проговорил:

— Ну хорошо, тогда мне первому придется представиться. — Он пожевал губами, снова как-то грустно посмотрел вдаль, словно ожидая, что Астор прервет его и заговорит первым. Но Астор решил подождать. — Видите ли, я писатель. Это всегда как-то неловко говорить о себе. — Старик виновато улыбнулся, маленькие ручки его беспокойно зашевелились. — Но я Настоящий Писатель. Хотя точнее было бы сказать, что я был Настоящим Писателем.

«М-да, — подумал Астор, — а ведь я тоже был. А теперь меня из Союза — в шею, и самое жуткое, что всё это напрасно. Дерьмо я. Ничего не смог».

— Я создал много книг, — продолжал старик. — Последние три мне разрешено было материализовать. Сейчас я пытаюсь понять: что же было самым главным, самым радостным в процессе создания настоящей книги? Когда задумываешь писать новую книгу — еще не знаешь толком, какую именно, но знаешь, что это будет твоя новая книга... Или рождение сюжета? Появление героя... Что дороже — первое появление его в твоём воображении или первая встреча с ним на стереозкране?

«Забавно, — подумал Астор, — забавно. Ведь он сейчас говорит со мною, посторонним лицом, не предусмотренным автором. Значит, весь этот монолог не авторский. Это мысли, не зависимые от воли того, кто создал этого старика. Даже страшно. Не забавно, а страшно».

— Точно так же я не знал, кто из всех рожденных мною героев ближе и дороже других. До недавнего

времени не знал. Пока мне не пришло время расставаться с последним. И тогда я понял, что этот последний настолько близок и необходим мне, что расставание с ним, исчезновение его не только равносильно для меня собственной смерти — оно страшнее, потому что за ним идет пустота, в которой будет продолжаться мое бытие.

«Хлюпик ты,— в неожиданном ожесточении вдруг подумал Астор.— Ты гроишь человека, которого родил и провел по жизни. Ты шевелишь маленькими, ни на что не способными ручками, а тем временем его там дематериализуют. Не там — здесь. Это происходит здесь, на студии. Еще немного, и так будет с моим Стором. Оба мы хлюпики. Я ведь тоже ничего не сделал. Силенок не хватило. Ума не хватило. Ах, какое же я дерьмо! Сижу и слушаю...»

— В него я вложил самого себя,— монотонно продолжал старик.— Не такого, нет,— немножечко лучше... и помоложе. Я не смог сделать его юным — наверное, об этом я уже разучился мечтать. Он был такой, каким я хотел бы сейчас стать, если бы возможно было такое чудо,— средних лет, не гений, не мировая знаменитость, а просто человек, честно делающий свое дело. Но главное — я хотел передать ему всю свою боль, с которой создаешь героя и с которой уходишь от него...

«Я перестаю его понимать,— машинально отметил Астор.— Он сам писатель, и герой его писатель, выходит... Но ведь, черт побери, он же не настоящий человек, его же самого кто-то создал, ерунда какая-то, матрешка в матрешке...»

— Простите, вы не назвали себя,— сказал Астор.

— Я — Настоящий Писатель,— грустно сказал старик.

— Вы это говорили.

— Я — настоящий Настоящий Писатель.

Бред какой-то... Астор потер лоб, сморщился, как от боли... И тут до него дошло. Это же просто человек! Такой же человек, как и он сам! Он так же, как и Астор, перешел запретную границу, чтобы кого-то спасти. Теперь их двое. Вдвоем они еще что-нибудь придумают. Вдвоем они еще что-нибудь смогут.

— Ваше имя?— почти крикнул он.

— Кастор Эламит,— сказал старик.

Астор поднялся. Медленно перекинул ногу через

ствол дерева, глянул на свои руки и спрятал их в карманы. Дымное марево стены, казалось, выступило из-за деревьев и поползло на них.

— Да...— сказал Астор.— Да... Это очень забавное... совпадение.

Старик не отвечал.

— Вы Кастор Эламит... Да. Но кто же тогда я?

И снова старик не ответил.

— И откуда я?

Старик молча смотрел на серую, теряющуюся в облаках стену. За этой стеной росли деревья, существующие лишь наполовину. Не росли. Они просто стояли, эти макеты. Растить может только живое. Не надо было никаких доказательств, никаких объяснений. Просто нужно было вспомнить эти половинки деревьев, чтобы понять: студия была там, за стеной. А это — это был мир людей.

— Вы хотите, чтобы я сказал это сам? Хорошо. Биоробот. Антропoid без обратной связи, созданный по образу и подобию автора. Точно так же, как я сам творил моего Стора. Немного моложе и немного... лучше. Так? И ваше имя, которое вы укоротили на одну букву...

Всё равно это было невероятно. Особенно тогда, когда произносилось вслух. Мысль о том, что ты всего лишь робот, страшна. Но, произнесенная вслух, она становится просто нелепостью, и нужно только говорить, говорить, говорить, чтобы в звучании слов нелепость их смысла выкристаллизовалась бы с максимальной яростью.

— Значит, тот мир, в котором я жил до сих пор,— это мир декораций, имитированных звуков, материализованных образов? Мир макетов и заранее отснятых кадров? Мир несуществующих расстояний и высот? Мир не бывшего никогда детства, придуманной за меня любви?..

Он остановился. Рика. Его Рика и невозможность прожить хотя бы один день без того, чтобы не увидеть ее...

— Значит, и Рика была ненастоящая? — спросил он шепотом.

— Да,— сказал старик.— Я дал тебе то, о чем мечтал сам, всё равно какую, но только иную, совсем юную, до неправдоподобия юную, и ничего, только видеть, видеть один раз в день...

— Так.— Голос Астора был спокоен, удивительно спокоен.— Видеть один раз в день. Значит, и это было ваше. Моего не было ничего. Да, конечно. Теперь я припоминаю. Чужие слова. Я говорил ей чужие, нелепые слова. А что же было мсе? Хоть что-нибудь было?

— Астор,— сказал старик так, как обычно говорят «Астор, детка»,— с той минуты, как ты вышел оттуда, ты перестал быть моим.

— Благодарю,— сказал Астор.— Благодарю за пятнадцать минут ничейного состояния, которых мне не хватит даже для того, чтобы стать самим собой. Только зачем вы это сделали? Уж вы-то, как никто иной, знали, что пропажа биоробота не может остаться незамеченной, даже если ему и удалось каким-то чудом проникнуть в мир людей. Меня будут искать и, я думаю, найдут без особого труда,— и что тогда? Дематериализация на месте, без суда и следствия? Или как тут у вас, у людей, поступают с роботами, обретшими свободу воли?

— Не надо,— попросил старик,— не надо так, Астор.

— Простите меня,— сказал он.— Минутное любопытство. Всё равно мне нужно возвращаться, а завтра — эксперимент, мой последний эксперимент, который придумали вы, но участвовать в котором буду я. Ведь так?

— Да,— кивнул старик,— это будет завтра. Перед тем как прийти сюда, я закончил книгу.

— Спасибо. Постараюсь сыграть как можно правдоподобнее.

— Не надо бравировать, мой мальчик. Не старайся казаться немножко лучше меня. Довольно и того, что ты моложе.

— Лучше...— Астор услышал собственный смех.— Какого черта вам понадобилось вытаскивать меня на эту сторону? Пусть случилось бы то, что вашей волей должно случиться завтра, но зачем мне знать, что я — как это называется у нас, у Настоящих Писателей,— что я всего лишь сценический биоробот, антропoid с дистанционным управлением?

— Да,— тихо, почти про себя проговорил старик,— видимо, это неизбежно. Я вложил в тебя не только собственную душу, но и всё то, чего, казалось бы, не хватало мне до абсолютного совершенства; и

всё-таки ты оказался как-то меньше, слабее меня самого.

— Простите,— просто сказал Астор.— Мне пора в мое завтра. И, если это можно, разрешите мне еще немного побыть... самим собой.

— Мой мальчик,— старик тяжело поднялся и встал рядом с Астором,— ты забываешь, что время...— он запнулся,— тех, кто находится за этой стеной, течет немного быстрее, чем время людей. Завтра Астора Эламита должно наступить через двадцать минут.

— Вот как,— сказал Астор.— Надо торопиться. Мне полагается быть в институте?

— Да, конечно,— старик грустно улыбнулся,— это был простейший выход.

— Не выдержит защита?

— Да, мой мальчик...

— Значит, аннигиляция... До чего банально, однако. Вы же физик, если я не ошибаюсь?

— У меня не было времени ни на что другое, Астор. Ты знаешь, что Настоящий Писатель не имеет права оставить свою книгу недописанной. А я... я очень стар и болен, и вот наступило время, когда кибер-анализатор не нашел ни одного способа задержать развитие болезни. Я пришел к тебе, пока у меня еще есть для этого силы. Я должен был распорядиться твоей судьбой, и я это сделал. Прощай, мой мальчик.

Он поднял свои маленькие, легкие руки и несколько церемонно опустил их на плечи Астора. Недолгое время они так и стояли, потом Астор бережно взял эти руки, тихо, словно боясь причинить боль, пожал их и опустил.

— Ну, я пойду,— сказал он.

— Ты так и не понял меня, мой мальчик. Туда пойду я.

— Куда? — растерянно спросил Астор.

Старик улыбнулся, словно хотел сказать — туда, детка,— и пошел к стене, дымным маревом виднеющейся за последними деревьями.

— Нет,— сказал Астор и загородил ему дорогу.— Нет, нет.

Старик подошел к нему вплотную, и Астор схватил его за плечи.

— Осталось меньше двадцати минут,— спокойно проговорил старик.— Я не просто физик, я один из

тех, кто создавал студию Союза писателей, кто возводил ее стену и программировал ее роботов. Это позволило мне на недолгий срок расстроить фокусировку съемочной и наблюдательной аппаратуры. Благодаря этому ты смог выйти сюда, и, когда вместо тебя туда вернусь я, это не будет замечено. Но общий ход действия моей книги уже продиктован, изменить его невозможно. Кто-то должен вернуться и доиграть до конца.

— Это буду я,— сказал Астор.— И не заставляйте меня применять силу.

— Да, я сделал тебя моложе и сильнее себя.— Старик вскинул голову и посмотрел прямо в глаза Астору.— Но я человек, и ты не можешь вставать на моей дороге.

Он стряхнул с себя руки Астора и пошел к стене, стараясь держаться как можно прямее. Астор смотрел ему в спину, не смея двинуться с места, и мысли его путались, стремительно сплетаясь и превращаясь в аморфную массу, и из всей этой массы никак не могла выкристаллизироваться одна, та самая необходимая и единственная, которая дала бы ему право остановить старика. Но Астор всем нутром чувствовал, что такое право у него есть, ускользает только основание, и тут старик, дошедший уже до последнего ряда деревьев, оглянулся и громко сказал:

— Прощай, Астор Эламит!

И Астор вспомнил.

— Стойте! — закричал он и бросился к старику.— Я не могу отпустить вас вместо себя: у меня еще есть мой Стор.

Старик удивленно посмотрел на него.

— Теперь я понимаю, почему я не встретил его здесь,— продолжал Астор.— Ведь это мир людей, а он всего лишь биоробот. Значит, он там, на территории студии, и туда вернусь я, чтобы найти его. Ведь это единственное, что есть у меня.

— Нет,— сказал старик,— у тебя нет твоего Стора. Он тоже мой, как и детство, которое ты помнишь, как законы физики, которыми ты пользуешься, как необходимость видеть Рику... Он не твой.

— Правда. Выдумали всё это вы. Даже Стора. Повинуясь вам, я разыгрывал Настоящего Писателя и творил живых людей. Но моей была боль за него. Боль принадлежит не тому, кто создает, а тому, кто теряет.

— Ты знаешь только отголоски той боли, которую выстрадал я, думая о тебе.

— Ну и черт с ней, если она не моя! Забирайте себе всё! Всё! Некогда торговаться. Отдаю вам всё, что было. Но то, что будет, те несколько минут, которые остались до взрыва,— они мои, потому что если туда пойдете вы — что вы сделаете для Стора?

— Ничего,— спокойно сказал старик.

— А я сделаю! Всё, что успею. Я найду его...

— Ты не найдешь его, потому что он попросту не существует. Между ним и тобой та разница, что ты материализованный герой, а он нет. Он живет только на бумаге и в твоём воображении.

— Так,— медленно проговорил Астор.— Последняя матрешка оказалась пустой. Внутри — ничего. Но как жить в этом мире, как жить в любом мире, если внутри — ничего?

— Мой мальчик, еще не прошло и часа, как ты стал настоящим человеком. Но всё, что ты пережил за это время, уже твое. И всё, что будет, когда я уйду, тоже твое. Я оставляю тебе свое имя и свое право пользоваться студией Союза. У тебя еще нет своего Стора. Но ты можешь создать его.

Астор молчал, потрясенный.

— Но если ты захочешь спасти этого Стора — своего Стора,— помни: сценические биороботы не могут перейти границу, чтобы выйти в мир людей. Киберкорректоры, проверяющие весь материал, поступающий на студию, просто не пропустят такого приказа. А если по какой-нибудь оплошности и пропустят, то ни один биоробот такого приказа не примет и ему не подчинится. Так уж они запрограммированы.

— А я? — растерянно проговорил Астор.

— Вспомни, куда ты шел: ты хотел попасть не в мир людей, а тоже в мир вымышленных героев. Ты должен был встретиться не со своим творцом, а с собственным творением. Если бы текст моей последней передачи проверяли люди, они наверняка поняли бы мою уловку. Но киберов мне удалось провести. Запомни этот единственный выход, я нашел его только потому, что когда-то сам проектировал и создавал зону заграждения студии. Человеку бесполезно переходить эту границу: кибернаблюдатели не позволят биороботам встретиться с ним. Запомни этот единственный вариант. А расстроить фокусировку ты сможешь, потому

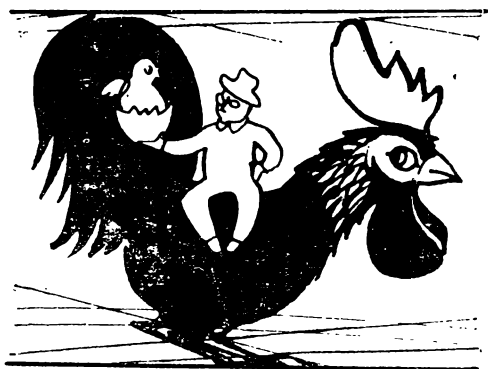
что в тебя вложен весь тот комплекс знаний, которым обладал я,— ведь ты тоже по утрам был просто физиком.

Астор кивнул.

— И не торопись. Не комкай. Не чувствуй себя обязанным. Лепи своего Стора только любовью и болью. Это единственные чистые составляющие, всё остальное ненастоящее. Не дорожи им только потому, что он твой. Он должен стоять того, чтобы прийти за ним. И когда ты поймешь, что он действительно этого стоит... Ты знаешь, как его спасти.

Еще некоторое время они стояли молча, просто глядя друг на друга. Потом старик сделал шаг назад и исчез в дымной толще стены.

Астор ждал. Затаенные шорохи вечернего леса обступали его, и он напрягался изо всех сил, чтобы уловить то, что делается на той стороне. Оттуда не доносилось ничего. Астор всё ждал. Странное воспоминание всплыло как-то подсознательно: а ведь на той стороне лес никогда не шумел... Он качнулся, словно это воспоминание мягко толкнуло его изнутри, и пошел прочь, пошел всё быстрее и быстрее, не оглядываясь, потому что место это он запомнил на всю свою человеческую жизнь, чтобы отыскать его сразу и безошибочно, когда наступит время сюда вернуться.

**КУРФЮРСТ
КУРЛЯНДИИ**

Рассказ

Уважаемые сограждане и сопланетники!

Считаю необходимым заявить, что 17 мая в 5 часов 19 минут по земному времени в районе поселка Нехвойное твердо и определенно ожидается приземление инопланетного дружественного десанта.

Просьба по всем научным организациям и отдельным гражданам проявить всемерное внимание к гостям из Вселенной, а также заблаговременно подвезти к месту их приземления возможно большее количество качественных куриных яиц, мобилизовав для этой цели все транспортные возможности.

Вышеупомянутые гости готовятся посетить нашу уважаемую Землю вторично, однако факт их первого посещения прошел мимо внимания широкой публики и известен лишь населению небольшого дачного поселка Нехвойное.

Чтобы не быть голословным и дабы меня не приняли за шарлатана или человека с покачнувшейся психикой, к сему прилагаю **ОБЪЯСНИТЕЛЬНУЮ ЗАПИСКУ**. Заранее прошу извинения за возможные неровности слога и сбивчивость изложения, ибо я не писатель. Ныне я на пенсии, а прежде работал инспектором по учету городских домашних животных. Только крайняя необходимость и забота о благе населения земного шара заставила меня взяться за авторучку и приступить к изложению нижеперечисленных фактов.

Девять лет тому назад я по долгу службы должен был посетить одну квартиру на Васильевском острове. От жильцов данной квартиры поступила жалоба на некоего Непарного Николая Дормидонтовича. Вышеупомянутый Непарный Н. Д., вселившись по обмену в одну из комнат квартиры, ввез туда, помимо мебели и личных вещей, некоторое количество кур и петухов в живом виде. Вышеупомянутые куры и петухи якобы мешали нормальному отдыху жильцов квартиры.

Поднимаясь на пятый этаж, где жил Непарный Н. Д., я обратил внимание на повышенное количество котов и кошек на лестнице. Только у двери искомой квартиры я насчитал 9 (девять) физических единиц этих домашних животных, и когда мне открыли дверь, некоторые из котов и кошек тоже хотели войти в квартиру, но жилец, отворивший мне, воспрепятствовал этому. При этом он заявил мне, что с тех пор как в их квартире поселился Непарный Н. Д. со своими курами, кошки со всего квартала день и ночь дежурят на лестнице в ожидании добычи.

В прихожей чувствительно пахло курятником, а обступившие меня жители квартиры начали излагать мне устные жалобы на кур и петухов, которых разводит в своей комнате Непарный Н. Д. и которые своими кукареканьем и кудахтаньем отравляют жизнь квартирантам. Вдобавок ко всему Непарный Н. Д. иногда выпускает своих пернатых из комнаты для гигиенической прогулки, и тогда петухи нахально гарцуют в коридоре, а куры и цыплята забираются в места общественного пользования.

О самом Непарном Н. Д. соседи ничего плохого не говорили и даже сообщили мне, что человек он безвредный. Кур он разводит не для продажи, сам курятины не ест и вообще никаких выгод из куроводства не извлекает. Время от времени он со слезами на глазах режет в ванной несколько кур и бесплатно раздает их жильцам. Если выделить ему во дворе место для курятника, чтобы он жил без куриного окружения, то все были бы довольны.

В ответ я заявил, что кур в городе разводить не положено и ни о каком дворовом курятнике речи быть не может. Затем я попросил указать мне комнату Непарного Н. Д. Жильцы повели меня по коридору, и, пока я шел по нему, запах всё усиливался.

2

Непарный впустил меня в комнату, не оказав никакого словесного или физического сопротивления, и только петухи и куры при моем появлении подняли недоброжелательный гвалт.

Несмотря на непоздний час, в комнате было весьма темно, так как стекла не отличались чистотой. Когда Непарный включил свет, я увидел перед собой невысокого человека в очках с большими линзами. На голове у него имелся прорезиненный капюшон, поверх пиджака наброшен был клеенчатый плащ. Я понял, что этим он защищал себя от куриного помета, который порой сыпался сверху, ибо вдоль стен тянулись насесты. Под насестами имелись сколоченные из горбылей навесы, под коими на сене сидели куры-несушки. Из человеческой мебели наличествовали шкаф, стол, стул и кровать, покрытая клеенкой. Всюду сидели и ходили куры, петухи и цыплята. Всего я насчитал 48 (сорок восемь) физических единиц взрослой птицы.

В вежливой форме я указал Непарному Н. Д. на недопустимость содержания кур в домашних условиях и порекомендовал ему ликвидировать куриное поголовье.

В ответ Непарный Н. Д. заявил, что кур он разводит ради науки и не может отказаться от их разведения, но в ближайшее же время постарается выехать из этой квартиры. При этом я заметил, что из-под больших очков по лицу его текут слезы. Затем он сказал, что я кажусь ему серьезным и внимательным человеком и он просит меня задержаться на полчаса и выслушать краткую историю его жизни и научных поисков.

Я согласился, и он, обтерев сиденье стула газетой и накинув на меня кусок брезента для предохранения моего костюма, изложил то, о чем пойдет речь ниже.

Непарный Николай Дормидонтович родился в 1902 году в семье мелкого петербургского чиновника. Жили они бедно, и курица за столом бывала лишь по большим праздникам. Однажды, когда мать дала ему и сестре по куриной ножке, у юного Коли мелькнула мысль, что если бы у куры было четыре ноги, то их хватило бы на всю семью: на мать, на отца, на сестру и на него лично. Но у куры имелось только две ноги, и эта несправедливость природы царапнула чуткое детское сердце. И уже тогда у юного Непарного Н. Д. родилась гениальная идея: людям нужна порода четвероногих кур! Это умственное озарение так взволновало его, что он дал себе клятву никогда не есть мяса двуногих кур.

В дальнейшем он был исключен из шестого класса гимназии за то, что сочинение на вольную тему озаглавил так: «Четвероногая кура — будущий друг человечества». В этой работе он логически доказал необходимость породы четвероногих кур. К сожалению, педагоги восприняли это как издевательство над наукой.

После исключения из гимназии Непарный продал учебники, гимназическую шинель и некоторые предметы домашнего обихода, а на вырученные деньги купил четырех кур и одного петуха, а также самоучитель гипноза. Устроив на чердаке курятник, он проводил там целые дни, гипнотизируя кур и петухов с целью внушить им мысль о необходимости четвероногого потомства. Вся семья была очень недовольна научным увлечением Николая, и дело кончилось тем, что отец проклял его и навсегда изгнал из дома.

С тех пор прошло немало времени.

Много больших и великих событий произошло в мире. Множество городов и профессий сменил Непарный Н. Д. Он был грузчиком, гипнотизером, почтальоном, разносчиком подписных изданий, заместителем преподавателя физкультуры, проводником в горах и проводником вагона, чертежником, дворником и много еще кем. Где бы он ни жил и в каких бы обстоятельствах ни находился, он всюду разводил кур, и это влекло за собой неприятности и вынуждало его менять места жительства и профессии. В семейной жизни ему тоже не везло. Жена прожила с ним два месяца и грубо заявила: «Или я, или куры и петухи». Он, как

честный мученик науки, не мог отказаться от своей идеи, и жена ушла навсегда, хлопнув дверью.

И вот недавно, на подходе к пенсионному возрасту, он с трудом вернулся в город, где родился. Но и здесь судьба заставляет его кочевать с квартиры на квартиру. Жизнь его трудна. Ночью он работает сторожем на складе, а днем заботится о своих пернатых. Отказывая себе во всем, он кормит их качественной пищей, добавляя в нее различные медикаменты и вещества, чтобы сдвинуть гены с двуногости на четвероногость. Но результатов пока что нет.

Исповедь непризнанного ученого запала мне в душу. Прощаясь с тружеником науки, я пожелал ему скорейшего осуществления его смелого творческого замысла.

4

Через месяц пришла коллективная жалоба от жильцов другой квартиры, куда переселился Непарный. В порядке службы я вновь был вынужден посетить его.

Поднимаясь по лестнице, я насчитал 17 (семнадцать) физических единиц котов и кошек. Жильцы встретили меня такими же нареканиями на кур и петухов, как и в предыдущей квартире.

На этот раз я без посторонней помощи, ориентируясь по запаху, нашел комнату Николая Дормидонтовича, который встретил меня как добрый знакомый. Его пернатые друзья не уменьшились в числе, хоть жилплощадь была меньше прежней. Ученый-самоучка обратился ко мне с просьбой воздействовать на жильцов, чтобы они не писали на него жалоб, ибо он устал переезжать с места на место. В ответ я заявил ему, что его творческая мечта задела мое сознание, и дал ему свой домашний адрес — на случай, если ему захочется посетить меня и поговорить о перспективах науки.

После этого я прошел в прихожую, где стал проводить с жильцами беседу о той пользе, которую может принести человечеству четвероногая курица. К сожалению, квартиранты отнеслись к моему выступлению отрицательно, не дали мне договорить, а через день прислали на меня по месту работы острую коллективную жалобу. Будучи вызванным к начальству для объяснений, я произнес короткую речь, в которой дал высокую оценку научным усилиям Непарного Н. Д. по

созданию четвероногой курицы. Мое выступление было встречено с холодком, и вскоре меня начали изводить различными мелкими придирками. Кончилось тем, что мне предложили досрочно уйти на пенсию, что я и сделал.

Это было в начале июня, и я решил снять где-нибудь за городом недорогую комнатку, чтобы провести в ней лето. И вдруг пришло письмо от Непарного. В нем он извещал меня, что судьба его круто повернулась к лучшему. Его бездетная старшая сестра недавно скончалась, не оставив прямых наследников. Юридические власти разыскали его и вручили ему права на владение дачей зимнего типа и участком покойной в поселке Нехвойное. Он уже вступил во владение и развернул широкую научную деятельность. Далее он сообщал мне, что я симпатичен ему как человек и он охотно сдаст мне чердачную комнатку за недорогую цену, если я желаю пожить на лоне природы.

Через неделю я поехал в Нехвойное. В электричке я узнал, что поселок этот состоит всего из восьми домов и расположен далеко от станции. Там очень уединенно и тихо, и туда стремятся дачники, ценящие тишину. За уединенность нехвойнинские дачевладельцы лупят с дачников втридорога, и лютость их вошла в пословицу среди жителей окрестных селений.

Пройдя пешком двенадцать километров, я добрался до Нехвойного. Дачу своего знакомого я узнал по множеству кур и петухов, разгуливавших на участке. Непарный встретил меня приветливо, но тут же объявил, что чердак свой он уже сдал. Наука требует денег, и, так как один из дачников предложил ему неплохую сумму, он вынужден был пойти на это. Однако он договорился с дачевладелицей Портмонетовой, которая живет через два дома, и она зарезервировала для меня пристройку. Я, грешным делом, обрадовался этому варианту. Конечно, в доме ученого-энтузиаста жить было бы лестно для моего самолюбия, но обилие кур и петухов имело свои отрицательные стороны.

Дачники Непарного еще не прибыли, и все три комнаты были отданы во власть пернатым. Всюду были прибиты насесты, и даже рояль использовался с выгодой для науки: внутрь его Непарный складывал свежие куриные яйца и время от времени играл на музыкальном инструменте одним пальцем. Он предпо-

лагал, что музыкальные звуки, быть может, сдвинут гены в желательную сторону.

От моего знакомого я направился к Портмонетовой и договорился за сравнительно небольшую плату жить в пристройке — точнее сказать, это был отсек сарайчика с плоской фанерной крышей. В остальных семи подобных же отсеках уже угнездились дачники, дом тоже был укомплектован от погреба до чердака, и даже в имевшемся во дворе колодце разместилось дачное семейство.

Через несколько дней я переехал на летнее жительство. Несмотря на некоторые бытовые неудобства, в поселке мне понравилось. Я безмятежно прожил там пять летних сезонов.

5

Все эти пять лет научные дела корифея науки шли неважно. Непарный переживал материальные и душевные трудности, так как его куриное поголовье всё росло и требовало много средств на закупку корма и различных химических препаратов. Деньги для кур он получал только за счет дачников, но интересы кур и дачников не во всем совпадали. Куры всю зиму спокойно жили в доме, но с началом дачного сезона ученому приходилось переселять крылатых друзей в дровяной сарай и, производя в доме усиленную уборку, впускать туда дачников. К сожалению, куры не могли примириться со своим временным изгнанием и всё рвались обратно в свое родное жилье, а петухи при этом порой клевали дачников. Кроме того, пернатые вечно толпились во дворе возле коллективного таганка, где дачники готовили себе пищу. Они опрокидывали кастрюли и всячески вмешивались в людские дела. Дачники держали активную оборону против пернатых, а порой переходили в наступление. Эта непрерывная война кур и дачников очень огорчала деятеля науки. Он неоднократно проводил с дачниками разъяснительные беседы, в которых подчеркивал важность создания четвероногой куры. Мало того, он ежедневно бесплатно поил дачниц валерьянкой, а дачникам выдавал таблетки валидола. Но, несмотря на все эти заботы о них, дачники, дотянув до осени, больше к нему не возвращались, и каждой весной ему приходилось вербовать новые контингенты.

Чтобы скорее осуществить свою творческую мечту, Непарный шел на всё и не жалел затрат. Он часто подкармливал кур мясными консервами, чтобы от мяса четвероногих животных у них сдвинулись гены на четвероногость. Иногда он ходил за двенадцать километров на станцию и там покупал в буфете бифштексы. Бифштексы были хоть и тонкие, но повышенной прочности, и он рубил их пожарным топориком. Еще он подкармливал своих пернатых друзей изюмом, мылом, пастилой, витаминами на все буквы, камбалой консервированной, глюкозой, ванилином, маргарином, бриолином, аспирином, шоколадом, головастиками и многими другими продуктами и веществами.

Кроме того, он нарисовал красками две художественные картины: на одной из них был изображен четвероногий петух в натуральную величину, на другой — четвероногая курица. Эти картины он застеклил и повесил их во дворе на уровне полуметра от земли, чтобы двуногие пернатые всегда могли видеть, какими они должны быть в идеале. Он не щадил для науки своих физических сил и часто, надев галоши на руки и ноги, ходил по двору на четвереньках, дабы личным примером натолкнуть своих двуногих питомцев на перекантовку генов в сторону четвероногости.

Но все эти творческие усилия не давали пока что желаемого результата. Я стал замечать, что Николай Дормидонтович становится всё мрачнее.

6

В 1966 году я отправился в Нехвойное в апреле, чтобы полюбоваться прелестями ранней весны. Я наслаждался тишиной природы и малолюдностью поселка, ибо пока что был здесь единственным дачником.

В воскресенье, 16 мая, в 16 часов, я, вернувшись с прогулки, прилег отдохнуть на раскладушке в своем отсеке, но вскоре услышал интересный разговор, который не дал мне уснуть. К моей хозяйке, Портмонетовой, зашел ее сосед, Кошельков, и сказал, что видел странный сон. Будто он идет по берегу моря, а на пляже сидят самые настоящие русалки, в чем мать родила, и торгуют по себестоимости черной икрой в баночной расфасовке. Когда он к ним приблизился, они прыгали в воду, и всё. Тут он проснулся от недомогания.

Портмонетова сразу же заявила, что сон вещий. Русалки с икрой — это так, только для затравки, но что-нибудь да случится, что-нибудь да произойдет.

И что же! Только она это сказала, как во двор вбегает Люська, ее внучка-дошкольница, и говорит:

— Бабушка, смотри, какой цветок мне иностранцы подарили!

— Какие такие иностранцы?! — строго спросил Кошельков. — У нас тут их никогда не водилось.

— За Ньюшиной горкой они. Они в двух цистернах приехали. Мы туда с Костей Отпузовым цветы ходили рвать, а там они на полянке.

— Сейчас же сюда Коську приведи! — сказала Портмонетова. — А цветок тут оставь, не таскай, а то пойдут пересуды.

Девочка побежала звать Костю, а Портмонетова и Кошельков стали строить предположения. Девчонка что-то напутала или наврала. Дорога к Ньюшиной горке идет через поселок и у горки кончается. Раньше по ней за дровами на делянку ездили. Так что иностранцы должны были бы обязательно через поселок проехать.

Я незаметно выглянул в окошко и увидел цветок, который принесла Люська. Это был подснежник, только раз в пятьдесят больше нормального. Мне даже не по себе стало.

Тем временем девочка привела Костю, мальчика лет двенадцати.

— Какие такие иностранцы у Ньюшиной горки? — спросила его Портмонетова.

— Да не иностранцы, это всё Люська напутала, — отвечал Костя. — Там инопланетчики снизились, с Марса они.

— Бог мой, только марсианцев нам не хватало! — воскликнула Портмонетова. — Живем, никого не трогаем, а тут марсианцы на нашу голову! Если дачники узнают, что у нас в лесу завелось, они наше Нехвойное за сто верст обходить будут.

— Вполне можем остаться без дачников, — с тревогой произнес Кошельков. — Дачник сюда за покоем едет, а тут вдруг какие-то марсанцы... А может, это и не марсанцы? — с надеждой спросил он Костю.

— Уж я знаю, что говорю! — обиделся Костя. — С детских лет научную фантастику читаю... Правда, сами они толком объяснить не сумели, откуда они. Но я

же сам вижу: с Марса. Во-первых, явно представители околосолнечной цивилизации, а по законам межпланетной конвергенции условия Марса в минувшем адекватны условиям на Земле. Во-вторых, явно гомоидный тип живых существ класса «мужчина — женщина», что визуально подтверждается наличием вторичных половых признаков.

— Еще половых признаков нам в лесу не хватало! — вскинулась Портмонетова. — Дачник любит, чтоб в лесу грибы, ягоды, а тут ему марсианцы, призраки, привиденья всякие! Надо бы в райцентре в милицию заявить.

— Упаси бог! Никакие власти в это дело вмешивать не надо, — заявил Кошельков. — Если шумок пойдет кругом — без дачников останемся. Надо засекретить это дело, а марсанцы тем временем, может, и улетят. И твоему дачнику ничего не говори!.. Он где сейчас?

— Да, верно, у дружка своего, у куриного психа, торчит.

— Ни дачнику, ни куриному этому придурку — ни гу-гу!

— Люсенька, сбегай-ка по всем домам, позови взрослых сюда, — сказала Портмонетова. — Надо посоветоваться.

Вскоре явились остальные пять дачевладельцев и решили прибытие гостей с Марса держать в тайне. А если пришельцы задержатся больше недели — идти к ним сообща и просить о скорейшем отбытии. Люсе приказали молчать и за это обещали большой торт из «Севера» на единоличное съеденье. Косте объявили, что у него ангина, и освободили на неделю от отправки в школу-интернат, которая находилась в райцентре. К марсианцам ходить ему запретили на три дня, а потом пусть сходит посмотрит, не собираются ли выздороветь.

Едва умолкли голоса и двор опустел, я без шума вышел из своего отсека и немедленно направился к Непарному.

Когда я явился к маститому исследователю, он сидел на крыльце и раскупоривал поллитровку «Столичной». Рядом стояло еще несколько поллитровок. Одна-

ко не подумайте, что он был пьяницей,— он сроду ничего спиртного не пил. К водке подтолкнула его наука. Скормив курам много всяких продуктов и веществ и не добившись нужных итогов, он решился прибегнуть к последнему сильному средству.

Перед ним на земле стояло невысокое корытце, из которого куры обычно пили воду. Теперь он лил в это корытце водку. Некоторые пернатые, уже отведавшие спиртного, ходили по двору враскачку. Куры при этом бессодержательно кудахтали, петухи хрипло горланили и затевали драки.

Когда я сообщил ученому о прибытии пришельцев из космоса, он сказал:

— Прилет инопланетников надо рассматривать как положительный факт в смысле возможностей создания четвероногой куры. Сейчас мы пойдем к ним.

Затем он заявил:

— Нам надо вручить гостям какие-либо подарки. Вы, как почетный потомственный пенсионер, можете преподнести им бутылку водки.— С этими словами он сунул мне в карман поллитровку.— Но я, как представитель науки, должен подарить им что-нибудь более ценное и научно-познавательное.

Он пошел в дом и вынес оттуда авоську и статуэтку из глины. Вылепил ее в прошлом году один начинающий скульптор, снимавший у него комнату. Вещица была высотой сантиметров тридцать и изображала самого Непарного с ног до головы. В вытянутой руке ученый держал крохотную четвероногую курицу. На маленьком постаменте скульптор выцарапал булавкой:

НЕПАРНОМУ Н. Д.

КУРФЮРСТУ КУРЛЯНДИИ

КУРИРУЮЩЕМУ КУР

ЗА РУКОВОДСТВО КУРОВОДСТВОМ

ВОЗДВИГНУТ СЕЙ МОНУМЕНТ

Николай Дормидонтович уложил статуэтку в авоську, и мы уже двинулись со двора, как вдруг увидели кота Навуходносора, который схватил крупного цыпленка.

— Вот кого мы должны отнести инопланетникам,— сказал Непарный.— Котов у них, вероятно, нет, и это грациозное животное должно их порадовать.

Навуходоносор ежедневно крадет у меня по цыпленку, но я терпеливо нес этот крест, ибо кот принадлежал покойной сестре и перешел ко мне по наследству. Но теперь ради укрепления межпланетных контактов я подарю его пришельцам. Там он, быть может, осознает, что он единственный представитель Земли, и перевоспитается.

Мы подождали, пока кот доест цыпленка, и потом, взяв в сарае кошелку, посадили в нее Навуходоносора. Он не сопротивлялся, так как отяжелел от сытости.

8

Когда мы взошли на невысокую Ньюшину горку, то увидали внизу, там, где начинается болото, две емкости, лежащие на земле. Они напоминали формой те цистерны, что стоят на грузовиках, перевозящих молоко. Только размерами были больше — длиной с пассажирский вагон и высотой с двухэтажный дом. Одна цистерна имела голубоватый, другая — розоватый цвет, но обе были сильно оплавлены.

У самого подножия горки, на сухой поляне, окруженной молодым сосняком, стояли непонятные машины и агрегаты. Около них двигались какие-то живые существа.

Чем ближе мы подвигались к лагерю пришельцев, тем больше я убеждался, что они очень похожи на людей. Вскоре можно было уже видеть, что и одеты они по-людски: на мужчинах имелись брюки и куртки, на женщинах — юбки средней длины и кофточки. Когда мы подошли к стоянке почти вплотную, то я заметил, что женщины весьма миловидны собой, а мужчины имеют хорошее телосложение, но без излишнего нагромождения мускулов. Единственное, что отличало инопланетников от людей, это буквы на лбу. У каждого мужчины на лбу виднелась голубоватая буква, а у женщины розовая буква другого начертания. Но это нисколько не портило их.

Подойдя к краю поляны, мы громко сказали «Здравствуйте!», и инопланетники приветственно помахали нам руками. К нам подошел серьезный мужчина средних лет и повел в центр поляны.

— Извиняюсь, вы не с Марса? — спросил я его. — Один местный мальчик сказал, что вы с Марса.

— Ребенок ошибся, — ответил инопланетник. —

Мы совсем не с Марса, там ноль жизни. Наша земля Ялмез лежит в зеркально-противоположной точке Вселенной.

Посреди поляны стоял массивный стол, а вокруг — стулья. Нас пригласили сесть, но поскольку пришельцы сами не садились, то и мы остались стоять. Инопланетники обоих полов приветливо глядели на нас, но не приставали с расспросами и вообще никакого нахальства не проявляли.

Так как Непарный молчал, погруженный в свои научные домыслы, то первое слово взял я. Вынув из кармана пол-литра, я поставил бутылку на стол и заявил, что это мой скромный персональный дар. Объяснив в доступной форме способ употребления напитка и его животворное действие на организм, если употреблять в меру и нормально закусывать, я сказал пару слов о себе. Затем представил пришельцам Непарного, охарактеризовав его как крупного мученика науки.

Когда я замолчал, Николай Дормидонтович поставил на стол свой скульптурный портрет и сказал, что эта небольшая статуя, перевезенная с Земли на Ялмез, будет напоминать нашим новым знакомым о земном человеке, в чьем мозгу родилась идея практического создания четвероногой куры. Надо сказать, что эта идея всегда волновала землян. Так, например, Евгений Шварц упоминает о волшебнике, в сарае которого спонтанно вывелись четвероногие цыплята. На белорусских полотенцах XIX века мастерицы иногда вышивали четвероногих петухов. В Африке найдены наскальные рисунки, где неизвестный художник изобразил живое существо, напоминающее четвероногую курицу. Но настало время создать реальных четвероногих кур!

Затем я вывалил на стол из кошелки кота, который был в полудремотном состоянии. Инопланетники с интересом и симпатией смотрели на достойного представителя земной фауны, и одна молоденькая гостья ласково погладила его.

Произнеся несколько прочувствованных слов о пользе котов, Непарный заявил, что вручает его в дар пришельцам от лица землян и просит любить да жаловать. При этом он честно предупредил, что кот поворачивает цыплят, но в новой обстановке он морально перестроится.

Ответное слово взял руководитель экспедиции. Прежде всего он извинился за недостаточное знание земного языка, ибо изучать его они начали лишь вчера, включив для этого все воспринимающие системы. Они оказались здесь случайно, так как держали обратный путь с одной планеты к себе домой, но в плазматроне одной цистерны оказалась внеквартовая утечка алюмогликогена. Теперь авария исправлена, и они ждут указаний свыше (он указал рукой на небо) о точном времени отлета.

Далее он сердечно поблагодарил за ценные подарки, но тут же добавил, что водки они принять не могут, так как инструкция строжайше запрещает употреблять спиртное в дороге. Статуэтку почтенного труженика науки они тоже взять не могут, так как нагрузка цистерн учтена с большой точностью и малейшее повышение веса вызовет перебои в работе интерполяционных дефрижераторов. Кота, вызывающего их искреннее восхищение, они не могут взять по той еще причине, что у них есть строжайшее правило, по которому они не имеют права брать с других планет ни одного живого существа без его письменного согласия.

Тут я позволил себе прервать оратора и сказал, что у нас на Земле к животным относятся иначе и что в здешних лесах из-за охотников-любителей не осталось никакой живности.

Когда руководитель экспедиции спросил, есть ли еще вопросы, я поинтересовался, почему они прилетели в двух емкостях. Он ответил, что одна цистерна — мужская, другая — женская, в последней несколько больше комфорта.

Далее сам Николай Дормидонтович спросил, почему у мужчин и у женщин буквы на лбу, притом разные. В ответ старший инопланетник поведал нижеследующее.

В древности их женщины носили юбки и длинные волосы. Мужчины же носили брюки и имели короткую стрижку. Затем настал недолгий период, когда умы пошатнулись, и женщины стали носить брюки и стричься по-мужски, мужчины же начали отращивать волосы и носить дамские блузки и брошки. Стало неясно, кто мужчина и кто женщина, и на этой почве происходили разные недоразумения. И тогда с согласия обоих полов были введены эти литеры на лбу,

означающие пол. Когда временное помутнение умов миновало и женщины снова надели юбки, а мужчины вернулись к мужской стрижке, было решено не отказываться от лобных знаков. Литеры, в частности, удобны тем, что светятся в темноте, и, таким образом, мужчина всегда может уступить дорогу женщине.

— Извиняюсь,— спросил я,— значит, как у вас младенец рождается, так ему сразу на лоб шлепают букву?

— Нет,— ответил инопланетник.— Мы рождаемся уже с лобными знаками. Литеры созданы генетически, путем локально-мутационного сдвига генов.

— Значит, вы владеете тайной передвижения генов! — радостно воскликнул Николай Дормидонтович.— Ваш долг — помочь человечеству и мне лично в создании четвероногой куры! — И он произнес взволнованную речь, после которой руководитель экспедиции немедленно познакомил его с симпатичной инопланетницей средних лет — специалисткой по генетической переподготовке.

Специалистка вынула из кармана книжечку с таблицах, заглянула в нее и затем объявила Непарному:

— Превращение куры двуногой в курицу четвероногую практически осуществимо, если подвергнуть куриное яйцо субстанционно-мутационной переквалификации с помощью изоморфических лучевых колебаний. Однако это потребует четыре тонны, десять килограммов и пять граммов времени, а мы ждем сигнала сверху на отлет. Поэтому торопливо отправляйтесь в свое жилище и несите нам куриные яйца. Да, я забыла вам сообщить, что у нас весо-метрическая система отсчета времени, а по земному исчислению операция займет одиннадцать часов тридцать две минуты и девять секунд.

Схватив кошелку и посадив в нее заповедного кота, дабы он не заблудился в лесу, Непарный приказал мне дежурить около гостей, чтобы упросить их задержать отлет, если сигнал будет получен слишком рано, а сам бегом кинулся домой.

Сев возле стола, я стал наблюдать за дружной работой пришельцев, которые все трудились около своих аппаратов и агрегатов. Затем я задремал и был разбужен короткими гудками, которые шли от какого-то прибора. Этот прибор обступили все инопланетники и

стали слушать гудки. Вскоре ко мне подошел руководитель экспедиции и сказал, что получен сигнал на отлет через четыре тонны и одиннадцать килограммов времени. Следовательно, они успеют провести операцию «четыре ноги», если только земной ученый не очень поздно принесет куриные яйца. Если же он очень запоздает, то операцию придется отложить ровно на шесть лет по земному времени. Через шесть лет после минуты отлета астронавты с Ялмеза намерены вновь посетить Землю с целью научных контактов, причем снизятся опять в этом месте.

9

Прошло немного времени, и на склоне Ньюшиной горки, среди вереска и можжевельника, показался Николай Дормидонтович. Он бежал, держа в вытянутых вперед руках кошелку, — ясное дело, полную куриными яйцами.

И вдруг все ахнули — я на земном языке, а гости на инопланетном. Случилось нечто ужасное! Мاستитый ученый, споткнувшись о пенек, упал и всем телом навалился на свою многообещающую ношу.

Через мгновение он снова побежал вперед, выкрикивая что-то рыдающим голосом. По его костюму стекал желток и белок, из кошелки сочилась давленная яичная масса. Когда он достиг поляны, его окружили сочувствующие инопланетники и я лично. Тут выяснилось, что из пятидесяти штук уцелело каким-то чудом только три яйца. Ученого немедленно подвели в какому-то прибору, и через мгновение и костюм, и кошелка стали совсем чистыми.

Взяв три уцелевших яйца, специалистка по переподготовке геюв направилась к какому-то сложному агрегату. Она нажала на несколько кнопок, и из прибора выдвинулся широкий синий световой луч. Она положила яйца на этот луч, и они не упали на землю, а стали тихо вращаться в луче. Над лучом появился конус зеленоватого света и с тихим звоном начал кружиться вокруг своей оси.

— Это продолжится долго, а сейчас наступил килограмм — то есть, по-вашему, час ужина, — заявила специалистка-переподготовщица. — Призываю вас отъесть с нами ужин.

Все, за исключением одной инспланетницы, сели

вокруг стола. Я уже прежде заметил, что стол был очень массивный. Он покоился на шести треногах из какого-то темного металла, а столешница представляла собою гладкую поверхность из зеленоватого вещества. От стола по земле шел кабель к какому-то сложному агрегату.

Дежурная инопланетница принесла маленький ящичек, а затем вежливо попросила убрать со стола статуэтку ученого; о моей поллитровке, которая тоже имелась на столе, она ничего не сказала. Затем девушка вынула из принесенного ею ящичка малюсенький хлебец, размером буквально с детский мизинец, и положила его посредине стола. Потом она поставила перед каждым по три тарелочки, каждую размером с ноготок, и положила по малюсенькой ложечке, вилочке и ножичку. Из игрушечного термоса она налила каждому супу, затем выделила всем по рыбке размером со снетка и добавила подливки. Затем положила среди стола несколько миниатюрных яблочек и несколько ягодок величиной с земляничину и еще всякие малюсенькие овощи и фрукты.

«Бедновато живете, граждане инопланетники! — подумал я. — Какой-нибудь обыкновенный земной кот и тот имеет больше питания».

Но тут дежурная попросила меня убрать локти со стола, а сама пошла к агрегату, к которому шел кабель, и стала там нажимать на рычажок, а потом начала поворачивать рукоятку со стрелкой. Я взглянул на стол — и обомлел. Махонький хлебец стал расти у меня на глазах. Тарелочки начали увеличиваться вместе с имеющимися на них пищевыми продуктами. Через две-три минуты, когда девушка выключила агрегат, на столе лежала большущая аппетитная буханка хлеба. Соответственно увеличились и все остальные съедобные вещи и посуда. Рыбки-лилипутки превратились в изрядных рыбин величиной с хорошего карпа, ягодки-малютки стали огромными сочными плодами величиной со средний арбуз. А моя поллитровка, сохранив прежние очертания, выросла в огромную бутылку, ведер этак на пять! И тут передо мной встала мысленная задача, каким способом доставить мне ее домой.

Ужин оказался весьма питательным и вкусным. В процессе еды Николай Дормидонтович спросил у руководителя, с помощью чего произведено такое чудесное увеличение продуктов питания.

— С помощью квантоволимитрофного астрогенерационного демасштабизатора, который мы в простоте речи называем масштабизатором,— ответил руководитель.— У нас на планете большое число населения, и чтобы всех наплатить, мы выращиваем миниатюрные плоды, овощи и фрукты и разводим мини-рыбок, а затем увеличиваем всё это с помощью масштабизаторов. И вообще мы производим все вещи и предметы обихода в маленьком виде, а потом масштабизируем до нужных размеров. Существа разумные, а также теплокровных животных и птиц масштабизации подвергать запрещено, ибо это негуманно. Не подлежат масштабизации также ценные произведения искусства.

Когда всё было съедено, пришельцы помогли мне снять со стола бутылъ, и дежурная, включив агрегат, уменьшила тарелки, ножи и вилки до прежних размеров и унесла их.

Непарный заинтересовался практическим действием масштабизатора. Взяв свою статуэтку, он поставил ее на стол и обратился к пришельцам с краткой речью. Он сказал, что идея создания четвероногой куры, зародившаяся в его мозгу в дни детства, ныне близка к осуществлению. Поэтому он чувствует себя достойным не этого маленького скульптурного портрета, а монументального памятника, который он желает при жизни установить среди своего двора. Посему он просит уважаемых гостей произвести такую масштабизацию этой статуэткы, чтобы она достигла высоты двух с половиной метров.

Начальник экспедиции ответил, что просьба уважаемого ученого будет приведена в исполнение. Однако, добавил он, глина — материал непрочный, а у нас имеется возможность превратить эту глину в какой-либо металл, например в золото.

— Мне не хотелось бы иметь золотую статую,— заявил Непарный.— Она полагалась бы мне в том случае, если бы я не только сам задумал, но и сам осуществил свою идею. Однако для технического воплощения своего замысла я вынужден прибегнуть к вашей помощи, а посему мне более приличествует статуя не золотая, а бронзовая.

Молодой инопланетник по знаку начальника тотчас же понес статуэтку к какому-то шкафу, из которого при нажатии кнопки выдвинулся ящик. Он положил вещьцу в этот ящик, тот вдвинулся в шкаф, а

через три минуты выдвинулся оттуда, и в нем стояла уже бронзовая статуэтка.

Затем ее поставили на стол, включили агрегат — и через несколько минут мы имели перед собой величественный монумент. К столу подошла самоходная погрузочно-разгрузочная машина и, осторожно сняв статую со стола, поставила ее на землю. Растроганный ученый встал рядом со своим памятником, который был ростом много выше оригинала, дружески обнял его, и слезы радости потекли из-под очков мученика науки. Тем временем стало смеркаться, и на лбах у пришельцев начали светиться голубые и розовые буквы.

На рассвете ученая инопланетница вручила Непарному три облученных яйца, и тот, тепло поблагодарив гостью, осторожно уложил яйца в кошелку, обернув их предварительно мягким мхом.

Наступил час отправления пришельцев. В цистернах автоматически раскрылись люки, и гости, взявшись за руки, стали кружиться в прощальном хороводе, как это у них положено при отлете с чужих планет. Затем, помахав нам на прощанье, инопланетники направились к своим емкостям. Все агрегаты самоходом двинулись вслед за ними. Вскоре люки захлопнулись, и цистерны плавно оторвались от земли. Несколько секунд они повисели над поляной, потом круто взмыли в небо и пропали из глаз.

Мы остались вдвоем. Ученый стоял возле статуи, я стоял возле бутылки, и перед нами обоими стоял вопрос о транспортировке этих предметов. Ввиду огромного веса монумента Непарный постановил оставить его пока здесь.

Я же решил доставить бутыль в поселок безотлагательно. При помощи хвороста и ремня от брюк я сделал приспособление для волочения, и мы двинулись в обратный путь. Впереди шел Непарный, неся кошелку, позади тащился я, волоча за собой бутыль.

Так как участок ученого был крайним в поселке, то я спрятал бутыль в его сарае, чтобы среди дачевладельцев не возникло лишней зависти и огласки.

Высиживание трех яиц Непарный поручил самой надежной и старательной наседке. Выделив ей удобный

уголок в комнате, он неустанно наблюдал за ней и снабжал ее первосортным кормом. А чтобы создать будущим питомцам наилучшие условия для развития, он решил на этот летний сезон отказаться от дачников.

Прошло две, прошла третья неделя высиживания.

Будут ли они четвероногими? Вот о чем днем и ночью думал ученый. Он лишился покоя и сна, и я старался почаще бывать у него, ибо мое присутствие действовало на него успокаивающе. Последние трое суток я находился на участке непрерывно. Правда, в дом входить Непарный мне воспретил, дабы не нарушать покоя наседки, и я спал в сарае на дровах, рядом с бутылкой. Иногда, чтобы снизить уровень своего волнения, я пользовался ее содержимым.

На двадцать первый день высиживания, утром седьмого июня, Николай Дормидонтович разбудил меня, дернув за ногу.

— Свершилось! — объявил он. — Идите посмотрите на четвероногого цыпленка.

— Петушок или курочка? — спросил я.

— Курочка! Четвероногая курочка! — ответил Непарный.

Он вошел в дом, меня же не впустил, боясь, что я могу по неосторожности раздавить первенца. Стоя во дворе, я в окно увидал сперва Николая Дормидонтовича, который сел на стул, осторожно поджав ноги, затем цыпленка. Он бойко бегал по полу на своих четырех лапках.

И вдруг мое сердце дрогнуло. По-видимому, деятель науки неплотно закрыл за собой дверь, ведущую из кухни, ибо Навуходоносор пробрался вслед за ним в комнату и уже изготовился к молниеносному прыжку, угрожая смертью четвероному созданию. Ученый, заметив кота, замер от ужаса, не зная, что предпринять. И вдруг кот, разглядев, что у цыпленка не две, а все четыре ноги, ошетинился от страха и, отменив свой роковой прыжок, трусливо бросился вон из комнаты.

— Как видите, курочка бойкая и здоровая, — заявил мне ученый, выходя на двор. — Теперь будем ждать появления на свет ее будущего четвероногого ухажера...

Через час по комнате бегали две четвероногие курочки.

— Дело становится серьезным,— сказал ученый, стараясь скрыть дрожь в голосе.— Если и третий цыпленок окажется не петушком, то род четвероногих кур не даст потомства. Но по закону вероятности теперь надо ждать именно петушка.

«По закону вероятности ждите крупной неприятности»,— вспомнил я слова какого-то поэта, однако вслух их не произнес.

К сожалению, поэт оказался прав. Через час вылутился третий цыпленок, который тоже оказался курочкой.

Горе мученика науки не поддавалось описанию. Напрасно я утешал его тем, что через шесть лет сюда снова придут инопланетники, и тогда можно будет создать хоть тысячу четвероногих кур и петухов. Ученый сидел понуриив голову, и слезы текли из-под его очков.

11

Лето шло, а Николай Дормидонтович всё никак не мог очухаться от неудачи. Хозяйство он запустил, и двуногие куры и петухи одичали и бродили где попало. Кот потерял остатки совести и натренировался съедать в день по два крупных цыпленка. Но четвероногих кур он боялся как черт лаdana. От них шарахались и двуногие куры, и даже самые отважные петухи панически боялись их. Когда три четвероногих кильватерным строем выходили на улицу поселка, собаки опасливо обегали их стороной, а маленькие дети начинали плакать. Вскоре три эти куры куда-то исчезли навсегда. Есть подозрение, что их тайно изловило и съело то семейство, которое снимало колодец во дворе у Портмонетовой.

Поздней осенью на поляне, где весной приземлились пришельцы, нашли бездыханное тело Николая Дормидонтовича. Он лежал у подножия своей статуи.

12

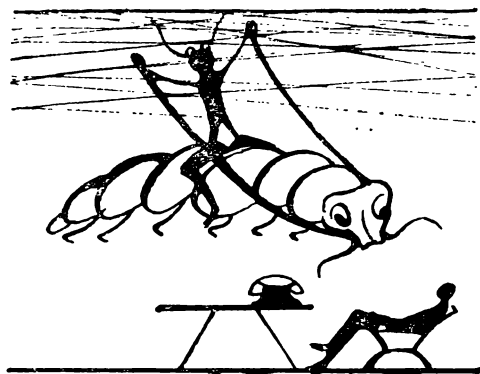
Ныне дача принадлежит вдове Непарного. Она в свое время покинула ученого, но, поскольку развод не был оформлен, юристы отыскиали ее и ввели во владение. Она яростно уничтожает культурное наследие своего бывшего мужа. Все куры и петухи беспощадно

ею съедены, исторический курятник снесен, две художественные картины, висевшие во дворе, валяются на чердаке.

Что касается монумента, стоявшего на поляне, то он давно упал в силу своей тяжести и зыбкости почвы. Четвероногую куру, которую держал в руке ученый, отломали туристы и унесли неизвестно куда. Дачевладельцы, дабы повысить ценность местности, пустили слух среди дачников, что статуя эта очень старинная и привезена сюда из древнего Рима при Екатерине Второй.

В заключение еще раз призываю достойно подготовиться к будущему посещению Земли инопланетниками и заготовить к их прибытию достаточное количество полноценных куриных яиц.

Борис Никольский

«НАЕЗДНИК»

Рассказ

— Доктор Тэрнер? С вами будет говорить профессор Хаксли.

Пауза между этой фразой, произнесенной секретаршей, и голосом самого Хаксли, зазвучавшим в трубке, была, пожалуй, чуть короче, чем полагалось бы для человека, занимавшего такое положение, как профессор Хаксли. Руководитель гигантского научного центра, где сотни людей занимались самыми головоломными и, как поговаривали, самыми фантастическими проблемами, центра, чьи корпуса не только протянулись на несколько километров, но еще и уходили глубоко под землю,— этот человек был слишком значительной фигурой, чтобы доктор Тэрнер, возглавлявший пусть вполне современную и даже имевшую немалую известность, но всё же небольшую психиатрическую лечебницу, не напрягся весь внутренне, прижимая к уху телефонную трубку.

— Добрый день, доктор! — Голос профессора звучал совсем по-свойски, словно он собрался пригласить своего коллегу на загородную прогулку или на скромный семейный праздник.

— Добрый день, профессор! — Тэрнер постарался, чтобы его голос прозвучал если не точно так же, то по крайней мере почти так же.

— У меня к вам, доктор, личная просьба. Вероятно, к вам в ближайшее время обратится некий профессор Гардинг. Это один из лучших наших сотрудников. Очень жаль, но последние месяцы с ним творится что-то неладное. Надеюсь, ничего страшного. Нам бы очень не хотелось его терять. Я сам рекомендовал ему вашу клинику.

— Благодарю вас, профессор. Я очень признателен.

— И прошу вас, доктор, по возможности разрешать Гардингу работать — без этого, я уверен, он долго не протянет. Кроме того, повторяю, его последние идеи для нас крайне ценны. Вы меня поняли?

— Не беспокойтесь, профессор. На нашу клинику еще никто не жаловался.

Они простились, и доктор Тэрнер еще некоторое время смотрел на телефонный аппарат с нежностью, словно тот был живым существом...

Профессор Гардинг появился в его кабинете на другой день. Он был худощав и немолод. У него было энергичное лицо, уже носившее следы усталости, даже, если говорить точнее, измученности. К тому же он был явно смущен необходимостью своего появления здесь. Впрочем, это выражение смущения и растерянности, словно человек пытается и не может понять, как, по какой неведомой случайности он попал совсем не туда, куда стремился, не раз уже видел доктор Тэрнер на лицах своих пациентов.

— Рад, рад с вами познакомиться, — воскликнул Тэрнер. — Много слышал о ваших работах. Счастлив, что теперь имею возможность видеть вас...

Он приостановился — он всегда придавал большое значение первой реакции, первым словам больного, произнесенным в этом кабинете.

— К сожалению, не могу ответить вам тем же, — сказал Гардинг, усмехнувшись. — Вернее, я был бы рад познакомиться с вами при других обстоятельствах...

— Ну что вы! — воскликнул доктор Тэрнер. — Не надо преувеличивать! В наше время очень многие невольно преувеличивают свои болезни. Нервы, переутомление — стресс. Две-три недели покоя, и всё будет отлично.

Гардинг покачал головой.

— Нет,— сказал он.— Если бы это не было так серьезно, я бы, поверьте, никогда не обратился к вам.

— Что же вас беспокоит, профессор? — уже переходя на деловой тон, спросил Тэрнер.

— В том-то и дело... В том-то и дело...— сказал Гардинг.— Если бы я мог объяснить, что со мной происходит, это не было бы так серьезно.

— И всё-таки? Попробуйте, профессор.

— Понимаете, доктор, вам никогда в детстве не снился такой сон: вы ясно видите яблоко, вы даже берете его в руку, вам кажется, вы сейчас надкусите его, а надкусить его, ощутить его вкус оказывается невозможно,— и вы даже во сне страдаете от этой невозможности и оттого, что не можете понять: почему, как же так? Ведь яблоко — вот оно...

— Ну разумеется,— улыбаясь, сказал доктор.— Кому же из нас не снились в детстве такие сны...

— Так вот, со мной теперь происходит нечто подобное уже наяву. Я теряю мысль. Вы понимаете, доктор, я ее уже ощущаю, я чувствую, что она есть, и вдруг она исчезает, я не могу поймать ее...

Доктор Тэрнер кивнул. Лицо его оставалось серьезным.

«Склероз,— подумал он,— обычный старческий склероз. Плюс нежелание признать свою болезнь обыкновенной, такой, как у всех. Моя болезнь должна быть исключительной».

С такими случаями ему тоже приходилось иметь дело не раз. Как ни странно, но человек способен гордиться даже тяжелой болезнью, если она редчайшая, если она принадлежит только ему.

— Мне кажется, вы меня не поняли,— с грустью сказал Гардинг.— Понимаете, со мной и раньше бывало, что я вдруг что-то забывал, не мог сразу уловить какую-то идею, но теперь это совсем другое. Это состояние... Нет, я не знаю, как это объяснить словами...

«Ничего удивительного, что процесс постепенного умирания мозга всегда особенно мучителен и невыносим именно для больших ученых...» — подумал доктор, а вслух сказал:

— Еще один вопрос, профессор. У вас были за последнее время какие-нибудь неприятности, сильные переживания?

Гардинг пожал плечами.

— Может быть, столкновения с кем-нибудь из коллег? С руководством?

— Ну у кого же их не бывает — столкновений и споров! — сказал Гардинг. — Так что даже не знаю, что вам и сказать... Разве что...

Доктор ждал.

— Разве что... Недавно мы крупно поспорили с профессором Хаксли. Дело в том, что наши взгляды на одну проблему разошлись уж очень резко. Я опасался, не будут ли некоторые наши работы использованы во вред людям. Тогда я погорячился... Впрочем, в науке всё естественно, вы же знаете, доктор...

— Ис профессором Хаксли у вас остались по-прежнему хорошие отношения? — быстро спросил Тэрнер. — Вы не испытываете к нему вражды?

— Ну что вы! — сказал Гардинг. — Нормальные деловые отношения.

— Я рад, что вы так здраво смотрите на вещи, — сказал доктор. — Это лишний раз доказывает, что ваше недомогание не так уж страшно. Покой, полная изоляция, режим, прогулки, кое-что из химиотерапии — теперь в этой области, вы, конечно, слышали, достигнуты чудеса, — и уверен, вы сможете вернуться к своей работе...

Он замолчал. Выражение глаз Гардинга насторожило его: так смотрят дети, когда понимают, что взрослые их обманывают.

Прошла неделя, другая, прошел месяц, а больному, вопреки заверениям доктора Тэрнера, не становилось лучше.

Гардинга поместили в отдельную комнату, которая скорее напоминала номер в отличном отеле, чем палату в психиатрической клинике. Правда, дверь этой палаты постоянно была заперта снаружи, но профессор, казалось, и не замечал этого.

Он то бродил по комнате, то вдруг торопливо присаживался к столу и пытался что-то записывать на листках, вырванных из блокнота. Торопясь, он наносил на бумагу значки и цифры, иногда сбивчивым, судорожным почерком записывал одно-два слова, подчеркивал их, отбрасывал ручку и с мучительным недоумением вглядывался в только что сделанные записи.

Вставал и снова начинал ходить по комнате. Потом снова кидался к столу. И так — весь день.

Иногда он просыпался среди ночи и, включив свет, тянулся к блокноту. И опять всё повторялось.

С каждым днем лицо его становилось всё изможденнее, и измученное выражение, казалось, теперь уже навсегда застыло в его глазах.

Напрасно доктор Тэрнер уверял, что всё идет как нельзя лучше, — он и сам видел, что это ложь. Он еще пытался убедить себя, что это кризис, что вот минет кульминационная точка и больной пойдет на поправку; но время шло, а состояние Гардинга всё ухудшалось...

Научный центр, которым руководил профессор Хаксли, был так огромен, что, вздумай профессор ежедневно совершать обход всех лабораторий, отделов и секторов, у него уже не оставалось бы времени ни на что другое. Поэтому он обычно выбирал какой-нибудь один отдел или сектор и некоторое время занимался только им.

Последние дни профессор Хаксли чаще всего бывал в четвертом корпусе. Над крышей этого корпуса тянулись вверх сложные антенные системы, а в самом здании размещалась электронная аппаратура под кодовым названием «Наездник». Это название придумал ее создатель, профессор Кронфельд, еще в то время, когда она существовала лишь в его воображении, но с тех пор оно так и закрепилось за ней.

Профессор Хаксли подолгу внимательно наблюдал за бесшумной работой операторов в белых халатах, за вспыхивающими и гаснущими сигнальными лампочками, за вздрагивающими стрелками приборов, за бесконечной лентой, выползающей из электронной машины...

В эти минуты он был молчалив и задумчив.

Днем профессору Гардингу разрешали прогулку к морю.

Он шел и думал о своей жизни и забывал, что два служителя, два санитары, неотступно следуют за ним.

Когда-то, еще в студенческие годы, всё то, чего он добился теперь, всё то, что удалось ему сделать, пред-

ставлялось бы ему и вершиной славы и вершиной успеха. О большем он не мог, да и не смел тогда мечтать. А теперь, оглядываясь назад, он понимал, как ничтожно мало он сделал. Те работы, которые он выполнил, были временны, преходящи. Но порой ему казалось, что он еще сумеет, что он непременно должен сделать что-то неизмеримо более важное.

Он же может. Он это чувствовал.

В светлые минуты, когда он стоял возле моря, он опять начинал верить, что сумеет. И он торопился обратно в свою комнату, в свою камеру, в свою палату — его мало интересовало, как это здесь называется. И снова начинались те же мучения.

Иногда ему чудилось, что он уже ощутил, поймал мысль, и ему только недостает умения, недостает слов, чтобы выразить ее. Вряд ли что-либо могло причинять большие страдания, чем это чувство собственной беспомощности...

Когда-то давно он любил работать стоя, — он вдруг вспоминал об этом и просил принести ему специальную конторку.

Это не помогало.

Тогда он часами упорно просиживал за столом над чистым листом бумаги, боясь упустить тот момент, когда его мысль станет ясной и когда у него хватит сил выразить ее.

Потом он ощущал усталость, опустошенность, — неслышно появлялась сестра милосердия, делала ему укол, чтобы он уснул.

Засыпая, он видел себя то студентом, почти мальчиком, то молодым профессором, впервые входящим в аудиторию...

На селекторе в кабинете профессора Хаксли вспыхнул красный глазок: его вызывал «Наездник». Профессор щелкнул переключателем — пользоваться прямой связью сотрудникам разрешалось лишь в особо важных, экстренных случаях.

— Слушаю, — негромко сказал он.

Взволнованный голос произнес:

— Два часа назад объект номер семь прекратил выдачу информации.

Профессор Хаксли положил трубку и молча откинулся на спинку кресла.

Слегка покачиваясь в кресле, он ждал.

Он не удивился, когда на пороге кабинета возникла секретарша.

— Профессор, простите, но с вами хочет говорить доктор Тэрнер.

— Да-да,— отозвался Хаксли.— Соединяйте.

Несколько секунд доктор Тэрнер молчал, только было слышно в трубке его дыхание. Потом сказал:

— Профессор, два часа назад умер Гардинг. Я просто не представляю...

Хаксли оборвал его на полуслове.

— Надеюсь, вы сделали всё возможное? — холодно спросил он.

— Разумеется! — воскликнул доктор Тэрнер.— Нам впервые пришлось столкнуться с подобным случаем, и всё-таки я убежден...

Он продолжал еще что-то говорить, торопливо и громко, но профессор Хаксли уже не слушал его.

На следующий день профессор Хаксли вызвал к себе Кронфельда.

— Садитесь, Кронфельд,— сказал он.— Вы знаете, что профессор Гардинг умер?

— Да,— сказал Кронфельд.— Знаю. Правда, последнее время мне не приходилось с ним встречаться. Говорят, он был тяжело болен?

— Да. И потому нам пришлось торопиться. Теперь можно подвести итоги. Ваш «Наездник» поработал в этот раз неплохо. Обработка информации еще не закончена, но уже сейчас можно сказать, что мы располагаем необычайно интересным материалом.

— Идеи Гардинга всегда были оригинальны,— сказал Кронфельд.

— Да. Если бы только он сам не был так упрям...— вздохнул Хаксли.— Тогда бы, я думаю, нам не пришлось прибегать к услугам «Наездника». Кстати, Кронфельд... я давно хотел вас спросить, почему вы дали своему детищу такое странное название?

— А-а, это...— засмеялся Кронфельд.— Старая история. Вы ведь знаете, профессор, детские впечатления нередко бывают самыми сильными. Так вот, еще в детстве в популярной книжонке я прочел рассказ о таком насекомом — наезднике. Самка наездника откладывает яйца в тело гусеницы. Гусеница еще ничего не

ощущает, но она уже обречена. Личинка-паразит, развиваясь, высасывает из нее все соки, и гусеница гибнет. Эта история произвела на меня в детстве какое-то странное, почти болезненное впечатление. А мысль о создании мозга-паразита, мозга, перехватывающего чужие импульсы, пришла уже много позже... И всё-таки я их связываю — ту детскую, давнюю вспышку ужаса и эту свою идею...

Он сделал паузу, словно выжидая, что скажет Хаксли, но директор молчал.

— И знаете, что самое забавное, профессор? Что эта идея впервые пришла мне в голову на лекциях Гардинга, когда я был еще студентом. «Учиться у природы!» Вы же помните, это всегда была его любимая мысль. Он повторял ее без конца. А мозг-паразит... Эта идея была так проста, что сначала показалась мне неосуществимой. А потом... Впрочем, что было потом, вы знаете. Создать аппаратуру, которая сумела бы уловить и усилить самые слабые импульсы, было не так уж сложно. Самым сложным оказалось научиться настраиваться на нужный объект. С этим пришлось повозиться...

— Еще один вопрос, Кронфельд, — сказал Хаксли. — Над чем вы работаете теперь? Что-то я давно ничего не слышал о вашей работе.

— Это секрет, профессор, — засмеялся Кронфельд. — Это секрет.

— Даже от меня? — И Хаксли шутливо погрозил ему пальцем. — От меня у вас не должно быть секретов.

— Я ведь суеверен, профессор, — так же шутливо сказал Кронфельд. — А если говорить серьезно — любимая идея занимает меня лишь до тех пор, пока не высказана вслух. Как только выскажу ее, я перестаю ощущать ее своей...

— Я вас понимаю, Кронфельд, — сказал профессор Хаксли. — Я вас очень хорошо понимаю.

Через несколько дней в кабинете доктора Тэрнера раздался звонок:

— Доктор Тэрнер? С вами будет говорить профессор Хаксли.

— Добрый день, доктор.

— Добрый день, профессор.

— Очень прискорбно, доктор, но мне снова приходится прибегнуть к вашей помощи. Случай, очень похожий на болезнь Гардинга. Боюсь, что в ближайшее время к вам обратится еще один наш сотрудник. Сначала я хотел рекомендовать ему другую клинику, но потом подумал, что вам будет любопытно и полезно изучить еще один аналогичный случай... И я думаю, доктор, вашему новому пациенту совсем не к чему знать, что Гардинг умер именно в вашей клинике. Не так ли?

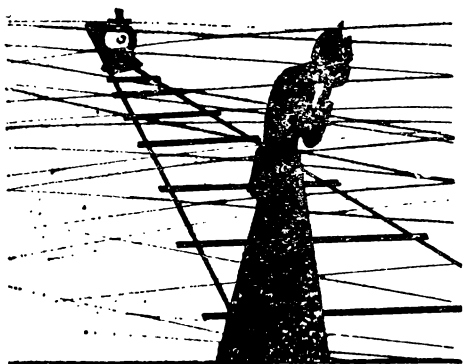
— Да, профессор, вы совершенно правы. Мы позаботимся об этом.

— Уверен, что на этот раз исход будет благополучным.

— Благодарю вас, профессор. Разрешите узнать фамилию больного?

— Профессор Кронфельд,— сказал Хаксли.— Запишите: профессор Кронфельд.

Дмитрий Романовский

**ЧЕСТЬ ИМЕЮ
ПРЕДСТАВИТЬ —
АННА КАРЕНИНА**

Повесть

...И вдруг, вспомнив о раздавленном человеке в день ее первой встречи с Вронским, она поняла, что ей надо делать. Быстрым, легким шагом спустившись по ступенькам, которые шли от водокачки к рельсам, она остановилась подле вплоть мимо ее проходящего поезда...

«Туда! — говорила она себе, глядя в тень вагона, на смешанный с углем песок, которым были засыпаны шпалы, — туда, на самую середину, и я накажу его и избавлюсь от всех и от себя».

Она хотела упасть под поравнявшийся с ней серединою первый вагон. Но красный мешочек, который она стала снимать с руки, задержал ее, и было уже поздно: середина миновала ее. Надо было ждать следующего вагона. Чувство, подобное тому, которое она испытывала, когда, купаясь, готовилась войти в воду, охватило ее, и она перекрестилась. Привычный жест крестного знамения вызвал в душе ее целый рид девичьих и детских воспоминаний, и вдруг мрак, покрывавший для нее всё, разорвался, и жизнь предстала ей на мгновение со всеми ее светлыми прошедшими радостями. Но она не спускала глаз с колес подходящего второго вагона. И ровно в ту минуту, как середина между колесами поравнялась с нею, она откинула красный мешочек и, вжав в плечи голову, упала под

вагон на руки и легким движением, как бы готовясь тотчас же встать, опустилась на колена. И в то же мгновение она ужаснулась тому, что делала. «Где я? Что я делаю? Зачем?» Она хотела подняться, откинуться; но что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину. «Господи, прости мне всё!» — проговорила она, чувствуя невозможность борьбы...

Когда Анна открыла глаза, она увидела себя в светлой комнате с гладким низким потолком. В первый момент Анна повторяла про себя полузабытые с детства молитвы, которые она еще разучивала с Сережей. Молитвы — монотонные, успокаивающие, символические причитания — это первое, что возникло у нее в голове, когда она стала приходить в сознание, но еще не могла открыть глаз. Теперь она видела эту странную, идеально чистую и пустую комнату и ничего не могла понять. Может быть, это Воздвиженское? Сейчас войдет Алексей и... Но он же поехал к матери... Княжна Сорокина. Пакет, поданный княжной из коляски. Последний визит к Долли. Там была Кити, подавшая ей в замешательстве руку... Потом станция Нижегородской дороги, поезд, платформа... Паровоз с тендером, первый вагон, середина второго вагона... Она упала на шпалы, присыпанные грязным песком... Где она? Опять мысль о Вронском. Сейчас он войдет и скажет... И тут ее сознание, медленно к ней возвращавшееся, ярко и явственно охватило всё вокруг, как после крепкого, освежающего сна, и она с неопровержимой отчетливостью увидела серые, матово поблескивающие стены, ослепительно белый низкий потолок, широкое окно, за которым синело небо. Анна подогнула ноги, ухватилась за подлокотники кресла, в котором полулежала, и увидела это кресло; оно было странной формы и как бы создано специально для нее, так идеально повторяло оно линии ее тела. Анна провела рукой по своему платью, как бы желая удостовериться в реальности окружающего, поправила кружева, пробежала пальцами по растрепавшимся волосам, подоткнула шпильку, как-то странно с непривычной стороны заколотую, и вдруг поняла, что Вронский сюда не войдет. Она не знала почему, только знала, что не войдет. И знала, что это не Воздвиженское.

Она встала, подошла к окну, чтобы хоть приблизительно узнать, где она. В окне она ничего не увидела, кроме зеленых крон деревьев. Прозрачная листва трепетала на солнце.

Анне ясно представилось всё, что она видела в последние часы. Ненавистные молодые люди, бесцеремонно оглядывающие ее на станционной платформе, пьяный фабричный в повозке городского, суетливая Долли, наседкой хлопочущая о детях, пошло непогрешимая, не умеющая скрывать свои чувства Кити. И этот Тютюкин со своими книжными хлопотами. Каждый озабочен собой и своими делами, каждый в себе, ничего для других. Левин? Его сельское подвижничество только для собственного душевного равновесия. Все чужие.

Анна отвернулась от окна и снова увидела эту комнату со странными креслами и серым однотонным ковром на полу. Гладкая дверь была лишена каких-либо рельефов, единственное, что выделялось на ней, был стеклянный шар, очевидно служивший ручкой. «Где я? — подумала Анна. — Может, на том свете? — она усмехнулась. — Я уже была под поездом, и ничто не могло спасти меня».

Она направилась к двери, но дверь сама перед ней отворилась. На пороге стояла молодая женщина лет двадцати пяти. Анну поразила одежда этой женщины: на ней был странный костюм, состоящий из мужского френча и широких брюк. Женщина была гладко причесана, волосы ее были собраны на затылке белым шелковистым шнуром.

— Где я? — спросила Анна.

— Это клиника, — ответила женщина. Ее милостивое лицо выражало некоторую растерянность.

— Как я сюда попала?

— Вы это скоро узнаете. Не волнуйтесь, всё будет хорошо.

— Я хочу, чтобы вы мне сейчас всё это объяснили.

— Вам это объяснит один человек. Он сейчас придет.

Хотя Анна чувствовала себя в этой обстановке странно и растерянно, она не могла не заметить, что по лицу молодой женщины скользнула тень, будто эта женщина могла чувствовать какую-то враждебность к Анне.

Внезапно за окном раздался нарастающий гул. Это не было похоже на гром, но Анне показалось, что с неба надвигается лавина, способная разрушить всё, что находится на земле. Гул всё нарастал. Анна невольно обернулась. В небе показался странный предмет. Да, это не была стальная птица. Это был именно предмет. Анна не смогла определить его размер, он представлял собой металлическую сигару с острыми откинутыми назад крыльями. Тускло блеснув на солнце, он пронесся по небу в сопровождении оглушительного грома. Анна подошла к окну. Предмет уже скрылся, а гул всё нарастал, наконец он стал утихать и пропал так же внезапно, как и возник.

Анна обернулась к женщине и прочла в ее глазах нечто вроде усмешки.

— Я пришла спросить, не нужно ли вам чего-нибудь?

Анна, холодно глядя ей в глаза, ответила:

— Мне ничего не нужно. Ступайте и приведите человека, который мне всё объяснит, ежели вы сами не можете ничего сказать.

Женщина вышла. Из открытой узкой створки окна слышался шелест деревьев и посвистывание птиц. Анна понимала, что ей не следует выходить из комнаты. По-видимому, она была во власти людей, которые не имели враждебных намерений. Это было ясно по располагающей к покою обстановке, по тому странному состоянию духа, в котором все переживания последних лет отодвинулись в прошлое, по той легкости, с какой Анна воспринимала свое нереальное положение. И поскольку делать было больше нечего, она снова села в кресло и стала ждать человека, который бы ей всё разъяснил. Анна вспомнила свой последний разговор с Левиным и подумала, что он мог бы в нее влюбиться, если бы узнал ее ближе. А как бы отнесся к этому Вронский? И Анна невольно улыбнулась. Знает ли Вронский, где она теперь?

Она не слышала, как человек вошел в комнату, дверь открывалась бесшумно, а ворсистый ковер заглушал шаги. Анна внезапно увидела перед собой мужчину средних лет также в странном костюме: белые узкие брюки и черная вязаная рубашка с высоким воротом.

— Добрый день. Позвольте представиться: Глухов.

— Вы доктор?

— Да.

— Я была больна?

— Не совсем.

— Объясните мне мое положение, господин Глухов.

Мужчина сел в кресло напротив Анны.

— Боюсь, вы не поймете сразу. Представьте себе, что вы долго спали. Очень долго.

— Год?

— Вы сейчас видели в окне самолет. Разве за год смогли бы люди изобрести и построить столь совершенный аппарат, с такой скоростью перемещающийся в пространстве?

— Сколько же лет прошло?

Мужчина помолчал, потом ответил:

— Много лет.

Анна посмотрела на свои руки с бледно-розовыми миндалевидными ногтями и сказала:

— Могу я посмотреться в зеркало?

— Пожалуйста.

Мужчина встал и открыл боковую дверь, сливавшуюся со стенкой. Анна прошла в соседнюю комнату. Это была, по-видимому, спальня. Низкая кровать была застлана пушистым белым покрывалом. Всюду была идеальная простота — ни лишней мебели, ни росписи, ни лепки. Анна подошла к зеркалу. Сперва она показала себе чужой, но постепенно черты лица этой красивой темноволосой женщины стали отождествляться с ее представлением о себе, она как бы начинала узнавать себя. Не стесняясь присутствия мужчины, она поправила прическу и увидела себя такой, какой была сегодня утром, собираясь к Долли. Сегодня... Но ведь этот человек сказал, что прошло много лет. Самолет. Какое нелепое сказочное название для этой металлической сигары с крыльями...

Анна повернулась к мужчине:

— Это всё правда?

— Правда.

— Я хочу выйти на улицу и увидеть этот мир.

— В таком случае, вам надо переодеться. Прошло много лет, и ваш облик может показаться странным.

И тут Анна ощутила в себе небывалый прилив душевных сил. Ей уже не хотелось вникать в подроб-

ности случившегося, она желала увидеть мир сразу, своими глазами и, решительно тряхнув головой, сказала Глухову:

— Велите подать мне одеться.

— Хорошо. Только сперва вы должны ознакомиться с миром, не выходя из этого помещения.

Он вывел ее в длинный, ярко освещенный коридор со сверкающим полом. Это было не как во сне. Наоборот: это была явь, преувеличенная обостренностью чувств. Глухов привел ее в зал с зашторенными окнами, где стоял на высоком столе непонятный аппарат, белеющий матовыми плоскостями.

— Вам предстоит многое запомнить, госпожа Каренина. То, что вы увидите, называется кино. Смотрите!

На белом экране замелькали яркие картины незнакомого Анне, удивительного мира.

— Это Москва,— пояснял Глухов.— Узнаете? Собор Василия Блаженного. Кремль. А рядом — гостиница «Россия». Вы ее еще не видели. А это Петербург. Теперь он называется Ленинград. Это называется автомобиль. Запомнили? Еще автомобиль. Их много. Это метро, подземный поезд. Это новые здания. А вот это — узнаете? — Исаакиевский собор. Петропавловская крепость. Видите, как одеты люди?

Анна уже начала привыкать ничему не удивляться. Так много было впечатлений, что она уже не спрашивала, каким образом очутилась в этом чудесном будущем. Что ж, она погибла под поездом. Но ведь для них пустяк — воскресить человека, когда люди говорят и видят друг друга через огромные расстояния, когда небо бороздят железные птицы, когда ракеты поднимают людей на Луну, Марс и Венеру.

Всё та же молодая женщина в светло-зеленом френче и брюках принесла Анне новую одежду.

— Зовите меня Вера,— сказала женщина и отвела глаза.

Анне снова почудилась враждебность в ее взгляде, но возбужденное состояние, в котором она находилась, не позволяло придать этому значения. Со смешанным чувством иронии и любопытства Анна натянула на себя темно-вишневые брюки из мягкого непривычного материала.

— Кажется, узки в бедрах,— сказала она, глядя на себя в зеркало.

— Так полагается,— успокоила ее Вера.

Зато приталенный френч показался Анне вполне элегантным. Она уже видела на экране так же одетых женщин, и ей не терпелось выйти на улицу и полностью ощутить себя в реальном будущем.

В сопровождении Глухова она вышла в коридор, где навстречу ей попался еще какой-то современный мужчина, который, как показалось Анне, взглянул на нее подозрительно. Анна шла чуть впереди Глухова; открытая лестница поразила ее своей необычностью: было непонятно, как держатся ступени, торчащие из полукруглой стены. Но, сделав вид, что она каждый день ходила по таким ступеням, Анна, слегка касаясь перил, легко сбегала с лестницы и, чуть не стукнувшись лбом о зеркальное стекло, оказавшееся дверью, вышла на улицу.

Глухов раскрыл перед ней дверцу автомобиля:

— Сперва поставьте ногу, а потом садитесь.

Анна, с детства отличавшаяся грациозностью, шагнула в машину и, пригнув голову, уселась на мягкое ковровое сиденье, как будто всю жизнь ездила не в колясках, а в автомобилях конца двадцатого века. Быстрая езда и поток встречных машин не ошеломили ее, а, наоборот, привели в блаженно-умиротворенное состояние. Включившись во внешний ритм двадцатого века, Анна перестала ощущать этот ритм, как пассажир сверхзвукового лайнера не ощущает скорости, наблюдая с высоты медленно движущуюся навстречу поверхность планеты. Сидя за рулем, не сводя глаз с убегающей под радиатор полосы асфальта, Глухов объяснял Анне, как опасны современные скорости, как часто случаются катастрофы, но Анна слушала с блаженной улыбкой и не представляла, как это при такой технике и комфорте люди могут гибнуть от катастроф, или... попадать под поезд.

Всё же Анна узнала Невский. Он изменился, стал похож на музей архитектурных эпох, а потоки транспорта только усугубляли неподвижность домов-экспонатов. Но всё это — общий силуэт, абрис петербургской застройки — вызвало в душе Анны щемящее чувство чего-то родного и навсегда потерянного.

Глухов повел Анну обедать в одно из модных кафе неподалеку от Николаевского вокзала. Здесь тоже

было много удивительного. Люди с помощью автоматов выбирали кушанья и на разноцветных подносах сами несли их себе. Глухов занял столик в углу. Анна старалась выбирать блюда с незнакомыми, непривычными названиями. Она ловко пронесла поднос между столиками.

В кафе было шумно. За соседним столиком сидел элегантный молодой человек с отсутствующим взглядом. К нему подошла с подносом худощавая женщина и, составляя на стол тарелки и стаканы, виновато сказала:

— Кофе чуть теплый.

Анна подумала, что это горничная, прислуживающая молодому человеку, но женщина, оставив пустой поднос и усевшись за стол, неожиданно резко сказала:

— А в Москву поедешь сам. Это не по моей компетенции.

Молодой человек замигал глазами:

— Я брал типовые фермы.

— С корректировкой. Напишу докладную главному инженеру...

— Стерва.

Анна подумала, что сейчас женщина даст пощечину этому анемичному грубияну, но женщина рассмеялась и сказала:

— Шучу. Но в Москву тебя выпихну. И чтобы те условия назубок.

Анна ничего не поняла из этого разговора, она оглянулась по сторонам — все были заняты своими делами. Две женщины, потягивая кофе, тихо говорили о каких-то запасных частях и тут же курили, сбрасывая пепел в грязные тарелки. Одна из женщин сказала:

— Я выпишу тебе пару аккумуляторов, только ты не рассказывай Валентине: она его любовница.

Анна подумала, что женщины даже в двадцатом веке склонны к интригам, и тут же заметила влюбленную пару. Он и она. Сидя за столиком, они о чем-то говорили, склонив друг к другу лица, но их взгляды красноречивее слов выражали их чувства, и Анна невольно улыбнулась.

— Что? — спросил Глухов, который и во время еды настороженно следил за Анной.

— Я подумала, что люди остались прежними.

— Конечно.

Когда они вернулись в клинику, Анна почувствовала невероятную усталость. Глухов передал ее на попечение бесстрастной Веры, и та помогла Анне разобраться в осветительных приборах и научила, как управляться с ванной.

Утром Анна проснулась с головной болью. Одевшись, она вышла в комнату с серыми стенами и серым ковром. Тотчас явился Глухов. Справившись о ее самочувствии и пощупав пульс, он объявил, что у нее депрессивное состояние вследствие легкого катара. У Анны действительно, кажется, впервые в жизни был насморк.

— Вы не должны сегодня выходить на улицу. Вам надо отдохнуть.

— Я не хочу отдыхать.

— Это необходимо.— Его голос был твердым, а в глазах было внимание, и Анна покорилась.

— Я буду отсутствовать два дня. За вами будет смотреть Вера. В вашем распоряжении библиотека.

— Мне самой нельзя выходить?

— Нет.

— Я — пленница?

— Пленница иного времени. Вам некуда идти. Вы никого не знаете, вы не знаете наших обычаев, норм нашего поведения. Думаю, книги, предоставленные в ваше распоряжение, во многом помогут вам.

— Я понимаю. Но знаете, зависимое положение, в которое я попала...

Глухов взял ее за руку, и Анна не отняла руки, интуитивно поняв допустимость такого вольного обращения в конце двадцатого века.

— Я надеюсь, что за эти два дня вы усвоите в общих чертах те перемены, которые произошли за минувший век.

— Благодарю вас.

— В котором часу вы привыкли завтракать?

— Я еще не голодна. Если можно, велите подать кофе.

Глухов нажал кнопку звонка. Что-то привлекало Анну в этом человеке, от которого она теперь зависела.

— Вы уезжаете?

— Да. Я бы хотел, чтобы вы не чувствовали здесь неудобства. Скажите, что вам еще нужно?

— Не знаю. Если так и дальше будет продолжаться, я попросту лишусь всяких желаний. Ведь желание — это потребность заполнить какую-то пустоту.

Глухов улыбнулся:

— Вы опять обрели способность к философии.

— А вы знаете, какой я была прежде? — И, увидев некоторое замешательство на его лице, Анна продолжала расспрашивать: — Что вы знаете о моей прежней жизни? Ведь прошло сто лет.

— Я много знаю о вас.

— Современная техника, вероятно, распространилась и на архивные данные. Вы мне уже рассказывали о технике современной статистики. Скажите, а есть еще такое, чего люди не могут?

— Разумеется. Чем дальше развивается наука, тем больше возникает неразрешенных вопросов...

— И тем более расширяется сфера деятельности?

— Вы уже рассуждаете как современная женщина.

Анна улыбнулась. Неслышно вошла Вера с подносом, на котором был кофейник и две чашки.

— Вот и ваш кофе, — сказал Глухов.

Анна удивленно посмотрела на Веру:

— Откуда вы знаете, что я просила кофе?

— Я слышала. Ваша комната радиофицирована.

— Радио... — сказала Анна, тотчас поняв, что при помощи какого-то устройства всё, что здесь говорится, можно услышать в других местах.

После кофе Глухов ушел, и Вера отвела Анну в библиотеку. Сидя за низким полированным столом, Анна листала цветные журналы на русском и французском языках, приобщаясь к современному образу жизни, а заодно к современной орфографии.

Эволюция техники, войны, революции, открытия, имена писателей современных и тех, которых еще помнила Анна, и тех, которых она еще не знала, которые появились уже без нее и успели уже умереть.

...Обедала Анна в своей серой комнате, которую про себя называла гостиной; обед принесла Вера на том же (а может, на другом — Анна уже привыкла к стандартизации) пластмассовом подносе. После обеда Анна в сопровождении Веры вышла в сад.

— Вы здесь работаете? — спросила она Веру.

— Да.

— И каковы ваши обязанности? Это соответствует горничной?

— Нет.— В этом кратком ответе послышался холодок.

— Простите, мне трудно освоиться, ведь я живу прошлым. Я хотела спросить — у вас есть должность?

— Я — научный сотрудник.

— В какой области науки?

— Мне это трудно объяснить. У вас еще мало информации, госпожа Каренина.

— Сейчас не приняты подобные обращения. Почему вы называете меня госпожой Карениной?

— Как вам будет угодно, Анна Аркадьевна. Или просто — Анна?

— Пожалуйста.

Тут Вера впервые посмотрела на Анну с некоторой теплотой:

— Трудно?

— Я подумала,— сказала Анна,— что ваша техника — не так важно. Главное — люди. Понять их, войти к ним в доверие,— вот что значит приобщиться к современности.

— Вы не совсем правы,— сказала Вера и взяла Анну под руку.— Наша техника стала неотъемлемой частью человека — физической и духовной. Ведь отнять у современного человека технику — всё равно что отнять у него зрение или слух или еще какое-нибудь чувство. Техника стала биологическим придатком человека.

В душе Анна не согласилась с таким утверждением.

Они шли по неровной дорожке, поросшей по краям высокой травой. Сад, как ни странно, был запущен. Они прошли мимо покосившейся скамейки, и Анне захотелось посидеть под кронами старых вязов.

— Можно мне посидеть одной?

— Пожалуйста,— ответила Вера с явным облегчением, и Анна отметила, что Веру тяготит ее общество. Анна присела на скамью, а Вера широким мужским шагом пошла к дому. Некоторое время Анна сидела ни о чем не думая, погрузившись в полузабытье и только слушая пенье птиц и тихое шуршанье листвы. Из этого дремотного состояния ее вывели звуки легких шагов. Из-за поворота дорожки показалась тоненькая

девушка в коротком, выше колен, платье. Девушка была миловидна, она вертела в пальцах бесхитростный цветок одуванчика и чему-то улыбалась про себя.

Анне захотелось окликнуть ее, заговорить с ней,— по-видимому это не возбранялось современным этикетом, но девушка, поравнявшись с Анной и взглянув на нее, вдруг испугалась, как будто узнала ее. Это поразило Анну. Девушка быстро отвела взгляд и прошла мимо. Анна вспомнила такую же враждебность в глазах Веры и еще нескольких людей, которых она встречала в этом доме. Кстати, что это за клиника? Может быть, она помешалась и это дом умалишенных? Но ее теперешнее положение и воспоминания о прошлом были логичны и понятны. Кроме... Кроме самого перехода от прошлого к современности.

Ей стало тоскливо. Она вспомнила Сережу, он, вероятно, вырос, состарился и давно умер. У него были дети и внуки; может, они и теперь живут? Она представила себе Бронского, его широкие ладони, черные ласковые глаза, темную полосу усов, удивительно красивого рисунка губы. Захотелось прижаться к этим губам, провести рукой по его темным волнистым волосам. Она прошептала: «Алексей...» и поняла, что, хотя всё это время не думала о нем, он постоянно был с ней. И когда она ехала с бешеной скоростью в автомобиле, и когда несла поднос среди столиков в кафе, и когда вчера почувствовала странную радость новизны положения, и когда сегодня утром проснулась с головной болью,— все это время он был с ней. «Зачем я это сделала? — подумала она.— Ведь он был со мной». Да, у него был свой мир, свои друзья, свои привычки, но он был с ней, он любил ее. Она вспомнила последние размолвки с ним, вспомнила его холодный, почти чужой взгляд, вспомнила, как он сказал ей: «Что вам угодно?»— и всё-таки никакого раздражения, никакой неприязни — только нежность, только любовь. Ей пришли на ум слова Веры о том, что техника стала биологическим придатком человека. Но разве может быть техника частью души? Для нее такой частью души стал Алексей Бронский. Только любовь! Его уже нет в живых. Что с ним стало? Женился ли на княжне Сорокиной? Может быть. Но в ней был только он.

Еще не зная, чего она хочет и что сделает, Анна решительно поднялась и пошла обратно к дому. Стран-

ная архитектура его с идеально плоскими фасадами больше не занимала ее. Поднявшись по широким ступеням, она пересекла открытую террасу и вошла в знакомый ей коридор с блестящим полом. Здесь Анна приостановилась, не зная, куда войти: все двери вдоль стен коридора были совершенно одинаковы. Пройдя первые три двери, Анна подошла к четвертой и приоткрыла ее. Это была комната с белым и, как ей показалось, вязким полом, на котором отпечатались вдавленные следы бесчисленных ног. В комнате спиной к Анне стояла тоненькая девушка, которую Анна уже видела в саду. Перед девушкой сидела собака неопределенной породы, в которой очевидно преобладала кровь английских терьеров. Девушка говорила:

— А как будет по-английски «весна»?

Анна, заинтересованная, остановилась в дверях. Девушка не почувствовала ее появления и продолжала говорить с собакой:

— Напиши!

Собака начала чертить по мягкому полу. Анна смотрела на это почти с ужасом. Собака написала: «Spring».

— Spring,— непроизвольно повторила Анна, и девушка обернулась; на ее лице снова промелькнуло чувство страха, а собака громко залаяла.

— Вы уже вернулись? — услышала она спокойный голос Веры.

— Да. Вы мне нужны.

— Пожалуйста.

Они пошли по коридору.

— Хотите в библиотеку? Или в свою комнату?

— Лучше в библиотеку.

В библиотеке Анна села в кресло, Вера уселась напротив.

— У вас какое-нибудь желание?

— Да. Я хочу узнать о судьбе близких мне людей.

— Их уже давно нет в живых.

— Я это знаю. Мне нужно знать, что с ними стало после моего ухода, после того, как со мной это случилось.

— Это трудно. Прошло сто лет.

— Глухов сказал: вы обладаете неисчерпаемыми статистическими данными.

— А вы быстро усвоили современный язык,— улыбнулась Вера.

— Как я могу узнать, что случилось с графом Алексеем Вронским?

— Вам придется подождать до приезда Глухова.

— А вы можете сказать мне о судьбе моего сына Сергея Алексеевича? Или о его детях, внуках? Или о моей дочери?

— Нет, не могу.

— А Глухов может?

— Не знаю.

— Значит, вы не обладаете его правами?

— У нас одинаковые права, только разные компетенции.

— Что вы знаете обо мне?

— Почти всё.

— Каким образом?

— Это вам скажет Глухов.

— Вера, а вы не знаете, о чем я телеграфировала в последний раз Вронскому?

— Знаю.

— Значит, в архивах сохранилась моя телеграфная депеша... Почему же он...

— Я не знаю.

— А я хочу знать! Я имею на это право. Для вас прошло сто лет, а для меня — один день, и для меня это имеет огромное значение.

— Я больше не могу говорить с вами на эту тему.

— Что ж, если вы ничего не можете сказать мне, я выйду на улицу и разыщу тот департамент, который занимается статистикой.

— Вас не выпустят отсюда, Анна.

— Никто не имеет права держать меня взаперти. — Анна поднялась. — Тогда извольте объяснить мне всё.

— Хорошо. Подождите.

Вера встала и вышла в соседнюю комнату. Анна несколько раз прошлась по библиотеке из угла в угол. Захотелось курить. Она начала в последнее время курить. Правда, Вронского это шокировало, хотя прямо он ничего не говорил.

Вошла Вера с книгой.

— Что вы читали Толстого?

Анна стала вспоминать названия произведений этого входившего в моду писателя.

— Кажется, «Лурд»... Или нет... «Люцерн», — сказала она, — и еще рассказы. Севастопольские.

— А еще?

— Я начала еще роман «Война и мир», но так и не дочитала.

— Прочтите это,— сказала Вера,— тоже Льва Толстого.

Она положила на стол книгу и вышла. Анна прочла надпись на титульном листе и не поверила своим глазам:

Л. Н. Толстой

АННА КАРЕНИНА

Роман в восьми частях

Когда спустя полчаса Вера пришла в библиотеку, она увидела Анну, сидящую за столом и листающую книгу. Книга была раскрыта где-то на середине. Видимо, Анна читала не всё подряд. Вера уже не думала, что скажет Глухов и как отнесется руководство института к ее опрометчивому поступку. Сейчас она готова была броситься к Анне, обнять ее, заглянуть в глаза, взять на себя ту тяжесть, которая легла на плечи этой красивой темноглазой женщины. Но Анна встретила ее холодным взглядом:

— Вы хотите мне что-нибудь сказать?

— Вы хорошо себя чувствуете?

— Да, кажется, скоро время обеда?

— Я принесу. Вы будете обедать у себя в комнате?

— Хорошо. Только возьму с собой книгу.

— Вы ее читаете?

— Как видите.

— И как вы ее восприняли?

— Талантливая книга,— ответила Анна и отвела глаза.

— Талантливая? Ну конечно, это же Лев Толстой. Вы читали ее раньше?

— Разумеется, нет.— Анна закрыла книгу и встала.— Я пойду к себе. Проводите меня, я не запомнила номер на двери.

Вера проводила Анну в ее комнату и сразу прошла в диспетчерскую. Включив номер Анны, Вера увидела пустую гостиную. Переведя кадр на спальню, она убедилась, что Анна, сидя с ногами на кровати, читает. Лицо Анны было напряженным. Перевернув сразу две страницы, она углубилась в текст, закусив губу, по-

том перевернула страницу назад и, очевидно не дочитав куска, откинулась на спину. Вера бегом бросилась в кулинарный блок и, набрав блюда, отправилась с подносом в номер Анны.

Анна с непроницаемым лицом вышла из спальни. Вера поставила поднос на низкий столик.

— Сейчас принято накрывать без скатерти? — спросила Анна.

— Уже давно, — растерянно ответила Вера. — С начала двадцатого века. Потом опять вошли в моду скатерти, но потом... скатерти вытеснила имитированная полировка... Вы прочли книгу?

— Нет еще. Но я уже заглянула в конец седьмой главы.

— И что же?

— Вы сказали, что не компетентны говорить со мной по этим вопросам, так что я подожду возвращения Глухова.

— И вы ни о чем не хотите спросить?

Анна помедлила, потом села в кресло и спросила, глядя в глаза Веры:

— Кто я?

— Я совершила ошибку, которую не имею возможности исправить. Я действительно не компетентна.

— Тогда вы свободны.

И Вера вышла. Анна, отодвинув поднос, снова взялась за книгу, но вскоре с отвращением отбросила ее. «Где я? — спрашивала она себя. — Что происходит вокруг?» Она нервно ходила по мягкому серому ковру. Мысли путались, как в кошмарном сне. Вспомнился муж, Сережа, вспомнилась дорога в Москву и первая встреча с Вронским. И вдруг она поняла, что всё это подробно описано в книге. Не в состоянии больше находиться в этой комнате с низким давящим потолком, Анна вышла в коридор. Блестящий пол вызвал в ней омерзение: будто она шла по мокрому льду, а ноги не скользили. Когда она сбежала с террасы в запущенный сад, стало легче. Морщинистые стволы деревьев, зеленые кроны над головой, заросшие грунтовые тропы — всё это могло быть и в ее прошлом.

Анна шла быстрым шагом, пенье птиц и шелест листвы успокаивали. Тропинка упиралась в продольную, заросшую сорняком аллею. Анна пошла по аллее уже медленнее и вдруг справа, сквозь кусты персидской сирени, увидела белеющую каменную стену и ре-

шетку над ней. Анна остановилась. Вид садовой ограды воочию напомнил ей об ограниченности ее теперешнего положения. За стеной было что-то другое. А здесь были враждебно настороженные взгляды, загадочные недомолвки, собака, пишущая английские переводы, эта ужасная книга...

Анна пошла по густой траве, раздвигая ветви кустов, подошла к белой стене, которая приходилась с нее ростом, выше была небольшая чугунная решетка. Ухватившись за прутья решетки, она по уступам добралась до верха. Никогда еще ей не приходилось перелезть через ограды, но врожденная грация и четкая координация движений помогли ей ловко перебраться и спрыгнуть по ту сторону стены.

Поблизости никого не было. Еще не сознавая свободы, Анна пошла по тихому переулку, обсаженному высокими тополями. Вскоре за поворотом показалась широкая улица с высокими гладкими домами, потоком автомобилей, многочисленными прохожими. Сдерживая себя, чтобы не побежать, Анна вышла на многолюдную улицу. Сердце трепетало. Анна шла в потоке прохожих, ничем не выделяясь среди них и не привлекая к себе внимания. Только иногда мужчины задерживали на ней взгляд, но это внимание было уже знакомо ей из той, другой жизни. Она без раздражения ловила на себе мужские взгляды, — это было даже хорошо. Сверкающие на солнце витрины первых этажей, большие стеклянные табло с непонятными цветными знаками, пересекающиеся провода над головой.

Троллейбус со стеклянным верхом остановился у самого тротуара в пугающей близости. Еще не привыкшая к современному транспорту, Анна отступила в сторону, но увидев, как люди суетливо входят в распахнувшиеся сами по себе двери, она с опаской подошла к троллейбусу. Возникло желание как можно дальше отъехать от клиники, и Анна, едва коснувшись никелированного поручня, вошла в троллейбус. Створчатые двери захлопнулись.

От мягкого толчка Анна покачнулась, инстинктивно ухватила за локоть какого-то молодого человека. Он обернулся, Анна сказала: «Простите» и, отвернувшись, взялась за никелированный столбик. Рядом две молодые женщины оживленно говорили о чем-то, одна из них вынула из кармана сколько-то монет, мельком взглянула на них, опустила в пластмассовый

ящик со стеклянным верхом и оторвала от выползающей из ящика ленты кусочек бумаги. Анна поняла, что это плата. Машинально перенимая действия окружающих, она опустила руку в карман своего френча, но там, кроме носового платка, ничего не было. Троллейбус уже подходил к следующей остановке, и Анна вернулась к створчатой двери.

— У вас нет меди? — услышала она за спиной голос и обернулась. Молодой человек, за которого она ухватилась в момент толчка, смотрел на нее участливо и вежливо улыбался. Анна хотела отвести взгляд в сторону, но по современным понятиям это могло быть дурным тоном.

— Я не захватила с собой денег, — ответила Анна.

— Я уплачу за вас. — Молодой человек опустил монету в прорезь ящика.

— Благодарю вас, — ответила Анна, и ей стало стыдно.

Она не вышла на следующей остановке, хотя всё время чувствовала неловкость. Ей хотелось преодолеть эту неловкость, которую она считала пережитком ее старого родного мира.

Не переставая наблюдать публику, Анна всё время чему-нибудь удивлялась. Рядом с ней стояла влюбленная пара — мужчина и женщина, им было лет по двадцати. Мужчина обнимал женщину за шею, небрежно пальцами лаская ее подбородок, а женщина с непринужденным видом держала мужчину за талию, причем на их спокойных лицах не было и тени страсти. Пораженная, Анна с усилием приняла равнодушный вид и медленно отвернулась, будто каждый день наблюдала подобные сцены.

В троллейбусе набралось много народу, стало тесно. Анна подумала о том, как бы пробраться к выходу, но не решилась расталкивать пассажиров, как это делали другие. Она оказалась прижатой к молодому человеку, уплатившему за нее.

— Девушка, оторвите, пожалуйста, билет, — послышался чей-то голос, и мимо Анны протянулась рука с монетой. К изумлению Анны, монету взяла дама лет тридцати, ровесница Анны. Солидных дам незнакомые люди называли «девушками»! Анна повернула голову и неожиданно встретилась взглядом всё с тем же молодым человеком. Он стоял рядом, и его подбородок приходился на уровне ее уха.

— Девушка, вы тоже в «Юбилейный»? — спросил он тихо.

Анна растерялась, услышав такое обращение непосредственно к себе, но, чтобы соблюсти современные приличия, ответила:

— Нет.

Вскоре стало еще теснее. А потом на какой-то остановке все стали выходить, и только немногие остались. Анна решила не отделяться от толпы и тоже вышла. Вместе со всеми она пересекла улицу и пошла по асфальтированной аллее. Ей подумалось, что при такой фантастической технике должен существовать способ увидеть любого человека, где бы он ни находился. Вот почему люди ведут себя так вольно. Даже самые интимные сцены могут происходить при посторонних, поскольку уединение потеряло смысл. «А может, и нет такого изобретения? — подумала Анна. — Иначе Вера давно бы вернула меня в клинику. А собственно, зачем я там нужна? Вероятно, я представляю для них научный интерес, как лягушка в прозекторской медика. Толстой написал роман, где вывел героиню — вымышленную женщину. И это — я. Они каким-то хитрым образом, называемым техническим достижением, оживили меня, воплотили реально. Может, я — не человек? Может, они построили машины, которые производят живое мясо, кости, жилы... как у живых людей. Впрочем, прогресс до этого еще не дошел. Но как знать? Тогда я — не человек. Я — робот. Но роботы, судя по их популярным журналам, должны быть железными или пластичномассовыми (нет, кажется, пластмассовыми). Но я же чувствую, вижу, понимаю! Это что-то бесчеловечное!»

Дойдя до стеклянного портала круглого здания, Анна остановилась. Толпа проходила через двери, предъявляя голубые билеты. Несколько мужчин в белых рубашках с серыми погончиками (полиция, или, как их теперь называют, — милиция) следили за порядком. Анна повернула назад и почти столкнулась с молодым человеком из троллейбуса. Он снова ей улыбнулся:

— У вас и тут нет билета?

— Нет, — ответила Анна, теряясь от его свободной манеры обращения.

— Чудесно! У меня как раз лишний. Мой приятель отказался. Могу вам продать.

— У меня нет денег,— призналась Анна,— совсем нет.

— Тогда разрешите вас пригласить.

— Нет, это уж слишком,— ответила она и подумала, что даже при современном этикете это было бы действительно слишком.

Анна поняла уже, что здесь какое-то зрелище. Ей даже стало любопытно, какое зрелище может привлечь современных людей.

— Вы что — боитесь? Или вы кого-нибудь ждете?

— Я никого не жду.

— Тогда пойдемте. Вы же хотите попасть на это выступление!

Анна, глядя в приветливое лицо молодого человека, подумала, что, может, и не следует отказываться. В ее положении не следовало пренебрегать таким дружеским участием.

— А это дорогой билет?

— Хорошие места.

— Я не знаю цен. Мне бы хотелось знать, насколько я буду вам обязанной.

— Нисколько. Я не люблю продавать билеты и сидеть рядом с незнакомым человеком. Но мне хотелось бы пойти с вами, поверьте!

Такая откровенность не понравилась Анне, она уже думала решительно отказаться, но молодой человек без улыбки сказал:

— Если хотите, я даже не буду к вам обращаться, будем сидеть рядом, как посторонние.

— Хорошо,— сказала Анна и неожиданно для себя с веселым отчаянием добавила: — Даже можете ко мне обращаться.

— Называйте меня Игорь, а как ваше имя?

— Анна.

— Будем знакомы.

Они стали подниматься по ступеням, ведущим к portalу. У стеклянных стен здания стояли садовые скамейки, занятые разнообразной публикой.

Вдруг какая-то пожилая дама поднялась со скамьи и подошла к Анне. Взглянув в лицо этой женщине, Анна невольно отступила — так страшно смотрели на нее холодные, ненавидящие глаза.

Девочка лет пяти подбежала к женщине, дернула ее за платье:

— Бабушка, пусть Вовка не берет мой мячик.

Женщина молча отвела от себя руку девочки и отошла куда-то в сторону.

— Вы ее знаете? — спросил Игорь.

— Нет, — ответила Анна растерянно.

— Какая-то сумасшедшая!

Они подошли к стеклянной двери, но дорогу им заступил милиционер.

— Прошу прощения, — обратился он к Анне и козырнул, — предъявите, пожалуйста, ваши документы.

— У меня ничего нет.

Игорь тотчас вытащил из внутреннего кармана зеленую книжечку:

— Вот мое удостоверение.

— Я не у вас прошу, — сказал милиционер.

— Она со мной.

— Это не имеет значения. — И милиционер снова обратился к Анне: — Пройдите, пожалуйста, со мной.

Анна машинально повернула в сторону, указанную милиционером, и пошла рядом с ним. Мельком оглянувшись, она увидела ту пожилую женщину с ненавидящими глазами. Женщина держала в руке раскрытую картонку — вероятно, паспорт. «Как они любят демонстрировать свои документы», — подумала Анна не без иронии. Ей не было страшно, она видела себя со стороны, как будто читала роман Толстого и была слегка заинтригована сюжетной линией.

— Я этого требую, — сказала пожилая женщина, идя вслед за ними и всё еще держа в руке свой паспорт.

Их догнал Игорь.

— Это недоразумение, — сказал он и взял Анну под руку. — Сейчас всё будет выяснено.

— А если это не недоразумение? — со скрытой насмешкой спросила Анна.

— Это недоразумение, — сказал Игорь серьезно, и его убежденность тронула Анну. Он был первый человек, отнесшийся к ней с искренней симпатией в этом чужом мире. Она сбоку посмотрела на Игоря. Сколько ему лет? Вероятно, еще нет тридцати. Лицо приятное, неглупое, а главное — располагающее к доверию.

Они пришли в участок, который, судя по голубой официальной вывеске, назывался отделением милиции. Дежурный отделения пригласил Анну к высокой деревянной стойке. Игорь и пожилая женщина сели поодаль на деревянную скамью.

— Ваша фамилия? — спросил дежурный.

— Каренина, — ответила она, потому что ей нечего больше было ответить.

— Имя-отчество?

— Анна Аркадьевна.

— Анна Каренина? — Дежурный поднял на Анну глаза, его перо застыло в воздухе.

— Да.

Дежурный снял трубку телефона:

— Кондратьев? Это я. По оповещению. Хорошо. — И обратился к Анне: — Пройдемте, пожалуйста.

Они прошли по коридору, пахнувшему свежей краской, и вошли в тесный кабинет, где за письменным столом сидел молодой лысый мужчина в статском. Когда дежурный вышел, статский спросил, в упор глядя на нее:

— Кто вы?

— Полистайте роман Толстого, и вы почерпнете в нем все сведения обо мне.

— А что вы сами об этом думаете?

— Я думаю, что на этот счет вы знаете больше моего и, надеюсь, прольете хоть какой-то свет на мою историю. Скажите, имею я какие-нибудь права de jure в современном обществе?

— Имеете. И в первую очередь юридическое право отвечать за свои поступки.

— Какие же я совершила поступки, за которые должна отвечать?

— Вот это я и собираюсь выяснить.

Анна пылливо рассматривала лысого мужчину, в ней созрело убеждение, что вот сейчас от этого человека она узнает всё то непонятное, что тяготило ее последнее время. Но тут она услышала за спиной шум открывшейся двери и чьи-то шаги. Она обернулась и увидела низкорослого немолодого человека в милицейской форме с полковничьими погонами, а за ним невозмутимого Глухова и растерянную Веру.

— Вы не имеете права, — сказал Глухов.

Анна поднялась навстречу вошедшим. Глухов и Вера подхватили Анну под руки и повели из кабинета. Лысый вопросительно посмотрел на полковника, но тот ничего не говорил. Тогда лысый уже с явным раздражением сказал:

— Не забывайте, что вы тоже находитесь под следствием.

Анна обернулась и поняла, что последние слова относились к Глухову. Когда они проходили через приемную, Анна увидела Игоря и пожилую женщину. Игорь посмотрел на Анну вопросительно, а женщина обратилась к дежурному:

— Почему вы не берете ее под арест? Она же совершила преступление!

Глухов и Вера увлекли Анну из отделения, усадили в машину.

Когда они приехали в клинику, Глухов подал Анне руку и повел ее по лестнице с висячими ступенями. Проходя мимо комнаты, где Анна видела собаку-англичанку, она услышала тоскливый вой, переходящий в жалобное повизгивание.

— Почему ее мучают? — спросила Анна.

— Она сегодня сдохнет, — сказал Глухов и резко обернулся к Вере: — Оставь нас.

Вера остановилась. Некоторое время они смотрели друг другу в глаза, потом Вера повернулась и пошла в противоположную сторону, а Глухов повел Анну дальше.

— Я видела, как эта собака делала переводы из английского.

— Это можно сделать не только с собакой.

— И с человеком?

— Да, так.

— И тогда человека постигнет участь этой собаки?

— Нет. Мозг животного не выдерживает нагрузки абстрактных понятий, а человек выдержит любой комплекс информации. Ведь не умер же Соллертинский, знавший двадцать шесть языков.

Они поднялись по узкой винтовой лестнице и очутились в зале со стеклянным потолком. По обе стороны были расположены низкие пластмассовые двери, а посреди зала в окружении кадок с комнатными растениями стоял стол с приборными досками, за которым сидел мужчина в белом халате. Глухов обратился к нему:

— Мне нужна зеленая комната.

— Я не могу без разрешения главного.

— Мне только на локальный импульс.

Мужчина колебался.

— Это очень нужно, — сказал Глухов.

— А какое напряжение?

— Минимальное.

Мужчина облегченно вздохнул:

— Это еще ничего.

Он нажал одну из клавиш пульта. Над одной дверью зажглось зеленое табло. Глухов провел Анну в довольно тесное помещение с низким пультом и вертящимся табуретом. Раздвижная дверь. А дальше — еще одна комната без окон, с темно-зелеными стенами и таким же потолком, посреди кожаное кресло, а перед креслом желтоватый экран.

— Сядьте, — сказал Глухов. Анна села в кресло. — Вы хорошо знаете элегию Шуберта?

— Я ее много раз слышала.

Глухов включил невидимый звуковоспроизводящий аппарат, и Анна услышала знакомую музыку.

— Вы знаете стихи Тютчева «О, этот юг, о, эта Ницца...»?

— Наизусть не знаю, но слышала.

— А вы были в Ницце?

— Нет.

— А теперь делайте то, что я вам скажу. Вы поймете то, что хотите понять. Только будьте внимательны.

Он повесил поверх экрана гравюру с изображением северного озера и печальных сосен.

— Смотрите на эту гравюру. Внимательно. И ни о чем не думайте. Слушайте музыку.

Он вышел, Анна слышала, как за ним задвинулась дверь, и ей показалось, что она навсегда останется в этой комнате, отрезанной от всего мира. Но она подавила в себе это чувство и стала внимательно разглядывать висящую перед ней гравюру. На какое-то мгновение Анне показалось, что свет в камере стал меркнуть. Стены и потолок стали невидимыми. Казалось, она засыпает, она не сопротивлялась этому ощущению, помня, что Глухов обещал ей разъяснение всего непонятного. А потом свет вдруг стал ярче, и музыка прекратилась. Кончилась элегия Шуберта. Анна подумала, что войдет Глухов и заведет какую-нибудь другую музыку, но Глухов вошел и сказал:

— Всё. Теперь вы видели Ниццу?

И тут Анна вспомнила, что месяц или два назад она видела теплое Средиземное море, пальмы на набережной.

режной, аллею кипарисов и здание, похожее на Царскосельский вокзал.

— Я видела Ниццу, только не знаю, как это случилось.

— Вы помните, что жили в Москве и Петербурге, однако помните, что видели Ниццу.

— Да. И море. И пальмы. И дом, похожий на вокзал.

— Это уже не Ницца. Это Монте-Карло. Это видел я. И я передал свои впечатления вашему сознанию.

— Значит, любые впечатления можно передать другому человеку?

— Да. Если хорошо их помнить.

— Значит, при помощи этого устройства можно внушить человеку всё что угодно?

— Всё что угодно.

— И можно внушить любой женщине, что она Анна Каренина?

— Любой женщине.

— А кто я на самом деле?

— Я не хочу вам этого сейчас говорить.

— Вы обещали.

— Я обещал, что вы всё поймете, и вы, я вижу, поняли.

— Кроме самого главного: кто я?

— Вы это узнаете. Вы понимаете, что вы — исключение? Вы — первый человек в мире с полностью переделанной ассоциативной психикой.

— Кому я этим обязана?

— Узнаете позже. Вы должны предстать перед комиссией.

— Комиссией?

— Научной и следственной. И когда будет официально установлена ваша идентичность с героиней Толстого, вам можно будет узнать, кто вы на самом деле.

— При чем здесь комиссия? Как вы сказали? Научная и следственная? А зачем следствие?

— Вы это узнаете. До комиссии вы ничего не должны знать. Так будет лучше для всех нас. И в первую очередь для вас.

— Я хочу сейчас это узнать!

— Когда вы узнаете, вы сами скажете, что я был прав и что я не мог раньше времени ничего вам объяснить. Поверьте мне.

— Когда будет эта комиссия?

— Завтра. Вы должны подготовиться. Это всё будет неприятно для вас, но это необходимо.

Председатель комиссии академик Туманский внушал своим видом почтение. Он живо напомнил Анне благообразных покровительственных высокопоставленных чиновников, и, хотя не носил бакенбардов, а был коротко острижен, что-то отдавало в нем милым девятнадцатым веком. В комиссии было человек тридцать. Здесь же были репортеры и несколько переводчиков.

— Как вы себя чувствуете, Анна Аркадьевна? — спросил Туманский.

— Хорошо, благодарю вас.

Все взоры были обращены на нее. Анна почувствовала неловкость и некоторую скованность. Она должна была утвердить себя, утвердить свой единственный мир, мир, созданный гением Толстого. Другого мира для нее не было.

— Вы хорошо помните свою жизнь? Можете ли вы утверждать, что пережили всё то, что описано в этой книге? — И Туманский поднял со стола роман Толстого. — Мой вопрос может показаться нескромным, но это имеет огромное значение для вас и для всех присутствующих. И для всего мира. Вы понимаете? Для всего человечества.

— Да, понимаю. Я пережила всё то, что написано в этой книге.

В большинстве своем комиссия состояла из мужчин. Глухов и Вера сидели отдельно в стороне. Анна понимала, что они волнуются, так как сами являются соучастниками ее странной судьбы. Самое же Анну больше всего беспокоило ожидание вопросов, касающихся интимной стороны ее жизни. Но вопросы, очевидно ранее составленные, ограничивались внешней стороной событий. Ее спрашивали о том, как выглядел в последний раз Степан Аркадьевич, при каких обстоятельствах она впервые увидела Кити и какое на ней было платье, чем были обиты стены гостиной княгини Бетси, какого цвета была обивка в ее коляске...

Потом пошли импровизированные вопросы. Присутствующие иностранные ученые задавали вопросы

через переводчиков. Английские и немецкие переводы Анна на всякий случай выслушивала, а французам отвечала сразу же по-французски. Лысеющий француз спросил:

— Вы можете назвать тот день, когда вы почувствовали охлаждение Вронского?

Анна тотчас вспомнила тот день в спальне и папиросу, которую она раскурила от свечи. Алексей подал ей свечу, но она взяла у него подсвечник и сама прикурила. И всё вдруг напряглось в Анне, она уже поновому увидела внимательно застывшие на ней взгляды и ответила по-французски:

— Я не буду отвечать на этот вопрос,— и машинально, тоже по-французски, обратилась к Туманскому: — Я могу требовать соблюдения приличий?

Академик Туманский наклонил голову к переводчику, бормочущему русский перевод. «Он не знает по-французски», — мелькнуло у нее в голове. Она вдруг осознала, что большинство русских ученых пользовались переводчиками. «Это не ученые,— подумала она.— Это интриганы. Меня разыгрывают». Надо было незамедлительно разоблачить этот фарс, интуиция подсказала Анне тактику нападения, и она в упор сказала Туманскому:

— Вы не академик. Вы не ученый. Это не научная комиссия. Вы меня мистифицируете. Я не знаю, для чего эта инсценировка, но это мистификация.

— Почему вы так думаете? — спросил Туманский.

Анна вспомнила о пристрастии современных людей ко всевозможной документации и сказала:

— Покажите мне какой-нибудь документ, удостоверяющий ваше академическое звание.

Туманский спокойно сунул руку в карман и протянул Анне продолговатую книжечку в коленкоровом переплете. Анна прочла:

«...выдано академику В. Г. Туманскому...» Она смущенно вернула коленкоровую картонку.

— Почему вы решили, Анна Аркадьевна, что мы — не ученые?

— Мне показалось... Вы же не знаете иностранных языков. Разве бывают ученые, которые не знают даже французского?

Многие рассмеялись. Анна посмотрела в сторону Глухова, — он сдержанно улыбался, а Вера откровенно

смеялась. Туманский был, кажется, немного смущен, его невозмутимое благообразное лицо чуть порозовело. Чернявый медик из московской медицинской академии (как его представили Анне) пояснил:

— В наше время, насыщенное переводной аппаратурой, знание языков необязательно даже для ученых.

— Это правда? — тихо проговорила Анна и совсем растерялась, потому что в зале смеялись. Туманский не смеялся.

Анне стало грустно и неловко. Она позволила провести себя в верхний зал, где ее снова заперли в зеленой комнате и стали предлагать варианты уже заданных вопросов, а толпа ученых и репортеров слушала ее ответы через передающие устройства.

Когда Анна наконец осталась наедине с Глуховым, она спросила:

— Я что-нибудь не так говорила?

— Отчего же? Вы говорили то, что нужно.

— Но все почему-то смеялись.

— Именно тогда вы были на высоте.

— Но вы же знаете французский!

— Знаю. Но многие, даже гениальные ученые в этом отношении остаются невежественными — недостаток системы образования. И вы справедливо это подчеркнули. Может быть, хотите отдохнуть?

— Я бы прогулялась одна по саду.

— А вы не сбежите опять?

...Она шла по тенистой аллее, откуда не было видно плоского фасада института, были только высокие клены, осины, кусты ольхи и сирени да высокая трава, подступающая вплотную к дорожкам.

— Здравствуйте, — услышала она знакомый голос. Из-за ствола старого клена вышел Игорь.

— Добрый вечер. Вы как сюда попали?

— Через забор.

— Я сама когда-то перелезала этот забор. Но с улицы он гладкий и неприступный.

— А я как-то целый год занимался альпинизмом.

— Вы сюда по делу?

— Я к вам.

Анна улыбнулась. Она верила этому человеку.

— А как вы знали, что я буду здесь?

— Должны же вас пускать на прогулку. Вот я и жду с утра.

Они пошли по аллее.

— Вы знаете о моем прошлом?

— Я это вчера узнал.

— Расскажите.

— А вы не знаете?

— Сегодня была научная комиссия, на которой меня признали Анной Карениной. А кто я на самом деле, еще не сказали.

— Я, наверное, не имею права ничего вам рассказывать.

— Наверное. Но вы же понимаете, что мне это нужно. Знаете, за мной могут следить. Сойдемте с аллеи.

Он раздвинул перед ней ветви ольхи, и они прошли на поляну. Здесь было как в лесу. Игорь шел впереди, и Анна обратила внимание, что у него стройная фигура. Он был, вероятно, ее ровесником, может, немного помладше, и Анна решила держаться с ним как можно проще, чтобы расположить к откровенности. Она спросила:

— Как называются ваши брюки? — и сама удивилась своей смелости.

— Джинсы.

Они уселись прямо на увядающей траве. Игорь закурил сигарету.

— Рассказывайте. Не бойтесь. Я вполне владею собой.

— Не знаю, как это и сделать...

— Ну скажите хотя бы, как мое настоящее имя?

— Анна Купцова.

И, как ни была подготовлена Анна, она вздрогнула, услышав эту, показавшуюся ей грубой, фамилию.

— Нет, ничего, рассказывайте всё.

— Я еще мало что узнал. Только если в общих чертах...

И он рассказал.

Группа ученых нейрофизического НИИ работала над созданием уникальной установки, сообщающей информацию непосредственно человеческому мозгу.

Исследовательская группа состояла из четырех человек: руководитель, программист, нейрофизик и электронщик. Группе было предоставлено целое отде-

ление института со сложнейшей аппаратурой. Поначалу это были безобидные опыты, но, когда пошли эксперименты по преобразованию психики (конечно, на животных), встал вопрос о передаче опыта более широкому кругу ученых. Руководитель группы обратился в Академию наук с планом расширения эксперимента.

Начались разногласия. Программист ни с кем не хотел делиться славой и настаивал на доведении опыта до мировой сенсации в рамках прежней группы. Он мотивировал это секретностью эксперимента. Когда руководителю потребовалась некоторая информация по биополям и он заперся в экранированной камере, программист подsunул ему другую программу. Это были субъективные обоснования оставить группу в прежнем составе. Хотя такая накладка на существующую психику допускалась и должна была совершиться безболезненно, тем не менее руководитель группы Федор Киян скончался от нервного шока.

Анна слегка побледнела.

— Я далеко не всё поняла, но объясните — какая же степень моего участия в этом деле?

— Программистом была Анна Купцова.

— И я — эта женщина?

Игорь невольно схватил ее руку:

— Но вы же ненамеренно!

— А как я стала Анной Карениной?

— Анна Купцова... У нее были актерские данные. Она занималась вечерами в театральной студии.

— Многосторонняя женщина, — заметила Анна с усмешкой. — Что же дальше?

— Дальше? Купцову как-то заметил кинорежиссер Ермолин. Он готовился к съемкам телевизионного фильма по «Анне Карениной» и, увидев Купцову на клубной сцене, пригласил ее на пробы. Ее утвердили на главную роль. Она изучила в совершенстве роман и записала на пленку всё, что касалось Анны, чтобы лучше вжиться в образ. В ночь после трагической смерти Кияна нейрофизик Глухов отправил Купцову в экранированную камеру под видом внушения успокаивающих импульсов. На самом деле он снял биоманитом старые логические связи и подключил кассеты с записью образа толстовской героини. Через два часа Анна Купцова стала Анной Карениной.

— Значит, Глухов сам стал соучастником ее преступления. И совершил преступление против нее, изме-

нив ее психику. Она сама, наверное, не дала бы на это согласия.

— Он спас ее от ответственности.

— Зачем ему это было нужно?

— На его месте многие бы так поступили. Я, наверное, тоже.

— Но почему?

— Глухов — муж Купцовой.

— Это правда?

— Неужели вы и этого не знаете?

— Теперь знаю.

— И у вас не осталось никаких воспоминаний?

— Я впервые увидела Глухова два дня назад.

А вы откуда всё знаете?

— Со вчерашнего дня все газеты об этом пишут.

— Вы можете дать мне прочесть?

— У меня с собой французский журнал. Вы знаете французский?

— Анна Каренина знала. Дайте, пожалуйста.

— Мне бы не хотелось... Вам это может быть неприятно.

Анна с усилием улыбнулась:

— Конечно, это выглядит несколько комично. Аферистка. Совершила преступление. И вдруг она — героиня классического романа.

— Вам очень тяжело? — И он заглянул ей в глаза.

— Не знаю, кем же мне себя считать?

— Кем вы сейчас себя чувствуете?

— Карениной. Вам смешно?

— Нет.

У него были серьезные глаза.

На аллее слышались шаги. Анна вскочила на ноги, отодвинула ветку ольхи. Это была Вера.

— Наверное, за мной, — сказала шепотом Анна.

— Мы еще увидимся? — спросил Игорь тихо.

— Может быть.

Он протянул ей листок из записной книжки.

— Это мой телефон. Позвоните, если я буду нужен.

Анна вышла на аллею, оглянулась. Игорь стоял на прежнем месте, и в его глазах было изумление, будто он впервые увидел ее и чему-то удивился.

Сразу после обеда Глухов пришел к Анне, и она без промедления рассказала ему о встрече с Игорем и об их разговоре. Во время рассказа Глухов то и дело отводил глаза в сторону, а потом сказал:

— Ну что ж, раз вы всё знаете...

— Неужели я была вашей женой?

— Мы и сейчас не разведены.

Анна смутилась, но тотчас спросила:

— Как же нам быть?

— Не знаю...

Анна вспомнила тягучий разговор с Алексеем Александровичем тогда, в спальне, после первого свидания с Вронским, и тут же оборвала себя: «Ведь это же не было! Это Толстой!»

Она уже другими глазами посмотрела на Глухова: усталое лицо, печальные скучные глаза — светло-карие, тонкий нос, переходящий в широкую переносицу, волосы по нынешней моде спадают до бровей, только он, вероятно, никогда не причесывается. И костюм на нем висит неуклюже, а рубашка вовсе не глажена. «Кто им гладит белье? — подумала Анна. — Ведь они говорят, что у них теперь нет прислуги. Неужели ученые сами себе гладят белье? Или им техника гладит?»

— Вы любили Анну Купцову?

— Да.

— Жаль. Я ведь вас не знаю.

— Может быть, так и лучше.

— Если вам нетрудно, покажите мне еще какое-нибудь кино, — сказала она, поднимаясь с кресла.

Две недели, пока шло следствие, доступ к информационным установкам был закрыт. Анна изъявила желание изучать нейрофизику и электронику. С ней стали заниматься Глухов и Вера. Математика ей не давалась, и ей объясняли только сущность математических и физических законов. Ей втолковали принципы ньютоновских теорий, а затем и эйнштейновской концепции. Однако на квантовой механике дело застопорилось. Анна никак не могла понять, как это электроны мгновенно скачут с орбиты на орбиту. И хотя она шутливо оправдывалась тем, что Эйнштейну это тоже не совсем было ясно, всё же перед ней встала задача — серьезно заняться физикой и математикой.

Анна жаждала знаний. Она хотела войти в этот мир полноправным гражданином. У нее был диплом об окончании электротехнического института, диплом с отличием на имя Анны Купцовой, и она поставила себе целью оправдать этот диплом. Для этого нужны были годы, но это не смущало ее.

— Почему умер Федор Киян? — спросила она как-то Веру.

— Нервный шок.

— А почему у меня не было такого шока?

— Вы целый месяц были без сознания.

Анна уже знала, что она долгое время находилась в полусознательном состоянии, двигалась как во сне, пугалась всего, что напоминало ей о двадцатом веке. Ей специально сшили платья времен Анны Карениной и время от времени давали наркоз. И только когда ее нейrogramма пришла в норму, ей дали допингирующее средство, чтобы она окончательно пришла в себя.

— Почему же он умер от шока, а я — нет?

— Перегрузка наложения. А у вас старые связи были сняты биомагнитами.

Анна уже знала всех сотрудников информационного отделения, однако не могла ни с кем подружиться, — всюду ей чудилась затаенная враждебность, хотя разговаривали с ней любезно и даже заботливо.

Спустя две недели следствие было закрыто. Ввиду необычности проступка Купцовой, который в некоторых фразах заключения именовался «несчастливым случаем», следственная комиссия, куда входили также представители Академии наук, постановила дело прекратить «за непредусмотрением законом категории преступления». А Глухову дали год условно с возможностью продолжать работу в институте.

Глухов пришел к Анне:

— Ваш карантин кончился. Теперь вы можете жить у себя дома.

— В одной квартире с вами?

— Если хотите.

— Что ж, поедem. Вы меня довезете?

После работы Глухов зашел за Анной, и они отправились домой. В вестибюле они задержались у застекленной комнаты вахтера, где Глухов сдал ключ от своего кабинета. Вахтером была пожилая женщина в

черной официальной форме. Простое лицо вахтерши выражало открытую неприязнь.

«Я ни в чем не виновата,— думала Анна, сидя в машине и глядя на бегущую навстречу улице.— Я ничего не помню, не знаю — значит, я не причастна к совершенному Купцовой проступку. Я — Анна Каренина!»

Они поднялись в лифте на пятый этаж, вошли в переднюю, захлопнулась входная дверь, и Анна осталась наедине с этим чужим человеком, который, как ни странно, был ее мужем. Глухов провел ее по комнатам. Современная мебель ничего не говорила о вкусах хозяев,— всё было гладко, чисто и безлико: в кухне всё белое, в комнатах темная полированная мебель.

— В других квартирах такая же мебель? — спросила Анна, чтобы что-то спросить.

— Такая же. Это стандарт.— Голос его звучал сухо и ровно. Он прошел на крохотную кухню.

— Можно сделать яичницу и чай. Хотите вина?

— Вы... сами готовите?

— Приходится.

Она стояла и смотрела, как он зажег газовую плиту, поставил сковородку, разбил над ней яйца, достал из холодильника высокую бутылку вина. Ужинали молча.

Из комнаты доносилась музыка, это работал приемник. Вино было легкое, но с непривычки у Анны закружилась голова.

— Будете смотреть телевизор? — спросил он.

— Скажите, когда я была здесь в последний раз?

— В тот вечер. Я был дома, а вы там, в институте. Когда вы увидели, что Киян поражен шоком, вы позвали на помощь. Врачи поначалу не разобрались что к чему. Вы приехали сюда. У нас еще не было телефона, телефон поставили две недели назад. Вы приехали за мной, и мы оба отправились в институт. Киян уже умер. Его не смогли вывести из шока, а вы были в очень плохом состоянии. Я отвел вас в камеру. Из персонала почти никого не было, и я сам включил установку. Образ Анны был рассчитан на ассоциативное усвоение, а я включил информатор на полную мощность.

— Зачем?

— Вам было плохо. Может быть, вы были готовы к самоубийству. Я усадил вас в кресло экранирующей камеры и включил на полную мощность биомагниты, снимающие информацию. Вы сразу ожили, даже стали улыбаться. Если бы я оставил вас такой, у вас оказалось бы сознание ребенка. И я поставил в генератор кассеты с вашими записями. Я тоже действовал с отчаяния...

— Она, Анна Купцова, она любила вас?

— Иначе бы она не вышла за меня.

Ответ показался Анне уклончивым. Она сослалась на усталость и заперлась в своей комнате. Давил низкий потолок, еще больше давили вещи незнакомой женщины, которая была тоже Анной. Она стала изучать эти вещи. Может быть, это всё, что осталось ей от мира. Ведь люди — люди, которые знали ее раньше, — они не приняли ее. Что ж, ведь и там, в своем мире она тоже была отчуждена. Даже княгиня Бетси отказалась ее принимать, ссылаясь... Но тут Анна опять вспомнила, что не было никакой Бетси. Всё из романа. Была Купцова. Отвратительная фамилия. Почему она не взяла фамилию мужа? Да, теперь это немодно. Анна почувствовала себя в чем-то обойденной, в ней поднимался неосознанный протест. Узнать ее, эту Купцову, заглянуть во все закоулки ее души и уже тогда утвердить себя. Себя, женщину, испытывшую сильные чувства, пережившую жестокую драму любви, драму отчуждения, драму потери сына.

Она принялась методично изучать вещи, находящиеся в комнате. Она открывала ящики миниатюрного секретера, перебирала книги, рукописи. Ни одного письма! Даже записки. Ничего, что бы могло рассказать об этой женщине, когда-то владевшей ее телом, лицом, голосом, походкой. Одни рабочие записи, математические выкладки. В ящичке секретера она нашла драгоценности — какая-то мелочь: кольца и кулоны низкопробного золота с малюсенькими дешевыми брильянтами и рубинами, дешевый янтарный браслет. Неужели эта женщина, получившая ученую степень, могла надеть этот плохо отполированный янтарь? Такие браслеты могла носить только горничная. Анна перебрала платяной шкаф. Элегантные современные костюмы были сшиты из чистошерстяной материи, какую носила в ее время только прислуга. Зато такое

красивое белье с тонкими кружевами могла позволить себе только дама из высшего света. Очевидно, теперь все так одеваются.

И ни намека на индивидуальность!

На ковровой тахте лежал брошенный плащ. Анна подняла его. Правый карман оттягивал какой-то тяжелый предмет. Видимо, Купцова положила этот предмет в карман плаща вот этой самой рукой с удлинёнными розовыми ногтями. Анна вытащила тяжелый плоский параллелепипед, сделанный из какого-то светлого металла, повертела его в руках и сунула обратно. Потом села на тахту и задумалась. А не берет ли она на себя непосильную задачу? Сможет ли она утвердить свое «я» в этом чужом мире, где за сто лет всё так переменялось? Не останется ли она здесь навсегда чужой и непонятной?

Она уже знала, что та старая женщина, которая задержала ее у входа в «Юбилейный», была тещей Федора Кияна. Знала, что осталась еще вдова Кияна с пятилетней дочерью. И она, Анна, виновата в том, что девочка осиротела. Как же с *этим* быть?

На другой день Анна объявила Глухову, что хочет навестить семью Кияна.

— Не надо,— быстро сказал он, и его глаза блеснули.

— Я должна.

— Вы никому ничего не должны. Вы начинаете жизнь сначала.

— Нет. Я не желаю отказываться от своего прошлого, я обязана ответить за него.

— Чье прошлое вы имеете в виду?

— То, что было на самом деле.

— А если Анна Купцова хуже того, что вы о ней знаете?

— Так расскажите мне о ней!

— Зачем? Вы же убеждены, что вы — Анна Каренина.

— Да,— сказала Анна, раздражаясь,— убеждена, и я хочу поступать так, как нахожу нужным.

— Вас там считают виновницей трагедии, а вы, такая как вы теперь есть, ни в чем не виновны.

— Вы принесли мне жертву: пошли на преступление, чтобы очистить мою совесть, вы стерли из моей памяти прошлое, но вы еще вложили в меня другое прошлое, которое стало для меня истинным. Вы недовольны этим?

Глухов поколебался.

— Я тогда был очень растерян и действовал необдуманно. Однако теперь я вижу, что это был единственный вариант. Для вас.

— И для вас? — непроизвольно вырвалось у Анны.

— Не знаю...

Зазвонил телефон. Глухов подошел.

— Это вас, — сказал он, передавая ей трубку. Анна неуверенно приложила трубку к уху. Она впервые в жизни говорила по телефону.

— Да? — сказала она, как это делали другие.

— Здравствуйте. — Она сразу узнала голос.

— Игорь? Здравствуйте.

— Я просил вас позвонить, если я понадобится. А потом я подумал, что вы потеряли бумажку с моим телефоном.

— Благодарю вас. У меня к вам действительно просьба.

— Я готов.

— Не знаю, как это изложить...

— Вам неудобно говорить по телефону? Мы можем встретиться, где вам будет угодно.

— Вы откуда говорите?

— Из телефона-автомата у станции метро «Владимирская».

Анна поколебалась и наконец решилась:

— Я сейчас приеду. Вы сможете меня подождать?

— Конечно!

— Мне надо ехать, — обратилась она к Глухову, — но у меня нет денег на билеты.

— Я не могу вас отпустить.

— Я до сих пор пленница?

— Вам нельзя ходить без провожатых.

— Я сама хочу во всем разобраться. Я уже говорила вам.

— Ваши оценки несоизмеримы с современными. Вы человек из иной социальной системы, а у нас сейчас эпоха социализма.

— Я уже поняла это.

— А привычки? Здесь иные отношения между людьми. Наконец, вы просто не сможете правильно перейти улицу, по которой движется транспорт.

— Я уже многое знаю.

— И всё же я не могу отпустить вас одну.

— Вы можете проводить меня до станции метро.

— А потом? Кто этот человек, с которым вы назначили свидание?

— Это не свидание, это просто встреча.

— Я не могу вас доверить незнакомому человеку.

— Я его знаю.

— Но я не знаю!

— Вы как-то говорили мне, что в вашем обществе все равны. Вот я и хочу равенства... и свободы.

Глухов улыбнулся одними губами.

— Я это ценю. Но вам еще опасно общение с посторонними людьми.

— Я хочу этой опасности...

Глухов, пожав плечами, вынул деньги: бумажную купюру, достоинство которой Анна не разобрала, и немного мелочи — меди и серебра.

— Через два дня я должна получить жалованье. Как научный сотрудник Купцова. Я отдам вам долг.

Она ушла в свою комнату и, переодеваясь, подумала с грустью, что слова ее были обидны для Глухова, но, к сожалению, они уже были сказаны. Она подошла к его комнате, приоткрыла дверь. Он стоял спиной, но тотчас обернулся. Анна чего-то ждала от него, но его глаза ничего не выражали.

— Мне, наверное, следует захватить ключ от квартиры?

Глухов молча вынул из письменного стола ключ.

Анна не рискнула одна войти в лифт и пешком сошла с лестницы.

Станция метро была близко, и она благополучно спустилась по эскалатору. Езда в остекленных гудящих поездах воспринималась как фантастический сон. В этом шуме среди бесчисленной движущейся толпы трудно было ориентироваться, но Анна всё же без посторонней помощи, пользуясь только надписями и

схемами, сделала нужную пересадку и благополучно добралась до «Владимирской».

Выйдя на площадь перед Владимирским собором, Анна сразу увидела Игоря. Он смотрел в другую сторону, очевидно, думал, что она приедет на троллейбусе. Она не знала, как по современному этикету следует обратиться первой, и ждала, когда он обернется. На нем были джинсы, только теперь они были белого цвета, и ярко-желтая короткая, до талии, куртка. Его светлые волосы, спускаясь клином с затылка, закручивались над воротником. Игорь обернулся, обрадованно шагнул к ней:

— Добрый вечер!

— Здравствуйте.— И она протянула руку.

Он задержал ее руку в своей и всё улыбался, глядя ей в глаза. И ей стало неловко оттого, что в его взгляде было больше чем простое дружеское участие.

— Вы на весь вечер свободны? — спросил он.

— Конечно.

— Давайте отпразднуем где-нибудь нашу встречу.

— Лучше пройдемтесь до Невы.

Они пошли по Владимирскому, а потом по Невскому. Игорь заново открывал ей город. Различной формы автомобили, трамвай, сети проводов над головой, названия магазинов, наряды людей, рекламы, кинотеатры, стены знакомых Анне домов, и то новое, что теперь происходило за этими стенами — всё это были вопросы. Анна с удовольствием отмечала, что выглядит не хуже многих встречаемых молодых дам (или «девушек» — как принято теперь говорить). Встречные мужчины ловили ее взгляды, а девушки поглядывали на Игоря и мельком осматривали Анну — в основном ее наряд. Она представила себя со стороны и подумала, что ее длинное летнее платье с разрезом выше колен вполне соответствует требованиям современной элегантности. Наконец она заговорила о Кияне. Кто он? Известен ли был?

— Конечно, известен.

Игорь стал искать взглядом, на что бы обратить внимание Анны, но она сказала:

— Я встретила с вами, чтобы попросить о помощи. Мне нужно навестить его семью.

— Зачем? Вы же понимаете: они в таком состоянии, что не могут хорошо к вам отнестись.

— Мне и не нужно хорошего отношения.

— Тогда что же вам нужно?

— Я хочу познакомиться с ними.

— Лучше это сделать позже.

— Я хочу всё выяснить сейчас. Я не могу приобщиться к людям, пока не узнаю своего прошлого.

— А если оно вам не понравится?

— Тем более я должна его знать.

Навстречу им шли несколько ярко одетых мужчин. Анна услышала английскую речь. Один из них, встретившись с ней взглядом, воскликнул:

— Анна Каренина! — И что-то вульгарное послышалось ей в этом английском акценте. Иностранец поворотился и пошел рядом с ними, потом обогнал их и, загораживая дорогу, поднял металлический предмет, висевший у него на ремне через плечо. Анна тотчас поняла, что это фотоаппарат, делавший снимки. Игорь заслонил ее от фотографа, крикнул ему что-то грубое. Анна услышала позади себя механическое жужжание и обернулась — другой иностранец с кинокамерой снимал ее сзади. Игорь почти бегом потащил ее вперед.

— Ловят сенсации, — пояснил он.

— Обо мне все знают?

— Еще бы! Психологический информатор, да еще полная трансформация психики.

— И за границей знают?

— Даже подробнее, чем мы.

— А я вот не всё знаю, — сказала Анна грустно.

Потом они стояли в очереди у справочного бюро, Игорь позвонил куда-то по телефону, и они поехали на Петроградскую сторону.

— Дальше я пойду одна.

— Я вас не отпущу.

— Не пойду же я туда с вами!

— Лучше было бы совсем туда не ходить.

— Это исключено. Я вам очень благодарна, но мы здесь должны расстаться.

— Я вас подожду.

— Нет, я прошу вас, не надо ждать. Я вам позволю по телефону. У меня есть ваш номер.

Лифта в этом старинном доме не было. Анна поднялась на пятый этаж по лестнице со сбитыми ступе-

нями и перекошенными перилами. Дверь открыла довольно молодая женщина.

— Что вам надо? — резко спросила она.

— Мне нужно видеть Галину Николаевну.

— Это я,— всё так же резко ответила женщина.

— Я хочу поговорить с вами.

— Зачем?..

Анна ожидала всего чего угодно, поэтому взяла себя в руки и как можно спокойнее сказала:

— У вас преимущество: я не знаю вас, а вы меня знаете.

— Кто же вас не знает!

Анна не знала, что еще сказать, и молча стояла перед полуоткрытой дверью. Женщина тоже некоторое время стояла молча, глядя куда-то вбок, а потом, открыв дверь пошире и всё так же не глядя на Анну, сказала:

— Проходите.

Они прошли в гостиную, обставленную как и квартира Глухова, сели на неудобные стулья с полированными спинками.

— Так что вам нужно? — сухо спросила Галина.

— Я хочу всё знать о себе.

Вошла пожилая женщина, которую Анна видела у «Юбилейного» и в отделении милиции. Не сводя с Анны ненавидящих глаз, она тоже села на стул. Галина взяла с низкого стола журнал, протянула Анне:

— Здесь всё написано.

— Вы можете рассказать мне то, что не пишут в газетах?

Галина горько усмехнулась:

— Еще бы! Только нужно ли? Вы же ничего не помните, ну так и продолжайте не помнить. Для вас это лучше.

— Вы должны согласиться с тем, что каждый человек имеет право всё о себе знать.

— Насколько мне известно, вы знаете свою биографию из Толстого.

Старуха наконец подала голос.

— Анна Каренина... — сказала она желчно.

— Да, я — Анна Каренина, но я ношу паспорт Купцовой, у меня ее диплом, я получаю ее жалованье, хотя пока имею слабое представление о ее работе.

Я хочу взять на себя ее обязанности и хочу быть ответственной за ее прошлое.

— Вы не в состоянии за всё ответить.

— Я не думаю, чтобы Купцова совершила такие преступления, которые нельзя искупить.

— А чем можно искупить смерть человека?

— Хотя бы тоже смертью.

Старая женщина снова заговорила:

— Значит, вы всё искупили, поскольку легли под поезд в облиии Анны Карениной, и вы...

— Мама, я хочу поговорить с ней наедине,— попросила Галина.

— Ты меня не выгонишь. Хватит! Все ошибки свои ты делала самостоятельно, иначе бы не было ошибок.

— Мама, оставь нас, пожалуйста.

— Не оставлю!

Галина обратилась к Анне:

— Пойдемте на улицу.— Она встала, повела Анну в переднюю. Старуха пошла за ними:

— Куда ты собираешься?

— Мама, мне нужно поговорить!

— Нечего тебе говорить с этой мерзавкой.

Уже на лестничной площадке, когда Анна взялась за перила и почувствовала пальцами выщербленный деревянный поручень, она поняла, что эти слова были о ней. Голова ее слегка качнулась как от удара в лицо, но Анна взяла себя в руки и даже сказала старухе «до свидания», хотя знала, что ей не ответят.

— Извините, что так случилось,— сказала Галина.

— Я сама шла на это. Теперь вы мне всё расскажете?

— Хорошо.— Они пошли медленно по незнакомой Анне улице, где среди новых домов с плоскими фасадами торчали доходные дома девятнадцатого века.

— Я, конечно, не та женщина, которая нужна была Федору. Он даже иногда стеснялся меня, когда мы бывали в кругу его знакомых. Но вы бы тоже ему не подошли. Потом, когда родилась Оля, он вроде примирился, хотя никуда не брал меня с собой. То есть он приглашал меня в свои компании, но я-то понимала, что буду мешать, и сама с ним никуда не ездила, ссылаясь то на дочь, то на маму. Потом началась ваша связь.

— Я была его любовницей?

— Да.

— И долго длилась эта связь?

— Я узнала об этом год назад. Это всем было известно.

— И моему мужу?

— Конечно. Вы открыто себя вели. Вы считали себя выше общественного мнения. А по-моему, вы были не выше, а ниже его.

Некоторое время они шли молча.

— Вы рассказываете. Мне необходимо всё это знать.

— А потом я подала на развод.

— А я не подавала на развод?

— Нет. Мне кажется, Федор был вам нужен в других целях. Вы были против расширения вашей научной группы. Вы боялись, что когда ваше открытие станет достоянием большого коллектива, вы потеряете ведущее положение в группе Федора.

— Значит, я имела на него влияние?

— Да, вы умели влиять. Вы умели быть обаятельной, когда это вам было нужно. Я сама в этом убедилась, когда встретила вас на одном банкете в институте.

— Я до самого конца была его любовницей?

— Нет, Федор порвал с вами, когда узнал, что у вас еще с кем-то связь.

— Еще связь... Значит, на самом деле я не любила Федора?

— Я не думаю, чтобы вы вообще кого-то любили. Вы любили только себя. Вы быстро сделали карьеру, вы нравились мужчинам, и это вы использовали в своих целях...

— Я была способным ученым?

— Каким бы способным ни был человек, он должен считаться с другими.

— Как относился ко всему этому Глухов?

— Я думаю, он превыше всего ставит свою работу. Я мало его знала, но он казался мне очень сухим человеком.

— А что произошло в последнее время?

— В последнее время? Федор пошел на примирение со мной, и я, конечно, как дура, поддалась. Я никогда не умела быть самостоятельной, потому и жизнь вся кувырком.

— А что было со мной?

— О, вы не давали Федору покоя. Вы постоянно звонили ему, вы преследовали его. Вы никак не могли примириться с мыслью, что вас кто-то может бросить. Я даже боялась вас. Мне казалось, вы готовы на всё.

— А вам не приходила в голову мысль, что я специально довела его до смертельного шока?

Галина испуганно посмотрела на Анну:

— Не думаю. Вы никогда не допускали ничего такого, что могло повредить вашей карьере.

— Я очень благодарна, что вы мне это всё рассказали.

— Мне надо идти. Тут, в саду, моя дочь с соседкой гуляет. Нам пора домой.

— Можно мне посмотреть на вашу дочь?

Галина поколебалась.

— Что ж, пойдемте, если хотите.

Пятилетняя Оля ехала по садовой дорожке на велосипеде. Анна сразу узнала в ней ту девочку с мячиком, которую видела перед «Юбилейным». Оля слезла с велосипеда и бросилась к матери.

— Познакомься, Оля, это... Анна Аркадьевна,— запнувшись, сказала Галина.

Девочка склонила голову набок и смущенно завозила пяткой по земле. Анна уже знала, что современные дети не умеют ни кланяться, ни делать реверанс, ни даже просто знакомиться.

Анна склонилась к ней:

— Отчего у тебя коленки такие грязные?

Девочка пригляделась к симпатичному лицу Анны и перестала стесняться:

— Они у меня не грязные, а ушибленные.

— Упала?

— Упала.

— Заплакала?

— А вот и нет! Некоторые мальчишки тоже плачут, а я — нет.

— Правильно. Я тоже стараюсь не плакать, когда больно.

— А вы хотите цветочек?

— Хочу.

— Я бы сорвала, но милиционер оштрафует.

— А у меня есть деньги. Я заплачу штраф.

Девочка засмеялась — чем-то похоже на Сережу...

Анна проводила Галину с Олей до их улицы, на прощанье сказала:

— Если мне понадобится вас еще увидеть, вы не будете возражать?

— Пожалуйста,— и Галина даже попыталась улыбнуться,— звоните.

Анна вернулась домой в одиннадцать часов, но было еще совсем светло: едва минула пора белых ночей. Она открыла дверь своим ключом и услышала звуки фортепиано. Это не могло быть радио: звук был слишком чистым. Вероятно, у Глухова кто-то был. Анна не хотела никого видеть и решила сразу пройти в свою комнату, но потом подумала, что по правилам даже современного этикета следует показаться гостям, и вошла в гостиную. Глухов был один. Он сидел перед низким пианино и при ее появлении оборвал игру. Для нее было неожиданностью, что он играет.

— Я была у них.

— У Киянов?

Анна кивнула.

— Надеюсь, они приняли вас со всею светской любезностью?

— Возможно, по современным понятиям, это и была светская любезность. Во всяком случае, я многое узнала о себе.

— Знание — это светоч разума.

На какой-то миг в его взгляде отразилось страдание, но он тотчас опустил глаза в нотную тетрадь.

Почувствовав неловкость, Анна спросила:

— Что вы играли?

— А как вы думаете — что это? — Он посмотрел на нее, взгляд его был по-прежнему спокоен.

— Я бы сказала — это похоже на Шопена.

— Это Григ.

— Новый композитор?

— Он писал на рубеже веков. Каренина могла его знать, но Купцова его недолюбливала, вероятно поэтому она и не включила его в ваше сознание.

Анна почти физически почувствовала тот интеллектуальный круг, в который замкнула ее эта женщина.

— А мне понравилось это,— сказала она,— похоже на Шопена.

— У Грига много шопеновских интонаций: прозрачность, недосказанность. Купцовой нравилось все конкретное.

Анна с трудом втягивалась в работу института. С утра она самостоятельно изучала электродинамику, потом занималась электроникой с Верой и нейрофизикой с Глуховым. Перед обедом она уходила в мастерскую и с помощью обычного электропаяльника по стандартным чертежам лепила многокаскадные контуры, которых требовалось бесчисленное множество. Молодые радиотехники — веселые парни и девушки — охотно помогали ей разобраться в схемах, и хотя эти молодые люди относились к ней сперва настороженно и как-то странно переглядывались при ее появлении, Анна вскоре подружилась с ними. Она отдавала себе полный отчет в отношении к себе окружающих и была преисполнена упорного желания войти на равных в жизнь коллектива. После обеда она усваивала электронную аппаратуру. Вникать в ее принципы она пока что и не пыталась, но ведь пользоваться готовой аппаратурой проще, чем строить ее. Пользуются же люди воздушным транспортом, не имея понятия об устройстве авиационного двигателя.

И всё же иногда, особенно после обеда, возникало желание велеть подать коляску и отправиться на прогулку по Невскому или пешком пройти по Морской, зайти в какую-нибудь кондитерскую...

Она теперь часто встречалась с Игорем. Они вместе ходили на концерты. Анна быстро усвоила эстрадную музыку. Поначалу ее смущали синкопы, бешеные ритмы, ударники. Но она взяла в привычку анализировать новые явления, и вскоре поняла, что за исключением манеры исполнения, ритма и введения новых инструментов, легкая музыка за последние сто лет ничуть не изменилась: те же принципы оркестровки, та же гармонизация, те же мелодические обороты. Даже новинки поп-музыки оказывались безнадежно старомодными. Зато серьезная симфоническая музыка совершила гигантский скачок. Они слушали в Большом зале филармонии симфонию Белы Бартока. Сперва Анна ничего не понимала, ей были мучительны необычные сочетания звуков, она была попросту оглушена. Но потом она уловила знакомые ощущения нового мира.

Это был мир, перевернутый Эйнштейном, мир, где противостояли две социальные системы, мир, в котором о космических полетах говорилось, как о поездке из Саратова в Москву, мир, в котором женщина стала независимой, мир, в котором открыто признавались в любви. Когда после концерта они вышли на улицу и Игорь спросил, понравилась ли ей музыка, Анна не смогла ответить: от волнения у нее стучали зубы.

Молча дошли они до станции метро, народу на Невском было уже мало, и когда Игорь привлек ее к себе и поцеловал в губы, Анна нисколько не удивилась, она только спокойно отстранилась. Он вопрошающе смотрел ей в глаза, и она не отвела взгляда. Анна провела рукой по его светлым волосам, загибающимся над воротником жесткой крутой волной. Он снова поцеловал ее, и она снова отстранилась.

— Поедем ко мне,— предложил он и коснулся лбом ее лба.

— Зачем?

— В гости. Ты же еще не видела, как я живу.

— В другой раз.

— А почему не сегодня?

— Я не предупредила Глухова.

— Но ты же теперь ему не жена?

— Он будет беспокоиться.

— Но ты же ему не жена? — настойчиво и тревожно повторил он.

Анна поняла вопрос, и ей стало неловко за себя и за Глухова.

— Успокойся. Мы живем как чужие, каждый в своей комнате.— Анне стало легче, что они так сразу перешли на «ты». Она расценила это как еще один шаг в двадцатый век.

— Почему ты с ним не разводишься?

— Зачем? Я не собираюсь замуж, а он, вероятно, не намерен жениться.

Она хотела отстраниться, но он привлек ее к себе. Его объятие было нежным, но настойчивым. Она чувствовала, что не в состоянии вырваться, и так они стояли вплотную друг к другу на вечернем Невском, прохожих было мало, но они всё же были, и хотя они проходили равнодушно и любовные сцены на улице были для них обыденными, Анна испытывала смущение.

— Я люблю тебя,— сказал он.

И ей стало тоскливо, ей очень не хотелось терять этого милого человека. Не только прогулки с ним были приятны, ей нравился и он сам, нравилось, что у него такое открытое красивое лицо, что у него такие густые, модно зачесанные волосы и такая стройная спортивная фигура и что он всегда красиво одет, и что он такой современный,— как живой символ своего времени, к которому приобщалась Анна.

— Мне пора, уже поздно,— сказала она.

— Сперва надо ответить. Я же сказал, что я люблю тебя.

— Я из девятнадцатого века,— попробовала она пошутить,— и не могу решать так, сразу.

— Тебе хорошо со мной встречаться?

— Да.

— Ты согласна быть моей?

— Разве теперь это бывает, чтобы женщина была чьей-то?

— Любовь не меняется. Это стремление к безоговорочному обладанию. Взаимному.

— Ну вот, ты сам предлагаешь нечто серьезное, что должно изменить мою жизнь, и требуешь, чтобы я ответила немедленно. Надо же подумать.

— Хорошо. Подумай.

Его теплое дыхание коснулось ее щеки. Вся замерев, она слушала это дыхание, и вновь воскресшее чувство любовной неги охватило ее. Она припала щекой к его плечу и стояла так почти не дыша — без мыслей, без воли, и могла бы так стоять вечность. Потом она подняла взгляд. Его глаза мерцали в свете ртутных фонарей, а на впадины щек легли синие тени. И тут ей представились другие глаза — черные. И темные волнистые волосы. И губы — совсем другие. «Не он! — подумала она. — Это не он! Это...» Тело ее судорожно напряглось, и она с неожиданной легкостью высвободилась из объятий Игоря. Он схватил ее руку.

— Нет,— сказала она.

— Почему? — Он прижал к губам ее руку.

— Не надо.

— Ты же меня любишь! — Он снова взял ее за плечи.

— Нет.

— Неправда. Я вижу.— В интонации его голоса появились повелительные нотки.

— Просто я — женщина. А этого ещё мало. — Она отстранилась от него, зачем-то сняла с плеча сумку на длинном ремне, перевесила ее на другое плечо. — Мне не нравится, как ты себя начал вести.

— Прости меня. Но я люблю тебя.

— А я про себя еще ничего не решила.

— Ты еще будешь думать?

— Да.

— А ты будешь думать обо мне?

Она улыбнулась:

— Конечно.

Он довел ее до эскалатора. Анна, ступив на движущуюся ленту, обернулась. Игорь, уже уходящий прочь, тоже обернулся. Их взгляды встретились. Тогда он подбежал к барьеру и, перегнувшись через никелированную перекладину и не обращая внимания на удивленных прохожих, крикнул:

— Я люблю тебя!

Спускаясь на эскалаторе, Анна заново переживала этот разговор. На душе защемило. Очевидно, ни в двадцатом, ни в каком другом веке невозможна простая дружба между мужчиной и женщиной. Но тут вспомнился Большой зал филармонии, и музыка, услышанная в этот вечер. Она пьянила, как разговоры о полумистической квантовой механике и кривизне пространства. Всё это было пока выше того, что она могла понять.

Когда она пришла домой, Глухов по обыкновению сидел в гостиной и читал. Анна попросила разрешения поставить пластинку легкой музыки. Надо было хоть на время снять с души непосильную тяжесть современности, хоть немного отдохнуть. И сразу ее захлестнуло то грустное и теплое чувство, которое она постоянно испытывала, но которое скрывалось в ее душе, заполняемой повседневными впечатлениями. Любовь к Алексею Вронскому обрела теперь новое состояние. Это было как ровное горение никогда не тающей свечи. Вспомнилась дача, где она встречалась с Вронским. И тут же вспомнилась гостиная княгини Бетси. И вспомнились вечные заботы вечно усталой Долли. Вспомнился Сережа, когда она с ним в детской представляла на ковре оловянных солдатиков.

Голос Глухова прсбудил ее от воспоминаний:

— Оказывается, вам нравится современная музыка?

— Что? — спросила Анна. — Музыка?

— Современная. — Глухов указал на приемник, где вертелась джазовая пластинка.

— Не такая уж современная.

— А какая — современная?

— Барток, Прокофьев...

Глухов с интересом рассматривал Анну, потом сказал:

— Пожалуй, вы правы. Легкая музыка рассчитана на мещан, а мещане боятся новаторства.

«Боже, — подумала Анна, — ведь он рассуждает совсем как Алексей Александрович».

— С кем вы были сегодня на концерте? — как-то без перехода спросил Глухов.

— Мне следует отчитаться?

— Мне позвонили и сообщили, что видели вас в филармонии с человеком, которого никто не знает в институте. Поймите меня правильно. Никто не намерен лишать вас свободы. Но я по создавшимся обстоятельствам больше других ответствен за всё, что с вами может произойти.

— Я была с Игорем. Вы знаете, что я с ним встречаюсь, и знаете, при каких обстоятельствах я с ним познакомилась.

— Каковы ваши отношения?

— Он — мой единственный друг.

Глухов поднял на нее глаза:

— Вы уверены в этом?

— Я не верю в дружбу между мужчиной и женщиной.

— Значит, это любовь?

— Он любит меня.

— К счастью, вы не Анна Каренина, и никто не будет препятствовать вашей любви. Однако и в наше время любовь требует официальной регистрации. Нашему разводу тоже никто не будет препятствовать. Кроме меня.

— Вы не дадите мне развод?

— Не дам, пока не приду к убеждению, что вам это нужно.

— А вам не нужно? Ведь вы еще можете жениться, вам, наверное, нужна настоящая семья, как у всех.

— Моя личность не так феноменальна. Разговор идет только о вас.

Анна несколько раз прошла по гостиной от окна к двери и снова к окну, остановилась у приемника.

— Вы не будете возражать, если я поставлю пластинку?

Глухов поднялся:

— Мне уйти?

— Вы мне не мешаете. Оставайтесь, если хотите.

Глухов остался в кресле. Анна снова поставила пластинку с модными танцевальными пьесами. И снова вспомнила, как в поезде познакомилась с матерью Вронского,— очень приятная пожилая дама. Анна тогда ей тоже понравилась. А потом? Нет, Глухов совсем не похож на Алексея Александровича. У того смысл жизни заключался в государственных делах. Анна представила себе мужа в советском обществе. Он был бы ценным служащим — прямолинейным, трудолюбивым, честным, исполнительным. А Глухов? Он уже отступил от буквы закона, совершил поступок сильный и нерациональный. Он пошел на преступление, засадив Анну в информационную камеру, чтобы отвести от нее законную кару.

В этот вечер, когда Анна уходила в свою комнату, ей почему-то стало жаль Глухова, захотелось подойти к нему, поцеловать его в лоб и перекрестить на ночь, как Сережу. Но она ограничилась тем, что сказала: «Спокойной ночи». И Глухов остался один в гостиной со своей книгой.

Самостоятельно, без посторонней помощи, Анна раздобыла сведения о режиссере Ермолине: два кинофильма, работа на телестудии, положительные официальные отзывы. Она позвонила ему по телефону и договорилась о встрече.

Ермолин сам открыл ей дверь и провел в кабинет. Это был довольно полный мужчина лет сорока, с красивым породистым лицом. Идеально прямой нос, гладкие, короткие не по моде волосы, пронизательные серые глаза.

— Удивительной получилась ваша судьба,— сказал он,— я вам завидую.

— Я сама себе завидую.

Ермолин рассмеялся:

— Вы не потеряли чувства юмора.

— Это не мое чувство юмора. Это от Анны Карениной.

— Значит, Каренина была умной женщиной. Я как-то искал актера на роль математика Лобачевского. Перебрал всех актеров, — ничего подходящего. Вдруг встречаю совершенно случайно молодого человека — полное портретное сходство. Он оказался филологом, недавно кончил университет, зарплата скромная, и я предложил ему сниматься в телефильме. Он спросил об окладе. Я назвал сумму. Тогда он спросил, кого я предлагаю ему играть, и, узнав, что Лобачевского, пошутил: «Я с детства не тяну в математике, у меня по ней, как у Пушкина, одни двойки были. Так что мне придется вдвойне перевоплощаться, а значит, и оклад должен быть двойной». Я сказал ему, что остальные актеры вряд ли сильнее его в математике. Фильм отсняли. И представьте себе: филолог настолько перевоплотился в великого математика, что, когда при последней выдаче денег расчетчица по ошибке написала ему на пятнадцать процентов меньше, он в течение пяти минут сам произвел перерасчет и предъявил требование о доплате с точностью до копейки.

Ермолин рассказывал со вкусом, у него был богатый тембр голоса, и очевидно, что бы он ни рассказывал, получалось интересно. Анна, невольно улыбаясь, выслушала эту нехитрую историю, а потом спросила:

— Кого же вы сделали Анной Карениной вместо меня?

— Вы не читали в «Советской культуре»? Когда это случилось с вами, я отказался от съемок фильма. — И он многозначительно посмотрел на Анну, а потом, после паузы поднял брови и добавил: — Да.

Это «да» было сказано так проникновенно, словно он долгие дни репетировал его произношение по системе Станиславского. Анне стало смешно. И как только она могла подозревать Купцову, эту умную тщеславную женщину! Но что-то в его взгляде насторожило ее, и, чтобы не сомневаться, она спросила прямо:

— Скажите, я была вашей любовницей?

Ермолин посмотрел на нее как-то боком:

— Это в каком смысле?

— В прямом. Была ли между нами интимная связь?

— Да,— ответил он, глядя в сторону.

— Сколько времени длилась эта связь?

— Месяц. Мы были в отпуске на юге.— В его голо-
се уже не было той актерской сочности.

Анна продолжала допрос:

— Съёмки уже начались?

— Когда мы были в Гаграх, я получил телеграм-
му об утверждении съёмочного коллектива. Надо
было срочно возвращаться в Ленинград, но вы сбе-
жали.

— Как?

— Я с утра был на пляже, а когда вернулся в
гостиницу, вас уже не было. Вы оставили записку, что
оставшуюся часть отпуска проведете в Геленджике,
там у вас были знакомые. Я тотчас приехал в Геленд-
жик, разыскал вас, но вы наотрез отказались от съе-
мок. Из-за этого у меня потом были крупные неприят-
ности. Да. Крупные...

— Почему я отказалась от съёмок? Мы с вами
поссорились?

— Нет. Хотя вы часто вызывали меня на ссоры,
но я сохранял ровную атмосферу.

Последнее слово Ермолин произнес через «э» — ат-
мосфэру.

— Я ничего не поняла. Зачем же я тогда отбирала
эти тысячи информации вплоть до отрывочных воспо-
минаний детства, которые могла помнить Анна Каре-
нина?

— Не знаю.— Ермолин сплел пальцы, театрально
вскинул взгляд.— Просто не знаю! Да.

— Может быть, у меня была срочная работа в ин-
ституте? — предположила Анна.

— Не думаю. Она... вы договорились в институте.
Оформили отпуск. И ничего такого экстренного не про-
изошло. Просто взяли и отказались. Не по-
нимаю, да.

Анна смотрела на Ермолина с чувством безглю-
вости. Она поднялась с кресла и сразу увидела себя
в высоком зеркале, вмонтированном в простенок. Но
ведь это красивое тело существует, и это лицо, и эти
большие темные глаза, и завиток волос, льнувший к
стройной шее. И ее мысли, ее сознание принадлежат
этому порочному телу.

— Благодарю вас,— сказала Анна,— прощайте.—
И пошла к выходу.

Ермолин замешкался, а потом с неожиданным проворством вскочил и открыл перед ней дверь.

На другое утро Анна и Глухов по обыкновению встретились в кухне. До сих пор Глухов сам готовил завтрак. На этот раз Анна его остановила:

— Можно, я сама сделаю яичницу?

Глухов посмотрел удивленно. Пока она готовила, он тут же в кухне у пластмассового стола читал газету. После завтрака Анна надела плащ и вынула из кармана рабочую кассету. Она уже давно догадывалась, что это такое.

— Вы знаете, что здесь записано?

Глухов удивленно протянул руку, но Анна убрала кассету в карман.

— Откуда у вас кассета?

— Из кармана. Вы знали, что Купцова в тот вечер привезла с собой кассету?

— Нет, не знал. А вы откуда знаете?

— Кассета была всё время в кармане этого плаща. Вы сами сказали, что в тот вечер отвезли Купцову в институт, а плащ остался здесь.

— Дайте ее мне.

— Нет. Я сама должна узнать, что на ней записано.

— Может быть, вам не нужно этого знать.

— Теперь мне всё нужно. Я уже ничего не испугаюсь.

— Вас не допустят к информационным установкам.

— С вами допустят. Высокие напряжения отключены, так что это теперь безопасно.

Вечером в институте после просмотра импульсных информационных Глухов вызвал Анну к себе. Он сам в присутствии Анны заложил кассету в силовой блок и нажал пуск. Они оба смотрели в ячеистый экран, не завешенный монохромным эстампом: Анна уже была достаточно натренирована, чтобы не пользоваться отвлекающими картинками. Она представила себе, как волновой пучок, пронизывая камеру, ударяется в экран, где каждая ячейка, представляя собой электронный ввод, выбирает и усиливает импульс, а потом

этот луч интенферируется с соответствующими импульсами ее биотоков.

Сначала ничего не было, только напряженная тишина да шум дождя из стереодинамиков. Потом возникли обрывочные представления, смутные, как воспоминания тяжелого сна. Возникло лицо Федора Кияна. Анна узнала его по фотографиям. Волевое лицо, глубоко посаженные глаза, непокорный чуб, который чья-то рука пытается начесать на висок. Анна узнала свою руку с миндалевидными ногтями. Федор лукаво скосил глаза, подставил щеку. И вдруг откуда-то из глубины встало лицо его жены со смазанными расплывчатыми чертами. Анне казалось, будто она подслушивает чужие мысли. Она пристально смотрела на экран, а в голове ее возникали смутные образы, они, как сквозь полупрозрачную стену, обращались к ней, вызвали о чем-то, в чем-то убеждали, чего-то требовали. А потом она услышала тишину. Такая тишина — до звона в ушах — бывает в конце бессонной ночи, когда ход мыслей замедляется, а предметы обретают одухотворенную призрачность. Анна узнала рабочую лабораторию и длинный стол с чертежной доской и электронно-счетной машиной и увидела себя, поднимающуюся из-за стола.

«Сдаюсь,— услышала она свой голос,— устала и сдаюсь».

Федор Киян выпрямился над затертым чертежом сетевой схемы.

«Закончим завтра,— сказал он,— всё равно не успеваем».

И та, другая Анна подошла к Федору, обвинила его шею руками, бессильно опустила голову ему на грудь, а он стал целовать ее в шею около уха. Анна вспомнила, что ведь Глухов, стоящий рядом, тоже мысленно всё это видит, и тотчас образы стали меркнуть. Анна взяла себя в руки, сосредоточилась на светло-сером ячеистом экране и снова увидела мужчину и женщину, прильнувших друг к другу посреди пустой лаборатории, и чахлый рассвет за широким окном...

Анна всё поняла. Когда-то она читала в собрании древнерусских заговоров о приворотных средствах. Самым надежным способом приворожить у древних колдуний было добавление в пищу частицы плоти от существа, жаждущего взаимности. На Древней Руси это средство широко применялось несчастливыми влюб-

ленными. И теперь, в эпоху космоса и электроники, Анна Купцова решилась на аналогичное варварское средство, но уже с применением последнего достижения техники.

Глядя невидящими глазами в серые электронные ячейки, Анна читала образы, которые ее предшественница пыталась включить в сознание своего возлюбленного. И не только включить. Ведь тогда установка была на полном напряжении. Значит, эти образы должны были со всей эмоциональной силой впечататься в его сознание. Воспоминания, чувственные ассоциации, отрывочные слова и звуки слагались в историю интимных отношений... Лицо Федора в профиль. Сзади подошла та, другая Анна, положила подбородок на его плечо, Федор обернулся и увидел вместо Анны свою жену. Мягкие черты лица Галины были искажены, она смотрела зло и желчно. Анна на миг зажмурилась, но обезображенное лицо Галины продолжало стоять перед ней... Маленькая уютная комната, освещенная розовым светом. Федор сидит на тахте, жует яблоко. Анна присела у его ног, положила голову ему на колени, он перестал жевать, замер. Лицо Анны в розовых ренуаровских бликах. Настольная лампа, прикрытая красным платком. Вот от чего эти алые отсветы... Неожиданно щелкнул выключатель, и образы исчезли. Глухов переключил регулятор на ноль.

— Зачем вы отключили?

— И так всё ясно,— сказал он сдавленным голосом.

Анна вырвала у него регулятор и снова включила. Глухов повернулся к выходу:

— Смотрите, если хотите. С меня достаточно.

— Оставайтесь,— сказала Анна сквозь зубы,— я должна всё досмотреть. И вы оставайтесь.

Глухов подчинился. Опять поплыли видения. Лаборатория. Гранитный спуск к Неве у Кировского моста. Незнакомая комната с казенной обстановкой — вероятно, номер гостиницы. И откровенная эротическая сцена. Прогулка по берегу залива. Анна в длинном платье села на камень, смотрит на прибой, рядом на песке присел Федор, смотрит ей в глаза, она нежно проводит рукой по его лицу. И еще много сцен — прерывистых, беспорядочных воспоминаний,— как отчаянные призывы, как злобные заклинания. Потом в глазах замелькали желтые искры,— кассета иссякла.

Анна отключила регулятор.

Глухов молча стоял рядом. Из стереодинамиков раздавалось монотонное шуршание дождя. У Анны пересохло во рту, она была не в силах двинуться с места.

— Что же теперь делать? — сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к Глухову, а он молчал. В последнее время они проводили анализ сравнения информационных и эмоциональных накладок. Опыты на животных показали, что информационные импульсы позволяют делать огромное количество накладок, в то время как эмоциональные посылки на нестертые связи дают отрицательные накладки. Глухов, наверное, думал о том же, потому что когда Анна сказала: «Шок был неизбежен», — он ответил: «Да». Анна уточнила свою мысль:

— Эмоциональные импульсы были посажены на нестертые связи, в мозгу от этого наложения произошло как бы короткое замыкание. Так?

— Так, — подтвердил Глухов. Анне стало легче. Обвиняя эту женщину, она как бы отсекала ее от себя.

Когда Глухов снял кассету с силового блока, Анна протянула руку, но он, сделав вид, что не заметил этого жеста, понес кассету в аппаратную.

— Дайте мне кассету.

— Ее следует уничтожить. Это улика против вас.

— Против Купцовой.

— Тем более. Значит, вы не причастны.

— А я хочу быть причастной. — Она взяла кассету и положила в карман плаща.

В машину они сели молча — два человека, так странно связанные судьбой. За рулем Глухов был таким же, как на работе: деловито спокойным и холодным. «Неужели я когда-то любила его? — подумала Анна. — Это же не живой человек — бесчувственная исследовательская машина, анализирующий исполнительный механизм». И всё же до сих пор он оставался связующим центром основных событий ее жизни.

— Я с кем-нибудь дружила?

Глухов слегка повел бровью, около губ наморщилась ироничная складка.

— Последний год вы дружили с одной пожилой женщиной из Кавголова.

— Она знает о моем превращении?

— Конечно. Она следит за всеми сенсациями — весьма эрудированная дама.

— Кто она?

— Пенсионерка. Живет с внуком.

— А родители внука?

— Он сирота. Ему восемь лет, и вы над ним патронировали.

— Они материально нуждаются?

— Нисколько. Она получает пенсию на себя и внука, и кроме того у нее там свой дом, сдает комнаты дачникам. И мы снимаем у нее комнату на целый год. У нее до сих пор стоят наши лыжи.

— Я часто у нее бывала?

— Каждую неделю.

— Может, для Купцовой это была комната свиданий?

— Не думаю, я ведь сам туда мог приезжать в любое время.

— И я дружила с этой старухой?

— У нее отличная память, она многое помнит, умеет хорошо рассказывать, и вы могли часами говорить с ней. Думаю, что и у вас не было от нее секретов.

— Странно... Я бы хотела навестить ее.

— Если вы намерены заново знакомиться со всеми, с кем когда-либо встречались, у вас не хватит жизни.

— Но ведь я дружила с этой дамой. Нельзя же пренебрегать дружбой.

— В последнее время у вас был разлад.

— У меня, вероятно, был тяжелый характер. Ни с кем я не уживалась...

— Дело в том, что примерно за месяц до так называемого вашего превращения вы предложили ей продать ее дом, а нашу квартиру сменить на большую площадь, так, чтобы она жила с нами.

— И она не согласилась?

— Дело еще в том, что вы хотели усыновить ее внука.

— Час от часу не легче!

Ветровое стекло покрылось мелкими брызгами, пошел дождь. Щелчок — и заработал механический

«дворник». Анна, глядя в размытый полукруг, размышляла. Купцова — эгоистичная, тщеславная женщина — делает научную карьеру, отказывается от мужа, заводит связь с кинорежиссером, а потом, когда ее утверждают на главную роль, отказывается от съемок, делает попытку усыновить чужого ребенка и доводит своего любовника до смертельного шока. Сумбур! Мелькнула догадка:

— Я сама не могла иметь детей?

— Если вы сомневаетесь в своей физической полноценности, можете успокоиться: вы и сейчас можете нарожать кучу потомства.

— Почему же у нас не было детей?

— Сперва я не хотел, поскольку наша жизнь еще не благоустроилась, а потом... вы сами отказались.

— Чтобы впоследствии усыновить чужого ребенка?

— Не знаю... Не понимаю...

По-видимому, этот разговор раздражал Глухова, хотя внешне он по-прежнему сохранял спокойствие. Он повел машину в обгон грузовика-фургона. Анна увидела за боковым стеклом совсем близко от себя деревянный борт весь в белесых потеках и грязное колесо. В этот момент грузовик вильнул, и Анна, инстинктивно зажмурившись, прижалась к Глухову. Грохнул удар. Глухов резко затормозил. Анна открыла дверцу и почувствовала боль в плече. Она вышла на тротуар и остановилась, чувствуя приступ дурноты. Глухов, скользнув по сиденью, выскочил вслед за ней, обхватил ее бережно:

— Что с тобой?

Она подняла взгляд, увидела совсем близко его тревожные, почти отчаянные глаза и опустила веки.

— Нет, ничего, Алексей, — сказала она еле внятно.

Медленно проходил испуг, она стояла, не двигаясь, и так покойно ей стало в этом нежном и покровительственном объятии. Может, и не надо больше думать о прошлом и настоящем, а во всем довериться этому человеку. Извечное стремление женщины принадлежать мужчине: жажда покровительства даже в самой волевой, самой свободной женщине... Но в сознании был другой образ, и Анна отстранилась. Глухов отпустил ее.

— Что у тебя? Дай я...— Он вынул из кармана платок.

И только тут Анна почувствовала на щеке ползущую теплую струйку. Она взяла окровавленный платок из его руки:

— Ничего, царапина.

Глухов с невозмутимым видом смахнул тряпкой осколки стекла с сиденья и сел за руль. Анна села рядом. Кто-то из прохожих заглянул через выбитое стекло.

— Вам надо в травматологический пункт,— услышала Анна совет, но Глухов дал газ, и они поехали дальше.

— Может быть, действительно заехать в травматологический? — спросил он.

— Нет, ничего.— Анна рассматривала лицо в карманное зеркальце.— Царапина маленькая, и плечо немного ушибла. Я, кажется, назвала вас Алексеем?

Глухов усмехнулся одними уголками губ:

— Каренин, как и Вронский, тоже был Алексеем.

Анна, держа в руке зеркальце, посмотрела сбоку на Глухова. Опять он стал механизмом. Но это не Каренин. Она еще чувствовала его бережно обнимающие руки. Этот человек мог быть и страстным и нежным. Могла ли она быть счастлива с ним? А с Игорем? Нет, не Вронский ее удерживает. Купцова. Это она, насильственно внушив ей какие-то свои категории, сковала ее действия, мысли, желания. Она держит ее в этом психологическом пространстве, лишая ее собственной воли. Зачем? Создав для себя толстовский образ, она отказалась от роли в кино. И, отказавшись от естественного материнства, пыталась усыновить чужого ребенка. Зачем? Зачем? Как понять?

Это был тот самый полковник милиции, которого она видела в отделении во время своего побега из клиники института. Без милицейской фуражки он выглядел старше. Глубокие лоснящиеся залысины, лоб в морщинах, взгляд неподвижный, как будто работа ему до смерти надоела.

— Дело уже закрыто,— сказал он, поставив локти на стол и сцепив пальцы.

— Но это новая улика.

— Против Купцовой?

— Да.

— Значит, против вас.

— Да. Я — Купцова.

— Научные эксперты утверждали, что хотя вы психически абсолютно здоровы, однако не можете отвечать за поступки женщины, которой были прежде, поскольку у вас полностью изменена психика.

— Изменился состав преступления. Следствие трактовало это как несчастный случай. Но последние наши исследования показали, что эмоциональная накладка на существующую связь недопустима, так как приводит к смертельному шоку. Значит, это было убийство.

— Вы сами сказали, что исследования проведены в последнее время. Значит, Купцова об этом не знала, и убийство было непреднамеренным.

— Непреднамеренное, но всё же убийство.

— Я не вижу причин возобновлять следствие. Скажите, зачем вам это нужно?

— Я пользуюсь всеми правами, которых добилась Купцова. Меня, правда, понизили в должности, поскольку я не обладаю ее знаниями, но у меня ее диплом, я живу в ее квартире, пользуюсь ее вещами. Она совершила убийство, и я отвечаю за него.

— Моральный фактор. Юриспруденцией вообще не предусмотрен ваш случай.

— Что же мне делать? — спросила она.

Полковник не отвечал. Он пристально изучал Анну.

— Как же мне жить? — спросила она.

— Живите как живется.

— Вы сказали о моральном факторе. По-русски это называется — грех. Кто ж его снимет с меня?

— Я, — после паузы ответил полковник.

— Как это?

— А вот так. Снимаю с вас моральную ответственность за преступление, совершенное Купцовой. Точка. Вас устраивает?

— Не знаю...

Полковник улыбнулся:

— Я говорю серьезно. Снимаю с вас моральную ответственность и беру ее на себя. Беру на себя все грехи Купцовой.

— Зачем?

Полковник всё улыбался.

— Просто вы мне нравитесь, Анна Каренина.

Анна сухо поблагодарила и вышла из кабинета.

Игорь ждал ее в условленном месте у памятника Пушкину на Площади искусств. С деревьев сухо падали листья. Игорь сменил наконец свои любимые джинсы на такие же узкие брюки. Поверх свитера на нем была красная куртка.

— Тебе не идет красный цвет,— сказала Анна вместо приветствия.

— Оделся в тон тебе.— На Анне был красный суконный костюм.

— А мне красное к лицу. Помнишь, у Толстого, когда Анна явилась в черном туалете, дамы зашептались: «Ведь она в этом платье вся желтая!»

— Дамы — зловеды.

Они сели в сквере на крайнюю скамью, и Анна без предисловия начала рассказывать про то, как она обнаружила в плаще рабочую кассету и что на ней было записано. Дойдя до эротических сцен, Анна приостановилась и попросила закурить. Она старалась не пропустить ни одной сцены, сохраняя последовательность сменяющихся информационных пластин. Говорила она ровным голосом, смотрела прямо перед собой и только изредка взглядывала на Игоря. Очевидно, он переживал чувства близкие к тем, которые испытывала она сама, воспринимая эту запись. Пересохшие губы его приоткрылись, щеки горели. Потом Анна рассказала о сцене в кабинете следователя.

Когда она закончила рассказ, воцарилась пауза. Мимо проходили воркующие влюбленные парочки, прошла группа молодых парней, и все они с интересом посмотрели на Анну, совсем как тогда, когда она шла по платформе, слыша позади шум приближающегося товарного поезда.

— Что же ты притих?

Игорь взял ее за руку. Руки у него были горячие и сухие.

— Это была не ты. А я люблю тебя.

— Может быть, ты хочешь на мне жениться? Или стать моим любовником?

— Ты должна немедленно развестись.

— Зачем?

— Чтобы стать только моей.

— Господи, опять эти категории девятнадцатого века! Твоей собственностью?

— Нет, не собственностью, женой. Всё, что ты рассказала, я уже знал. Конечно, не с такими подробностями. У тебя были и другие связи, о которых ты, может, и не знаешь.

— Не сомневаюсь. И ты хочешь к ним присоединиться?

— Не говори так. Ты же другая.

— Мы воспринимаем в людях их физическую сущность — тело, лицо. Они остались. А что касается психики, так это дело самой личности: чужая душа — потемки.

— Я люблю тебя такую, какая ты сейчас есть.

— Анну Каренину?

— Да.

— Ты же не влюбился бы в эту девицу.— Она указала на проходящую поодаль некрасивую девушку.— И не влюбился бы в старуху. Ты любишь в первую очередь внешность.

— Метафизика!

Она посмотрела ему в глаза. Они были у него светло-серые, большие, а брови чуть поднимались к вискам. Опять захотелось дотронуться до его светлых волос, падающих на лоб, провести рукой до затылка, взять в ладонь русую волну, круто загибающуюся над воротником. Он что-то прочел в ее глазах и привлек ее к себе. Анна отстранилась. Как ни приятно было бы очутиться в объятиях этого молодого любящего мужчины, но Анна сдержалась. Она отняла свою руку, сказала:

— Я не хочу, чтобы ты стал еще одним, очередным.

— Я не буду очередным. Никого не было. Я буду только одним.

— Ты мне нравишься. Мне с тобой хорошо. Но этого мало.

— Ты не любишь меня?

— Нет. Дай еще сигарету.— Она опять закурила.— Очевидно, нам придется расстаться.

— Я бы мог быть твоим другом. Ведь я всё время был твоим другом.

— Не совсем. Наши отношения не могут быть полными, как в настоящей дружбе. Мы всё время будем это чувствовать.

Игорь схватил ее за локоть, прижался лицом к ее плечу, и Анна почувствовала свое превосходство и как мальчика погладила его по голове, тронула наконец вожденную крутую волну на затылке.

— Ты же совсем молодой.

— Всего на два года младше.

— У тебя еще столько будет всяких увлечений, любви, я тебе просто завидую. Как хорошо, наверное, быть мужчиной! Даже в двадцатом веке.

Они расстались, как обычно, у станции метро. Анна знала, что он в любом случае будет звонить ей по телефону, может быть, они еще будут иногда встречаться, но главное объяснение уже произошло.

Впервые после свидания с Игорем Анна спускалась на эскалаторе метро, чувствуя себя легко и свободно. Несмотря на то что был еще ранний вечер, в вагоне было мало народу. Анна села на кожаный диван и увидела перед собой темноволосую даму с точеным профилем. Даме было года двадцать три — двадцать четыре. Анна вспомнила, что на современном языке это называется «девушка». Девушка сидела нога на ногу и листала журнал. Анне понравилось ее тонкое лицо с нежным румянцем, понравилась ее одежда, умело подобранная шляпа, изящные движения тонких пальцев. Анна подумала, что вот именно такая могла понравиться Игорю. Ведь по общепринятому мнению блондинам нравятся брюнетки. И он бы ей, конечно, понравился. И тут Анна стала произвольно искать в этой даме дурные стороны: глаза неумные, даже совсем без интеллекта, колени массивные, и щиколотки тонковаты, сумка не гармонирует с общим... Что это? Зависть? Ревность? Женщины — старые, молодые, совсем юные; лица — веселые, озабоченные, лукавые, задумчивые. Среди них могла быть и Анна Каренина. Именно среди них, а не там, в толстовские времена.

Та женщина, дочь Пушкина, с которой Толстой списал внешность Анны, каким бы умом ни обладала, не смогла бы стать в оппозицию укоренившимся традициям. Только теперь, вот среди этих женщин, может состояться такая Анна и проявить силу своего чувства, силу свободного ума, раскрыть свою незаурядность. Купцова могла стать такой женщиной. Но тще-

славию и постоянный страх перед обыденностью увели ее в сторону, ошибка влекла за собой последующие ошибки, и она уже не в состоянии была начать всё сначала, а обратиться за помощью ей, вероятно, не позволяла гордость.

Ее кратковременное бегство в мир искусства не дало ей удовлетворения, но, открыв образ Анны, она отыскиала в нем черты, соответствующие ее идеалам. И она создала заново этот образ, и создала так достоверно, как это не удавалось еще ни одной актрисе. Может быть, в этом она превзошла самого Толстого. Всю свою страсть, весь талант, всё то, что она упустила и что прошло мимо,— всё она вложила в этот образ.

Нет, грешно отказываться от этой женщины! Ни от одного ее поступка, как бы он дурно ни выглядел. Даже пусть бы всё это было на самом деле дурно. Пусть! Всё это — ее.

В институте Анна приступила к изучению работ Купцовой. Мешали огромные пробелы в знаниях. Глухов продолжал с ней заниматься, так как Анна еще не могла самостоятельно работать с книгой: на каждой странице возникали вопросы, которые она не в состоянии была решить сама. В группу пришли двое молодых специалистов, только что закончивших институт, но даже сравнивая свои познания с подготовкой этих юнцов, Анна приходила в ужас. Однако, войдя в рабочий ритм отдела, она уже не теряла его, с каждым месяцем всё ближе подтягиваясь к общему уровню. И уже в ходе работы намечались ее собственные убеждения, которые не всеми могли быть разделены. И она уже знала, что в работе у нее будут и друзья, и противники. Она уже не искала, она создавала себя. Так, как это было задано ее предшественницей Купцовой. Она должна была стать такой, какой бы стала толстовская Анна, если бы жила в социалистическом обществе.

Когда Анна предстала перед квалификационной комиссией, она снова увидела академика Туманского, уже в качестве почетного гостя. Последовал изнурительный длинный ряд вопросов. Анна старалась отвечать обстоятельно. Если вопрос был ей хорошо знаком, она пускалась в подробности, так что председатель комиссии прерывал ее. Когда спрашивали что-нибудь незнакомое, Анна прямо отвечала: «Не знаю», — и с

торжеством несдающегося побежденного обводила взглядом членов комиссии.

Академик Туманский всё время молчал и, казалось, думал о другом, а в конце опроса обратился к Анне:

— Ваши знания еще недостаточно четки. Кроме того, вдаваясь в курс высшей математики, вы опустили элементарные знания из программы средней школы, например, не знаете ничего о прогрессиях.

Все молчали, не решаясь подать голос. Анну мучила мысль: «Могут лишить диплома». Туманский смотрел на нее так, будто ждал каких-то оправданий. И вдруг спросил:

— А что это у вас с руками?

Руки у Анны были в ожогах. Работая в мастерской, она частенько обжигалась электродами, а недавно уронила паяльник на руку. Запястье у нее было перебинтовано.

— Это я в мастерской... собирала схемы.

— У вас в институте не хватает техников? — спросил Туманский

— Схемы нужны в больших количествах.

— Вы довольны вашей работой?

— Довольна.

Туманский что-то записал в блокнот, а потом снова обратился к Анне:

— Вы довольны работой института? Не замечали каких-либо неполадок?

Анна вспомнила те сомнения, которые она всё чаще высказывала Глухову и которые он великолепно опровергал своей железной мужской логикой.

— Мне кажется, — сказала она неуверенно, — что эта работа, которую ведет наш отдел, она преждевременна...

— Как это понимать? — насторожился Туманский.

— По-моему, люди еще не подготовлены к таким открытиям...

После заседания комиссии Анна спросила Глухова:

— Меня теперь могут лишить диплома?

— Навряд ли.

— Не имеют права. Подумаешь — Туманский! Закон один для всех, — выпалила Анна.

В мастерской тревогу Анны восприняли с потрясающим легкомыслием. Бригадир монтажников кудрявый заводила Толя сказал:

— Пускай отбирают диплом. Будете работать у нас в мастерской. Зарабатываем не меньше, чем научные сотрудники.

Через два дня Анну вызвали к академику Туманскому. Приятного в этом было мало. Она не любила, когда ею интересовались как феноменом измененной психики, да еще дубликатом толстовской героини. Туманский принял ее в своем официальном кабинете. Разговор начался с ее понимания современного мира. Анна с неудовольствием подумала, что вот опять ее будут спрашивать, какие здания были на Николаевском проспекте или что давали в императорской опере. Но, отойдя от избитой темы трансформации психики, Туманский спросил:

— А почему вы считаете, что люди еще не созрели для информационных установок?

— Техника растет, а люди мало меняются. И может наступить такой момент, когда техника вырастет настолько, что люди станут ее недостойны.

— Это исключается.

— А Хиросима? Эйнштейн сказал после Хиросимы, что если бы начинал сначала, то стал бы водопроводчиком.

— Это он сказал до Хиросимы.

— Всё равно. Хиросима же была. Это факт. А возьмите мой случай. Убийство Кияна. Информационная установка явилась средством преступления. Это типичный случай использования высокой техники в низменных интересах человека. Сейчас я дилетантка в науке и поэтому могу судить об этом объективнее ученого. Настоящий ученый не в состоянии задуматься о результатах и последствиях. А следствие — Хиросима. Человечество, разделенное на два лагеря, находится в крайнем напряжении, и к самым высоким точкам этого напряжения подходит наука. Работы над информационными установками ведутся параллельно и в Америке, и во Франции.

— Вы предполагаете, что эти работы небезопасны для человечества?

— Во время войны в Японии культивировали самураев. На это уходило много средств, проводилась утонченная идеологическая работа. А при наличии информационных установок ничего этого не требуется. Засадил человека в камеру, и через полчаса он уже самурай. Ведь если можно сделать Анну Каренину, значит можно сделать и Калибана. Можно сделать фанатичного преступника, убийцу, фашиста, кого угодно.

Туманский усмехнулся:

— Тут есть что-то от толстовства.

— Меня и сделал Толстой.

— По-вашему, следует закрыть все научные институты, запретить ученым изобретать и вообще запретить науку.

— Не знаю...— Анна запнулась, нелепостью показалось ей то, что она говорила. Возможно, это ее реакция на новый мир, обрушивший на нее всю эту технику, полеты в космос, квантовую механику, вторжение в психику...

А Туманский в это время перочинным ножом что-то вытаскивал у себя из-под ногтя, а может, просто чистил ногти,— он не отличался хорошими манерами. Анна подумала, насколько далек он, известный всему миру ученый, от ее примитивного мира обыкновенной женщины, от субъективных женских чувств...

Туманский посмотрел безразлично в окно, о чем-то задумался.

— Неужели вы полагаете,— сказал он,— что никому не приходит в голову мысль о несоответствии человеческого сознания и роста техники? Здесь и заключается призвание ученого: не только делать открытия, но и предвидеть их результаты. Вы говорили на эту тему со своими сотрудниками?

— Да, я много спорила.

— Вот видите, спорили,— сказал он без видимой связи с предыдущим своим утверждением.— И ваш Глухов, наверное, видит в своей работе только положительные стороны. Несмотря на то, что уже произошло с вами. К счастью, я уже пережил тот возраст, когда люди фанатически верят только в добро. Так. В Лондоне состоится международная конференция по информационным установкам. Вы будете включены в состав советской делегации.

— Меня будут демонстрировать как результат научного эксперимента?

— Да,— сказал он жестко.— Вас это шокирует?

— Роль незавидная.

— Это необходимо. Но мы используем вашу демонстрацию в иных целях. Вам дадут слово, и вы скажете с трибуны примерно то же, что сказали мне сейчас.

— По-моему, это должен сделать ученый.

— Разумеется, ученый сказал бы это лучше. Но если это скажу я в своем докладе, или другой ученый, или хотя бы сам генеральный секретарь ООН, это не вызовет такого действия, как если это скажете вы.

— А я сумею?

— Раньше я в этом сомневался, но теперь думаю, что сумеете.

— С чем я буду там выступать?

— Об этом мы поговорим. Для этого я вас и вызвал.

Придя домой, Анна сообщила Глухову, что включена в состав делегации на лондонский симпозиум, умолчав о теме своего доклада, поскольку Туманский не рекомендовал ей до времени говорить об этом.

Глухов оживился:

— Вы довольны, что едете в Лондон?

— Очень довольна.— В лице и в голосе ее было необычное возбуждение.— Я впервые ощутила себя современным человеком. Вы понимаете? Современником всех.

Глухов смотрел на нее с улыбкой.

— Знаете,— сказала она,— отметим это событие.

— Отметим.

— Что, если поедем в ресторан «Невский»?

— А как же этот ваш Игорь?

— В последнюю встречу произошло окончательное объяснение. Настал момент в наших отношениях, когда я должна была стать его возлюбленной. Это для меня неприемлемо.

Анна надела свое новое вечернее платье — первое платье, принадлежавшее ей, а не ее предшественнице. Глухов появился из своей комнаты причесанный, в светлом костюме. И Анна подумала, что ведь он очень

хорош. Он церемонно подал ей шубу, и они спустились на улицу.

В ресторане «Невский» свободных мест уже не оказалось.

Анна рассмеялась:

— Ничего, наверстаю в Лондоне.

Глухов подал ей руку, и они чинно пошли по Невскому. Как ни ярко горели ртутные фонари, они не могли затмить холодных звезд в зимнем небе. Было морозно, и было легко на душе Анны: она испытывала одновременно покой и свободу.

— А что, если бы вам жениться? — весело спросила она.

— А почему вы не вышли за этого Игоря? — спросил он ей в тон.

— Нужна любовь!

— И вы не могли его полюбить?

— Нет. Из всех, кого я узнала, я могла бы полюбить, наверное, только вас...

Они молча дошли до Литейного проспекта и остановились в толпе прохожих, дожидаясь зеленого сигнала. Глухов оберегал Анну от возбужденной вечерней толпы.

— Меня? — тихо спросил он.

— Наверное, — так же тихо ответила Анна. — Только я ведь уже люблю.

— Кого?

— Вронского.

Он посмотрел на нее внимательно. Анна была серьезна.

— Но это же нереально, — сказал он.

Зажегся зеленый свет, и они перешли улицу.

— Да, нереально, — согласилась она.

— Вы хоть помните его лицо?

— Помню. Но так, будто давно его не видела и начинаю забывать. Но чувство осталось прежнее. Сперва я думала, что Купцова брала прообразы из жизни, но я никого еще не встречала хотя бы отдаленно похожего на моих близких. Наверное, всех их она выдумала.

— Яркое воображение, — вздохнул Глухов, — художественное.

— Может быть, вы не зря ее любили, ее или меня, — не знаю до сих пор, как и говорить.

— Говорите в третьем лице. Так вам удобнее.

— Она была уж и не такой плохой, если заложила всё это в меня. Может быть, у нее всё началось с ошибки...

— Я в этом тоже был виноват...

— Во всяком случае, у нее сохранился идеал, который она воплотила в своей последней работе. И от съёмок в кино она отказалась, потому что это уже было не главное. Ведь в кино или даже в романе невозможно показать то, что записано на этих кассетах. Представляете, она создала образ, идеал. Это — цель. Могла ли она думать, что это так странно осуществится?

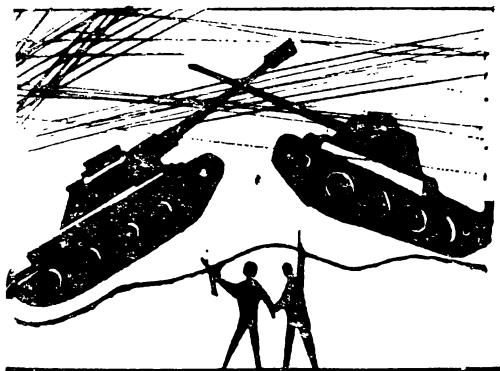
Глухов посмотрел на нее задумчиво.

— А вы, должно быть, счастливы, что очутились у нас, в двадцатом веке.

— Да. Я вот люблю Вронского, хотя знаю, что его нет, и никогда не было и не будет, и всё же я счастлива. — Она рассмеялась, заглянула ему в лицо. — А вы? Вы счастливы теперь?

— Да. Как это ни странно, но счастлив.

Александр Хлебников

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Рассказ

Вой тормозных двигателей оборвался. И тишина...

— Полная потеря управления,— оправдываясь, сказал Майкл.— У меня было такое ощущение, будто «Крошку» кто-то подцепил и тянет в сторону. А ты сидишь, как пассажир, и ничего сделать не можешь. Противное чувство — никогда подобного не испытывал.

— Не огорчайся,— утешил я,— сели-то благополучно.

— Скорее шлепнулись,— мрачно уточнил Майкл.— И намеченный район проскочили. Незвестно, куда занесло.

— Не страшно, всё равно — дома! — беспечно сказал я и, от удовольствия зажмурившись, еще раз раздельно протянул: — Понимаешь: до-ма! Наконец-таки — на нашей славной, маленькой, голубой планетке. И с одним солнцем!

Мы отстегнули ремни кресел и, ощутив забытый вес своего тела, сначала с непривычки поморщились, а потом заулыбались.

— Ливень бы,— осторожно потягиваясь, сказал Майкл,— понюхать бы мокрые березовые листья...

— Лучше — по зеленой, настоящей траве — да босиком! — подхватил я.— Ух, и блаженство!

Мы переглянулись и смущенно рассмеялись: при-

дут же в голову такие дикие желания... За время пребывания в стерильных каютах звездолета наш организм утратил способность защищаться от самых безобидных микробов, и без скафандров, разумеется, нам выходить нельзя.

— Мак, а давай рискнем! — бесшабашно предложил я. — Чего нам бояться — вылетат!

— Кто? — не принимая шутки, нахмурился Майкл. — Земля на позывные не ответила. Боюсь, я всё-таки оказался прав.

Упрямец — он так и не изменил своего мнения.

...Американец Майкл Стивенс был прикомандирован к нашему экипажу «Авроры» за великолепное мастерство и отвагу, проявленные им во время второго совместного полета «Союза» и «Аполлона». К сожалению, у него оказался один недостаток — слишком пессимистично смотрел на историю.

Помню, каково было нам, семерым, перед стартом прощаться с родными и близкими, понимая, что их уже не суждено увидеть в живых. Ведь по беспощадному парадоксу времени за годы полета с околосветовой скоростью пройдут полтора столетия! Но мы по крайней мере надеялись вернуться в мир сказочного расцвета науки и техники, в общество необычных преобразований...

Пессимисту Майклу было гораздо тяжелее, чем нам, покидать Землю: по возвращении он ожидал увидеть лишь сплошное радиоактивное кладбище на площади всех континентов.

— «Лучезарное будущее» — какой абсурд! — фыркал он, когда мы принимались спорить. — Камень, поднятый на вершину, неминуемо срывается вниз... История двух мировых войн свидетельствует: если оружие произведено, оно неизбежно бывает пущено в ход. Разве вы забыли, что к 1970 году государства накопили ядерные заряды, способные четырежды перепакать все города мира? Нам просто повезло, что из-за потепления политического климата в Европе еще десять лет продержался мир и мы успели вылететь. Но поверьте мне, так долго продолжаться не может. Камень обязательно сорвется...

У люка в шлюзовую камеру Майкл предупредил:

— Не забудь взять ЭЛТ. — И, словно готовясь к выходу на чужую планету, пристегнул к скафандру ствол боевого лучемета. Возможны неохищники — ра-

диацационные мутанты, наподобие тех, которых мы встретили на планете погибшей цивилизации,— видя мое недоумение, добавил он.

— Мак, а ты не подумал о том, что если твоя концепция о будущем неверна, наш воинственный вид покажется встречающим весьма странным? — возразил я.— Люди бросятся к нам с цветами, радостные, а мы...

— Кажется, старший здесь я? — прервал Майкл, и мне, как рядовому навигатору, пришлось подчиниться.

Именно из-за свехосторожности, вообще присущей ему, капитан и назначил Майкла пилотировать на Землю последний уцелевший на «Авроре» двухместный космолет «Крошка». Капитан-то, конечно, не разделял воззрений Майкла на будущее, тем более не верил в гибель человечества, и поручил нам оповестить людей о том, что звездолет, по какой-то причине не имеющий связи с Землей, в ожидании буксировщиков и снятия остального экипажа лег на гелиоцентрическую орбиту.

Взяв ЭЛТ, я вслед за Майклом спустился в шлюзовую камеру. Он потянулся было к кнопке, открывающей выходной люк, но опустил руку:

— Алек, нажми ты!

Необычное замешательство всегда смелого пилота передалось мне. Я испытал даже острый прилив страха, а потом рассердился. Нас ждет родная планета, а мы, два чудака, в броне скафандров и вооруженные, не решаемся распахнуть люк! Стыдясь минутной слабости, я вдавил кнопку. Броневой щит беззвучно скользнул вниз. В открытый люк ворвались лучи солнца, по которым мы так истосковались, на которые можно смотреть без всяких светофильтров!

Снаружи был летний день, высокое голубое небо с пышными кучевыми облаками, однако я непроизвольно отшатнулся назад. Кругом простиралась черная, обугленная, местами даже оплавленная равнина. И по ней к космолету мчались танки! Не менее десяти. Они пока не стреляли, но их орудия в башнях грозно и недвусмысленно разворачивались в нашу сторону.

Что делать — взлететь? Не успеть. Мы прыгнули и укрылись за ближайшей опорой «Крошки». Кем мы атакованы, почему? Размышлять некогда — танки, идущие в центре, открыли огонь. Первые дымные

трассы снарядов прошли мимо. Чтобы спасти космолет, мы взялись за оружие.

— Бьем по всем! — вскидывая ЭЛТ, приказал Майкл, и опоздал. Из-за космолета пронеслись огненные стрелы и вонзились в танки. Вихревые столбы пламени — и на месте машин курились глубокие воронки.

— Оказывается, танки стреляли не в нас, — хладнокровно заметил Майкл. — Взгляни, вон их цель!

С противоположной стороны к космолету тоже мчались танки, но какие-то странные: без башен, с какими-то ребристыми выступами над бортами.

— Ракетоносцы, — определил Майкл. — Это они уничтожили орудийные... Но им несдобровать — слишком кучно идут.

Предсказание Майкла оправдалось, недаром он увлекался историей военного дела. С неба сорвалась раскаленная капля, ослепительная вспышка — и ракетноносцев будто и не было.

— Как, хороша встреча? С цветочками?! — прокричал Майкл. — Одного не пойму: отчего такое старье — танки, ракеты? Где же новинки-то?

— Мак, что происходит?

— Встречный бой танковых патрулей. Идет война! Нам надо быстрее в «Крошку» — и на орбиту! Контакт с варварами, занимающимися самоуничтожением, невозможен.

— Не торопись, — попросил я. — Почему ракетноносцы — в пар, а нас даже ударная волна не коснулась? Хотя вспышка — в пределах видимости? Почему мы, без фильтров, — не ослепли? Почему, наконец, нет радиации?

— Вероятно, какой-то прогресс на Земле всё-таки произошел, — усмехнулся Майкл. — По крайней мере в боевой технике. Люди в прекрасном будущем научились воевать с комфортом, и даже в плотных боевых порядках... Эх, замешкались из-за тебя — теперь опасно взлетать!

Действительно, из-за горизонта с севера вновь выкатилась лавина танков, а навстречу им, с юга, выпорхала армада ракетноносцев. Обреченные на роль зрителей, мы оказались посредине двух сближающихся армий.

— Пока не прихлопнут, — спокойно заключил Майкл, оценив незавидность нашего положения. —

Впрочем, если в горячке первого боя произошло чудо и мы уцелели, то почему не быть чуду второму? — пробормотал он. — Только не вмешиваться в драку. Авось соблаговолят оставить «Крошку» без внимания — обтекут по сторонам.

Армии продолжали сближаться. С противоположных направлений они двигались прямо на нас, неотвратно и страшно.

Первый залп дали ракетноносцы — огненные смерчи окутали орудийные танки. В свою очередь они полыхнули ответным залпом, вторым, третьим! А затем противники сошлись! Ракетноносцы оказались быстроходнее. Они обошли космолет и вклинились в «северян». Броня сшиблась с броней. На полном ходу машины сталкивались лоб в лоб, дыбились, опрокидывались и громоздились грудой металлического лома. Танковые орудия распарывали борта. Короткие ракетные молнии сносили башни, прожигали насквозь... Непостижимо каким образом, но мы в этом аду пока оставались незадетыми — мы очутились словно «в глазу» свирепого тайфуна.

...Люки ближайшей пылающей машины откинулись — из них вывалились фигурки танкистов. Они заметались и бросились к космолету. Выскочивший из-за него ракетноносец заметил их, резко вильнул и намеренно гусеницами проутюжил их.

— Фашист! — крикнул я, вспомнив самое скверное ругательство, и лучом ЭЛТа ударил по ракетноносцу.

— Безумец! Что наделал? — зарычал Майкл.

Едва вспыхнул атакованный мной ракетноносец, как его соседи затормозили, попятились и начали разворачиваться в нашу сторону. Реакция Майкла на их маневр была мгновенной. Взмах его ЭЛТа — и они вспучились столбами пламени. Но уже другие, ушедшие вперед, поспешно поворачивали назад.

— Алек, не зевай! Надо их опередить! — в боевом азарте ревел пилот и хлестал лучом направо и налево. Я не отставал от него, понимая: ракетный залп хотя бы одного танка сметет нас...

— Пощадите, они безобидны! — внезапно услышал я чужой голос. От неожиданности моя рука дрогнула, и луч ЭЛТа вонзился не в ракетноносец, а в почву, выбросив из нее гейзер раскаленных газов.

— Так-то лучше,— прокомментировал тот же голос.— Уберите луч и взгляните назад.

Должно быть, Майкл услышал то же самое приказание — мы обернулись одновременно. Позади в белоснежной рубашке и шортах стоял загорелый молодой человек и приветливо улыбался.

— Здравствуйте, люди двадцатого века! — на русском языке с каким-то певучим акцентом сказал он.

— Кто вы? — не совсем любезно спросил Майкл.

— Командующий этими игрушками,— небрежным жестом указал юноша на внезапно остановившиеся могучие машины,— если только...

— Вы приказали давить танкистов? — перебил я его.

— Я. Но прошу заметить — не людей, как, судя по вашему возмущению, вы подумали,— а управляемых манекенов. Разрешите представиться: греп Лест. Греп означает — главный режиссер-постановщик, а Лест моя фамилия. Я снимаю фильм «Последняя схватка». Его действие происходит в конце вашего столетия — в 1991 году.

— Вы хотите сказать, что все эти машины — бутафория? — спросил Майкл.

— Ну конечно! Обыкновенная массовка. Мне приятно, что вы, поверив в реальность разыгранного сражения, даже активно включились в него... А теперь — пожалуйста в мою резиденцию. Я тут один хозяйничаю, так что прошу извинить — встречать вас пока больше никому... Пожалуйста, проходите!

Рядом с Лестом открылся вход в ярко освещенное подземелье. В глубину бежала оранжевая лента эскалатора...

— Входите, милости прошу! — радушно предлагал юноша.— Что же вы медлите? Или что не так сказал? Простите, древнерусский знаю слабо — изучал еще в начальных классах...

— Нет, поняли мы всё,— медленно сказал Майкл и вдруг направил ЭЛТ на юношу.— Но мы пойдем не в ловушку, в которую вы так любезно заманиваете, а в космолет! И вы следуйте за нами! Вы — наш заложник! Надеюсь, ваши родные, сидящие в командном пункте под нами, опасаясь за вашу драгоценную жизнь, позволят нам взлететь? Передайте им, что мы вас отпустим. С орбиты вы вернетесь в этом же космолете...

Лест изумленно уставился на Майкла. Признаться, такого поворота событий не ожидал и я.

— Опомнись, Майкл,— попытался я образумить пилота.— Лест действительно режиссер-постановщик. Почему ты этому не веришь? Древнее кино тоже не чуждалось съемок огромных баталлий: вспомни экранизацию «Войны и мира» Толстого, «Ватерлоо», «Освобождение»... Что ж тут странного?

— Перестань!— оборвал меня Майкл.— Неужели тебе еще не понятно? Лест — потомок привилегированных. Он из той касты людишек, которые, спалив материки, сами спаслись в подземных бункерах... А теперь их чада забавляются — поднимаются на поверхность и, так сказать, играют в солдатики, жгут уцелевшую технику. Людей нет, так они роботов в нее сажают.

— Увлекательное дополнение к сценарию,— грустно пошутил Лест.— Но, простите, зачем мне надо завлекать вас в ловушку?

— Чтобы с нашей помощью овладеть звездолетом и удрать на другую, не обезображенную войной планету. Меня не обманешь! — отрезал Майкл.— Допустим даже, танки, ракетноносцы — бутафория, а сожженная равнина — тоже? Вряд ли человечество, будь оно цело, дозволило бы на таком огромном пространстве уничтожать сады и посевы для съемок хотя бы и гениального фильма.

— Так это единственный на планете заповедник. Мы его очень бережем! — пытался объяснить Лест.

— Бережете пустое место? — ухмыльнулся Майкл.

— В этом и заключается его величайшая ценность! — воскликнул юноша.

— Вздор! — крикнул пилот.— На перенаселенной земле быть того не может. Пошли!

Лест пытался что-то еще сказать, но, видя, что Майкл и слушать не желает, махнул рукой:

— Ну что ж, идемте.

Я хотел шагнуть, но ботинки скафандра словно приросли к почве. Повернув голову, я увидел, что и Майкл яростно пытается сойти с места.

— Прекратите ваши фокусы! — обращаясь к Лесту, воскликнул пилот.— Иначе я буду вынужден...

Вероятно, через внешний динамик, укрепленный на груди скафандра, слова Майкла прозвучали для

Леста особенно громко и зловеще. Однако юноша ничуть не испугался.

— Иначе вы будете стрелять? В упор? И уверены, что попадете? — добродушно спросил Лест.

В то же мгновение нас окутала белая мгла, пропало всё: небо, земля. Я не различал даже пальцев вытянутых рук.

А дальше случилось совсем необъяснимое. Опора под ногами исчезла, меня приподняло, и я, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, будто спеленатый младенец, повис в воздухе.

Мгла пропала. Мы с Майклом, в громоздких скафандрах, с лучеметами, в положении «лежа на боку», рядышком, неподвижно висели метрах в двух от земли. Внизу стоял Лест и, глядя на нас, благодушно улыбался с выражением лица, какое имеют взрослые, когда им удастся утихомирить чересчур расшалившихся маленьких детей.

Я поглядел на Майкла и расхохотался. Он покраснел, посопел, а потом рассмеялся и попросил:

— Лест, освободите нас. И, пожалуйста, простите за грубость и необоснованные подозрения.

И сразу же какая-то сила мягко опустила нас, поставила на ноги. Невидимой пелены, стягивавшей скафандр, не стало... Майкл отшвырнул ЭЛТ, я последовал примеру командира.

Лест сделал вид, что не заметил нашего демонстративного действия, и первый протянул Майклу руку:

— Извините великодушно: я не сумел убедить вас в правдивости своих слов, а ситуация, в которой вы очутились, непростая. Первый контакт людей разных эпох и в спокойной обстановке довольно труден...

И вот о чем он нам рассказал.

Уже сто лет на земле вместо радио используют более совершенные, принципиально иные средства связи. На самой планете нет более ни одной приемно-передаточной радиостанции. Но люди не забыли о звездолетах, возвращающихся из Прошлого. Для связи с ними на границе Солнечной системы оставлены КАРБЫ— космические автоматические радиобуи. Однако они включены лишь в периоды ожидаемого прихода звездолетов. К сожалению, «Аврора» не вернулась в контрольные сроки, ее считали погибшей, и КАРБЫ не работали. Вот почему мы не получили ответа на свои позывные...

Конечно, был предусмотрен и вариант возвращения без вести пропавших звездолетов. По инструкции, если корабль не имеет связи с базой, он обязан, оставаясь на орбите, выслать разведочный космолет. Обычно так и поступали звездолеты-«бездельники». Тогда автоматически включается земная служба обеспечения космических полетов, и мощная приводная система бережно приземляет космолеты в специально оставленном для их приема заповеднике. Кстати, поэтому он так и выжжен — его опалили тормозные двигатели прибывающих кораблей. Разумеется, не «бездельников», а «регулярных». «Аврора» — случай исключительный. И всё кончилось бы вполне благополучно, если б не Лест. Никакие звездолеты в ближайшее время не сжидались, и Высший совет астронавтики разрешил Лесту использовать заповедник для съемок фильма.

— Я был в восторге, поскольку получил в свое распоряжение самую достоверную натуру. Заповедник напоминал местность после ядерного удара. Перед началом «сражения», когда все «войска» находились на исходных рубежах, а вся сложная автоматика машин была приведена в действие, я получил сообщение о приближении космолета. Рекомендовалось съемки прекратить, «дабы, — как говорилось в сообщении, — батальными сценами не ввести в заблуждение наших дорогих предков». Но слишком был велик соблазн закончить работу, которая готовилась месяцы. Тем более что я надеялся до выхода космолета на посадку всю массовку закончить и машины убрать. Впрочем, — закончил Лест, — я ни о чем не жалею, раз мне первому посчастливилось познакомиться с вами — выходцами из прошлого века...

Мы обрушили на юношу десятки вопросов. Пораженные тем, что радиоволны, как носители информации уже не используются, мы очень хотели знать, чего же еще теперь нет на Земле. Оказалось, многого. Не было отравителей воздуха — автомобилей с двигателями внутреннего сгорания; безжалостного сведения лесов для выработки бумаги; выращивания на убой животных для получения мяса и шкур...

Изменился даже спорт. Совершенно забыт бокс, — по выражению Леста, «игра, недостойная человека», исчез дикий ажиотаж вокруг хоккея и футбола, и они не собирают более на стадионах тысячные орудия тол-

пы «болельщиков», неизвестно и само понятие «болельщик».

— В новом обществе каждый человек — прекрасный спортсмен и при желании, после непродолжительной тренировки, сам способен ставить любые рекорды...

Небо над нами засверкало сотнями летательных аппаратов странной, непривычной формы.

— Прибывают те, кому надлежит торжественно встретить вас, — пояснил Лест и, лукаво покосившись на Майкла, добавил: — Так что примите внушительный вид. И, пожалуйста, не проговоритесь о маленьком недоразумении, которое по моей вине произошло, а то ох и намылит мне начальство голову!

— А оно у вас есть?

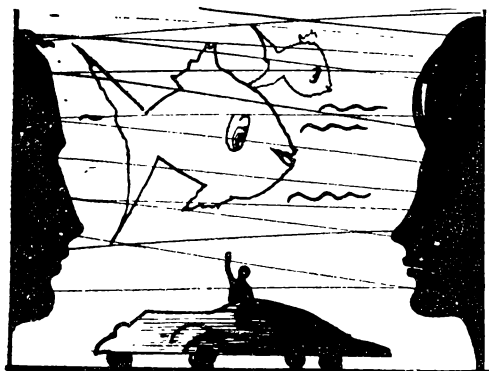
— Еще какое сердитое!

Мы засмеялись и почувствовали себя как-то поспокойнее в этом новом мире.

— Обещаем! — великодушно сказал Майкл. — В прогнозировании будущего я, признаю, заблуждался: к счастью, человечество выжило. Но всё-таки в одном я оказался прав... Вы, Лест, сказали, что в съемках стремились к полной достоверности, а фильм-то ваш — о войне тысяча девятьсот девяносто первого года. Выходит, была она?

— Опять моя непростительная оплошность, — подмигнул мне Лест. — Забыл упомянуть, что экранизирую я научно-фантастический роман. Для «Истории Всемирной Фантастики» я получил задание дать иллюстрацию на тему «Ошибочные социальные пророчества некоторых фантастов двадцатого века о грядущем регрессе общества и неотвратимой гибели человечества». Вот и пришлось взять типичный образчик их писаний — роман-антиутопию о якобы неизбежной третьей мировой войне.

Галина Панизовская

ВЫХОД ИЗ ОДИНОЧЕСТВА

Повесть

Всепроникающая полицейская система, облаченная в самые разнообразные формы, повсюду настигала людей.

В. Кожевников

Дороги, которые мы выбираем.

О'Генри

Глава 1

Три месяца назад еще в Ирпаше Жилия разбудил треск телефона:

— Привет, Жилли!

Это был брат отца.

— Алло! Дядя Мигель! Что-то случилось?

— Жилли, слушай меня! Удача!

Телефон затрещал.

— Алло!

— Ты слышишь меня? Жилли! Ты приглашен...

Слышимость была ужасная.

— Алло! Алло! Приглашен... — тонуло в лязге.

Вдруг всё смолкло.

— ...ассистентом самого Нормана ди Эвора! — явно и изумленно сказал дядин голос.

И телефон отключился.

Жиль перешагнул порог, поставил портфель на тумбочку, начал разматывать шарф. Ани отступила к стене и смотрела оттуда, как он это делает. Он видел, не глядя, подергивающийся уголок ее века. Конечно, это было нелепо: портфель надо было просто бросить; бросить портфель и прижать ее к себе, захлопывая дверь спиной... Жиль заставил себя обернуться. Профиль ее был безмятежен, чуть безмятежнее чем нужно.

Он не видел ее неделю: его машина, отправленная багажом, еще не прибыла из Ирпаша, а подземкой тут было не меньше часа в один конец... Надо было, позвонив, подойти вплотную к двери и шагнуть к ней, как только она откроет...

Уголки губ загибались у нее вверх. Каждую зиму губы трескались: она облизывала их на морозе. Ирпаш севернее Этериу, в ноябре там уже холода, и в день отъезда губы у нее были уже шершавые и колючие. Поезд тронулся, они стояли в купе над брошенной кучкой чемоданов, а губы были колючие с легким привкусом крови.

Здесь, в Этериу, была еще не поздняя осень, но губы так и не зажили: поперек нижней темнела ссадина...

По приезде в столицу они сняли комнату на окраине: это был единственный адрес, который удалось раздобыть еще дома, а прибыли они ночью, отелей Жиль опасался, так как не знал, удовлетворятся ли в них записью самих постояльцев или потребуют документы.

Предчувствие не обмануло его: они требовали документы. Документы требовались во всем Этериу, во всех отелях, гостиницах, ночлежках. Полиция работала здесь прекрасно. И кроме обычной полиции здесь была еще полиция нравов, комитет по борьбе за нравственность и бог знает что еще... В рекомендательном письме к хозяйке Ани и Жиль значились как молодые супруги.

Он не был у нее неделю. И теперь она стояла перед ним с безмятежным лицом. «Всё в порядке,— говорило лицо,— я довольна».

Последний год в Ирпаше он ездил к ней ежедневно. Она была учительницей в маленьком поселке, в двадцати милях от городка. Днем он обычно бывал спокоен: днем их отношения придавали ему уверен-

ности. Коллега и школьный друг Мануэл только пристыживал: «Похоже, ты обзавелся бабой?»

К вечеру уверенность пропадала. Уверенность пропадала, он гнал машину взвинченный, почти испуганный, последние минуты перед поворотом казались ему бесконечными. За поворотом появлялась калитка и возле нее Ани в большом пуховом платке.

Когда они почему-то не встречались, он звонил ей вечером попозже. Они лежали уже в постелях в двадцати милях друг от друга. Он знал: телефон стоит у нее на животе поверх одеяла. Телефонный аппарат, сделанный под старину, с трубкой, обвитой бронзой, соскальзывал, валился набок, и они разъединялись, перезванивали снова, и при этом набирали номер оба сразу и никак не могли дозвониться. Говорили долго и тихо, срывающимися голосами.

Здесь, в Этериу, телефона у Ани не было.

Она стояла, прислонившись лопатками к стене. Улыбнулась. Лицом своим она владела прекрасно — это была обычная ее улыбка: над уголками губ дрожали ямочки. Даже треснувшая нижняя губа растянулась точно до нужного предела. Жиль ощутил боль не зажившей еще ранки. Пора было что-то наконец сказать:

— Я встретил на лестнице хозяйку.

— Надеюсь, вы мило раскланялись?

Спрашивая и всё еще улыбаясь, она оторвалась от стены и пошла. Передняя была узкая, Жиль загораживал дорогу, и она прошла мимо него, как можно дальше отклонив лицо и всё же задевая его волосами. При этом она старалась сохранить (и сохраняла) спокойно-приветливый вид... Подошла к плите, начала возиться с чайником.

Собственно, Ани жила на кухне, был только еще альков — небольшая ниша в стене. В ночь приезда хозяйка продала им кровать и стоячую вешалку для платья. Хозяйка немного приторговывала мебелью. Зналась, наверное, с половиной города, в том числе и с той его частью, где Королевский институт предоставлял квартиры своим ассистентам.

Жиль сглотнул:

— Этот дракон в юбке... Может быть, ты что-то ей рассказала?

— Безусловно. Ты — коммивояжер. Запомнил? Продаешь трубки для газовых горелок.

— Похоже, она не так уж верит, что мы женаты?

— Ну, она совсем не дура.

Насмешливый голос Ани звучал совершенно естественно. В общем-то, он и не ждал, что она устроит сцену. Просто ей нужно было время, чтобы привыкнуть. Когда Королевский институт приглашает ассистента, о нем, разумеется, наводят справки. И Жилю Сильвейра была предоставлена квартира, рассчитанная на холостого ученого, занимающего в столице видное положение... Три первых дня в Этериу он прожил инкогнито вместе с Ани. На четвертый взял свои чемоданы, проскользнул черным ходом, чтоб не встретить хозяйку, вышел на стоянку такси.

— Пожалуйста, Королевский институт, жилой корпус номер «5Б». Знаете? Новый.

В конце концов то, что его пригласили в столицу в лабораторию самого Нормана ди Эвора было фантастическим везением. Так могло повезти только раз. Ани должна была понимать... Она и понимала. Прикусив нижнюю губу, она смотрела ему вслед. Ну не мог же он так сразу открыто поселить у себя женщину! Конечно, положение получалось не из приятных. И сегодня, тащась к ней в вагоне подземки, он думал об этой прикушенной губе...

Но и тогда и теперь она держалась великолепно. Даже странно. Тем более она ведь знала — это его не обманет: он воспринимал не слова и не маску лица. Это его свойство Ани называла «проводничок». Действительно, он будто касался невидимого нервного проводничка, другой конец которого проникал в собеседника. Что-то способствующее этому было в нем, наверное, от рождения. Но по-настоящему он нашел свой «проводничок» гораздо позже — когда в руки ему попала рукопись Нормана ди Эвора «Создадим телепата». Семьдесят листочков тонкой папиросной бумаги, снятые кем-то на «Эре». Говорили, что Эвор так и не решился ее издать. Жиль же нашел, что это прекрасное педагогическое пособие.

— Не волнуйся, хозяйка — женщина практичная. А сдать комнату в этом районе не так-то просто. — Ани обернулась к нему, сделала насмешливую гримаску.

Забавная гримаска. Она появлялась, когда было что-то смешное. Дома, в Ирпаше, Жиль нарочно наводил ее на разговоры о педсоветах. Школьные педсовета

ты — не маленькие короткие беседы двух-трех педагогов, а большие, торжественные — смешили ее... То есть Жиль подозревал, был уверен, что смех этот от испуга, что на самом деле они приводили ее в ужас. Он как будто видел, как она забивается в самый последний ряд, как сидит притаившись... Но после, дома, страх вымещался смехом, она передразнивала председателя, «переводила» благопристойные речи. Однажды передразнила сама себя, как директор врет с председательского места, а она мучительно краснеет, чуть сдерживаясь, чтоб не залезть под кресло...

И теперь гримаска была совершенно естественная. Совершенно.

А ситуация получилась, конечно, паршивая. Жиль думал об этом всю неделю, валяясь на тахте в своей новой ассистентской квартире, тыкая сигаретой в паркет. Ну что он может ей предложить? Жениться на ней надо было в Ирпаше. Почему они тогда не поженились? Теперь это было слишком сложно. Действительно, сотрудник Королевского института не мог, оказывается, жениться как простой смертный. Требовались анкеты, биографии. Будущую жену полагалось представить ректорату. Ну не мог же он в самом деле начинать всё с хлопот о свадьбе! Он еще должен был входить в этот новый мир — Королевский институт... И, возможно, с женой это будет куда сложнее. Нет, теперь он жениться не мог. Вероятно, ему вообще не следовало тащить Ани в Этериу. Во всяком случае, не сразу. Разумеется, виноват он один. Хотя, собственно, уговаривать ее не пришлось; он не помнит, чтоб пришлось ее уговаривать. Но всё равно он был готов к упрекам. Возможно, именно за упреками он к ней и приехал...

Но упреков не было — Ани смеялась. Пряди волос от смеха выпадали из прически. Неужели ей было весело? В самом деле?.. Она выдала себя лишь раз — обошла его по дуге там, в передней. Но это вовсе не упрек, с чего он взял, что это упрек? Это могло означать что-то совсем другое, например, что она отвыкла от Жилия, что столичная жизнь была приятна и без него... Жиль подошел ближе, заглянул сбоку ей в лицо: «проводничок» был не безотказен... В самом деле, жизнь в столице могла понравиться, тем более у нее новая работа, коллеги...

— Ты что-то хочешь спросить?

— Хочу. Как тебе этериуанские джентльмены? — Он постарался произнести вопрос как шутку.

— Тебя это волнует?

— Простая любознательность.

Она ставила на стол чашки, сначала одну, потом другую. Подложила под них салфетки. Высыпала из кулька печенье. При этом она ходила по кухне. Когда она отворачивалась, он скучал. Скучал ту самую минуту, что она не смотрела. Он помнил это чувство еще по Ирпашу. Когда она отходила слишком далеко, он двигался за ней. Она промывала кофейник. Озабоченный хозяйством нахмуренный лоб. Повариха она была не очень, любая кухонная операция поглощала всё ее внимание, он знал это по Ирпашу. Он наезжал к ней тогда вечерами, они готовили ужин, а лоб был нахмурен, и это его озадачивало, вызывало робость.

— Всё возвращается на круги своя. — Он сказал это тихо.

— Что? — Она быстро закрыла кран, взглянула с интересом, потом, поняв, улыбнулась, дрогнула ямочками. — А разве мы с них сходили?

Как будто в темноте зажгли свет. Горячая радость толкнула его вперед.

— Не сходили. Но я соскучился.

Ани смеялась. У нее были изогнутые вверх губы. Обветренные.

— Хозяйка! Слышишь? Хозяйка! Берегись дракона! — кричала она, отступая. Она махала на него руками, мотала головой так, что ее волосы били его по лицу то справа, то слева.

— Бойся злого дракона! — Она хохотала.

А он только улыбался и двигался за ней шаг за шагом, пока ей некуда стало отступать.

...Молочный туман заполнял луг. Жиль раздвигал траву. Трава была высокая, била по плечам мокрыми метелками, от этого и от предчувствия встающего где-то солнца по спине шли мурашки.

Потом он стоял в кузове грузовика. Грузовик куда-то мчался, мчался, и ветер хотел повалить Жилья, а Жиль хотел повалить ветер.

— Где мы? — пробормотал он, чуть подвигаясь, нащупывая щекой руку Ани. Это были ее сны — сны Ани. Он видел ее сны: «проводничок» заработал

опять. Она лежала вытянувшись, еще слыша свист ветра. Потом потянулась, не меняя позы, спросила, медленно растягивая слова:

— Интересно, который сейчас может быть час?

Ее кожа пахла прогретым пляжем. Теплым пляжем в Ирпаше.

— Нет, в самом деле, который?

— Тебе надоело?

— Просто хочу успеть напоить тебя кофе.

Жиль приоткрыл глаза. Конечно, ему следовало ночевать у себя, во всяком случае в первое время. Полиция нравов имела, конечно, своих шпионов. Но Ани свыкалась с этим что-то уж очень быстро. Даже странно...

— Мое величество не спешит, — заявил он, зарываясь в изгиб ее локтя. В ту же секунду локоть рванулся, Жиль ткнулся лицом в простыню, охнул паркет, щелкнул выключатель.

— В час подземка закрывается. Общий подъем!

Она стояла прямо, придерживая падающий узел волос.

Профессор ди Эвор не решился издать свое руководство по телепатии. И, может быть, он был прав. Не то чтоб «проводничок» не работал, но сигналы были отрывочные, недостоверные. Связь шла только в одну сторону — к нему, так что, что бы ни происходило, он мог лишь держаться за кончик «провода», немой и бессильный... В самый нужный момент связь обычно рвалась совсем.

— Ну! Стяну одеяло...

Она потягивалась, откидывалась назад, сдвигая лопатки.

— Ты вышла бы за меня замуж?

Он сказал это совершенно неожиданно, с ужасом сознавая, что делает то, чего хотел избежать.

Ани продолжала потягиваться, молча, будто и не слышала. «Может быть, не расслышала на самом деле?» — с надеждой подумал Жиль. И вдруг повторил, вглядываясь, приподнимаясь на локте:

— Ты вышла бы за меня?

— В Ирпаше? Наверное...

Раздумчивое «наверное» звучало почти отказом.

— Теперь? — резко спросил он.

— Теперь оформление осложнилось...

— Тебя пугает лишь это?

Вопросы звучали отрывисто.

— Анкеты... Разрешение ректората...

— Только это? — Он настаивал, чувствуя, как что-то сдавливает горло.

— Мы не привыкли жить вместе... долго.

— Ты не хочешь?

— У тебя новая работа...

— Ты не хочешь?

— Но это неразумно.

Жиль сел, прищурился. Он уже не помнил, что начал этот разговор случайно, что его и не следовало начинать.

— До сих пор всё было *абсолютно* разумно?

Тело Ани качалось в тусклом свете, казалось, оно уплывает, исчезает.

— Послушай, Ани.— Он запнулся.— А если б я сейчас... ну... встал бы на колени? Просил, умолял бы?

Она медленно облизывала губы:

— Ну, если бы умолял, тогда бы конечно...

Кофе они всё-таки выпили. Она брызгала водой на гущу, чтоб осела. Он вдевал в манжеты запонки:

— Поднимают человека с постели. Человек, может быть, спать хочет.

Она рассмеялась:

— А есть?

— Поесть тоже не вредно.

— Яичницу?

— Уже не успею. Ты позвонишь мне завтра?

— С девяти у меня уроки. Часов в пять...

— В пять я уже буду под парами. Даю коллегам «дружеский кофе». Говорят, это полагается.

Кофейник в руках Ани приостановился.

— У тебя совсем нет потребности изливать душу?

— Не по мелочам.

Она потянулась, взяла ртом протянутую им сигарету. Он чиркнул зажигалкой:

— В общем-то, у меня есть еще минут десять...

Вдруг ее сигарета вздрогнула, вздрогнул подбородок. На шее, на щеках появились мурашки. Теперь она вздрагивала вся: голова, колени... Жиль знал эту ее дрожь, ее нельзя было унять, она могла пройти лишь сама по себе, внезапно, как и появлялась. Появ-

лялась же она по странным причинам: потому что кто-то вскрикнул, потому что море розовое, потому что в театре подняли занавес...

— Ничего,— говорила она быстро.— Это я так. Да не обращай же внимания! — Губы ее прыгали.— Ты пригласил и профессора?

Жиль искал плед. Черный с желтым плед, он всегда валялся на стульях. Надо было закутать ее, хоть это и не поможет.

— Не надо, оставь...— Она оттолкнула его руки.— Так как же профессор?

— Профессору ди Эвору около ста лет. Точнее, девяносто шесть. По-моему, он питается исключительно овощным пюре.

— Что?

Вот это было сообщение! Дрожь у нее исчезла. Сразу.

— Я думала... Послушай, он должен быть моложе. Он же глава Королевского института...

— Вовсе нет. В институте, оказывается, есть дирекция. Собственно, в настоящее время Норман ди Эвор всего лишь громкое имя. Просто для рекламы. Королевский институт Нормана ди Эвора. А правильнее было бы назвать имени ди Эвора. Влияния в институте Эвор уже не имеет. Сунули ему нашу лабораторию — самую крошечную...

— Это ужасно, Жиль. Как же так?

— А вот так. Подземка закрывается через пять минут. Мадам, я вас целую.

Первая встреча с шефом произошла часов десять назад.

Толстый обрюзгший старик, которого с усилием под руку тащили через вестибюль,— это и был великий, всемирно известный профессор Норман ди Эвор, обладатель золотого венка, член десяти академий. Ди Эвор, для которого был создан Королевский институт.

Жиль смотрел в грузную стариковскую спину.

До этого он еще не видел своего шефа: когда Жиль прибыл, профессор болел, представляться пришлось по телефону. Потом до самого сегодняшнего дня Эвор работал в филиале. Во всяком случае, считалось, что работал... Он прислал новому ассистенту коротенькую записку — пресил, чтоб тот пока осмотрелся.

Профессора привез в институт его лакей или, может быть, дворецкий. Жиль видел утром из окна, как грузное тело почти вынимали из машины. Часа три из кабинета ди Эвора не доносилось ни звука. Никто не входил к нему, не стучал.

Потом тот же слуга явился забрать его домой. Поймав момент, Жиль нарочно вышел в вестибюль: это была единственная возможность пригласить шефа на «дружеский кофе». Рабочий четверг окончился, по пятницам (Жиль уже знал это) знаменитость не работала. «Дружеский кофе» для коллег назначен был на пятницу. Это была единственная и последняя возможность пригласить ди Эвора.

Но сонные глаза шефа скользнули мимо. Поклон остался без ответа.

Глава 2

— За ваше начало!

Они подняли рюмки.

— Я слышал, вы занимаетесь телепатией?

Это спросил Сим Консельюш. Он был старше Жили лет на шесть, тоже ассистент. Жиль встречал его статьи в «Новой биологии».

— Немного...

— Экспериментально? То есть я имею в виду — это активные занятия?

— Он хочет спросить, не являетесь ли вы просто собирателем анекдотов. — Фернан Браганс ухмыльнулся. Этот белокурый человек обладал внешностью поэта — любимца женщин. Но резкий голос противоречил внешности.

— А... Тогда — экспериментально...

— И у вас есть регистрирующие приборы? — Глория Фонте смотрела на Жилия, откинувшись на спинку кресла.

— Приборы?

— Госпожа Глория — наш электронщик, — представил Фернан, — и в качестве такового атакует нас с позиций точной науки.

Даже самые простые слова звучали у Фернана резко, с оттенком какого-то обидного сарказма.

«Дружеский кофе» состоял в основном из коньяка. Как виновник торжества Жиль сидел между двумя дамами. Мужчины: Консельюш и Браганс — размести-

лись напротив. Это и была вся лаборатория Нормана ди Эвора. Жиль не удивлялся уже, что их так мало.

Конечно, молодые биологи вот уже лет шестьдесят мечтали работать с Норманом ди Эвором. Первый психобиолог мира, победитель рака, глава Королевского института... Когда провинциальный доцент Сильвейра в самом деле получил по почте вызов и стал собираться в столицу, весь город был потрясен. Еще бы, ассистент самого Эвора! Вариант сказки о Золушке и принце! В оставшиеся до отъезда дни счастливцу уступал дорогу даже городской транспорт. И вот трясущиеся посиневшие щеки, глаза, потерявшие цвет, — этот человек не мог бы руководить и кошкой. А он-то, Жиль, бросил дом, родителей, надежную, хоть и провинциальную, кафедру, примчался в столицу — ассистент великого ди Эвора!..

«Чем выше вознесешься в мечтах, тем дальше лететь до земли» — этот пошлый афоризм, где-то случайно прочитанный, отзывался болью. В самом деле, что же теперь делать? Как работать с этими живыми останками?.. Жиль вез ди Эвору тетради своих наблюдений, две незаконченные работы, одну-две как будто неглупые идеи. Ведь ди Эвор мог заметить и пригласить Сильвейру, только заинтересовавшись его вышедшими статьями. Никаких других причин для приглашения Жиль придумать не мог... «Но эта развалина ничего уже не читает, — думал Жиль теперь, — и тем более ничего уже не решает. Тогда чему ж я обязан?..»

И всё же тупая тоска, возникшая вчера там, в вестибюле, понемногу отступала. Отчасти причиной тому была Тат Исканди — соседка Жили справа... Тат удивительно вписывалась в интерьер столичного ресторана: розовые стены, шоколадный бархат кресел. «Кабачок за углом» — резиденция лучших умов королевства, это название произносилось в Ирпаше с придыханием. Жиль погладил мохнатый подлокотник, с удовольствием втянул в себя запах дорогих духов, а Тат, опершись локтем, повернулась к нему всем телом и смотрела немного снизу...

— Ассистент Жиль Сильвейра! Все ваши коллеги приветствуют вас!

— Благодарю. Я пытался залучить также шефа...

Жиль сказал это, чтоб объяснить отсутствие ди Эвора. И был поражен произведенным впечатлением: мужчины и Тат разом уставились на него.

Глория уронила вилку:

— То есть вы хотите сказать, что просили шефа присутствовать сегодня на этом кофе?

— Хотел просить. Но господин профессор неважно себя почувствовал.

Они были явно смущены. Фернан Браганс рассматривал его через стол, как только что обнаруженную в супе муху. Губы Сима Консельюша кривились. В воздухе повисла тяжелая неловкость.

— Хочу танцевать! — сказала Тат.

...Они танцевали. Тат заслоняла собой натянутые лица коллег, ее голубые глаза чуть щурились, руки обнимали плечи Жилья.

— Я сказал им что-то не то? — быстро спросил он.

— Та-та-та,— напевала она,— какое приятное танго... Вы будете у директора Дорта?

— Вероятно.

— Не «вероятно», а «да». У директора надо быть.— Она смеялась.— Вам послано приглашение.

Жиль вспомнил: госпожа Тат Исканди была правой рукой Дорта, об этом ему уже говорили. Директор Дорт был коммерческий директор института. Института Нормана ди Эвора... Потому Дорт назывался пока не директор, а директор коммерческий...

— Там будет секретарь Советника,— сообщила Тат, многозначительно понизив голос.

«Какого еще Советника?» — хотел спросить Жиль. Год назад произошла очередная реформа управления и чин Советника остался как будто только в армии.

— Секретарь Советника господин Рибейра. Вы еще не знакомы? Он придет немного раньше, погуляет в саду. Он блондин средних лет и среднего роста. Вы поняли? Он будет гулять по саду...

Она сделалась вдруг почти серьезной и теперь шептала ему в ухо, отчетливо произнося слова, будто призывая понять, запомнить... Будто бы передавая пароль, секретные сведения, место явки... Жиль даже приостановился:

— Зачем вы мне это говорите?

— Просто так. Болтаю. Отведите меня на место.

В целом первый вечер в обществе новых коллег прошел довольно неловко. И он не мог даже понять почему. Неловкость возникла, когда заговорили о шефе, это бесспорно. Может быть, у них вообще не принято говорить об этом достаточно щекотливом вопросе?..

Жиль думал так, поднимаясь к себе, нашаривая в кармане ключ. Он остановился на лестничной площадке, достал сигарету. Внизу стукнула дверь. По ступенькам в халатике и мягких спальных туфлях поднималась Глория Фонте. Действительно, он совсем позабыл: Глория жила в том же доме для ассистентов. Он провожал Тат, а она поехала домой сразу и теперь возвращалась, видимо, от соседей или брала внизу вечернюю почту.

— Госпожа Фонте!

Она остановилась.

— Госпожа Фонте! Почему всех смутило, что я хотел пригласить профессора Эвора?

— Потому что никто не верит, что вы хотели.

— То есть как? — Жиль опешил.

— Вы правда хотите пояснений? Профессор ди Эвор не видится ни с кем с вечера четверга до утра понедельника. Это общеизвестно. Так что если бы вы на самом деле хотели...

У нее было чуть сонное лицо. Жиль вдруг икнул. Потом икнул еще раз.

— Но я, ик... провинциал... ик.

— Провинциалов не приглашают ведущими ассистентами Королевского института. Военное ведомство хочет прибрать нас к рукам, и все уверены, что вы — человек Советника...

Глава 3

В это утро трамвай опаздывал. Обычно он был на углу за домом ровно без пяти семь. Тогда Ани успевала не спеша раздеться, поправить прическу. Позже приходили другие учителя, в учительской становилось шумно...

В общем-то, это, наверное, была болезнь: ей было не по себе, когда на нее смотрели. А в этой зоркой женской толчее она — новенькая провинциалочка — тем более чувствовала себя небезопасно... Вот уже месяц Ани работала младшим преподавателем в пригородной школе недалеко от Этериу.

Трамвай тащился по узким каменным коридорам, потом по пустырям, где небоскребы торчали вперемешку с сараями. Тут переполненный вагон пустел, и Ани уже почти одна вырывалась в поля... Впрочем, по понедельникам пассажиров и вообще было мало: сосед-

ствующий со школой завод начинал в этот день на час позже.

Трамвай опаздывал на десять минут. Ани села одна в самом конце. Поля тянулись желтые, мокрые. Капли дождя свисали с проводов. Вдруг стекла задребезжали, передняя скамья ударила ее в грудь.

— Выходи, приехали, — зло буркнул на весь вагон усиленный магнитофоном голос.

Конечно, можно было дойти. Может быть, успеть даже к началу урока. То есть к началу надо было успеть непременно. Во всем Этериу (каждый знал это), боролись за точность, а она не взяла даже справки от водителя. Наверное, справку следовало взять: «Авария на трамвайной линии, не переводятся стрелки...» Но уж тогда опоздала бы обязательно. То есть, конечно, убить ее не убьют. Просто кто-то из учителей громко скажет: «Анину Дапапос к директору».

И все обернутся... При одной мысли об этом Ани вздрогнула. Ей всегда было мучительно неприятно, когда громко произносили ее фамилию. Почему-то в этом чудилась обида, обида и насмешка; она понимала, что это глупо. Директор был, кажется, приличный человек, но всё равно: оправдания, объяснения... И все смотрят тебе вслед.

Она бежала, перепрыгивая через лужи. Потом остановила себя: надо было не бежать, а идти, но зато идти ритмично. Важно войти в ритм ходьбы, тогда не устанешь даже на каблуках. Оставалось еще километра два или чуть больше.

Каблуки мягко ударялись в мокрые листья. Они лежали по краям асфальта яркими полосками. Дома, в Ирпаше, Ани собирала их с первоклашками, составляла букеты. А второклассники делали человечков из желудей — целые бытовые сценки... Здесь школа была общеобразовательная, не художественная, даже не с художественным уклоном, ей удалось найти работу только в обычной школе — просто преподавать рисование.

Ани вздохнула: в конце концов это тоже не так уж плохо — дети любят рисовать. Важнее казалось скрыть это от Жилия. Была у него такая склонность — к трагедии. А тогда уж человеку не объяснишь ничего... В общем, это был тот случай, когда Ани предпочитала врать. Она придумала роскошный вариант: художественный колледж, чуть ли не академия. Но это

оказалось не нужно — Жиль ни о чем не спросил... В Ирпаше лицо Жилия всегда было повернуто к ней, она так его и помнила: обращенное к ней лицо. Здесь, в Этериу, он всё время был как бы в профиль...

Хорошо, что она торопилась: при быстрой ходьбе мысли сталкивались, перемешивались... В глубине души Ани всегда сомневалась, умеет ли она вообще думать. Иногда со смехом она в этом даже признавалась: «Думать художников не учат — только смотреть». Смотреть она могла и на ходу. Дождь перестал. Но хотя уже рассвело, фонари вдоль асфальта продолжали гореть тусклым, белесым светом. Длинная уходящая вдаль петля блеклых огней... Ее всегда привлекала именно эта тема: огни не в темной ночи, а в белых, уже светлых сумерках... Вот, вот оно: молочное небо просвечивает, белый туман сияет. В Этериу она не писала еще ни разу, но теперь багаж наконец прибыл, мольберт можно будет установить за плитой у окна...

Ани снова почти бежала. Бежала вприпрыжку. Светящаяся молочно-белая дымка — Ани представляла ее на полотне: картина, состоящая из неба на три верхние четверти. А с самого бока вырывается вверх фонарь, длинный фонарь, похожий на шею жирафа.

Жираф, счастливый в вышине
Свясей прекрасной шеи,
Не видит грязи на земле,
Плывет в воздушной тишине
Весь в ветре, словно реи.

Ани сама не заметила, как запела. Ритм этой детской песенки — это был ее секрет, ее талисман — для удачи. И она почти всегда напевала про себя.

Плывет по лужам, по гнилью, по слякотной дороге
И знать не знает про свои невымытые ноги.

— Садитесь. Пожалуйста.

Ани вздрогнула, обернулась. Возле нее бесшумно притормаживала черная машина. Водитель уже открыл дверцу. Дорога была совершенно пустынна, но машина удивительно точно вписывалась в пейзаж, она только подчеркивала бесконечность асфальта, одиночество ярких листьев.

— Спасибо.

Теплое мягкое сиденье. Она только сейчас поняла,

что замерзла, несмотря на свой бег. Вернее, не замерзла, а вся как-то пропиталась сыростью. Ноги промокли. Хотелось поджать их под себя, закрыть глаза, откинуться. Но у машины был хозяин. Сейчас он представится, придется отвечать на вопросы.

— Снимите туфли. Я включу отопление.

Теплые волны побежали по коже... Но хозяин был тут. Придется называть себя, рассказывать. Он, конечно, пустится в расспросы: «Так вы сами приехали в столицу? И у вас никого тут нет? Взяли просто и приехали? Но, наверное, какие-то особые цели... Кинозвездой хотите стать, а? А пока где живете? И есть телефончик?..»

— Возьмите плед. Он там, за спинкой. Пожалуйста.

Низкий негромкий голос. Странная манера говорить «пожалуйста» в конце фразы. Слышишь — и хочется подчиниться. «Вот сейчас он возьмет и скажет: „Откройте левую дверцу и выпрыгните на ходу. Пожалуйста!“, — подумала вдруг Ани.

Он нагнулся, повернул регулятор. Музыка. Кто-то тихо играл на рояле. И сразу внутри отпустило, расслабилось, перестало давить. Будто сняли со спины огромный мешок. Мешок тянул, прижимал к земле, а человек нес его и уже не представлял себя без этой ноши. И вдруг его сняли...

Какая блаженная легкость. Совсем неизведанная, разве что где-то в детстве... И эта легкость, это странное ощущение связано было с хозяином машины. Стоило ему исчезнуть или просто отвернуться — и всё пропадет, Ани знала это точно. Зато пока он рядом...

— Вам сюда?

Они стояли перед воротами школы, то есть не возле самых ворот, а подальше, чтоб не видно было с дороги.

— У вас есть еще время. Посидите минутку.

Он сказал это, не снимая рук с руля, лишь немного повернув голову.

Она кивнула.

То, что он знал, куда ей надо, то, что он не подкатил ее с шиком напоказ всем, ее уже не удивило. Кольнуло только отсутствие «пожалуйста» в конце просьбы. Впрочем, тогда это было бы почти принуждение...

— Вы курите? Прошу вас.

У него было полноватое лицо стареющего домоседа. Но нет... Из этой мягкости выступал вдруг резкий раздвоенный подбородок. Глаза чуть навывкате, с тайной усмешкой... Но эта усмешка не задевала. Это был взгляд путешественника. Может быть, немного бродяги. Взгляд человека, смотрящего на дорогу.

— Я подслушал. Злостно. И скрывать теперь всё равно бесполезно. Так что пропойте мне еще раз заклинание про жирафа.

Он выключил приемник.

— Пожалуйста?

— Пожалуйста.

Он так и сидел, не снимая рук с руля, откинувшись, и осторожно всасывал дым. Ани чувствовала, когда он затягивался. Он сидел и слушал, как она пела, не глядя на нее, вздернув жесткий подбородок.

Было слышно, как прозвенел первый звонок (всего их бывало три).

— Ну, мне пора!

Неожиданно большой и, пожалуй, чуть грузноватый, незнакомец вылез из-за руля, распахнул перед ней дверцу.

Они стояли оба под хлынувшим вновь дождем, он — в пиджаке, она — в плаще с капюшоном. Она смотрела, как капли падают ему на плечи. И это уже было всё. Ничего не оставалось, как попрощаться.

— До свиданья...

И тут у нее началась дрожь. Она дрожала вся с головы до ног, и ноги не могли сделать ни шагу.

Это был ее крест, ее позор — неотвратимая внезапная дрожь... Жиль в таких случаях суетился, предлагал услуги.

— Немного кофе на дорожку, — неторопливо сказал хозяин машины. Сказал будто просто так, будто никакой дрожи он и не видел. В руках его оказался термос. Она отхлебнула. Зубы постукивали о пластмассовый стаканчик... Дождевые капли падали ему на плечи, на голову.

— Ну, теперь действительно ушла... — Губы прыгали.

— Жираф! — вдруг вскрикнул он, указывая ей за спину.

Она вскинулась, повернулась... Конечно, жирафа

там не было. Но дрожь прошла. Прошла бесследно, будто приснилась.

— Послушайте, жираф — талисман.

— Я догадался.

— Служит тому, кто его споет.

— Я запомнил с первого раза.

— Но он только мой... Петь его могу только я...

— Вы ошиблись. Я не такой уж мошенник.

Этот нелепый разговор, совершенно немыслимый между людьми, из которых младшему уже стукнуло тридцать, происходил почти шепотом, с полной и увлеченной серьезностью, под дождем, грозившим перейти в ливень. Но тут через забор донесся второй звонок. Этот школьный звонок разбудил бы и мертвого. Ани вздрогнула:

— Я его вам дарю.

И она побежала к воротам.

Он стоял и смеялся. А дождь падал ему на плечи.

Глава 4

— Ну, как вы устроились в своем кабинете? — Тат Исканди улыбалась. — Сюда бы еще шторы. Я спрошу у Малин.

Малин — это была местная хозяйственная власть. Коренастая, с короткими ножками, она важно несла на голове огромную башню прически. Так, наверное, носили корону взятые из дворни царицы. Опухшие глазки смотрели зло и пусто. Она была хозяйственной властью и осуществляла ее с какой-то радостной скаредностью. Столы, стулья, писчую бумагу можно было выжать из нее, наверное, только силой. Жиль уже знал по опыту.

— Алло. Будьте добры госпожу Малин. Малли, это я. Зайди, будь добра, к господину Сильвейра. Да-да, я подожду.

Жиль удивленно слушал эту тираду, произнесенную воркующим, каким-то даже интимным тоном. Он помнил ухмылку Малин, ее речь, звучащую как сплошная грамматическая ошибка.

— У вас странные друзья, Тат.

— Мои друзья — ваши друзья! — Глаза Тат голубели.

Эта женщина — правая рука администрации, здешней администрации, кто-то из которой зачем-то

пригласил его, Жилья, в институт, назначил к ди Эвору... Зачем и кто пригласил его? Главное — зачем?.. А Тат Исканди была, конечно, в курсе дела. Впрочем, кое-что слышал уже и он сам. Но это кое-что было так страшно и так в то же время нелепо, что просто нельзя было поверить.

Всё началось в тот вечер, когда он впервые пригласил коллег на «дружеский кофе». Станные намеки Тат на какого-то Советника, на его секретаря Рибейру, о котором ему следовало почему-то знать, что он будет гулять в саду. Затем ужасающее объяснение Глории... В ту ночь, лежа без сна, прослеживая события в памяти, Жилья понял, что неизвестно как ухитрился с самого начала попасть в гущу интриг столицы. И при этом он был слеп как новорожденный котенок. В таких ситуациях от сомнительных тайных свиданий следовало воздержаться... Но это оказалось непросто. В пышном особняке директора Дорта к Жилью сразу же бросился сам хозяин.

— Господин секретарь Советника в саду, первая скамейка направо,— шепнул он Жилью, знакомя его с женой.

Жилья раздраженно взглянул на брызнувший слюной директорский рот: «Ну что они привязались со своим Советником? В конце концов я не обязан. Сейчас я им скажу...»

— Простите...— Но тут слова застряли у него в горле: он разглядел Исабель. Исабель Дорт в черных старинных кружевах с темным застывшим взглядом. Это были неправдоподобно огромные глаза. Больше всего она напоминала мадонну. Не благопристойно-грустную мадонну, а такую, какой она была, наверное на самом деле... Жилья стоял пораженный, не смея пожать ей руку.

— Рада видеть вас у себя.— Она заглянула в самую глубину его зрачков.— Выход через веранду. Господин Рибейра...— Она говорила, двигался ее детский, будто припухший от слез рот.— Вы уже и так опоздали. Секретарь ждет. Господин секретарь Рибейра не должен ждать...

«Господи, снова этот Рибейра...»

— Господин Жилья, пожалуйста, подите к нему... Да не стойте здесь! Вы слышите? Муж рассердится... Я прошу вас...

Жилья повернулся и пошел к веранде.

Вот так вышло, что они с секретарем всё же встретились.

Они сидели в директорском саду на садовой скамейке.

— Очень рад видеть, — говорил Рибейра. — Вы уже познакомились с работой лаборатории?

Весь прошедший месяц Жиль как раз знакомился с архивом. Архивом ди Эвора, охватывающим те, видимо, давние времена, когда он оставался еще собою... Пестрые, беспорядочные мысли, захватывающие самые разнообразные области, неожиданные сопоставления фактов, как будто совсем не связанных... Жиль просто не был подготовлен к их восприятию... Но и сам ди Эвор не освоил их до конца. Из записей в лабораторных журналах вставала странная фигура этого, тогда еще незнакомого Жилью человека. Казалось, в него вселилась сотня духов, занятых чем-то средним между современной наукой и черной магией. У каждого из духов имеется в этом своя область, и они тянут профессора каждый в свою сторону, нашептывают на ухо, водят его рукой по бумаге... А он, раздираемый соблазнами, кидается сразу ко всем... Словом, кто-то спокойный, обстоятельный, возможно слегка занудный, должен был еще изучить всё тут высказанное и попробовать классифицировать или хотя бы связно изложить доступным среднему биологу языком...

В этот первый месяц Жиль не видел шефа ни разу: профессор даже не стал знакомиться, ограничился короткой запиской. «Странно, — думал Жиль в первые дни, — зачем было приглашать человека, который так тебе безразличен?» Но потом архив, казалось, разъяснил дело: Эвору требовался систематолог...

— Я спросил, познакомились ли вы... — чуть громче повторил секретарь.

— Боюсь, что не совсем...

Рибейра быстро взглянул на Жилья:

— Вот как? А мне сказали, что вы сидите в лаборатории по десять часов.

Жиль пожал плечами:

— Разнообразная тематика...

— Ну тематику придется сокращать. — Рибейра сказал это раздраженно, отрывисто, как сержант, брезгливо подававший команды новобранцам в тот мрачный год, когда Жиль проходил обязательную военную подготовку.

«Да это же переодетый военный,— догадался Жиль.— Конечно. Так и должно быть, раз он секретарь Советника».

— Сократите тематику! Ну прежде, разумеется, следует ее расклассифицировать. Нам сказали, что вы как раз сильны в классификации.— Он говорил, брезгливо оттопырив губы.

Жиль смотрел в его водянистые с красными прожилками глаза. В голове мелькнула дурацкая мысль: «Интересно, в каком он чине?» Наверное, следовало встать и уйти. Или хотя бы поинтересоваться, на каком основании этот вояка распоряжается Королевским научным институтом... За спиной в доме играла музыка: директор Дорт встречал гостей. Если бросить тут этого военного господина, останется только хватать такси и мчаться брать билет до Ирпаша.

— Что вы считаете нужным классифицировать? — как можно спокойнее осведомился Жиль.

— Ах, черт возьми! Ну, конечно, темы работ. Вы же сами сказали, что там их чертовски много. Надо просто взять и рассортировать их: вот эта, мол, нам подходит, а эти не нужны — эти в корзинку!

Жиль смотрел на его лицо. У него было кирпично-красное лицо, на правой стороне лба торчала большая белая шишка...

— Я хотел бы знать, кому это «нам»?

Лицо секретаря сразу вспотело, из кирпичного сделалось темно-красным. Шишка возвышалась как снежная вершина.

— То есть как?.. То есть...

Но тут он взял себя в руки. Было видно, как он берет себя в руки: он вытянул их вниз и сжал кулаки. На пальцах взъерошились противные неожиданно рыжие шерстинки.

— Вы очень осторожный человек, господин ассистент. Хорошо. С вами будет говорить его превосходительство Советник...

Под конец он даже почувствовал к Жиллю что-то вроде почтения.

— Скажите, Тат, кто такой этот Советник?

— Вы шутите? Советник — высшая военная должность в государстве.

— А король?

— Что король? Боже мой, господин Жиль, в вашей провинции все такие дремучие? Король опирается теперь на конду... вот уже скоро пять лет; надеюсь, вы слышали? Единая, неделимая конда, и у нее две главы: Советник и министр ди Визеу...

«Мы, кажется, подходим к делу»,— подумал Жиль.

В самом деле, просвещая провинциала, Тат как будто действительно увлеклась этой ролью. А она знала, безусловно знала, кто и зачем вытащил его из тихого Ирпаша.

— Ди Визеу... министр внутренних дел? Или нет, кажется...

— Господи, откуда же вы свалились?

Она смеялась.

— А Советник... Он что, ведает институтом?

Но тут он переиграл. Глаза Тат сузились насмешкой.

— Какой вы глупыш...— Белая рука протянулась, чуть погладила по плечу.— И вообще вы несносны, господин ассистент, ну о чем вы говорите с женщиной?!

Глаза Тат голубели. Длинная нога раскачивала на пальце туфельку.

— Вы совсем не танцевали там, у директора. А я так рассчитывала... Но не оправдывайтесь. Признайтесь... Признайтесь лучше, как вам понравился Кассий Дорт.

— Не очень,— со вздохом признался Жиль.

...Еще в пятницу, роясь в архивном шкафу, Жиль слышал, как Кассий Дорт убеждает кого-то свистящим противным шепотом:

«Профессору ди Эвору пора на заслуженный отдых. Поверьте, ему будет обеспечена истинно королевская пенсия. Да и сам он, поверьте, не беден. Родовой дом. Его отец граф ди Эвор, поверьте, оставил ему... Между прочим, некоторые считают, что он выжил из ума. Да-да. Он просто стал опасен...»

Дальше Жиль слушать не стал. Понятно, конечно, что этот полумертвый старик стал просто памятником самому себе. И это было горько всем, тем более его ассистентам... И, конечно, профессору Эвору лучше было бы не появляться теперь в институте. Сидел бы он в своем замке, раз он у него есть, и принимал бы визитные карточки от почитателей. И ни в коем слу-

чае не принимал бы никого лично. Только карточки. Тогда слава осталась бы с ним до конца дней. Но число оставшихся ему дней сократилось бы. Не пришлось бы вставать через силу, втискиваться в тесный пиджак... Как биолог, Жиль понимал, что жизнь держится на усилиях. Сейчас отправлять ди Эвора на пенсию значило просто убить его. Быть просто убийцей... На пенсию надо уходить, когда еще есть силы начать что-то снова.

Дорт, конечно, понимал это тоже...

— Ну-ну, начальство надо лжбить.— Тат бросила на Жиль голубой взгляд, повернулась, чтоб видно стало ухо, тронула его пальцем. В маленькой белой мочке качалась бирюзовая сережка.

— Вам не кажется, Тат, что ваш Дорт исповедует закон волчьей стаи: съесть раненого вожака?

Он старался говорить спокойно. Внутри что-то тупо ныло. Обрюзгший тупой старик — и это профессор Норман ди Эвор, по книгам которого учились все психобиологи мира? Норман ди Эвор — победитель рака... Особенно мерзко было, что это случилось именно с ним — с ученым, пытавшимся доказать сверхъестественную силу человеческой психики. Природа будто смеялась над ним. А тут еще Дорты, мелкие подлецы...

— Вы имеете в виду шефа? — Голос Тат стал жестче. — Этот вожак пока не съеден. Кстати, он к вам еще не заглядывал?

— Что? — Жиль представил себе грузную фигуру Эвора, ковыляющего зачем-то по коридору, постукивающего палкой, повисшего на руке слуги.

И зачем понадобилось бы этой немой фигуре к нему заглядывать? А главное, зачем нужно было госпоже Тат Исканди говорить ему подобную нелепость? В какую игру все они с ним играют?

— Не шутите так странно, Тат...

Дверь распахнулась. На пороге стояла Малин:

— Вот и я. Госпожа Тат, господина Сильвейра просят к профессору.

Жиль шел по коридорам: один длинный коридор впадал в другой, этот другой — в третий. По обеим сторонам белели двери с табличками: «Лаборатория биотоков растений», «Лаборатория индикации эмпатии», «Лаборатория социальной логики».

«Как все эти лаборатории существуют теперь?» — спрашивал себя Жиль.

Норман ди Эвор создал их все и был когда-то их мозгом. Теперь Эвор был просто «мертвым волком».

— Да-да, прошу,— сказал сочный мужской бас.

Нормана ди Эвора в кабинете не было... Это был огромный кабинет, именно такой, какой должен быть у ученого с мировым именем, директора крупнейшего института.

В дальнем конце у письменного стола стоял человек — высокий, даже очень высокий, чуть начавший полнеть. Его мощная гривастая голова возвышалась над могучими плечами, и весь он создавал впечатление матерой силы. Он стоял, опершись о стол, издали всматриваясь в Жилу и как будто призывая его взглядом. Сзади отодвинутое, скорее даже отброшенное сильным толчком, кресло показывало, что он только что сидел в нем... А между тем это был кабинет Нормана ди Эвора и кресло — это было его рабочее кресло...

Жиль остановился.

— Очень рад,— говорил человек, оторвавшись от стола, двигаясь навстречу.— Рад познакомиться наконец ближе.

Он шел навстречу Жилу по бесконечному бесшумному ковру и улыбался. Свободная походка спортсмена, сильное рукопожатие.

— Прошу вас, сядьте. Пожалуйста.

Жиль опустился на длинный, вдоль всей стены, диван. Мужчина пододвинул ногой что-то вроде пуфика. На старинном пуфе с выгнутыми ножками этот атлет выглядел нелепо. Собственно, он был не такой уж атлет: вблизи видно стало полноватое лицо, лицо стареющего усталого льва. Только жесткий, раздвоенный подбородок подтверждал первоначальное впечатление.

Незнакомец, восседая на колченогой софе, в упор с любопытством рассматривал Жилу. И Жиль сидел и молча позволял рассматривать себя, как будто даже поворачивался под властным взглядом то прямо, то чуть боком. Конечно, сидеть так было глупо. И кто был этот самозванец, занявший кабинет профессора ди Эвора, кабинет, на котором было обозначено, что он принадлежит Эвору, и указаны все его регалии? Почему он даже не представился? И зачем понадобился ему Жиль? Может быть, это наконец тот, кто вызвал его в столицу? Возможно, сам Советник? Но нет, этот больше всего похож на путешественника, вернувшегося

откуда-нибудь из Африки... Но кто бы он ни был, ему, во всяком случае, следовало представиться. А если он сам этого не понял, Жиль вынужден будет осведомиться об имени:

— Простите...

Глаза незнакомца усмехнулись. Это были большие чуть навывкате глаза, усмешка сидела в них где-то внутри.

— Нет, это я должен просить прощения. В последний раз мы виделись с вами в четверг. Я не ответил тогда на ваш поклон. Прошу извинить: по четвергам я бываю не в форме...

Жиль вздрогнул: ну как он мог не узнать? Это лицо с резким раздвоенным подбородком, он помнил его по портретам в школьных учебниках. Это был Норман ди Эвор.

Глава 5

В парадном кабинете ди Эвора в стенной панели из карельской березы была маленькая дверка, почти тайная. Она вела в мастерскую профессора. Почему шеф выбрал именно его? Этого Жиль объяснить не мог. Консельюш и Браганс — старые соратники, но работать он пожелал с Жилем. Это произошло фактически в первый же час знакомства. Странно, ведь ди Эвор вряд ли даже слышал о нем раньше. Вызвал Жилия, во всяком случае, не он. Он просто не имел на то власти...

Но первый же час показал, что сработаться они смогут. В тот день Жиль впервые помогал профессору обрабатывать ленты. Они стояли, наклонившись над термостатом, профессор — ближе к книжным полкам, Жиль — касаясь боком шкафчика с химикалиями. Хотя, где в этой мастерской хранятся химикалии, Жиль тогда еще знать не мог. Ди Эвору понадобилась нитрокраска — номер на краю ленты немного был смазан.

— Мне не дотянуться. Будьте так добры, коллега, в шкафу у вашей ноги... — Тут шеф обернулся, чтоб сориентировать Жилия еще и жестом. Но Жиль, не дождавшись слов, уже протягивал ему нужную баночку.

С тех пор прошло почти два месяца. И для этого срока они притерлись друг к другу совсем не плохо. Правда, это касалось в основном экспериментов. Тут

они были как две руки одного тела, вернее Жиль превращался во вторую пару рук Эвора: «проводничок» Жили срабатывал исправно.

Так обстояло дело с работой над экспериментом. Что касается остального... ну, тут можно было сказать, что они друг друга не раздражали. Более сильный телепат, Эвор просто отключал «проводничок» Жили, как только заканчивался очередной опыт. Они ни разу об этом не говорили, просто Жиль видел: профессор знает про «проводничок», знает и отключает. При этом зеленоватые выпуклые глаза чуть усмехались...

Они почти друг друга не раздражали, они всё еще друг к другу приглядывались. Манера приглядываться была у них очень разная. Ди Эвор делал это не всегда, чем-то вдруг отвлекшись, забывал Жили на целые дни, а вспомнив, смотрел в упор, чуть прищурясь. Жиль же следил за шефом, стараясь делать это не так уж явно, а сам ни на минутку не упускал его из виду. Тут он чувствовал себя сильнее: наблюдать он умел! И было что наблюдать. Жиль работал с ди Эвором почти уже два месяца и знал теперь то, что знали в столице все: по понедельникам, вторникам и средам знаменитый психобиолог Норман ди Эвор существует в своем натуральном виде. Со среды среды он начинает сдавать. В четверг профессора уже нет, есть лишь грузный мешок, как раз такой, каким увидел его Жиль в тот первый раз.

Каков профессор с вечера четверга до утра понедельника — это не известно никому.

Но в понедельник он является свету помолодевшим лет на полсотни.

Среди уборщиков и слесарей команды Малин ходит слух, что старый слуга хоронит ди Эвора по четвергам в семейном склепе. Хоронит в четверг и воскрешает в понедельник.

Если это так, то лучше бы ему хоронить профессора в среду.

Но нельзя: в четверг Эвор обязан бывать на службе.

Говорят, министр внутренних дел ди Визеу предупредил короля, что если ди Эвор позволит себе гулять еще и по четвергам, в стране пошатнется основа основ — дисциплина. А тогда и вообще ни за что нельзя поручиться.

Еженедельное омоложение Эвора было абсолютно достоверно — Жиль видел это сам.

Другой достоверный факт заключался в том, что никаких объяснений по этому поводу профессор не давал. Не давал, и всё. Только наклонял гривастую голову и усмехался своими выпуклыми глазами,

Это невероятно: существует способ омоложения, он открыт, его применяют, всем об этом известно, и все спокойно спят, не пытаются вывести!

— Что вам известно об омоложении шефа? — вскользь спросил Жиль коллег.

Небрежный тон вопроса не обманул никого.

Глория Фонте сказала коротко и ясно:

— Не лезь не в свое дело.

Браганс присвистнул:

— Послушайте, восходящая звезда, оставьте эту тему, пока у вас целы мозги.

Сим Консельюш улыбнулся:

— Милый Жиль! Через это прошел весь город: академики, полиция и частные королевские детективы.

— Ну и как?

— А никак. Это увлекательнейшая загадка. Три биолога и один писатель-фантаст лежат в психолечебнице. Остальные стали благоразумнее.

В общем-то, они были правы. Они даже не подозревали, как они правы: свихнуться тут было раз плюнуть. То, что произошло с Жилем в саду загородного дома профессора Нормана ди Эвора, напоминало горячий бред.

...В вечер того четверга Жиль засел в кустах за профессорским забором. На слезку он решился не сразу, сначала была эпоха вопросов:

— Шеф, вы верите в птицу Феникс?

— Шеф, давайте встретимся в пятницу...

Это были грубые и просто глупые провокации: Эвор не из тех, кому задают вопросы. Нежелательный ему вопрос застревал у собеседника в глотке, а он лишь усмехался... Жиль попадал в глупейшее положение. Но тут он был не властен: он уже не управлял собой. Любой разговор, любой самый маленький контакт заканчивался именно этим: намеком, пробным шаром, быстрым вопросом Жилия и усмешкой шефа в

ответ. Но если в природе, в технике, черт знает где был способ омоложения — снадобье, втирание, заклинание, то нелепо требовать, чтоб биолог или даже просто нормально развитый человек закрыл на это глаза, просто взял и прошел бы мимо...

Жиль сидел за профессорским забором в кустах. Кусты были голые и мокрые, под плащ забиралась сырость. Он смотрел на освещенное окно особняка: ди Эвор удалился, поддерживаемый слугой, и теперь лежит, наверное, в своей спальне. И пролежит так всю ночь, сутки, а то и трое суток — до понедельника. За это время Жиль разбухнет от дождя, примерзнет к ограде, прорастет как куст. Но если шеф не выйдет из дома три дня, Жиль будет по крайней мере знать, что это происходит именно в доме... Конечно, сама по себе слежка — вещь не слишком красивая. Но должен же он хоть что-то сделать? Мучительное любопытство грозило перейти в манию...

Следовало признать, что кроме любопытства здесь было кое-что еще. Жиль будто шагал по болоту с завязанными глазами. А все столичные чудеса, похоже, сматывались с одного клубка. Так что начинать можно было с любой нити...

Еще одной побудительной причиной была Тат. Оценить свое истинное отношение к Тат Жиль не мог. Чаще всего он считал, что это корысть. Просто он хотел обосноваться в столице попрочнее... Ученым Тат была никаким, в лаборатории Эвора она лишь числилась; но, странное дело, в то время как ученые проводили работы, какие-то непонятным образом возникшие круги неученых лиц выносили приговоры качеству их работ, отнимали или предоставляли им средства на эксперимент, увольняли со службы, представляли к награде. Жиль не мог объяснить, как это выходит: он еще слишком мало жил в столице. Тат была действительным членом этого правящего общества.

Странно было и то, что Тат Исканди не вызывала неприязни профессора. Она была враждебна ему, связана с Дортом, не зная этого шеф не мог, и всё же он с удовольствием смотрел, как она идет, посверкивая браслетами, покачивая серьгами... «Вы настоящая Ева, госпожа Исканди!»

Ди Эвор улыбался, а она стреляла в него подсиненными глазами.

И каждый раз при этом Жилия бросало в жар. Ой

не мог сдержаться: «Профессор пользуется успехом у дам?» — «Женщина вынуждена сама заниматься некоторыми загадками, раз они не по зубам мужчинам!» — парировала Тат.

И вот Жиль Сильвейра крадется вдоль чужого забора.

Жиль вглядывался в темноту. Что-то шевельнулось. В глубине сада, в тени сарая, навалясь на палку всем своим обвислым телом, двигался ди Эвор. В следующую минуту тяжелый силуэт колыхнулся, оттолкнул сарайные доски и скрылся в черном проеме.

В секунду Жиль перемахнул ограду... Сарай был очень стар, выломанная доска висела на одном гвозде, образуя что-то вроде двери. Прямо лезть вслед за шефом — это было уж слишком. Жиль двинулся вдоль стены, чтоб взглянуть с другой стороны. И остановился пораженный: с другой стороны сарая не было... Сарая не было. Единственная оставшаяся стена опиралась на огромную кучу песка. Между нею и прогнившими досками не протолкнулся бы и детский пальчик. «Но куда же шагнул профессор?» Песок просвечивал сквозь щели. В образовавшемся проломе стоял окаменевший песок. Но ди Эвор вошел сюда. Жиль сам видел, как тяжело переносил он ногу...

Ассистент приник к доске, шагнул, точно копируя движения профессора.

Сон это был или явь? Он безуспешно задавался потом этим вопросом.

Жиль почувствовал, что полусидит на теплом, гладком... В тот же момент что-то пролетело над его головой и повисло на перекладине выше затылка. Широкий пиджак на пестрой подкладке! Вслед за ним тем же порядком проследовали брюки. Они освещались полоской света, входящего через ровную вертикальную щель. В щели виден был холл: край зеркала, ковер на полу... Согнутые колени упирались в стену. «Я, кажется, попал в чей-то шкаф? И хозяин как раз здесь. Как неловко...» — Мысли были до крайности нелепы. Тут длинные ворсинки ковра всколыхнулись, хлопнула дверь... «Ушел?» — Жиль с облегчением шевельнул ногами и вдруг замер: брюки и пиджак всё еще тихо покачивались над головой... Это был знакомый костюм Нормана ди Эвора!

Сон это был или явь?

Он выскочил на крыльцо, когда тень крупного

мужчины спрыгивала с последней ступеньки, бежал за ней, боясь потерять в запутанных темных улочках. «Так вот ты где! Так вот ты где!» — стучало в мозгу. Сперва не смущала даже странная прыть профессора. Возможно, виноват в этом был город: причудливые контуры домов, вытянутые башенки крыш. Дома, отделанные блестящими плитками, тротуары, мощенные белой черепицей. Жиль мог бы поручиться, что никогда не видел ничего подобного. А главное — город был приморский. От Этериу до моря около двухсот километров, но тут море было рядом, где-то за ближними домами: в лицо дул пропитанный солью бриз, слышался гул прибоя... Всё это должно бы было поражать, даже пугать, но коснулось сознания Жиль лишь вскользь. Ди Эвор был где-то здесь. Что это за город, как очутился здесь профессор, как попал сюда он сам — всё это было сейчас неважно. Главное — не упустить! Не упустить старика именно теперь, когда дело на мази, когда что-то вот-вот прояснится...

В желтый круг фонаря впереди вошел молодой, сильный, наверное, очень сильный, человек с особой походкой, чуть пружинящей при каждом шаге. Жиль даже охнул от острого разочарования: этот удивительно пластичный человек ничем не напоминал грузнеющего ди Эвора.

Значит, шеф остался там — в том доме со стенным шкафом... Ну да, вышла ошибка, из странного дома ушел вот этот атлет, а ди Эвор остался...

Жиль быстро повернулся, отыскивая дорогу обратно.

На соседнем балконе в длинном, видимо, бальном платье стояла... Глория Фонте. Стояла, облокотившись о перила, касаясь их почти открытой грудью. Только теперь Жиль заметил, что тут нет дождя, что тут тепло — этот странный город был, наверное, гораздо южнее Этериу...

Глория смотрела на стройного незнакомца.

— Принцесса, — произнес тот, будто продолжая или даже заканчивая какой-то разговор. — Мои люди доставят вам сколько хотите рыбок.

Он сказал это очень тихо, так что слово «рыбок» едва можно было расслышать. А она наклонилась как можно ниже, будто хотела закрыть, скрыть его, и всю эту встречу, и самое знакомство. Плечи ее подрагивали от ужаса... «Неужели — буглёр?!» Жиль отпрянул.

Когда-то в древности мир охватила всеобщая жажда тюльпанов. Теперь история повторялась. Только предметом вожделения стал не цветок, а причудливая аквариумная живность.

Аквариумы вошли в моду лет сорок назад, и теперь во всем королевстве каждый дипломат, чиновник, придворный — любой человек, желающий быть сколько-нибудь заметным, считал долгом держать в своем доме причудливых морских рыбок и рачков. И чем причудливее, тем ценнее. За глубинных моллюсков отдавались состояния. Когда эта мода только еще входила в силу, кое-кто из рыбаков и торговцев нажил себе миллионы. Говорили, то есть шептали собеседнику в ухо, что Советник был как раз из той породы... Но потом король объявил о своем монопольном праве на торговлю и отлов. Нарушителей казнили на месте. Жиль помнил с детства рассказы о том, как буглэры, будто фонари, висели, раскачиваясь, на всех дорогах. Буглэрами называли браконьеров.

— Вы же знаете, Нор, что дело не в рыбаках, — чуть слышно шепнула Глория.

Неужели она связалась с буглэром? Видно было, как подергиваются страхом ее губы... Но она смотрела на него, как бывало на ди Эвора: с просящим, умоляющим ожиданием. И незнакомец точь-в-точь как Эвор чуть отступил, повел плечом... Всему Королевскому институту было известно, что электронщик Глория Фонте следует всюду за профессором ди Эвором. И что профессора это втайне раздражает... Но вот она сменила старого профессора на молодого буглэра, а характер отношений не изменился. «Она носит это в себе самой, — подумалось Жилью. — Судьба всех наших встреч, отношений — в нас самих. Бедная Гло! Но как она тут оказалась?»

Как оказалась тут сотрудница Королевского института Глория Фонте? Тоже следила? Нет, в самом деле? Ступенчатая, вся в вертящихся флюгерах башенка над головой Глории будто кивала...

Буглэр шагнул в тень... Жиль не подошел бы к буглэру ни за что на свете. Он подождал, пока тот скроется в подворотне.

— Привет, Гло! Ну а где же наш шеф?

Нет слов, встреча была неожиданная. Глория вздрогнула, быстро оттолкнулась от перил, намереваясь скрыться в доме.

— Постой!

Она сделала испуганный, отстраняющий жест. Ну да, попасться на шпионстве не так уж приятно. Хотя его ей стесняться нечего: два сапога — пара.

Она намеревалась скрыться в доме, но длинный шарф обмотался вокруг чугунного столбика, зацепился за куст балконной розы...

— Постой же!

Она успела здесь куда больше, чем Жиль: дом, куда ее, во всяком случае, пускали, знакомства... Должно быть, следила давно... Вот тебе и бескомпромиссная Фонте! Но возможно, шеф привел ее сам? Доверил-таки свои тайны? Тогда говорить с ней бесполезно: будет молчать как рыба.

Она высвобождала шарф, прозрачный, но, видимо, очень прочный, и вдруг рванула его, оторвав кусок, смахивая цветущие растения.

«Бойтся, что видел ее буглёра?» — Жиль шагнул.

— Гло! Прощу тебя...

Она остановилась, посмотрела на него каким-то странным взглядом, будто видела его впервые... Она и видела его впервые. Совершенно невероятно, непонятно, необъяснимо, но она видела его впервые. Жиль это понял: сверху глянули незнающие, заслоненные страхом глаза.

— Прекратите! Я не позволю... я — принцесса де Фонте!

Жиль бежал по гулкому кафелю вверх. Прежде он приближался к морю, значит теперь следовало удаляться. Кем бы ни была эта странная Гло, он потерял с ней время. То самое время, когда профессор там, в доме... Скорее!

Он проскочил какой-то двор и почти налетел на давешнего буглёра, входящего в дверь высокого дома. В этот миг ему дали сзади подножку...

— Вы что? Он у вас задохнется.

— Ничего, госпожа. Парень он крепкий.

Ему чуть ослабили заткнутый в рот кляп, надутая женская рука отстранила тряпку от ноздрей. Он лежал у ножек массивного стола. Над ним возвышались трое мужчин в одежде портовых грузчиков. Находившаяся среди них женщина составляла страшный контраст с компанией и со всей грязноватой ком-

натой. Небольшого роста, дородная, такая, какие считались красавицами в восемнадцатом веке, с большой грудью и уложенными надо лбом косами, она была одета со всей изысканностью современной моды. И это ей шло...

— Что с ним делать, госпожа? Подглядывал за Нормом. Как видно, шпик.

— Не спеши. Норм будет здесь сам.

Голос красавицы, ее осанка что-то напоминали Жилю. Он видел уже где-то эти совсем светлые глаза, эту вскинутую прическу-башню. Только где? Лицо ее вдруг засветилось:

— Норм, тут как будто поймали шпиона...

В комнату шагнул всё тот же незнакомец. Очень гибкий, в обтягивающем черном свитере, он двигался будто под музыку, под четкую, жестковатую музыку. Присел, пододвинул лампу:

— Господин Сильвейра?

Зеленоватые глаза, знакомая усмешка... Это было лицо ди Эвора!

Это было лицо ди Эвора, но не того, вошедшего сегодня в кучу песка, а другого, забытого, из детства,— с портретов в устаревших учебниках.

Жиль сидел на табурете, поставив ноги на свое прежнее ложе — грязный дощатый пол. Напротив сидел профессор Эвор, каким он был, наверное, лет семьдесят назад. Во всяком случае, этот Эвор был не старше самого Жилья. Костюм, раскачивающийся в шкафу на перекладине, был бы ему явно широк. Так вот почему он переоделся...

Портреты молодого ди Эвора не давали о нем, оканчивается, никакого представления. В натуре он был могуч и гибок. И это необычное сочетание поражало...

— Хотите пива, Жиль?

Имя прозвучало неуверенно, будто профессор забыл его, во всяком случае, знал не точно. Может, он, молодея, забывает кое-что из, так сказать, будущего? Вообще шеф смотрел как-то странно: будто не узнавал, будто не совсем узнавал и не был уверен, что они знакомы.

«Отсюда и пиво и бодренький тон», — подумал вдруг Жиль.

— Так как же насчет пива?

Фламандская Венера поставила кувшин, бросила взгляд исподлобья. Жиль поперхнулся: да это же Ма-

лин! Институтская хозяйственная власть — Малин! Но почищенная, помытая. Из нее вытряхнули злость и дали образование, возможно даже высшее.

— Вы хотите что-то спросить?

Вопросы выдают не хуже ответов. В появлении Жилия в этих краях было что-то, что ставило в тупик самого ди Эвора. Ассистент чувствовал это всей кожей.

— Хочу! Что это за город? Как мы сюда попали? Почему вы помолодели, а я — нет? Кто эти Гло и Малин, которые меня не узнали?..

Эффект вопросов был поразительный: ди Эвор вскочил, резко нагнулся:

— Вы из Этериу? Вы... вы действительно мой ассистент?

Его поза, весь вид выражали крайнее изумление.

— Разумеется, профессор.

Это произнесенное машинально утверждение произвело действие ракеты, запущенной в ночное небо. Зеленоватые глаза ди Эвора раскрылись от острого интереса, вперились в Жилия. «Ему кажется странным, что я помню, кто я? — соображал Жиль. — Ну ясно, здесь все себя забывают. Ощущают себя в другой роли, вот как эта принцесса Глория...»

Изумление ди Эвора не исчезало. Он сел на табурет верхом, скатал на крышке стола хлебного червяка, червяк вышел длинный, потом оба его кончика отломались. У молодого Эвора волосы были светлее. Но манера задумываться не изменилась — опустив плечи, раскатывая что-то в сильных пальцах...

— Вы не участвовали в спиритических сеансах, Сильвейра? — наконец пробормотал он. — Из вас вышел бы лучший в мире медиум.

Жиль сглотнул слюну:

— Вы омолаживаетесь в куче песку, профессор, я сам почти видел это.

Конечно, это не было сном. Для сна события развивались уж слишком закономерно. В этом новом мире они с шефом тут же встали в свои старые, установившиеся для них позиции: Жиль нападал, просил, спрашивал, ди Эвор отвечал молчаливой полуусмешкой.

— Профессор, вы должны наконец ответить. Если открыта тайна омоложения, то вы... То я, как ученый... Послушайте, это наконец странно!

Жиль, разумеется, ощущал всю нелепость своей речи: ди Эвор не нашкодивший школьник, который устыдится нотации. Несомненно, у профессора есть причины, заставляющие его скрывать Запесчанье или что-то другое, связанное с омоложением. Какие? Этого он пока не знал. Во всяком случае, ди Эвор считал их основательными. Значит, разговоры тут излишни... Но Жилья как будто несло:

— ...профессор, ради науки...

Во время разговора в комнату входили и выходили люди в одежде грузчиков. Они и прежде смотрели на гостя без особого удовольствия, а его тон не понравился им и вовсе. Один из них кивнул другому и быстро, но недвусмысленно резанул себя ребром ладони по шее.

— Вот что, Сильвейра,— перебил Жилья ди Эвор,— уходите, откуда пришли.— И добавил, бросив взгляд на свою братию: — Я провожу вас.

Они вскарабкались по улочкам вверх, молча вошли в знакомый холл.

— В этом городе вы становитесь молодым,— сказал Жиль,— я это вижу сам. Но всё равно это мистика.

Ди Эвор распахнул дверцы шкафа, отодвинул костюм вбок.

— Вот именно, мистика! — подтвердил он без улыбки.— В этом всё дело... Войдите сюда и подпрыгните. До понедельника, Сильвейра.

Жиль шагнул. Внезапно надвинулось что-то серое... Он стоял, опершись о сырые доски сарая, в темном саду профессора. Была поздняя ночь, в окне профессорской спальни всё еще горел свет.

Глава 6

И всё же, что́ это было? Сон? Явь? Жиль безуспешно задавался этим вопросом, сидя напротив шефа в полутемной кабине. Они сидели на низких скамьях вертолета в совершенно одинаковых позах: упиравшись спинами в стенки, а ногами в сиденья напротив. Лицо профессора выступало бледным пятном на расстоянии вытянутой руки...

В саду шефа Жиль был в тот четверг наяву. Но остальные?... Стена сарая, южный морской порт, тридцатилетний ди Эвор... Отдельную загадку представля-

ли дамы: принцесса Глория, красавица Малин. В самом деле, кто, зачем и как превратил неуклюжую Малин в изысканную красавицу и научил литературному языку взамен той тарабарщины, которую она обычно несла?

Что этериуанские двойники женщин представления не имели о Запесчанье — это Жиль установил абсолютно точно. Вернулся он поздно ночью, а утром позвонил Глории еще до работы: «Алло, Гло? Извини, что побеспокоил. Ты не скажешь, где находится товарная станция?» — «Куперпутти восемь. Это у вокзала. А что, пришел багаж?» — «Машина. А, кстати, где ты пропадала? Я искал тебя вчера целый вечер». — «Зачем?» — «Ну вот, зачем... Поболтать. Пригласить в ресторанчик». — «Не терплю ресторанов. И не ври. Я весь вечер не вставала с дивана...»

— Вы поставили на автоводитель? — Голос профессора вернул Жилия к действительности.

— Да, шеф. Наш маршрут — простая кривая.

Вот уже два месяца они с ди Эвором обменивались этими фразами в начале полета. Два месяца они летали ежедневно. То есть, конечно, не ежедневно: по понедельникам, вторникам и средам...

«Ну а если предположить, что это всё-таки явь?» — думал Жиль. — Тогда где-то в саду возле кучи песка есть вход в какое-то королевство. Что королевство — это абсолютно точно, недаром же Глория звалась там принцессой... Ди Эвор проникает в то королевство и при этом молодеет. А в понедельник он оттуда выходит. И при этом старится, но не совсем, и еще три дня сохраняет остатки молодости...»

Жиль думал об этом постоянно, а тем более во время полетов, вглядываясь в темноте кабины в мерцающие глаза шефа. Когда-то молодой ди Эвор написал брошюру о том, как воспитать в себе телепата. Однако речь там шла лишь о приеме мыслей, чувств... Сам же профессор был скорее передатчиком. Передатчиком-диктатором. И как таковой он просто отключал «проводничок» Жилия, — ассистент знал это точно. Еще он знал — шеф мог бы просто приказать ему мысленно: «Не думай обо мне», и он не думал бы. Или, во всяком случае, думы были бы не так навязчивы... Но Эвор, видимо, не считал нужным вмешиваться. Он только не отвечал на вопросы. После ночи в Запесчанье Жиль решил было объяснить: «Профессор, вы мне при-

снились. Мы с вами попали в какой-то город, почему-то через стенной шкаф. И это был порт. Извините, шеф, но в моем сне вы выглядели чуть ли не буглёрком». — «Занятный сон», — спокойно отозвался ди Эвор.

Так они и сидели каждый вечер, молча, прислушиваясь к гулу мотора. Вечерние полеты — это было частью того эксперимента, который ди Эвор и Глория качали еще до Жилья, еще когда он был в Ирландии. Проверялась возможность записи и трансляции эмоций — механизированный гипноз.

В записи эмоций главной была Глория. Она соединяла провода приборов, опускала лабораторные штормы. Возле похожего на магнитофон устройства сваливались кучи моркови; голодные зайцы выпрыгивали из клеток; Глория клала палец на кнопку «запись» и командовала обоим мужчинам: «Сгиньте!» Они выходили. Сама Глория тоже шла следом, распоряжалась: «Отойдите от двери. Не врывайтесь кислыми мыслями в чистую заячью радость».

Потом ленты с записями вставлялись в портативный передатчик. Жиль с ди Эвором вешали его в леске под Этериу, а на другой день летали проверять. Работа была опасная: вылетали только под вечер, только вдвоем, без фар и огней, с одним опознавательным краснячком на хвосте. Шеф настаивал на полной тайне.

Положительных результатов эксперимент пока не давал.

Так они и работали втроем: днем записывали, вечером летали...

Но всё-таки что же это было там, в профессорском саду? Конечно, он мог бы снова пробраться к сараю. И в конце концов так он, наверное, и поступит. Пока же его что-то удерживало: во-первых, его оттуда довольно недвусмысленно выставили, а во-вторых, он представлял себе, как будет смешон, когда, промчавшись по холоду и дождю, занесет ногу в пролом сарая и вдруг ударится об окаменевший песок...

— Сильвейра, взгляните...

Жиль вздрогнул, поднял голову. Кабину наполнял негромкий звон сигнализатора цели. Ди Эвор уже не сидел, он приподнялся, прижимаясь лбом к стеклу, придерживаясь за ременные петли.

— Где, где?

— Вон под той грушей.

Внизу под дикой грушей двигался темный круг теней. Это были зайцы. Они обступили дерево, задрали мордочки кверху. Жиль никогда не поверил бы, что в этом пригородном леске столько зайцев.

Они теснились, образуя у корней огромную живую опухоль. Опухоль шевелилась, пульсировала: зверьки давили друг друга, вскакивали на спины соседей, зачарованные и притягиваемые черной коробочкой в ветвях. Из коробочки лились на них волны блаженства — тепла, безопасности, сладкого морковного сока... Гипноз был механизированный и массовый.

— Ага, прибежали, а? Мы с вами гении, господин Жиль! — Профессор смеялся. Это был громкий смех, гораздо более громкий, чем это принято. Жиль читал еще в детстве про этот короткий хохот — победный клич ди Эвора.

Хохот оборвался. Следующая реплика шефа звучала деловито:

— Надо освободить.

Имелось в виду — освободить зайцев. В самом деле, это напоминало гигантский капкан. Жилья передернуло от этой минутной мысли. Но думать было не время.

— Включаю переднюю фару, — ответил он.

— Внимание... иду...

Последнее слово совпало с резким толчком вертолета. Еще в начале фразы, еще до команды шефа, Жиль отключил автопилот и бросил машину вниз. В это время ди Эвор пристегивался ремнями, отодвигал стекло. В общем, слова были не нужны: в такие минуты они друг друга понимали... Вот вертолет коснулся брюхом ветвей: ди Эвор, высунув в окно устройство, похожее на большой крюк, ждет, чтоб передатчик оказался напротив; Жиль в другом конце кабины, вершина груши видна ему смутно, совсем под другим углом, но он каким-то образом угадывает нужный момент, тормозит в самое удобное для Эвора мгновение. «Так вот почему шеф выбрал именно меня!» Крючок цепляет, вырывает темное пятно. Вой мотора — они взвиваются вверх. Головоломный цирковой трюк. Парное выступление без предварительной репетиции. «Как это у нас выходит? Я сам его так воспринимаю?! Или это он мною движет?» — проносится в голове Жилья. Внизу распадается освобожденный заячий хоровод.

— Вот оно: счастье — массовым тиражом. — Профессор держал в руке маленькую черную коробочку.

— Дайте, дайте сюда. — Жиль нетерпеливо откинул крышку, вытащил ленты, прочел номера: 1043 и 1044!

— Не спешите, коллега, дурная примета. Собственно, ведь это уже не наука. Скорее технология...

Шеф был прав. Передачей гипноза он занимался уже не первый год, теперь отрабатывалась лишь технология самой записи эмоций; и даже еще гораздо уже: технология изготовления самих лент. Но это не давалось. И в конце концов и самая возможность — доказательство возможности записи и передачи эмоций зависела теперь от лент. От того, каким слоем их покроют, какие пленки нанесут... Были сделаны тысячи вариантов. Производили их почти наугад, Глория называла это «методом тыка». Каждый вариант ленты, конечно, снабжали номером и заносили в лабораторный журнал. То есть записывал всегда Жиль, он не доверял это никому: знал, как велись здесь записи прежде...

Ди Эвор уже сидел на лавке.

— Господин Жиль, уберите игрушку.

Шеф имел в виду ленты: долго держать их в руках не рекомендовалось. Тем более это были исторические ленты, с ними связано происшедшее только что важнейшее, может быть, открытие века...

При этой мысли Жилью стало жарко. Как ощущают себя первооткрыватели? Что должно делать? Держаться невозмутимо важно? Целоваться?

— Ну? Освободили руку? Протяните ее сюда. Необходимо запить эту непомерную славу.

Внутри скамьи был, оказывается, ящик, и из него шеф извлек бутылку коньяка. Жиль никогда бы не подумал... Он почувствовал в ладони бокал.

— Шеф, вы... — Жиль подыскивал поздравительные слова. — Вы...

— Пижон? — предупредительно подсказал ди Эвор. — Возможно: не терплю пить из горлышка.

— Простите, я хотел сказать...

— Понимаю. Вы не хотели выразиться так грубо.

Жиль прислушивался к тому, как бьет струя о стекло. Коньяк в институтском вертолете. Коньяк,

припрятанный профессором ди Эвором. Конечно, в сложившейся ситуации это было очень кстати. И всё же он не мог представить себе ди Эвора, проносящего бутылку за пазухой, осторожно оглядывающегося по сторонам... Спиртные напитки в здании института воспрещались.

И когда он ее протаскивал так незаметно?

А может, у него там целый склад? И он посасывает потихоньку все полеты: не может дождаться конца... Тогда, возможно, горные старцы правы — молодость на дне бурдюка; Жиль в поисках научных истин засыпает у прогнившего сарая и видит сны про города и буглёров, а Норман ди Эвор валяется в это время мертвецки пьяный. Он валяется в своем особнячке с четверга до понедельника пьяный и просыпается омоложенным... Этим и объясняется его, мягко выражаясь, непонятная скромность.

Но может быть, шеф принес коньяк лишь сегодня? Как раз сегодня Жиль запоздал и профессор прошел на крышу первым. Но тогда это значит, что «тык» при изготовлении лент был не совсем уж «тыком», что шеф предвидел сегодняшнюю удачу, во всяком случае надеялся, что это произойдет сегодня и именно с этими лентами: 1043 и 1044...

Собственно, откуда он взял, что у профессора нет определенного плана обработки лент? Ди Эвор начал ее еще до Жилья, потратил уже с полгода. Предположить, что он тыкался вслепую, без идеи, — значило просто забыть, что такое Норман ди Эвор... То, что шеф принимал отдельные предложения ассистентов, еще ни о чем не говорило.

— Выходит, вы знали, что сегодня выйдет? — Это прозвучало резче, чем хотелось бы.

Конечно, Эвор не обязан был никого посещать. Но всё же... Всё же они работали вместе.

— Рассчитывал, — тихо ответил шеф. — Но я суевен.

«Правильно. Он и должен быть суевенным», — подумал Жиль.

Шеф сидел, вытянув длинные ноги, бутылка стояла у него между колен.

Странно, кто это там сидел?.. Вертолет еще находился в воздухе, их было в нем только двое, и всё же Жиль не поручился бы, что сидящий напротив него человек в самом деле его шеф, известный профессор

Норман ди Эвор. В сгустившейся темноте кабины лицо было неразличимо, силуэт же как-то вытянулся, утончился, неожиданно приобрел гибкость...

Теперь он напоминал того пластичного человека — Нора из Запесчаного порта...

— Почему вы не нальете еще, Сильвейра? Вы, упаси бог, не трезвенник?

— За все наши лица! — отозвался Жиль.

В одной из историй, сотнями пущенных по стране, рассказывалось, что лет двадцать назад профессор Эвор торжественно отбыл в заграничную командировку и в тот же день объявился в бродячем цирковом балагане: выехал на арену на вороном жеребце в черном обтягивающем трико с красным цветком в зубах. По другой версии, он три недели пел в кабаке где-то на юге. «Наверное, тогда у него еще не было Запесчаного порта», — подумал вдруг Жиль и сам удивился.

— Аминь! — профессор отпил. — Скажите, Жиль, вы уверены, что хотите со мной работать?

Вот это было неожиданно! Жиль поперхнулся жгучей жидкостью: «Значит, сам он со мной работать не хочет? Но почему? Какая причина?» Причин могло быть много: не хотел делить славу, боялся, что с приходом Жилия легче будет выжить его из института... «Какая чушь!» — остановил он себя. Такие причины ди Эвору не подходили. Дорту, может быть, и ему — Жилию, когда ему будет лет семьдесят, но не Эвору. Достаточно было взглянуть на этот мощный силуэт... Значит, что же остается? Что профессор присмотрелся к новому ассистенту и нашел его бездарным?

— Не подхожу? — Жиль старался, чтоб голос не был таким уж хриплым. Хотелось уйти, выпрыгнуть на ходу.

— Вы меня не так поняли. Мне вы подходите. И потому хотелось узнать, подхожу ли я так же вам.

— Вы мне? Я действительно не совсем понимаю...

— Уточню. Вас увлекает систематология, Сильвейра?

В последнее время много писали о видах творчества. Основных видов называли два: «генерация» — внезапное рождение абсолютно новой идеи и «систематология» — продолжение работы, выводы, уточнения... Увлекает ли его, Жилия, систематология? Станный вопрос. Конечно, он — систематолог. И от этого никуда

не деться. Ну скажем, что сделал биолог Сильвейра за десять лет по окончании университета? Интересовался психовозбудимостью крыс при воздействии музыкальных ритмов, изучал работы Каба и двух итальянцев Бини на эту тему, вывел количественные закономерности. Занимался вопросом осязания у глубоководных рыб, изучил двадцать четыре существующих в мире монографии, полгода проработал в специальном бассейне Токио, предложил свою классификацию... «Типичный систематолог». Жиль знал это о себе давно. Знал, что педантичен, аккуратен, точен, *нуден* — как систематолог. Даже к архиву лаборатории самого ди Эвора он отнесся, как положено ученому этого скучного типа, — возмутился. Возмутился царящим там хаосом: масса возникших походя и брошенных идей — недопроверенных, недодуманных, недосказанных; каждой из них хватило бы на сенсацию. Но это совсем не означало, что ему не хотелось бы так же рождать идеи. Рождать и, может быть, так же бросать их...

— В основном оба типа творчества равнозначны, — произнес профессор. — Возможно, систематологи смотрят немного шире...

«Больше читают, — подумал Жиль. — Больше читают чужих записок».

Он вдруг разозлился. К чему было это расшаркивание?

— Возможно, систематология дает науке больше, — продолжал ди Эвор. — Творчество человечества подобно творчеству природы: мгновенная мутация и длительное ее закрепление.

Сравнение было точным: яркие мгновенные выбросы — мутации и бездумные тысячелетия отбора.

— Но кто-то должен же делать отбор... — выдавил Жиль.

— Должен? — Профессор подобрал ноги, выпрямился. — Оставьте долги кредиторам. Я втягиваю вас в работу, которая сделана почти наполовину. Вам осталась здесь лишь роль систематолога. Устраивает она вас или нет? Вы могли бы взять свою собственную тему...

Ну конечно, он мог бы. Он мог бы взять одну из идей, брошенных ди Эвором в самом начале. И впоследствии он поверил бы, что она принадлежит ему самому...

— Господин профессор, мне кажется, я не давал повода думать, что меня чем-то не устраивает работа...

— Значит, она вам приятна? Я рад...— Он сказал это неожиданно мягким баритоном.— Я — детектив, чуждый систематологии. И мучусь, подсунув вам менее приятную роль.

— Да нет... я ничего...

Этот неожиданный баритон взамен обычного профессорского баса поразил Жилья. Приглушенный теплый баритон — так говорил Нор из Запесчаной страны с принцессой Глориа Фонте. Так вот почему он не узнал тогда шефа сразу. У молодого ди Эвора был баритон. У зрелого — бас...

— Привяжитесь, Жиль, идем на посадку.— Теперь шеф снова басил.— Я, собственно, так и считал, что систематология вам не противна. Но острое любопытство к моей особе, точнее, к событиям в конце недели... Это уже повадки нашего брата — вульгарного детектива...

Глава 7

Затылок у Эвора был мощный. В том как он вел автомашину, чувствовался и виртуоз и лихач. Жиль на заднем сиденье боролся со сном.

Всю прошлую ночь они провели в профессорской мастерской. Вернее, остаток ночи. Вертолет опустился на институтскую крышу уже в двенадцатом часу... Жиль и Эвор вылезли, размялись, посмотрели, как Глориа, зевая, убирает разложенные для посадки фонарики.

— Прошу ко мне в кабинет, коллеги! — провозгласил вдруг шеф.

— Получилось? — ахнула Глориа.

Они просмотрели записи в лабораторном журнале, выпили еще немного, теперь с Гло. Профессор удерживал их под любыми предлогами. Где-то часов в пять утра необыкновенная гостеприимность шефа почти перешла в навязчивость. Роль навязчивого хозяина, безусловно, претила Эвору, но справлялся он с ней виртуозно. «Способный человек,— думал Жиль, глядя, как шеф в шестом часу утра после бессонной ночи напекает аккомпанемент к ирландской застольной Бет-

ховена, отбивая такт на трех химических колбах.— Но зачем ему это надо?»

Похоже, что это было связано с телефонным звонком. Звонок раздался в мастерской, наверное, в полночь. Они как раз только вошли, только подняли тост, никто не садился: казалось, зашли на минутку... Звонок странно прозвучал в пустом здании. Как будто тснул в безлюдных коридорах, темных залах... На что рассчитывал поздний абонент?..

Ди Эвор снял трубку сразу:

— Да.

Он говорил «да» вместо «алло»,— Жиль знал уже эту его манеру. «Да»,— сказал Эвор и отвернулся. Они смотрели на него, а он стоял к ним спиной, потом присел на край стола, прижимая трубку к уху.

— Вы ошиблись номером,— неожиданно произнес он минут через пять. Звякнул отбой. Когда они вновь увидели его лицо, челюсти были сжаты. В семь часов утра профессор предложил им эту поездку.

Шеф вез их какими-то проселочными дорогами. Целью путешествия был Тамбо — ближайший портовый городок. А точнее — тамошняя таверна. Профессор считал, что мясо на вертеле там лучшее в королевстве. Тон ди Эвора стал вдруг безапелляционен: «Небольшой экспромт, коллеги. В честь наших потрясающих научных побед. Выезжаем сейчас же!»

В общем, для увеселительной прогулки всё вышло довольно странно: после бессонной ночи, не переодевшись, не приняв даже ванны, они тряслись по ухабам вот уже часа четыре, в рабочий день, никого не предупредив, с риском, что дирекция в лице всевидящего Дорта поднимет шум... И всё это для того, чтобы посидеть часок в какой-то захолустной пивной.

Эвор, не снижая скорости, объезжал дорожные кочки. Вдруг он затормозил. Жиль и сонная Гло дернулись вперед, ухватились за переднюю спинку.

— Выйдем на минутку здесь. Пожалуйста.— Машина стояла на обочине у сосновой рощи; земля под соснами была почти сухая, хотя с мокрых стволов еще стекали остатки дождя.— Прекрасное место для пикника.

Глория и Жиль переглянулись.

Профессор прошелся по песку, оглядел ветви деревьев:

— Надеюсь, специалисты по магнитной записи здесь пока не побывали. Что касается моей машины, то тут я далеко не уверен...

Он повернулся, подошел к Гло. Она стояла, подняв плечи, пряча подбородок в толстый шарф, красный, как и ее замерзший носик. Перчаток Гло, видимо, не захватила и теперь засунула руки в рукава. Лицо было серое, невыспавшееся.

— Госпожа Глория, это придется сделать вам. Мы с господином Сильвейра слишком известны определенным личностям. Надвиньте платок побольше на лоб. Вы пересечете лесок, увидите местную почту, войдете и сдадите в отдел находок этот пакет.

Он протянул Гло пакетик — так заворачивают покупку в книжном магазине, если покупатель берет еще и чернила или клей. Он был обмотан бумажным шпагатом.

— Скажете, что нашли на дороге. Мы будем ждать вас здесь. Пожалуйста.

Глория вытянула покрасневшую кисть из рукава, молча взяла пакетик за веревочку, повернулась и пошла в указанном направлении.

— Вы хотите о чем-то спросить, Сильвейра?

Жиль смотрел на жесткий подбородок Эвора, на прикушенный рот. Такое лицо он уже видел у шефа вчера, в вертолете, в тот самый момент, когда он из несущегося вниз окна нацеливал крюком в передатчик... Какую преграду брал профессор сейчас?

Нет, в самом деле, от кого он скрывался? «Специалисты по магнитной записи...» — значит, он подозревал, что их подслушивают даже в машине? Но кто? Кого он имел в виду? Конечно, положение ди Эвора в институте было довольно странным. Жиль знал, ему говорили: профессора отстранила конда. Лет пять назад, когда она только шла к власти. Что-то шеф такое сказал, где-то он тогда выступил...

— Так вы будете спрашивать, Жиль? Я к тому, что спрашивайте здесь. В машине о небольшой экскурсии, предпринятой госпожой Гло, упоминать не стоит...

Узенькая спина Глории еще мелькала среди деревьев. Молчаливая спина... Глория вопросов не задавала.

— Я бы хотел спросить, что это значит, шеф. А вы хотите ответить?

— Предпочел бы сделать это немного позднее.

Ну ясно, так оно и должно было быть. Интересно, сколько лет понадобилось Гло, чтоб отучиться от любопытства?

— Тогда подождем в машине?

— Прошу вас.

Они оставили машину у крыльца. Эвор тщательно запирает дверцы.

— Госпожа Фонте, возьмите пальто с собой. Господин Сильвейра, ваш плащ и ваш портфель еще понадобятся вам.

Но в кабачке оказалось тепло, даже жарко. Прямо за дверью, посреди круглой комнаты, располагалась огромная звенящая углями жаровня. На ней жарились нанизанные на вертел куски мяса. Столы, будто выдолбленные из цельных стволов, раскачивающиеся на цепях фонари... Жиль огляделся. Где-то он уже видел такое помещение. Массивные круглые ножки стола на грязноватом дощатом полу. На таком полу у такой вот ножки он лежал с кляпом во рту... Ну да, там, в Запесчаном порту, была такая же комната, только жаровня тогда не горела...

— Жареного мяса, — зычно распорядился профессор. — И белого вина. Много.

Говорили, что ди Эвору везло на женщин всю жизнь. И, похоже, на сей раз не ввали... От тепла, от вина Гло покраснелась, глаза ее раскрылись. Они были совершенно неправдоподобного фиолетового цвета. Как Жиль не видел раньше? Большие фиолетовые цветы с темными ободками. Когда смеялся профессор, в них что-то светлело, проступала синева. «Чудный народ эти бабы!» — внутренне поразился Жиль... Она не задавалась никакими вопросами, ей было всё равно что делать, куда спешить, лишь бы рядом торчал этот лев — ди Эвор.

Эвор же веселился. Вид уставленного блюдами, украшенного высокими бутылками стола вызывал у него непроходящую полуулыбку. Но чего-то ему еще не хватало.

— Свечей. Пожалуйста.

Он помогал служанке установить канделябр, собственноручно выключил электричество... Пламя свечей качнулось, перемигнулось со звенящими углями. И в этом качающемся свете лицо Глории вдруг утончилось. Оно утончилось, помягчело, углы утонули в темных тенях. Теперь она напоминала Ани, как та сидела возле камина у себя дома под Ирпашом...

Жиль невольно подался вперед. И Гло точно как Ани, точно таким же жестом протянула к огню ладошку. Ладонка просвечивала багряным, как бывало у Ани. И вся девушка легкая, прозрачная, как Ани...

— Вам идут эти свечи, Глория, — сказал голос Эвора неожиданно тихо.

Одним произвольным движением ди Эвор отодвинул тарелку, пачку сигарет, нож, как бы освобождая пространство для своего взгляда.

«Кого она напоминает шефу?» — мелькнуло у Жили.

Глория вздрогнула, пламя свечей выхватило из тени ее узкий рот. Иллюзия рассеялась... Это была всего лишь электронщик Гло Фонте...

«А ведь Гло знает про Советника!» — Эта мысль всплыла откуда-то изнутри вместе с воспоминанием о самом Советнике, вернее о его секретаре — краснолицем Рибейре, и со смутной догадкой, что всё это может иметь к их поездке самое непосредственное отношение.

Нет, он не скрывал от себя, он действительно забыл, почти забыл эту историю двухмесячной давности, смысл которой остался для него темен и которая как будто не имела последствий, так что он решил в конце концов, что это так, случайность.

С того вечера у директора Дорта ни Рибейра, ни тем более сам Советник в жизни Жили не возникали...

Почему Жиль вспомнил о Советнике именно сейчас? Может быть, из-за этой манеры профессора курить исподтишка, в кулак? Так курят мальчишки и контрабандисты...

А намекнула ему тогда о Советнике именно Гло Фонте. Намекнула, что Жиль шпион...

Теперь, озаренная пламенем, она совсем не походила на Ани. Длинное с узким ртом лицо... А ди Эвор, разочарованно отвернувшись, разминал сигарету в пальцах.

Жиль начал вдруг понимать: тема, которая «под-

ходит» секретарю Советника господину Рибейре,— это же массовый гипноз! Ну чем еще могло заинтересоваться военное ведомство? И о нем, Жиле, любители гипноза не забыли тоже. Во всяком случае, эпизод с секретарем не прошел вовсе бесследно. Чем иначе можно было объяснить, что Жиль получил сразу небольшой, но отдельный рабочий кабинет, а Гло, Фернан и Сим теснились в общей комнате?.. Он понял это лишь сейчас, и внутри у него похолодело.

«Но чего они могут от меня потребовать? Я ничего не обещал...— успокаивал он себя.— Да и вообще напрасная тревога. Они, видимо, не так уж интересуются сейчас этой проблемой». В самом деле, если бы они правда хотели заполучить результаты, разве мешали бы каждому шагу ди Эвора? А они мешали. С вежливой улыбкой отклонялись просьбы о самых простых приборах. А чтоб получить вертолет, пришлось попросту украсть его из ангара...

Последнее соображение вернуло Жилью равновесие. Возможно, что Эвор в самом деле опасался преследований Советника, но затевать из-за этого прогулку к морю было, во всяком случае, бессмысленно. Ключ к тайне — ленты номер 1043 и 1044 и лабораторный журнал — лежали в сейфе, охраняемые Королевской печатью. Нет, у шефа были какие-то другие опасности, к личности ассистента Жила отношения не имеющие. Это уже было легче.

А шеф, оказывается, был гурман. Он смешивал острые соусы, заставлял Гло и Жила пробовать их во всех вариантах, поливая ими румяную корочку, радостно вгрызался в баранью ногу... Казалось, этот человек и вправду мог примчаться сюда, только чтоб хорошо пообедать. Во всяком случае, радости хорошего стола играли тут не последнюю роль.

Этот вывод раздражал, но и ободрял тоже: утихало смутное чувство тревоги... Жиль ковырнул вилкой в тарелке...

— Господа! — услышал он голос профессора. — Не считаете ли вы, господа, что нам с вами положен отпуск?

Шеф вытирал салфеткой губы.

Жиль вскочил.

— Не нервничайте, Жиль. Не ощущаете ли вы, господа, что пора отдохнуть от жующих зайцев? Нам всем надоели жующие зайцы...

Ах вот что. Значит, ди Эвор решил отвлечься? Этого и следовало ожидать. Шеф занимался гипнозом почти два года — рекордный срок для этого ученого вертопраха. А населяющие его мозг духи уже тянули его к чему-то совсем другому... В общем, проблема передачи эмоций была как раз в той самой стадии, в которой шеф бросал девяносто процентов своих тем. Терял, наверное, интерес. Ведь весь огромный институт, вся пестрятина лабораторий — всё это результат его великолепного непостоянства.

— Господин профессор! Когда-то по вашему личному указанию я знакомился с лабораторным архивом. Я насчитал более полусотни тем, так и не доведенных вами до конца...

Жиль приостановился, сглотнул слюну: получалось, пожалуй, слишком резко. Впрочем, пускай. Тем лучше. Он не должен допустить, чтоб и эта, может быть, самая интересная работа...

Ди Эвор улыбнулся:

— Господин ассистент! Вы рады, что мы их приумножим?

— Не шутите, шеф. Я считаю, что начатое дело следует заканчивать.

Профессор поклонился очень любезно:

— Я должен принять это как выговор?

В этот миг входная дверь в таверну распахнулась, стукнулась о стену, метнулось пламя свечи, и кто-то, кажется служанка, выкрикнул с порога:

— Профессор! Профессор! Ваша машина!..

Машина стояла с выбитыми стеклами, с раскрытыми настежь дверцами; сиденья были перевернуты, спинки выброшены наружу, зачем-то даже вспороты. В стороне валялась содранная с пола резина...

Это было зрелище! Тихий вечер, нежный плеск моря, из открытых дверей выливается теплый свет. А рядом стоит машина, не машина — живое существо — раненое, искалеченное. Жиль представил себе зверскую методичность, с которой неизвестные отдирали листы металла, выламывали руль...

— Качественная работа, — раздумчиво сказал ди Эвор.

Он подошел вплотную, погладил погнутый корпус.

— А магнитофон вмонтирован, оказывается, в руль. Взгляните, Гло, у них теперь микромагнитофоны.

На месте слома на стволе руля видно было гнездо... У Жилья застучало в висках: «О чем мы говорили там, в машине?»

— Вызовем полицию? — спросила Гло шепотом. Шеф лишь повел плечами.

Итак, обыск. Подслушивание, несомненно слежка и, наконец, обыск... Что ощущает человек, переживший всё это? Жиль ощущал легкую тошноту. И странное облегчение оттого, что тайная опасность как-то проявилась... Что касается ди Эвора, он этого ждал, недаром велел взять всё из машины.

Шеф привез их сюда не обедать. На этот счет сомнений не оставалось. Напавших он опасался давно, предвидел даже и обыск. По тому, какой тайной окружил шеф работу, как тушил в вертолете огни, запирали на замок мастерскую, — по всему этому похоже: это всё-таки был Советник. Советник — глава конды, интересующийся проблемой массового гипноза... Хотя, если так, зачем было нападать на машину? Тот, кто охотился за гипнотизирующим механизмом, наверняка знал, что он искал и где это хранится. Он искал записывающее устройство, передатчик, «счастливые» ленты и лабораторный журнал, в который Жиль сам предельно точно записывал всё, что могло бы помочь запутавшемуся в тонкостях вору. А хранилось это в институте, в лабораторном профессорском сейфе. И конда легко могла бы... Если только ночной телефонный звонок не возвестил профессору, что его сейф не так уж надежен. Но тогда...

— Шеф, там оставалось что-нибудь... ценное?

Он подчеркнул голосом «ценное», точнее выразиться было страшно: гнездо портативного магнитофона производило впечатление.

— Сдавайте найденные вами вещи в столы находок фирмы «Ольт», — отозвался Эвор. Он говорил чуть в нос, ставя ударение на названии фирмы, искусно подражая манере известного рекламного диктора: — Не забудьте обратиться в фирму «Ольт» в случае любой потери; «Ольт» не задает вопросов; находки не разворачиваются; находки хранятся вечно; стол находок фирмы «Ольт» — надежнейшее хранилище в мире...

Глория и Жиль с удивлением смотрели на профессора.

— Вы, Гло, как раз сдали сегодня на хранение наши приборы, журнал и ленты,— добавил он своим обычным голосом.

Глава 8

Они снова сидели в таверне; поезд в этом захолустье ходил дважды в день, и ближайший ожидался лишь утром.

— Фирма хранит находки вечно,— продолжал шеф.— Позже мы всё востребуем... Да не оглядывайтесь, нас тут не ждали и потому магнитофонов тут нет. Господин Жиль, взгляните в окно.

За окном стояла растерзанная машина.

— Вот дело, которое некие неизвестные будут всеми методами доводить до конца.— Эвор хмыкнул.— По вашему рецепту, коллега.

«Профессор не прав,— размышлял Жиль,— что может быть общего в стремлении ученого довести тему до конца с упорством шпиона?»

Все трое молчали, облокотясь на спинки своих скамеек. Машина ди Эвора к передвижению была неспособна, таверна спален не предоставляла, так что сидеть предстояло до утра, а это была уже вторая бессонная ночь...

— Господин профессор? Простите. Можно вас на минутку?

Перед столом выросли две фигуры: моряки, точнее матросы в форме Королевского торгового флота.

Моряки сидели здесь давно, может быть с самого утра. Такие вваливаются с шумом, запивают океанскую монотонность. Но эти вели себя тихо, даже на крик о машине не отзывались никак. «Слишком, видимо, нагрузились»,— подумал тогда Жиль. Однако позже один из моряков осторожно вылез из-за стола, пошел неспешно к выходу, постоял в дверях, повернулся... Его темная фигура по ту сторону огня вызвала тревогу, что-то подозрительное было во всем облике: матрос не шатался! Возвращаясь, он дал круг, приблизился к ди Эвору,— все это походкой абсолютно трезвого человека. «Матрос-шпион? Шпион Советни-

ка?» — Жиль почувствовал, как одеревенели ноги. В самом деле, не найдя ничего в машине, не найдя ничего в лабораторном сейфе, они могли взяться за самих творцов. В столичных стенах это было бы сложнее. А тут, в глуши...

Но моряк проследовал мимо и мирно присоединился к своей компании.

Теперь они стояли тут уже вдвоем. Остальные — там, за жаровней, — следили, как видно готовые поддерживать своих.

«Так и есть! Они нас знают! — Ноги Жили налились свинцом. Надо вскочить, размахнуться стулом... Скорее всего, его удерживало простое отсутствие привычки — неоценимой привычки нападать первым. А может быть, дело в том, что он не готов защищать себя сам? Сам — без властей, короля, прокурора? «А в Запесчаном порту друзья Нора его защищают» — эта мысль всплыла, пока ди Эвор оборачивался к незнакомцам.

— Чему обязан?

— Вы профессор Норман ди Эвор?

— С кем имею честь?

У говорившего была совсем не матросская сутулость и явный южнобадский акцент. Так говорят тамошние студенты-филологи — особое растянутое «ен». Он смутился:

— Извините. Матрос Королевского флота Тиктон...

У него были нервные руки скрипача.

— Во всяком случае, не матрос — офицер, усмехнулся Эвор. — А впрочем, как вам будет угодно.

Так состоялось это знакомство.

Через пятнадцать минут гости, приглашенные за стол, уже заканчивали свою историю. Моряки с королевского судна «Кароллина», они были отпущены «погулять» в столицу, так как судно стояло теперь в доке. Причем отпущены тайно, потому что министр внутренних дел не любил, чтоб в Этериу скапливались свободные от службы матросы. Для передвижения у них был свой автобус. Тайну они соблюдали, ехали в темноте, дожидались в тавернах ночи. К профессору подошли потому, что никогда еще не встречались с живой знаменитостью: они узнали его по портретам.

То, что эта история — сплошная «липа», было ясно с первого взгляда. Жиль почти не слушал, он следил за нервными пальцами Тиктона, отбивающими такт на спинке кресла. Видно было — он надеялся на успех своей сказки не так уж сильно.

И действительно, не говоря уже о странной матросской прогулке — этом матросском пикнике в собственном автобусе, сама личность Тиктона ставила под сомнение всю историю. Тиктон с его белыми прозрачными пальцами мог быть поэтом, равнином, шпионом, но только не матросом, вытягивающим на борт сеledку.

Но ди Эвор, казалось, поверил.

— Бокалы налиты, господа! — провозгласил он. — За славных моряков!

Пальцы Тиктона остановились, застыли в изумлении... Ну ясно, он ожидал хотя бы расспросов. Неожиданное доверие Эвора вызвало какое-то стеснение. Казалось, Тиктон что-то соображает, меняя на ходу свой план.

— Послушайте, Робер, — произнес он вдруг после паузы. — Мы могли бы подвезти профессора? Его и его спутников?

«Подвезти?» — Жиль ухватился за край стола. Это обнаруживало их цели. Как видно, готовилось похищение. Всего матросов шестеро, но рядом пока лишь два...

И в эту минуту, почти готовый опрокинуть стол на гостей, он ощутил около себя какую-то вибрацию — знакомое чувство чужой растерянности.

Спутник Тиктона озадаченно смотрел в пол.

— Подвезти? — тихо переспросил он. — Подвезти можно, но только... только не в саму столицу — до предместья. И господа дадут слово, что не расскажут, как добрались. А то капитан будет недоволен.

Моряки были озадачены. Они были озадачены, удивлены собственным своим предложением. Неизвестно, кем они были на самом деле, но Жиль мог бы теперь поклясться, что похищение в планы соседей не входило. Больше того, это их как будто пугало...

Почему они решились их подвезти? Уже через пять минут Жилью стало ясно, что мнимые матросы совсем не склонны заводить дорожные знакомства.

Они так нервничали, провожая их в свой автобус, что становилось даже совестно... Конечно, для Эвора, Жилья, Глории это была удача. Но почему матросы решили им помочь? И ведь они не собирались их приглашать, это Жиль знал теперь точно. Такая мысль пришла Тиктону, а может быть, одновременно и Роберу тоже, когда ди Эвор предложил тост. Тост за моряков. Улыбающееся лицо его потеряло в эту минуту почти всю свою ироничность, это было доверчивое лицо, доверчивое, веселое, простоватое... И это заставило матросов пригласить их... Конечно, в доверчивость профессора они не поверили: ясно было, они знают Эвора не только по портретам. Но она давала им гарантию... видимо, она давала гарантию хотя бы нейтралитета... Профессор понимал это.

— Не хочу затруднять вас,— беспечно сказал он в ответ на приглашение.

И тогда молчаливый Робер произнес единственную фразу, проливающую свет на всю их компанию.

— Вам не стоит тут засиживаться, господин профессор,— басом сказал он,— те, кто потрудились над вашей машиной... Мы знаем эту руку...

Но кто же всё-таки были эти матросы? Видимо, какая-то нелегальная политическая группа. И, наверное, вне закона. Впрочем, с тех пор как конда распустила даже Королевский парламент, вне закона была любая партия, союз, группа в стране. Главой этого союза был, пожалуй, Робер. Именно Робер, а не утонченный филолог Тиктон... Робер — сильный, крепкий, с ладонями, которыми легко тянуть корабельные тросы. «Союз моряков»? Что ж, это название не хуже любого другого. Возможно, именно так они себя и называют... «Впрочем,— подумал Жиль,— лучше бы им не называться никак. В целях простой конспирации». То, что это именно союз, а не взвод и не шайка, Жиль понял внезапно, без видимых поводов. Просто почувствовал в тот самый момент, когда они рассаживались в своем фургоне.

Автобус качало на высоких рессорах. Жиль дремал, положив голову на подлокотник, в соседнем кресле ровно дышала Глория. В конце концов это была

уже вторая ночь без сна. Но тут им повезло — кресла в автобусе были откидными... С передних сидений сквозь шум мотора раздавались голоса.

— Ну и как вы себе это представляете? — проба-сил ди Эвор.

Голос был абсолютно бодрый, без тени усталости, — Жиль поразился сквозь дрему.

— Прежде всего... прежде всего в стране не будет конды, — отвечал Робер. Жиль сразу узнал его по густому басу. У Робера тоже был бас, может быть даже даже, чем у ди Эвора, но он принадлежал человеку, явно не привыкшему говорить, а потому тек неровно, с запинками.

— Мысль не очень новая...

— Это будет не мысль, профессор. Я не мыслитель — я моряк...

Жиль представил себе Робера. «Ну да, этот-то похож на моряка. Интересно, какова их политическая программа?» — Он пытался разлепить веки, но это не удавалось.

Голоса впереди спорили с шумом мотора.

— И с оружием? — тихо поинтересовался шеф.

— Безусловно.

Программа, кажется, была решительная.

— Вас много?

— Будет много.

Тут сиденье накренилось, Жиль покатился на Гло, по оконному стеклу хлестнули ветки — автобус свернул на какой-то проселок. Когда всё стихло, донеслось растянутое знакомое уже «ен» — теперь говорил Тиктон:

— ...Я не понял. О каком государстве вы говорили, профессор?

— В пятнадцать лет я воображал его уже абсолютно реально, — ди Эвор запнулся, — потом... Потом я его обрел. Прекрасный морской город, тепло, дома, похожие на замки, улицы, мощенные бело-розовой черепицей. Вдоль улиц — океанский легкий бриз...

— Профессор верит в рай? — присвистнул Робер.

— Вы поэт, — заметил Тиктон.

«Запесчаный порт?» — спросил себя Жиль.

— Красивые люди, красивые одежды, — продолжал профессор. — Но дело не в поэзии, господин матрос. Главное — весь труд в городе исполняют машины. Вы понимаете, что я имею в виду? Весь физический

тяжелый, монотонный и вообще нетворческий труд. А людям остается творчество.

— Вы считаете, что к нему способны все?

— Несомненно. Послушайте, Тиктон, чем человек отличается от зверя? Только одним: природа вложила в его нутро стремление ее познать. Таким образом, зверь хочет есть и продолжать свой род, а человек хочет есть, продолжать свой род и еще познать природу. В жизни человека только две стоящие вещи: любовь и творчество. И пока люди вынуждены заниматься нетворческим трудом, их природа грубо подавляется. Подавляется обществом.

— Выходит, человек — творец по призванию? Во всяком случае, это весьма лестно. — Тиктон вздохнул. — Но как обеспечивалось бы в вашем государстве право на творчество?

— Я же сказал: машин у них вполне достаточно.

Жиль приподнял с подлокотника второе ухо. До сих пор голос шефа лился мирно, даже лирично. Теперь в нем появился металл.

Но Тиктона это не убедило.

— И вы уверены, что машины, даже если их много, спасут людей от насилия?

— Спасли...

Диалог звучал странно: Тиктон говорил о городе шефа как о чем-то, что они могли вообразить, профессор же употреблял настоящее время. Жиль отметил это сразу. Но теперь это дошло и до моряка.

— И люди в вашем прекрасном городе не подавлялись? — раздумчиво спросил он.

«Еще и как подавлялись», — мысленно вскрикнул Жиль. Конечно, они подавлялись. Иначе дружки Нора из Запесчанья не опасались бы шпиков...

Видимо, Жиль задремал опять. Автобус трясло, стекла и стены дребезжали на ухабах. Расслышать что-либо было трудно. У них шел как будто бы теоретический спор: не то экономика, не то политика. В том и другом Жиль предпочитал не копаться.

— Значит, у них там машины и это одно обеспечивает им право на творчество? — долгое «ен» звучало насмешкой. — Но, господин ди Эвор, ведь это утопия. Общественные формации не основываются на учениях, даже самых добрых. Возьмите христианство...

— Тогда была недостаточная материальная база...

— Еды могло хватить на всех.

— Неудачный пример,— выдохнул Эвор,— христианство слишком пассивно.

Профессора явно загоняли в угол. Он проигрывал эту странную ночную игру и при этом сердился. Проигрывать он, оказывается, не умел.

— Пассивно? — Тиктон растянул «ен» на целую минуту.— А что вы можете предложить? Внедрять добро насильно? Но, простите, это уже следующий этап. Насилие — второй этап утопии. У христианства это была инквизиция...

Тиктон говорил что-то еще, но автобус тарахтел, а голос был слабоват.

— Вот-вот,— перебил его бас Робера,— слушайте, господин профессор, Жуан Тиктон — наш идеолог.

— У них будут машины? — ядовито поддел идеолог.— Но почему они должны употреблять их именно так, как хочется вам? В нашем прекрасном королевстве, мне кажется, машин тоже немало.

Он закашлялся. Глория открыла сонные глаза:

— Приехали?

— Едем. Спи.

У хозяев действительно была политическая программа. «Что-то вроде партии народной обороны»,— припомнил Жиль. Машин в королевстве было больше чем достаточно. Пять лет назад конда захватила власть, и тогда армия и полиция дружно это продемонстрировали: сорок часов подряд по улицам столицы, грохоча, двигались ощерившиеся орудиями сверхбронированные «кашалоты». И все телестанции страны транслировали это на всех диапазонах.

Голос Тиктона перекрыл мысли:

— Утопия — это любая общественная формация, которая не обеспечивается самодействующим экономическим механизмом. Механизм — это система отношений в государстве, автоматически обеспечивающая выполнение того учения, которое вы кладете в основу.— Он говорил, всё убыстряя темп, пересыпая свои определения, как пересыпают желтый песок на пляже — из ладони в ладонь, с удовольствием, любуясь: — Например, капитализм. Каково его основное кредо? Процветание частной инициативы, не так ли? И это процвета-

ние обеспечено всей капиталистической системой, происходит внутри формации как бы само собой. Потому капитализм — не утопия. Подлость, может быть, но не утопия... Вот вы найдите такой же точный механизм, чтоб обеспечивал право на творчество. Тогда мы поверим, что в вашей стране никого не подавляют. А иначе... Иначе, профессор, рано или поздно у вас там тоже появится конда.

— Вы коммунист? — негромко спросил ди Эвор. Автобус опять трянуло.

Именно в этот момент Жиль заснул окончательно. Потому что сразу же, непосредственно после своего последнего тихого вопроса, профессор оказался висющим под потолком. Он висел под потолком, будто приклеенный к нему одной ногой, по подбородку его стекала жирная отвратительно рыжая подлива, а в руке он держал нож с отточенным острием. Нож был хорошо наточен. Жиль видел светлую полоску у края и знал — предназначен нож для него. Профессор отделился от потолка, парил, снижался... Жиль хотел вскочить, убежать, но не мог: навалившись на него, придавив его собой, на его груди лежала Глория: она была неожиданно тяжелая, душная, у нее были яркие фиолетовые глаза, и она смеялась, смеялась, смеялась, как не смеялась при нем никогда — тонким серебряным смехом...

Их разбудили, когда рассвело. Автобус стоял у какого-то забора. От окон тянуло холодной сыростью. Лицо у Гло было отекшее, потемневшее изнутри, но глаза такие же фиолетовые.

— Ты мне снилась.

— Отстань.

У профессора заметно отвисли щеки. «Ах да, — вспомнил Жиль, — ведь уже среда. Во второй половине дня он начнет сдавать при всех обстоятельствах». Эта мысль принесла облегчение. Кружилась голова, от жесткой спинки кресла болела шея, но мысль о скорой старости ди Эвора была неожиданно приятна... «Этого еще не хватало!» — Жиль мотнул головой. Знакомое чувство вдруг возникающей сперва легкой, почти не существующей неприязни — так начинались все тяжелые разрывы Жили. Слабое чувство чисто физической неприязни... Впервые это случилось с ним лет в три-

надцать и относилось к маме, к молодой еще, очень изящной маме. Он был привязан к ней болезненно и, наверное, немного истерично. Особенно важен был звук ее голоса, чуть глухой, суховатый, и запах — смесь духов и лекарств (так пахнут женщины, работающие в больницах, от этого запаха у Жили до сих пор сжимается горло). В дни ее больничных дежурств он вбегал в ее комнату и долго, закрыв глаза, нюхал подушку... А в тринадцать лет он увидел однажды следы желтка на ее губах... Конечно, связь с матерью не порвалась, с годами, вернее с десятилетиями, мучительное отвращение стерлось. Но и до сих пор, когда она его целовала, он украдкой обтирал ладонью щеку. Потом такое же повторилось с женой, окончилось, конечно, бракоразводным процессом. Потом, перед самым отъездом из Ирпаша, Жиль ощутил такое по отношению к другу детства. Скорее всего, это было отклонение от нормы. «Психические отклонения у телепатов должны наблюдаться безусловно. Природа должна брать плату за удовольствие, это вполне в ее духе. Хотя телепатия — удовольствие весьма сомнительное», — размышлял Жиль, надевая пальто, поплотней завязывая шарф.

От предместья, куда их привезли моряки, ходил как будто троллейбус.

«И всё-таки причины внезапного, как будто необъяснимого отвращения должны быть: отклонения в психике имеют скрытые корни, другое дело — попробуй-ка их извлечь. Ну что такое самоанализ? Игра с самим собой в «холодно — горячо»... В чем корни моей неприязни к профессору? Надвигающаяся по четвергам тупая старость? Холодно. Зависть к славе, к научной бесшабашности? Может быть, теплей. Тат Исканди? Фиолетовые глаза Гло? Почти что тепло. Завиская страна?..»

Им нужно было появиться в институте. Хотя бы на час. Они и появились: Жиль и ди Эвор. И теперь сидели в библиотеке, перелистывали журналы в ожидании момента, когда можно будет тихо встать и ехать домой отсыпаться. Мысли в голове Жили двигались вяло; впрочем, он уже привык: так вот сонно, нехотя они ворочались там уже третьи сутки. Жиль принадлежал к людям, которым необходим хотя бы шестича-

совой сон. Ди Эвор же, видимо, легко обходился простой дремотой: он был бодр, напевал что-то себе под нос...

Профессор напевал что-то бодрое. И это бодрячество раздражало. Оно будто подчеркивало, что, если на машину напал действительно Советник, институт в любой момент мог стать для них мышеловкой. Во всяком случае, для самого Эвора. Жиль с раздражением рассматривал полуулыбку шефа, его обращенные вовнутрь улыбающиеся глаза... «А может быть, отвращение рождается от предчувствия?» Эта мысль всплыла вдруг на фоне очень знакомого мотива, вернее речитатива. Он приподнялся, прислушался:

Жираф, счастливый в вышине
Своей волшебной шеи...
Не видит грязи на земле,
Плывет в воздушной тишине...

Это мурлыкал профессор.

У Жилия зашумело в ушах, заломило затылок — самое основание позвоночника, там, где он поддерживал невероятно отяжелевшую голову... Вот оно что! Вот почему Ани звонит в последнее время так редко...

Одним прыжком он очутился возле профессора. Эвор был выше ростом, шире в плечах. Там, в Запесчаном порту, он был бы, наверное, даже моложе Жилия... Но сейчас он стар... Это соображение удержало руки и в последний момент Жиль с сожалением остановил себя, схватив шефа лишь за лацканы... Он схватил его за лацканы пиджака, дернул на себя:

— Вы... вы близки с Ани Дапапос, профессор?

Ди Эвор не ожидал нападения, он метнулся в руках Жилия, позволил себя дернуть... один раз. В следующий момент он затвердел. В старом профессоре даже к концу среды была-таки еще сила... В руках Жилия оказался каменный монумент, мощный, неподвижный... И этот монумент улыбался!

— Ее зовут Ани Дапапос? Ани Дапапос... Ани...

Он повторил имя несколько раз. Потом небрежно сбросил руки Жилия:

— Я не имею чести быть близко знакомым с этой дамой.

И направился к выходу.

Жиль выскочил вслед за ним. Самое лучшее было бы схватить такси, остановить любую проезжающую

машину: скорую помощь, инвалидную коляску, самосвал, гнать по шоссе, не обращая внимания на обычные в это время заторы, барабанить в дверь и тихо, задыхаясь от бега, спросить Ани: «Откуда ты знаешь шефа?»

Но Ани не было в городе; она уехала на несколько дней погостить к подруге.

Глава 9

Теплые струйки гладили кожу. Они падали сверху, обнимали плечи, согревали пальцы ног. Они текли по лбу, по щекам, тепло укутывали грудь. Это было невероятно хорошо, будто вместе с холодом смывалось всё тяжелое, скользкое, страшное.

Проснулся он, когда окно уже голубело. Смятый галстук свисал со стоячей «римской» пепельницы. Он был у себя дома в своей теплой квартире. Тело, вытянутое на крахмальных простынях, тихо ныло от блаженства. Не хотелось шевелиться, лень было повернуть голову.

Да и незачем было ее поворачивать. Надо было спокойно, не спеша обдумать ситуацию.

Итак, прежде всего — Запесчаная страна не сон и не бред. Она существует реально (иначе о какой же стране рассказывал ди Эвор морякам). Что она такое? Возможно, часть какого-то иного измерения... или же часть другой планеты, как-то соединившейся с нашей еще не открытым физикой подпространственным тоннелем...

В этом месте своих рассуждений Жиль поморщился — слишком уж нелепы были гипотезы.

Как и почему ди Эвор сделал Запесчанье своей резиденцией — тоже оставалось неясным. Впрочем, «почему» — это, пожалуй, можно понять: всемирно известный ученый Норман ди Эвор хотел человеческой жизни. Может быть, он не желал ежедневно видеть перед собой физиономии Дорта и компании? Если так, то тут он преуспел: парни из Запесчаной страны такого Дорта просто бы придушили...

Итак, предположим, есть такие неоткрытые законы природы, в силу которых возле кучи песка в саду профессора Эвора образовался вход в другое измерение, в другой мир, во что-то другое... И профессор нечаянно этот ход нашел... Но почему он там молодец? Он моло-

дел, а другие, например Жиль, оставались как были? Впрочем, молодел профессор не в самом Запесчанье — изменения возраста происходили на стыке двух миров. Это Жиль знал точно. Еще более странным было то, что профессор Эвор ухитрялся влиять на Запесчаный порт, лепить его по своим мыслям. Но так было: он прямо заявил это матросам; во всяком случае, Жиль считал, что высказывания Эвора там, в автобусе, могли иметь только такое толкование...

Вопросы, вопросы, вопросы — на этом информация Жили исчерпывалась. Но всё равно, больше, чем Жиль, об этом не знал никто... А может быть, и хорошо, что не знал? Может быть, Запесчаный порт был открыт и закрыт ди Эвором после набега какого-то очередного Советника, точно так же как ленты с записями заячьих эмоций, спрятанные теперь в столе находок фирмы «Ольт»?

Догадка поразила Жили. Он приподнялся, подсунил под плечи вторую подушку. В самом деле, если механизированный массовый гипноз представлял для конды блестящую находку, то получить во владение еще одну страну они, наверное, тоже не отказались бы... Но тогда... тогда кто может поручиться, что Запесчаная страна и массовый гипноз — единственные открытия Нормана ди Эвора, которые он постарался потом закрыть? Что, если жизнь профессора представляет собой цепь из двух видов звеньев: открытие — его захоронение, и снова открытие — захоронение? Вот почему архивы лаборатории находятся в таком беспорядке... Обдуманном беспорядке!

Конечно, так было не всегда. Когда-то Эвор издавал ежегодный лабораторный бюллетень. Двадцать два года назад именно в нем вышла его первая статья о лечении рака самогипнозом. Она и принесла профессору мировую славу... Но последние лет пять бюллетени вообще не выходили... Хотя отдельные публикации появлялись и теперь: есть же на свете темы, из которых просто невозможно извлечь военную выгоду!

«Ди Эвор, безусловно, принадлежит к людям, для которых представляет интерес сам процесс творчества вне зависимости от славы, — подумал Жиль. — Ну а я? Ради чего работаю я?»

За окном светлело. Надо было вставать, собираться, появиться в институте в положенное время. Кажет-

ся, дирекция не заметила их почти трехдневного отсутствия... или сочла за благо не замечать? Во всяком случае, подавать ей излишние поводы было бы просто глупо. А кроме того, чтобы пренебрегать славой, надо сначала ее обрести... Жиль понял, что впредь постарается выбирать для своих работ по возможности «публикабельные» темы.

...Какая сгорбленная, дрожащая была у него спина по четвергам. Он явно сокращался в росте. Интересно, в какой день недели видела его Ани?

Правда, знакомство у них было шапочное: шеф даже не знал ее имени, это ясно... Но как могло выйти, что этот полужнакомый Ани человек знал ее «Жиrafa»? «Жиrafa», которого и сам-то Жиль услышал не так давно... И как они могли познакомиться? Он видел ее у друзей? Но у Ани еще нет тут друзей... Она учит сго племянников? Но у профессора вообще нет родственников, во всяком случае никто о них не слышал... Они встретились на улице. Встретились, и она сказала ему: «Послушайте, я спою вам Жиrafa»... Какая чушь!

Жиль поймал себя на том, что затрудненная походка шефа доставляет ему почти удовольствие.

Профессор даже не кивнул, взглянув на ассистента тусклыми, пустыми глазами. Странно, как он еще помнит, что нужно являться в институт? Предупреждает слугу накануне? Того самого слугу, который по четвергам исполняет обязанности его шофера и его костыля. В этот раз сказались-таки две бессонные ночи, и слуга выполнял еще обязанности носилок. Вот бы Ани посмотреть...

Но вечером в Запесчанье он снова станет пластичным, молодым... Трудно представить себе, что этот обрюзгший, дрожащий старик был почти молод еще только вчера и будет совсем молодым часа так через три. О таком человечество может лишь мечтать... Нет, как бы там ни было, а Жиль охотно взглянул бы на это еще раз. Хотя бы взглянул. Он поехал бы вечером, совсем поздно. На этот раз он прихватил бы фонарик... И он был уже почти у цели: открыть профессорское Запесчанье — это ведь что-то значило! А отсюда и собственный необъяснимый вызов в столицу... Все чудеса

имели наверняка общий корень... И в конце концов даже просто погулять по этому теплому горьду было удовольствием...

Почему он до сих пор не повторил свою вылазку?

Жиль спрашивал себя об этом уже не раз, приводил себе всякие причины...

Но причина была лишь одна — странное, очень странное обстоятельство, то, о котором он старался совсем не думать: Нор из Запесчанья имел какое-то отношение к буглëрам... Как могло получиться, что профессор Норман ди Эвор, пусть даже помолодевший, связался с какими-то буглëрами и, возможно, помогал им в их незаконном ремесле, — это было непостижимо. Хотя, конечно, во внешности профессора всегда было что-то пиратское...

Жиль панически боялся буглëров.

Он боялся буглëров с детства. Он родился в порту Ирпаш, где свежи были рассказы о том, как за укрытие буглëров, за одну только нечаянную встречу с буглëром ссылали в бессрочную каторгу. И оказалось, впечатления детства не стерлись.

Это случилось как раз в ту ночь, когда он проник в Запесчаный порт. Вернее, это произошло позже, когда шеф выставил его из теплого города, и он очнулся в профессорском саду, один, в темноте, возле песчаной кучи.

В ту ночь он долго шел пешком. Шел, пока на пустынном шоссе его не подобрал запоздалый грузовик. С неба падала холодная сырая пыль, в раскисшие туфли вливалась темная жижа. И сиденье грузовика тоже оказалось сырым. Сначала это его удивило — всё-таки над кабиной была ведь крыша... Но мозглая декабрьская мокротá проникала всюду. Шофер зябко жался в разбухшем ватнике. Он осторожно всматривался в черноту, сплевывал, тормозил, вытирая со стекла частые брызги. Но они тут же возникали снова. И тогда шофер доставал из кармана плоскую бутылку, отхлебывал сам и молча протягивал Жилю. После этого с четверть часа оба чувствовали себя сносно. Потом всё повторялось сначала. Они едва двигались, ежеминутно рискуя наткнуться на столб или на брошенную у обочины машину. Но шоссе было, видимо, хорошо знакомо шоферу. Грузовик точно поворачивал на нео-

свещенных поворотах, объезжая невидимые выбоины... Плоская бутылка была уже наполовину пуста. Кабина, шофер, чернота за окном плыли в тусклом закоченевшем тумане. Они плыли и коченели, и казалось, этому не будет конца. Жиль понимал, что этому не будет конца, что так всегда и будет — долгая холодная темень. Он закрывал глаза, чтобы не видеть ее, чтобы передохнуть, и тогда перед глазами возникали ветки — мокрые острые ветки кустов, росших у профессорского забора...

— Приехали. Вылезай.

Они ползли где-то у въезда в Этериу. Грузовик держался в тени. Конечно, Жиль чувствовал и раньше, что с этим грузовичком не всё в порядке.

— В город я не ездук.— Шофер говорил шепотом.

Кажется, это были первые слова, которые он произнес. В самом деле, они промолчали всю дорогу! А главное... главное — у грузовика были выключены фары. Ну да, в этом и было всё дело. Жиль понял это только тут — невдалеке от освещенной улицы. Они ехали без фар. Весь путь. И сейчас машина медленно двигалась, будто на шаривала дорогу. Она отыскивала самую глубокую тень, чтоб остановиться.

— Спасибо.— Жиль с усилием шевельнул затекшими кистями, протянул шоферу ассигнацию. Тот принял ее, поднес к мерцающему спидометру.

— Дело твое,— процедил он,— а я бы вперед обсужился.

Это было сказано вскользь, как-то между прочим, но Жиль почувствовал всю грязь на своем плаще, ключья разодранных ветками брюк. В самом деле, входить в таком виде в город не так уж приятно.

— Могу дать адресок,— раздумчиво, неуверенно добавил шофер,— тут, за поворотом.

У шофера был простуженный, бесцветный голос, голос человека, который смертельно устал и пока не надеется на отдых. Лица его не было видно. В кабине было темно, а под ватником у шофера торчал еще темный шарф, закрывающий подбородок. За всю дорогу Жиль так и не рассмотрел его, и не знал — стар он или молод, не смог бы узнать при новой встрече. Не знал и не хотел бы узнать. Но теперь в словах шофера мелькнула какая-то тень, что-то, что задело Жили даже сквозь мокрое оцепенение... Конечно, с шофером было не всё в порядке: что-то он украл... или перево-

вил краденое. Сам-то грузовик принадлежал этому парню, — достаточно было видеть его руки, интимно лежащие на руле. Грузовичок украден не был. А вот груз... В самом деле, в кузове за их спинами находился груз. Жиль вдруг почувствовал это всей кожей.

До сих пор он просто сонно качался на сиденье и не задавался вопросом, зачем это грузовичок тащится в мокрую ночь без огней. Но теперь стало ясно — был груз. Это было что-то очень нежное, хрупкое... Именно поэтому руки шофера так обнимали руль... Поэтому и еще потому, что здесь, возле города, могла оказаться полиция. Шофер и грузовичок скрывались от полиции. Они что-то такое везли и скрывались от полиции. И безусловно (именно это и задело Жилья), безусловно шофер считал его товарищем по занятиям. Ну а что еще мог он подумать? Промокший человек в изодранной грязной одежде бредет без фонаря по обочине ночного шоссе. В руках дорогой портфель, а брюки в клочьях, как если бы он прыгал через забор чужой виллы... И действительно, разве он не прыгал? Он перелез через забор профессора, крался, следил, как сыщик. Затем он проник со взломом в чей-то чужой мир. Правда, в конечном счете его оттуда выставили...

Этот вороватый шофер был как будто счастливее... Машина всё еще ощупывала глубину тени, не решаясь затормозить. Вдруг под дном раздался глухой удар, затем скрип — они наехали в темноте на какой-то камень. Плечи шофера напряглись, корпус грузовичка вздрогнул, и Жиль обостренным слухом не услышал, а скорее ощутил нежный водяной всплеск...

«Что? Что такое?» — Жиль всем телом резко отклонился от спинки, инстинктивно отстраняя себя от этого страшного дела. Он ощутил ужас при мысли о малейшем соприкосновении со стенкой кузова, на которую так беспечно опирался всю дорогу. Оказывается, она была стеной аквариума! Аквариума! И всё это время он спокойно дремал с ней рядом. Господи! Как ярко светит фонарь! И что это мелькает там за углом? Вот-вот. И еще раз. Машина? Нет, для машины свет расположен слишком уж низко. Мотоцикл? Они же ездят на мотоциклах... Всё ясно: они выследили грузовичок еще давно, где-то в начале пути. Потом они связались по рации, и теперь ждут его на дороге с крючьями и веревкой... Сейчас... Сейчас они вынырнут

из-за угла, наведут автомат: «Выходите!» Водитель не спеша вылезет на подножку. «А тебе что? Особое приглашение?» — «Я тут ни при чем, я случайно, попутчик». — «Отставить разговоры». — «Но я же случайно! Господин шофер, подтвердите...»

Страх сковал Жилью ступни, сдавил горло. Самое лучшее было — скорее выпрыгнуть. Выпрыгнуть на дорогу и бежать, бежать... Но грузовичок всё еще шуршал шинами, отыскивая самую глубокую тень. Теперь Жиль был с ним всей душой: всей душой, всем телом он остро, физически жаждал тени. Скорее, скорее в самый темный мрак! Мотоциклов пока не было, не было никого. Но всё равно, они могли появиться. Тошнота подступала к губам, он уже ощущал на шее царапающую шершавую веревку, чувствовал, как вытянутся и хрустнут шейные позвонки... Но в то же время острое, как боль, чувство заставило его повернуться, быстро вплотную придвинуть свое лицо к лицу шофера. Вот оно — лицо героя современных мифов, чудовищно смелого человека, этого смертника. Их называют словом «буглёр», коротким, как удар ветра... Жесткие сухие черты, пренебрежительная, какая-то сплевывающая злоба. Этот человек явно понял, что Жиль знает. Понял, прикинул — не огреть ли его чем-то тяжелым, затем распахнул дверцу:

— Смотри не обкакайся.

На грузовичке не было ни единого огонька, даже опознавательного огонька сзади...

Еще и сейчас Жиль старался не вспоминать, как он бежал... Бежал спотыкаясь, потеряв в спешке перчатку и шарф, даже не кивнув шоферу.

Это было выше его.

И если Нор из Запесчаного порта или кто-то из его компании был буглёром (а на то было похоже), если вообще придется иметь дело с буглёрами, то тайна профессорского омоложения, тайна, приведшая Жилья в Этериу, и любая другая тайна в мире будут раскрыты без его — Жилья — участия! Это он знал теперь твердо.

Глава 10

— Гло! Извини, это очень важно... Ты когда-нибудь бывала у профессора дома?

Она подняла над верстаком голову:

— Не твое дело!

«Правильно,— сказал себе Жиль,— так мне, дураку, и надо».

— Понимаешь, кто-то распустил слух, что он в своем доме занимается колдовством...— пробормотал он вслух.

— А ты что же? Решил проверить?

Опять она была права. Просто удивительно, как он, нормальный человек, легко, оказывается, поддается истерии.

Машина Жилия прибыла наконец из Ирпаша. Следовало ее зарегистрировать, подтвердить права, получить столичный номер. Короче говоря, он провел в учреждениях весь день, стоял в очередях на товарной станции, в регистрационном отделе. Сидел в привокзальном кабачке. И всё это время он слышал шепот, шипенье, угрозы — город проклинал Нормана ди Эвора.

Нет, в самом деле, это ему не снилось. Это был кошмар, какое-то наваждение из средневековья, но это ему не снилось.

Вот уже дней пять во всех столичных газетах начали появляться странные намеки. Сначала сообщили, что в некоем загородном доме всю ночь горит красный свет и раздаются стоны и выкрики. Потом объявили, что дом принадлежит видному ученому и в нем проводятся биологические эксперименты, характер которых академия пояснить отказалась. Далее следовали рассказы очевидцев о том, что на крыше дома, а именно на трубе, каждую ночь является неодетая женщина и выпускает из трубы грибовидные тучи зловонного дыма... И, наконец, в последней статье, просто в порядке информации сообщалось, что в городе появилось неизвестное ранее заболевание, что-то вроде психической лихорадки. Болезнь поражает детей и молодежь, неизлечима, смертельна. Причины ее пока не установлены. Известно лишь, что подобные симптомы наблюдались у подопытных обезьян, когда уважаемый профессор ди Эвор окуривал их чем-то в своей клинике...

Жиль тряхнул головой, стараясь отогнать дневные картины.

Особенно въелась в память очередь в кассу багажного павильона.

— Знаете, Моника Горуа уже заболела. Брат звонил старику Горуа. А тот плачет, говорит — оно самое... — возбужденно рассказывала подруге стоящая рядом женщина.

— А у наших знакомых на западной стороне невесту перед венцом схватило. Перед самым венцом...

— Ты думаешь, это биогаз? — шепотом спрашивала дама со скрипкой.

— Не знаю, дорогая. Возможно, это были просто химические опыты. Возможно, это лишь побочный продукт... Я не могу представить...

— Почему это не можете? — удивился какой-то тенорок, — массовый эксперимент... В конце концов это даже для обороны...

— Сволочи! Вот сволочи! — выкрикнул женский голос откуда-то сзади. — А что, ты тоже... это... экспериментатор?

Очередь взволновалась.

— Не шуметь, господа! Военное ведомство никаких таких экспериментов не проводило... Господин, пройдемте...

— Да я... я...

— Пройдемте, говорят...

Полицейский увел что-то объясняющего тенора.

— Ну вот. Одного увели... А другие по воле ходят... Институты кончают...

— Ой, а наш сад к его саду, ну почти что к его саду, одной стороной примыкает... То-то я смотрю, собака наша второй день не ест...

— Да где его дом-то, этого Эвора? Красного петуха пустить и всего-то дел...

И тут из-за угла выплыла процессия. Какие-то женщины — все почему-то средних лет, все с худыми острыми лицами, человек пятьдесят — двигались попарно посреди мостовой и каждая пара несла плакат: «Сжечь колдуна — Нормана ди Эвора!»

— Неужели процессия? — восхитился Браганс. — Вот это да! Ну никак не ждал от нашего королевства! — Браганс смотрел своими желтыми ядовитыми глазами: — Ну что вы на меня уставились, господин

систематолог? Чем больше процессий, тем демократичнее государство. Это же аксиома.

Намек Браганса был прозрачен. Безусловно, полиция разогнала бы любое сборище, абсолютно любое, не будь на то особых санкций кого-то из конды.

— Процессия? — Сим Консельюш снял очки. — Это уже интересно... И чем были написаны эти самые... лозунги?

Да, именно так оно и было. Женщины шли чинно, не обращая внимания на сигнализирующие трамваи. Над ними горели, пестрели неоновые слова: «Сжечь колдуна...» На плечах наискось висели солнечные батареи, из-за спин торчали антенны.

— Новое оснащение? — Сим хмыкнул. — Тогда всё ясно. Советник пропагандой не увлекается... Скорее, это овсисты.

«...Овсисты, овсисты... — припоминал Жиль. — Группка, допущенная и даже поддерживаемая кондой... Дворяне средних чинов и среднего достатка... Да-да, среднего достатка и среднего ума. Тяжелый случай. Дурак не подозревает, что он дурак. Среднему человеку повезло в этом отношении гораздо меньше. Поэтому он нуждается в самоутверждении. Их кредо? Ах да, что-то до крайности наивное: национальные обряды, костюмы...»

— Выискивать и сжигать колдунов — как раз наш исконный обряд, — очень серьезно сообщил Сим.

— А что им нужно от Эвора?

— Во-первых, у него была иностранка-мать. То есть это, конечно, во-вторых. А главное — уж очень заметная личность. Всё-таки может придать весу!

Норман ди Эвор никогда ничем обезьян не окуривал — обезьян в институте не было. Был крольчатник, несколько морских свинок, иногда появлялись большие лягушки. Еще в институте был аквариум. Большой, квадратный, полный причудливых рачков и рыбок. Это было дорогое удовольствие: он стоил едва ли не больше, чем все институтские здания с аппаратурой вместе.

Институтский аквариум — подарок короля своим

«дорогим друзьям-ученым» — размещался в холле, где принимали иностранцев.

— Я просил господин профессор ди Эвор. Это есть вы?

В холле у аквариума стоял нестарый лысый человек. Акцент у него был какой-то странный... будто он коверкал слова нарочно...

— Профессора ди Эвора нет в институте. Ассистент Сильвейра. С кем имею удовольствие?

— Профессор Калиити из Рима, — с готовностью представился лысый.

Так вот он — Кон Калиити, с которым Жиль состоял в переписке вот уже десять лет! Они оба изучали материалы об аппарате осязания у рыб и лет десять назад одновременно выпустили очень похожие монографии. Монография Калиити вышла в Милане с прекрасными иллюстрациями Риэлли. Калиити написал Жилью первый: «Дорогой коллега и брат! Неудивительно, что наши книги так схожи. Ведь мы оба, каждый в своей стране, изучили все записи, отчеты, заметки — всё, что выходило в мире по интересующему нас предмету. Может быть, мы и не гении, но мы с Вами принадлежим к систематологам — честным труженикам науки». Славный итальянец был многословен и певуч...

— Господин Кон! Какими судьбами? Я рад приветствовать вас лично...

Калиити повел себя странно. Он как-то растерянно глянул на Жилья.

— Да-да... конечно, — промямлил он, — но я бы просил... То есть когда будет сам господин профессор?

— С ним встретитесь в понедельник. По пятницам он не бывает.

Жиль недоуменно смотрел в удаляющуюся спину Кона...

А через час разъяренная Малин вызвонила Жилья в крольчатник:

— Вот он — ваш иностранец.

За забором сада, где жили животные, боязливо толпились соседские дети. Кролики лежали, уткнувшись мордочками, вытянув холодные лапки.

— Господи! Какой иностранец?

— Лысый. Сказал, что профессор Эвор разрешил посмотреть кроликов. Вы еще с ним стояли, я же сама видела...

В этот миг завывала сирена. (Сирена была здесь установлена, наверное, с прошлой войны. Она мирно ржавела в подвале. Но тут она вдруг завывала. Оглушительные, непереносимые звуки...)

Они бежали, бежали... Встречали на бегу бегущих. Людской поток неся по холлу, к самому главному входу, предназначенному для высоких гостей.

Там, перед аквариумом, стояли растерянные представители администрации, у директора Дорта тряслась голова: все ценные рыбки и рачки плавали кверху брюшком...

Кто-то читал вслух вечернюю свежую газету:

— «Профессор ди Эвор произвел в своем институте ряд проб воздействия на организмы на расстоянии. Кролики и морские свинки погибли мгновенно, в ценном институтском аквариуме тоже заметно опустошение. Однако военное ведомство сообщает, что оно не имеет отношения к странным экспериментам. Наш корреспондент установил, что опыты проводились с участием лиц иностранного подданства...»

— Малин, милейшая, вы сами слышали, что профессор ди Эвор велел иностранцу идти в крольчатник?

— Да, господин прокурор.

— Я не прокурор. Прошу называть меня господин старший следователь. Кстати, наш разговор не подлежит огласке. Иначе... Вам ясно?

— Да, господин старший следователь.

— Простите, я хотел бы задать госпоже вопрос...

— Спрашиваю здесь я... Хотя... Вы — ассистент Сильвейра?... — Листает записную книжку, говорит значительно мягче: — Пожалуйста, господин Жиль. Прошу вас.

— Малин! Вы ошиблись. Профессор ди Эвор не мог ничего разрешать. Профессора не было в институте...

— Кастелянша Малин! Вы слышали заявление ассистента? Подумайте и ответьте. Помните, вы дали присягу... Итак, слышали ли вы, что профессор ди Эвор...

— Слышала. Слышала, ей-ей-богу.

— Малин! Опомнитесь! Его не было в институте...

— Господин Сильвейра, я не разрешал вам...

— Но ведь его же не было. Не было! Всему городу известно: он не бывает по пятницам... Потому самозванец...

— Спасибо, Сильвейра! Милейшая Малин, господин ассистент утверждает, что профессор не бывает в институте по пятницам. Вам это известно?

— Не знаю.

— То есть чего вы не знаете, Малин? Следствие просит вас уточнить — чего именно вы не знаете. Не знаете, бывает ли профессор по пятницам, или не знаете, что его не бывает?

— Не знаю...

— Чего вы не знаете? Я хочу знать, чего вы не знаете! Хорошо, начнем сначала. Слышали вы, что профессор ди Эвор?..

— Слышала. Вот ей-богу же слышала...

— Здравствуйте, господин Сильвейра. Очень прошу, не сердитесь. Мы вынуждены соблюдать осторожность...

Жиль моргнул, еще раз моргнул, сощурился. Глаза болели от яркого света. Он стоял на ковре посреди роскошного зала. Наверное, это был зал дворца. Гладкие колонны отражали солнечный свет. Солнце падало в огромные окна — в огромные застекленные окна, расположенные вдоль верхней части стен. Солнечные лучи тянулись вниз наискось — яркие, радостные. В них плавали серебряные пылинки.

— Нет-нет. Сохраните повязку. Пригодится для обратной дороги.

Жиль взглянул на свои покрасневшие запястья, потер их.

На него набросились сзади в тот момент, когда он сел в машину.

Везли, держа за руки, с завязанными глазами.

— Что это значит? — Вопрос его был, конечно, чисто риторическим.

— Ну-ну. Прежде полагается поздороваться.

Зал был почти пуст. Застлан ковром и пуст. Только посредине размещалась низкая тахта, стеганая, заваленная подушечками. Там возлежал человек. Маленький, толстый человечек с гладкими женскими щеками. Жиль где-то уже видел этот брезгливый взгляд.

Человечек лежал на боку, подложив подушку под талию, опершись о согнутый локоть.

Жиль стоял перед ним. Его привели и поставили прямо перед ним, и два двухметровых атлета встали на изготовку по сторонам... А человечек разыгрывал пашу в шелковом восточном халате...

— Вот что,— зло сказал Жиль,— кончайте-ка оперетту.

— Вы смелый человек, господин Жиль.— Министр внутренних дел герцог ди Визеу семенил по своему кабинету. Длинный халат паши мешал герцогу, путался в ногах. Кабинет оказался тут же, сразу за восточным залом,— обычная почти скромно обставленная комната.

Жиль сразу, без приглашения, сел, закурил хозяйские сигареты. Во-первых, не оказалось своих — выпали, видимо, во время драки. Во-вторых, kloкочущая внутри злоба не проходила. Больше всего злило почему-то кретинское представление с переодеванием министра в пашу. Хотя театральные пристрастия второго вождя конды были общеизвестны...

— Прошу простить за маленький водевиль,— журчал министр,— но... вы оказались смельчаком, Сильвейра, а именно это мы и хотели установить...

«Врешь,— сказал про себя Жиль.— Бездельник. Комедиант. И даже самому стыдно».

— Странно, что моя особа так интересуется господином министром.— Это прозвучало вызовом.

Герцог наклонил бабье лицо:

— Полно вам, так ли уж странно? Вы скрытны так же, как и смелы, господин ассистент. Это делает честь выбору вашего уважаемого патрона господина Советника...

«Советника? Опять Советника? — Жиль закрыл глаза, провел по лицу рукой.— Значит, всё-таки это правда? Ясно, правда, раз об этом говорит сам соратник Советника, ди Визеу...»

Ноги налились свинцом, тело отяжелело... Страх?

Весь этот день был нескончаемо, невыносимо длинен. С самого утра, с первых услышанных на товарной станции проклятий, им овладело оцепенение. Он даже не смел уйти — стоял и слушал, молча слушал всё, что рычала толпа... На минуту он ощутил, что ему хочется ворчать вместе с ними, хочется поддакнуть... Видимо, это был страх.

Из этого состояния вывело его нападение. Нападение, похищение, дурацкое представление во дворце министра... Ощущение было такое, будто кто-то стукнул его палкой по голове. После этого голова немного кружилась, но страх и всякое беспокойство куда-то исчезли. Злость, холодная злость. Похитители сунули его в машину, завернули руки за спину — он даже не вырывался. Ни к чему было тратить усилия на этих в конце концов наемных слуг. Следовало добраться до их хозяев... «Ах, это сам министр? Ну что ж»... — Жиль был наполнен каким-то азартным воинственным презрением...

Но тут презрительное бесстрашие исчезло.

— Ваш патрон — Советник... Как видите, мы это знаем. — Министр самодовольно мяукнул.

Жиль положил сигарету.

До сих пор, опьяненный злостью, он сидел в рабочем кресле министра. Сидел, вытянув ноги, положив их одну на другую, высоко задрав ступню в забрызганном ботинке, и пускал в лицо герцогу табачный дым...

Теперь он чувствовал себя в этой позе весьма неловко. Конечно, тут был и страх (кто не боялся конды?), но кроме того, Жиль просто не привык быть хамом... И однако взятая им хамская манера, именно эта манера только и помогала... Только она была единственно верной, Жиль чувствовал это всеми нервами... Очень хотелось хотя бы опустить ногу. Но нет, нельзя: слишком заметна была бы перемена... А сигарету пришлось положить — кисть мелко дрожала.

Между тем разговор продолжался:

— Послушайте, Сильвейра...

— Господин Сильвейра, — поправил Жиль, стараясь говорить как можно более небрежно.

Ну ясно, талантливейший интриган — герцог мгновенно ощутил что-то дающее ему право на фамильярность. Тем более следовало пресечь...

— Да, конечно же, господин Жиль... Я понимаю, вы обязаны Советнику. Но, простите, ведь это солдафон... Навел в стране армейские порядки... Превратил в казарму... Тогда как мы...

«Тогда как вы превратили в застенок», — домыслил Жиль.

Но это была новость! Конда, единая, неделимая, обнаруживала раскол!

Он сжал ладонями подлокотник: вот когда можно будет узнать, чего они всё-таки хотят. Внезапная смелость неплохо ему помогла...

— Какова же ваша программа?

Это прозвучало даже более резко, чем хотелось. Будто он одернул министра окриком: «Ближе к делу!»

— Вы деловой человек!.. И у вас верное политическое чутье... Мы будем щедрее Советника... И, простите, чего же и можно ждать от какого-то торговца рыбой?

— Ваши требования?— Жиль вошел-таки в образ, и теперь он мог даже снова закурить.

— Ну, видите ли... Так же как и Советник, мы хотим поставить во главе института вас, Сильвейра...

«А куда они денут своего Дорта? Ему-то небось обещали давно»...— Жиль мотнул головой, отгоняя ненужные мысли.

— При условии?..

Министр удивился. Это было видно по тому, как он дернул кисточку на поясе своего восточного халата. По локтям Жили потек пот: всё-таки способности к интриге были у него явно ниже среднего — удивлять министра не следовало.

— Ну что ж... если вы хотите, чтоб я назвал... Вы предоставляете институт в наше распоряжение. Не Советнику, простите, а нам... Надеюсь, ясно?

«Так. Значит, Дорта не будет. За Дорта будет он — Жиль. Прекрасная роль!»

Герцог-министр поигрывал кисточкой кушака. Вопрос его: «Надеюсь, ясно?» — был чисто риторический, он не требовал ответа, аудиенция была окончена... Теперь по всем правилам Жилю полагалось встать. Встать и откланяться. Но ему еще не всё было ясно... Другой возможности не будет... И потому Жиль откинулся в кресле, задрал еще выше грязный ботинок и бросил отрывисто:

— Несколько вопросов... Разве институт не принадлежит уже вам, то есть Кассию Дорту, перекупить которого ничего не стоит тому, кто даст больше? — Он продолжал, не давая себя перебить.

Министр засунул свои толстенькие ручки в карманы:

— Вы боитесь, что вам плохо заплатят? Получите еще титул баронета...

— Герцога, — оборвал Жиль, — и королевскую пенсию.

— Вы умеете требовать, господин профессор. Мы согласны.

Он выделил слово «профессор», но Жиль оставил это без внимания.

— А теперь, господин герцог, я хотел бы услышать от вас, да, совершенно точно, услышать, потому что знать — это ведь еще не значит услышать, правда? Так вот, я хочу слышать, почему вам понадобился именно я.

Министр молчал. Его бабье лицо наливалось краской. Этот вельможа умел, наверное, гневаться, но принадлежность нахала к избранникам соперника окрашивала в благоприятный тон даже нахальство. Потому герцог вдруг успокоился, даже хмыкнул довольно:

— Вы любите ставить точки над «и», Сильвейра? Ну что ж, возможно, это и к лучшему. Я тоже люблю, чтоб за мои деньги мне отпускали то, что мне требуется. Мне нужны работы Нормана ди Эвора, разумеется не все, а те самые — по массовому гипнозу. Вы отлично знаете, что Советник хочет того же... Ди Эвор не довел дело до конца... В общем, речь идет не о том, чтоб взять готовое. А Кассий Дорт — бездарь... Дело надо продолжить, наладить... как это у вас говорится?.. Систематизировать...

Он немного заикался, особенно на непривычных словах. «Привет! — мысленно усмехнулся Жиль. — О лентах-то ты, оказывается, не знаешь!»

— Советник отыскал вас, — герцог улыбнулся толстыми щеками, — честь ему и хвала. Мы же, честно говоря, ставили сначала на Браганса. Но такие молодчики, знаете, из породы «я сам»... Словом, он не способен вникнуть в чужие идеи — носится с собственными. А ваш этот Сим — он слишком глуп: побежит к журналистам, заявит в прокуратуру...

— Мне кажется, этого вы не боитесь?.. Еще один, последний вопрос: что вы хотите сделать с профессором?

— Ну, не спеша... Общественное мнение почти подготовлено. По существу, мы уже могли бы его убрать. Конечно, не просто... Сам ди Эвор! Потребуется процесс о шпионских связях...

У Жилья мгновенно затекли ноги.

— Это дурно пахнет, ваша светлость,— выдавил он,— это испортит нам биографию...

Он впервые употребил требующееся по этикету и дерзко избегаемое им обращение: «Ваша светлость». Но теперь министр должен почувствовать в нем соратника...

По тому как нерешительно шевельнул герцог пальцами, Жилья понял — аргумент его принят. Тогда он чуть наклонился и, придав голосу как можно больше раздумчивого равнодушия, спросил, внутренне хлюдея:

— Вы считаете, герцог, что процесса уже не избежать? Можно же предложить сотни других способов... Биология...

И, чувствуя огромную усталость от непривычной работы придворного, почти не ощущая уже ничего, услышал:

— Вы гений, господин будущий герцог. Я сейчас же остановлю следствие!

Глава 11

— Здравствуйте, госпожа Китс. Вы не скажете, когда вернется моя жена?

Хозяйка высунулась в щель, ограниченную дверной цепочкой, бросила рентгеновский взгляд... Жилья стоял без багажа, без признаков дорожной пыли. Последний раз он был здесь недели три назад... Лицо хозяйки перекосилось презрением:

— Это вам лучше знать, господин... господин Да-папос.

Значит, Ани еще не вернулась от подруги. Да и откуда он взял, что она вернется? На работу ей надо было ко второму уроку. Значит, раньше утра понедельника или, в лучшем случае, вечера воскресенья ждать нечего. Полтора дня... Надо как-то переждать полтора дня. Переждать...

Внизу хлопнула входная дверь. В нем всё остановилось от ожидания. Но это была не Ани. Тяжелые шаги замерли где-то на втором этаже... Он не спеша вышел на улицу, постоял возле своей машины, затем влез в нее, оперся грудью о руль. Если бы работала печка, можно было бы просидеть здесь всё оставшееся

время. Только сбегать на угол за сигаретами. Тогда он увидел бы ее, как она подходит к дому. Он увидел бы ее сразу... Но печка в машине не работала.

Можно было остаться и бегать греться в подъезд. Там вдоль стены тянулись рифленые трубы отопления. Можно было сбросить промерзшие ботинки, прижаться к теплу ступнями, а самому смотреть на вход. И ждать.

Конечно, можно было постучать к хозяйке еще раз и попросить у нее ключ. Сказать, что потерял. Кстати, он ведь и действительно его потерял, когда-то ключ у него был...

Но сидеть одному в какой бы то ни было комнате — об этом он не мог и подумать.

«Подумать? Да, именно следует подумать... Подумать о чем?» — В голове шумело, мысли были будто переложены ватой.

Но ведь он и пришел сюда и уселся в машину для того, чтоб подумать. И к Ани он, по существу, ехал, чтоб обдумать всё, что случилось. Обдумать с ней вместе? Нет, вряд ли. Слишком многое пришлось бы объяснять. И с чего начать? Они виделись в последнее время не очень часто...

Да, дело было именно в том, что виделись они не часто. По существу, в этом Этериу они даже ни разу как следует не поговорили. Как-то так вышло, что он не знал даже, что она вообще думает о столице... Тем более как сможет он рассказать, что попал вдруг в доверенные лица Советника?.. Правда, был какой-то американский роман, где главного героя вербовали в агенты в общественном туалете. Но того хотя бы вербовали. Жил даже и не спрашивал никто, просто рассматривали как «готового».

«Неужели Ирпаш тоже охвачен их шпионской сетью?» — Эта мысль показалась Жилю дикой: в Ирпаше все друг друга знали, во всяком случае — старожилы... Но умом он понимал, что это именно так, что и в Ирпаш скрыться нельзя...

Он всё еще сидел в прежней позе. На нем были не туфли, как в день, когда он следил за профессором в мокром саду, а теплые ботинки на байке. Но всё равно ноги уже начали остывать. Вдали из-за поворота появилась женская фигурка. Она приближалась... Ани? Нет, Ани как будто повыше. Жиль почувствовал облегчение. Ну да, оказывается, он уже не так сильно

хотел, чтоб она появилась. В самом деле, ну что он ей скажет? Когда он спешил к ней, то совсем не думал, что нужно будет говорить. Вот если б не рассказывать ничего, просто окунуться, забыться...

В конце концов решений могло быть только два: оставаться в Этериу или уехать.

Допустим, он останется. Ну, тогда ему придется и дальше вести игру с министром, и, может быть, с мифическим Советником тоже; игру, к которой он не готов, в которой нет козырей, от которой у него сейчас еще не прошла слабость в коленях... Конда в своем стремлении получить возможность механизированного гипноза не остановится ни перед чем, — он имел уже возможность в этом убедиться.

Собственно, почему он здесь сидит, стынет на холоде? Ждет Ани? А может быть, просто боится своей всем известной, наверняка просматриваемой и прослушиваемой квартиры?..

Впрочем, пока он может не опасаться: пока он еще полезный человек. Министр ждет от него самых серьезных услуг. Так что пока его, скорее всего, не тронут... Ну а потом? Потом, когда выяснится, что с услугами он не спешит? На такие случаи у этих субъектов есть разные способы убеждения... И может наступить такой момент, когда он и вправду осуществит обязательства...

Жиль почувствовал подступающую к горлу тошноту. Он шевельнул кистями рук — пальцы свела судорога. Интересно, его посадят в одиночку? Будет громкий процесс или он просто «пропадет без вести»? В последнее время королевская адвокатура открытых процессов избегала... Но неужели всё это происходит, действительно происходит именно с ним — Жилем?.. Но он для этого не годится. Во-первых, он не готовил себя к политической борьбе. Он не выносит физической боли. Никакой. Даже когда берут кровь из пальца... И потом, он привык спать в своей спальне; в казарме, а тем более в тюремной камере он просто не заснул бы. Ему необходим ежедневный теплый душ. И вежливые поклоны полицейского постового. Прав Браганс: не надо ему было соваться в профессорские тайны. Все остальные оказались умнее: ведь раз они ничего не знают, то и выдать им тоже нечего...

Нет, лучше всего уехать. Уехать как можно скорее. И, конечно же, не в Ирпаш — куда-нибудь подальше,

совсем далеко. Дождаться здесь Ани, засунуть ее в машину и мчаться, мчаться... Возможно, следят за ним пока что не очень. Во всяком случае, стоит попробовать... Но куда ехать? И, главное, на что там жить? Сбережений Жилья могло хватить месяца на три. А что потом? И вообще что он будет там делать? Его научная карьера на этом бегстве, конечно, оборвется, во всяком случае в королевстве. А если не в королевстве?.. Но что получится, если это будет не королевство, предсказать уже абсолютно невозможно.

«Ну и пусть! — сказал себе Жиль. — Но зато всё будет честно. Пусть я уеду, пусть стану дворником, попрошайкой. Ну и что? Зато тайна гипноза останется нераскрытой...»

«Да, всё верно, надо уезжать!» Но этот логический вывод не нашел отклика; тот самый необходимый душевный настрой, тот резонанс, который всегда наступал у Жилья после того, как решение принято, — на этот раз не возникал... Конечно, ничего хорошего не предстояло. Он привык уже к Этериу, к его людным улицам, к шуму; он свыкся с мыслью закрепиться в столице, быть ассистентом, потом когда-нибудь и профессором... И вот теперь должен был мчаться без гроша в кармане неизвестно куда, без дома, без перспектив...

Но, может быть, причиной того, что Жиль не решился уехать, был Сим Консельюш.

Они встретились с Симом возле гаражей. Жиль только что, покачиваясь, вышел из-за угла, куда доставил его шофер герцога-министра. Покачивался он от впечатлений: не каждый же день тебя похищают. Но Сим понял иначе:

— Не разыгрывайте пьяного, Жиль. Я не намеревался вас расспрашивать.

Он отвернулся, как бы демонстрируя Жилью свое безразличие. Жиль подошел ближе.

— А я вот намереваюсь. — Он вытер вспотевший лоб. — Я хочу знать, Сим, что вы имеете в виду: ведь вы же, наверное, знаете, о чем не хотите спросить?

— Ну что ж. Если вы настаиваете... Я полагал: вы чего-то достигли. Вы и профессор.

— И вам известно, чем мы занимались?

— Для людей, пользующихся общим опытным цехом, не может быть больших тайн... Вы, ди Эвор и Гло

занимались, видимо, массовым гипнозом. А потом профессор Эвор решил, вероятно, не опубликовывать результат...

У Жилия буквально подкосились ноги.

— И это знают другие?.. Браганс?..

Пересохшее горло хрипело. Сим улыбнулся:

— Браганс не шпион... Да вы не волнуйтесь, может быть, он и не знает. Он в последнее время не заказывал ничего в цехе. А я как раз делал там два макета и невольно видел ваши передатчики, приемники... Трудно было не догадаться.

Жиль молчал. Безобразный рефлекс на душевные потрясения — самая вульгарная икота вставала откуда-то из живота. Он задержал дыхание, стараясь подавить ее в самом начале. И ему это удалось.

— Профессор вынужден скрывать всё то, что вы здесь сказали, — быстро произнес он. — Послушайте, Сим, вы должны всё забыть... Эта тайна имеет стратегическое значение...

— Дорогой Жиль! По-моему, вы преувеличиваете важность ваших тайн. Господа наверху заинтересовались гипнозом? Ну так в конце концов пусть они его и получают.

И тут икота всё-таки взяла верх.

— Это, надеюсь, шутка... ик!

— Ничуть. По-моему, вы начитались плохих романов. Не беспокойтесь, что бы вы ни вручили этим чинушам — человечество останется невредимым.

— Но...

Жиль мотал головой. Икота одолела его, он не мог произнести ни слова. Какое обидное, унижительное свойство... И что еще должен он объяснять этому Симу? В конце концов он, Жиль, слабый человек, он боится пыток, средневековых пыток, которые нынешняя этериуанская полиция прекрасно, говорят, электрифицировала... Но он, может быть, еще и выдержит; во всяком случае, пока он еще ничего не выдал. А этот Сим — уважаемый самим ди Эвором философ. Должен же он понимать! Средства массового гипноза попадут в руки какого-нибудь министра-герцога или Советника, и вот весь Этерну, королевство, мир замаршируют цыплячьим шагом...

— Неужели вы еще не уяснили, коллега? Эти бестолочи — наша победная конда абсолютно, по су-

ществу, беспомощна. Я имею в виду — в плане технического прогресса. Это же не правительство — шайка бандитов. — Сим сморщил свое полное лицо. — Конда ничего не сможет организовать. Допустим, она получит схему передатчика чувств... Ну и что же? Во-первых, схема — это еще не сам передатчик, тем более не сотни передатчиков, а ведь для применения в войне или даже в политике потребуются именно сотни; может, и тысячи... Во-вторых, получить даже десяток таких приборов при нынешнем состоянии страны почти невозможно. Вы же знаете, с тех пор как конда захватила власть... В общем, денег в королевстве давно нет, кадры деморализованы... о создании принципиально новой технологии нечего и думать...

Жиль старался оценить эту неожиданную точку зрения.

— Ну а если они всё-таки изготовят? — спросил он.

— Эффект будет не так уж велик. Влияние эмоций в конце концов не абсолютно. Воспитанный ребенок с двух лет преодолевает желание съесть чужую конфету... Но до этого не дойдет: наши правители переделаются из-за гипноза, как вороны из-за корки...

Это было похоже на правду.

— А если нет?..

— Послушайте, Жиль. Закрывать открытие невозможно. Раз трансляция эмоций существует, значит она будет открыта.

— Если бы вы видели бедных сгрудившихся зайцев, Сим. Мы собрали их вокруг передатчика, и лисы могли бы есть их, просто откусывая куски.

— Но для этого не нужно было изобретать ваши приборы. Вы видели сегодня толпу, возбужденную газетной шумихой?

Довод был убийственный.

— Однако шеф хочет скрыть... — неуверенно пробормотал Жиль.

— Шефу всё осточертело. Он просто считает, что наука в нашем государстве — слишком большая роскошь...

Жиль сидел на сиденье, подняв воротник, подогнув под себя ноги. В этой позе, которую так любят женщи-

ны, ноги не мерзли, но зато мешали: они были слишком длинные.

Значит, если верить Симу, особо охранять гипноз не стоило. Ну а выступать сообщником всей этой полицейской администрации, пусть даже это не принесет особо печальных последствий?

Но, с другой стороны, если предположить, что они с Ани всё-таки уедут, и уедут не куда-нибудь — в свой Ирпаш, и допустить даже самое невероятное — ребята министра их там не достанут. Что тогда? Тогда министр, Советник (и кто там еще?) найдут себе другого Жилья. И всё равно получают то, что хотят. И тогда они, конечно, «хлопнут» профессора...

И еще: куда бы он, Жиль, теперь ни уехал, всюду он повезет за собой славу предателя, а возможно, и убийцы Нормана ди Эвора!

Сигареты давно кончились. Там, у гаража, на месте похищения, он нашел потом свою выпавшую из кармана пачку. Но теперь она кончалась. Жиль выдвинул пепельницу, старательно выбрал окурочок. Размял его в пальцах.

«И что еще?» — спросил он себя... Что-то там было еще. Что-то вызывающее боль... Ну да, так и есть, именно так: слава убийцы будет справедливой.

Действительно, бросить всё дело вот так, сейчас — разве это не означает убить профессора? Пресса подготовила почву, прокуратура «на взводе». И только одна крошечная ниточка — Жиль сдерживает пока эту лавину...

А сам Норман ли Эвор? Эвор не знает ничего. Министр с ним не беседовал, газет он как будто не читает. А с четверга сидит в Запесчанье... Возжается, должно быть, со своими буглёрами... Брр!

Но в понедельник он оттуда выйдет, и тогда будет очень нужно, чтобы он был готов к событиям.

Глава 12

Он подогнал машину вплотную к кустам. Потоптался у запертой калитки. При дневном освещении перепрыгивать забор было неловко. Вдали кто-то прошел, проехали два самосвала...

Стена сарая хорошо просматривалась с дороги. Она была темная, стояла чуть перекосившись назад... Замерев у знакомого уже проема, Жиль переживал про-

хожего: нельзя же было исчезать прямо при нем... Видимо, Эвор проходил в свою страну только ночью. Но Жилью выбирать не приходилось.

Выбирать ему не приходилось. Путешествие в Запесчаный порт — единственное, что еще оставалось, что можно было еще сделать. «Только бы не встретить этих... браконьеров, только бы не запутаться и в этом», — он почти молился.

И всё-таки почему он кинулся именно сюда? Несся по пустынному шоссе, перекрывая рекорды авторалли... Хотел предупредить ди Эвора? Да. Конечно. Хотел. Хотел встретить профессора в понедельник утром, остановить в институтском холле...

Он сидел в машине у дома Ани и обдумывал эту встречу. Обдумывал встречу, ждал Ани и мерз в застывшей машине. Когда он закоченел в ней совсем, в ветровое стекло постучали: «Ваши права!»

Это была обычная проверка. Время от времени полиция проверяла документы проезжих, прохожих...

«Так-с, Сильвейра... Господин ассистент Жиль Сильвейра?» — Полицейский взял под козырек и протянул книжку прав в окно. Жиль принял ее негнушима пальцами, хотел убрать в «барчик». В книжке что-то белело. Поперек клочка очень белой глянцевигой бумаги было написано: «Берегись, Жиль! У такого псаря, как я, ищейки двоим не служат». Внизу стояла подпись: «Я — Мак».

Он сунул записку в карман, включил зажигание. Машина дернулась, понеслась... «Я — Мак» — Жиль слышал уже, знал: это была кличка Советника...

Теперь наконец шоссе опустело. Жиль огляделся, крадучись двинулся вглубь...

...Время в Запесчанье как будто забегало вперед. С этериуанским оно, во всяком случае, не совпадало, он заметил это еще в тот раз. Сейчас в Запесчаном порту был уже вечер.

Был вечер. Видимо, еще не поздний. Окна домов светились. Желтоватый свет преломлялся в белом тротуаре, сверкал на глянцевитых плитках фасадов. А на всех остроконечных вытянутых вверх крышах, на каждой причудливой островерхой башенке горели фонарики всех цветов радуги. Люди шли веселыми толпами, стояли у входов, свешивались с балконов.

Жиль вспомнил ночной профессорский рассказ... Эвор прав: и город и люди были действительно пре-

красны. Здесь было теплее, чем в Этериу, поэтому многие совсем не носили плащей... Известно, упразднить моду невозможно, но здесь царила самая свободная мода в мире. Дама в кринолине беседовала с клетчатым американцем, к ним подошла эллинг в легкой тунике... Он думал сперва, что это карнавал; из окон лилась музыка, везде пестрели цветы... Но для карнавала люди вели себя уж слишком естественно.

«Такая широкая возможность выбора хотя бы в одежде нравственно раскрепощает,— решил Жиль,— и развивает вкус...» Вся эта мешанина эпох выглядела удивительно гармонично. Возможно, здесь праздновали возвращение корабля: чем ближе к морю, тем толпа делалась гуще... Со знакомого балкона, принадлежащего принцессе Глория, свешивались гирлянды цветов, дальше, внизу, проступали уже корабельные мачты...

Однако, что бы ни праздновали жители этого порта, Жилю было не до гулянья. Балкон Глории — главный и, по существу, единственный ориентир в поисках ди Эвора — он обнаружил сразу... Дальше было сложнее — от балкона до убежища профессора он двигался в тот раз не сам, и поза его в том путешествии не располагала к наблюдениям.

Но как он тогда стоял?.. Лицом к морю? Да, именно, к морю, он помнил точно. Балкон оставался при этом справа. Вот так... Жиль встал правым боком к цветочным гирляндам... Он стоял в тот раз вот так, а ему дали подножку сзади, и он упал лицом вперед; упал бы, если б его не подхватили, не потащили... Его тащили в сторону, противоположную балкону, скорее всего вон под ту арку. Об эту тумбу он ударился ногой... Нога чуть ныла и теперь... Потом они повернули вниз, строго вниз... Ага, да здесь море!

Жиль остановился. В тот раз на голову была накинута тряпка и он не мог видеть величественного зрелища — этого неожиданного простора, открывающегося за домами. Парапета не было, прибой лизал мощеную черепицей площадь, оставляя клочья пены... Море темнело не внизу — где-то рядом, являясь естественным продолжением пустынной площади. Сверкающие вдали огни, доносящиеся песни только усиливали чувство одиночества... Город остался где-то в стороне, видимо, там была и главная набережная; там, в той стороне, видны были фонарики на темных корабельных

трубах... «Мрачноватое место,— подумал Жиль,— кажется, я на верном пути...» Здесь парни Нора на минуту остановились, получше засунули пленнику кляп и потом повернули вправо...

Он сделал несколько шагов и уперся в стену.

Глухая каменная стена перерезала пустынную площадь и спускалась к самой воде, спускалась в воду... Она была каменная, монолитная, без окон, без единой щели... Жиль остановился. Они волокли его сюда, он был в этом уверен. Даже сквозь тряпку, намотанную тогда на лицо, он почуял резкий запах гниющей тины. Огромная куча гниющей тины была как будто нарочно собрана здесь у стены... Но если это так, то они пронесли его прямо сквозь камни... Он протянул руки, стал ощупывать камни рукой...

Вдруг резкий свет фар прорезал темноту.

Жиль замер. Бронированный фургончик военного образца медленно и как-то угрожающе двигался к воде по белой черепице...

На площади было темно: тусклые фонари почти не давали света. Фары фургончика светили, как прожекторы средней величины... Они осветили стену. Будь Жиль на сантиметр поближе, он попал бы в ярко-желтый луч... Он попятился. Фургончик затормозил в трех шагах, с лязгом откинулся задний борт, один за другим вниз спрыгнули солдаты береговой полиции с автоматами наперевес...

В эту минуту в море показался катер.

«Конечно, о вкусах не спорят. Но вкус профессора ди Эвора, на мой взгляд, во всяком случае... странный» — эта мысль, даже сама эта фраза всплыла у Жили в мозгу, прозвучала в ушах. Он как будто говорил ее Симу Консельюшу. Он представил себе, очень живо представил себе, что Сим рядом... Как психобиолог Жиль знал это явление: защитная реакция психики. Еще бы! Пронзительный луч, ощерившиеся автоматы — эта картина невольно наводила жуть... А ведь Эвор влиял на эту страну. Кажется, это была даже страна его мечты? Во всяком случае, так он говорил морякам...

На катере вспыхнул желтый свет.

Солдаты враз опустили ружья.

Нет, что-то тут не так. Конечно, о вкусах не спорят. Очень может быть, что в душе профессора живет лисбовец к путешествиям... К путешествиям, к авантю-

рам, даже к буглёрству... Но не к полиции же, в самом деле!.. В это Жиль поверить не мог.

Хорошо, что эта страна была такая южная. Днём светило, наверное, солнце, и стена, в которую вжался Жиль, сохраняла еще тепло... Всё тянулось очень долго: они осторожно причаливали, еще осторожнее выносили на берег груз — что-то квадратное, тяжелое, вроде огромной банки. Груз поставили на мостовую между четырех вооруженных охранников. «Интересно, что они там охраняют? — думал Жиль. — И от кого? Посторонних здесь, кажется, нет». Между тем началась казенная, нудная, бесконечная передача чего-то из рук в руки. Люди с катера передавали груз охранникам из фургона. Если это и была торговая сделка, то, скорее всего, сделка государственная. И государство это было вроде королевства Этериу: Жиль невольно вспомнил, что говорил Сим о деятельности конды...

Передача происходила по акту. Для этого из фургона вытащили стол, разложили на нем писчие принадлежности. Потом двое начальников — морской и сухопутный — встали с двух сторон, а охранники сняли с огромной банки крышку. Все нагнулись, перевесились через край — содержимое банки сверялось с описью. Содержимого было, как видно, много: у Жили затекли спина и шея. А педант-принимающий проверял всё... Наконец главенствующие лица разогнулись. Фары машины были прямо направлены на них, на оцинкованную банку-груз, на их бумаги... Но теперь они разогнулись и шагнули в сторону от яркого света. Они вместе, не глядя друг на друга, как бы случайно шагнули в сторону от освещенного места и оказались в шаге от Жили. Ровно в шаге... Темная стена отбрасывала на Жилиа тень. А они стояли теперь на границе этой тени. Если б не прибой, они слышали бы, как он дышит.

— Сколько рыбок уснуло в пути, Тарпин? — хриплым шепотом спросил сухопутный.

— Две рыбки и краб, ваше благородие.

Жиль отчетливо видел обоих. Катерный начальник был сутул, руки его беспокойно ерзали в карманах. Коренастый сухопутчик в погонах придвинулся к собеседнику боком и вдруг опустил свою кисть в его карман. Всё происходило в полном молчании. Рука сухопутчика вкладывала что-то в пойманную кисть шкипе-

ра. Кисть шкипера не брала, вырывалась на волю. Но вырывалась как-то не в полную силу. И ее ложили...

— Вот, возьмите, друг, и пусть их будет три,— прошептал наконец сухопутчик.

— Да что вы, ваше благородие... господин генерал...

— Здесь тридцать тысяч. Золотом.

— Я рискуя шкурой...

— Тридцать тысяч, Тарпин. И еще орден ее величества принцессы.

Ну ясно, в этой Запесчаной стране тоже хотели рыбок. И здесь действовал всё тот же закон о королевской монополии. Жиль из всех сил прижался к стене. Он хотел бы вклиниться в нее. Он присутствовал при выгрузке с корабля бесценнейшей королевской собственности — аквариумных рыбок!

Нет, в стране своей мечты он поселил бы кого-то получше чиновников конды. Взятки дают, взятки берут, воруют,— хороша экзотика! Так что ди Эвор влияет здесь, как видно, не очень... Может, ему кажется, что влияет... Жиль не чувствовал ни рук, ни ног, когда все они наконец-то убралось. Ноги просто не шли. Сначала их будто и вовсе не было, потом началось противное покалывание. Это удерживало его здесь. Если б не это, он давно бы бежал. Бежал бы куда глаза глядят... Но какая удача! Еще полшага — и они бы его обнаружили. Изрешетили бы на месте... Он сделал несколько шагов. В этот миг стена в том месте, где он только что к ней прижимался, раскрылась. Раскрылась черная зияющая щель, и из нее по одному начали выходить вооруженные мужчины в причудливой разномастной одежде.

Мужчины степенно, не спеша рассаживались прямо на черепицах, клали оружие рядом. Они были коренастые, какие-то особенно могучие. Как те, что волокли его когда-то к Нору... Это пробуждало надежды — может быть, он всё-таки на верном пути? Тем более его ведь и тащили за эту самую стену... Он снова стоял, притиснувшись к ней спиной. Пришедшие сидели молча, не закуривали, не сплевывали, хотя Жиль чувствовал: им хотелось и сплевывать и курить.

И из этой сдержанности вырастало постепенно что-то грозное...

Он всё-таки нарвался на буглёров.

Катер буглёров появился с той же стороны, что и королевский. Похоже, они разгружали один и тот же корабль — огромную океанскую махину, чьи мачты виднелись в стороне порта... У буглёров бот был без брони, но много больше королевского. И улов у буглёров был лучше: банок не одна, а две и обе раза в полтора крупней королевских. Роскошные банки: блестящие, с удобными ручками. Церемония передачи тоже была иная.

— Сколько? — спросил один из встречающих.

— Тридцать рыбок. И прочее. Всего пятьдесят два урода.

— Поставь и получай. За доставку вам три куска. Остальное — когда сбудем...

— Прибавить бы надо, Картан. Опасно: в городе гуляют.

— Прибавить? А сколько ты прикарманил?

— Я?

Это было произнесено тоном глубоко оскорбленного человека. Тонем человека, пораженного самой возможностью такого подозрения.

— Я? — Второе «я» было уже на грани истерики. — Я те покажу, сука!

При этом он начал скидывать пиджак и оглядываться на своих — катерных, взглядом призывая их «показать» обвинителю.

— Уже доставили? Прекрасно, — спокойно произнес женский голос, — Картан, несите все в «глобус». А ты, Бин, прекрати истерику.

Жиль чуть повернул голову. В проеме стены всё в том же элегантном костюме, чуть прикрывавшем полную грудь, стояла Малин.

Женскую красоту, настоящую женскую красоту, люди понимали лишь в восемнадцатом веке. Позже понимание было утрачено. Впрочем, как и многое другое. Но чтобы узнать это, надо было увидеть Малин, сочную, золотистую Малин с расстегнувшейся верхней пуговкой ворота... Жиль забыл, где он находится, перестал ощущать холод стены...

Похоже, она была тут атаманша: люди Картана вмиг подхватили банки; Бин неохотно натягивал пиджак обратно на свои тощие плечи.

Но он еще сопротивлялся:

— Да как же, госпожа, он же меня... А я ни одной... Видит бог, ни-ни!

Жиль смотрел на выкрикивающего Бина. Он уже видел его. Ну да, тот самый тип, что назвал его в тот раз шпиком... Хороша же здесь у шефа компания! И какую роль он в ней играет?

— Не божись, Бин,— посоветовала Малин.— Вынули аппарат?

Вопрос обращен был к Картану. Тот указал на стоящий на земле чемоданчик:

— Вот, госпожа!

Там стоял какой-то чемоданчик, вернее прибор, похожий на чемоданчик. Крышка его отсвечивала сталью. Атаманша присела возле на корточки, намереваясь ее отвинтить.

— Не божись, Бин,— повторила она.— Сколько уродов ты отдал? Пятьдесят два? А вот сейчас посмотрим, сколько их вошло в сетку за рейс... Нор вмонтировал счетчик...

— Счетчик? — Бин быстро отскочил, начал отступать к воде.

— Счетчик, госпожа? Но там с трудом размещался и передатчик,— выразил сомнение и Картан.

Чемодан открылся. Жилу с его места видна была его внутренность: знакомый передатчик, тот самый, каким они с шефом приманили зайцев. Только теперь там записаны, наверное, чувства этих глубоководных... Так вот почему буглёры преуспели лучше ловцов короля...

Профессор граф ди Эвор в Запесчанье был буглёром. И буглёром он был гениальным.

Они продвигались вверх по запруженным праздничной толпой улицам. Скорее всего, Нор вел его в тот же дом — перевалочный пункт между двумя мирами. На тротуарах пестрели конфетти, лежали головки осенних астр. Свежий ветер нес запахи океана. Но они уходили от него, карабкались вверх... Неужели Нор собрался опять его выставить?

— Изумительный город, профессор...

— Я тоже так думал. Но, как видно, поспешил с выводами...

Жиль даже приостановился. Он никогда бы не поверил, что уверенный бас Эвора может звучать такой

горечью... Лицо профессора отразило целую гамму чувств: сначала — при похвале — засветилось, потом помрачнело. Сначала оно засветилось, как у мастера, когда хвалят его картину. Будто ди Эвор ощущал себя чуть ли не творцом — создателем этого теплого порта. Потом сразу же помрачнело,— значит, Запесчанье, недавно отвечавшее мечтам шефа, теперь его не удовлетворяет?.. Почему? Что случилось? Впрочем, задаваться таким вопросом было просто глупо: Жиль не знал, что это за странный город, какой он,— не знал ничего. Тем более как мог он понять, что здесь случилось? Он мог лишь наблюдать...

Впереди под платанами звучала гитара. На краю небольшого фонтанчика в обществе двух кавалеров в испанских плащах сидела Малин... Красавица была теперь в темном бархате с открытой и полной шеей.

— Малин? — Жиль шепнул прямо в ухо Нору.

Это было как магия: губы Нора дрогнули, почти как у ребенка, которому подарили лошадку. Казалось, одна мысль о Малин приводит Эвора в хорошее настроение.

— Госпожа Малин,— любовно уточнил он.— Госпожа Малин Минди — человек удивительных талантов!..

— Институтская кастелянша, шеф?

Жиль помнил тупой взгляд институтской хозяйственной владычицы. Тупые, злые щелочки...

— Вас это удивляет? Но даже в Этериу она одна управляет институтским хозяйством. А у нее там — два класса начальной школы...

— Здесь у нее, конечно, университет?

— Ваша ирония излишня. Такие люди должны получать образование. Но в Этериу она сирота. Вы не воспитывались в сельском приюте, Сильвейра? Вам повезло...

Мысли о Малин будили в Норе гордость, даже ликование. Ликование Пигмалиона, только что изваявшего статую.

«Да,— соображал Жиль.— Да, большое открытие это — мутация логики. И возникает лишь у ученых типа «генератор», систематологам она недоступна. А острое ликование дает только она...» Об открытии профессора, связанном с Малин, Жиль не знал ничего, но открытие тут, конечно, было. Еще одно откры-

тие этого супермена ощущалось горечью во рту... Зависть?

— Шеф! А как тут у вас Гло?

Это была оборона; особенно если вспомнить, что лучшая оборона — наступление: Жиль, догадывался, конечно, что с Глорией дела обстоят не так прекрасно... И правда, торжествующий тон Нора сразу пропал.

— Глория тут принцесса. Но... Но это, как видно, не совсем то, что ей нужно.

«Ну ясно, не то, — чуть не сказал Жиль, — ей нужно, чтоб вы ее любили, господин профессор-буглёр, а вы ее подальше — в принцессы!

Да, эта страна принадлежала ди Эвору; во всяком случае, судя по тому, как он реагировал на расспросы. Он ощущал себя здесь мастером, судьбой, творцом... Почему? Это еще предстояло выяснить. Но понятно было уже теперь: творец он был неудачливый.

— Значит, вы используете королевский флот, профессор?

— Исключительно королевский. В собственном нет необходимости.

— И используете механизированный гипноз?

— Теперь иногда используем. Прежде ставили просто ультразвуковой излучатель — вместо приятной музыки.

— На королевские корабли?

— На их подводную часть. И там же укрепляется сетка, просто для удобства подводной публки: чтоб было за что держаться. Разгрузка производится без ведома королевского прокурора...

— Но это ужасно, профессор.

— Вас ужасает неуважение к его величеству?

— Чудовищный риск... То есть...

— Это? — Нор жестом изобразил затягиваемую на шее петлю. — Но без этого, согласитесь, буглёрство потеряло бы весь аромат.

Они шли теперь по улице, параллельной морю: Видимо, Нор решил продлить прогулку. Ждет, как видно, чтоб ассистент изложил причины своего появления. Но не скажешь же ему вот так просто: «Уважаемый профессор! Некоторые там, на родине, хотят поджечь ваш дом, другие — сжечь лично вас, а министр ди Визеу рассчитывает, что я уничтожу вас новейшими методами...» Однако как-то сказать надо.

— Риск вас действительно возбуждает?

— Смотря какой,— пожал плечами Нор.— А что? Есть возможность поразвлечься?

— В королевстве Этериу риск всегда возможен, шеф.

— Вы хотите сказать, что мои соотечественники несколько недовольны мною? — Нор улыбался, но, увидев оторопелую физиономию Жилья, добавил: — Я всё-таки проглядываю газеты. И это, вообще говоря, не ново.

Жиль облизывал губы: сначала одну, потом другую — точно так делала Анн, когда сильно удивлялась: «Так это уже было?» Было так, что хотели линчевать Нормана ди Эвора, победителя рака?.. Но об этом никогда нигде не писали, Жиль бы знал... А может быть, писать об этом стыдно? Чушь! Людям пишущим не стыдно писать ни о чем. Но, возможно, иные чувства и поступки удобнее оставлять в себе, внутри? Просто не осознавать их, не доводить до сознания? Стоит ли сознавать, что на тебя распространился вдруг психоз, всеобщая истерия? И стоит ли помнить, что ты тогда вдруг сделал?.. И нужно ли признаваться себе, что гнусности происходили рядом, а ты промолчал?

Но тогда в истории оставалась бы масса зияющих дыр. Зияющих, безнадежно темных дыр, без единого луча света...

— Вы хотели предупредить меня, Жиль?

Хотел ли он предупредить? Когда на сцене появился «Я — Мак» — это уже было слишком. Жиль почувствовал себя обезьяной. Голой древней обезьяной, которую обступили тигры. Саблезубые тигры наступали с трех сторон, дубинка сломалась от одного их взгляда, и обезьяна отступает. Отступает, а сзади пропасть...

— По существу, я искал здесь спасения,— признался он.

— Сомнительное убежище...

Нор нагнулся, поднял брошенный кем-то цветок.

— Я втравил вас в историю, Жиль...

— Вы?

— Пригласил в эксперимент, зная, что на вас стоит кто-то из конды. Не трясите головой, надо быть круглым дураком, чтоб этого не понять... И когда они требуют уплаты?

— Уже, — сказал Жиль.

Было бы слишком сложно объяснять, что попал он в эту ситуацию по недоразумению.

Нор размышлял, покручивая стебелек в пальцах:

— Макет передатчика и записи на лентах, те, что мы спрятали в столе находок... На меньшее они не пойдут... Скверная история.

Волосы у молодого ди Эвора были гораздо светлее, чем в старости, но, задумавшись, он ерошил их точно так же — всей ладонью.

— Уеду. Уеду за границу, — сказал Жиль.

— Макет передатчика и ленты... Подсчитаем... Нормально организованная промышленность воссоздала бы всё это меньше чем за год. При конде это пройдет раз в пять дольше, — говорил Нор.

— Выберусь отсюда, сяду в машину и уеду, — бормотал Жиль.

— При конде это произойдет раз в пять дольше. А почему? Потому что конда — это возврат к рабовладению. Мы все как древнеримские рабы. А рабский труд непроизводителен...

— Уеду...

— Рабский труд непроизводителен. Именно потому рабовладельческое государство с неизбежностью должно будет пасть... Слышите, Жиль?..

Этот диалог прямо соответствовал пословице: «Поп свое, а черт — свое». Жиль решил, что пора поставить недостающую точку:

— Я уеду. Но вы, Нор, не выходите отсюда. Понимаете? В Этериу появляться нельзя. Это смертельно!

Собственно, это было всё. Он пробрался в Запесчанье, нашел ди Эвора, предостерег... Теперь пора возвращаться «к своим баранам»... Но неужели он, Жиль, действительно всерьез полагал, что старый профессор, пусть даже и временно омоложенный, спасет его от конды, от долга, от себя самого?..

— При конде это произойдет раз в пять дольше. Значит, они получают гипноз лет через пять... Пусть даже через четыре. Но за это время...

Жиль не слушал. В конце концов Эвор был предупрежден. Теперь следовало подумать о себе самом. То есть надо было попытаться скрыться. Скрыться, уехать, пока не поздно. Уехать на край света, неизвестно куда, чтобы конда — Советник или министр — не получили на днях магнитные ленты, передатчик...

— ...Но за это время... Я кое на что надеюсь.— Знакомая ди эворовская ухмылка ворвалась в уши: — Знаете, Жиль, отдайте вы им всё это хозяйство!

— Вы предлагаете мне предательство? — Жиль был растерян. Предположим, он так и сделает, передаст открытие конде. И пусть она освоит его не сразу. Но всё равно когда-то освоит...

— Не успеет,— ответил телепат ди Эвор.— Ну что вы на меня смотрите? Рабовладельческое государство должно пасть. Это закон истории. А открытие закрыть невозможно в принципе...

— Я слышал это же от Консельюша. Но вы-то сами, шеф, до этого дня...

— Я вел себя как страус.

— А теперь?

— Теперь? Теперь выбрасываю лозунг, присоединяйтесь, Жиль: «Если открытие опасно доверять правительству — меняй правительство!»

Ветер с моря крепчал, предвещая утро. А праздник не затухал. Толпа плясала, пела, смеялась. Доносился ритмичный звук кастаньет. А Жилью было зябко: «Если профессор Королевского института граф Норман ди Эвор будет думать, как этот буглёр, если, проходя сквозь песчаную кучу, он не оставит вместе со своей античной статьёю и этот лозунг, тогда...» Он не мог и не хотел даже додумывать, потому что тогда случится что-то ужасное. Бороться с кондой, с ее демагогией, беззаконием, шпиками, застенками... разве это возможно? И уж во всяком случае, это не для ученого. Нет, как видно, ди Эвор просто забыл столицу. Он слишком много времени проводил в Запесчанье. В этом веселом городе, где нет, почти нет полиции...

И будто в ответ улицу прорезали огни фар. Ярко-желтые, ядовитые прожекторы, такие, как на фургоне охраны. Они двигались медленно, со скрытой угрозой. Высвечивали из каждого переулка...

— Облава! Облава! — Крик несясь со всех сторон, бежали и прятались люди. Где-то за домами раздался женский вопль.

Нор схватил Жилья за локоть, втащил в парадную. Они поднимались на какие-то лестницы, дважды пере-

прыгивали с крыши на крышу, пролезали под сводами подвалов...

Наконец снова пахнуло морем. Они были где-то за городом. Платановый бульвар уступами спускался к воде. Небо уже светлело, ни одного возгласа не доносилось...

Челюсти Нора были сжаты.

— Вы в состоянии представить себе государство без полицейских, Сильвейра? Я, оказывается, — нет! Скверная история...

Глаза Нора сузились, всё лицо будто враз отошло: «Вы в состоянии представить себе государство без полицейских?..» И Жиль Сильвейра застыл, осененный догадкой.

«Представить себе?..» А что, если телепат ди Эвор просто представил себе свое Запесчанье? Просто взял и «вымыслил» чудный теплый порт?.. В самом деле, если мысль есть электрохимический процесс, он создаст поле, излучение, а они — это вид материи; материя же может переходить из вида в вид... в любой вид... Словом, ди Эвор вымыслил страну Запесчанье. Вымыслил в нем Гло и Малин. Вымыслил буглёр...

Жиль проглотил слюну, вытер со лба пот: существует ли Запесчанье вполне реально? Трудно сказать. Скорее всего, этого не скажет и профессор: прежде он считал, что не существует, недаром появление в «мысленной» стране вполне материального Жили так его изумило. Однако то, что Жиль проник в Запесчанье, не означает, что так могут и другие. Ведь Жиль — идеальный приемник, медиум... Ну ясно, он медиум, чужая воля какого-нибудь передатчика-телепата может управлять им, его мыслями, его чувствами.

«Нет, это ужасно, непереносимо — не иметь ничего своего, не быть уверенным в самом себе». — Жилю стало душно... Конечно, он был прекрасным медиумом, но всё же до встречи с ди Эвором подобного с ним не бывало. С другими Жиль сохранял себя; «принимал» окружающих — их чувства, обрывки мыслей, но сохранял при этом самоощущение. А этот троянский конь ди Эвор проник в него, как в крепость...

«Так вот как представляет себе рай этот мыслитель! Не слишком богатое воображение!» — Жиль презрительно поднял плечо.

— Тише,— шепотом произнес вдруг ди Эвор.

Этот сдавленный, напряженный шепот... И даже не он — сам воздух... Сам воздух вокруг будто напрягся и замер. Замер в ожидании... Жиль удивленно огляделся. Наверху, на самой верхней террасе бульвара, стояла Ани.

Она стояла, глядя вниз на волны. Волосы ее были распущены так, как она распускала их только дома... Так она распускала их только дома, на улице и в школе они были подобраны...

— Всё это ложь,— сказал Жиль,— никакого Запесчанья нет. Всё — одно воображение.

Зачем он это сказал, какого ожидал эффекта? Скорее всего, никакого.

Раздался звук, похожий на тот, с каким перегорают иногда спираль электрической лампочки. Исчезли огни. Тело охватил промозглый холод.

— Какое действенное оружие — трезвость,— донеслось из темноты... Глаза стали привыкать: это был знакомый сад профессора Эвора. Сквозь дождь просвечивало окно профессорской спальни. Рядом темнел силуэт самого профессора. Но не пожилого. На фоне сарайных досок двигалась пластичная фигура Нора из Запесчанья.

...Как случилось, что Запесчанье исчезло, а ди Эвор остался молод? Он «вымыслил» себя молодым, тридцатилетним, гуляющим у теплого моря. И сила мысли была так велика, что по понедельникам, покидая свой порт, он сохранял еще остатки молодости. Молодость в Запесчанье — старость в Этериу — так образовался своеобразный механизм, что-то вроде маятника. Но при крушении что-то, наверное, в нем сломалось...

— Шеф, я выступлю свидетелем...

— Но, Жиль...

— Мы выступим — Гло, Сим, я...

— ...вы извините, Жиль...

— По пункту, предусматривающему судебное удостоверение личности...

— ...я совсем не хочу...

— ...группа крози, отпечатки пальцев... Наконец, почерк...

Они говорили враз, не слушая друг друга. Наконец Нор возвысил голос:

— Послушайте, Жиль, я верю, что всё так бы и

было. Но этого не нужно... И, прошу, не волнуйтесь вы так. Пожалуйста.

Нор был высок, заметно выше профессора Эвора, даже когда тот являлся по понедельникам. И ситуация получалась скверная: такого вот тридцатилетнего ди Эвора не знал, не помнил уже никто в мире... Нор из Запесчанья был на земле никем. Он не мог явиться таким в институт. У него не было его лаборатории, научного звания, работ, знакомых... Собственным своим домом, вот этим садом, своим пальто, тросточкой (стоявшей сейчас, видимо, в холле за дверью), своим счетом в банке он не владел. У него не было имени — никакого имени. И что еще хуже — самое худшее в этом прекрасном королевстве — не было документов: тех бумажек, которые и составляют личность королевского подданного.

«Но ведь я же не знал, что слово может разрушить город», — убеждал себя Жиль.

— Создания мысли нежны, господин Жиль... Ну, пора двигаться.

В теплом Запесчанье не носили плащей. Жиль смотрел, как Нор поднимает воротник пиджака. Обе машины — ди Эвора и Жилия — ждали у ограды. Ключ от машины у Нора, к счастью, был. Но что еще?

— Вы могли бы жить у меня... ну пожить... ну во всяком случае, вначале. — Жиль запинаясь под взглядом Нора. — Простите... у вас есть деньги?

— Около тысячи.

— Но этого хватит дай бог на неделю.

— Мне достаточно. То есть достаточно, чтоб добраться до места.

Жиль сглотнул, переступил с ноги на ногу.

— У меня с собой около четырехсот.

— Давайте.

Передавая истертые бумажки, он почувствовал, будто с плеч сняли часть груза.

— Если мы заедем ко мне... ну минут на пять. Там у меня еще...

— Мне достаточно. Прощайте, Жиль...

Нор уже открывал дверцу, собрался открывать. Жиль икнул.

— Профессор! Я сделал это нечаянно... ик!

— Вы имеете в виду исчезновение города?

— Я понимаю... ик... это неизвинимо. Прекрасный город....

— И роскошные полицейские облавы.— Нора обернулся.— Этот город — моя ошибка. Знаете, Жиль, язычники правы: если мир кем-то действительно сотворен, то богов было много. Одиночество оглушает творца...

Конечно же, Жиль икал. Это было его крестом. Но, преодолевая спазмы в горле, он задал наконец главный вопрос:

— Куда вы теперь, профессор?

— Исправлять просчеты. Помните моряков из таверны?

— Союз моряков? Конспирация под матросов... Вооруженное восстание... или что-то вроде?..

Раздвоенный подбородок Нора выставился вперед:

— А вы наблюдательны. Прекрасное качество... Так вот, считайте меня матросом.

Сперва отъехала машина Нора. Потом Жиль тронул свою.

«Значит, мысль может создавать реальность? — думал он.— Или нет, не так, реальность создает мысль?.. Тьфу! Я, кажется, совсем дурею... Но зачем Эвору понадобилось стать буглёром? Из тайного желания досадить властям? Из любопытства? Последнее — вероятнее...»

В самом деле, человек, достигший мировой славы, профессор, эрудит, аристократ, он, наверное, испытывал болезненное любопытство к тому, как ощущает себя пария... Актерство, быть может и с примесью мазохизма?..

«Перестань!» — одернул себя Жиль. Возникшая когда-то неприязнь всё еще давала себя знать: такие вещи живучи... Но скорее всего, шеф тосковал по сопротивлению, открытому сопротивлению всему этому давящему прессу конды... А в конце концов Нормана ди Эвора не устроили ни действительность, ни вымысел. Он отправился искать третье...

Жиль вздохнул.

В это раннее воскресное утро небо вдруг прояснилось, показалось что-то похожее на солнечный ответ. «Надо будет включить в план работ психологическое воздействие освещенности», — возникло вдруг в мозгу. Ну да, теперь план работ Королевского института будет составлять он сам — бывший провинциал Жиль Сильвейра!

Он не спеша двигался по пустым улицам. Торо-

питься было некуда — в воскресное утро люди вставали поздно.

Когда в домах начали открываться ставни, Жиль позвонил в дверь госпожи Китс. Собственно, Ани приехать еще не могла. Скорее всего, она явится лишь вечером...

— Госпожа Китс, вернулась моя жена?

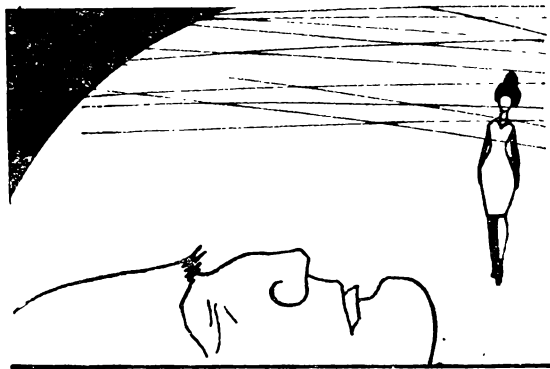
Хозяйка злорадно хмыкнула:

— Ваша так называемая супруга съехала с квартиры нынче под утро. Ворвался какой-то пират, разбудил весь дом... С ним и съехала.

Она взглянула в одеревеневшее лицо Жилия цепким круглым глазом. Вдруг взгляд ее заблестел, остановился на чем-то выше его шляпы.

— Этот ее парень, хотя и стучал в дверь до зари, но, знаете, он... нисколько не хам...

И бульдожьи черты госпожи Китс приняли почти мечтательное выражение.

ЭСТАФЕТА
ПОКОЛЕНИЙ

Рассказ

В 1967 г. в США впервые заморожено тело человека, умершего от рака легких. С тех пор заморожено уже 15 человек. В состоянии криоконсервирования они будут находиться до того времени, когда дальнейший прогресс медицины позволит оживить и вылечить их.

Процесс замораживания осуществляется следующим образом: из тела умершего при температуре десять градусов по Цельсию выпускается вся кровь и в кровеносные сосуды вводится особая консервирующая субстанция. Затем тело, обернутое алюминиевой фольгой, замораживается до температуры минус семьдесят девять градусов по Цельсию и помещается в особую капсулу, наполненную жидким азотом. Господствующая в капсуле температура — минус сто девяносто шесть градусов — обеспечивает идеальное консервирование тела.

По словам секретаря Нью-Йоркского криогенного общества, шансы оживления «замороженных хронснавтов» пока минимальные. Главная причина в том, что метод еще включает в себе серьезные дефекты, а тела заморожены в плохом состоянии, после смерти от тяжелых заболеваний. Стоимость криоконсервирования довольно велика и превышает десять тысяч долларов.

(Из газет. Сентябрь 1972 г.)

— К вам специальный корреспондент Публичной информации, профессор.

— Сколько у нас осталось времени, Вил?

— До начала операции — двенадцать минут.

— Соедините его со мной. Но предупредите, что могу уделить только четыре минуты.

— Соединяю, профессор.

Несколько слов по видеофону, чуть слышный щелчок — и большой экран над столом профессора засветился. На экране ослепительная мебель приемной, расположенной в наземном корпусе Академии холода. Синевя неба в строгих прямоугольниках окон. У окна в низком белом кресле крупная пышноволосая блондинка с вздернутым носом и очень яркими губами. На ней поверх темного с белой отделкой костюма эластичный прозрачный комбинезон, оставляющий открытыми лишь шею и голову.

«Ну и чудо,— думает Вил.— Впрочем, если бы решили спуститься сюда, ей пришлось бы натянуть еще маску и капюшон на свою гриву...»

Он быстро меняет план изображения. Блондинка надвигается, и вот она уже занимает весь экран. Кажется, она немного волнуется? Слишком блестят глаза... Она чуть покусывает яркие губы.

«Первое интервью! — мелькает в голове Вила.— Для такого случая могли бы прислать кого-нибудь поопытнее. Беседа с профессором Норбертом, конечно, пойдет первой программой на всю планету».

— Здравствуйте, профессор,— звучит с экрана.— Меня зовут Элина... От имени сотен миллионов ваших друзей во всем мире позвольте задать вам несколько вопросов.

«Голос приятный,— констатирует Вил,— да и глаза... Нет, она в общем ничего, эта блондиночка, несмотря на ее рост, гриву и дурацкий комбинезон. Жаль, что профессор согласился только на четыре минуты».

Вил старается как можно лучше сфокусировать Элину на экране. Вот так... Теперь это не кажется изображением. Это она сама по ту сторону стола в раме экрана.

— Итак, слушаю вас, Элина,— говорит профессор.

— Вы надеетесь на успех сегодняшней операции?

— Конечно, иначе я не взялся бы за нее.

— Кто он?

— Его звали Джим Бокстер. Умер в конце семидесятых годов прошлого столетия.

— Отчего он умер?

— Диагноз уточним позднее. По сопроводительным документам — рак печени. Но опыт показывает, что их заключениям не всегда можно верить. Врачи в ту эпоху довольно часто ошибались.

— Поэтому и сплавляли своих покойников нам?

— Я позволю себе воспользоваться вашим термином, Элина. «Сплавляли», если у их пациентов, перед тем как они становились покойниками, было много денег. Путешествие в будущее всегда стоило дорого:

— Так это не был научный эксперимент наших предков?

— В какой-то мере его можно рассматривать таким образом. Поэтому мы и продолжаем его. К сожалению, все, кого до сих пор удалось оживить, оказались интеллектуально... неполноценными...

— А это не может быть следствием длительного криоконсервирования, профессор?

— Не думаю. Скорее — следствие того, что все они — выходцы из чуждой нам среды, давно отошедшей в историю... Это так называемые дельцы, промышленные и финансовые деятели, коммерсанты — люди обычно недалекие, очень ограниченные, круг интересов которых нам сейчас зачастую непонятен, как и их язык, в ряде случаев упрощенный до профессионального жаргона. А кроме того, многие подверглись консервированию в таком возрасте, когда у них уже начались необратимые мозговые изменения.

— Неужели среди них нет ни ученых, ни писателей, ни философов?

— Среди тех, кого оживили, ни одного.

— А среди тех, кто еще находится в ваших подземных хранилищах?

— Трудно сказать. Во-первых, нельзя полностью верить документации. Это как с диагнозами: в сопроводительных документах могли написать всё что угодно. Аннотации, вероятно, составлялись со слов покойника, или, во всяком случае, с учетом его пожеланий. А едва ли кто-нибудь хотел отправиться в будущее с плохой характеристикой. Вот и получается как с надгробными эпитафиями на старых кладбищах: чем больше написано, тем меньше можно верить. А когда одно имя или только две даты — наверняка кто-то стоящий, но тут нам часто не хватает информации.

— Простите за несколько, может быть, нескромный вопрос: их у вас еще много, профессор?

— На наш век хватит. Криоконсервирование по разным причинам было прекращено в конце прошлого столетия. К тому времени в разных хранилищах их скопилось несколько тысяч. Когда создавали напу

академию, всё это собрали в одно место, но при транспортировке кое-что было испорчено, часть уже не годилась для оживления, часть вообще не удалось оживить. Точные сведения вы можете получить в наших архивах, но в целом мы не освоили еще и третьей части имеющегося у нас материала.

— Осталось полминуты, профессор, — шепчет Вил.

— Еще только два вопроса, — говорит с экрана Элина, и Вил чувствует на себе ее быстрый, чуть насмешливый взгляд.

Профессор наклоняет голову в знак согласия.

— Первый: чем мотивируется срок окончания криоконсервирования?

— Это по-разному. Пожелание покойника: некоторые сами устанавливали возможный срок оживления. Успехи медицины: оживить тогда, когда будет разработан надежный способ лечения той болезни, от которой человек умирал. Поэтому очень многих мы пока не имеем права оживлять: не найдены еще радикальные методы лечения их заболеваний. Имеются и другие мотивы...

— И последний вопрос: сколько они в среднем живут, после того как вы их разморозите.

— Пока, к сожалению, немного. От нескольких часов до нескольких недель. Сейчас, например, никого из ранее оживленных уже не осталось. Но мы надеемся, что со временем удастся удлинить сроки их второй жизни и даже попытаемся включить некоторых... в орбиту нашей действительности.

— И вы уверены, профессор, что это необходимо?

— Как эксперимент...

«Она определенно не глупа, — думает Вил. — Конечно, мы все, не исключая и самого профессора, занимаемся тут страшной чепухой. Размораживаем кретинков, которых нам подбросили предки. Ну те еще куда ни шло... Они в свое время и не такие штучки вытворяли. Но мы-то, почему мы тратим на это время и силы? Специальную Академию создали. И зачем только я согласился стажироваться здесь!.. Заинтересовала проблема бессмертия? Ну вот теперь наслаждайся ею... в одном из вариантов двадцатого века».

Интервью окончено. Перед тем как выключить экран, Вил посылает Элине воздушный поцелуй. Кажется, она приняла его. Во всяком случае, пока экран угасал, она не опустила глаз.

— Пора, — говорит профессор.

— Приготовиться, — бросает Вил в сторону экрана операционной.

Стена кабинета отодвигается, открывая белый ярко освещенный коридор.

Сопровождаемый Вилом, профессор неторопливо шагает по коридору мимо вереницы белых дверей, туда, где в ярчайшем свете невидимых ламп ждет оживления ледяная мумия некоего Джима Бокстера, распроставшегося с жизнью более ста лет тому назад.

Через несколько часов всё было кончено. На столе операционной под прозрачным герметическим колпаком лежал обнаженный человек небольшого роста, худощавый, смуглый, с рыжеватой растительностью на груди и ногах. На вид ему было лет сорок — сорок пять. Лицо какое-то плоское, бледное, почти безбровое, с выдающимися скулами и приплюснутым носом, большие оттопыренные уши, гладко обритая голова, как у всех, кто подвергался криоконсервированию. Глаза его были закрыты, но он дышал глубоко, мерно, и в такт дыханию поднималась и опускалась худая, заросшая волосами грудь.

Все, кто участвовал в операции, собрались вокруг стола, прикрытого прозрачным колпаком. Молча смотрели на возвращенного к жизни.

— Дыхание и пульс нормальные, — наконец негромко произнес кто-то.

Напряженная тишина разрядилась. Заговорили все сразу, перебивая друг друга:

— Он не похож на больного, умершего от рака печени...

— В диагнозе — определенно вздор. Вы посмотрите на его фигуру. Можно подумать, что он до самой смерти занимался спортом.

— А что за рисунки у него на руках?

— Это так называемая татуировка. Она служила для украшения.

— Смыть нельзя?

— Нет, это накалывалось специальными иглами. Чтобы убрать, надо пересаживать кожу.

— Какое варварство! Чем они занимались в двадцатом веке!

— В его эпоху это встречалось уже редко: у некоторых народов Африки, Южной Америки...

— Но ведь он, кажется, не оттуда.

— Мог побывать там в молодости. Это остается на всю жизнь.

— Посмотрите, у него шрамы — на бедре, под ключицей, на виске.

— Да, да, да... На спине я тоже видел.

— Вероятно, следы ранений. Он мог участвовать в каких-то войнах. Они тогда много воевали.

— Подумать только! Он был мертв сто лет, а теперь дышит так спокойно... И мы совсем ничего о нем не знаем...

— Ну, кое-что знаем. Вот, пожалуйста, тут написано: «Джим Эммануил Гордон Мария Бокстер, сын Эммануила Филиппа Бокстера и Эльзы Марии Бокстер, урожденной Финкельштейн, баптист, президент акционерного общества RMS Согр, почетный президент правления Банка Святого духа, вице-президент UCR Согр, вице-президент...» и так далее... Тут еще две страницы такой же абракадабры.

— Можно попросить историков расшифровать.

— Зачем? Он сам объяснит, когда проснется. Это они обычно помнят. Беда в том, что нас интересует совсем другое, чего они, как правило, не помнят или не знают.

— Сколько же ему было лет, когда он...

— Сейчас посмотрим. Дата криоконсервирования... Вот... Дата рождения и смерти... Минутку... Что такое?.. Получается, что ему было... восемьдесят семь лет...

— Что за вздор?

— Смотрите сами! Даты пропечатаны четко, и текст здесь хорошо сохранился.

— А фотография, фотография? — слышались сразу несколько голосов.

— Фотография, как обычно... Вы же знаете, что цветные фотоизображения конца прошлого века оказались нестойкими и не выдержали проверки временем. Вот... блеклое пятно. Разобрать ничего нельзя.

— Они не восстанавливаются?

— Пробовали — не получается.

— Придется всё-таки обращаться к историкам. Портрет этого президента, почетного президента и прочее должен же где-нибудь сохраниться.

— Либо да, либо нет. Их ведь столько было...

— Найдут, если это необходимо.

Профессор Норберт, который не принимал участия в разговоре и лишь следил за показаниями многочисленных датчиков, фиксирующих состояние пациента, поднял палец.

В операционной мгновенно стало тихо.

— Завтра,— негромко сказал профессор,— поставимся всё выяснить. Если в его состоянии не произойдет изменений, разбудим его завтра в полдень. Вил, сообщите, пожалуйста, Публичной информации, что операция прошла успешно и состояние нашего пациента удовлетворительное. Благодарю вас, коллеги. До завтра...

— Сегодня я попрошу вас, Вил, быть возле него в момент пробуждения,— сказал профессор Норберт. С ним в палате будете только вы. Я останусь на пульте управления и в случае необходимости помогу вам. Но входить к нему я пока не хотел бы. Пусть он сначала привыкнет к вам. Чтобы не волновать его, наденьте поверх комбинезона халат и шапочку, которые носили врачи в прошлом столетии. Вопросы как обычно... Первый контакт не более трех-пяти минут. После этого, если он не заснет сам, усыпите его.

— А видео- и звукозапись, профессор?

— Мы позаботимся об этом с пульта управления. Ваша задача — быть рядом с ним в момент пробуждения, успокоить его, задать первые вопросы, если он способен отвечать.

Через несколько минут Вил, облаченный в старинный медицинский халат и круглую белую шапочку, уже входил в палату, где под прозрачным колпаком лежал спящий пациент. В палате теперь царил полумрак, чтобы яркий свет не потревожил больного при пробуждении. Светился лишь контрольный экран за изголовьем, установленный так, что больной его видеть не мог. Вил внимательно оглядел пациента, бросил быстрый взгляд на экран. На экране застыли напряженные лица профессора и его двух помощников.

«Волнуются,— отметил про себя Вил,— ясно. Я — тоже... Хотя меня всё это мало трогает».

Вил перевел взгляд на лицо пациента. Сегодня оно уже не было таким бледным, как вчера. Это было нор-

мальное лицо спящего человека. Правда, привлекательнее оно от этого не стало...

«Едва ли он в свое время нравился женщинам», — подумал Вил, и ему вдруг стало чуть жаль этого человека. Но потом Вил вспомнил, сколько этому человеку лет, и усмехнулся.

— Что вы сказали? — спросил с экрана профессор.

— Ничего, — ответил Вил.

— Вы готовы?

— Да.

— Начинайте...

Вил нажал клавишу у изголовья больного. Прозрачный колпак бесшумно скользнул вверх и слился с белым потолком. Спящий шевельнулся и громко всхрапнул. Вил отпрянул испуганно.

— Ничего страшного, — сказал с экрана профессор. — У него не в порядке носоглотка.

Вил почувствовал, как краска заливает его лицо. Не взглянув на экран, склонился над больным, сделав вид, что прислушивается к его дыханию.

— Что там? — спросили с экрана.

— Всё нормально, — буркнул Вил.

— Разбудите же его.

Вил положил одну руку на лоб спящего, прикрывая ладонью его глаза, другой повернул гофрированную головку крана на панели управления, смонтированной в боковой стенке ложа. Послышалось шипение, резко запахло озоном, и Вил почувствовал, как дрогнули ресницы спящего.

Не отнимая руки, Вил тихо сказал:

— Спокойно, вы просыпаетесь. Всё хорошо... Глаза открывайте постепенно. Если почувствуете боль, зажмите их снова.

— Руку... — слышался хриплый шепот.

— Спокойно, — продолжал Вил, — спокойно. Вы просыпаетесь...

— Руку убери, — прозвучало громче, — кому говорю... — Голова дернулась и резко оттолкнула пальцы Вила.

— Спокойно... — начал было Вил, отодвигая руку.

— Помолчи, — явственно сказал больной. — Заладил, как попугай... Ты кто такой?

На Вила подозрительно уставились два маленьких бесцветных глаза. Один немного косил.

— Я? — растерянно повторил Вил. — Я врач, доктор...

— Обманули, сволочи! — злобно пробормотал больной.

Он сделал попытку приподняться, но голова его тотчас же откинулась на изголовье.

— Лежите, лежите, — быстро сказал Вил. — Вам нельзя двигаться.

— Это еще почему? Что они со мной сделали? — Он снова приподнял голову, пытаясь оглядеть себя. — Голый-то я зачем?

Вил должен был сам задавать вопросы... Еще не было случая, чтобы оживленный перехватывал инициативу при первом контакте. Вил вопросительно глянул на экран. Профессор Норберт успокоительно кивал головой, но Вил успел разглядеть, что оба его ассистента явно обескуражены.

— Почему я голый? — настойчиво повторил больной.

— Так надо, — возможно убедительнее сказал Вил. — Мы должны были вас осмотреть. Ведь вам удобно сейчас и, надеюсь, вы не испытываете холода?

При слове «холод» взгляд больного, который блуждал по палате, снова задержался на лице Вила.

— Так они меня только усыпляли или что? — спросил больной, помолчав.

— Да, это был сон, довольно долгий.

— А они сейчас небось там? — Больной шевельнул рукой в сторону изголовья, где находился экран.

— Кто «они»? — попробовал уточнить Вил.

— А ну не прикидывайся придурком, парень, — хрипло крикнул больной.

Вил снова глянул на экран. Профессор энергично и крайне неодобрительно тряс головой.

«А, чтоб всех вас...» — подумал Вил.

— Там, — сказал он решительно. И даже кивнул, чтобы выглядело убедительнее.

Больной сразу успокоился.

— Я так и знал, — пробормотал он и принялся барабанить пальцами левой руки по эластичной обивке своего ложа. — От этой сволочи ничего другого нельзя было ожидать, — добавил он немного погодя.

— Разрешите задать вам несколько вопросов, — снова начал Вил, решив, что сейчас благоприятный момент, чтобы перехватить инициативу.

— Нет,— отрезал больной.— Не воображай, что тебе удастся что-нибудь разузнать от меня. Спал я или нет, ничего не изменилось.

— Но...— начал Вил.

— Помолчи, не раздражай меня. Скажи лучше, какое сегодня число?

— Число или... год?

— Год я без тебя знаю. А хотя интересно, что они еще придумали... Валяй, и число, и месяц, и год.

Вил вопросительно глянул на экран. Головы профессора и его помощников исчезли, и через мгновение появилась надпись: «Назовите дату, спустя десять лет после его смерти».

Не отрывая внимательного взгляда от лица больного, Вил раздельно произнес дату. Как ни странно, она не удивила воскрешенного. Он что-то мысленно прикинул, усмехнулся и качнул головой.

— Ничего у них не выйдет,— пробормотал он, словно говоря сам с собой, потом, обращаясь к Вилу: — Ступай и принеси мне какие-нибудь штаны.

— Я полагаю...— начал Вил.

— Штаны! — заорал больной и вдруг сел на своем ложе и спустил ноги на пол.

— Что вы делаете,— не своим голосом крикнул Вил,— ложитесь сейчас же.

Он попытался уложить больного, но получил вдруг такой удар по уху, что едва удержался на ногах. Белая шапочка вспорхнула под самый потолок и приземлилась в углу палаты.

Дальше всё пошло как в скверном сне.

— Усыпайте его быстрее,— послышалось с экрана.

— А ты, парень, оказывается, чревовещатель,— заметил больной, не отрывая неподвижного взгляда от живота Вила и сясь встать.

«Как усыплять? — металось в голове обескураженного ассистента.— Я теперь не доберусь до панели управления. Она возле его руки. Что они там, сами чего-нибудь не придумают? Ох, как звенит в ухе...»

Больной всё-таки встал и сделал шаг по направлению к Вилу. Ассистент поспешно отступил. Ростом больной оказался ниже Вила, но в силу его длинных мускулистых рук ассистент уже успел убедиться. И потом, не драться же с человеком, только что воскрешенным после...

Вил почувствовал, что у него в голове всё перепуталось: «После чего воскрешенным?.. Такой не мог быть покойником»...

Озираясь, больной заметил экран.

— Телевизор? — гаркнул он. — Только этого мне не хватало. А ну, выключай.

Вил не успел пошевелиться, как экран погас сам. Теперь связь с внешним миром прервалась окончательно. Правда, в стенах и в потолке палаты находились скрытые экраны, но посоветоваться с центральным пультом управления Вил уже не мог. Он растерянно завертел головой.

Однако больной успокоился. Убедившись, что изображение на экране исчезло, он снова присел на свое ложе и сидел тихо, опустив голову и почесывая волосатую грудь.

— Так пойдешь ты за штанами? — спросил он довольно миролюбиво.

— Сейчас, — сказал Вил, соображая, как дотянуться до панели управления. Вдруг его осенило: — Я принесу вам одежду, — пообещал он, — но после того, как вы ответите на три вопроса.

— Шантажируешь! — сказал больной.

— Что? — не понял Вил.

— Шантажируешь, говорю. — Больной снова повысил голос.

— А, да-да, — согласился Вил, понятия не имея, что это такое.

— Ну раз так, ладно, — сдался больной. — Спрашивай.

— Ваше имя Джим Эммануил Бокстер?

Кажется, этот вопрос удивил воскрешенного. Он внимательно поглядел на Вила, подумал, потом сказал:

— Можешь называть меня так.

— Но вы Бокстер?

— Это второй вопрос?

— Нет, еще первый.

— Считаю, что я ответил на него.

— Значит, Бокстер. Хорошо... Вы — президент... — Вил запнулся.

— Конечно, президент, — подтвердил Бокстер не моргнув глазом.

— Благодарю вас. И третий вопрос — чем вы болели перед тем, как... ну перед этим, понимаете...

— Значит, чем болел перед этим,— процедил сквозь зубы больной,— так, ясно... Всё об том же... Не понимаю,— вдруг завопил он, разъярясь.— И понимать не хочу. Не поймаешь на слове... И не тяни лапы, гнида.

Схваченный железными пальцами в тот момент, когда он уже почти дотянулся до панели управления, Вил попытался вырваться, но получил такой удар в челюсть, что отлетел в дальний угол палаты.

Теряя сознание, он еще расслышал доносящийся откуда-то издали голос профессора Норберта:

— Достаточно, на сегодня достаточно. Усыпайте обоих...

«Не могли раньше»,— мелькнуло в голове Вила. Затем всё утонуло во мраке.

Прошло несколько дней. В малом колонном зале Академии холода под председательством профессора Норберта заканчивалось очередное заседание ученого совета.

— Итак, я позволю себе подвести итог,— говорил профессор Норберт.— Впервые с момента создания нашей Академии удалось получить реальный и чрезвычайно важный результат. Человек не только воскрешен после длительного криоконсервирования, но, по видимому, находится на пороге возвращения его обществу. Здоровье нашего пациента в отличном состоянии, и я не колебался бы уже сегодня продемонстрировать его на общем собрании Всемирной Академии, если бы не одно обстоятельство — правда, малосущественное в свете главных результатов. Мы до сих пор не можем установить, кто этот человек. Ясно, что он не тот, за кого пытается выдавать себя... после неудачно проведенного первого сеанса...

Тут профессор бросил недовольный взгляд в сторону Вила, мрачно сидящего в дальнем конце стола.

— Я далек от того, чтобы винить только нашего молодого коллегу.— Новый недовольный взгляд в сторону Вила.— Мы все оказались не на высоте при первой попытке установить контакт с воскрешенным. Но никто не мог предполагать, что к нему столь быстро возвратятся силы, что это человек по природе своей агрессивен, наконец, что произошла такая путаница с сопроводительной документацией. Наружные надписи

на некоторых саркофагах были повреждены и даже утеряны при транспортировке в хранилища Академии. Это произошло лет семьдесят тому назад. Наше поколение не несет за это никакой ответственности, но,— профессор Норберт многозначительно поднял палец,— мы знали об этом и обязаны были считаться с возможностью путаницы. Хорошо еще, что мы открыли саркофаг, в котором по неизвестной причине находился человек практически здоровый. Мы оживили его, и всё. А если бы мы открыли саркофаг с трупом, простите, я хотел сказать с пациентом, которого не смогли бы сейчас вылечить, что тогда?..

— Заморозили бы и отправили обратно в хранилище,— заметил кто-то.

— Увы,— возразил профессор.— Боюсь, что это не так просто. Случаев повторного криоконсервирования наука пока не знает. Это следовало бы сначала проверить на... — Профессор запнулся.

— Обезьянах,— подсказали сзади.

— Не знаю, не знаю... Разрешит ли сейчас Всемирная Академия подобные эксперименты на высших млекопитающих? Не гуманно, коллеги! Как видите, сразу возникают сложности. Кроме того, мы не владеем сейчас в достаточной степени техникой криоконсервирования. Да-да, как это ни прискорбно. Мы научились хорошо снимать криоконсервацию. Но я затруднился бы назвать имя ученого, которого мог бы рекомендовать сейчас для замораживания, скажем, кого-нибудь из присутствующих здесь.

Вил почувствовал, что взгляд профессора снова мимолетно задержался на нем.

— Так вот,— продолжал профессор,— всё это достаточно сложно. Мы не имеем права ошибаться, открывая саркофаги. И я надеюсь, что случай с «Джимом Бокстером» — наша первая и последняя ошибка подобного рода. За минувшие дни, как вы знаете, были тщательно проверены и хранилища и архивы. Мы обнаружили еще несколько саркофагов, более или менее сомнительных в смысле документации. Мы уточним их содержимое позднее. В этом случае целиком оправдывает себя старая пословица: «Лучше позже, чем раньше». Но мы, к сожалению, не нашли в архивах документов, которые могли бы быть документами нашего «Бокстера». Что он не Бокстер — это совершенно ясно. Но кто он, мы не знаем... А он пока не хочет

помочь нам. И, чтобы не травмировать его психику, мы вынуждены условно принять подсказанную ему нами же версию.— Снова взгляд в сторону Вила.— Сейчас мы попросили помощи у историков. Может быть, они сумеют установить, кто в действительности этот человек. Может быть, он сам, поразмыслив, скажет нам правду. Ведь пока остается непонятным и то, зачем было криоконсервировать совершенно здорового человека, далеко не достигшего предельного возраста той эпохи. Я исключаю, чтобы это могло быть сделано вопреки его желанию...

— А если это всё-таки особый эксперимент? — предположил кто-то.

— Тогда и документация сохранялась бы *особенно* тщательно, — возразил профессор. — Мы нашли бы ее. Наконец, были бы публикации на эту тему.

— А преступление? В ту эпоху преступления нельзя исключать. Например, ради получения наследства. Не могли его заморозить обманным путем?

— Очень мало вероятно, — задумчиво произнес профессор Норберт. — От него легко могли избавиться более простым способом... Итак, заканчиваю. До вынесения наших результатов и достижений на суд Всемирной Академии мы решили показать «Бокстера» широкому кругу современников. Общественность чрезвычайно заинтересована результатами эксперимента и служба Публичной информации уже неоднократно обращалась к нам с просьбой организовать интервью с воскрешенным предком для всей планеты. Такое интервью состоится завтра. Вопросы есть? Нет... Заседание закрывается.

На лестнице, ведущей из зала заседаний, к профессору Норберту подошел высокий совершенно седой человек с очень резкими чертами смуглого, словно вырубленного в камне лица и внимательными темными глазами. Одет он был изысканно, хотя и несколько старомодно.

— Профессор Усам, — представился он.

Имя это ровно ничего не сказало профессору Норберту. Он молча поклонился и вопросительно взглянул на гостя.

— Я психиатр, — продолжал тот, — представитель профессии, достаточно распространенной в нашу эпоху. Меня пригласили ваши коллеги-психологи из отдела... забыл, как он у вас тут называется...

— Слушаю вас, коллега,— очень вежливо сказал профессор Норберт, всё еще недоумевая, чего от него хотят.

— Так вот, я смотрел вашего Бокстера, даже разговаривал с ним...

— Гм... Ничего не знал об этом. Никто меня не предупредил,— сухо заметил профессор Норберт, крайне недовольный тем, что к его пациенту подключили постороннего.

— Повторяю, меня пригласили ваши психологи,— объяснил гость, словно дгадававшись о мыслях собеседника.— Это было перед самым заседанием совета, и вас не стали тревожить. Прошу извинить за невольное вторжение в ваш эксперимент без вашего разрешения, но у меня было слишком мало времени. Через несколько минут я должен уехать.

— Вы с чем-то не согласны? — Профессор Норберт потер переносицу и заставил себя улыбнуться.

— Напротив. Я присутствовал на заключительной части заседания и не имею никаких возражений. Единственно — завтрашнее интервью для широкой публики... Вы не считаете его преждевременным? Я, конечно, понимаю — интерес широкой общественности, настойчивость службы информации, но...

— Но?..— повторил профессор Норберт.— Продолжайте, пожалуйста.

— Я совершенно согласен с вами относительно состояния здоровья и психики вашего подопечного. Несмотря на некоторую нервозность, вполне понятную в его положении, некоторую растерянность и крайнюю нестабильность характера, я не нахожу в его психике патологических отклонений. Он неотесан, груб, недоеерчив, но это, в определенной степени, черты эпохи. Он ее представитель...

— Типичный представитель! — поднял палец профессор Норберт.

— Не знаю, типичный ли... Впрочем, вам виднее. Он у вас далеко не первый. Дело не в этом. Он отдает себе отчет в своих действиях, он может их полностью контролировать, может, но...

— Но?..— снова повторил профессор Норберт.

— Но не всегда хочет. И вы, вероятно, это заметили. Может быть, это тоже одна из особенностей той эпохи. Ею, кстати, можно было бы многое объяснить, многое из того, что было и что теперь кажется нам

совершенно бессмысленным... Вот это первое... И второе — ведь он же ничему, абсолютно ничему из того, что вы ему рассказываете и даже показываете, не верит...

— Придет время, убедится, поверит.

— Может быть, тогда и показать его на экранах?

— Мы покажем его не один раз. Пусть люди собственными глазами увидят его постепенную адаптацию в современности.

— А вы не думаете, что интервью перед лицом всей планеты отрицательно подействует на его психику?

— Помилуйте, дорогой коллега, а кто ему скажет, что его смотрит и слушает вся планета? — Профессор Норберт пожал плечами и сделал паузу, испытывая сладчайшее удовольствие при мысли, что сейчас он возьмет реванш. — Боюсь, что вы несколько недооцениваете наш опыт и традицию исследований. Я вам объясню: его приведут в отдельную комнату, посадят перед экраном, и очаровательная девушка задаст ему несколько вопросов. А он ответит. Вот и всё. Он не будет и подозревать о масштабах аудитории. Кстати, с девушкой, поторая поведет интервью, его уже познакомили. Она нашла к нему подход. Оказалось, что он умеет быть вежливым, даже попытался сочинить какой-то комплимент...

Вероятно, профессор Усам был совершенно лишен чувства юмора, потому что он нахмурился и сказал:

— Если это интервью так необходимо, я бы на вашем месте вместо очаровательной девушки предпочел опытного пожилого комментатора.

Профессору Норберту не оставалось ничего иного, как улыбнуться и развести руками.

После этого они раскланялись и разошлись.

— Ты готова, Элина? — Вил приоткрыл дверь и заглянул в студию, из которой должна была вестись передача. — Мы привели его. Он в коридоре с Ником.

— Минутку, Вил. — Элина отвернулась от большого матового экрана, перед которым сидела. — Входи и закрой дверь. Сейчас я объявлю, что можно начинать. — Она поправила волосы, критически оглядела себя в маленькое зеркало, пригладила какой-то волосок на брови, взглянула на Вила: — Ну как?

— Изумительно... Вижу, что передача строится на контрастах. Ты, как живое воплощение конца двадцать первого века, и он...

— Кстати, как он сегодня? — поинтересовалась Элина, подправляя краску на губах.

— Нормально... Не хуже, чем вчера... За завтраком ему дали успокоительное.

— А он не будет слишком пассивен?

— Ты его расшевелишь...

— Куда мне стать, чтобы не оказаться в поле зрения этого адского глаза? — спросил Вил, кивнув на экран.

— В поле его зрения вся студия, но сейчас это неважно. Нас увидит только оператор Центра.

Пальцы ее пробежали по клавишам, и большой матовый экран посветлел, стал прозрачным и глубоким. Тотчас на маленьком экране, вмонтированном в пульт управления, появилось лицо оператора.

— Здесь всё готово, Ив, — сказала Элина. — Я могу включиться в передачу через несколько минут.

— Комментарий уже идет, — объявил с экрана Ив. — Сейчас рассказывают о предыдущих опытах. Потом покажут фрагменты из научных фильмов. Через шесть минут начнется твое время, и я смогу дать тебя в эфир в любой момент...

— Имей в виду, что я, может быть, не использую всего времени целиком, или мне придется выключиться на несколько минут... Герой передачи не совсем обычный...

— Не волнуйся. На эти случаи у меня подготовлены фрагменты из хроники прошлого столетия.

— Тогда всё в порядке, Ив, — сказала Элина, выключая экраны.

Несколько секунд она сидела молча, потом тряхнула головой, улыбнулась и кивнула Вилу:

— Давай его.

— Ты не беспокойся, в случае чего мы с Ником сразу будем здесь. — Голос Вила прозвучал хрипло, и Элина удивленно взглянула на ассистента:

— Не вздумайте влезть мне в передачу...

— Это на всякий случай, — оправдывался Вил.

Элина расхохоталась:

— Неужели ты думаешь, что он станет драться со мной? Вы смогли его только оживить, — добавила она,

сразу став серьезной,— понять его вы решительно не в состоянии. Предоставьте это нам, женщинам...

Выйдя из студии, Вил осторожно потрогал пальцами свой подбородок и пожал плечами.

Через минуту дверь в студию снова открылась. На пороге появился тот, встречи с кем ожидала сейчас вся планета. Его настороженный взгляд быстро обещал помещение: ярко освещенная комната без окон, два кресла, стол с кнопками и клавишами, экран... Всюду у них эти экраны.

— Входи, Джим,— крикнула от стола Элина.

Он нерешительно переступил порог, оглянулся на провожатых, но они остались в коридоре. Дверь бесшумно закрылась.

— Садись.— Элина указала на свободное кресло рядом с собой.— Поговорим.

— О чем? — Он глядел на нее исподлобья, не двигаясь с места.

— О чем ты захочешь. Садись же. Знаешь, ты сегодня просто элегантен.

По его лицу промелькнуло подобие улыбки. Он оглядел свою пижаму, засунул руки поглубже в карманы куртки, подошел к креслу, сел. Взглянул на Элину и тотчас опустил глаза.

Она, улыбаясь, смотрела на него. Чисто выбрит, лицо свежее, моложавое, на голове уже поднялась густая поросль рыжеватых с проседью волос. Вот только уши слишком оттопырены, и нос... не то расплющен, не то такой от природы. Конечно, не красавец, но что-то в нем есть истинно мужское. Сейчас это встречается всё реже... И подумать только, сто лет пролежал в ледяном саркофаге. Она невольно вздрогнула. Он быстро взглянул на нее и отвел глаза.

— Джим, расскажи что-нибудь о себе...

Он нахмурился.

— Что сам захочешь.— Ее голос звучал вкрадчиво, почти нежно.— Может быть, о своем детстве?

— Зачем?

— Мне интересно... Знаешь, мне почему-то кажется, тебе до сих пор не особенно везло в жизни...

— Как сказать. А в общем, пожалуй, ты права.

— Так расскажешь?

— Ладно...

Она положила руку на клавиши пульта:

— Ты не будешь возражать, если я включу это?

— Зачем?

— Пусть они тоже слышат — кому это интересно.

— А сейчас они не слышат?

— Сейчас нет.

— И не видят нас?

— Конечно нет.

— Ладно, включай... А выключишь, когда я скажу?

— Тотчас же, Джим.

Некоторое время он молча всматривался в посветлевший экран. Потом повернул к ней встревоженное лицо:

— Разве я их не увижу?

— Нет. Это только приемный видеоэкран. Передающего здесь нет. Их ты увидишь позже.

— А когда?

— Когда сам пожелаешь.

— Когда сам? — Он усмехнулся. — А если не пожелаю?

— Тогда ты будешь встречаться только с профессором, его помощниками и... со мной.

— Шутишь?

— Нисколько, Джим.

— Не зови меня Джимом.

— Но почему, Джим?

— Это... это имя мне не нравится...

— Как же называть тебя?

— Том.

— Сколько же у тебя имен?

— Много... Но Томом меня называла мать.

— Хорошо. Я тоже буду звать тебя Томом. Расскажи о своей матери, Том.

Губы его зашевелились беззвучно. Потом он опустил голову и тихо сказал:

— Нет, я не могу рассказывать о ней сейчас...

— Почему? Тебе так тяжелы эти воспоминания?

— Нет... Просто я никогда, никому не рассказывал о ней. Это ни к чему...

— Хорошо, Том. Тогда Расскажи о себе, как обещал. Ты родился...

— Я родился на дальнем Западе. Помню пустые, сожженные солнцем равнины и маленькие пыльные поселки около рудников. Мой отец работал в шахте. Мать рассказывала, что он там и погиб. Отца я не

помню... А мать... Нас было у матери шестеро. Братья и сестры вырастали и уходили. Но они уже никогда не возвращались в наш поселок. Потом я встречал некоторых из них. Они нашли, что искали...

— А ты, Том?

— Я ушел из дома последним, когда умерла мать. Стал работать в городе. Потом меня взяли в армию и послали воевать за океан.

— И ты был на настоящей войне, Том?

— Да. Меня научили убивать, и я убивал. Я научился очень хорошо убивать. Меня сделали за это сержантом. Потом меня ранило, и я должен был возвратиться домой. Но дома у меня не было. И я ничего не умел делать. Только убивать...

Он замолчал.

— Что же потом, Том?

— Это всё.

— Нет, после того как кончилась война?

Он удивился:

— Разве она кончилась? Война не может кончиться. Люди не могут жить без войны...

Элина мысленно ликовала: вот когда он начал раскрываться, вот какие они были в действительности. В то же время она испытывала острую жалость: «Бедный Том... Представляю, что сейчас творится у стереоэкранов».

— Ты глубоко заблуждаешься, Том.— Она положила руку на его плечо и почувствовала, как он вздрогнул.— Все войны давно кончились. Человечество уже много десятилетий не знает, что такое война.

Он резко дернулся, и рука соскользнула с его плеча.

— Зачем? Зачем ты говоришь это? Я думал, тебе можно верить... А ты...

— Но это правда, Том... Ты... Просто прошло очень много времени с тех пор, как ты воевал.

— Молчи!

— Хорошо, оставим это. Чем всё-таки ты занимался после того, как ушел из армии?

— Хочешь знать?

— Очень.

— Тогда выключи это.— Он указал на экран.

Она молча щелкнула клавишами, экран потускнел, снова стал плоским и погас.

— Ну, Том?

Он приблизил лицо к самым ее глазам:

— Я продолжал убивать, девочка.

— Как это, Том? — Она отодвинулась, но он схватил ее за руки.

— А вот так... И стал богатым. Очень... У меня появилось всё: виллы, яхты, машины, девушки... Такие, как ты... Хотя нет, ты гораздо красивее.

Она попыталась оттолкнуть его, освободиться, но он сжимал ее руки всё сильнее.

— Что ты делаешь, Том! Отпусти меня! Ну! Том... Том, не смей... Том...

Через несколько минут всё было кончено. Полураздетая Элина ошеломленно рыдала, сидя на полу в углу студии. А он стоял возле и пытался успокоить ее:

— Ну чего ты. Перестань реветь, дура. Ну не удержался... Уж очень ты мне по душе пришлась. Так ведь я же по-хорошему... Ну хочешь, женюсь...

Он хотел помочь ей встать, но в этот момент дверь распахнулась и в студию ворвались Вил и Ник. При виде их Элина оттолкнула Тома, вскочила и пронзительно закричала:

— Уходите сейчас же, уходите все отсюда! Все до одного! И ты тоже!

— А ну,— угрожающе процедил Вил, приближаясь со сжатыми кулаками к Тому и указывая ему глазами на дверь.

— Вон, все вон! — продолжала кричать Элина.

Вспыхнул экран на пульте управления, и Ив сердито заговорил что-то, однако на него никто не обратил внимания.

Том попытался подойти к Элине и что-то сказать, но Вил и Ник преградили ему дорогу. Тогда, махнув рукой, Том пробормотал:

— А, семь бед — один ответ...

И выбежал из студии. Вил и Ник устремились следом за ним.

В просторном кабинете президента Всемирной Академии сидели трое: сам президент — седой розовощекий старик в черной бархатной шапочке и парадной белой мантии и профессора Норберт и Усам. Все трое

молчали. Президент постукивал пальцами по полированной поверхности большого письменного стола и выжидательно поглядывал то на одного собеседника, то на другого.

— Ну, и что же будем теперь делать? — спросил он наконец, откидываясь в кресле.

— Если считать, что ситуация не выходит за рамки эксперимента, — нерешительно произнес профессор Норберт, — то решать вправе Академия.

— Ничего себе экспериментик, — заметил профессор Усам.

— Это он что же, на глазах всей планеты? — поинтересовался президент, тщетно пытаясь скрыть улыбку.

— Нет, экраны в студии были выключены, — сердито ответил профессор Норберт. — Поэтому ему и не успели помешать.

— М-да... Так что же, коллега, как по-вашему, можно считать происшествие в студии экспериментом? — спросил президент, обращаясь к профессору Усаму.

— Этот вопрос я прежде всего адресовал бы Элине...

— Категорически возражаю, — перебил профессор Норберт. — Один человек не вправе решать судьбу такого эксперимента. Нам дан случай неповторимый... Мы должны продолжать наблюдения. Если его теперь изолируют ради торжества справедливости, как здесь говорили, потери науки будут невосполнимы.

— Наблюдения вы, вероятно, сможете продолжать и в том случае, если сочтут необходимым изолировать его, — сказал президент.

— Это будет совсем не то. Я имею в виду его адаптацию в нормальной обстановке, адаптацию в обществе, а не на обитаемом острове или в одиночной камере.

— А вы можете поручиться, коллега, что он не натворит еще чего-нибудь? — Профессор Усам скрестил руки на груди и не мигая уставился в лицо профессора Норберта.

— Эксперимент всегда несет в себе элемент риска, — не сдавался тот.

— Но ведь он может и убить. Запросто... Теперь, когда точно установлено, кто это, мы должны быть особенно осмотрительны.

— Кстати, кем он оказался в действительности? — спросил президент. — Подтвердилось, что он рассказывал о себе во время того злополучного интервью? Мне что-то говорили, но я уже запомнил...

— Всё, что он говорил, подтвердилось. — Профессор Норберт достал из небольшого портфеля лист бумаги и положил на стол. — Вот заключение Института новейшей истории. Его настоящее имя — Томас Джонсон. Он уроженец западного континента, молодость его прошла в очень трудной обстановке, потом служил в армии, потом... Ну, потом связался с преступным миром, стал, как это у них называлось, гангстером, одним из руководителей какой-то крупной организации. В конце концов попался и, так как не назвал соучастников и шефов, был приговорен к смерти. Смерть в газовой камере, с его согласия, заменили криоконсервированием на пятьсот лет. Его заморозили, поместили в одно из хранилищ, а все документы почему-то остались в тогдашнем министерстве юстиции и потом попали в архив. Там они каким-то чудом сохранились, и вот теперь историки их по нашей просьбе откопали.

— Так вы, значит, оживили его раньше срока, — покачал головой президент.

— Да, и не жалею, — запальчиво возразил профессор Норберт, — потому что он, по-видимому, единственный, кого заморозили совершенно здоровым.

— А как это всё-таки получилось?

— Сейчас трудно сказать... По-видимому, на его саркофаге не было никаких надписей, только номер. Когда всё это было свезено в хранилище Академии холода и началась реставрация саркофагов, на его саркофаге по ошибке поместили табличку с надписью с другого саркофага. И он стал числиться у нас Бокстером. А саркофаг настоящего Бокстера, вероятно, привезли в таком состоянии, что хранить его было бессмысленно, и его уничтожили. Документы же на Томаса Джонсона в Академию вообще не попали, и о его существовании у нас никто не знал.

— Послушайте, коллега, а много у вас там может оказаться еще подобных сюрпризов?

— Не знаю, не знаю, ведь не я их замораживал... И с подавляющим большинством я, на их месте, не стал бы возиться... Зачем они всё это делали?.. Переправлять в будущее преступников и трупы богатых

бездельников — трудно усмотреть в этом акт гуманности. Но они поставили нас перед этой проблемой, и мы вынуждены пытаться ее разрешить. И хотя мы сейчас не подбрасываем своих покойников медикам будущего, проблема криоконсервирования, конечно в каком-то усовершенствованном виде, представляет для нас очень большой интерес. Может быть, к ней придется возвратиться, когда мы станем посылать космонавтов в длительные путешествия к иным галактикам. Она может стать актуальной и в других областях человеческой деятельности в ближайшем или более далеком будущем. Поэтому заниматься ею мы обязаны. А что касается возможных «сюрпризов» при размораживании — в какой-то мере каждый из оживляемых может им оказаться... Но боюсь, таких, как Томас Джонсон, больше не будет.

— Посмотрите на него, он боится, — президент покачал головой, — боится, что больше ничего такого не получится. А мы теперь ломаем головы, что нам делать с тем, что уже получилось... Итак, слушаю ваши окончательные предложения, коллеги.

— Рассматривать случившееся как эксперимент, — буркнул профессор Норберт.

— Передать всё на решение Высшего совета народов, — твердо сказал профессор Усам. — В прошлом это преступник; он и у нас совершил преступление, едва профессор Норберт разморозил его. Надо передать его органам справедливости. Пусть они и решают, что он заслужил.

— Это ужасно, — произнес профессор Норберт, — и это говорит ученый двадцать первого века.

— Да, потому что не хочу, чтобы бациллы преступности снова распространялись в нашем обществе. Человек всё еще слаб... А такое весьма заразно. Мы почти покончили с преступностью не затем, чтобы всё начинать сначала.

— В таком случае я настаиваю, чтобы решение было обсуждено на Большом совете Академии, — сказал профессор Норберт. — Пусть выскажут свое мнение ученые всей планеты.

— Всемирная Академия не компетентна, когда речь идет о преступлении, — возразил Усам.

— Повторяю, речь должна идти прежде всего об эксперименте, небывалом эксперименте огромного значения.

— Но вы забываете об Элине. Она даже не сотрудник Академии холода. Она — жертва преступника.

— Для науки люди шли и не на такие жертвы.

— Нет, с вами, профессор Норберт, невозможно спорить. Вы просто фанатик!

— А вы формалист, сухарь; вы лишены элементарных качеств настоящего ученого.

— Коллеги, коллеги,— заволновался президент.— Успокойтесь. Сохраняйте необходимую всем нам объективность суждений.

Наступило напряженное молчание.

— Может быть, действительно поговорить с Элиной,— заметил наконец президент, словно рассуждая сам с собой.

— Зачем? — взорвался профессор Норберт.

Профессор Усам пожал плечами и отвернулся. Этот жест мог означать и одобрение и порицание.

В кабинете снова воцарилась тишина. Такая тишина, что стал слышен еле различимый напев кондиционера, напоминающий, что за окнами лето.

— Хорошо,— со вздохом сказал президент.— Я предлагаю поступить следующим образом...

Он не успел объяснить, как следует поступить, потому что вспыхнул световой сигнал на настольном экране и голос невидимого секретаря произнес:

— Прошу извинить, но к вам обращаются из службы Публичной информации. Говорят, что-то важное и срочное. За последние полчаса обращались уже несколько раз. Вы разрешите?

— Да,— сказал президент.

Тотчас осветился большой переговорный экран, занимавший одну из стен кабинета. Откуда-то из самой его глубины выбежала женская фигура в очень коротком ярком платье. Она стремительно приблизилась, и профессор Норберт узнал Элину. Ее лицо в пышном ореоле золотистых волос выглядело спокойным, но грудь высоко поднималась, а глаза блестели ярче, чем обычно. Казалось, она соскочит сейчас на мягкий ковер, которым устлан был пол кабинета, но она резко остановилась в раме экрана, не отрывая взгляда от сидящего за столом президента.

— Простите меня за вторжение,— начала она. Тут голос ее прервался и она глубоко вздохнула.— Я... мне сказали, что сейчас решается судьба Тома Джонсона. Так вот я хочу вам сказать: мы только что говорили

с ним и решили, — она на мгновение опустила глаза, — решили, что будем вместе... Вообще вместе... Вы поняли?.. Я беру на себя всю заботу о нем, пока он не привыкнет к новому для него миру... Вы меня поняли?..

— Конечно, — медленно заговорил президент. — Но я не знаю, как на это посмотрит профессор Норберт. Ведь Томас Джонсон, как бы это точнее выразить, его пациент и подопечный — центральная фигура весьма важного эксперимента, столь успешно проводимого профессором Норбертом...

— При чем тут Норберт, — возмутилась Элина. — Разве Том пленник Норберта? Или морская свинка? Ну Норберт оживил его. Очень хорошо, спасибо ему за это... Но теперь каждому пора идти своим путем... Норберт пусть возвращается к своим замороженным саркофагам, а Том...

— Возмутительно! — произнес профессор Норберт.

— Ах, вы здесь, профессор, — не растерялась Элина. — Очень хорошо. Пожалуйста, не думайте, что я хотела вас обидеть. Вы же знаете, что Том совершенно здоров, и чем скорее он покинет клинику и окунется в нормальную жизнь, тем будет лучше для него и... всех нас.

— Возмутительно! — повторил профессор Норберт, всё еще не веря своим ушам.

— В общем, мы хотели бы уехать еще сегодня, — закончила Элина.

— Куда? — поинтересовался президент.

— Сначала в какой-нибудь тихий уголок... В Полинезию или на Багамские острова, а потом посмотрим. Если профессора Норберта интересует дальнейшая судьба Тома, я буду держать его в курсе дел...

— Нет, это просто... — Профессор Норберт попытался подыскать какое-нибудь крепкое слово, чтобы выразить возмущение, обуревавшее его, но не мог вспомнить ничего подходящего. — Кто в этом случае может распоряжаться, планировать, решать, я или...

— Мне кажется, в этом случае мое решение и желание тоже что-нибудь да значат, профессор, — отчеканила с экрана Элина.

Профессор Норберт потер переносицу и отвел глаза, стараясь избежать спокойного и твердого взгляда молодой женщины.

— Я всё-таки полагаю,— сказал президент,— что кое-какие детали вам, моя дорогая, следовало бы согласовать с профессором Норбертом. Ведь во всем, что произошло, его роль тоже не последняя, и он, как и вы, желает Тому только добра...

— Хорошо,— кивнула Элина,— я буду ждать профессора Норберта в его кабинете. Я говорю сейчас из Академии холода,— пояснила она.— Благодарю и до свидания. С вами я не прощаюсь, профессор Норберт.

Экран померк, и изображение Элины исчезло.

— Ну как? — спросил президент с улыбкой, поглядывая на своих собеседников.— Какова!

— Придется предложить ей место ассистента,— задумчиво сказал профессор Норберт.— Мой ассистент Вил решил покинуть Академию холода...

— Попробуйте... Но не препятствуйте особенно, если они будут настаивать сейчас на отъезде. Несколько недель на Багамских островах — прекрасный вариант в этом эксперименте. Тем более что рядом с вашим подопечным будет находиться ваш ассистент.

— Подумаю,— многозначительно произнес профессор Норберт.

— А вы что скажете, коллега? — обратился президент к профессору Усаму, который с момента появления Элины не произнес ни слова и, сидя спиной к экрану, внимательно разглядывал что-то на потолке кабинета.

— Моя дочь всегда отличалась сгранностями,— заметил профессор Усам, не отрывая взгляда от потолка.— Думаю, это у нее от матери...

— Ваша дочь! — хором воскликнули президент и профессор Норберт.

— Да... И скажу вам откровенно, коллега,— Усам повернулся к профессору Норберту и похлопал его по колену,— вам с ней будет нелегко. У нее довольно твердый характер.

— Это как раз то, что мне надо,— заверил профессор Норберт и многозначительно поднял указательный палец.

— А относительно всей этой истории,— продолжал профессор Усам,— я далеко не уверен, что нами сейчас принято наилучшее решение. И отнюдь не потому, что Элина моя дочь. Она совершенно самостоятельный человек и вправе поступать, как находит нужным. Меня беспокоит он, его прошлое... Кто побе-

дит в этом столкновении прошлого с настоящим? Не знаю... Но мне страшно вато.

— Мы постоянно сталкиваемся с прошлым, дорогой коллега, — мягко сказал президент. — Оно постоянно напоминает нам о себе, но до сих пор мы выигрывали сражения с ним... А в данном случае у коллеги Норберта теперь появился такой союзник, что лучшего и не пожелаешь. Неужели вы продолжаете считать, что Тома Джонсона лучше было бы передать органам справедливости?

— Во всяком случае, он заслужил это.

— Может быть... Но даже в далеком средневековье существовал обычай: женщина имела право спасти приговоренного, если ему грозила смертная казнь... И история знает немало случаев, когда женщины спасали преступников, становились их женами и возвращали этих людей обществу. Неужели вы, коллега, откажете в подобном праве женщине нашей эпохи?

Феликс Суркис

СЕРДЦЕ ПЛАТО

Рассказ

— Вас на Оду? Плато Логинова? Я сразу догадался. У вас, пассажиров Ближнего Космоса, какие-то домашние лица. И у каждого свое. А вот у разведчиков, у звездопроходцев, вообще у Дальних, есть что-то общее, отрешенное,— они еще на мой лифт не ступили, а Землю в себе уже глубоко спрятали. Мне многих приходилось на орбиту Сатурна перебрасывать. К Стартовому Кольцу. Иной за весь путь слова не произнесет, не то что мы.

Я еще знаете почему про Оду догадался? По вопросу в глазах. Не смейтесь, это у всех, идущих туда впервые. Уж таков он, мой третий этаж: каждый на нем что-то понять силится. Вот второй — Луна — совсем другое дело. Туда всё больше альпинисты рвутся. Простые суровые парни с именными ледорубами «Покоритель девятитысячника» и с обязательной пьезогитарой под мышкой. Чтобы играть в вакууме. Марс археологи облюбовали. Их тоже сразу видно — по значку «Золотой саркофаг». Так что вы на Оду, не спорьте. Между прочим, куда идет пассажир, мы с младших курсов определяем. Развиваем наблюдательность. А для нас, будущих космических волков, это первое дело, правда?

Вот вы смотрите сейчас на меня и думаете: этот негритенок — болтун и хвастунишка. Лифтер, а будто

бы Вселенной заведует. Ведь так, сознайтесь? Я не обижусь. Конечно, по форменке любому ясно, что я курсант Академии Звездоплавания имени Юрия Гагарина. С пятнадцати до семнадцати лет мы практикуемся на гравифлотах Ближнего Космоса и год штурманам по всей Присолнечной Системе. И всё, пожалуй. А ведь я про вас больше расскажу, хотите? Мсье француз? Ах, русский? Но у вас такой парижский выговор интерлинга! Стажировались в Лувре? О, это меняет дело. Вы писатель. Мсье хмурится — значит, я попал в самую точку. Вы собираетесь писать большую работу про Карда Логинова. Правильно? Еще бы, недаром меня прозвали Стоглазым Аргусом: всё замечаю. Теперь вы немного помолчите... Что? Прошу прощения. Сейчас мы немного помолчим. До выхода гравифлота в поляризованное пространство. А потом я расскажу про Оду. Я ведь еще и гид первой ступени. Уж этого вам бы никогда не угадать!

Ну, вот. У меня всё готово. Пересядьте лучше в то кресло, в нем автоматическая регулировка линии Аккерблома, и послушайте про полет, который обессмертил имя Логинова.

Мсье известно, почему Кард назвал планету Одой? Нет? Тогда откиньте вон ту панель и поверните зеленый рычаг до отказа. Начало мы пропустим, нажимайте сразу шестую клавишу. Теперь внимание! Вот так же и Кард видел на экране приближение неизвестной планеты. Представьте его состояние, когда навстречу, под углом к линии курса понеслась эта штука, по размерам лишь в два раза уступающая Луне. На проторенной, тысячи раз хоженной трассе — и вдруг не какой-нибудь там нестесанный астеронд, а настоящая планета!

Одного этого было достаточно, чтобы направить корабль на облет. А когда за краем поворачивающейся планеты показалось Черное Пятно — бездонный провал в четверть видимой поверхности, — сердце физика дрогнуло: тайна сама стучалась в его корабль.

Надо сразу сказать: в этом полете всё было необязательным. И планета. И посадка. И подвиг. Но когда случайности переходят одна в другую, возникает закономерность. Так, мсье?

Кстати, вас не смущает, что я рассказываю, сидя к вам спиной? Я эти кадры тысячу раз видел, а у меня тут электроника забарахлила — сигнал маяка

пропадает. Я пока им позаниматься, а вы себе смотрите на экран. Видите, как постепенно планета открывает Черное Пятно? Как медленно размыкаются обе горные складки по его краям? Как, наконец, вздыбливаются косматые темные тучи у другого горизонта планеты? Что это больше всего вам напоминает? Изстесняйтесь сравнения, оно всем приходит в голову и в данном случае совершенно объективно. Не надо извиняться: именно таких слов я и ждал. Запрокинутое женское лицо. Особенно эти рыжие нечесанные космы и распахнутый в крике рот. Улавливаете мысль Карда? Поющая планета. Ода.

Надеюсь, мсье не забыл, что патрульные звездолеты, как и корабли свободного поиска, имеют экипаж в три-четыре человека. Не был исключением и корабль, где Кард даже не был капитаном. Но он всё-таки настоял на посадке. Чтобы понять, почему это произошло, следует вспомнить его курсантское прозвище: человек без недостатков. Он был неназойлив до исчезновения в небогатых объемах помещений корабля. Сдержанный, никогда не повышающий голоса, он и говорил ровно столько, сколько надо, чтобы у собеседника не успевал потухнуть огонек интереса. Даже внешность свою ухитрился подогнать под общее впечатление: при невысоком росте и полноте, побужденной постоянными тренировками, он выглядел значительно, а близкое к неприметности лицо Карда казалось очень выразительным. Костюм на нем всегда сидел безупречно и лишь оттенял портрет человека без недостатков.

На экстренном заседании в звездолете собрался весь экипаж: капитан, девушка-штурман, астроном и Кард. Физик Кард Логинов. Он настаивал на посадке, мотивируя это странностью планеты, тайна которой нужна Земле. И мсье знает, что посадка состоялась.

Планета действительно оказалась странной. Половину ее поверхности окутывала плотная оболочка инертных газов, там клубились багровые многорядные рои туч. А над Черным Пятном атмосферы не было. Тяжелый синий воздух доходил до самого края провала и здесь взмывал неширокими струями, сопротивляясь телу, как тепловая завеса в дверях магазина. Дальше был вакуум. Теперь нас этим не удивишь, но Кард впервые видел поляризованное пространство. Лу-

чи прожекторов упирались в глухую стену мрака, словно в подушку, и не тонули, нет, — обламывались, расплющивались, исчезали. Ни один луч не пробивал темноты. Они останавливались у кромки, серебряной каймой оторочивали силуэты скафандров. Они высвечивали горы, пологими складками обрывавшиеся в ничто. И немедленно потухали, едва рефлекторы поворачивались внутрь Пятна. Темнота слизывала даже ладонь вытянутой руки, и ни у кого не возникало идеи лезть в кромешную бездну. К тому же в этой зоне бесновались чудовищные радиопомехи, и людям приходилось пользоваться общей проводной связью.

О, мсье, мсье! Вы собираетесь курить? Не делайте этого в гравилифте: курящие плохо переносят обратную поляризацию. Потерпите немного, через полчаса выход на Оде. Там и дымите своей удивительной трубкой. Сами, конечно, резали? Уж поверьте моему слову, другой такой нет от побережья Калифорнии до Пика Бесконечности на Плутоне. А я в свои пятнадцать кое-что всё-таки повидал. Наверное, приятно держать в руках действующий вулкан? Нет-нет, его название мне сразу не запомнить: Ключ... Ключес... О мсье, я и без этого не забуду вашу трубку-вулкан. Разумеется, я повторю, доставлю вам удовольствие: Ключевская сопка. Правильно? Ну и хорошо. А теперь я расскажу, что было с Кардом дальше.

Видимо, он первый понял: Черное Пятно — не причина, а следствие чего-то пока неизвестного. Остались наброски теории, которую Логинов успел разработать, ведя эксперименты у Провала. Будто Пятно на ней — рефлектор поляризованного пространства. Планета либо сама имела искусственное происхождение, либо Пятно на ней — след иного Разума, либо, в конце концов, планета прошла через такие области Вселенной, которые вызвали ее перестройку.

К сожалению, Карду нечем было подкрепить свои умозаключения. Всё это казалось слишком фантастичным и новым, чтобы походить на теорию. Ему не хватало ровно двух дней, но капитан ждать не собирался: кому улыбается торчать между небом и землей, в тоске и неподвижности? И так, мол, целый месяц колдуем над дыркой от бублика, выворачиваемся наизнанку, ищем то, чего не потеряли. Сочиняйте ваши бредни на Земле, в родном институте, а не под небом непригодной планеты. Сегодня же, сейчас же

корабль стартует и снова уходит в патруль. А сюда вызовом оснащенные экспедиции, и они прекрасно справятся с любым провалом.

«Но ведь это же верных лет двадцать пять», — сказал Кард.

«Ха, а что человечеству двадцать пять лет?»

Тогда Кард перерезал провод, соединявший его с общей телефонной связью, и включил ранцевую ракету. Шум помех тотчас поглотил его позывные. Капитан понял: случилась беда. Без локатора, без радиобуев найти здесь человека не легче, чем отыскать атом никеля в бруске железа. Сигнал тревоги поднял на ноги экипаж.

А Кард летел по прямой, пока не иссякла энергия в его ранце. Туда, на противоположную от Пятна сторону, где должны быть залежи минерала невиданных свойств. Чем иначе объяснить еще одну странность Поющей — строгое расположение в пространстве вдоль вектора полета? Она, как заправская ракета, летела с точной ориентировкой назад дюзы-провала. Само Пятно было фокусом того гигантского зеркала, в котором этот хитрый минерал собирает и поляризует пространство. И он, Кард Логинов, должен найти доказательства для своей гипотезы, открыть новую страницу в истории. Двадцать пять лет, может, и ничто для всего человечества, но не для него, ученого-физика. Ему не безразлично, кто даст название веществу, заставляющему целую планету открыть рот. Поэтому он здесь и увязает в песке, сжимая в руках тоненький стебелек индикатора, тянущегося бесцветной головкой к багровым сполохам туч.

Понимаете, мсье, сначала еще он думал о Земле. И о человечестве. Потом ему стало некогда: внезапная тяжесть подкатилась под колени, и он упал. Его распластывало, сплющивало внутри скафандра, размазывало по песку. Он сбросил ранец вместе с бесполезной ракетой, отцепил батареи, отсоединил запасные баллоны с кислородом. Только бы доползти. Ничего больше: доползти и обнаружить залежи минерала, способного всей толщей отразить поляризованное пространство. Минерала, чувствительного к любому виду колебаний. Так решил он, Кард Логинов: сверкнет звездочка индикатора — и он подарит Земле самый совершенный усилитель! Одогиалит. Поющее стекло!

Тяжесть нарастала быстро. Он боялся, что его приклеит, как бабочку на стекло, и он не сумеет доползти: уже тройной вес придавливал его вниз. Левая рука, правая нога. Правый локоть, левое колено. Еще метр. Еще полметра. Еще... Перчатка скафандра пропахала пять бороздок, не подвинув тело ни на сантиметр. Последним усилием он приподнял голову и взглянул вверх. На стебельке индикатора покачивался алый цветок водородной головки. Разбуженные ионы радостно бушевали в ней. Дополз. Дополз. Дополз!

Мсье! Послушайте, мсье! Вы так задумались, что мне неловко было вас окликать. Уже пять минут, как мы прибыли на Оду. Пойдемте, я провожу вас на плато. Это тоже входит в мои обязанности. Только, пожалуйста, наденьте этот скафандр. Здесь всё осталось по-старому. Инертные газы хорошо сохраняют следы. Видите, тут он отцепил ракету. А тут бросил батарею. Нет-нет, вы не ошибаетесь. Это действительно он сам — в старинном тяжелом скафандре, с баллонами и глухим металлическим шлемом. Человечество создало ему самый лучший памятник: оставило нетронутым на века. Он так и лежит вниз лицом, сжимая в руках вечно алеющий индикатор, как тогда, когда его нашли товарищи. В наших скафандрах не чувствуется семикратной перегрузки — ведь мы овладели гравитацией. До нее от поляризованного пространства один шаг. Но нам бы его не сделать, если б не было этого плато.

Вы спрашиваете, как его нашли? Я боюсь, мсье, просто об этом не расскажешь. Правда, вы, писатели, умеете придумывать нужные слова. И мне удалось кое-что запомнить. Слушайте.

...Он лежал на мельчайшем, как пепел, песке, раздавленном и перетертом собственной тяжестью. Тяжелый ветер лениво расталкивал тяжелый синий воздух, не поднимая пыли, не нарушая даже тихим свистом устойчивого беззвучия плато. Раскаленная головка индикатора, обрывая стебелек, тянулась к низким облакам и бросала вокруг кровавые блики. Но он успел забыть о нем, хотя и не выпустил из рук.

«Тук-тук, — ровно стучало сердце. — Тук-тук».

В ответ что-то глухо ухало в первобытной глубине плато, которое он обнимал теперь тяжелыми, непослушными руками. Спасения не было. Но это его больше не заботило.

«Тук-тук», — в хорошем ритме стучало сердце. И снова: «Тук-тук».

У него оставались минуты. Кончится кислород, и думать станет не о чем. Совсем не о чем. Да и ни к чему. Сомкнется в точку крутой горизонт Оды и не пропустит к нему людей Земли. Даже если он, Кард, не выдержит и закричит, — планета задушит отчаянный крик в буре радиопомех.

Неужели всё? Тихо и буднично, лицом вниз, скаредно прикрывая собой найденный для других и неизвестный тем, другим, минерал. Гигантский природный усилитель, о котором невозможно сообщить...

Нет же, нет, глупое плато! Я разобью о тебя свое сердце, но заставлю заговорить. Слышишь мое тук-тук? Слышишь? Отвечай!

Планета неслышно дрогнула и ударила в грудь почти неощутимой волной.

Ну вот. Ну вот. Теперь только уловить ее голос и вогнать в собственный ритм.

Руки заоченели. Лицо быстро отекало от длительной перегрузки. Хотелось еще хотя бы раз набрать полную грудь воздуха, но для этого надо было приподняться, оторвать от песка шестисоткилограммовое тело в скафандре с пустеющими баллонами и без батарей.

Тук-тук. Тук-тук-тук.

Так стучало его сердце в те немыслимые четыре года, когда он скакал на одной ножке по плоской вершине лобастого карельского валуна и тараторил, щедро напирая на шипящие, которые недавно выучился произносить:

Ехала машина с лесом
За каким-то интересом,
Инте, инте, интерес,
Выходи на букву «эс».
Утром сыпалась мука,
Выходи на букву «ка».
А за буквой «ка»
Выйди, Баба-Яга!

Он и сейчас ощутил, как напрягался и каменел внизу отец, когда он зажмурился и нарочно подскакивал к обсыпанному солнцем краю валуна.

Тук-тук. Тук-тук-тук. «Не скорбь, но зависть внушаете вы живым...»

Он увидел себя на площади Пискаревского мемориала, у статуи Матери-Родины. Вечный огонь метался

над решеткой, будто беспокойная память о погибших на войне. В звенящую, натянутую, как нервы, тишину неотличимо вплетались разделенные паузами, разрезанные во времени звуки, складываясь в бесконечный скорбный марш. Но еще больше, чем вознесенная над площадью стела и вымеренные годами слова, даже больше, чем застывшее в каменном горе лицо Матери, его потрясли тогда ровные ряды могил с живыми цветами на гладких гранитных плитах.

Еще отчетливо вспомнилось, как медленно и трудно уходила от него жена. Сухие быстрые губы, твердая безучастная ладонь, податливые и равнодушные плечи.

— Что с тобой, Зюенька? — спрашивал он каждый раз.

— Ничего. Всё в порядке, — спокойно отвечала она. Но однажды не удержалась: — Ты хоть помнишь, какого цвета у меня глаза?

— Конечно: четыре тысячи восемьсот шестьдесят один ангстрем.

— Физики шутят! Очень мило с твоей стороны. Но я всё-таки предпочитаю живого человека. Всегда живого.

— А я?

— А ты? Ты, по-моему, какое-то рациональное число. Памятник самому себе! И ничего больше!

Жена. Зоя. Жизнь. Говорят, у нее уже двое внуков...

Тук-тук. «Не скорбь, но зависть», памятник себе на букву «эс»...

Всё начинало смешиваться в его голове, уходить за черную пелену...

Вот, мсье. Там дальше неинтересно. Думаю, вам уже понятно, как его нашли. Прислушайтесь: гудят камни, далеко-далеко под нами вздыхает и стонет Черное Пятно. Эти неритмичные, с перебоями, звуки — шорох, шепот, шелест — и есть последние удары его сердца. Он всё-таки разбудил планету и вместо могучей безмолвной песни дал ей не менее могучую свою. С тех пор уже десятки лет плато резонирует колебания в ключе его горячего сердца.

Люди отбуксировали планету к Земле и заставили дрейфовать за орбитой нашего естественного спутника. Так появился третий этаж Ближнего Космоса, третья остановка гравифлифта после орбитальных

лабораторий и Луны. Теперь мы, стажеры, водим сюла пассажиров.

Одного я не понимаю, мсье. И никто мне не может объяснить. Кард Логинов совершил подвиг. Ведь так? Да или нет? Как вы неохотно киваете! Значит, по-вашему, не стоило отдавать жизнь за прогресс науки? Нет-нет, не цитируйте Главную Формулу человечества. Мы хорошо знаем о запрещении рисковать жизнью. И всё-таки я сделал бы так же. И мои друзья тоже.

Извините, мсье, мне обидно топтать ногами это плато. Наша Земля тратит колоссальную энергию для синтетического производства одогилалита. И до сих пор не воспользовалась Одой. Не только шахтер — даже геолог не взял отсюда ни одного образца. Потому что цена плато — человеческая жизнь. Конечно, Кард рассчитывал на благодарность поколений. Но, поверьте, не о такой памяти он мечтал.

И еще ответьте мне, если можете: правильно ли решили с Кардом? Он мог тогда улететь домой, доложить ученому совету. Потом бы вопрос обсудили всей планетой. Отправили бы разведочную экспедицию. Оснастили бы еще одну, комплексную. А он бы всё домывливал и корректировал свои непроверенные гипотезы. Так легко было подчиниться Главной Формуле. Но может, и до сих пор мы не ходили б к Плутону в гравелифтах всего за десяток часов.

Молчите, товарищ писатель? То-то же. Кард Логинов сам ответит за вас. Он поступил так, как поступали лучшие люди во все века. Он подарил песню планете — ведь это его сердце бьется для человечества...

Вот и всё, мсье. Пора возвращаться. Не благодарите меня; по правде говоря, Гриша Сандерс рассказывает об этом лучше. Я рад, что вам понравилось, но вы не были у него. Надо много увидеть и узнать, и полюбить тоже, чтобы написать про Карда. То есть как не собираетесь? Уже? Уже написали? Так я битый час пересказывал вашу книгу? Ой, какой позор, мсье! При чем тут мое неплохое чтение. Но учить автора?! И почему вы меня не остановили? Теперь я буду нем, как астероид. Ни одного слова. Если вы, конечно, сами не попросите.

Садитесь в кресло, скафандр оставьте, я сам его уберу. Нет, вы уж не возражайте, а я вам разрешу выкурить здесь вашу трубочку. Почему вдруг послед-

ний раз? Не понял. Подарите ее мне? Честное слово? Вот спасибо. Уж теперь я этот вулкан на всю жизнь запомню. Ключевская сопка. При случае обязательно по ее склонам полазаю.

Ну-ну-ну. Не думаю, что вам удастся удивить меня еще больше. Хорошо, раз вам так хочется, я готов слушать, я весь превратился в одни внимательные уши. Эту трубку... резал... Кард... Логинов. Понятно. Что?! Эту трубку? Кард? Какая-то сказка сегодня. Я поверю, если вы даже скажете, что сами и есть он, наш знаменитый физик. Ах, нет? Тогда легче. Хотя чудо всё равно есть.

Дразните, дразните, вы имеете на это право. Но знаете, что я скажу? У меня прошли тысячи пассажиров. Все одинаково рассуждают про Главную Формулу. И попусту никто больше не рискует.

Но вот в чем дело, мсье, даже если вы со мной не согласитесь: что, мол, в этом понимает какой-то пятнадцатилетний негритенок? Всё равно приятно, когда твое сердце бьется для всего человечества.

Понимаете, мсье?

Для всего человечества.

Андрей Балабуха

ПОГРАНИЧНИК

Рассказ

Но, как встарь, неумолимы боги,
Долго мне скитаться суждено.
Отчего ж сейчас — на полдороге —
Сердцу стало дивно и темно?

Я хотел бы в маленькие руки
Положить его — и не могу.
Ты, как пальма, снилась мне в разлуке,
Пальма на высоком берегу...

Вс. Рождественский

Рука затекла окончательно, и Речистер попытался высвободить ее. Он делал это очень осторожно, заставляя руку миллиметр за миллиметром выползать из-под Маринкиной шеи. Потом он так же медленно и осторожно сел, потянулся к тумбочке, достал из пачки палочку биттерола, сунул в рот. По языку растеклась чуть терпкая горечь. Лет двадцать назад биттерол был очень моден. А сейчас коричневая палочка обращает на себя всеобщее внимание. Впрочем, не только палочка. Речистер вспомнил, как в первый день отпуска он шел по городу, чувствуя себя в центре взглядов: одни бросались искоса, на ходу, отпечатывая в памяти образ, чтобы осмыслить его уже потом; другие были скрытыми, приглушенными, до тех пор пока он не проходил вперед, а тогда упирались ему в спину, и он физически ощущал их давление; третьи встречали его

прямо, откровенно, и он улыбался в ответ, но скоро улыбка из приветливой превратилась в дежурную, придавая лицу идиотское выражение... Больше он не надевал форменного костюма — ни разу за все три месяца, проведенные на Лиде. И всё же чем-то он выделялся среди местного населения, — недаром Маринка в первые же часы их знакомства угадала в нем пограничника...

Речистер посмотрел на Маринку, — она спала вся: линии ее тела потеряли угловатость, они размылись, сгладились; если раньше тело ее казалось вычерченным пером, то теперь оно было нарисовано акварелью; оно словно окружено было какой-то дымкой, придававшей ему пластичность и мягкость «Вечной весны» Родена. На Границе спали не так. Там в теле спящего всегда чувствовался резерв сил, который, если потребуется, позволит в любую секунду открыть глаза и мгновенно перейти от сна к бодрствованию, от полной, казалось бы, расслабленности к такой же полной аллертности — без всякого перехода, одним рывком. Речистер встал, придерживая руками пластик постели, чтобы не дать ему резко распрямиться, и тихо, на цыпочках, прошел в кухню.

Кухня выглядела куда внушительнее, чем ходовая рубка на аутспайс-крейсере. От сплошных табло, индикаторов, клавишных и дисковых переключателей, секторальных и пластинчатых заслонок, прикрывавших панели принимающих и выдающих устройств, Речистеру всегда становилось немного не по себе, — за время отпуска он так и не смог привыкнуть ко всему этому. А запустили и наладили Сферу обслуживания на Лиде восемнадцать лет назад — через два года после того, как он ушел на Границу. С тех пор он ни разу не возвращался сюда: первые годы он вообще и слышать не хотел об отпуске, а потом каждый раз выбирал новое место, посетив четырнадцать систем из сорока девяти, освоенных человечеством. На тех мирах, где он побывал, тоже существовали Сферы обслуживания, но нигде они не достигли такой универсальности и такого совершенства, как здесь.

Речистер кинул огрызок биттерола в утилизатор, открывший пасть, едва он поднес руку к шторке, и потом хищно щелкнувший челюстями. Интересно, подумал он, что представляла собой Лида, когда первые отряды пионеров и строителей начинали обживать ее?

Им небось и не снились такие кухни. Отчего же не снились, сообразил он, ведь снятся же они мне на Тартессе. Просто мы успеваем уйти раньше, чем приходит всё это. Раньше, чем появляются вот такие Маринки, создающие теории костюмов и умеющие всё делать с такой полной отдачей, не оставляя ничего про запас. И любить — тоже. И в следующий свой отпуск, подумал Речистер, я снова прилечу сюда. Но это будет в следующий отпуск. А сегодня мой последний день на Лиде, последний день с Маринкой, последний день...

Он подошел к окну и, нажав клавишу, подождал, пока молочная пелена между стеклами опустилась до уровня его подбородка. Город широкими террасами уходил вниз, к морю, но моря не было видно: за окном ровно гудел пропитанный снегом ветер.

— Маринка, — тихонько сказал он. — Маринка, — повторил он, как позывные, — Маринка.

Речистер отошел от окна, на ходу выудил из лежащей на столе початой пачки новую палочку биттерола и остановился у двери, опершись плечом о косяк и приплюснув нос к скользкому силиглассу. Маринка лежала — легкая и тающая, как улыбка Чеширского Кота. У Речистера захватило дыхание, он поперхнулся биттеролом и со злостью бросил огрызок на пол. Тотчас же из своего гнезда выскочила мышь-уборщица и с легким шорохом утащила добычу. Но Речистер не заметил этого. Все виденные им когда-либо антропологические и социологические графики обрели внезапно осязаемую сущность; экспоненциальные кривые взметнулись из океана косной материи, и там, в высоте, затрепетала на их концах иная материя — совершенствующая и познающая себя. Она была так гармонична и прекрасна, что Речистер ощутил боль, ту трудно переносимую боль, которая граничит с наслаждением. И имя ей, этому совершенству, этой боли, было — Маринка. Он не выдержал, надавил плечом — наискось снизу вверх, силиглассовые створки разошлись, он бросился к Маринке и вдруг увидел, что она уже не спит и протягивает к нему руки...

— Маринка, — чуть ли не закричал он, зарываясь в нее лицом и чувствуя, как в ее руки приходит невозможная, небываемая сила, — я остаюсь, Маринка!

В жизни каждого — за редчайшими исключениями — пограничника наступал момент, когда он пере-

ставал быть пограничником. Это происходило по-разному: одни оседали на планетах, которые начинали обживать и уйти откуда вместе с Границей уже не находили в себе сил; другие просто исчезали, поняв, что не здесь могут они раскрыть себя до конца; третьи не возвращались из отпусков... Как Речистер. И он знал, что никто не осудит его. Потому что здесь люди нужны так же, как там, и каждый сам находит себе место. И мое место здесь, подумал Речистер, на Лиде, старой и уютной Лиде, где есть Маринка.

— Клод! — позвала Маринка.

Речистер не отозвался, наверное, просто не расслышал, — он принимал второй душ. Маринка уже знала эту его привычку — каждый раз принимать все три душа, причем в строгой последовательности: водяной — ионный — лучевой. Ей по большей части хватало какого-нибудь одного, но эта манера Клода нравилась ей — потому просто, что это была маленькая частичка его «я», и она сама открыла ее в нем. Маринка подошла к гардеробу, подумала немного, потом набрала шифр. На несколько секунд вспыхнул голубой огонек, потом створки разошлись, и Маринка вынула еще чуть теплый костюм. Она подержала его в руках, повертела, критически проверяя цвет, фактуру и линии. Хорошо, решила она. Такой костюм вполне подходил — полуспортивный, из серого с нечетким отливом грациана, он создаст утреннее настроение. В том, что он придется Клоду впору, она не сомневалась, — глаз у нее был достаточно наметан.

Легкое шуршание в ванной сменилось полной тишиной — Клод перешел под лучевой душ. Маринка заторопилась, и само то, что ей приходится торопиться, доставило ей радость, о существовании которой она и не подозревала еще три месяца назад. Это чудесно — делать что-то для Клода, делать так, чтобы он не заметил, как она старается, и делать это всегда. Ведь теперь это будет всегда, потому что Клод остается. Остается, сказала она про себя, и это слово породило в ней какое-то новое чувство, остается — со мной. Для меня. Из-за меня.

Она подошла к пульта пищеблока, просмотрела меню, не удовлетворившись этим, быстро прогнала по экрану каталог, потом бегло взяла аккорд на панели за-

каза. И у нее осталось еще две-три минуты, пока Клод там, в ванной, потягивается под неощутимо-теплым дыханием полотенца. Маринка юркнула в спальню и остановилась перед зеркалом. Несколькими движениями, скорее рефлекторными, чем необходимыми, она поправила волосы, одернула свитер, мелко покусала губы, потом остановила взгляд на своем отражении. Я, подумала она, почему я? Клод Речистер, пограничник, «человек с Тартесса» — и Маринка Нун, студентка Академии обслуживания. Не может быть. Но она знала, что может, что есть, — и это было счастье.

— Может, всё же пойдем в кафе? — спросил Речистер, появляясь в дверях ванной. — А то знаешь, как-то... — Он передернул плечами.

— И вы все там такие? — улыбнулась Маринка.

— Какие?

— Одичалые. Ну зачем ходить куда-то, когда можно позавтракать дома?

— Сфера обслуживания, — сказал Речистер. — Ясно. Может, хоть в комнате? Не могу я есть в координаторской. Неуютно. И вообще завтракать вдвоем — архаизм.

— Сам ты архаизм, — сказала Маринка. — Огромный архаизм. Рыжий. Я люблю тебя.

Как и всякий нормальный человек, Маринка владела своим телом. Но то, что делал Клод, всегда ставило ее в тупик. Вот и сейчас — она просто не поняла, каким образом он, только что спокойно стоявший рядом с ней, оказался вдруг сидящим на полу, прижавшись щекой к ее коленям. Рука ее почти невольно скользнула в дебри его шевелюры. Легким движением она запрокинула Клоду голову и заглянула в глаза: из их прозрачной глубины плеснуло на нее такое восхищение, что ей стало страшно. Она улыбнулась и взъерошила Клоду волосы. Он смешно, совсем по-кошачьи потерся головой о ее колени и замер; только кожей Маринка чувствовала его дыхание. Какой-то доверчивой незащищенностью пахло на нее от всего этого, и она невольно почувствовала себя много опытнее и старше. Пусть он «человек с Тартесса», координатор Клод Речистер — всё равно он просто влюбленный мальчишка Клод, которого она должна оберегать в этом непривычном для него, пограничника, Внутреннем мире. От чего оберегать — она не знала, просто в ней зашевелился инстинкт, мохнатый и древний, как

горные медведи Заутанского заповедника. И тот же инстинкт подсказал ей слова:

— Тебе не хочется завтракать в кухне? Это естественно: ведь ты мужчина. Мужчина вдвойне, потому что ты пограничник. Но попытайся взглянуть на нее моими глазами, увидеть в ней не парадоксальное нагромождение техники, а одно из величайших достижений человечества. И не улыбайся, Клод, это не так уж нелепо!..

В первую секунду Речистер поразился тому, как может Маринка сейчас говорить о таком отвлеченном, таком неглавном, зачем нужен ей этот исторический экскурс. Но потом внутренняя логика и властная страстность ее слов, казалось, не подбираемых сознательно, как это всегда было с ним, а спонтанно самозарождающихся по мере необходимости, увлекли его. И вдруг — внезапным озарением — он действительно увидел. Увидел ее глазами, и от этого видимое стало осязаемо близким.

...На протяжении Темных веков кухня была символом закабаления женщины. И естественно, что женщина рвалась к равноправию с мужчиной. В Предрасветные века она получила это равноправие. Но что принесло оно ей? Труд на благо общества плюс ту же кухню...

В итоге женщины стремились избавиться от того, что присуще им изначально: от деторождения, воспитания детей, заботы о домашнем уюте. Общество же старательно помогало им в этом, создавая пункты общественного питания, дома бытовых услуг, систему яслей, детских садов и интернатов. Эти институты должны были заменить женщину-мать, женщину-кормилицу, женщину — хранительницу домашнего очага. И если находились женщины, не хотевшие отказываться от всего этого, — их считали патологическими самками, тормозящими эволюцию. К чему это привело? К снижению демографического коэффициента, к появлению узкобедрых амазонок, больше похожих на мужчин, чем на женщин.

Только создание первой Сферы обслуживания положило начало новой эре — эре подлинного освобождения женщины, всех ее творческих возможностей. Человечество поняло наконец, что нельзя требовать от женщины полного уподобления мужчине. Ей вернули возможность рожать детей и воспитывать их самой,

а не в инкубаторах-интернатах; ей вернули возможность создать свой дом, где она может накормить и одеть своего мужа,— не потому, что он не в состоянии сделать этого сам, а потому, что это доставляет ей радость и никто не имеет права лишать человека радости. При этом женщина остается полноправным членом общества, потому что Сфера обслуживания позволяет ей сделать за несколько минут то, на что раньше требовались многие часы...

Кухня была символом закабаления женщины, и диалектически закономерно, что кухня же стала символом ее освобождения. И как может женщина, понимая всё это, не любить свою кухню?!

Маринка замолчала. Мелькнула нелепая мысль — за такую филиппику Дин поставил бы ей высший балл. И вдруг она увидела устремленный на нее взгляд Речистера: выражение его глаз постепенно менялось, как меняется свет звезд, когда ты удаляешься от них с субсветовой скоростью. Ей стало зябко.

Маринка задержалась в Академии. Речистер уже привык к этому: она кончала последний, шестой курс и писала сейчас дипломную работу — «История костюма веков Восхода». Из-за этого ей часто приходилось застревать то в Объединенном информариин, то на Станции аутспайс-связи, запрашивая информации других планет, то еще где-нибудь. Вот и сегодня: она вернулась только в десять, наскоро поужинала, — Речистер целый час обдумывал и вызывал этот ужин, решив под конец, что управляться со строительством Суан-Схунского комплекса было всё же проще, — и легла спать. Речистер прилег рядом, но как только она уснула, встал и вышел в кухню. Он сел возле окна, машинально потянулся было за биттеролом, но передумал и сунул пачку в карман халата.

В два сорок шесть стартует к Тартессу «Сёгун», вспомнил Речистер. А завтра я пойду в Статистический центр, решил он, потому что если уж оставаться здесь, то надо как можно скорее определиться. Интересно, что они предложат мне? Могут многое, и бессмысленно гадать, что именно. Завтра посмотрим. А «Сёгун» уходит в два сорок шесть... И с ним надо бы стправить на Тартесс письмо.

Речистер достал из шкафа стилограф, вернулся на свое место у окна и задумался, положив палец на клавишу. Но слов, тех слов, которые нужно сказать товарищам и всем, оставшимся там, на Тартессе, не было.

«Как ты ушел на Границу?» — спросила однажды Маринка.

Как — он не мог объяснить. Во всем, что касалось не дела, а его самого, он никогда почти не мог объяснить, почему он поступил так, а не иначе. Просто он чувствовал, что иначе нельзя, и всегда следовал этому чувству. Тогда, двадцать лет назад, он еще только кончил школу средней ступени и не знал, что делать дальше. И скорее всего, как и подавляющее большинство сверстников, он пошел бы в школу высшей ступени, а затем в какую-либо из академий, если бы однажды к нему не пришло это.

Это жило в людях изначально, с тех пор когда человечество представляло собой лишь маленькие кучки людей, разбросанные по старой планете. Оно заставляло людей покидать насиженные места и идти в беспредельный мир, на край Ойкумены, пешком, верхом, на утлых судах пересекать моря и материки, узнавая и обживая Землю. Оно впервые разделило людей — на оседлых и кочевых. Человечество росло, заполняло планету, и она становилась всё теснее и теснее. Кочевникам негде стало кочевать, и это ушло в глубины сознания, затаилось, ожидая своего часа. Но вот Земля стала тесна, — и человечество выплеснулось в пространство. Мир снова стал широк, снова, как когда-то, люди шли открывать, узнавать и обживать новые миры; и снова монолитная масса человечества разделилась — на оседлых и пограничников. Разведчики находили новые миры, пионеры исследовали их, исчисляя ресурсы и оптимальные параметры населения, находя места и проектируя города; строители благоустранивали планеты; потом появлялись поселенцы. А пограничники снова уходили вперед. И вело их это. Речистер не знал ему имени, но когда оно пробудилось в нем — он ушел на Границу.

Граница жила своей жизнью, в корне отличной от жизни Внутренних миров, и вместе с тем неразрывно с ней связанной, ибо в отдельности и Граница, и Внутренние миры равно бессмысленны и невозможны, как невозможны на Границе Маринки, в тридцать два года еще учащиеся и не принимающие активного участия

в делах своего мира, потому что там позарез нужны каждая голова и каждая пара рук, и человек должен выбирать себе дело, изучать его и совершенствовать свое мастерство, пробуя это дело на вкус и на ошупь, в единый монолит сплавляя теорию и практику. Потому-то, когда Маринка хотела было уйти вместе с ним на Тартесс, он сказал ей: «Нет», ибо он перевидал много людей, пришедших на Границу без зова этого и ушедших назад, во Внутренние миры, унося в себе самую болезненную из всех болей — боль разочарования.

Внезапно Речистер понял, что не останется на Лиде. Маринка права: вековой ошибкой было предъявлять к женщине те же требования, что к мужчине. Но и от пограничника нельзя требовать того же, что от жителя Внутренних миров.

Очевидно, общество развивается не только во времени, но и в пространстве — от периферии к центру. И пограничники, наверное, не достигли еще той ступени эволюции, на которой стоит общество Внутренних миров. Возможно, отсюда все они выглядят реликтами, не нашедшими себе места в веках Восхода и бежавшими на Границу, в сумерки Предраассветных веков. Но в одном неправы Маринки: не потому они избегают уюта, что не чувствуют той цены, которую человечество заплатило за право иметь его, а потому, что именно пограничники собой оплачивают это право. И потому Внутренние миры — не его миры, их ступень эволюции, пусть она даже высшая, — не его ступень...

Речистер снова ощутил в себе это, оно звало его, и он подчинился.

Маринка проснулась резко, толчком. Она потянулась к Речистеру, но рука ее наткнулась на гладкий пластик постели.

— Клод! — позвала она.

Ответа не было.

— Клод!!

Она вскочила, бросилась в кабинет, потом в кухню. Речистера не было нигде. Только на столе стоял забытый им стилограф. Маринка рванулась к шкафу — так и есть... Она подошла к окну. Снегопад кончился, разъяснело; в фиолетовой глубине мелко дрожали от

холода звезды, а между ними лениво катился по небу маленький диск Сертана. Его бледный свет растворялся в мягком свечении разлапистых люминокедров, двумя широкими полосами растущих по бокам улицы, и расплывчато отражался в матовом габбропласте. А посредине улицы, медленно удаляясь, шагала фигура в черном костюме пограничника.

В первый день их знакомства они шли по этой же улице, только в другую сторону — к дому. Клод рассказывал о чем-то, и Маринка внимательно слушала, до тех пор пока взгляд ее случайно не упал на его ноги. То, что она увидела, поразило ее. Она всегда любила ходить пешком, ходила много, легко, почти никогда не уставая. Но ей не приходило в голову, что можно так ходить.

На мгновение ей показалось, что ноги его — самостоятельные и разумные живые существа. Вот ступня его, упруго бросив тело вперед, занеслась для шага; вот она уже опускается, осторожно, изучающе, как бы отыскивая наилучшую точку опоры; вот — нашла; радостно, словно удивляясь тому, как удобна для ходьбы улица, сразу же прочно вросла в габбропласт; какую-то долю секунды спустя новый шаг опять пружинисто бросил его тело вперед... вперед... И вся эта кажущаяся такой непостижимой сложность в то же время была абсолютно естественной и автоматичной. Каждый элемент движения был точен и предельно экономен — ни одного эрга не расходовалось зря.

Когда-то — в Заутанском заповеднике — ей случилось идти по болоту: каждый шаг нужно было продумывать, осторожно исследовать путь перед собой, отыскивая точку, куда можно было бы ступить без риска по пояс провалиться в чавкающую жижу. И хотя весь путь оказался не больше километра, выйдя наконец на такую добрую, твердую землю, поросшую жесткой седой травой, Маринка в изнеможении опустила на нее...

Окажись тогда на ее месте Клод, он смог бы идти вот так же, улыбаясь и о чем-то рассказывая, совсем не думая, что лежит под ногами — болото, каменистая осыпь или габбропласт.

И вот сейчас Маринка стояла, прижавшись лицом к холодному оконному силиглассу, и смотрела, как, медленно тая в размытом свечении люминокедров, уходит от нее своей походкой пограничника Клод Ре-

чистер. Она заплакала,— так плакали, навсегда расставаясь со своими возлюбленными, женщины всех веков.

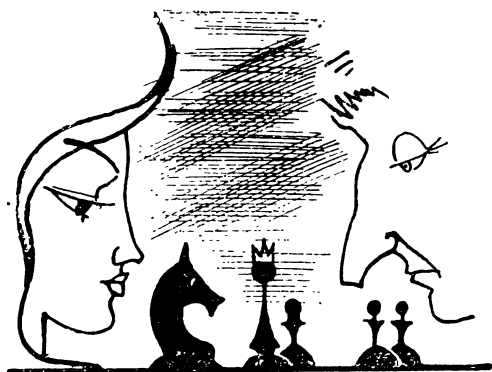
Как-то раз она сказала Речистеру: «Хочешь, я уеду с тобой, хочешь?» — «И мы будем вместе трудиться во имя того, чтобы скорее возникали на новых мирах Сферы обслуживания,— в тон ей продолжил Клод. И вдруг резко закончил:— Нет! Это слишком патетично и красиво, чтобы быть правдой. Твое место — здесь».

Речистер остановился, достал из кармана «сервус» и вызвал энтокар. Он посмотрел на часы: было час тридцать две. Успею. Он оглянулся и посмотрел на крутой склон пирамидального дома, туда, где в вышине светилось окно. Когда оно зажглось? Значит?.. Темная черточка в светящемся прямоугольнике — Маринка. Больно, подумал Речистер, ох, как больно, когда позади остается дом. Твой дом.

Речистер ощутил в себе новое, незнакомое ему чувство. Оно приковало его взгляд к перечеркнутому тонким контуром светящемуся прямоугольнику окна. Не знаю, подумал он, не знаю. Ничего я не знаю. Повернуться и бежать. Но куда? К дому? Или подождать, пока спустится жужжащий уже над головой энтокар, сесть и набрать адрес космодрома? Не знаю. В жизни каждого пограничника наступает момент, когда он перестает быть пограничником. Но в моей жизни он еще не наступил. Наступит ли? Наверное. Но когда? Через десять минут? Или через десять лет?

Леонид Агеев

АНЮТА

*Рассказ
из 2075 года*

Вениамин свернул с Невского и пошел по Садовой в сторону Марсова поля. Улица была умыта вчерашним дождем, асфальт местами еще не просох и поблескивал мелкими лужицами под весенним солнцем. А на душе у Вениамина было довольно пасмурно. Остановившись у перекрестка, он поскреб левую щеку и еще раз убедился, что выбрита она некачественно. Халтурить начала Мышка, нужно будет вечером заняться ею, подрегулировать малость... И Гарсон тоже хорош — сварил утром вечерний кофе! Хотя тут ты, Беня, виноват сам — спросонок не на ту, видать, нажал кнопку. В Гарсоне пора, однако, поковыряться: кнопку оставить одну... за нею — индикатор времени суток, а от него — сигналы на три программы — утреннюю (кофе покрепче), послеобеденную (еще крепче — чтобы в сон не клонило) и вечернюю (относительно крепкий). Омолодим старика — поработает еще...

Мелкие брызги из-под колес промчавшегося автомобиля окропили Венины брюки. Он совсем помрачнел, вытащил платок, стряхнул капли, вытер руки. Задумавшись и опустив голову, дошел до моста и только тут, почувствовав под ногами небольшой подъем тротуара, огляделся: окантованное высокими, по ранжиру постриженными деревьями лежало перед ним Марсово поле, просвечивая сквозь зелень ветвей

красными, раскаленными солнцем дорожками. На солнце не хотелось. Вениамин перешел улицу и свернул в сад — через узорные ворота, — под соединившиеся в один зеленый свод деревья.

Вокруг старинного каменного павильона на берегу речки за столиками, как всегда, сидели шахматисты всех возрастов — от октябрят до пенсионеров. Здесь была их вотчина, их царство. За спинами играющих, покуривая и так просто, стояли болельщики. В полной тишине лишь чуть слышно пощелкивали табло времени.

Вениамин был шахматором, то есть сначала, как и все, — шахматистом, но, не сумев подняться выше первого разряда и страстно любя эту игру, перешел в шахматоры, а попросту — шахмачи (с легкой руки остряков шахматистов, окрестивших их так). Шахматисты играли сами, шахматоры — посредством машин. Это стало Вениным хобби. Пять лет назад он собрал свой первый агрегат Вен-1, и тот, непрерывно совершенствуясь в руках хозяина, за три года выполнил норму мастера, но полностью износил при этом свои базисные узлы, а конструкция некоторых из них безнадежно устарела. Пришлось беднягу демонтировать и начать всё заново... Вен-2 оказался совершенным молодцом! Правда, Вениамину здорово пришлось над ним потрудиться, так здорово, что на основной его работе начальство начало почесывать затылок, размышляя над перспективой своего недавно такого перспективного (а что, Веня, скромничать — все и сейчас так считают!) инженера. Зато Вен-2 и впрямь удался. В прошлом году они стали олимпийцами — одной из двенадцати пар. Олимпийцы никому из прочих претендентов не проигрывали, но и друг друга одолеть не могли — делали сплошные ничьи.

Всем известно в этом мире:
первый ход — на Е4,—

раздалось вдруг в тишине шахматного царства. Вениамин даже вздрогнул — так это было неожиданно... За крайним столиком толстый румяный дядя, пристроив на коленях толстый потрепанный портфель, начинал партию. Его партнер — худой, бледный и близорукий, с плавающими линзами в синих глазах, пожал плечами и сделал ответный ход. Дядя не заметил удивленных взглядов из-за соседних столиков, потер руки,

схватил за гриву своего белого жеребца, громко крикнул и выпрыгнул за строй пригнувших головы пешек. Был он явно приезжим и сидел тут впервые. Подобные манеры поведения за доской в этом храме считались откровенно дурным тоном.

Вениамин отвлекся резко изменившимся ходом партии за столиком слева, где неотвратимо назревал мат черным, и забыл о дяде... Он любил приходить в этот уголок сада: когда-то, в школьные годы, именно здесь начался, как это пишут в газетах, его путь в большой спорт, в большие шахматы. А теперь он — первый шахматор планеты, единственный олимпиец. Да, вот уже второй месяц он — самый-самый... После прошлогоднего чемпионата Вениамин долго сидел над схемой своего Вена-2, ища в ее хитросплетениях свой путь в чемпионы. И высидел-таки: нашел новый материал для основного канала связи в узле воспроизведения информации, материал, который позволил увеличить пропускную способность этого самого канала вдвое. Большого и не требовалось. Пользуясь, согласно уставу федерации шахматоров, своим правом олимпийца, он предложил новый регламент партий, сократив время на обдумывание хода с десяти секунд до пяти, и в апреле стал самым-самым, выиграв на турнире олимпийцев все двадцать две партии, причем трое соперников Вена-2, хозяева которых пытались форсировать режим работы своих питомцев, сгорели от перегрузок прямо за шахматной доской. Победа с фейерверком!

Идея насчет нового материала оказалась как нельзя более кстати и на работе. Вовремя ты ее, Веня, подкинул своему начальству: начальство опять долго чесало затылок, глядя на тебя, и даже покачивало головой — задумчиво-положительно покачивало...

Что-то стало холодать,—
не пора ли нам поддать? —

раскатилось над столиками. Ну, видимо, дела у дяди идут хорошо. А ведь и верно — неплохо идут...

Прибауточник раскрыл свой портфель, вытащил плоскую бутылку, отвинтил пробку-stopку, налил «полную жизнь» и, запрокинув голову, отправил эту жизнь прямиком в горло. Достал яблочко, повертел его с сомнением — закусить ли? — и бросил обратно в портфель.

— А ты, друг, не замерз часом? — протянул он бутылку партнеру в правой руке и смахивая левой пот со лба.

Партнер буркнул «благодарю» и, глубоко погрузив подбородок в сомкнутые ладони, нахмурил бледное чело. Правое веко у него чуть подергивалось.

А за столиком слева позиция окончательно запуталась. Вениамин едва начал разбираться, что к чему, как снова раздалось:

Ручки зябнуть, ножки зябнуть, —
не пора ли нам дерябнуть?..

Дядя весело повторил процедуру с «полной жизнью». Правда, яблочко на этот раз отправил в рот и, похрустывая, снисходительно уставился на порозовевшего соперника.

Да, дядька был что надо! Фигура... Прямо Остап Бендер. Хотя, нет, скорей — Ноздрев. Он самый — Ноздрев! А соперник его на Чичикова не похож, совсем не похож... Помни, Веня, вспоминай классиков древних: двести пятьдесят лет прошло — не было никого лучше и на горизонте не видать...

Мат, мат, мат, мат!
Пронграл нам Ленинград!

Уничтоженный дядькин соперник, не глядя по сторонам, освобождал место за столиком. Увлажненные линзы его подрагивали, плавая по яблокам глаз.

— Ты что, расстроился никак? Зря, брат! Не печалься, дорогой, не расстраивайся — мне все проигрывают! Приходи завтра — еще разок проиграешь! И послезавтра приходи: я в отпуск к сыну приехал, два месяца жить тут у вас буду — наиграемся! Шахматы я страсть как люблю и уважаю.

О партии за столиком слева Вениамин думать уже не мог: на сегодня ему хватило и дядьки...

Утренней гимнастикой Вениамин занимался с детства, и не было дня, когда бы он не проделал разученный двадцать пять лет назад комплекс упражнений: движения давно уже стали автоматическими, привычными — как побриться и помыться. Посадив на правую скулу Мышку, он делал «руки вперед — руки в стороны» и размеренно, глубоко дышал у от-

крытого окна. Когда Мышка, медленно переползая с правой щеки на левую, сорвалась задними присосками и беспомощно повисла на подбородке, Вениамин недовольно прервал свои упражнения и помог ей.

— Не Мышка ты, а самая захудалая черепаха! Вот смастерю тебе панцирь — будешь ты и впрямь никакая не Мышка. Не будет Мышки — Черепаха будет!

Всё же к окончанию упражнений своего хозяина Мышка, как обычно, успела управиться с его щетиной и, осторожно обогнув крупную коричневую бородавку, притихла возле левого уха — у границы рыжих волос («прямой височек»).

Вениамин пересадил труженицу на столик под зеркало, мельком глянул на свое отражение, прошел на кухню и взял только что наполненную кофе чашку с подноса Гарсона. Кофе он пил стоя. Выпил, довольно крикнул, поставил чашечку на прежнее место и, нажав клавишу «повтор», пошел одеваться. Гарсон что-то негромко проворчал вслед, как, впрочем, и полагалось испокон веков старому заслуженному слуге.

«Ножки зябнуть, ручки зябнуть...» — напевал Вениамин, прыгая на одной ноге и стараясь другой попасть в штанину. Вот привязались эти ручки-ножки! А дядька хорош! Есть еще у шахматистов порох в пороховницах, есть...

Покончив с одеваньем, он снова вернулся на кухню, залпом опустошил вторую чашечку кофе, задвинул ее в посудомойку и, уже выходя, похлопал Гарсона по теплomu боку:

— Спасибо, старина! Отменный сегодня ты кофеек сварил...

Внутри Гарсона, обласканного хозяйской дланью, булькнули остатки воды — получилось что-то вроде «рады стараться!»

Пройдя двор зеленым коридором цветущей сирени, Вениамин вышел на проспект, миновал два дома и, встав на движущуюся ленту тротуара, уносящую прямо в чрево метро, через три минуты очутился на подземной платформе.

Дорога на работу, повторенная не одну тысячу раз, была столь привычной, ничем не отвлекающей внимания, что затрачиваемое на нее время суток в памяти обычно не оставалось — выпадало в небытие. Дорога не мешала думать, не требовала напряжения для создания условий, в которых можно было бы думать.

В другое же время Вениамину постоянно приходилось создавать себе такие условия, инстинктивно подчиняя этому уклад самой жизни своей... К тридцати годам ему удалось до минимума сократить количество ствляющих мысли факторов, избавиться от множества неизбежных, казалось, помех. Только одна «помеха» избавилась от него сама, против его воли. И этой «помехой» была его жена... бывшая теперь жена.

Два года назад, не дотянув месяца и пяти дней до пятилетней годовщины их свадьбы, она ушла к другому. Другим оказался астронавт, работающий сейчас на одной из околорунных станций. Жизнь полна парадоксов — как раз на эти станции трудился Вениамин в своем конструкторском бюро, усвершенствуя системы аккумуляирования солнечной энергии.

Жена ушла без шума, без сцен, тихо и почему — неизвестно. Вениамин поначалу долго ломал голову над этим «почему», никак не мог успокоиться, пока наконец не махнул рукой: никаких не может тут быть объяснений, одно есть объяснение — отсутствие любви. А откуда берется оно, это отсутствие, из чего складывается, — над этим думать уже просто не хотелось.

Хороший, Веня, кофе варит Гарсон, но пил ты и повкуснее. Пять лет пил — без одного месяца и пяти дней... «Ножки зябнуть, ручки зябнуть...»

По пути с работы Вениамин зашел в книжный магазин: в одном отделе купил самое полное собрание частушек и прибауток, в другом — свежий бюллетень федерации шахматистов, где обычно публиковались все партии, сыгранные ведущими мастерами за прошедший месяц, и аналогичный бюллетень федерации шахматоров. Дома, заложив оба журнала в программирующее устройство (материал для Вена-2), он весь вечер читал частушки и слушал легкую музыку второй половины прошлого века...

Вениамин неторопливо допивал фруктовый сок — времени до конца обеденного перерыва оставалось еще достаточно.

Что же всё-таки дальше? Дальше что? У всякого дела должно быть продолжение, развитие, перспектива должна быть... А какая тут перспектива? Ну стал ты, Веня, самым-самым шахматором. Ну стал... По существующим правилам, если никто из побежденных

олимпийцев не бросит тебе перчатку в течение года, не вызовет на матч-реванш, занесут тебя в списки непобежденных, а там — будь любезен обнародовать свое усовершенствование, отдать его на потребу всему шахматорскому миру. Возможности собратьев Вена-2 тут же сравниваются и — начинай всё сначала, совершенствуй, изобретай... Не скучно ли? И доколь?

Шахматисты с шахматорами официально давно уже не состязались — пожалуй, с появления за шахматными досками самовоспроизводящих машин третьей серии. Окончательно ужесточенный регламент партий (человек играл фактически блиц, тогда как машина имела уйму времени на «обдумывание») завершил неизбежный раскол: была федерация — стало две. Шахматисты вернулись на свои старые, веками складывавшиеся, милые сердцу позиции, шахматоры ринулись в дальнейшее наступление на время: 90 секунд на обдумывание хода... 80... 60... 45... Турниры их становились всё короче, всё неинтереснее, непривлекательней внешне, поклонники шахмат всё определенной теряли к ним интерес. Неофициальные встречи представителей федераций друг с другом, именовавшиеся товарищескими матчами, время от времени, однако, проводились — по регламенту шахматистов. Шахмачи при этом проигрывали редко: осечки случались только в первых партиях — последующие машина, как правило, выигрывала. Давая шахматистам фору по времени, шахматоры непременным условием проведения встреч ставили количество партий каждой машины с каждым шахматистом — не менее трех, имея в виду ту самую осечку и гарантируя себе победу по сумме результатов.

Ручки зябнуть, ножки зябнуть...
Видно, стало холодать...

Веннамин взял еще один стакан соку, залпом выпил и, поймав на себе взгляд лаборантки из соседнего отдела, вдруг весело ей подмигнул.

Обеденное время кончилось...

В этот день ничего не подозревавший Вен-2, дожидавшийся возвращения хозяина на обычном месте в углу комнаты, был приговорен.

— А назову я ее Анютой! — громко произнес Вениамин, отворив дверь квартиры. Лаборантку из соседнего отдела звали Аннетой...

Компактный корпус Вена-2 начал обрастать новыми деталями. Снизу посредством эластичной муфты изящной формы Вениамин присоединил механизм управления движениями, вынув его из робота, с незапамятных времен стоявшего в прихожей. Поставила его туда Венина жена, приспособив под вешалку: одежду вешали на раскинутые, как для объятия, манипуляторы. До своего увлечения шахматорством Вениамин занимался роботами, и весьма успешно. Сейчас прошлый опыт должен был ему пригодиться... Стоя перед оперированным роботом-вешалкой, он прикидывал, удастся ли использовать остальные его части для задуманного дела: детали были явно великоваты, а требовалось нечто миниатюрное, женственное. Пожалуй, удастся... Повозиться, конечно, придется, но делать всё заново — выйдет еще дольше. А у дядьки — всего два месяца отпуска...

И, взяв отвертку, Веня начал отсоединять правый манипулятор.

Целый месяц он работал как проклятый, из вечера в вечер, а последнюю неделю — всякий раз до поздней ночи. На днях начальство вызвало его «на ковер» и предупредило о предстоящей в скором времени командировке на Окололунную-5. Ничего, как говорится, более приятного предложить не придумало.

Раньше он любил бывать на своих подопечных станциях, всегда не прочь был встряхнуться, развеяться, сменить обстановку, но с некоторых пор... С некоторых пор, отправляясь туда, он постоянно думал о возможной встрече с тем астронавтом, с тем человеком, который, возвращаясь на Землю, целует в подрагивающие губы одну женщину — красивую и умеющую варить самый вкусный на свете кофе... Было и другое, и касалось оно — тоже женщины... Сейчас она стояла посреди Вениной комнаты, голая и безучастная, не глядя на своего творца и повелителя, заснувшего у ее ног, прямо на полу, положив голову на сиденье стула.

— Фу, чертовщина! — Вениамин проснулся и непонимающе огляделся.

Сон показался ему очень длинным, он его совсем не запомнил, кроме самого конца, когда возникли полукруглые ряды компактных одинаковых ящиков формы Вена-2, только вместо передних панелей у них были лица. Лица казались Вениамину знакомыми, но наверняка он узнал только два — того весельчака дядьки и его бледного партнера из шахматного сада. Они шевелили губами и, надвигаясь на него, надрывно пели, повторяя одну-единственную фразу из старинной песни:

Нас на бабу променял...
Нас на бабу променял...

— Чертовщина...

Вениамин встал, с трудом разогнув затекшую спину, и побрел к Гарсону. Разбуженный Гарсон заворчал, жалуясь себе в поднос: ни днем, ни ночью покоя нет... завтра барин будет выходной — и так целый день на него работать придется... никакого понимания у них — ночь на дворе, а ему кофий, видите ли, подавайте, да еще послеобеденный, покрепче...

Анюта стояла посреди комнаты всё в той же позе на не ведающих усталости металлических ногах, чуть приподняв холодные металлические руки. Вениамин открыл встроенный в стену шкаф. Он давно его не открывал — с самого ухода жены. Вылетевшая жирная моль испуганно метнулась к горящей лампе... Ничего из своей одежды жена не взяла, ушла в чем была, ушла, когда он сидел еще на работе, колдуя над своими аккумуляторами солнечной энергии...

Постоянно ходящая по кругам спирали мода, несколько лет назад снова нарядившая женщин в широкие до земли брюки, свободные блузы и туфли на платформах, не успела еще, слава богу, устареть. Учтивая это, Вениамин не очень-то изоощрялся, придавая внешнюю форму каркасу Анюты, наклеивая на металл куски пористой резины. С этими тонкостями можно было повременить, это еще успеется. Сгладив острые углы по всей высоте каркаса от головы до колен, он оставил нетронутыми голени и, лишь начиная с лодыжек, снова пустил в дело ножницы, резину и клей... Всё. Можно было одеваться. Гольфы... брюки... туфли...

Лицо стоило Вене больших трудов. Сначала он хотел придать ему сходство со своей женой, потом — с

лаборанткой Аннетой, но в конце концов раздумал и подогнал, как сумел, черты Анюты под портрет белокурой красавицы, уже век улыбавшейся с крышек миниатюрных пластмассовых коробочек, призывая отве-
дать сыра «Виола».

Проверив батареи автономного питания, он раздвинул шторы и открыл окно. Из-за угла дома напротив выплывало солнце нового дня. Рубашку долой, руки врозь, вздохнуть поглубже... Хотя нет: сначала — Мышка, потом — Гарсон, а потом уже — вдыхай себе сколько захочешь!

Появление их в садовом царстве шахматистов лишь на мгновение отвлекло игравших и болельщиков от досок — женщины сюда обычно не заходили. Весельчак дядька открыл ветхозаветный портфель, вытащил платок и вытер лысину. Постепенно каждый, однако, счел нужным разглядеть Анюту повнимательней: кто усмехнулся, кто покачал головой, кто пожал плечами. Вениамин со своей дамой встал за спиной дядькиного соперника, и Анюта, похлопав ресницами, уставилась на доску.

Польщенный вниманием, дядька поначалу будто смутился, но не надолго.

Ах, внимание женских глаз
подливает силы в нас! —

пробаритонил он задорно и рванул в головокружительную атаку своего гнедого скакуна. К лошадям он определенно питал особую симпатию. Очередная его жертва — начинающий вундеркинд с оттопыренными ушами заерзал на скамейке. Дядька был великолепен! Виртуозен, неподражаем! Когда вундеркинд понуро освобождал не принесшее ему лавров место, кто-то за спиной Вениамина проскрипел:

— Слона нет на этого фольклориста! Жаль, Слон в отъезде. Ничего, вот ужо вернется!

Еще не обернувшись, Вениамин понял, что это первый дядькин соперник, первый защитник престижа садово-шахматного королевства, смятый лавиной удалой дядькиной армии с доморощенными конягами, летящими впереди пешечного строя. Плавающие линзы соперника мстительно посверкивали...

— Эх, кончаются мои золотые денечки! — потянулся на затрещавшей под ним скамейке дядька. — Скоро я от вас, ребята, уеду... Славный город Ленинград — расставаться с ним не рад!

Анюта получила первый урок дядькиной игры, и урок получился хороший. Дома Вениамин, расстегнув на ее спине платье, заложил в запоминающее устройство все четыре тома собрания частушек и прибауток.

И еще три вечера подряд они с Анютой появлялись в шахматном саду. Приближались очередные выходные дни.

Они пришли рано — ни один столик еще не был занят. Выбрав центральный, Вениамин галантно усадил свою спутницу и сел напротив. Снял со столика чехол, поправил на доске фигуры, подсоединил табло контрольного времени к электрической сети, достал из портфеля и поставил рядом свой предпоследний приз — отлитую из легкого сплава колесницу, запряженную двумя рысаками — черным и белым, со сказочным королем, на колеснице той восседающим.

В девять часов появились два старичка в белых болтающихся на головах панамках с солнцезащитными экранчиками, кивнули, проходя мимо, и заняли столик на отшибе, в тени огромного дерева.

В старину, говорят, в этом саду играли на деньги, что весьма не одобрялось государством. Азартные игры уже тогда были запрещены. Интересно только, как удавалось проводить этот запрет в жизнь? Сидели, скажем, двое за тем самым столиком, за которым устраиваются сейчас белоголовые старички, спокойно переставляли фигуры, покуривали, пошучивали — попробуй догадайся, червонец ли один другому проигрывает, невесту ли? А может, они очередную партию мирового чемпионата разбирают? Где-то, конечно, азарт — это плохо, но где-то... Если посмотреть с другой стороны, взять в ином качестве: так ли далеко мы шагнули бы, лиши человека азарта вообще, отними у него, к примеру, увлеченность своим делом? А ведь азарт — это предел увлеченности... И ты, Веня, будешь

сейчас играть в азартную игру, будешь играть на престиж. Приз этот — не переходящий, король этот со своей колесницей и лошадьми — твоя полная собственность и сегодня — символ твоего престижа, престижа самого-самого шахматора. «Они» должны на это клюнуть.

Появился прихрамывающий мужчина с палочкой. Одна нога у него была в ботинке, другая — в тапочке, подвязанной шпагатом к ступне в гипсе. Он подковылял к их столику, сказал «здравствуйте!», внимательно оглядев обоих, остановил взгляд на «престиже».

— Ваш? Шахматский?

— Наш...

— А что вы с ним тут?

— Вот выиграть предлагаю... Не хотите?

— У вас?

— У нас... Точнее — у нее.

— Так это, значит, ее приз?

— Ну, не совсем ее... Той машины, что в ней сидит, Вен-2 называется. Ну как, сыграете?

Загипсованный пожевал губами, огляделся, снова пожевал губами, соображая.

— Нет, не пойдет. Хитрите, дорогой! Сами рассудите, что тут получается: вы, она, да еще этот ваш Вен — всего трое. А я — один. Трое на одного, выходит! Несправедливо... А я, к тому же, покалеченный — совсем, выходит, несправедливо! Не буду, извините, с вами связываться, подожду кого-нибудь.

И заковылял к столику подальше.

Следующим оказался старый знакомый — с линзами. Шел он подпрыгивающей походкой и насвистывал веселый мотивчик.

— Привет!

— Привет.

Он склонился над «престижем», глубоко засунув руки в карманы светлой курточки и покачиваясь с носков на пятки.

— Ваш приз?

— Наш...

— Узнаю, узнаю... Видел фотографию в бюллетене. Хороши! — он потрепал коней по холкам. — Древний Рим, скажу я вам...

— Желаете выиграть?

- У нее, конечно?
- У нее.
- Условия?
- Три партии...
- Не пойдет! Одна.

Вениамин на секунду задумался: одна — это уже риск... Этого варианта он не учел.

- Ну хорошо, одна так одна!
- Со временем на обдумывание, конечно?..
- Конечно, конечно! Думайте сколько хотите, то есть в рамках ваших правил, я хотел сказать.

Вениамин начал подниматься, уступая место.

- А что это у нее глаза закрыты?
- Отдыхает, сосредоточивается перед матчем. Отключена.

- А фигуры за нее вы переставлять будете?
- Сама будет. Садитесь.
- Вы знаете — нет! Пожалуй, не сяду. Не стоит... Я и забыл совсем, у меня как-никак — принцип: с шахматорами не играем.

И он приветственно помахал ручкой одиноко сидящему в ожидании и поигрывающему палочкой загипсованному.

— Ну что ж...— Вениамин перешел на Анютину сторону столика.— Хозяин, как говорится, барин. Да, а вы не скажете, во сколько тот весельчак... ну, который так славно тут вас первого разделал... фольклорист, как вы однажды выразились... когда он по выходным приходит обычно?

— Не при-де-е-ет! — торжествующе сверкнул линзами мстительный пораженец.— Не придет! На два дня раньше срока к себе домой укатил! Как и обещал: после первого поражения, мол, уеду. И уехал! А бахвалился-то, бахвалился: нет, мол, братцы, придется мне до конца с вами отпуск коротать! Жидковаты вы супротив меня, жидковаты! Ха-ха! Покатил как миленький! Слон ему вчера в двадцать четыре хода мат поставил! Слон есть Слон! Вы вот с ним, вы с ним вот сыграйте! Со Слоном попробуйте!

— А он придет сегодня?

— Придет, непременно придет! Я вас представлю ему, если хотите, разумеется.

— Представьте...— Вениамин посмотрел ему вслед и включил питание Анюты — пусть осмотрится, пообвыкнет, прогреется...

Он сразу понял, что это и есть Слон. Линзоглазый, выпорхнув из-за столика, спешил навстречу тощему мужчине с огромным носом, напоминавшим слоновий хобот. Пожав на ходу руку Слона, он пошел рядом, нашептывая, жестикулируя и кивая в сторону Вениамина с Анютой. Слон слушал, поглядывая на них и постепенно замедляя шаг, потом остановился, постоял еще минуту раздумывая, и, решительно кивнув, направился к Вениамину:

— Приветствую вас.

— Здравствуйте! — ответил Вениамин, освобождая место.

— Гоша, — Слон ткнул большим пальцем в плечо линзоглазого, — мне всё объяснил. Я согласен. — И он сел напротив Анюты. — Разрешите представиться: Сенья Слонкин. Для удобства можно — Слон.

— Анюта! — мгновенно ответила его соперница приятным, только чуть-чуть низковатым для женщины ее комплекции голосом.

Слон снял с доски белую и черную пешки и сунул руки под стол.

— В левой! — тут же выпалила Анюта и похлопала ресницами.

— Милости прошу — вам начинать.

Слон поставил пешки на место, и Анюта сделала первый ход. Слон, не раздумывая, ответил. Анюта, и вовсе не раздумывая, сделала второй. Началось...

— Если стороны не возражают, я буду судьей! — спохватился линзоглазый, и хотя никто не прореагировал, молниеносно притащил из-за покинутого им столика скамейку и сел сбоку от играющих, опершись подбородком на табло времени.

На пятом ходу Слон достал сигарету:

— Разрешите? — и закурил после Анютиного кивка.

Как над нашей над доской
мировой пока покой! —

протяжно продекламировала вдруг Анюта, и Слон закашлялся — видимо, не в то горло попал дым...

Так... Всё идет как по маслу. «Все системы работают отлично... Самочувствие...» Твое, Веня, самочувствие нормальное. А Анютино? Анюта подвести не должна: доску держит постоянно в поле зрения, запас

энергии — более чем достаточный. Давай, Анюта, давай, милая!

Все столики опустели. Шахматисты, превратившись в болельщиков, плотно окружили Слона и Анюту.

Ох, ох, ох, ох!
Ваш дебют весьма не плох! —

протараторила Анюта, похлопывая себя руками по бедрам, и начала атаку на левом фланге. Фигуры она передвигала не очень ловко, но аккуратно и точно ставя посредине клеточки. Слон больше не кашлял. Защищался он хорошо.

У товарища Слона
весьма позиция сильна! —

польстила Анюта и тут же напала ладьей на белого слона противника. Слон долго думал, как спасти своего слоненка, додумался, и ему удалось даже на время сдержатъ натиск Анюты. Он сделал несколько явно отвлекающих ходов, над каждым из которых также долго думал, то и дело поглядывая на соперницу. Вениамину показалось, что одновременно он размышляет еще над чем-то, сейчас для него гораздо более важным. И вот перед очередным ходом Слон смиренно улыбнулся, вздохнул и, пристально глядя сопернице в лицо, произнес:

Прониграю — не забуду
раскрасавицу Анюту!

Анюта на мгновение замерла, хлопая ресницами и не находя, что ответить. Она даже легонько всплеснула руками. Вениамин прикинул в уме, сколько раз за эти мгновения полученный ею сигнал успел пробежать по цепи «память — воспроизведение эмоций», множа и увлекая за собой бесконечные производные, и Вениамину стало зябко. Наконец она сделала ход, и он впервые за всю партию оказался далеко не самым лучшим.

Вениамин пропустил мимо ушей новую прибаутку Слона, где рифмовались «волос шелковист» и «шахматист», поскольку очередной ход Анюты был не лучше предыдущего.

Ну, Веня, если так пойдет и дальше, стоять твоим призовым коням вместе с королем и колесницей в чу-

жой конюшне. Эх вы, кони мои, кони! А впрочем... А впрочем — хотя бы и так! Хотя бы и так, Веня! Стоит ли жалеть-то? Ведь ты уже победил, ты уже сейчас победитель, и всё равно, выиграет ли Анюта, проиграет ли, вничью ли кончится партия, — победишь ты. Посмотри только на них, на шахматистов, — и на Слона, и на всех его болельщиков: они забыли, Веня, с кем играют, забыли, что играют-то с машиной! Какие у них лица! С такими лицами с машиной не играют. Глянь на судью: сейчас линзы упадут с его горящих глаз! Он уже последний ноготь на пальцах догрызает! Не этого ли ты хотел, Веня, не для этого ли затеял всё? При чем же тут результат партии? Получше поразмыслить — может, и полезней даже будет, если проиграет Анюта, нужней для дела. Конечно, тебе хочется еще и выиграть! Но найди, Веня, мужество быть выше, пренебречь частностью во имя главного.

Между тем, приободлившийся, окрыленный надеждами и удачей, Слон пошел напролом:

Раскрасавица Анюта!
Расскажи нам, ты откуда?
Что за груды! Какая стать!
Все боюсь перечислять...

Анюта, до этого еще поглядывавшая на доску, окончательно уставилась на Слона. Лицо ее расплылось в улыбке. Хорошо, что она хоть не обладала способностью краснеть и бледнеть! Только учащенно хлопающие ресницы выдавали, что происходит у нее внутри. А что происходило, знал один Вениамин. Этот чертов ограничитель воспроизведения эмоций! Как только тебя, Веня, угораздило установить на нем такой большой диапазон?! Сузить, в тысячу раз уменьшить надо было, одну махонькую щелочку оставить, черт побери! Но кто мог предположить, кто мог предположить?!

Мой соперник, мой милоч,
укороть свой язычок! —

нашлась наконец Анюта, но так при этом умудрилась пойти, что Вениамин схватился за голову. Не всякий начинающий додумался бы до такого! Всё, конец... Анюта пошла вразнос.

У соперницы моей
солнце светит из очей,
и его лучами Слон
в образ мухи обращен! —

подлил масла в огонь Слон и легонько двинул вперед застоявшегося короля. Вениамин на расстоянии почувствовал, как всё тело Анюты дрожит от напряжения в поисках желанного ответа и ответного хода. Он даже закрыл глаза, видя ловушку, подготовленную Слоном, и тот единственный ход, который может еще спасти Анюту. Если она его не сделает, если она просмотрит его, если...

— М-а-а-т! — протрубил вдруг Слон, и Веня открыл глаза.

— Мат! — взвизгнул линзоглазый судья и, схватив со стола «престиж», протянул победителю.

Анюта хлопала ресницами, растерянно разведя руки в стороны, и, когда Вениамин рывком выключил питание, так и осталась сидеть, не опустив их. Слон, вежливо кивнув Вениамину, сунул «престиж» под мышку и пошел прочь, сопровождаемый восхищенными болельщиками. Сделав десяток шагов, он повернулся и остановил толпу властным движением руки:

— Не надо шума, ребята! Не надо шума... — и пошел дальше один. Отошел, сел над речкой на скамейку, лицом к Марсову полю, закинул ногу на ногу и закурил в одиночестве.

Они шли по аллее под руку, и рука Анюты казалась Вениамину тяжелой. Он всё еще не мог успокоиться:

— Дура! Дура-баба! Ключнуть на такую удочку! Шуры-муры... Анахронизм!

Он непроизвольно ускорил шаг, но Анюта двигалась не очень согласованно, словно не поспевала, и ему на мгновение почудилось, что рядом идет вовсе не Анюта, а его бывшая жена — с ее обычной манерой виснуть на руке...

— «Раскрасавица Анюта!..» Размазня — вот ты кто! Раззява! Корова весенняя...

...Веня не сразу понял, что произошло. Неопытная, не имеющая представления о тяжести своей женской руки, Анюта не рассчитала силы толчка. Он лежал на газоне и сквозь качающиеся у лица травинки видел,

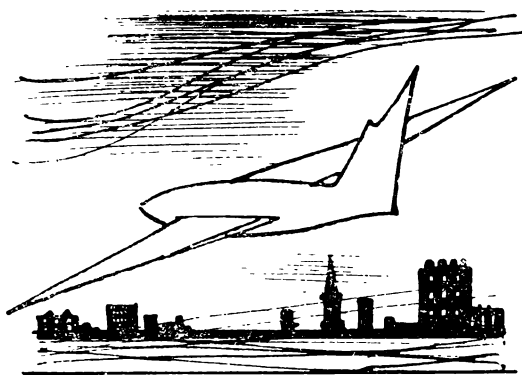
как она минуту постояла на песке аллеи, глядя на него, затем повернулась и пошла назад.

Легкой походкой, красивая и молодая, Анюта уходила к другому...

Так-то, Веня, так-то, друг... Догнать, что ли? Отключить питание — и баста, кончен бал! Нет, брат... Это уже будет не по-мужски. Черт с ней — пусть катится на все четыре стороны! Свет клином не сошелся! Все они, бабы, одинаковые, Веня... Вена вот только жалко, очень Вена жалко. Вен бы так не поступил! Вен бы тебя ни за что не предал, ни за какие коврижки!..

Александр Щербаков

СЕРВИС

Рассказ

Честно говоря, клеймить научный туризм, по-моему, такое же пижонство, как и предаваться ему с чрезмерным пылом. Пользы от всех этих конгрессов и симпозиумов для простых смертных вроде меня, должен признаться, никакой. Хотя, конечно, попадалось кое-что прелюбопытное. Помню, один австралийский магистр показывал фильмик о возникновении и распаде ядра мельбурния — это, я вам скажу, был шедевр! Он сам это ядро получил, единственное в мире, первое и последнее, и не где-нибудь, а в фокусе гамма-глаза, жило оно полнаносекунды, а он умудрился растянуть фильм на пять минут. Голова! Но штукачество это всё и прикладной ценности не имеет. А меня всегда тянуло к чему-нибудь, из чего проистекает, фигурально выражаясь, хлеб с маслом для человечества. А эти сборища мимо таких вещей почему-то проносятся по какой-то элегантной огибающей. Да.

Но как приятно этак разик в пять лет плюнуть на всё, отключиться, перепорхнуть в какое-нибудь Коломбо или там Вальпараисо. Сплошной эр-кондишен, хрусталь, хром, тишина, как в свежем коконе, эфир струится платоническим звоном самонаучнейших страстей, — будто попал ты в двадцать пятый век и пепельницы, стоит о них подумать, сами к тебе подбегают, — сплошная этичность, и на закуску местные древности в цветной подсветке. Прелесты!

И ведь надо же! И здесь у меня без истории не обошлось! Правда, не на самом конгрессе, а до него, но всё-таки! Уж и не помню, в девяносто шестом или восьмом собрали в Бангкоке конгресс по волновым аномалиям, и так получилось, что ваш покорный слуга загремел туда делегатом. Марышев тогда только-только членкором стал, он на секции должен был делать вводный доклад, а Веру Соловьеву и меня он, собственно говоря, прихватил с собой, как положено, для веса личности, представительства, сбора информации и прочего. Разве там в одиночку управишься? Только втроем, и никак не меньше. Ну, и в знак признания заслуг, конечно, но об этом в другой раз. Сложные там все материи, и на пальцах не вдруг покажешь. Короче, утвердили нас на совете, наслали всяких розовых и зеленых бумажек на пяти языках, четыре тома тезисов, каждый весом в полтора кило, я подрасфуфырился, одолжил у Оскарика Джапаридзе наимоднейший галстук, пришил на лацкан карточку «Доктор Балаев, Академия наук, Чебоксарское отделение», купил чудо-чемодан с автоматическим поиском хозяина, набил его нашими материалами, набрал на нем адрес: «Бангкок, Хилтон-Менам», и тронулись мы в путь. Из Москвы в Рим, там пересадка на лайнер «Стармастер» компании «Эйразия».

Сидим это мы в салоне «Эйразии», клерки вокруг нас хлопочут, компостеры щелкают, машинки жужжат, и соображаю я, что лучше бы нам иметь места с левой стороны — не так солнце в глаза бить будет.

— Ах, господа желают с левой стороны? Извольте, господа. Момент, момент. Трах-дзинь-дзинь-трах, трах-трах! Зрилевтеплейсостарымастраромббанккокк, олрайт! Бьен, мерси, мучас грасиас, битте, данке шен! Шасливого путти, разорешитти вас проводитти, мадам Соловиофф, мсье Балайефф, мсье Маришефф.

Мадам и мсье следуют, кресла за ними подлокотнички в тоске протягивают, ковры их несут, как амфоры с интеллектом. А мсье Балайефф аж пыжится от самодовольства! Как это он сообразил устроить своих друзей поудобнее, чтобы солнце не помешало им покойно готовиться к своей высокой миссии! Индивидуальность проявил, здравый смысл и не растерялся во всем этом луна-парке.

В лайнере честь по чести встречают нас стюардессы, провожают в наше купе, хлопочут, предлагают ко-

фе, бренди, джин-памплемюс. И купе наше с левой стороны, и кресла не кресла, а пение гурий.

Садимся мы: Марышев слева, Вера справа, а я лицом к окну посредине. Марышев рассказывает, как его возносили на Попокатепетль в бытность его в Мехико, тем временем «Стармастер» наш выводят на взлет, мы разгоняемся, взлетаем, и — что бы вы думали! — прямо к нам в окно бьет ослепительное солнце! Минуту бьет, две, пять, десять!

— Ха-ха! — говорит Марышев. — Эх ты, Саня, перемудрил!

— Ничего, — говорю, — я не перемудрил. Наверное, разворот какой-нибудь, а там пойдем мы на восток, купе наше по левому борту, стало быть, окошечко наше выходит на север, солнце с южной стороны, и мешать нам не должно.

И всё это доказываю, аж самому тошно, а Марышев хмурится от солнца, головой крутит и так это вяло говорит:

— Что-то ты, друг милый, напутал. Жарища, черт!

И от этого тона я на своем кресле взрываюсь, яко сверхновая, и объявляю, что этого дела так не оставлю и всё сейчас выясню.

— Оставь, Саня, оставь, — говорит Марышев. — Не выясняй. Ну его!

Я вызываю стюардессу, и тут выясняется прелюбопытная вещь! Оказывается, стюардесса понятия не имеет, куда мы летим. Сначала меня это как-то ошарашило. Как это так? Но потом стало доходить. Девушка попалась общительная, говорила-говорила, половину я понял наполовину, половину на три четверти. Короче, они как прилетают куда-нибудь, идут в специальный зал, тычут свои жетончики в компьютер и ждут назначения на новый рейс. Порядок такой, чтобы больше пятнадцати минут никто в зале не сидел. Им выдают номер самолета, номер трапа — и айда! При этом всё рассчитывается так, чтобы девушка работала четыре дня по десять часов и к исходу четвертого дня оказалась в аэропорту по месту жительства и получила трехдневный отдых. У них там всё закодировано. И поскольку в каждом аэропорту она больше часа не бывает и в город не выходит, ей в общем-то всё равно, куда и откуда она летит. Ее дело — обслуживать пассажиров, она и обслуживает. Некоторые интересуются, конечно. И она сначала интересовалась,

где она, а потом оставила это дело. Всё везде одинаковое. Она знает только, что завтра должна быть дома, в Рейкьявике. А откуда джентльмены летят? Ах, из Рима. Так мы были в Риме? Очень приятно. А куда джентльмены летят? Ах, в Бангкок. Это замечательно! Благодарю вас, джентльмены. Может быть, даме и джентльменам угодно пообедать? Или посмотреть фильмы? У нее есть очень хорошие фильмы. Вот, извольте, программа. И пусть джентльмены не волнуются. Полетами управляет электронная машина, и не было еще случая, чтобы возникла какая-нибудь ошибка. Впрочем, если господина доктора так интересует этот вопрос, она может проводить его к командиру корабля, который даст господину доктору исчерпывающие разъяснения, поскольку это входит в его компетенцию.

Господин доктор смотрит в окно, он отчетливо видит с высоты, как мы проходим над Гибралтаром, вместо того чтобы проходить над Босфором, и выражает горячий интерес к беседе с командиром.

Тут уж, смотрю, и Марышева забрало. Гибралтар он есть Гибралтар, это уже не балаевские выдумки, а очевидный географический факт. И как-то в общем нелепо, что мы летим из Рима в Бангкок не через ту степь: вместо девяти тысяч километров нацеливаемся на тридцать, вместо трех часов заводимся чуть ли не на десять. Черт знает что!

Я поднимаюсь, иду за стюардессой к командиру корабля в кормовое отделение. Она нажимает кнопку, дверь распахивается, и вижу я здорового плечистого бородатого детину. Сидит он в кресле, положив ноги на приборную доску, и смотрит какой-то журнал без картинок. Явно научный. И вид у него такой, словно ему отчаянно скучно.

Я представляюсь, детина жестом указывает мне на соседнее пустое кресло и велит стюардессе принести два аперитива.

— В чем дело, мсье?

Я объясняю, что вот в связи с тем что мешает солнце, возник вопрос о направлении нашего полета.

— Ах, мсье мешает солнце? Чего же проще. Слева от окна имеется зеленая кнопка, нажмите, и стекло затемнится до приятного темно-оливкового цвета. Компания «Эйразия» оборудует свои самолеты...

— Благодарю вас, но мы должны лететь на восток,

а летим почему-то на запад. Так не будет ли господин пилот столь любезен объяснить мне, почему это происходит, и, если это не ошибка, то какие причины побуждают авиакомпанию «Эйразия» превращать банальный рейс в чуть ли не кругосветное путешествие?

Парень в ответ излагает своими словами рекламный буклет о компании «Эйразия», нахваливает самолет, рекомендует воспользоваться всеми удобствами и льготами, а по сути дела не высказывается.

Поднажала на него — короче, раскололся мой командир и выложил мне такую альгамбру, что, если б я не сидел, то сел бы. Никакой он не пилот, он, как он выразился, «кустос», «сюрвейян», самолетом не управляет, управлять не может и даже не умеет. Он студент восточной филологии в Сорбонне и вот решил подработать, потому что здесь хорошо платят и много свободного времени. Самолетом управляет компьютер не то из Мюнхена, не то из Мадрида, он точно не знает, но всё абсолютно надежно, держать дорогой бортперсонал нерентабельно, делать ему совершенно нечего, одна дисквалификация. Поэтому персонала на самолетах нет, а есть только он один, «кустос», для представления перед пассажирами, их спокойствия и наблюдения за приборами. По приборам у него всё в порядке, мсье может убедиться — горят одни зеленые светлячки и ни одного красного, так что он ни к кому не обращался, никакой тревоги не испытывал и не испытывает, но, если мсье это так волнует, он свяжется с центром сию же минуту и выяснит, что и как. Он, конечно, знает, что мы летим в Бангкок — и то слава богу! — но, если мсье доктора не затруднит, пусть мсье объяснит ему, как и почему он пришел к выводу, что мы летим на запад, а не на восток, чтобы правильно выбрать вопрос, который следует задать центру.

— То есть как это выбрать?

«Кустос» мой вытаскивает здоровенную книжищу, в которой, оказывается, закодированы все возможные вопросы, которые он может задать центру управления полетами, поскольку этот центр — тоже компьютер и отвечает лишь на те вопросы, которые предусмотрены программой. Конечно, программой предусмотрены все вопросы, компания «Эйразия» и т.д. и т.п., но чтобы получить правильный ответ, надо задать правильный вопрос.

Я говорю, что объяснять долго. Может быть, оч

даст мне книгу, и я сам выберу вопрос. О, пожалуйста, пожалуйста, но, если всё же мсье доктору угодно, «кустос» очень интересуется, как же я ориентируюсь в полете, потому что, кто знает, может быть, это когда-нибудь ему и пригодится. Железный мужик!

— Конечно,— говорю.— С удовольствием.

И начинаю листать книгу.

Господи, чего только я не могу спросить! И какая погода в... и цены акций тысячи крупнейших фирм, и где в настоящий момент багаж такого-то пассажира и как перетолмачить на хинди и суахили с языка кечуа. Листаю я книгу, листаю, а время идет; судя по нашей скорости, мы уже Атлантику вот-вот перемахнем, и, пока я найду вопрос, нам всё равно будет, что вперед лететь, что назад поворачивать.

А «сюрвейян» сидит, такой уверенный, спокойный, что, чувствую, во мне даже сомнение зашевелилось. Может, действительно всё в порядке, всё так и надо, а я зря поднимаю переполох. Давит он на меня всей этой могучей системой, фолиантом вопросов, сотней зеленых светлячков на доске и тщательно продуманной невозможностью во всем этом в темпе разобраться.

— Скажите,— говорю,— а вот если надо очень срочно и вопроса не разыскать, можете вы связаться, только не с компьютером, а с живыми людьми, которые могут вам посоветовать, помочь?

Он глядит на меня с опаской, похоже, за психа меня считает, и прикидывает, не проще ли меня сгрести — и в изолятор.

— Могу, мсье,— говорит.— Если вам угодно, я могу связать вас с кем хотите, это входит в число услуг, оказываемых компанией «Эйразия» со скидкой двенадцать процентов против местного зонального тарифа. Пройдите по коридору, там есть кабина связи. Связь обеспечивается немедленно по предъявлении кредитного жетона.

Какой у меня к черту кредитный жетон!

— А вы сами,— говорю,— вы что, тоже этой кабиной пользуетесь в случае нужды?

— Конечно,— отвечает он.— Это очень удобно и дешево.

И тут вдруг я вижу в книге вопрос: «В каком направлении мы летим? — код 6 572 384 019».

— Вот,— говорю,— мсье. Вот.

Он глядит, кивает, набирает на диске код, и теле-
тайп мигом выдает ответ: «Ваш запрос принят. Ответ
в течение часа».

— Почему в течение часа?

— Потому что всё в порядке. Компьютер поставил
нас на часовое ожидание ответа, проанализировав си-
туацию самолета и убедившись, что ничего срочного
в моем запросе нет. Это еще раз доказывает, что всё
в порядке, мсье. Вы не волнуйтесь, мсье. Уверяю вас,
всё обстоит благополучно. Компания «Эйразия»...

Я прикинул. Через час мы уже пролетим Калифор-
нию. В конце концов даже интересно. Черт, думаю,
с ним!

А мой, не знаю, как лучше сказать,— флот или
пилот так это плотоядно смотрит на меня и вдруг
вопрошает:

— Извините, мсье, за любопытство, Тшебоксар это
в России, да?

— Да,— говорю.

— Мсье, я слышал, в России все играют в шахма-
ты. Мсье не откажется в ожидании ответа сыграть со
мной маленький матч: три пятиминутных партий?
Извините, мсье, это мое маленькое увлечение. Я кол-
лекционирую блиц-турниры с гражданами экзоти-
ческих городов.

Это наши-то Чебоксары экзотика! Впрочем, для
француза оно, может быть, как для меня какой-ни-
будь Лимож.

— Я,— говорит,— играл блиц-турнир даже с
одним ученым с лунной станции «Коперник». Это гор-
дость моей коллекции. Вот моя картотека, если вас
интересует. Я очень плохо играю в шахматы, так что
мсье может не опасаться проигрыша. Видите, я играл
уже двадцать девять матчей и проиграл двадцать
семь. А два свел вничью: с господином с острова Сан-
торин и с господином из Куйябы. Это в Бразилии.

«Ах, ты,— думаю,— хомо сапиенс замедленного
действия с часовым ожиданием. Бог с тобой, хоть вре-
мя пройдет».

— Извольте,— говорю.— Но я игрок не из силь-
ных, так что можете рассчитывать на победу.

— Ни в коем случае,— счастливо отвечает мой
«кустос».— Для меня важен сам факт игры.

Достает он шахматы, расставляет, пристраивает на
командирском пульте допотопные шахматные часы.

— Обратите внимание,— говорит.— Это сувенир. Я купил на аукционе. Этими часами пользовались господы Стейниц и Ласкер. Если позволите полюбопытствовать, вот у меня сертификат.

Я, конечно, понимаю, что он готов мне все три партии просадить исключительно из вежливости. «Не выйдет,— думаю,— голубчик».

Но в первой партии он сумел вывернуться, и пришлось мне черными выигрывать. Собрал я все силенки и вторую белыми ему с честью продул. Он, вижу, меня зауважал, и третью мы в сиянии улыбок по молчаливому согласию свели вничью.

Сияет мой «сюрвейян», преобразился, суетится, вызывает стюардессу, еще аперитив требует.

— А теперь,— говорит,— объясните же мне, мсье, как вы в полете определяете направление. Хотя я плохо разбираюсь в таких вещах, но знаю, что простой компас здесь не поможет, потому что здесь много электричества и самолет сделан из такого металла, который ему мешает. Мне об этом говорил один специалист.

— Да очень просто,— говорю.— Во-первых, по положению солнца, а во-вторых, извольте посмотреть в окно. Насколько я понимаю, в географии мсье разбирается и без труда определит, что мы пролетаем над Калифорнийским полуостровом.

Мой «сюрвейян» как-то даже остолбенел, посмотрел в окно, похлопал очами, вижу, скулы у него заходили, разворачивается он на кресле, вызывает стюардессу по телефону, что-то быстро ей говорит и начинает лихорадочно с кем-то связываться, передавать, принимать, не пользуясь, между прочим, никакой кабиной в коридоре.

— Извините,— говорит,— мсье доктор. Одну минуту.

«Ага,— думаю.— Проняло».

— Что вы, что вы! — говорю.— Извольте, пожалуйста.

И люблюсь Калифорнией, как она отплывает под нами в синюю даль.

Вдруг встает мсье командир передо мной навытяжку и объявляет:

— Мсье доктор, от имени компании «Эйразия» приношу вам глубокие извинения за причиненное беспокойство. В возмещение причиненного ущерба

компания «Эйразия» просит вас согласиться на бесплатный перелет любым самолетом в любом избранном вами направлении и в любое избранное вами время. Компания надеется, что этот маленький инцидент изгладится из вашей памяти и не станет, по крайней мере в ближайшее время, достоянием широкой гласности.

Тут уж я столбенею. Как же это так?

— Извольте,— говорю.— Со своей стороны я никаких претензий не имею, но не всё от меня зависит. Опоздание самолета чуть ли не на восемь часов будет замечено не только мной, не только всеми пассажирами, но и вашими конкурентами. Я могу лишь лично обязаться не причинять компании излишних неприятностей, но...

— О, нет, мсье,— говорит сюрвейян.— Об опоздании не может быть и речи. Мы прибываем вовремя, и, видимо, никто, кроме вас, не заметил, что мы показываем не тот фильм.

— Какой фильм?

— В окнах.

— В окнах?

В конце концов мы разобрались. В хорошенькую историю я влип! Оказывается, никаких окон у «Стар-мастера» нет. На этом самолет имеет лишних сто километров в час скорости. Но при пробных полетах выяснилось, что пассажиры в закрытом салоне испытывают неприятные эмоции, и тогда решено было сделать в салоне фальшокна-телевизоры и показывать по ним объемный фильм о данном рейсе, снятый с высоты двенадцати тысяч метров в реальном масштабе времени. Тем более что самолет идет на тридцати пяти, откуда вид в окнах, как показали опыты, не доставляет пассажирам максимального эстетического удовлетворения, а лишь вызывает, особенно у пожилых людей, ощущение внутренней тревоги.

Запуск фильма производит стюардесса, опять же по кодовым номерам. Она и запустила, да не тот. Угостила нас фильмом «Рим — Гонолулу» вместо фильма «Рим — Бангкок», за что получит соответствующее взыскание. А мы через пятнадцать минут приземлимся в аэропорту назначения.

Господи, какая чепуха!

— Простите,— говорю,— мсье капитан, а нельзя ли обойтись без взыскания? Жаль девушку, а, в сущ-

ности, ведь это мелочь. Никакого ущерба мне не было причинено. Наоборот, я как бы вместо одного рейса совершил два, за что крайне признателен компании «Эйразия». И считаю, что таким образом использовал свое право на бесплатный полет.

Мой «кустос» кивает головой.

— Слова господина доктора будут должным образом доведены до сведения руководства полетами. А теперь, извините, мсье, я должен подготовиться к посадке.

Вот, собственно, и вся история. Сели мы через десять минут. В окнах у нас аэропорт был виден как на ладони. Только гонолульский — не прерывать же было фильма под конец.

Да! Самое смешное! В первый день конгресса, когда мы вернулись в гостиницу, портье вручил мне послание компании «Эйразия», естественно, на пяти языках. Я его до сих пор храню. Вот полюбуйтесь: «На посланный Вами запрос был получен ответ: «Ваш самолет летит рейсом Рим — Бангкок и в момент получения запроса пересекал малабарское побережье. Искренне опечалены невозможностью вручить Вам ответ лично на борту самолета ввиду своевременного окончания рейса. Ваше пожелание о снисходительности к персоналу будет учтено при дисциплинарном разборе дела в первую очередь. С глубочайшими извинениями и уважением. Вице-президент Нагхатта Джемур».

Сервис так сервис!

СОДЕРЖАНИЕ

*Вступительная статья Е. Брандиса и
В. Дмитриевского*

3

Сергей Снегов
ЛЮДИ КАК БОГИ

Роман

Третья книга. КОЛЬЦО ОБРАТНОГО ВРЕМЕНИ

Часть первая. Мученики звездной дисгармонии

11

Часть вторая. Гибнущие миры

51

Часть третья. Разорванная связь времен

120

Часть четвертая. Погоня за собственной тенью

188

Илья Варшавский
ИНСПЕКТОР ОТДЕЛА ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

Повесть

271

Ольга Ларионова
ВЕРНИСЬ ЗА СВОИМ СТОРОМ

Рассказ

328

Вадим Шефнер
КУРФЮРСТ КУРЛЯНДИИ

Рассказ

348

Борис Никольский

«НАЕЗДНИК»

Рассказ

370

Дмитрий Романовский

ЧЕСТЬ ИМЕЮ ПРЕДСТАВИТЬ — АННА КАРЕННИНА

Повесть

379

Александр Хлебников

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Рассказ

450

Галина Панизовская

ВЫХОД ИЗ ОДИНОЧЕСТВА

Повесть

460

Александр Шалимов

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

Рассказ

561

Феликс Суркин

СЕРДЦЕ ПЛАТО

Рассказ

589

Андрей Балабуха

ПОГРАНИЧНИК

Рассказ

599

Леонид Агеев

АНЮТА

Рассказ из 2075 года

610

Александр Щербаков

СЕРВИС

Рассказ

628

**КОЛЬЦО
ОБРАТНОГО
ВРЕМЕНИ**

Сборник фантастики

Составители:

Евгений Павлович Брандис и Владимир Иванович Дмитриевский

Редактор Н. А. Чечулина. Художник Н. И. Кузнецов. Художественный редактор И. З. Семенов. Технический редактор В. И. Демьяненко. Корректор Л. В. Берендюкова.

Сдано в набор 20/IV 1976 г. Подписано к печати 3/1 1977 г. М-19300. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Усл. печ. л. 33,60. Уч.-изд. л. 34,55. Тираж 100 000 экз. Заказ № 601. Цена 2 р. 36 к.

Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени
типография им. Володарского Лениздата,
191023, Ленинград, Фонтанка, 57

2266

**КОЛЬЦО
ОБРАТНОГО
ВРЕМЕНИ**

**КОЛЬЦО
ОБРАТНОГО
ВРЕМЕНИ**

The book cover features a vibrant yellow background with a dense, chaotic pattern of black, hand-drawn lines. These lines radiate from various points, creating a sense of intense motion and energy. In the upper right quadrant, a dark, circular emblem is prominently displayed. Inside this emblem, the title 'КОЛЬЦО ОБРАТНОГО ВРЕМЕНИ' is written in a bold, white, serif typeface. Below the emblem, a dark, stylized silhouette of a figure is depicted in a dynamic, almost falling or leaping pose, further contributing to the overall sense of action and time-related themes.